

Министерство науки и высшего образования РФ
Институт российской истории РАН
Совет молодых ученых ИРИ РАН

Международная научно-практическая
школа-конференция молодых ученых (11–14 октября 2021 г.)

История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды

Сборник статей

Москва
2021

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И90

Ответственные редакторы:
Ю.А. Петров, О.А. Плех

Редакционная коллегия:
С.В. Журавлев, В.Н. Захаров, Д.Б. Павлов, Ю.И. Дин, С.П. Ким,
В.Н. Круглов, Е.Ю. Начарова, В.В. Тихонов, Ю.С. Филина

*Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды [Текст]: сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (11–14 октября 2021 г.) / Отв. ред.: Ю.А. Петров, О.А. Плех; Министерство науки и высшего образования РФ; Институт российской истории РАН; Совет молодых ученых ИРИ РАН. – М.: Институт российской истории РАН, 2021. – 582 с.

ISBN 978-5-8055-0399-4

Сборник содержит материалы Международной школы-конференции молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды», состоявшейся 11–14 октября 2021 г. В него вошли статьи, подготовленные участниками конференции. Исследования посвящены широкому кругу вопросов отечественной истории начиная с Древней Руси и заканчивая современностью. Авторы затрагивают сюжеты политической, социальной, военной истории, истории государственных учреждений, церкви, экономики, медицины, науки, внешней политики и многие другие.

ISBN 978-5-8055-0399-4

© Институт российской истории РАН, 2021
© Коллектив авторов, 2021

Содержание

I. История России до начала XX в.9

А.А. Бондаренко. Служилые люди-эмигранты в конструкциях
родовой памяти (на примере рода Образцовых)10

В.Д. Жуков. Выкуп пленных на валуйской размене в 1657 г.19

М.Р. Яфарова. Юрий Хмельницкий и обстановка в Поднепровье
в начале 1679 г.28

Ю.А. Чупрына. Конструирование образа царя Алексея Михайловича
(на основе книжных гравюр типографии Киево-Печерской Лавры)37

И.А. Устинова. «Неистовое дело»: бесчестье архиерея и наказание
за него в России в конце XVII в.43

М.А. Киселев. Проблема судебных полномочий представителей
Берг-Мануфактур-коллегии на Урале и государственная деятельность
В.Н. Татищева в 1721 г.49

М.Т. Накишова. Деятельность петербургского коменданта
Я.Х. Бахмеотова: строительство постоянных дворов (1722–1725 гг.)57

Г.А. Кокорина. Память об исторической родине в мемуарах
иностранцев первой половины XVIII в.66

Д.А. Сосницкий. Историческая живопись в России второй
половины XVIII в. как инструмент конструирования представлений
о прошлом71

М.А. Белан. Феномен временной военной службы: добровольцы
городов Санкт-Петербургской губернии на Русско-шведской войне
1788–1790 гг.80

О.В. Ларюшкин. Московские купцы иностранного происхождения
и их благотворительная деятельность (конец XVIII – середина
XIX в.)86

О.К. Ермакова. Люди и территория: восприятие европейскими
учеными горнозаводского Урала XIX в.94

О.А. Плех. Правовое регулирование поступления на гражданскую
службу в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.:
к вопросу об источниках рекрутирования кадров в провинции103

<i>В.В. Ткаченко.</i> Костюмированный бал 1849 г.: репрезентация истории и пространства Российской империи в церемониальной культуре	131
<i>Ю.В. Кейко.</i> Приговоры сельских сходов как источник по истории православного храмового строительства в Беларуси (1860–1890-е гг.)	139
<i>А.В. Филлимонов.</i> Губернатор как организатор государственно-общественного диалога: социокультурная деятельность М.Н. Галкина-Враского в Саратовской губернии	147
<i>В.А. Болтрукевич.</i> Полемика среди представителей военно-морских кругов России о возможности восстановления каперства как средства войны на море (конец 1870-х гг.)	155
<i>С.С. Сингх.</i> Участие судового священника в обучении нижних чинов флота грамоте в конце XIX в. в восприятии иерея И. Дьяконова	164
<i>С.А. Иконников.</i> Характерные недостатки синодальной системы управления Церковью (на материалах центрально-черноземных губерний России второй половины XIX – начала XX в.)	171
<i>Тимм Шенфельдер.</i> История охоты с точки зрения Human-Animal Studies	178
<i>Чжан Юйсинь.</i> Изучение научного наследия российских историков XVIII–XIX вв. китайскими учеными	184
<i>И.В. Печенин.</i> География дореволюционной еврейской прессы	193
<i>А.Е. Власов.</i> К вопросу об обеспечении охраны транспортировки денежных средств и сотрудников биржевой артели фон Мекка в 1906–1907 гг.	201
II. Отечественная история XX – начала XXI в.	209
<i>С.А. Лиманова.</i> «По всей России поднимается Красное Знамя Революции». Трансформация памяти в символике новой власти на страницах газеты «Правда» в 1917–1918 гг.	210
<i>М.С. Кулагин.</i> Механизмы конструирования памяти об Октябрьской революции в СССР: по материалам Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (1920–1929 гг.)	218
<i>Т.И. Морозова.</i> Регулирование социального состава РКП(б)–ВКП(б) в условиях НЭПа: альтернативы, методы, результаты	227

<i>А.В. Чеботарева.</i> Повседневность партийно-советских кадров Донецкой губернии (1921–1925 гг.)	241
<i>В.А. Маркова.</i> Карельская трудовая коммуна как форпост мировой революции: мечты и реальность	249
<i>Д.А. Панов.</i> Поиск «рыбной столицы» Европейского Севера России (1920–1925 гг.): региональное противостояние и «невмешательство» центра	257
<i>С.В. Артемова.</i> Коллективная идентичность и идея свободной личности: российское литературное зарубежье на пути к коммеморации	264
<i>Н.В. Кияшко.</i> Процесс «Кубанской тихоновщины»: новый взгляд на дело епископа Ейского Евсевия (Рождественского)	273
<i>В.В. Слискова.</i> «Новые чудеса биологии»: о биомедицинских экспериментах в популярной периодике 1920-х гг.	282
<i>В.Н. Сергеев.</i> «Исключить из штата ввиду отказа выехать в область»: практика увольнения научно-медицинских работников по инициативе работодателя в 1930-е гг. (по материалам Института имени В.А. Обуха)	290
<i>А.В. Филинов.</i> Поездка К.Е. Ворошилова на Дальний Восток в 1931 г.: инструмент контроля над ситуацией в регионе или «предчувствие» маньчжурского кризиса?	297
<i>Е.В. Каменская.</i> От «сумасшедшего необольшевика» до «террориста-белогвардейца»: дело П. Горгулова 1932 г. в советской печати	305
<i>В.В. Акимченков.</i> Интеллектуальный ландшафт и социальная структура научного сообщества Крымской АССР в начале 1930-х гг.: проблемы, дискуссии и опыт современного изучения	315
<i>Ю.А. Соколов.</i> С.М. Киров и память о партийной оппозиции и «врагах народа» в 1930-е гг. (по материалам фонда С.М. Кирова Государственного музея истории Санкт-Петербурга)	324
<i>М.Г. Гаргяню.</i> «Советизация» образа Петра I в русской исторической памяти 1930-х гг.: к историографии проблемы	332
<i>Ф.И. Уланов.</i> 125-летний и 130-летний юбилеи Отечественной войны 1812 г. в социополитическом контексте эпохи	341
<i>Там Хок Чу.</i> Англо-советская дипломатическая борьба в контексте «прибалтийского вопроса» в 1939 г.	350

<i>Джорджия Римонди.</i> Оценка войны в художественных произведениях А.Ф. Лосева	357
<i>С.Г. Белоус.</i> Человек на войне: устные свидетельства казахстанцев	362
<i>Ю.С. Филина.</i> «У нас не в почете регистрация бед и трагедий, и мы запоминаем только трагедии, пахнувшие “оптимизмом”»: тыловая повседневность в эго-документах Ю.Г. Араповой	371
<i>С.В. Кулинок.</i> Документальные источники Национального архива Республики Беларусь и Российского государственного архива социально-политической истории о деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на оккупированной территории СССР в 1941–1944 гг.	380
<i>А.А. Сальников.</i> Группа НИЗАП на защите московского неба в 1941–1942 гг.	387
<i>А.С. Мартынов.</i> Основные формы украинского военного коллаборационизма в г. Сталино (Донецке) в период германской оккупации (1941–1943 гг.)	395
<i>И.А. Кулаков.</i> Преступления нацистских оккупантов против детей и подростков на территории Псковской области (1941–1944 гг.)	405
<i>Ф.В. Копылов.</i> Функционирование системы эвакуогоспиталей для военнослужащих Красной Армии в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы	413
<i>П.В. Улизко.</i> Основные направления формирования образа врага средствами художественной культуры в Красной армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).....	422
<i>С.В. Решетников.</i> Русские эмигранты в движении Соппротивления в Бельгии в 1944 г. Письмо Г.П. Ключева об участии в борьбе с нацизмом	430
<i>О.Г. Казак.</i> Присоединение Закарпатья к Советскому Союзу: от освобождения региона Красной Армией до подписания советско-чехословацкого договора (октябрь 1944 – июнь 1945 г.)	436
<i>С.Ю. Козлова.</i> Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне на примере проектов «Настроение – Победа!» и «Ярославль – Город трудовой доблести» Музея истории города Ярославля	444

<i>С.П. Ким.</i> Организация, состав и динамика численности оздоровительных команд японских военнопленных в СССР (1945–1950 гг.)	452
<i>Риса Мория.</i> Творческая деятельность японских военнопленных в Сибири (1945–1956 гг.)	466
<i>Е.Ю. Начарова.</i> Советские специалисты в Северной Корее (1945–1953 гг.)	477
<i>Чжуан Шици.</i> Сентябрьский пленум ЦК КПСС (1953 г.) и перехват Н.С. Хрущевым политической инициативы	486
<i>Т.А. Фролова.</i> Н.А. Сидорова: элементы конструирования образа в памяти корпорации	489
<i>О.В. Метель.</i> Конструирование памяти корпорации советских историков в 1960–1980-х гг.: Н.М. Лукин и возвращение имен «забытых» исследователей	495
<i>В.С. Батченко.</i> Начало пропаганды первого полета человека в космос и формирование образа героя-космонавта в советской историографии	503
<i>В.Н. Круглов.</i> «Мясо – несбыточная мечта»: данные статистики и свидетельства современников о производстве и потреблении мясной продукции в СССР (1965–1985 гг.)	510
<i>Р.Ю. Червяков.</i> «Белые руки и грязные трюки»: советская карикатура о политике апартеида в ЮАР и Родезии (1977–1985 гг.)	531
<i>П.С. Гребенюк.</i> Истоки и историческая динамика образа «Территории»: отражение истории Северо-Востока России в произведении О. Куваева	541
<i>М.Д. Пищул.</i> «О бесплодной смоковнице»: институциональный провал этнической политики СССР на примере создания Госкомнаца СССР и Госкомнаца РСФСР	550
<i>Р.Г. Кирсанов.</i> Банковские кризисы в России в середине 1990-х гг.	558
<i>В.И. Вовк.</i> Контент-туризм как способ сохранения культурно-исторической памяти (на примере литературного туризма Кузбасса)	567
<i>И.А. Зорин, Маркус Брандштеттер, Беттина Хайзе.</i> Методы неразрушающего анализа историко-культурного наследия	575

I. История России до начала XX в.

УДК 929.5+930.2

А.А. Бондаренко¹

Служилые люди-эмигранты в конструкциях родовой памяти (на примере рода Образцовых)

Аннотация. Выезды русских князей и служилых людей в Литву – масштабное, но по-прежнему малоизученное явление социально-политической истории XV–XVI вв. Глухие упоминания родословных росписей об отъезде и бездетной кончине служилого человека порой являются единственным известным источником сведений о жизни москвитя-эмигранта. Данные о его потомстве не включались в конструкции семейно-родовой памяти по неведению или в силу определенных идеологических установок, однако обращение к активным источникам позволяет существенно пополнить объем знаний о дальнейшей судьбе того или иного беглеца. В статье реконструируется биография одного из потомков Андрея Кобылы – выехавшего в Литву в середине 1500-х гг. Бориса Игнатъевича Образцова; намечаются пути восстановления сведений об обстоятельствах построения карьеры, складывания владений, брачно-семейных связях его сына Льва Образцова-Гощевского, который по линии своего деда С.А. Чарторыйского приходился прямым потомком великому князю литовскому Гедимину и Ивану II.

Ключевые слова: родовая память; родословные росписи; потомство Андрея Кобылы; Образцовы; служилые люди; Велико княжество Литовское.

Service class emigrants in ancestral memory patterns (example of the Obraztsov clan)

Abstract. The emigration of Russian princes and service class people to Lithuania is a grand-scale but still poorly studied phenomenon of the sociopolitical history of the XV–XVI centuries. Sporadic references in the genealogical records about the departure and childless decease of a service man are at times the only known source of information about the Muscovite emigrant's life. Data about his offsprings were not included in the ancestral memory patterns either through ignorance or by virtue of certain ideological attitudes, however the resort to record sources enables to replenish substantially the scope of knowledge about the afterlife of any runaway. The biography of Boris Ignatievich Obraztsov – one of Andrei Kobyla's descendants, who emigrated to Lithuania in the mid-1500s – is reconstructed in this article. The ways to restore information on his career building, possessions formation and also marriage-and-family connections of his son

¹ Андрей Андреевич Бондаренко – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра источниковедения истории России Института российской истории РАН (Москва, Россия), e-mail: bondarenko-a.a@mail.ru.

Andrey A. Bondarenko – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Center of Source Studies of Russian History, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Lev Obraztsov-Goshchevsky who was on the side of his grandfather S.A. Chartoryisky a direct descent from Grand Duke of Lithuania Gediminas and Ivan II are also being outlined in this paper.

Keywords: ancestral memory; genealogical records; Andrei Kobyla's descendants; the Obraztsovs; service class; Grand Duchy of Lithuania.

Вопрос о степени полноты и достоверности информации, содержащейся в родословных книгах и росписях XVI–XVII вв., ставился еще в классических работах С.Б. Веселовского, А.А. Зимина, М.Е. Бычковой. Эта проблема во многом касается отрывочных известий о выездах князей и служилых людей из русских земель в Великое княжество Литовское, в XV–XVI вв. являвшееся главным пристанищем политических эмигрантов и беглецов, «авантюристов» и охотников за удачей. Если обстоятельства отъезда и дальнейшие биографии представителей княжеских фамилий давно известны в историографии и в некоторых случаях обстоятельно изучены, то актуальность задачи реконструкции судеб эмигрантов более низкого ранга – выходцев из корпораций удельного боярства, великокняжеских служилых людей – была отрефлексирана исследователями только в последние десятилетия. Подобные выезды были масштабным социально-политическим и социокультурным явлением, имевшим вполне ощутимые последствия для Московской Руси и Литвы. На передний план выходят вопросы, связанные с изучением способов подтверждения эмигрантами своего происхождения для получения на новом месте службы соизмеримого социального статуса и материального положения; изучением моделей адаптации и дальнейшей ассимиляции московских выходцев в шляхетском сословии, вариантов построения карьеры, выстраивания брачно-семейных и поземельных отношений в новой для себя среде.

Наряду с этим очевидна актуальность изучения опыта конструирования родовой памяти, репрезентации истории своего рода потомками тех, кто в свое время в силу различных причин сменил отечество. Сознательно или невольно в родословных росписях умалчивались либо искажались сведения о «нежелательных» родичах – изменниках, упоминания которых могли испортить репутацию бесспорно служившего московскому престолу рода. Известные примеры успешной адаптации эмигрантов игнорировались, и выехавшие за рубеж служилые люди в своем большинстве значились в росписях умершими в Литве без потомства. Привлечение актовых источников (в первую очередь, документов Литовской метрики) в ряде случаев позволяет убедительно опровергнуть показания русских родословцев о бездетной кончине представителей служилого сословия, связавших свою жизнь с Великим княжеством Литовским.

Среди тех, кто в первой половине XVI в. перешел на литовскую службу, были потомки Андрея Кобылы – по замечанию А.А. Зимина, «родона-

чальника одной из самых могущественных старомосковских фамилий» [10, с. 175], от которого, согласно родословным росписям, вели происхождение Романовы, Кошкины, Захарьины, Шереметевы, Кольчевы, Кокоревы, Образцовы и некоторые другие дворянские семьи. Биографии Ивана Васильевича Ляцкого-Захарьина и его сына Ивана, бежавших в Литву в 1534 г. с князем С.Ф. Бельским, в общих чертах восстановлены (см., например: [9; 11, с. 162–163]), чего нельзя сказать об их дальних родственниках Образцовых, не сделавших столь же заметной карьеры ни на службе при московском великокняжеском дворе, ни в уделах, ни в Великом княжестве Литовском. Речь идет о Борисе Игнатъевиче Образцове, потомке Андрея Кобылы в пятом колене, и его сыне Льве Борисовиче.

Отдельные документы, характеризующие их социальное, экономическое, семейное положение в Литве, были опубликованы еще в дореволюционный период, однако попытки обобщить имеющиеся сведения и идентифицировать литовских «дворян» Образцовых в качестве потомков Андрея Кобылы не предпринимались. В середине XIX в. об Образцовых бегло упомянул граф Константин Тышкевич [36, с. 220]. В трудах Адама Бонецкого и Юзефа Вольфа отец и сын Образцовы также упомянуты лишь вскользь в контексте их матримониальных связей: первый был женат на княжне Чарторыйской, а второй сначала на дочери князя И.В. Козеки, затем – на дочери князя С.Б. Одинцевича [27, с. 152, 214; 38, с. 22, 181, 283]¹. Те же сведения о брачных связях Бориса Игнатъевича и Льва Борисовича приводятся в работах Л.В. Войтовича [7, с. 298, 635]. А.В. Казаков обратил внимание на вероятность «русского» происхождения родового прозвания Льва Образцова, однако дальнейшего развития эта мысль в его диссертационном исследовании не получила [12, с. 104]. На этом краткий перечень упоминаний о литовской биографии Образцовых в историографии исчерпывается.

Борис Образцов был одним из четырех сыновей Игнатия Борисовича Образца-Синего, бывшего «в Колуге на поместьях», служившего удельному князю углицкому Андрею Васильевичу Большому (1446–1493)², а затем Ивану III. Согласно родословным росписям, род Образца-Синего продолжился только через его сына Романа, дети которого, Иван и Федор, служили князю Владимиру Андреевичу Старицкому, а Григорий и Семен были записаны в Тысячной книге по Можайску [6, с. 143; 10, с. 175; 18, с. 100, 102].

Древнейшие редакции родословных книг, Летописная и Румянцевская, не содержат известий об отъезде Бориса Игнатъевича Образцова

¹ В генеалогической таблице, приложенной к описанию материалов по истории шляхетского и графского рода Тышкевичей, Лев Образцов ошибочно показан мужем своей матери [37, tablica II. Linia Tyszkiewiczów na Łohoysku i Berdyczowie].

² О службе Образца-Синего в Углицком уделе упоминают родословные росписи; из актовых источников, датированных промежутком 1482–1490 гг., следует, что в это время он находился при дворе князей Кемских в Белозерье [4, с. 177].

в Литву. Указание на его побег появляется в росписях потомства Андрея Кобылы, поданных в Палату родословных дел в конце XVII в. К тому времени род Образцовых извелся, и их родословная была передана в Разряд в составе росписи их родичей Кокоревых: «У 2 Борисова сына Андрея Кокоря у меньшого брата, у Игнатъя Образца, дети: Федор, бездетен, да Борис, сбежал в Литву, да Роман, да Иван Глухой... А ныне по росписи Кокоревых вышеписанных Образцовы дети Борис да Иван Глухой были бездетны» [18, с. 102].

Источники не сохранили сведений о службе Бориса Игнатьевича великому князю московскому или русским удельным князьям; датировать и убедительно связать его выезд в Литву с каким-то конкретным событием – личной опалой или опалой его возможного сюзерена, «удобным случаем», которым он мог воспользоваться во время одного из русско-литовских конфликтов начала XVI в., – на первый взгляд, проблематично. Быть может, не сумев добиться сколь-либо значимого положения на прежнем месте службы, он, как и многие его современники, предпочел искать лучшей доли при дворе великого князя литовского. Знатность происхождения Бориса Образцова и высокое положение его отца в войске Ивана III¹ были оценены в Литве по достоинству, что позволило ему стать землевладельцем и породниться с домом князей Чарторыйских.

Повествуя о набеге крымских татар на Великое княжество Литовское 1505 г., во время которого был сожжен принадлежавший князю Семену Александровичу Чарторыйскому Логойск, уведены в плен его «дети» и утрачены имущественные документы, граф Константин Тышкевич указывал, что у князя Чарторыйского остались две дочери, вышедшие замуж после («rotem oddane za małż») получения им в 1508 г. великокняжеской подтверждающей грамоты на владение Логойском. Одна из дочерей князя, княжна Александра Семеновна, стала женой Бориса Игнатьевича Образцова. К 1514 г. она уже овдовела и жила в Логойске с «малолетним сыном Львом» при своей тетке княгине Авдотье Можайской-Стародубской (родной сестре князя С.А. Чарторыйского, вдове князя Андрея Ивановича – правнука Дмитрия Донского) [36, с. 220]. Граф Тышкевич ссылался на документы родового архива Тышкевичей («Archiwum Łohojskie»); позднее приведенная им информация была заимствована Юзефом Вольфом. В недатированном документе, находящемся среди актов 1514–1516 гг., упоминаются люди «з Гошова панее Борисовое Образцовое» [25, Книга первая судебных дел (1510–1517), № 62, стб. 77] – косвенное указание на факт само-

¹ Опала Андрея Васильевича Большого, умершего в заточении в 1493 г., не сказалась на карьере Игнатия Образца-Синего. В 1500–1503 гг. он назначался воеводой сторожевого полка и в этом статусе был под Казанью, участвовал в походах в «ливонские немцы» и «литовскую землю» [16, с. 59, 66, 68, 73, 74, 75].

стоятельного владения именем Гошево подтверждает вдовство Александры Семеновны в это время. К 1517 г. она повторно вышла замуж [8, с. 681; 38, s. 22]. Ее супругом стал будущий граф «на Логойске и Бердичеве» Василий Тышкевич, в дальнейшем последовательно собиравший в собственность земли своего тестя князя Семена Чарторыйского.

Прямые земельные пожалования литовских правителей Борису Образцову не выявлены, однако ретроспективные сведения документов Литовской метрики дают представление о составе его личных владений и тех имений, которые впоследствии принадлежали его вдове и сыну¹. В прошлом этими землями распоряжались князья Глинские и последний великий князь тверской Михаил Борисович.

Борис Игнатьевич получил от Сигизмунда I Старого «дворец» Вейсеи в Перевальском повете вместе с Вейсейским озером, сеножатью Жмиркли и дополнительно приданными к дворцу 20-ю «службами» тяглых людей. В 1516 г. великокняжескому писарю Копоту Васильевичу взамен имения Слонимского повета Гошево «на веки вечныи» были пожалованы Вейсеи, «которое ж именье... зрадца наш князь Иван Глинский, а потом Борыс Образцов и з жоною своею мели», и сеножать Жмиркли, которую «зрадца господарский князь Иван Глинский кошивал к Вейсеям, а по нем Борис Образцов» [31, № 540, р. 299; 32, № 375–376, р. 616–618, № 378, р. 619–620]. В подтвердительной грамоте на Вейсеи, выданной Копоту Васильевичу в 1530 г., были вновь названы прежние владельцы этого имения [34, № 7, р. 75–77].

Князь Иван Львович Мамай Глинский стал владельцем дворца Вейсеи до июля 1501 г., когда великий князь литовский Александр «на вечность» подтвердил его права на эту вотчину [2, № 448, с. 348–349]. Очевидно, Иван Львович оставался собственником этих земель вплоть до мятежа Глинских (1508 г.), после которого все литовские имения его родичей были конфискованы и вскоре розданы новым владельцам. Поскольку Борис Образцов получил вотчинные права на Вейсеи вслед за Иваном Львовичем, его отъезд в Литву можно связать с событиями Русско-литовской войны 1507–1508 гг.: в отличие от князей Глинских и их сторонников, отъехавших в Москву к Василию III, он избрал для себя путь в противоположном направлении.

В каждом из пожалований Вейсеи закреплялись за новым владельцем «вечно», «с людьми служебными и тяглыми», с правом сбора дани и большими угодьями, поэтому можно было бы ожидать, что после смерти Бориса Образцова имение будет подтверждено его вдове с тем, чтобы позднее перейти к их единственному сыну Льву. Однако уже в феврале 1509 г.

¹ Населенные пункты, о которых пойдет речь ниже, локализуются в Алитусском уезде Литвы (Вейсеи, Лишков) и Брестской области Белоруссии (Гошево, Белавичи, Лососная/Лососин).

подтвердительную грамоту на двор Лишков с дворцом Вейсеи получила княгиня Настасья Ивановна Слуцкая, причем предыдущим владельцем имения был назван не Иван Глинский, а его брат Михаил [25, Книга вторая судебных дел (1506–1523), № 77, стб. 630–631]. Права на Лишков и Вейсеи передавались княгине Слуцкой пожизненно («до живота ее»). Еще в 1524 г. она была жива [38, с. 331] – несмотря на это, в 1516 г. Вейсеи были переданы «дедичным правом» писарю Копоту Васильевичу, а Лишков назывался тогда двором великого князя.

Столь же запутана история владельческой принадлежности имения Гощево. Возможно, в первой четверти XVI в. у него было одновременно несколько владельцев, хотя позднее им единолично владел Лев Борисович Образцов, фигурирующий в нескольких документах с псевдофамилией Гошевский/Гошовский (о термине см.: [13, с. 226, п. 802]). Во время пребывания в Литве Михаила Борисовича Тверского принадлежавшие ему имения Слонимского повета Гощево, Лососная и Белавичи являлись единым землевладельческим комплексом. После его смерти двор Лососная был передан Василию Львовичу Глинскому, но Гощево и Белавичи изымались в пользу великого князя литовского: «А што есмо придали были кн(я)зю Михаилу Тферскому села Белавичи а Гощово, то есмо тыми разы привернули зася к Слониму, кн(я)зю Васил(ь)ю в то ся не надобе вступати» [33, № 559, р. 374–375]. В 1509 г. Сигизмунд I Старый отдал двор Лососную «со всеми селы» и с. Белавичи князю Семену Александровичу Чарторыйскому, а в 1510 г. подтвердил свое пожалование еще одной грамотой [3, № I-155, с. 228–229; 28, № 436, р. 324; 30, № 398, р. 87–88]. Как уже говорилось, в 1514/16 г. владелицей Гощева была названа вдова Бориса Образцова княжна Александра Семеновна, однако при этом, согласно великокняжеской грамоте от 22 февраля 1516 г., имение принадлежало Копоту Васильевичу и было обменено на Вейсеи.

Спустя десять лет Лососная, Белавичи и «Гошевичи» находились в совместном владении вдовы князя Семена Чарторыйского Ульяны, отчима Льва Образцова Василия Тышкевича и его брата Гаврилы Тышкевича. Подав жалобу Сигизмунду I Старому на нарушение границ их имения, они апеллировали к выданным С.А. Чарторыйскому великокняжеским грамотам 1509–1510 гг. Их жалоба была удовлетворена; впоследствии судебный лист Сигизмунда хранился у Льва Борисовича и в 1559 г. был предоставлен королевским ревизорам в качестве доказательства его прав «на имение свое Гощево». Тогда же с его слов было записано подробное описание границ этого имения [17, с. 205–206].

Частое перераспределение земельной собственности осложняет детальное изучение процесса складывания вотчин Бориса Образцова и его семьи, но не мешает прийти к выводу о занятии им вполне прочного положения в иерархии служилых землевладельцев Великого княжества Ли-

товского за недолгий срок пребывания в этом государстве. Большое количество сведений сохранилось о жизни родившегося между 1508 и 1514 гг. Льва Борисовича Образцова. Реконструкция его служебной деятельности, истории брачно-семейных и вполне типичных для Литвы середины XVI в. поземельных отношений требует введения в научный оборот новых источников и их дополнительного изучения. В этой работе уместно лишь кратко описать основные вехи его биографии.

Поскольку его дед С.А. Чарторыйский был сыном Александра Васильевича Чарторыйского и дочери Дмитрия Юрьевича Шемяки Марии Дмитриевны, нетрудно подсчитать, что прямыми предками Льва Борисовича в седьмом колене были великий князь литовский Гедимин и великий князь владимирский Иван Иванович Красный. Столь знатным происхождением, пусть и не способствовавшим построению яркой карьеры, не мог похвастаться ни один современник Льва Образцова из числа тех, кто выехал в Литву и не обладал княжеским титулом. Как уже говорилось, детские годы он провел в окружении своей двоюродной бабки княгини Авдотьи Можайской-Стародубской в родовом имении Чарторыйских Логойске. В дальнейшем Лев Борисович нес дворянскую службу великому князю литовскому, именуясь в документах «земянином» и «господарским дворянином». В 1542 г. он был участником судейской комиссии под руководством М.В. Ключко [29, № 123, р. 97]; в 1546 г. давал показания членам королевской комиссии по уточнению границ между Литвой и Польшей [5, № 81, с. 72, 75, 76]; в 1558 г. участвовал во встрече московского посла Р.В. Алферьева в Вильне [26, с. 546].

К середине 1540-х гг. Лев Образцов был женат на княжне Катерине Ивановне Козеке, брак с которой принес ему ряд имений на Волыни [14, с. 100, 108, 186]. Овдовев, женился на княжне Анне Семеновне Одинцевич и в середине 1550-х гг. оказался втянут в череду судебных процессов с ее первым супругом, князем Юрием Васильевичем Соломерецким [22, л. 286–286 об., 940; 23, л. 281–281 об.]. В 1540-е – 1550-е гг. вел несколько имущественных тяжб с князем Андреем Михайловичем Сангушковичем-Каширским [20, л. 94–95; 22, л. 152–155 об.; 35, № 74, р. 103, № 83, р. 108], Юрием Тваровским [19, л. 380] и Яном Викториним – урядником королевы Боны Сфорца, на земли которого Лев Борисович «з многими слугами и подданными своими» совершил несколько разбойных нападений [1, № 49, с. 30, № 199, с. 107–108, № 208, с. 111–112; 24, л. 143–145 об.]. Помимо недвижимости на Волыни и в Слонимском повете у Льва Образцова был собственный дом в Вильне «на Заречью» (современный район Ужупис) [21, л. 300–301].

Лев Борисович Образцов умер между маем 1560 – декабрем 1561 г. [1, № 242, с. 128; 24, л. 143]. Т.И. Пелипенко в недавно вышедшем исследовании ссылается на документ 1566 г., в котором упоминаются две его дочери, Анна и Елена [15, с. 165, прим. 482].

Пример успешной адаптации потомков Андрея Кобылы Образцовых в Литве является далеко не единичным. Нужно полагать, что случаи отъезда служилых людей (не только в составе княжеских дворов, но и частным порядком) были явлением еще более массовым, чем это представляется в историографии. Кроме того, следует поставить вопрос об идеологической, а не только социально-демографической наполненности формулы русских родословцев о бездетной кончине представителей служилого сословия, некогда пересекших московско-литовский рубеж. По каким-то причинам информации об их потомстве не находилось места в конструкциях родовой памяти, позднее составлявших их родичами.

Список источников и литературы

1. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. XXII. Акты Слонимского земского суда. Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1895. LXIV, 535 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России. Вып. 1: 6-я книга записей Литовской метрики. Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика. 1494–1506 гг. М.: Кучково поле, 2018. 704 с.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России. Вып. 2: 18-я и 32-я книги Литовской метрики: Метрика королевы Боны. М.: Кучково поле, 2018. 576 с.
4. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 727 с.
5. Археографическаий сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Т. I. Вильна: Печатня губ. правления, 1867. X, 409 с.
6. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 583 с.
7. *Войтович Л.[В.]* Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква: Видавць Олександр Пшонківський, 2006. 782 с.
8. *Грыцкевіч А.* Тышкевічы // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя у 2 тамах. Т. 2. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2007. С. 681–682.
9. *Ельницкий А.[Е.]* Ляцкий Иван Васильевич (Лятской) // Русский биографический словарь: Лабзина – Ляшенко. Т. X. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1910. С. 845–846.
10. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. 350 с.
11. *Казакоў А.У.* Лёсы маскоўскай знаці ў Вялікім княстве Літоўскім у першай палове XVI ст. // *Studia Historica Europae Orientalis*. Вып. 4. Мінск: РИВШ, 2011. С. 150–174.
12. *Казакоў А.У.* Эміграцыя знаці з рускіх княстваў у Вялікае княства Літоўскае (40-я гг. XV – 30-я гг. XVI ст.): дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2011. 137 с.
13. *Каишанов С.М.* Актовая археография. М.: Наука, 1998. 318 с.
14. Литовська метрика. Книга 561: Ревізії українських замків 1545 року. Київ: Б.в., 2005. 598 с.

15. *Пелипенко Т.И.* Положение шляхтянок в семье и обществе Великого княжества Литовского в XVI веке: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2019. 203 с.
16. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М.: Ин-т истории СССР, 1977. 188 с.
17. Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском. Вильна: Тип. Губ. правления, 1867. 381 с.
18. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих / [изд. Н.И. Новиков]. Ч. II. М.: Унив. тип., 1787. 453 с.
19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. 1. Кн. 237.
20. РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. 1. Кн. 244.
21. РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. 1. Кн. 246.
22. РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. 1. Кн. 247.
23. РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. 1. Кн. 250.
24. РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. 1. Кн. 255.
25. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археологическою комиссиею. Т. XX. Литовская метрика. Т. I. СПб.: Сенатская тип., 1903. VII, 1120 с.
26. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 59. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и Ко, 1887. 708 с.
27. *Boniecki A.* Poczet rodów w Wielkiem księstwie Litewskim w XV i XVI wieku. Warszawa: Druk. J. Bergera, 1887. XV, 425, XLIX s.
28. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 8 (1499–1514). Užrašymų knyga 8. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. 709 p.
29. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 225 (1528–1547). 6-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija). Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 1995. CXLX, 338 p.
30. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 1 (1380–1584). Užrašymų knyga 1. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998. 208 p.
31. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 9 (1511–1518). Užrašymų knyga 9. Vilnius: Žara, 2002. 615 p.
32. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 7 (1506–1539). Užrašymų knyga 7. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2011. XXX, 1012 p.
33. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Užrašymų knyga 5. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2012. 516 p.
34. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 17 (1530–1536). Užrašymų knyga 17. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2015. XLVI, 705 p.
35. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 29 (1546–1547). Užrašymų knyga 29. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2016. XXXII, 234 p.
36. *Tyszkiewicz K.* Wiadomość historyczna o zamkach, horodyszczach i okopiskach starożytnych na Litwie i Rusi Litewskiej // *Teka Wilenska*. T. IV. Wilno: Księgarza i Typografa Wileńskiego Naukowego Okręgu, 1858. S. 205–240.
37. *Tyszkiewicz M.* Materiały historyczno-genealogiczne do monografii domu Tyszkiewiczów. T. 1. Wieki XV i XVI. 1413–1599. Warszawa: Druk “Polaka-Katolika” i “Posiewu”, 1911. 23 s.
38. *Wolff J.* Książowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1895. XXV, 698 s.

УДК 94(47).047

*В.Д. Жуков*¹

Выкуп пленных на валуйской размене в 1657 г.²

Аннотация. В статье произведен анализ данных расходной «книги» на выкуп пленных на валуйской размене 1657 г. Приведены социальные категории выкупавшихся полоняников, имена некоторых из них, выкупные цены. Делается вывод об улучшении состояния оборонительной линии на юге России, вследствие чего служилые люди стали реже попадать в плен. Государство начало акцентировать свое внимание на выкупе других категорий населения, помимо служилых по отчеству и по прибору.

Ключевые слова: выкуп пленных; валуйская размена; оборона южной границы; Крымское ханство.

Redemption of captives on the Valuyskya exchange in 1657

Abstract. The article analyses the data expenditure “book” for the redemption of captives at the Valuyskaya exchange in 1657. The author ascertains social categories of the redeemed captives, their names and redemption prices for them. The conclusion is made about the improvement of the state of the defensive line in the south of Russia, due to which service people were less likely to be captured. The state begins to focus its attention on the ransom of other categories of the population, besides of military people.

Keywords: the redemption of captives; Valuyskaya exchange; the Steppes frontier; the Crimean Khanate.

Система государственного выкупа пленных – один из самых своеобразных институтов Московского государства – на сегодняшний день сравнительно мало изучена. В имеющихся исследованиях показано, что до середины XVI в. выкуп пленных из Крыма существовал в форме частной инициативы родственников, которые сами ездили в Крым, искали своих плененных сородичей и договаривались о выкупе с работоторговцами [25, с. 32]. Существовали и другие формы организации выкупа, прежде всего, на церковные и частные пожертвования [12, с. 86]. Однако с 1551 г. Московское государство взяло освобождение полоняников под свой контроль – на Стоглавом соборе был утвержден специальный налог («полоняничные деньги»), взимаемый со всего податного населения России³. Во второй по-

¹ Вечеслав Дмитриевич Жуков – ведущий специалист Российского государственного архива древних актов (Москва, Россия), e-mail: zhvd@list.ru.

Vecheslav D. Zhukov – Leading Specialist, Russian state archive of ancient documents (Moscow, Russia).

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00496.

³ Подробнее об эволюции полоняничного налога см.: [11].

ловине XVI – первой половине XVII в. система выкупа активно развивалась и достигла своего расцвета к середине XVII в., когда выкуп превратился в масштабную, постоянно функционирующую систему, в которой принимали участие все внутренние государственные ведомства (Посольский приказ, Разряд, финансовые приказы, дворцовые учреждения и церковь). Но, парадоксальным образом, именно этот период остается по сей день наименее изученным.

Одним из важнейших звеньев системы государственного выкупа являлась так называемая валуйская размена – встреча русских и крымских представителей близ приграничного г. Валуйки на р. Ураеве, где ежегодно производилась перемена приставов у посольств, а также выкуп и обмен пленным. В литературе проблема выкупа пленным представлена достаточно хорошо. Можно назвать работы М.Н. Бережкова [3], А.А. Новосельского [15], С.О. Шмидта [25], О.В. Скобелкина [22], С.А. Козлова [11], однако нет специальных работ, посвященных механизму выкупа из Крыма. Представляется, что рассмотрение каждого выкупа на валуйской размене и их сопоставление позволит пролить свет на организацию этого процесса.

В составе комплекса посольских книг по связям России с Крымом, сохранившемся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), удастся найти важнейшие документы, связанные с разменой того или иного года – «книги расходные на окуп полоняников». В них фиксировались имена «полоняников» и цены, за которые они выкупались; нередко в них можно встретить информацию о происхождении пленным (месте прежнего жительства и сословной принадлежности), месте, времени и обстоятельствах пленения, именах и национальности работоторговцев и т.д.

В одной из крымских посольских книг, охватывающей период с 1651 по 1657 г. [17], находятся сразу три расходные книги на выкуп пленным на валуйской размене. Первая относится к 1650–1651 гг., вторая – к 1655, третья – к 1657 г. Анализ первых двух книг представлен в моих публикациях [6]. В настоящей статье я рассматриваю самую позднюю книгу (1657 г.) [17, л. 375–403].

Международный контекст размен 1650-х гг. значительно отличался от существовавшего на десятилетие раньше. С началом Освободительной войны на Украине в московско-крымских отношениях установилось непрочное затишье. Этому способствовал ряд факторов. В начале 1650-х гг. московское правительство сосредоточило внимание на решении вопроса о присоединении Украины [2, с. 111; 23, с. 503], что привело к началу войны с Польшей в 1654 г. [20, с. 29]. По замечанию А.А. Новосельского, отношения с Украиной в то время были настолько насыщенными, «представлены таким грандиозным количеством материала», что русско-крымская проблематика на их фоне отошла на второй план [16, с. 13].

Отношения России, Украины и Крыма в этот период были сильно взаимосвязаны. По словам Г.А. Санина, «в годы Освободительной войны 1648–1654 гг. интенсивность набегов крымских татар на Россию резко упала. Отношения оставались довольно спокойными, если не считать типичных мелких набегов своевольных татарских мурз. Немалая заслуга в этом Хмельницкого, который сумел отвести от России удары своего тогдашнего союзника» [19, с. 46].

Относительная тишина на южных границах объясняется еще и тем, что Крым и Турцию раздирали внутренние политические неурядицы. В Порте весь период правления султана Мухаммеда IV, вплоть до 1657 г., продолжался административный хаос, во время которого сменилось 14 верховных везирей [21, с. 408]. В 1656 г. Венеция нанесла Турции тяжелое морское поражение при Дарданеллах, в результате чего пролив оказался заблокирован и Стамбул потерял возможность переправлять невольников в страны Средиземноморья для продажи. Крым, в свою очередь, испытывал серьезные экономические проблемы, обусловленные трудностями в сбыте награбленного полона (почти единственным рынком сбыта оставался Стамбул) [19, с. 193–194]. Перенасыщение Крыма невольниками создавало опасность их восстания [19, с. 195]. Кроме того, фактором, сдерживавшим военную активность татар, являлись походы калмыков на крымцев [24], голод и падеж скота в Крыму зимой 1656–1657 гг. [16, с. 29; 19, с. 196].

Как отметил Г.А. Санин, 1657 г. стал «заметным рубежом в развитии отношений России с Крымским ханством. Если до 1657 г. Россия и Украина придерживались в основном оборонительной тактики борьбы против набегов крымских татар, то в 1657 г. был предпринят первый крупный поход русских и украинских сил в пределы ханства, когда в устье Днепра и Буга было нанесено поражение хану. С этого года впервые в военных действиях татар (значительного масштаба) против России и Украины начинают принимать участие крупные силы, посланные турецким султаном. Борьба России и Украины все больше и больше начинает приобретать не только антикрымский, но и антиосманский в целом характер» [19, с. 4].

В этих условиях 30 сентября 1657 г. на валуйской размене был произведен выкуп и обмен пленных. С московской стороны его совершали окольный князь С.П. Львов и дьяк Г. Башмаков. Первый был опытным военным, большую часть жизни прослужившим на южном порубежье. В 1630–1631 гг. Львов состоял воеводой в Воронеже. В 1638 г. находился на береговой службе «для приходу крымских и нагайских людей». В 1646 г. был полковым воеводой в Белгороде, а в 1647 – в Ливнах. Пожалован в окольные в 1652 г., а после описываемых событий, в 1658 г., назначен

на службу в Севск. В 1659 г. принимал активное участие в битве под Конотопом, в ходе которой попал в плен, где и скончался [18, с. 788–789]. Его напарник, дьяк Башмаков, видимо, отвечал за финансовую сторону дела. С 1643 по 1649 г. он известен как подьячий Приказа Большого прихода, с 1656 – как подьячий Устюжской четверти. В 1657 г. стал дьяком с окладом в 65 руб. [5, с. 58]. С крымской стороны выкуп на Валуйках контролировал так называемый разменный князь. Долгое время эту должность занимали представители знатного крымского рода Сулешевых [4; 26, с. 135]. Итогом размены 1657 г. стало освобождение 85 человек, из которых 76 были выкуплены, 5 обменны и 4 являлись вольноотпущенниками.

Таблица 1

Социальный состав лиц, выкупленных из плена в 1657 г.

Социальная категория	Численность	
	чел.	%
Служилые по отечеству	12	14,5
Служилые по прибору	34	41
Крестьяне	25	30
Женщины	12	14,5
Всего	83	100

В таблице 1 представлен социальный состав лиц, выкупленных из плена в 1657 г. (удалось выявить сведения о 83 полоняниках из 85). Служилых по отечеству (дети боярские) насчитывалось 12 человек (14,5 %), из которых 10 были выкуплены; средняя цена выкупа составила 108 руб., максимальная – 120, минимальная – 90. Четыре пленника являлись уроженцами Рыльского уезда (Фока Тимофеев сын Волков, Василий Дмитриев сын Тетерин, Фрол Ефремов сын Дрюковцов, Лука Гаврилов сын Дашков), три – Курского (Агей Афанасьев сын Костин, Парфен Васильев сын Баланин, Яков Ильин сын Анахин) и по одному из Воронежского (Макар Васильев сын Павлов), Ливенского (Микита Фотеев сын Псарев¹), Новгород-Северского (Михаил Степанов сын Булгаков) и Усманского уездов (Дмитрий Карпов сын Шишкин).

Служилые по прибору представлены стрельцами, городовыми казаками, драгуном² и вожем: в общей сложности 34 человека (41 %), из которых 30 были выкуплены. Средняя цена выкупа составила 113 руб., максимальная – 125 (за исключением случая, когда одновременно за трех полоняников было уплачено 370 руб.), минимальная – 70.

¹ Подробнее о его расспросных речах см.: [19, с. 194].

² Подробнее о становлении драгунского строя на Белгородской черте см.: [13].

Если в более ранние годы большинство выкупленных составляли служилые люди, то теперь весомую часть – крестьянское сословие. На валуйской размене 1657 г. было освобождено 25 пленных крестьян (30 %), из которых 23 выкуплены. Увеличение доли представителей сословия в числе выкупленных объясняется следующими обстоятельствами. С одной стороны, к концу 1650-х гг. татарские отряды уже не могли, в большинстве случаев, прорвать оборону Белгородской черты. Поэтому служилые люди стали реже попадать в плен и у московских дипломатов появилась возможность выкупать крестьян, которые в значительном числе и достаточно давно находились в крымской неволе. С другой стороны, большинство крестьян являлись уроженцами Северских уездов (Путивльский, Рыльский уезды и Комарицкая волость), которые в 1640-х гг. были, видимо, плохо прикрыты Белгородской чертой и становились легкой мишенью для набегов крымцев. Позднее, в 1650-е гг., строительство укреплений черты завершилось и прорывы с юга в целом прекратились. Однако из-за политической обстановки на Украине, сложившейся не в пользу России, крымскому хану удалось заручиться поддержкой украинской стороны и продолжить набеги на Северские уезды, но уже через территорию Украины [1, с. 23–24; 9, с. 279]. Средняя цена за пленного крестьянина составляла 91 руб., минимальная – 55, максимальная – 120.

В 1657 г. на валуйской размене также освободили 12 женщин (14,5 %), 11 из которых были выкуплены. Среди них обозначены четыре крестьянки (Анница Иванова дочь из Комарицкой волости, Марьица Михайлова дочь из Рыльского уезда, Елгиница Григорьева дочь из Новосильского уезда и вдова Овдотьица из Рыльского уезда), две жены городских казаков (Анютка Кузьмина дочь Офонасьева и Анница Семенова дочь Шестакова из Тамбовского уезда), стрелецкая жена (Татьяна Михайлова из Новосильского уезда) и две жены детей боярских (Овдотья Яковлева дочь Джиберова из Курского уезда, Устинья Гарасимова дочь Собакина из Орловского уезда). У двух женщин социальный статус не определялся – «девка» Анница Ульянова дочь из Козловского уезда и Танка Федорова дочь из Тамбовского уезда.

Следует отметить, что на валуйской размене в 1650–1651 и 1655 гг. заметно возросла численность выкупленных женщин (22 человека) по сравнению с 1640 и 1643 гг. (всего 6 женщин) [6, с. 40; 7, с. 84, 86, 87; 8, с. 54]. Это, безусловно, свидетельствует об улучшении положения на южной окраине Московского государства – во второй половине 1650-х гг. набеги татар уже не были такими эффективными, как раньше. Крымцы забирали с собой меньше служилых людей и у московской казны появилась возможность выкупать не только лиц мужского пола. Конечно, женщин пытались освобождать и раньше, но впервые в значительном масштабе это удалось сделать в 1649 г.: посольство Т. Хотунского и И. Фомина вывело с полу-

острова 723 пленника, из которых 554 (!) женщины, в том числе 83 несовершеннолетние [27, р. 669].

В 1657 г. полоняники не только выкупались, но и освобождались без выкупа путем обмена на пленных татар. Якова Ильина сына Анахина, из детей боярских, уроженца Курского уезда, обменяли на татарина Яныбека. Из служилых по прибору обменяли двух городских казаков (Ивашку Григорьева сына Смольянинова из Тамбовского уезда на татарина Баигазу, Сенку Иванова сына Верносова из Чугуевского уезда на татарина Акисуганко) и одного стрельца (Стенку Петрова сына Шиндяпина из Тамбовского уезда на татарина Кизанко). Также московская сторона путем обмена получила крестьянина Микитку Васильева из Комарицкой волости.

Кроме того, среди освобожденных лиц значилось 5 пленников, проживших в Крыму долгое время и имевших статус «тарханов», т.е. вольноотпущенников, «которые в Царе городе и в Крыму у турчен и у татар отработали урочные свои лета и отпущены, и памяти им даны отпускные» [17, л. 402]. Известно, что в Крымском ханстве имело место освобождение невольников по прошествии 6-летнего срока пребывания в плену [14, с. 89]. Однако это вовсе не означало, что затем пленники получали возможность вернуться на родину – они могли оставаться в Крыму еще довольно продолжительное время и пребывать в зависимости от «бывшего» хозяина [10, с. 231–234]. В ходе исследования удалось обнаружить информацию о 4-х тарханах из 5: уже упоминавшийся сын боярский Микита Фотеев сын Псарев, находившийся в плену в Стамбуле 25 лет; стрелец Данило Логинов сын Крякин из Курского уезда («был в полону в турецкой земле за Белым морем, а в котором году взят в полон – того не упомнит»); крестьянин Ефтифей Андреев из Соловского уезда, бывший в плену 26 лет; жена сына боярского Овдотьица Антонова дочь Юденкова из Путивльского уезда (пребывала в плену 13 лет).

Архивные материалы содержат данные о месте пленения 53 человек. Большинство из них (25 чел., или 47 %) было взято татарами на территориях, прикрытых Белгородской чертой («в черте»), причем 19 угнаны из городов Севского разряда (преимущественно в период с 1640 по 1642 г.). Из городов, находящихся «на черте», увели 19 человек (36 %), из городов «за чертой» – 6 (11,3 %), с территории Поволжья – 3 (5,6 %).

Источники также сообщают сведения об обстоятельствах пленения 42 человек. Основная масса (15 чел.) были взяты во время сельскохозяйственных работ («на жнитве», «в поле»), 10 человек попали в плен в ходе Смоленской войны 1632–1634 гг., 9 – «в посылке» («на вылазке», «для языков»), 7 – в бою, 1 – «на стороже».

Таблица 2

Общая продолжительность плена

Время пребывания в плену	Численность	
	чел.	%
1–5 лет	16	32,7
9–15 лет	18	36,7
16–20 лет	9	18,4
25–30 лет	6	12,2
Всего	49	100

Полоняники могли находиться в Крыму достаточно продолжительное время (табл. 2). Длительность пребывания в неволе напрямую зависела от социального положения пленного: при выкупе Московское государство отдавало предпочтение служилым людям, обеспечивавшим защиту южных земель и их хозяйственное освоение. Подавляющее большинство служилых людей оставалось в плену не более 5 лет (служилых людей, взятых в Тамбовском уезде в 1656–1657 гг., выкупили практически сразу). Среди тех, кто оставался в Крыму дольше 5 лет, преобладали уже другие категории выкупаемых – крестьяне и женщины. Впрочем, эта закономерность не является жесткой (даже среди тех, кто находился в плену десятилетиями, встречались служилые люди).

На валуйскую размену невольников приводили крымские купцы-работорговцы разных национальностей (татары, караимы и армяне). Зафиксировано 34 татарских посредника, которые произвели 49 операций по выкупу или обмену пленных. Средняя цена выкупа у татар составила 101 руб., минимальная – 50, максимальная – 125. Обнаружена одна операция, позволившая выкупить сразу трех пленников за 370 руб. По документам удалось установить имена татарских купцов: Агмет-мурза, Батырша-мурза, Ждан-мурза, Маметша-мурза, пристав Дербышка Мещерекин, Сефер-Газы-ага, Сеферша-мурза, Абдраман, Агметко, Девлет, Ермулка, Жанаметко (Жанмамет?), Жанбет, Жаныбек (Жданыбейко), Иمولказы, Ишембайко, Килмамет, Кошай, Манатайко, Сепер-Газы, Тавлинко, Томашко, Тумайко, Уалалберды (Алеберды), Шантемир, Янбетко, Янгазы, Адраман Чилибей.

Три караимских купца (Юсупко Яковлев, Бааха и Барак) осуществили 6 операций по выкупу. Средняя сумма выкупа составила 110 руб., минимальная – 100, максимальная – 120. Армянские работорговцы связаны с 8 представителями, исполнившими 22 выкупных операции, средний размер которых составил 96 руб. (максимальная сумма выкупа – 120, минимальная – 70). Имена этих купцов следующие: Адын, Усафы, Айды, Грегорей Шеин, Гришка Поленин, Микатко, Налынжы Сеферь, Саганко.

В конце расходной книги отсутствует информация о балансе выделенных и израсходованных на выкуп денег, но по моим подсчетам общая сумма, потраченная на выкуп 76 пленными (из 85), составила 7 357 руб.

Таким образом, несмотря на сложную внешнеполитическую обстановку московское правительство продолжало выкупать своих подданных, среди которых по-прежнему преобладали служилые люди, попадавшие в плен в ходе вооруженных столкновений с татарами. Однако в 1650-е гг. среди полоняников стали встречаться и выходцы из крестьянского сословия. Ввиду того, что эта категория населения не относилась к числу приоритетных для выкупа, ее представители находились в крымской неволе достаточно продолжительное время. В 1650-е гг. заметно возросло, по сравнению с 1640-ми гг., количество женщин среди выкупленных лиц. Все это следует рассматривать как свидетельство перемен, наступивших в жизни Московского государства с завершением строительства Белгородской черты.

Список источников и литературы

1. *Бабулин И.Б.* Борьба за Украину в гетманство И. Выговского: военные события 1658–1659 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 32 с.
2. *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 367 с.
3. *Бережков М.Н.* Русские пленники и невольники в Крыму. Одесса: Тип. А. Шульце, 1888. 31 с.
4. *Виноградов А.В.* Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник 2005. М.: «Восточная литература» РАН, 2006. С. 26–73.
5. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 717 с.
6. *Жуков В.Д.* «Крымские полоняники» и их выкуп в 50-х гг. XVII в.: К истории колонизации южной окраины Московского государства // Вестник РУДН. Серия «История России». 2012. № 4. С. 31–43.
7. *Жуков В.Д.* Выкуп пленных на валуйской размене в 1640 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4. С. 82–90.
8. *Жуков В.Д.* Выкуп пленных на валуйской размене в 1643 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4. С. 49–59.
9. *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1969. 304 с.
10. *Зайцев И.В.* «Вольная грамота турецкого султана «некоему русину» // Тюркологический сборник 2002. Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература, 2003. С. 229–244.
11. *Козлов С.А.* Русские пленные и полоняничные деньги (вторая половина XVI в. – 20-е гг. XVIII в.) // Меншиковские чтения – 2016: научный альманах. Вып. 7. СПб.: Изд-во «XVIII век», 2016. С. 225–236.

12. *Кудрявцев А.Н.* Деятельность московского правительства в деле освобождения невольников из татарского плена в XV–XVI вв. // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2012. № 1 (73). Ч. 2. С. 84–89.

13. *Курбатов О.А.* Драгунский строй на Белгородской черте в 1630-х – начале 1650-х гг. // От Донца до Ворсклы: сб. статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород: Константа, 2016. С. 25–36.

14. *Литвин М.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Изд-во МГУ, 1994. 146 с.

15. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 448 с.

16. *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма. М.: Наука, 1994. 221 с.

17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123. Оп. 1. Кн. 32.

18. Русский биографический словарь. Т. 10. Лабзина – Ляшенко. СПб.: Импр. Рус. ист. о-во, 1914. 846 с.

19. *Санин Г.А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М.: Наука, 1987. 270 с.

20. *Санин Г.А.* Порты, Крым и страны Восточной Европы в 50–60-х гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 29–76.

21. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты. Т. 1: До начала XVIII века. М.: Рубежи XXI, 2005. 540 с.

22. *Скобелкин О.В.* Воронеж и выходцы из татарского плена (конец 20-х гг. XVII в.) // Проблемы изучения истории Центрального Черноземья. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. С. 94–103.

23. *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 5. История России с древнейших времен. Т. 9–10. М.: Мысль, 1990. 718 с.

24. *Тепкеев В.Т.* «От него, крымского хана, правды и постоянства нет»: набеги калмыцких отрядов на Крым во время русско-польской войны 1654–1667 гг. // Новый исторический вестник. 2013. № 38. С. 9–28.

25. *Шмидт С.О.* Русские полоняники в Крыму и система их выкупа в середине XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 30–34.

26. *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л.: Наука, 1964. 232 с.

27. *Lavrov A.* Rapatriement, genre et mobilité sociale: La liste des captifs rapatriés de Crimée par Timofej Hotunskij (1649) // Cahiers du monde russe. 2016. Vol. 57. No 2–3. P. 667–685.

УДК 93/94

М.Р. Яфарова¹

Юрий Хмельницкий и обстановка в Поднепровье в начале 1679 г.²

Аннотация. В статье на основании изучения материалов Посольского приказа, отложившихся в Российском государственном архиве древних актов, рассматривается обстановка, сложившаяся в Поднепровье зимой 1678–1679 гг., и анализируется встреча в этот период правобережного гетмана Ю. Хмельницкого с московскими дипломатами. Также исследуется реакция русского правительства на возможность взаимодействия с Ю. Хмельницким. Сделаны наблюдения о решении Москвы отказаться от возможности любого взаимодействия с османским ставленником.

Ключевые слова: Чигиринские походы; Русско-турецкая война; XVII в.; Юрий Хмельницкий; Василий Даудов.

Yury Khmelnitsky and the situation in the Dnieper region at the beginning of 1679

Abstract. The study is based on the complex of documentation of Posolsky prikaz and examines the situation in the Dnieper region in the winter, 1678–1679. The article discusses meeting of the right-bank hetman Yu. Khmelnitsky with Moscow diplomats, and the reaction of the Russian government to the interaction possibilities with Yu. Khmelnitsky. The author concludes, that Moscow decided to abandon any interaction possibilities with Ottoman vassal.

Keywords: Chygyryn Campaigns; Russian-Ottoman war; 17th century; Yury Khmelnitsky; Vasily Daudov.

История последних лет существования Правобережного гетманства под османской властью представляет значительный интерес с точки зрения понимания тех факторов, которые определяли политическую жизнь украинских земель в последней четверти XVII в.

Как известно, итоги Чигиринских походов 1677–1678 гг., будучи в целом весьма противоречивы [11], привели к восстановлению османского протектората над большей частью Правобережной Украины. После падения Чигиринской крепости в 1678 г. русско-украинская армия отошла

¹ **Мадина Рашидовна Яфарова** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра источниковедения Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: mryaf@bk.ru.

Madina R. Yafarova – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Centre of Source Studies, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00496, «Московское государство, Османская империя и Крымское ханство в XVII в.».

на левый берег Днепра и была распущена. Османам же удалось на завершающем этапе кампании 1678 г. взять Канев – крупный центр Правобережья, придерживавшийся пророссийской ориентации. Его падение стало поворотным моментом: правобережная старшина, не рассчитывая на защиту московских властей, начала признавать власть обосновавшегося в Немирове Ю. Хмельницкого и искать соглашения с османами. Как отмечает Б.Н. Флоря, в это время в окружении Хмельницкого упоминаются могилевский, кальницкий, немировский, черкасский полковники [7, с. 128].

Казалось бы, отход османских войск и сокращение интереса турок к этому региону (известно, что новой крупной военной экспедиции на Украину, которую многие ожидали в 1679–1681 гг., так и не последовало), отсутствие в тот момент стремления бороться за эти земли у Речи Посполитой [8, с. 89] и, одновременно, уход с Правобережья русских войск создавали хорошие предпосылки для усиления здесь институтов гетманской власти. Этого, однако, не произошло, и вопрос о причинах такого развития событий представляет значительный интерес.

Изучение этого вопроса осложняется тем, что последние годы существования Правобережного гетманства под османской властью довольно слабо освещены источниками. Делопроизводство, которое могло вестись в окружении Хмельницкого, в связи с военным временем едва ли было хорошо организовано и, видимо, не сохранилось. В силу этого большое значение приобретают отчеты русских посольств, направленных в Стамбул и контактировавших напрямую с правобережным гетманом, в частности донесения посольской миссии дворянина Василия Даудова и подьячего Федора Старкова, направленной из Москвы в Османскую империю в конце декабря 1678 г. [1, л. 2] (о целях посольства см. подробнее: [10]). Комплекс посольской документации, сохранившийся в Российском государственном архиве древних актов (ф. 89 Посольского приказа «Сношения России с Турцией»), включает в себя челобитные и записки Даудова, Старкова и других участников посольства, а также статейный список Даудова.

В историографии существует ряд работ, упоминающих отправку этого посольства [5; 6; 7]. Более подробно история организации посольской миссии и ее ход затрагивались в исследовании Г.В. Ходыревой [9], однако сюжеты, связанные с пребыванием на Правобережной Украине, ею не рассматривались. Между тем сведения, полученные посольством Даудова во время движения через Украину в разгар военных действий, значительны для понимания положения, сложившегося на правом берегу Днепра зимой 1678–1679 гг.

Изначально, 1 декабря 1678 г., из Москвы «в гонцах» должны были направить толмача Григоря Волошенина [2, л. 16], которому предстояло

передать царские грамоты османским сановниками. Однако вместо него приняли решение отправить в Турцию опытного дипломата – дворянина Василия Даудова [2, л. 26 об.], вернувшегося накануне из центрально-азиатского региона. Возглавляемая Даудовым посольская миссия выдвинулась из Москвы 31 декабря 1678 г. [3, л. 3]. Левобережному гетману И. Самойловичу московские власти решение направить это посольство обосновывали наличием большого количества известий от различных информаторов о желании Порты прекратить военные действия: «писано, чтоб он [турецкий султан. – М.Я.] с нами, великим государем... имел дружбу и любовь, а плен и войну и кроворазлитие отставил для того, что нам, великому государю... по многим вестовым письмам известно, что салтан турецкой прекращения войны желает же» [2, л. 43].

Дипломатам предстояло добраться до границ Османской империи сухопутным путем, параллельно собирая информацию о замыслах и действиях турок. Согласно царскому наказу, Даудову следовало ехать на Севск и Батурино, где предстояло встретиться с левобережным гетманом Самойловичем, затем «ехать из Батурина малороссийскими городами в Волоскую землю на те места и города, которые будет прямо и податнее, а королевского величества польского городов не занимать» [2, л. 54]. Стоит обратить внимание, что отрезок пути от гетманской ставки до Молдавии не обозначили подробно: в условиях войны о безопасном передвижении дипломатов, по мысли Москвы, должен был позаботиться гетман Самойлович [2, л. 54]. В то же время русское правительство явно не хотело, чтобы о переговорах стало известно польской стороне, и наиболее безопасным путем, лежавшим через королевские владения, пользоваться не предполагалось.

Миссия Даудова прибыла в Батурино 12 января 1679 г. [2, л. 3] во время нападения Хмельницкого и крымской орды в Поднепровье: гетман Самойлович «говорил, что отпустить его, Василия, ныне некоторыми делами к Воложской границы невозможно, потому что Ененчанко [Иван Яненко Хмельницкий, двоюродный племянник Ю. Хмельницкого. – М.Я.] з белогороцкою ордою вышел в войну в малороссийские города, и так в киевском, яко и в нежинском полках селы и деревни, разоря, выжег без остатку, а народу благочестивый христианский Малья Росии, мужеска и женска полу, в плен и в расхищение с 10 000 взяв, и на ту сторону Днепра до Корсуни послал» [3, л. 5–5 об.]. Гетман предложил Даудову переждать в Батурине, однако военные действия затягивались. В этой связи 19 января Самойлович рекомендовал дипломатам двинуться к Переяславлю, «город от города разведая о неприятелех» [3, л. 7]. Из Батурина посланники выехали 20 января, прибыв в Переяславль через 4 дня.

В своей челобитной царю от 24 января 1679 г. Даудов сообщал, что гетман писал в Переяславль стольнику и воеводе Л.Р. Неплюеву и переяс-

лавскому полковнику Ивану Лысенко, «чтоб они... учинили отпуск в заднепрьские города, как пристойно, с помогательством» [2, л. 63 об.]. Однако в 20-х числах января 1679 г. Хмельницкий и крымское войско во главе с четырьмя крымскими «салтанами», «с которыми множество татар», двинулись к Черкассам [1, с. 132]. По словам лазутчиков, «конечно орды сильные с Юраском Хмелницким около Еремеевки, Чигирин Дубровы и Жовни на стоят. И генваря, де, 21-го и 22-го дня Юраска Хмелницкой к Веремеевки приступали, и промысл, де, чинят беспрестанно» [4, л. 205].

В сложившейся ситуации Даудов по совету Неплюева и Лысенко направил подьячего Старкова в Канев, который находился на правом берегу Днепра, несколько южнее территории, где развернулись боевые действия, к каневскому сотнику «о приеме... в Канев и об отпуске к салтану турскому и о провожатых до Волоские границы говорить» [2, л. 65 об.–66]. По словам провожатого Старкова Радуна Волошенина, они «не знать, где был город, так разорено, толко церковь пресвятые Богородицы полна трупы людей, в замочке всего человек со 100. Где Москва была [т.е. где стояли русские войска. – М.Я.], там живятца, как кого убьют или украдут. Меж ними есть сотник и наместник» [2, л. 87 об.]. При этом, как отмечал в своей записке сам Старков, «сотник каневской говорил, что он бес повеления Юраска Хмелницкого принять не смеет, потому что в Каневе жители живут не для господарства, токмо для разбоев, и чтоб какие порухи над посланным не учинили, и подьячий для пристава и провожатых ехал в Корсунь» [2, л. 67–67 об.]. По приведенным сведениям видно, что Хмельницкий не предполагал быстрого восстановления одного из крупных центров Правобережья, по всей видимости, он должен был стать только пунктом, из которого можно будет осуществлять походы на левый берег Днепра для разбоя. Тем не менее находившийся там комендант признавал власть правобережного гетмана.

Взяв провожатых, Старков принял решение двинуться к Корсуню для встречи с Хмельницким. Одновременно он предостерегал в своей отписке Даудова от необдуманных действий: «изволь в Переяславле дожидатца, а безвестно из Переяславля до Канева не езд, государь... татар многие тысячи стоят около Корсуню и Канева и в сих числах рушатца за Днепр» [2, л. 63 об.]. Также подьячий поделился своими наблюдениями о сложившемся положении в Поднепровье. Татары активно уводили людей в плен: послы «наехали на кош татарской, которой ис Корсуню провадил в Крым пленных людей, которые взяты на сей стороне Днепра в державе великого государя... в киевском и в ыных полках – мужеска и женска полу было з 10 000, а татар с Алием Мурзою с 400 человек, болши не было» [2, л. 67 об.–68]. Перед этим подьячий, «не доезжая Дробонки за полмили, нае-

хал на поле лет от четырех и двух и нижайше младенцов с 50, которых татары, отобравши от сосец матерних, и по дороге побросали, как от ратных его царского величества людей бежали за Днепр с полоном ис-под Воронкова». Похожую картину описывал Радун Волошенин: «а по шляху метали людей старых и малых, померзли... а татаровя позади шли, избы и людей пожгли» [2, л. 88]. Как видно, из-за действия крымских татар, которые составляли основную силу Хмельницкого, часть украинского населения теряла свободу и становилась их пленниками. Подобные эпизоды показывали жителям Украины, что они оказались в руках завоевателей, а Хмельницкий, который претендовал на роль их правителя, неспособен их защитить.

На пути к Корсуни Старкову стало известно от проезжавших крымских татар, что Хмельницкий «с частью татар белгородских и с войском при себе будучим казацким и волоским, конным и пешим, пошел в войну на сю сторону Днепра [т.е. Левобережье. – М.Я.], и Еремеевку, и Жолнин до ига бусурманского привел» [2, л. 68 об.], и находился в Жовнине.

29 января Старков приехал в Жовнин, и «проводжатые казаки подьячево поставили на улице против избы, где стоял Юраско». Хмельницкий, однако, не был склонен отнести к нему как к лицу, обладавшему дипломатическим иммунитетом: «А потом Юраско, на двор вышел, на людей своих закричал: для чево Москву несвязанных привезли, и проводжатога казака за то, что, не связав, привез, бил дубиною, а подьячего и волошенина, и казака переяславского связали. А как связывали, и Юраско говорил теми словами: вяжите скурвых сынов, Москву, крепко так, как они крепко держат у себя владения княжства и панства нашего, столичные места княжства нашего: Киев, Чернигов, Переяславль и протчие города и места даже до Семи реки» [2, л. 69–69 об.]. Старков в ответ укорил его в напрасном развязывании войны, на что «Юраско, выняв саблю из ножен, шурмуя над головою подьячего, говорил теми словами: скурвый сын, москвитин, не слыхал, что от сея сабли под Лодыжиным с Томашенка отшии глава дале сажени летела, где смотри, скурвый сын, кровь на ней и по сей час на страх неприятеля нашего обретається» [2, л. 69 об.]. Посланников бросили в тюрьму, приставив двух мурз и 30 татар. Проезжую грамоту Хмельницкий приказал отнять.

Из Жовнина Старков с проводниками был направлен в кош (полевую ставку) Темирхана-мурзы. Примечателен состоявшийся здесь разговор Старкова со знатными крымцами: «а как подьячей приехал с мурзами в кош Темирхана мурзы, и ево, подьячево, и волошенина Родиона взяли перед мурзу, и мурза приказал сесть, а с ним сидело, около ево, 9 мурз. И говорил мурза: Магмет-салтан [турецкий султан Мехмед IV. – М.Я.], государь их, Юраску Хмельницкого имеет у себя яко сына и учинил ево князем и вождем Войска Запорожского, и дал, де, ему, салтан, войска крымского, сколько он

у салтана желал, и сего, де, дня с калгою и с нурадыном, и с Оджан Гиреем, и с Мамет Гиреем, и с Салим Гиреем салтаны под Прошаным Юраска Хмельницкой случитца и пойдет отбирать владение отца своего, гетмана Богдана Хмельницкого, по старой рубеж московской, по реку Семь» [2, л. 72–72 об.]. Сложно сказать, действительно ли крымские политики рассчитывали на расширение границ Османской империи до реки Сейм, но, несомненно, они предполагали использовать военные действия на Левобережье в качестве дополнительной возможности вывозить с этой территории население.

По сути, Хмельницкий оказался в зависимом от действий крымской орды положении, не получив от местного населения значительной поддержки. Старков наблюдал приезд правобережного гетмана с казацкими войсками в Горошин. По его словам, «за бунчуком ехал Хмельницкой, убран по-турски, а по левую руку ехал Яненчанко, за Юраском ехали старшины ево: есаул, полковники калницкий, немировский, черкасский, за полковниками ехали хорунжие с тремя хоругвями, а хоругви кумячные, красные, кресты белые. За хоругвями ехало казаков немировских, калницких, корсунских, черкасских, также и сее стороны Днепра еремеевских, жолневских, чигирин-дубровских конных в саадаках и с пищальми, человек с 300» [2, л. 73–73 об.]. Количество сторонников Хмельницкого было незначительным, и для наблюдателей становилось очевидным, что он не способен собрать какие-либо крупные военные силы с подвластных ему территорий.

Кроме того, Хмельницкий никак не контролировал действия татар, которые не воспринимали его как равного крымскому хану правителя подчиненной османам территории. К примеру, задумав использовать взятых татарами пленных для агитации среди жителей Правобережья, он вынужден был выкупать их: «Юраско Хмельницкой выкупил взятых людей розных городов киевского и нежинского полков и послал их перед выездом своим ис Корсуня наперед с прелесными писмами для бунтов против старшин Войска Запорожского полковников и есаулов, и сотников городовых» [2, л. 71 об.–72]. Впрочем, авторитет правобережного гетмана был низок, и эти действия не слишком обеспокоили русских представителей.

В Горошине у Старкова состоялись две аудиенции с Хмельницким. 2 февраля к подьячему пришел Яненко и отвел его к правобережному гетману, «а как подьячей вошел в ызбу, и Юраска сидел на постели своей, а от калги и от нурадына салтанов на тот час присланы были Батырша и Темирхан мурзы» [2, л. 74 об.]. В этом разговоре Хмельницкий настаивал на приезде Даудова с адресованными к турецкому султану грамотами под Плотаву, при этом «посланному, не быв у него, отпустить... ево к салтану невозможно» [2, л. 75]. Проезжая грамота также оставалась у Хмельниц-

кого до приезда посланника. В сущности, правобережный гетман, рискуя вызвать недовольство султана, настаивал на собственном участии в будущих переговорах и, видимо, имел в этом некоторую поддержку со стороны крымцев.

Однако еще более значительный интерес представляют сведения, которые привел Старков о втором разговоре с Хмельницким. По словам подьячего, в этот же день приходил к нему татарин Байтемир, «чтоб он, подьячий, с татариним пошел на двор къ Юраске, а как подьячий пришел, и Юраска сидел за столом, а при нем никого не было» [2, л. 75 об.]. Стоит обратить внимание, что за дипломатом гетман посылал татарина, что, как представляется, свидетельствует об отсутствии у него в окружении доверенных людей. Будучи наедине, Хмельницкий подробно рассказал об османских планах: «салтан, де, турской конечно сам особою своею с везирем на пришлюю весну под Киев будет, а ему, де, прислан от салтана указ, чтоб сею зимы, случась с калгою салтаном, шол в войну на сю сторону Днепра для отбирания владения отца ево, юраскова, Богдана Хмельницкого. И в тех городех, которые под иго турского салтана поддадутца, велено ему, Юраске, со всею крымскою и белгородскою ордою зимовать до весны, и войск царского величества на посилки к Киеву на отпор войскам турским не допускать. И ежели, де, сея зимы отпор войскам крымским войска царского величества не учинят, тогда, де, тяжело будет войскам царского величества турским войскам отпор чинить. А салтан, де, намерен конечно сею сторону Днепра под иго свое привесть, а которые, де, города ныне он под владение свое по указу салтанскому привел, и тех городов салтан не уступит, потому что и в законе их бусурманском крепко приказано, буде которые города будут чрез мечь завоеваны, и тех не уступать» [2, л. 75 об.–76]. Этот разговор был прерван появлением Яненко, который «сказал Юраску, чтоб он подьячего велел выслать, и Юраска по наученью Яненченка велел подьячему итти на подворье» [2, л. 76].

Из приведенных сведений видно, что Хмельницкий, несмотря на прилюдные оскорбительные выпады по отношению к царскому дипломату, вероятно, пытался подстраховаться на случай победы России, представив себя тайным доброжелателем Москвы. Также примечательно, что османский ставленник, подчеркивая важность обороны Киева русско-украинскими войсками, по сути, призывал к выступлению против турок, а также указывал на необходимость оказать военное сопротивление крымским войскам во время текущей военной кампании. Так, 3 февраля, перед отъездом из Горошина Хмельницкий даже дал подьячему рекомендации о ведении летней кампании 1679 г.: «добро б, де, чтоб войска царского величества сего лета стали в поле под Киевым прежде приходу войск турских, и будет

отпор войскам турским за божиею помощью учинят и поля выдержат, тогда, де, турченин рад будет и по Днепр миритца, а не токмо что о сей стороне Днепра старатца» [2, л. 76 об.]. Сложно сказать, чем все-таки руководствовался Хмельницкий, давая подобные советы вражеской стороне, однако в сложившейся ситуации показателен ответ московского правительства.

После возвращения Старкова 7 февраля 1679 г. в Переяславль Даудов направил подробную отписку в Москву. В ответной царской грамоте от 20 февраля 1679 г. посланникам был направлен указ, по которому им предписывалось, вопреки изначальному наказу, двигаться через города Польского государства – «Белую Церковь и на иные польские города, на которые пристойно... не занимая тех мест, где будет богоотступник Юраско Хмельницкой и крымские люди» [2, л. 80 об.]. В грамоте подчеркивалось, что о действиях Хмельницкого и его контактах со Старковым было известно царю, и в Москве принято решение отказаться от возможности любого взаимодействия с Хмельницким. Согласно царскому указу, Неплюеву и Лысенко следовало отпустить за Днепр прибывших со Старковым в проводниках татар и казаков и сказать, что по «великого государя указу велено было тебе ехать к турецкому салтану, и посылал ты для пропуска своево подьячево къ Юраску, и он, Юраско, тебя не пропустил и нашу великого государя проезжую грамоту отнял и чинил тому подьячему бесчестье великое. И для того тебе к нему ехать немочно, и о всем о том салтану турецкому будет ведомо» [2, л. 81]. Представляется, что в Москве совершенно верно оценили как реальное положение Хмельницкого, так и его возможные мотивы, и отказались иметь какие-либо дела с полностью дискредитировавшим себя гетманом.

Таким образом, речь идет о том, что к началу 1679 г. Хмельницкий, не имея реальной поддержки у населения, не обладал собственными значительными силами и не мог на равных с крымским ханом выступать как вассальный представитель османской власти, превратившись в зависимого от крымцев номинального правителя Правобережья.

Список источников и литературы

1. Літопис Самовидца. Київ: Наукова думка, 1971. 177 с.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18.
3. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19.
4. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 793.
5. *Смирнов Н.И.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 2. М.: МГУ, 1946. 172 с.
6. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 13–14. М.: Мысль, 1991. 701 с.

7. *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 108–148.

8. *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства П. Дорошенко (1673–1677 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65). С. 76–90.

9. *Ходырева Г.В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией в 1666–1681 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 269 л.

10. *Яфарова М.Р.* Позиция московского правительства после Чигиринского похода 1678 г. по документам Посольского приказа // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М.: изд-во Московского университета, 2019. С. 646–651.

11. *Яфарова М.Р.* Русско-османское противостояние в 1677–1681 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 396 л.

УДК 94(47).047

Ю.А. Чупрына¹

Конструирование образа царя Алексея Михайловича (на основе книжных гравюр типографии Киево-Печерской Лавры)²

Аннотация. В данной статье затрагивается вопрос конструирования в киевской духовной среде образа царя Алексея Михайловича. Одним из способов визуализации, трансляции образа российского монарха и выражения к нему лояльности являлось его изображение на книжных гравюрах, вышедших из типографии Киево-Печерской Лавры. Новый правитель активно вплетался в уже имеющуюся модель, ориентированную на Киев и древнюю историю Руси, где он выступал в качестве потомка святого князя Владимира. Через актуализацию древнерусского прошлого выстраивалась преемственность старины и нового – древнего Киева и Рюриковичей с новой царской династией Романовых и Москвой. При этом киевоцентричная идентичность продолжала существовать и выражаться в визуальных источниках – киевских гравюрах.

Ключевые слова: образ Алексея Михайловича; Киев-Печерская Лавра; память о Древней Руси; киевская книжная гравюра.

Designing of the image of tsar Alexei Mikhailovich (based on book engravings from the Kiev-Pechersk Lavra printing house)

Abstract. This article touches upon the issue of constructing the image of tsar Alexey Mikhailovich in the Kiev spiritual society. One of the ways to visualize the image of the Russian monarch and to express loyalty to him was his image on book engravings that came out of the printing house of the Kiev-Pechersk Lavra. The new ruler was actively inserted into the Kiev-oriented model where he acted as a descendant of the holy prince Vladimir. The continuity of the old and the new was built through the actualization of the Old Rus past – old Kiev and the Rurikovites with the new Romanov tsarist dynasty and Moscow. At the same time, the Kiev-oriented identity continued to exist and was expressed in visual sources – Kiev engravings.

Keywords: the image of Alexey Mikhailovich; Kiev-Pechersk Lavra; memory of Old Rus; Kiev book engraving.

¹ Юлиа Алексеевна Чупрына – магистр, лаборант-исследователь Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: st055544@student.spbu.ru.

Yuliya A. Chupryna – Master's student, Laboratory Assistant-researcher, Institute of History, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia).

² Научная публикация выполнена при поддержке Ассоциации выпускников СПбГУ.

В 1615 г. в Киево-Печерском монастыре была организована типография, вокруг которой объединились противники унии, издававшие полемические сочинения. Центр издания православных полемических трудов из Вильно сместился в Киев – в Киево-Печерскую Лавру. При этом типография служила не только на благо полемики, но и обеспечивала нужды православной церкви в религиозной литературе. Киевские богословы восприняли присоединение «Руси» / «Малой Руси» / Украины к Московскому царству достаточно оживленно, поэтому трудились над созданием исторического нарратива, куда вплетался новый для них государь Алексей Михайлович. Так, концепция власти российского монарха получила обновленные интерпретации благодаря Киево-Печерской Лавре, что мы можем проследить не только на основе нарративных источников, таких как первые издания «Синописа», но и визуальных – старопечатных гравюр.

В настоящем исследовании затрагивается вопрос создания образа правителя через книжные гравюры типографии Киево-Печерской Лавры последней трети XVII в. Целью исследования является анализ конструирования образа российского монарха и его взаимосвязь с паттернами древнерусской истории.

Обычно, когда рассматривается издание книг в Лавре, отмечается, что в последней трети XVII в. в типографии существовала определенная традиция оформления титульных листов, где композиция строилась в виде родословного древа, а в его основании располагалась Киево-Печерская Лавра и ее основатели Антоний и Феодосий. Концепция древа не была уникальна для киевской среды, она повторяла иконографическое родословие Христа – древо Иессеево. Так, на древе «Патерика Печерского» [9, л. 1] располагается классическая киевоцентричная модель, где главное внимание отдано монастырю, что вполне отражает содержание самой книги, посвященной житиям святых Киево-Печерского монастыря.

Располагались ли светские деятели Древней Руси на этих гравюрах? Да, свое место на древах нашли и светские герои древнерусского прошлого. Основными паттернами для родословных киевских древ выступали князь Владимир и княгиня Ольга, а также часто встречаются изображения Бориса и Глеба, что прослеживается на гравюрах из книг «Царю Юстиниану» диака Агапита 1628 г. [12, с. 1], «Трубы словес проповедных» Лазаря Барановича 1674 г. [2, л. 1], «Огородок Марии богородицы» Антония Радивиловских 1676 г. [10, с. 1]. Что не удивительно, ведь они прославились в делах веры и считались святыми. С началом полемики православных и униатов в Польско-Литовской Руси полемисты довольно часто обращались в своих доказательствах к историческим персонажам, тем самым актуализируя прошлое. Особое место среди всех прочих, конечно, занимал князь Владимир как

креститель Руси. При этом в центре рассматриваемых гравюр находится идея священного града Киева и Киево-Печерского монастыря с его святыми. Доминирует «киевоцентричная» идентичность, так как для создателей гравюр первостепенным выступает именно Киев, а главные древнерусские деятели князь Владимир, княгиня Ольга, Борис и Глеб тоже вплетены в киевский концепт. Киевоцентричность мировоззрения прослеживается не только в изобразительных источниках, но, прежде всего, в полемических и исторических нарративных источниках.

Параллельно с этим создавалась обновленная модель, где российский царь Алексей Михайлович встраивался в уже имеющийся киевоцентричный сюжет. Тем самым киевской духовной средой конструировался образ «своего» правителя. Особенно ярко это проявилось в двух старопечатных трудах Лазаря Барановича «Меч духовный» 1666 г. [1] и «Трубы словес проповедных на нарочитыя дни праздников» 1674 г. [2]. Лазарь Баранович с 1657 г. был местоблюстителем Киевской митрополии, а с 1667 г. возведен в сан архиепископа. В 1666 г. он отправился в Москву с целью решения вопроса об избрании митрополита в Киеве, а также присутствовал на Московском Соборе 1666–1667 гг. Специально для поездки подготовил «Меч духовный», который планировал зачитать Алексею Михайловичу [8, с. 679–686]. Стоит более подробно остановиться на персонажах гравюры. Здесь изображены Рюриковичи и Романовы, которые включены в одно родословное древо, у основания которого находится князь Владимир [1, л. 2], что не удивительно, так как русинские православные книжники часто называли Алексея Михайловича потомком святого Владимира. Подобные сравнения можно найти у православных полемистов второй трети XVII в. Эту концепцию позднее переняли и московские книжники [11]. По бокам от древа располагаются еще два святых из династии Рюриковичей – Борис и Глеб. На ветвях родословного древа находится царская семья: Алексей Михайлович, Мария Ильинична, Федор Алексеевич, Алексей Алексеевич, Симеон Алексеевич [1, л. 2]. Кроме того, гравер поместил в верхней части гравюры двуглавого орла – еще один символ власти.

Что же из этого может следовать? Во-первых, это встраивание преемственности Романовых от Рюриковичей, вплетение в династическую концепцию, что знаменует связь не только династий, но и Киева с Москвой, поскольку Рюриковичи княжили, в первую очередь, в стольном граде Киеве, а Романовы – их наследники. Во-вторых, составители книги и гравюры желали угодить московскому царю, так как Баранович с делегацией отправлялся в Москву с определенными целями, поэтому подобное восхваление российского монарха было обоснованным и естественным, а не спонтанным решением. В-третьих, предложенная концепция киевскими богослова-

ми способствовала легитимизации и популярности власти нового монарха, что было на руку и самому Алексею Михайловичу.

Обращаясь ко второй работе Барановича «Трубы словес», вышедшей параллельно с первым изданием «Синописа», необходимо отметить, что она создана после поездки богослова в Москву. Баранович подробнее познакомился с московскими традициями, с парадными царскими одеяниями, что отразилось в новой книге. На титульной странице располагается знакомая нам модель древа с пантеоном святых, в том числе с барочным изображением князя Владимира, Бориса и Глеба. На другой странице снова помещается царская семья: царь Алексей Михайлович, новая царица Наталия Кирилловна, царевичи Федор Алексеевич, Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич [2, л. 1, 5]. Все они изображены в традиционных для того времени царских костюмах, однако образ московского царя изменился – на гравюре транслируется царь в полном парадном облачении с шапкой Большого наряда. Подобное изображение московского монарха не встречалось ранее в киевских гравюрах, что опять же подтверждает особый интерес киевской среды к своему правителю.

Кроме того, на той же гравюре «Труб словес» изображена не только царская семья, но и три герба с двуглавым орлом и фигура всадника, поражающего копьём змея. Все это служит дополнительной репрезентацией власти, продвижением концепции династии московского монарха, которую моделировали киевские богословы. Изображение герба было популярным явлением в малороссийской среде. Подобную трансляцию власти московского царя можно найти и в других книжных изданиях: «Мир с богом человеку или Покаяние духовное» Иннокентия Гизеля (1669 г.) [3, с. 3], «Месиа правдивый Иисус Христос Сын Божий» Иоанникия Голятовского (1669 г.) [7, л. 4], «Синописис» Иннокентия Гизеля (3-е издание, 1680 г.) [6]. В данном случае мы сталкиваемся скорее с продолжением изобразительной традиции и со встраиванием элементов нового для русинов государства в разработанную интеллектуальную и визуальную модель.

Конструирование образа царя Алексея Михайловича как потомка князя Владимира и как царя, тесно связанного с Киевом, в визуальных источниках соответствует той концепции, которая предлагалась и в нарративных источниках. Так, в первых трех редакциях «Синописа» Иннокентия Гизеля прослеживается целенаправленное встраивание образа Алексея Михайловича и истории Москвы в киевоцентричное историческое повествование. Если в первом издании 1674 г. о Москве и Алексее Михайловиче упоминали лишь в конце «Синописа» в контексте судьбы Киева [4, с. 119–122], то в третьем (1680 г.) – повествовалось о судьбе Московского княжества, о князе Дмитрие Донском и Куликовской битве, о присоединении Киева

к Московскому царству и заслугах нового царя перед монастырем (вклады Алексея Михайловича), о следующем правителе династии Романовых и Чигирийских походах, но с акцентом на Киево-Печерский монастырь [13]. В то же время локальная идентичность киевских богословов, ориентированная на Киев, никуда не исчезла.

Итак, киевские богословы целенаправленно вписали царя Алексея Михайловича в имеющийся киевоцентричный концепт истории, соединив с династией Рюриковичей, поэтому он становится потомком святого князя Владимира. Киевская среда стремилась конструировать и транслировать образ Алексея Михайловича как можно достовернее (внимание к одежде и регалиям царя) и чаще, преследуя свои практические цели. Главные древнерусские паттерны гравюр – это князь Владимир, Борис, Глеб, княгиня Ольга (хотя образ Ольги больше транслировался в нарративных источниках, нежели в рассматриваемых гравюрах). Центральный образ гравюр в большинстве случаев – это древо, где выстраивается преемственность нового царя Алексея Михайловича с князем Владимиром, а, следовательно, целенаправленно конструируется связь с Киевом. Возможно, здесь подразумевалась связь не кровная, а духовная. Тем не менее для нас главное, что для выражения лояльности к своему правителю происходила апелляция к историческому наследию. Интерес к старине начался не из-за подданства московскому монарху, а задолго ранее – в результате полемической борьбы с униатами и отстаивания прав и привилегий перед польским королем, поэтому в гравюрах можно видеть продолжение наметившейся тенденции.

Список источников и литературы

1. *Баранович Л.* Меч духовный... или Книга проповеди слова божьего. Киев: тип. Лавры, 1666. 481 л. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004085062#?page=1> (дата обращения: 10.06.2021).
2. *Баранович Л.* Трубы на дни нарочитые праздников. Киев: тип. Киево-Печерской лавры, 1674. 209 л.
3. *Гизель И.* Мир с богом человеку или Покаяние святое, примиряющее богуи человека, учением от писания святого и от учителей церковных собранным. Киев: тип. Лавры, 1669. 702 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004085083#?page=1> (дата обращения: 20.05.2021).
4. *Гизель И.* Синописис или Краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-российского народа, и первоначальных князей богоспасаемого града Киева. Киев: тип. Лавры, 1674. 124 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004085565#?page=1> (дата обращения: 25.05.2021).
5. *Гизель И.* Киевский Синописис или Краткое собрание от различных летописцев о начале славенороссийского народа. Киев: тип. Киево-Печерской лавры, 1823. 105 с.

6. *Гизель И.* Синописис или Краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-российскаго народа, и первоначальных князей богоспасаемаго града Киева. Киев: тип. Лавры, 1680. 228 с. URL: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/162244?query=синописис&index=13> (дата обращения: 20.05.2021).

7. *Голятовский И.* Месиа правдивый. Киев: тип. Лавры, 1669. 446 л. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004085551#?page=1> (дата обращения: 20.05.2021).

8. *Корзо М.А.* Лазарь Баранович // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 39. М.: Церковно-науч. центр «Православная энцикл.», 2000. С. 679–686.

9. Патерик, или Отечник Печерский. Киев: тип. Киево-Печерской Лавры, 1661. 314 л.

10. *Радивиловский А.* Огородок Марии богородицы розмаитыми цветами словес на праздники господския, богородичны и проч. святых. Киев: тип. Лавры, 1676. 1148 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004086204#?page=1> (дата обращения: 18.06.2021).

11. *Сиренов А.В.* Идея династической монархии в России и родословные древа русских царей XVII–XVIII вв. // Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков / сост. А.В. Сиренов. М.: Юбилейная книга, 2018. С. 8–27.

12. Царю Юстиниану главизны поучительны по краегранесию еллински изложены, славенски же первее напечатаны. Киев: тип. Лавры, 1628. 28 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003442620#?page=1> (дата обращения: 18.06.2021).

13. *Яковенко Н.Н.* Символ «Богохранимого града» у київській пропаганді 1620–1640 років // Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей. 1995. Т. 4. С. 52–75.

УДК 930.2

*И.А. Устинова*¹

«Неистовое дело»: бесчестье архиерея и наказание за него в России в конце XVII в.

Аннотация. В статье на материалах архивного дела Разрядного приказа об архиерейском бесчестье епископа Тамбовского и Козловского Леонтия 1683 г. рассматриваются практические аспекты правоприменительной судебной практики по преступлениям против высших духовных лиц в конце XVII в. Предпринята попытка проанализировать логику использования конкретной меры наказания в случаях, которые напрямую не предусмотрены законодательством. Сделаны наблюдения об основных этапах судебного разбирательства, динамике и временных рамках его развития.

Ключевые слова: бесчестье; архиереи; Соборное уложение; торговая казнь; битье батогами.

“Outrageous case”: dishonor of bishop and punishment for it in Russia at the end of the XVII century

Abstract. Using the example of archival materials from the case of the Razryadnyy Prikaz about dishonor of bishop Leonty of Tambov and Kozlovsky in 1683, the article considers the practical aspects of law enforcement judicial practice on crimes against high clergy at the end of the 17th century. The author attempts to analyze the logic of imposing a specific punishment in cases that are not directly provided for by law and concludes about the main stages of the trial, the dynamics and time frame of its development.

Keywords: dishonor; bishops; Sobornoe Ulozhenie; public execution; beating with batogs.

Развитие законодательства в России XVII в., разработка и принятие Соборного Уложения 1649 г. способствовали упорядочению системы наказаний в разных сферах жизни общества [7; 12]. Судебные процедуры получили регламентацию, вводились более дифференцированные нормы наказаний. Тем не менее правоприменение по многим вопросам оставалось во власти прецедентного права, выносилось на доклад царю. Проблемы правоприменительной практики в России XVII в. остаются в центре исследовательских дискуссий [5; 11; 15]. В этой связи весьма интересным

¹ **Ирина Александровна Устинова** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: ilustinova@yandex.ru.

Irina A. Ustinova – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Center of history of Russian feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

представляется исследование реальных судебных дел [16] и выявление механизма принятия решений, установления размера реального наказания и его соотношения с нормами действовавшего законодательства.

Особую страницу русского законодательства XVII в. составляет вопрос о преступлениях против «князей церкви» – патриарха, митрополитов, архиепископов, епископов, настоятелей монастырей. Соборное Уложение обращается к этой проблеме дважды: в главе 1 «О богохульниках и церковных мятежника» [12, с. 21] и в главе 10 «О Суде» [12, с. 34]. В первой главе предметом внимания законодателя стала защита православной веры, церковного богослужения и церковного пространства. В девяти статьях главы названы следующие преступления: хула на Иисуса Христа, Богоматерь и святых; препятствие совершению божественной литургии, непристойные речи церковным властям во время совершения службы; насилие и «бесчестье словом» в церкви; обращение с челобитьем в церкви. За эти преступления предусматривались суровые наказания – от смертной казни через сожжение до торговой казни и тюремного заключения. Глава 10 «О Суде» включала более частные случаи оскорбления духовных властей – за бесчестье словом духовных лиц вне стен церкви. Обстоятельства и «формат» нанесения оскорбления Уложение не уточняло, а размеры наказания напрямую связывало с социальным положением оскорблявшего и духовным саном оскорбленного. Так, честь патриарха могла стоить преступнику жизни, а бесчестье простого священника лишь 5 рублей. Как видно, Соборное Уложение очертило лишь самые общие вопросы в деле наказания за оскорбление духовных лиц. Исследовать правоприменительную практику по этому вопросу необходимо на материалах реальных судебных дел. И в этой связи особый интерес представляет дело 1683 г. об оскорблении епископа Тамбовского и Козловского Леонтия.

В фонде Разрядного стола Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов сохранились материалы следствия о «неистовом деле» черкашенина Сафона Фетисова [9, стб. 40–50]. Они включают челобитную из Козловской приказной избы от воеводы Василия Михайловича Дмитриева в государев Разряд от 28 октября 1683 г. В челобитной содержится подробный рассказ о событиях в г. Козлове 24 июня того же года. Челобитная была принята в Разрядном приказе и «отдана от записки» 1 ноября того же года. Еще один документ в деле – выписка «в доклад» государям. На выписке зафиксировано решение царей Ивана и Петра Алексеевичей. В деле также имеется черновик государевой грамоты в Козлов, датированный 3 ноября 1683 г. [9, стб. 47–50]. Таким образом, дело было рассмотрено в Москве в максимально короткий недельный срок, а с учетом развития событий на месте от инцидента до вынесения приговора заняло чуть более четырех месяцев.

Делопроизводственные материалы позволяют восстановить ход событий и суть преступления предельно точно. Преступник – Сафонка Фетисов, родом черкашенин, полковой казак из г. Коротояка, занимался кузнечным делом. В Козлове Сафонка оказался в 1680 г., когда козловский воевода боярин Борис Петрович Шереметев взял его к себе из Коротояка «для ружейного дела государева полкового всякого ружья» [9, стб. 43]. После этого, по свидетельству Сафонки, из Козлова его не отпускали. В воскресенье 24 июня 1683 г. Сафонка пил в кабаке и «напився пьян беспамятно». Утомившись, отправился домой, но идти ему показалось «долеча», и он нашел временный приют в проезжей башне у Земляного города за Кузнечным рядом, где благополучно уснул. Вскоре, однако, его сон прервался в связи с настоятельной физиологической потребностью, которую Сафонка немедленно удовлетворил, не покидая башни. Обстоятельства сложились таким роковым для Сафонки образом, что именно в этот момент через ворота проезжей башни двигался после службы в соборной церкви г. Козлова епископ Тамбовский и Козловский Леонтий. От действий Сафонки пострадало облачение епископа и образ Пресвятой Богородицы в киоте на воротах башни. В расспросных речах Сафонка вины своей не отрицал, но указывал, что «с того де пьянства и со сну он... того не помнит... и ево де епископа не видал» [9, стб. 43–44].

Далее события развивались стремительно. Разгневанный епископ Леонтий приказал своим спутникам изловить преступника. За дело взялись козловский соборный протопоп Викул, поп Василий и приказной человек епископа Тимофей Батасов [9, стб. 45]. Сафонка был пойман и по распоряжению епископа «за ево неистовство» отведен в Козловскую приказную избу, где взят под стражу. Попытки расспросить Сафонку о произошедшем сразу при аресте не увенчались успехом – «приведен был пьян беспамятно» [9, стб. 46]. В документах отмечено, что «инога никакова дела на того черкашенина кроме того они [представители епископа Лаврентия, производившие задержание. – *И.У.*] не знают». На следующий день, 25 июня, Сафонка был расспрошен в приказной избе, после чего оставлен под стражей «до указу великих государей» [9, стб. 44]. Как уже говорилось выше, челобитная по делу Сафонки прибыла в Москву лишь 28 октября 1683 г., все это время он оставался под стражей.

1 ноября 1683 г. великие государи Иван и Петр Алексеевичи слушали доклад по «неистовому делу». Был вынесен вердикт: «тому черкашенину за тое ево вину и за пьянство в торговой день при многих людех велел [приказ адресован козловскому воеводе Василию Михайловичу Дмитриеву. – *И.У.*] учинить наказанье вместо кнута, сняв рубашку, бить батоги нещадно» [9, стб. 49]. По совершении экзекуции Сафонку было велено «из тюрьмы сво-

бодить» и в Москву о том отписать. Данных о том, когда наказание было приведено в исполнение, нет.

Занимательно, что и судьба епископа Леонтия сложилась непросто. Всего через два месяца после вынесения приговора Сафонке Фетисову епископ Леонтий был отрешен от епархии за «некоторые вины» [3, с. 45; 6, с. 615]. Одной из причин опалы исследователи считают симпатии Леонтия к расколу [4, с. 11]. В 1685 г. он был направлен викарным епископом Новгородскому митрополиту Корнилию в восстановленную Корельскую епархию, а в 1690 г. переведен викарием суздальского митрополита Илариона [1, с. 195]. Вскоре он вызвал гнев владыки и был осужден на «неисходное жительство» в Спасо-Евфимиевом монастыре [17, с. 67], однако участвовал в мероприятиях по перенесению мощей в епархии [10, с. 224]. Известно о его смерти после 1707 г.

Примечательно, что в этом деле власть волновало не только оскорбление архиерея и святого образа, но и, в значительной степени, доступность проезжих башен случайным людям. В показаниях Сафонки отмечено, что он неоднократно пьяным ночевал в этом месте. По данному вопросу также последовало царское распоряжение воеводе: «впредь того смотреть, чтоб на проезжих воротах в и глухих башнях двери были заперты и запечатаны, и на город ни для каких своих дел и гулянья не входили, чтоб однолично городывым [так. – *И.У.*] крепостям ото всего было береженье большое» [9, стб. 50]. Вполне оправданным представляется беспокойство властей в связи с обнаружившейся доступностью городских укреплений пограничного Козлова любым случайным гулякам.

Обратимся теперь к ключевому вопросу настоящей статьи – насколько суровым и соответствующим правовым нормам времени было наказание Сафонки Фетисова. Материалы дела свидетельствуют, что черкашенин понес двойное наказание: отсидел в тюрьме не менее четырех месяцев (на момент вынесения приговора), а также подвергся торговой казни с битьем батогами «нешадно». Соборное Уложение предусматривало подобные наказания за преступления в отношении высших духовных лиц в следующих случаях. Торговая казнь назначалась за словесное оскорбление, «непристойные речи» в адрес высших духовных чинов во время службы и церковный «мятеж» (гл. 1. ст. 3), а также за словесное оскорбление патриарха в любом другом месте людьми тяглыми и служилыми по прибору. Торговая казнь «без пощады» – за ранение кого бы то ни было в церкви (гл. 1. ст. 5). Тюремное заключение и битье батогами грозили за бесчестье словом духовных властей, осуществленное тяглыми людьми, стрельцами, казаками или пушкарям. При этом срок заключения при оскорблении архиепископов и епископов устанавливался весьма незначительный – три дня. Справедливо предположить, что преступление Сафонки рассматривалось властями

ми по нескольким статьям Уложения: оскорбление архиерея и, вероятно, оскорбление святыни (образа Пресвятой Богородицы на воротах башни). Отдельную трудность, по-видимому, составляла квалификация действий Сафонки. В Соборном Уложении перечень преступлений в этой категории невелик: препятствие совершению богослужения, оскорбление словом, драка и убийство в церкви. Вполне очевидно, что действия Сафонки не являлись «оскорблением словом», но и до побоев не дотягивали. Тем не менее ему была назначена «нешадная торговая казнь» как за насилие (ранение «не до смерти») в церкви (гл. 1. ст. 5). Вероятно, решающую роль в вынесении наказания сыграло оскорбление иконы. Кроме того, за время следствия Сафонке пришлось отсидеть в тюрьме срок больший, чем предусмотрен Соборным Уложением за любое из оскорблений духовных лиц. Это, однако, не было назначенным наказанием, а являлось следствием медлительности местных властей. Одной из причин сурового наказания могло стать и недовольство государей по поводу оскорбления епископа, который был им знаком лично. Леонтий был хиротонисан патриархом Иоакимом во епископы вновь созданной Тамбовской и Козловской епархии 2 апреля 1682 г. из игуменов Авраамиева Галицкого монастыря [14, с. 868, 891]. Есть основания полагать, что Леонтий присутствовал на церковном соборе в Москве в 1681–1682 гг. [13, стб. 947], был на похоронах царя Федора Алексеевича 28 апреля 1682 г., а на венчании на царство 25 июня того же года Петра и Иоанна Алексеевичей принимал державу [2, № 15, с. 39]. Представляется также, что непропорционально большое даже по меркам Соборного Уложения наказание черкашенина С. Фетисова связано и с раздражением властей нарушениями в содержании оборонительных укреплений приграничной крепости.

Список источников и литературы

1. *Амвросий (Орнатский)*. История российской иерархии. Т. 1. Ч. 1. М.: при Синодальной типографии, 1807. 643 с.
2. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 10. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1867. 516 с.
3. *Здравомыслов К.Я.* Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени: Краткие биографические очерки. Новгород: паровая тип. И.И. Игнатовского 1897. 255 с.
4. *Кученкова В.А.* Святыни Тамбовской епархии. М.: Моск. патриархат, 1993. 109 с.
5. *Луптова М.А.* К вопросу о системе наказаний и практика ее применения по Соборному Уложению 1649 г. // Молодой ученый. 2021. № 20 (362). С. 346–349.
6. *Макарий, митрополит Московский*. История русской церкви. Кн. 7. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского мон-ря, 1996. 672 с.

7. *Маньков А.Г.* Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. М.: Издательство ГПИБ России, 2003. 369 с.
8. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 16. М.: Синодальная типография, 1910. 527 с.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Приказного стола. Оп. 13. Д. 845.
10. Русский биографический словарь / под ред. А.А. Половцова. Т. 10: Лабзина – Ляшенко СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1914. 846 с.
11. *Сидоркин А.И.* Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы в русском уголовном законодательстве IX–XVII вв.: проблемы правового регулирования, систематизации и применения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2005. 51 с.
12. Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии. Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1987. 448 с.
13. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: [кн. 1–6]. Кн. 3. Т. 11–15. СПб.: издание Т-ва «Общественная польза», б.г. XII, 1580 стб.
14. *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российских церкви. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. 1064 стб.
15. *Тимошина Л.А.* К вопросу о применении XVI и XVII глав Соборного уложения в приказной практике // Государство и общество в России XV – начала XX в.: сборник статей памяти Н.Е. Носова / отв. ред. А.П. Павлов. СПб.: Наука, 2007. С. 324–339.
16. *Тимошина Л.А.* Судебно-следственные дела в источниковедении // Очерки феодальной России / ред. С.Н. Кистерев. М.; СПб.: Альянс–Архео, 2012. С. 238–299.
17. *Хитров Г.* Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов: Тип. Коллежского регистратора В.И. Закржевского, 1861. 342 с.

УДК 94 (470) «18»

*М.А. Киселев*¹

Проблема судебных полномочий представителей Берг-Мануфактур-коллегии на Урале и государственная деятельность В.Н. Татищева в 1721 г.²

Аннотация. В статье анализируется пересечение ведомственных юрисдикций в ходе коллежской реформы Петра I в связи с проблемой подсудности населенных пунктов, приписанных к уральским казенным металлургическим заводам, переданным из ведения Сибирской губернской канцелярии в управление представителям Берг-Мануфактур-коллегии, В.Н. Татищеву и И.Ф. Блиеру, в 1720 г. Показывается, что в 1721 г. в ходе решения проблемы, кто должен осуществлять суд – представители Берг-Мануфактур-коллегии или губернской администрации, В.Н. Татищев добился, в том числе преодолевая сопротивление губернских властей, чтобы именно последние назначили судью в заводские округа. Это было связано не только с логикой ведомственного строительства, но и с тем, что реформа управления в регионе осуществлялась в условиях нехватки квалифицированных кадров.

Ключевые слова: Российская империя; Берг-Мануфактур-коллегия; история Урала; В.Н. Татищев.

The problem of judicial powers of representatives of Berg-Manufaktur-collegium in the Urals and state activity of V.N. Tatishchev in 1721

Abstract. The article analyses the intersection of departmental jurisdictions in the course of Peter I collegiate reform on the base of the problem of jurisdiction over the settlements ascribed to the Ural government metallurgical plants, which in 1720 were transferred from the Siberian provincial chancellery to the Berg-Manufaktur-collegium representatives (V.N. Tatishchev and I.F. Blier). The article shows that while trying to determine who should carry out the trial – the representatives of the Berg Manufaktur-collegium or the gubernia administration, V.N. Tatishchev achieved (overcoming the resistance of gubernia authorities) to appoint a gubernia judge to the factory districts. This was due not only to the logic of departmental construction, but also to the fact that the reform of administration in the region was taking place in a situation of shortage of qualified personnel.

Keywords: Russian Empire; Berg-Manufaktur-collegium; history of the Urals; V.N. Tatishchev.

¹ **Михаил Александрович Киселев** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), e-mail: m.a.kiselev@urfu.ru.

Mikhail A. Kiselev – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

² Исследование подготовлено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-09-42022.

В рамках коллежской реформы Петра I была учреждена Юстиц-коллегия, которой подчинялась создаваемая на местном уровне сеть судов. В то же время другие коллегии в рамках своей юрисдикции также могли наделяться судебными полномочиями, что создавало проблемы межведомственного разграничения подсудности. В начале 1720-х гг. такая ситуация возникла на уральских казенных горных заводах, где помимо заводских управленцев, мастеровых и работных, подсудных представителям Берг-Мануфактур-коллегии, привлекались к работам приписные государственные крестьяне, чья подсудность оказалась спорной. И в итоге это стало одной из проблем, которую решал в 1721 г. В.Н. Татищев. Историки уже обращались к этому сюжету. Д.А. Редин пришел к выводу, что Татищев в 1721 г. стремился «расширить судебные прерогативы», распространяя их на приписных крестьян, что решительно пресекалось губернскими властями [7, с. 269]. Схожим образом Е.В. Бородин утверждает, что в 1721 г. Тобольский надворный суд боролся в сфере суда «с проявлением излишней самостоятельности... Берг-коллегии на Урале» [1, с. 88]. Однако исследователи не учли несколько важных доношений Татищева, позволяющих скорректировать высказанные предположения и увидеть более сложную картину межведомственного взаимодействия на местном уровне, появившуюся в ходе реформы государственного управления Петра I, что и предпринимается в настоящем исследовании.

В 1713 г. указом сибирского губернатора М.П. Гагарина из находившегося под властью Сибирской губернской канцелярии казенного Уктусского завода путем приписки к нему слобод был образован особый административный заводской округ – так называемое ведомство Уктусского завода. Его начальник (с 1718 г. комиссар Т.М. Бурцев), ведавший одновременно и казенным Алапаевским заводом, был обязан не только руководить заводским хозяйством, но и осуществлять в округе общегражданское управление, обеспечивая при этом отработку приписными части прямых налогов на заводских работах и собирая неотработанную часть прямых налогов, которая тратилась на заводские нужды, а остатки отсылались в Тобольск, центр Сибирской губернии [11, л. 39, 27, 36]. Соответственно, он наделялся и судебскими полномочиями на территории округа [6, л. 168].

В 1720 г. ведомство Уктусского завода, а также, как позднее выяснилось, Алапаевский завод, к которому в марте 1721 г. будут приписаны три слободы, были переданы из ведения Сибирской губернии под власть Берг-Мануфактур-коллегии, а точнее – в распоряжение отправленной на Урал коллежской экспедиции во главе с В.Н. Татищевым и И.Ф. Блиером. Последние прибыли на Уктус в конце декабря 1720 г. и активно включились в управление заводом. Татищев, которому в коллежской экспедиции были

поручены функции судьи, выяснил, что теперь он должен решать судебные вопросы, связанные с приписными заводского округа и иными персонами не из заводских служащих и работников. Это не устроило Татищева, и 28 февраля 1721 г. он написал в Берг-Мануфактур-коллегию: «Здесь приводят воров и салдат беглых, и челобитчики нам скучают, и понеже мы о таких делех указа не имеем, к тому ж и случай заводской превреждает, а камисар [Бурцев. – М.К.], яко человек посацкой, в судах неискусной, [а] ежели ж в Тоболеск отпущать, то труд и убытков в подвод напрасной, того ради писал я к губернатору, чтоб изволил определить, кому такие дела судить, а воров и оных беглых салдат велел я держать в катаржной работе, давая на день по капейке» [9, л. 80 об.–81].

После приезда в Тобольск Татищев поднял данную проблему в доношении в Сибирскую губернскую канцелярию от 9 марта: «До прибытия нашего на... Уктуских и Алапаевских заводах по указу бывшего губернатора князя Гагарина управлял всякия розыскныя и судныя дела камисар Бурцов и Уложенья и новоуказных статей не имел. И понеже он человек посадской и в судных делех незабыкновенной, к тому ж обязан заводским управлением, того ради опасно погрешения. И хотя я указ имею междо горными служители суд иметь, однако ж являются дела разных чинов людей, беглых салдат и протчих, которые к нашему суду не подлежат. О таких мы, указа не имея, в розыск вступать и наказание чинить не смеем». Отметив, что на Уктусском заводе по нескольким судебным делам есть колодники, по его мнению «принадлежащая к коллегии Юстиции», Татищев задал такой вопрос: «Ежели оных колодников повелите отсылать, куда к суду на каких подводах, ибо на прогоны и провоз денег без позволения Берг-коллегии держать не смею, таже драгун имею малое число, и те по караулом и у дел» [3, л. 76 об.–77].

Из Сибирской губернской канцелярии ответ последовал 20 марта 1721 г., где сообщалось, что Татищеву следует «о судных и розыскных делах решения требовать от Тобольского надворного суда, которой по присланному указу из Юстиц-коллегии определен в Сибирской губернии... и об отсылке колодников и на каких подводах, требовать указу от того ж надворного суда». Что же до беглых солдат, то их в случае задержания полагалось отправлять в Сибирскую губернскую канцелярию «тех слобод на крестьянских подводах, в которых они слободах жили, и с теми ж крестьяны, которыя их держали» [4, л. 79–79 об.]. Кроме того, Сибирская губернская канцелярия переслала доношение Татищева в Тобольский надворный суд, который 30 марта принял решение, доставленное на Уктусский завод 24 апреля. В нем Татищеву предписывалось: «колодником по делам указ учинить по его великого государя указу и по Соборному Уложению,

а буде за чем указу учинить будет немочно, о том писать, и дела, закрепя своею рукою, и колодников, заковав в кандалы, высылатъ в Тоболеск на их подводках, а у которых колодников подвод нет, и нанять им не на что, и по тех колодников подводы взять у тех людей, до кого те дела касаютца, а отписку и дела велеть подать и колодников объявить в канцелярии надворного суда судьям... а с тех подлинных дел на Уктуских и Алапаевских заводах оставить копии» [10, л. 186–186 об.]. Итак, надворный суд подтвердил наличие судейских полномочий на территории заводских округов у Татищева и был готов выступить лишь в качестве суда второй инстанции.

Татищева такой порядок не устраивал, и 14 мая он отправил ответ в Тобольский надворный суд: «Я доносил в губернию, что здесь Уложения и новопод[т]вердительных указов нет, того ради по оному вершить невозможно, а хотя оное и было, но не объявлено, каким порядком и кем оныя дела управлять, какие деньги на расход бумаги, чернил, свеч и на жалованье подьячим и прочим служителем давать и колико число, еще же многие дела случаются, которыя за неполностию Уложения, кроме Военного артикула и новообъявленных печатных указов, вершены быть не могут, и о канцелярских деньгах в Уложение не написано... Еще же ежели случится, что ис слобод Демидова крестьяне или жители (кроме мастеров и прочих горных служителей) по приобщению и бес приобщения злодеяния в свидетельствах для доказанія обстоятельств к суду потребуются, от кого оных требовать или о изследовании писать, не известен я, чьему суду оныя подлежат, понеже они Демидову токмо отданы, как и прочим заводам в работу. Ежели ж о таких делах всегда в надворной суд писать и колодников посылать, то яко судьям, так и челобитчиком от продолжения дел немалой труд явится». В конце ответа Татищев извещал Тобольский надворный суд о своем обращении в Берг-Мануфктур-коллегию по данной проблеме [10, л. 187–188].

Соответственно, 2 июня Татищев сообщал в Берг-Мануфктур-коллегию: «Писали ко мне из Тобольского надворного суда, чтоб мне иметь над приписными слободами гражданской суд, но оног я без позволения коллегии и для прочих сумненей принять не мог» [3, л. 167]. В коллегии, рассмотрев заявление, 20 июля приняли следующее решение: «На[и]лучше б, дабы от надворного судьи для таких дел прислали от себя кого пристойно, хто б от них такие дела могли одправлять, и во оном бы в дурных делех остановки не было; или не лучи ль оное на себя снять, дабы... в рудном деле не было какого препятія». В итоге Татищеву предлагалось в вопросе судейских полномочий «учинить по своему россмотрению» [9, л. 119 об.].

В сентябре 1721 г. Татищев, получивший указы из коллегии, стал готовиться к поездке в Тобольск «для счѣту з губерниєю, також и для решения

о податях со крестьян и определения дворян к судным и к другим делам» [2, л. 116]. Будучи в Тобольске, 18 октября он подал доношение в Сибирскую губернскую канцелярию, где просил для сбора налогов с приписных к Уктусскому и Алапаевскому заводам «определить в те слободы камисаров из губернии, как и в другие дистрикты, а оные деньги отдавать нам с росписками, також и работы крестьян зачитать в денежное число». Кроме того, Татищев хотел, чтобы «на обои заводы судии определены были, понеже я на то времени и достойных х тем делам сослужителей не имею» [3, л. 317–317 об.]. Получалось, что Татищев желал отдать в ведение губернских не только суд над приписными, а и сбор налогов, в связи с чем допускал создание дистриктов губернского подчинения на базе находившихся в ведении Берг-Мануфактур-коллегии слобод, приписанных к Уктусскому и Алапаевскому заводам.

8 декабря 1721 г. последовал указ Сибирской губернской канцелярии, согласно которому «комисаров из губернии для збору в те слободы не определять для того, что по... указу из Камер-коллегии велено к тем заводам приписные слободы отдать и с оклады и збирать всякие зборы тебе, или кого ты от себя определишь». В качестве своеобразной помощи в организации управления канцелярия направила Татищеву копию инструкции земскому комиссару 1719 г. и «с образцов для сочинения судей на оные заводы велено указ учинить в Тобольску в надворном суде» [8, л. 23–23 об.]. И уже 12 декабря указом Тобольского надворного суда на Уктусский и, соответственно, на Алапаевский заводы, а также на Невьянский завод, принадлежавший Демидовым, был определен судья Венедикт Томилов, которому на заводах следовало передать соответствующие дела с колодниками, а также дать «к тем делам подьячих, сторожа, караульщиков, розсыльщиков съезжего и постоянного дворов» [1, с. 86–87]. В связи с этим В.Н. Татищев и И.Ф. Бликер 24 декабря приняли постановление о передаче судьбе дел и обеспечении его служителями и помещением, при этом подчеркивалось, что Томилову следовало направлять под суд «крестьян, кроме мастеровых людей» [2, л. 131–131 об.].

В вопросе сбора налогов с приписных и организации их высылки на работы Татищев, фактически в соответствии с рекомендациями Сибирской губернской канцелярии, пошел по пути создания дистриктов во главе с земскими комиссарами, подчиненными при этом горной власти: 23 декабря 1721 г. были учреждены два подведомственных Берг-Мануфактур-коллегии и ее представителям дистрикта – Уктусский во главе с С.К. Нееловым и Алапаевский во главе с И.В. Аврамовым. Последний исполнял должность управляющего заводом, а Неелову предписывалось «в зборах над ним над-

зирать» [2, л. 129–129 об.]. Надзирание, скорее всего, было связано с тем, что Неелов являлся более опытным чиновником. Как отмечал Татищев, «он у дела был старым подьячим многое время и человек доброй и не пьяница». И Неелова, и Аврамова Татищев смог получить в свое распоряжение в декабре 1721 г. благодаря тому, что они были членами компании во главе с Т. Замощиковым, желавшими построить на р. Лобве медеплавильный завод и получившими в 1720 г. на это жалованную грамоту от Берг-Мануфактур-коллегии. При этом у компанейщиков оказалось не так много знаний о горном деле. Неелов утверждал, что «из их кампании к тому делу заобычайных никого нет», в связи с чем при встрече в Тобольске с Татищевым и высказал желание «быть при заводах, пока в том его желание будет, что б ему по возможности заводскому делу обучиться, и потом на своих заводах с компанейщиками [дела] содержать мог» [3, л. 339–339 об.]. Татищев, пользуясь тем, что по Берг-привилегии 1719 г. компанейщики оказались в юрисдикции Берг-Мануфактур-коллегии, и привлек Неелова с Аврамовым.

Татищев 2 января 1722 г. дал С.К. Неелову помимо инструкции земскому комиссару наказ от себя, где поместил и ряд норм по вопросу взаимодействия с судьей. Неелову предписывалось «за судьео... надзирать, чтоб напрасно крестьяном обид не делал и напатов для своих прихотей не чинил. Ежели ж то уведаеть, должен ты ему письменно предлагать. Ежели не послушает, то доносить нам». Схожим образом полагалось «смотреть того накрепко, дабы посылаемые в слободы от судей никому домовного разорения и грабежу не чинили, ненадлежащего [в] езде не брали. Того ради, ежели кого надобно взять, надлежит при том быть сотскому или десятскому и в поимке воров и противников спомоществовать советом и делам. Противно же учинившие постраждут сами, яко преступники». Неелову фактически следовало контролировать судебную активность подведомственных ему приписных, решая мелкие конфликты и дела без обращения к судье: «А для лутчего порятку крестьяном, ежели одному на другаго в чем надлежит бить челом, должен прежде десятскому и сотскому сказать, и оным труд свой прилагать их усмирить. Ежели ж не умирятя, тогда вольно им бить челом. А наипаче, чтоб в работную пору и в малых делех, в брани и в малых ссорах крестьяном волокиты не делалось, того ради в таких делех велеть им судиться пред соцкими и камисарами, и оных обидителей смирать. В долгах же больши рубля и воровстве сотским не судить, разве которые от судей дале ста верст, то камисаром челобитные принимать и дела следовать, а к судье писать, и когда он туда прибудет, тогда те дела и колодников ему отдать». При этом колодников следовало «ни в каких делех в слободах более трех дней не держать, но отсылать их на ближнейшие

заводы и отдавать судье, а в небытности его заводскому камисару в катаржную работу». Неелов был обязан следить и за тем, чтобы со стороны приписных не нарушалась судебная подведомственность горных служителей: «Слободским на горных служителей, то есть на мастеров, подмастерьев и работников, кроме горных начальников (заводских управителей) нигде не бить челом». Соответственно, «ежели кто подчиненной земского суда не обвестят своему начальнику, будут бить челом судье и другому зделает напрасную волокиту и убыток, таковых смирать сотским и земским камисаром по надлежащему». По вопросу о содействии судье Татищев предписывал «на кождых заводах дать судье одного сторожа из бобылей и переменять помесечно, или велеть им нанять одного в год с поруками, чтоб кому верить было можно» [5, л. 27–28].

Итак, В.Н. Татищев в 1721 г. как представитель Берг-Мануфактур-коллегии, активно занявшись управлением казенными заводами на Урале, рассматривал судебную власть над приписными как обузу, требовавшую материальных затрат и управленческих ресурсов, включая и его внимание. Сама Берг-Мануфактур-коллегия в итоге не высказала однозначного мнения по этой проблеме, указав как на преимущества, так и на недостатки наличия такой судебной практики, после чего передала решение вопроса на усмотрение Татищева, который, в свою очередь, попытался переложить суд над приписными на представителей губернских властей. Однако последние, как в лице Сибирской губернской канцелярии, так и Тобольского надворного суда, отнюдь не выказывали заинтересованности в отправке отдельного судьи в округ, переданные в ведомство Берг-Мануфактур-коллегии, и стремились к тому, чтобы судебные полномочия остались за Татищевым. Тем не менее упорство Татищева было вознаграждено, и в заводские округа ведомства Берг-Мануфактур-коллегии все-таки был прислан судья, подчиненный Тобольскому надворному суду. В логике накопления властных полномочий представителями разных ведомств это можно было бы расценить как поражение Татищева, если бы он сам этого активно не добивался. Это, равно как и первоначальное поведение губернских властей, вполне можно объяснить проблемой нехватки квалифицированных управленческих кадров на местах, из-за чего учреждения несмотря на ведомственные границы и интересы искали возможности для административной экономии. Следует обратить внимание, что до 1721 г. комиссар Уктусского завода Т.М. Бурцев вполне справлялся с судом над приписными, хотя, по словам Татищева, «Уложенья и новоуказных статей не имел» и был «судных делех незабыкновенной». И в этом отношении обозначена проблема, касавшаяся не только нехватки служащих, но и необходимости соблюдения определенного качества суда, соответствовавшего новому государству, которое соз-

давал Петр I и поклонником которого был сам Татищев. Не имея возможности полноценно выстроить все элементы такого государства в заводских округах, Татищев в итоге сосредоточился на горном деле и его управлении, совершая в остальном административные маневры и эксперименты.

Список источников и литературы

1. *Бородин Е.В.* Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Екатеринбург: БКИ, 2012. 308 с.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 5.
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6.
4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9. Т. 1.
5. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 3122.
6. ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2.
7. *Редин Д.А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург: Волот, 2007. 608 с.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Оп. 1. Д. 616.
9. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618.
10. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 621.
11. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 624.

УДК 94(47).043+06

*М.Т. Накишова*¹

**Деятельность петербургского коменданта
Я.Х. Бахмеотова: строительство постоянных дворов
(1722–1725 гг.)²**

Аннотация. В статье поднимается вопрос о функциях и сфере компетенции коменданта Петербургской крепости петровского времени на примере деятельности Я.Х. Бахмеотова. В частности, уделяется внимание участию коменданта в процессе строительства и благоустройства общественных пространств Санкт-Петербурга. Исследование проводится на основе подробного изучения комплекса писем, доношений, репортов, табелей и ведомостей, отправленных Бахмеотовым к генерал-губернатору Санкт-Петербурга А.Д. Меншикову, которому комендант непосредственно подчинялся. Анализируется деятельность Бахмеотова по строительству постоянных дворов на московской и петербургской сторонах, реконструируются мероприятия, проводимые комендантом, и прослеживаются механизмы его взаимодействия с другими государственными институтами, входящими в систему управления городом. В результате делается вывод о том, что сфера компетенции коменданта при необходимости распространялась не только на подчиненную ему крепость, но и на территорию всего города.

Ключевые слова: комендант Петербургской крепости; строительство; постоянные дворы; городское управление; Санкт-Петербург; Я.Х. Бахмеотов; А.Д. Меншиков.

**State activity of St. Petersburg commandant
Y.Kh. Bakhmeotov: construction of inns (1722–1725)**

Abstract. The article raises the question about functions and competence of St. Petersburg commandant on the example of the state activity of Y.Kh. Bakhmeotov. In particular, attention is paid to the role of commander in the construction and improvement of public spaces in St. Petersburg. The study is carried out on the basis of a set of letters, confidential reports and other official documents sent by Bakhmeotov to the A.D. Menshikov, Governor General of St. Petersburg, to whom the commander directly obeyed. Bakhmeotov's state activity on the construction of inns on the Moscow and St. Petersburg sides and

¹ **Марина Тазабаевна Накишова** – младший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), e-mail: m-nakishova@mail.ru.

Marina T. Nakishova – Junior Researcher, Laboratory for Studying Primary Sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

² Исследование подготовлено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20–09–42022 («Ментальное государство» Петра Великого и эксперименты регионального администрирования. Первая четверть XVIII в.»).

his contacts with other state institutions included in the city management system are analyzed in detail. As a result, it is concluded that if it was necessary, the competence of the commander extended not only to the fortress subordinate to him, but also to the territory of the city.

Keywords: commander of the St. Petersburg fortress; construction; inns; city administration; St. Petersburg; Y.Kh. Bakhmeotov; A.D. Menshikov.

Создание имперской столицы, Санкт-Петербурга, в дельте Невы по праву может считаться одним из самых грандиозных проектов петровского правления. Задача построить с нуля новый город, способный поспорить в величии с европейскими столичными центрами, во многом была стратегической. По мнению О.Г. Агеевой, в первые годы своего существования Санкт-Петербург должен был обеспечить для страны экономические и военные выгоды (выход к морю, пути контактов с Европой). В дальнейшем к этому добавилась и стала доминирующей репрезентативная функция новой столицы как символа просвещенной в ходе петровских реформ России, своеобразного города-парадиза [1, с. 61].

Тяжелый груз ответственности за строительство и благоустройство общественных пространств Санкт-Петербурга лег на плечи многочисленных властных институтов общегосударственного и местного значения. Первым лицом в городе, в чьих руках сосредоточились все нити управления новой столицей, стал генерал-губернатор А.Д. Меншиков, близкий друг и доверенное лицо государя. Ему подчинялась Губернская канцелярия, ведавшая делами Ингерманландской (с 1710 г. – Санкт-Петербургской) губернии, центром которой являлся Санкт-Петербург. Для управления Петербургской крепостью учреждалась должность коменданта, при котором также имелась своя канцелярия. Дела военно-морского управления находились в ведомстве Адмиралтейства, а руководство городской застройкой, поиск мастеровых и доставка строительных материалов относились к сфере компетенции Канцелярии городских дел (с 1723 г. – Канцелярия от строений). Затем в 1718 г. для поддержания общественного порядка была создана Полицмейстерская канцелярия, во главе которой указом государя был поставлен генерал-полицмейстер А.М. Девиер. В 1720 г. появился еще один орган городского управления – Главный магистрат, призванный выполнять функции городской ратуши. Сферы компетенции органов власти в Санкт-Петербурге, как правило, пересекались, поэтому лица, возглавлявшие их, были вынуждены сотрудничать друг с другом и по мере возможности решать возникавшие, в том числе из-за отсутствия четких регламентаций, управленческие конфликты¹.

¹ О взаимодействии между различными органами власти см., например: [1, с. 135–144; 3; 9, с. 153–175; 7, с. 39–52].

Относительно того, какому государственному институту стоит отдать первенство в процессе городского строительства и благоустройства в петровском Санкт-Петербурге, в историографии существует несколько мнений. Часть исследователей связывает строительную деятельность, прежде всего, с Канцелярией городских дел, которая изначально создавалась для руководства городской застройкой¹. Другие подчеркивают значительный вклад в процесс благоустройства Санкт-Петербурга Полицмейстерской канцелярии, следившей за четким исполнением царских распоряжений [3, с. 345; 7, с. 41–45; 8; 12, с. 151–153; 20]. Также существует мнение, что в первой трети XVIII в. «все управление городом, его строительством и хозяйством осуществлялось под руководством петербургского генерал-губернатора светлейшего князя А.Д. Меншикова» [1, с. 135].

На мой взгляд, наиболее перспективной является идея С.П. Луппова, предположившего, что функции и доля участия в процессе строительства различных органов власти (в его работе речь идет о Губернской и Полицмейстерской канцеляриях) менялись на протяжении петровского правления в связи с появлением новых государственных институтов и выдвиганием на первый план новых управленческих задач [11, с. 156]. Кроме того, не менее важно отметить, что большинство авторов, изучавших историю раннего Санкт-Петербурга, вовсе не ставили перед собой задачи определить границы компетенции того или иного органа власти, проследить механизмы их взаимодействия друг с другом как в статике, так и в динамике. Внимание исследователей, скорее, привлекала городская повседневность, процесс создания города в общих чертах. Поэтому системное изучение функций различных государственных институтов, занятых в управлении Санкт-Петербургом, в том числе и их роли в процессе строительства новой имперской столицы, до сих пор не теряет своей актуальности.

Более примечательно, что историки, говоря о строительстве и благоустройстве городской территории, совершенно обходят деятельность коменданта Петербургской крепости. В научных работах нашло распространение мнение, что к сфере компетенции коменданта относились, прежде всего, военные и хозяйственные заботы о подчиненной ему крепости, тогда как участие в управлении Санкт-Петербургом сводилось к посылке рабочей силы – солдат – на городские строительные работы, организации караулов, охране домов иностранных посланников, наблюдению за порядком, обслуживанию лазаретов и тюрем и т.д.² Таким образом, комендант вместе с подчиненным ему петербургским гарнизоном хоть и являлся «многофунк-

¹ На подробном анализе фондов городской канцелярии построено исследование Е.В. Анисимова [3].

² О деятельности комендантов см., например: [1, с. 135–137; 2; 6, с. 58–59; 10, с. 47–48; 14; 21].

циональным управленческим и исполнительским городским (иногда даже государственного уровня) учреждением» [1, с. 137], в организации строительной деятельности участвовал достаточно опосредованно.

Отчасти подтверждением многофункциональности коменданта и подчиненного ему гарнизона могут послужить комплексы архивных документов, относящиеся к периоду деятельности последнего петровского коменданта Я.Х. Бахмеотова (1717–1725) [15; 16; 17]. Более того, доношения и письма Бахмеотова к генерал-губернатору Меншикову позволяют утверждать, что функции коменданта Петербургской крепости были намного шире, чем принято считать. В частности, функции Бахмеотова, касающиеся строительства и благоустройства в столице, были связаны не только с организацией различных работ внутри подчиненной ему крепости, но и с управлением долгосрочными строительными «проектами» за ее территорией. Например, показательным является сюжет, относящийся к 1722–1725 гг. и связанный с устройством силами петербургского гарнизона под управлением коменданта постоянных дворов (домов) в различных частях Санкт-Петербурга.

Параллельно с ростом территории Санкт-Петербурга и расширением его застройки увеличивалась численность населения города, в основном за счет массового переселения. Чаще всего приезжие селились в дома к уже построившимся жителям, нанимая жилье за деньги или размещаясь на постой (для военных частей). Частный найм имел ряд преимуществ: во-первых, он позволял разместить прибывавших в город людей и обеспечить их хотя бы временным кровом; во-вторых, это приносило владельцам домов определенный доход. Однако подобная практика не удовлетворяла требованиям городских властей, поскольку государственные структуры в данном случае с трудом контролировали пребывавших лиц, что совершенно шло в разрез с идеей создания «регулярного» города. Для решения обострявшихся трудностей, вызванных постоянным ростом населения, в 1718 г. новоучрежденной Полицмейстерской канцелярии поручалось поставить под контроль поток приезжавших и отъезжавших людей. Согласно инструкции, данной генерал-полицмейстеру Девиеру, всем владельцам недвижимости в Санкт-Петербурге требовалось доносить в полицию о любом человеке, прибывшем к ним или собиравшемся уехать из города [13, с. 571]. Селиться в дома петербуржцев разрешалось только тем, кто имел специальное разрешение, а хозяину необходимо было оформить в Полицмейстерской канцелярии «жилую запись» с поручительством [8; 19, с. 136–137].

В 1723 г. у Петра I появилась идея запретить частный найм¹. Альтернативой ему виделась практика строительства казенных постоянных дворов,

¹ Для осуществления своей задумки, согласно О.Е. Кошелевой, в июле 1723 г. на корабле «Екатерина» по пути в Ревель Петр I подготовил указ, запрещающий частный найм жилья

которых на тот момент в Санкт-Петербурге имелось уже некоторое количество. Согласно исследованию Луппова, казенные постоялые дворы появились в столице в первое десятилетие его существования: по подворной описи Петербургской стороны за 1713 г., один из них был построен на Городском острове при входе в Посадскую улицу¹ [9, с. 154]. На протяжении 1720-х гг. строительство постоялых дворов только набирало обороты. Так, в описании Санкт-Петербурга 1749–1751 гг., изданном А.И. Богдановым, упоминаются деревянные казенные постоялые дома на берегу у Гагариной пристани, на Литейной стороне, построенные солдатами петербургского гарнизона по указу государя от 10 июля 1723 г. [5, с. 191]. К этому же времени относились мероприятия по созданию нескольких комплексов постоялых домов, проводимые комендантом Петербургской крепости Бахмеотовым под личным контролем генерал-губернатора Меншикова.

Впервые о строительстве постоялых дворов Бахмеотов сообщал Меншикову в своих письмах 2 августа 1722 г., т.е. практически за год до появления проекта царского указа о запрете частного найма жилья. Он докладывал генерал-губернатору по поводу проделанной работы: «по два дома, где будут строитца для постою, на сей неделе сваи со всем побиты будут, и плотничную работу уже с помощью Божию начали, а имянно на побитые свои брусья, где послам быть, нарубают. А французские дома еще не ломаны понеже архитектор Трезин за многими делами еще нам их не показал, а как скоро покажет, розломав, перевозить будем» [16, л. 52]. Начавшись в 1722 г., процесс активного строительства домов затянулся до 1723 г., тогда как ремонт, строительство дополнительных помещений, обеспечение утварью, сдача на откуп или взимание платы за проживание стали постоянной заботой Бахмеотова вплоть до его смерти в 1725 г. За этот период новопостроенные под руководством коменданта постоялые дворы появились на московской (близ Летнего дома Петра) и петербургской (около Мытного двора) сторонах [16, л. 113, 279, 320, 349, 395]. Причем Меншиков Бахмеотова постоянно поторапливал, чтобы к означенному, каждый раз новому, числу дома были в готовности и «в совершенство прийти могли» [16, л. 57].

и принуждавший приезжих селиться в казенные постоялые дома. Через некоторое время государь указ отменил, подавившись уговорам приближенных, в том числе, основываясь на мнении генерал-полицимейстера Девиера [8]. Однако, как показывают источники, строительство постоялых дворов, несмотря на отмену указа, продолжалось. А среди писем Бахмеотова к Меншикову и вовсе несколько раз встречается указание на действие некоего царского указа о запрете постою в частных домах [16, л. 137–138 об.; 234–235; 264].

¹ Частные, создаваемые в том числе и силами солдат, упоминаются в источниках еще раньше. Среди таких домов выделялся постоянный двор князя Меншикова, длинное мазанковое здание, крытое черепицей, располагавшееся за Исаакиевской церковью, ниже Адмиралтейства [4, с. 92, 94; 9, с. 34]. В нем жили мастеровые из иностранцев, а за их проживание князь получал из казны плату.

Для сооружения постоянных дворов и прилежащих к ним построек требовалось большое количество строительных материалов, которых в запасе у коменданта не было. Поэтому Бахмеотов вынужден был или искать надежных подрядчиков, способных доставить все необходимое по приемлемой цене, или самостоятельно отправлять разведывательные группы для поиска, например, леса и фашин [16, с. 119, 131]. Другой способ найти нужные материалы заключался в том, чтобы обратиться за помощью в государственные учреждения, располагавшие ими. Так, в октябре 1723 г. Бахмеотов просил доставить из Главной Артиллерии пушечные ядра для переплавки и дальнейшего строительства бань у постоянных дворов [16, л. 316]. Сам комендант также мог делиться имевшимися в достатке материалами с другими [16, л. 140, 242]. После того, как постоянные дома были построены и сданы под использование, Бахмеотову полагалось следить за их состоянием, подвергать ремонту, если он требовался, или же вовсе частично перестраивать [16, л. 182, 187–188, 409–410].

Параллельно со строительством жилых зданий комендант трудился над устройством подсобных помещений – лавок, сараев, куда складывались специально заготовленные дрова, утварь, сено и овес, – а также прилежащих к постоянным комплексам гаваней, заборов вокруг них и других частей инфраструктуры [16, л. 122, 124, 197; 17, л. 98]. С особой тщательностью Бахмеотов следил за пополнением запасов сена в сараях при постоянных дворах, за его качеством и ценой [16, л. 52, 107, 127, 252, 410]. Заготовленное сено и овес продавались постояльцам по установленной цене. Остатки запасов могли выставить в свободную продажу [16, л. 406].

При постоянных дворах, как правило, строились бани, для которых нужно было искать свободное место [16, л. 109, 284]. Иногда на почве борьбы за землю происходили конфликты. В октябре 1722 г. Бахмеотов писал Меншикову с требованием вернуть в его распоряжение земельный участок, на котором планировалось смастерить баню к постоянным дворам на московской стороне [16, л. 65–67 об., 77–77 об.]. Он утверждал, что генерал-полицейстер Девиер вопреки приказу отдал землю директору Канцелярии городских дел У.А. Синявину для строительства канала к церкви Иоанна Предтечи. Девиер же видел ситуацию по-другому. В ответном письме Меншикову он уточнил: «а что он о земли писал, будто я Синявину отдал, и я ему такой земли не отдавал, токмо усмотрели мы по должности своей, что канал возле Семиона Богоприимца не в отделке и оного его к засыпке и в протчих niskих местах, где водою розмыл потребно земли... Однако ж он, Бахмеотов, брал земли от сего канала, токмо что потребно довольно-ва числа не исполнил, и для того я ему показывал брать не очень далеко в другом месте близ Карачей слободы на Выборхской стороне» [18, л. 169].

В итоге Меншиков все-таки принял сторону Девиера и приказал коменданту строительство бани отложить.

Строительство постоянных дворов и всей окружавшей их инфраструктуры, как отмечает Богданов, велось силами гарнизона Петербургской крепости, причем такая практика использования военных подразделений для светского градостроительства закрепились задолго до комендантства Бахмеотова [5, с. 191]. Бахмеотов как руководитель петербургских формирований вел счет солдат, привлеченных к работам: он регулярно посылал Меншикову табели, в которых указывал численность занятых на строительстве и виды выполняемых ими работ [16, л. 175, 195]. Коменданту по приказу генерал-губернатора предписывалось перенаправлять солдат, находившихся у постоянных дворов, к строительству других объектов (каналов, дворцового комплекса в Петергофе и т.д.) [16, л. 113]. Кроме того, используя силы гарнизона, Бахмеотов должен был заботиться о достойной оплате их труда и оснащении необходимым мундиром [16, л. 174, 194–195; 17, л. 58]. Помимо солдат комендант мог прибегать к услугам наемных работников [16, л. 111].

Успехи Бахмеотова в организации строительства постоянных дворов были отмечены государем. В марте 1723 г. во время своего пребывания в Санкт-Петербурге Петр I осматривал новопостроенные постоянные дворы. Бахмеотов в нескольких письмах Меншикову передавал реакцию государя на увиденное: «его величество оные дома похвалял, что очюнь де построены хорошо» [16, л. 145]. Примечательно, что Петра I заинтересовал не только внешний вид домов, но и внутреннее устройство, элементы повседневного быта постояльцев, мужиков, которые в то время жили в домах. От внимательного глаза государя не ускользнуло, что построенные помещения были продуманы до деталей [16, л. 144].

Комплексы постоянных дворов, как показывают доношения Бахмеотова, были окончательно готовы примерно к концу 1723 г. Однако на этом деятельность коменданта не заканчивалась. Кроме постоянного контроля за качеством домов и их ремонтом, Бахмеотов занимался тем, что сдавал дома в наем или отдавал на откуп. Здесь он столкнулся с некоторыми проблемами. Во-первых, постоянные дворы, какими бы качественными они не были, большой популярностью у населения не пользовались. О том, что помещения практически никто не хочет брать на откуп и селиться туда лишь самое малое число народу, комендант не раз жаловался Меншикову [16, л. 107–108 об., 113 об.–114, 129]. Со временем, надо полагать, ситуация все-таки немного улучшилась. Бахмеотов еженедельно посылал генерал-губернатору репорты, содержавшие сведения о том, сколько людей проживало на постоянных дворах, сколько у них было лошадей и коров, какое количество

сена и овса употреблялось и, соответственно, сколько денег за это получено [16, л. 125, 136, 139; 17, л. 42, 56–57 об., 96]. Доходы от сдачи домов в наем или на откуп употреблялись на различные цели, например на строительство мельниц [16, л. 190].

Во-вторых, арендаторы жилья, в особенности откупщики, не всегда оказывались добросовестными. Так, в 1724 г. Бахмеотов жаловался Меншикову на отставного боцмана, который за указанный год денег не заплатил, а посланного к нему капрала побил [17, л. 112–113 об., 123–123 об.]. Конечно, в противоположность существовали откупщики, которые исполняли свои обязательства сполна и, более того, были заинтересованы взять дом на большее время, чем изначально планировалось – на два года вместо одного [16, л. 166, 169; 17, л. 67–67 об.].

Таким образом, сюжет, связанный с организацией строительства комплексов постоянных домов в Санкт-Петербурге в 1722–1725 гг., наглядно показывает, что сфера компетенции коменданта Петербургской крепости выходила далеко за рамки руководства делами внутри вверенной ему фортификации. Комендант наравне с другими государственными институтами вкладывался в значимый для истории петровской столицы процесс строительства и благоустройства городских пространств. В своей деятельности он взаимодействовал на равных с Полицмейстерской канцелярией, Канцелярией городских дел, Адмиралтейской канцелярией и т.д., тем самым органично вписываясь в общую систему управления городом. При этом важно отметить, что функции коменданта определялись и регулировались не столько принятой и неизменно действовавшей на протяжении всего времени инструкцией, сколько ситуативной волей государя Петра I, державшего под личным контролем петербургские дела, а в его отсутствие – генерал-губернатора Санкт-Петербурга Меншикова, которому непосредственно подчинялся комендант. Другими словами, сфера деятельности коменданта определялась решением правителя, который, реагируя на внешние обстоятельства, потребности общества и государства в конкретный момент, вверял в руки доверенных ему лиц те или иные полномочия.

Список источников и литературы

1. *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» – Град Святого Петра (Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. 344 с.
2. *Андреева Е.А.* Деятельность первого петербургского коменданта // Петровское время в лицах – 2003. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 10–14.
3. *Анисимов Е.В.* Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 366 с.

4. *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга. Источниковедческое исследование. СПб.: Наука, 2003. 309 с.
5. *Богданов А.И.* Описание Санктпетербурга 1749–1751: Полное издание уникального российского историко-географического труда середины XVIII века. СПб.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, 1997. 414 с.
6. *Богословский М.М.* Исследования по истории местного управления при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ч. 339. С. 45–144.
7. *Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М.: ОГИ, 2004. 288 с.
8. *Кошелева О.Е.* Полиция есть душа гражданства // Отечественные записки. 2004. № 2. С. 378–388.
9. *Лутнов С.П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М., Л.: АН СССР, 1957. 186 с.
10. *Мрочек-Дроздовский П.Н.* Областное управление России XVIII в. до учреждения о губерниях 7 ноября 1777 г. Ч. 1: Областное управление эпохи первого учреждения губерний. (1708–1719 гг.): историко-юридическое исследование. М.: Тип. Московского ун-та, 1876. 350 с.
11. Очерки истории Ленинграда. Т. 1: Период феодализма (1703–1861 гг.). М.; Л.: АН СССР, 1955. 896 с.
12. *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города. СПб.: тип. Глазунова, 1884. 1110 с.
13. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]: [в 45 т.]. Т. 5. СПб.: Тип. II Отделения СЕИВК, 1830. 784 с.
14. *Редин Д.А.* Ингерманландский эксперимент: к предыстории губернской реформы Петра Великого // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 139–160.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 198. Оп. 1. Д. 378.
16. РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379.
17. РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 380.
18. РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557.
19. *Семенова Л.Н.* Правительство и рабочий люд Петербурга в первой половине XVIII в. // Внутренняя политика царизма (середина XVI – начало XX в.). Труды ЛОИИ. Вып. 8. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. С. 127–167.
20. *Сизиков М.И.* Полицейская реформа Петра I // Правоведение. 1992. № 2. С. 88–96.
21. *Славнитский Н.Р.* Функции комендантов и обер-комендантов крепостей в годы Северной войны // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2. С. 50–59.

УДК 94(47).084.8

Г.А. Кокорина¹

Память об исторической родине в мемуарах иностранцев первой половины XVIII в.

Аннотация. В статье рассматриваются дневники, воспоминания, заметки, письма иностранцев, находившихся на территории России в первой половине XVIII в. Содержание источников личного происхождения позволило выделить воспоминания об исторической родине и проанализировать переживания, связанные с адаптацией к чужой культуре. Автор приходит к выводу, что фиксация воспоминаний об исторической родине в мемуарах иностранцев, как правило, сопровождалась описанием условий жизни в России. Интерпретация российской действительности преломлялось через призму «свой–чужой». Сравнение родной и чужой культуры, идеализация своих обычаев и традиций и неприятие чужих приводили к искажению воспоминаний и вытеснению из памяти негативных моментов, связанных с исторической родиной.

Ключевые слова: историческая память; иностранцы; гендерная история; Российская империя; память об исторической родине.

The memory of the historical homeland in the memoirs of foreigners of the first half of the XVIII century

Abstract. The article analyzes the sources of personal origin of foreigners who were on the territory of the Russian Empire in the first half of the XVIII century. Based on the memoir data, the author identifies the main points associated with the memory of the historical homeland. The researcher comes to the conclusion that the memories presented in the texts allow us to see fragments of ideas about the motherland. The article considers various forms of sources of personal origin: diaries, memoirs, notes, personal letters. The author comes to the conclusion that the fixation of memories of the historical homeland in the memoirs of foreigners occurred by describing and comparing the two states. The author used a comprehensive approach that allowed to consider the role of memory in the context of memories of the historical homeland on the basis of sources of personal origin.

Keywords: historical memory; foreigners; gender history; the Russian Empire; memory of the historical homeland.

Источники личного происхождения играют особую роль для изучения восприятия отдельными личностями тех или иных событий прошлого. Нахождение в чужой стране являлось мощным источником переживаний

¹ Галина Алексеевна Кокорина – аспирант кафедры всеобщей истории Тверского государственного университета (Тверь, Россия), e-mail: kokorina-galina@mail.ru.

Galina A. Kokorina – Postgraduate student, Department of General History, Tver State University (Tver, Russia).

и размышлений. Закономерен вопрос, как иностранцы вспоминали свою родину, помогала ли эта память или, наоборот, мешала адаптироваться к «новой» культуре. Цель настоящей работы выявить особенности воспоминаний об исторической родине в мемуарах иностранцев, находившихся на территории России в первой половине XVIII в.

Исследовательскую литературу об иностранцах можно разделить на три блока. В первый входят работы общего характера, посвященные нахождению иностранцев на территории России [2]. Второй блок составляют биографии [3], третий – публикации, связанные с изучением источников личного происхождения [4]. Вопросы памяти являются одним из активно развивающихся направлений в современном научном мире. По мнению французского историка П. Нора, память есть способ осознать собственное настоящее. Исследователь предложил изучать символические места, которые связаны с воспоминаниями. Эти места могут не иметь географической привязки, а лишь являться «точками», в которых концентрируется память. Их главная функция – сохранение памяти [6, с. 26]. Источники и каналы формирования памяти разнообразны. Они включают в себя личностные восприятия, переживания и представления, интерпретацию прошлого, недавнего опыта. Все это есть «живая» память индивида [9, с. 88]. В информационном плане память обладает временной и пространственной структурой. Она также своеобразна по своему содержанию и имеет эмоциональный окрас [5, с. 245]. Характер индивидуальной памяти многоуровневый. Он включает в себя персональный, социокультурный и исторический планы. Также наряду с жизненным опытом индивид приобщается к социальному опыту. Таким образом, события общего характера включаются в индивидуальное сознание [9, с. 89]. На данный момент в отечественной исторической науке практически нет работ, специально посвященных воспоминаниям об исторической родине иностранцев, оказавшихся в России в первой половине XVIII в. Настоящее исследование призвано частично восполнить этот пробел. Представленная в статье подборка источников личного происхождения очерчена не только временными и территориальными рамками: каждый из иностранцев имел образование, находился на территории России продолжительное время (не в качестве путешественника), смог не только описать Россию своего времени, но и зафиксировать воспоминания о родине.

Манифестом 1702 г. Петр I открыл границы Российского государства для иностранных специалистов [7]. В 1709 г. датский посланник Ю. Юль получил приказ отправиться в Россию. В его задачи входило обсуждение ряда торговых вопросов, а также выявление возможности продолжить войну со Швецией. Свое пребывание в России посланник отразил в дневнике

[11]. Юль вернулся на родину в 1712 г. Р. Эребо, личный секретарь Юля, оставил дневниковые записи [10]. Он совершил три поездки в Россию: первую в качестве личного секретаря в 1709–1711 гг., в ходе второй (1712) и третьей (1714) выполнял отдельные поручения. Ф.В. Берхгольц, с 1717 г. состоявший на службе герцога Голштинского Карла-Фридриха, вместе с последним находился в России с 1721 по 1728 и с 1742 по 1746 г. Берхгольц вел подробный дневник в 1721–1725 гг. [1]. Леди Рондо, жена английского консула при российском дворе, почти десять лет прожила в России и описывала свою жизнь в письмах к подруге [8]. После смерти супруга в 1739 г. леди Рондо вернулась на родину.

В своих заметках иностранцы по большей части описывали условия пребывания на территории России. При этом на протяжении всего повествования ощущается неразрывная связь авторов с родиной. Многогранный образ «своей» страны в воспоминаниях создавался при сопоставлении с впечатлениями от России и благодаря реконструкции ментальной, бытовой, религиозной, культурной сфер обеих стран. Так, например, леди Рондо, описывая Санкт-Петербург, сравнивала его с Лондоном. Архитектура ее не впечатляла: Зимний дворец «некрасив», Летний «во всех отношениях плох», только сады, «которые прекрасны для этой страны» [8, с. 96]. Юль в пригороде Петербурга встречал дома, которые «построены из бревен, как в Норвегии» [11, с. 105].

Находясь на мероприятиях, иностранцы подмечали схожесть или различия в обстановке, церемониалах. Берхгольц писал, что «двор царицы так хорош и блестящ, как почти все дворы германские» [1, с. 138]. Празднование годовщины происходило в «построенном зале, обширнее, нежели зала св. Георга в Виндзоре» [8, с. 131]. Юль был поражен поведением шутов, которые в присутствии царя нецензурно выражались и позволяли себе «высмаркиваться в лицо другому шуту» [11, с. 96]. Данные примеры иллюстрируют дихотомию «свой – чужой». Автор, будучи носителем одной культуры, проводил сравнение с аналогичными элементами другой культуры, сопоставляя «чужое» со «своим», где центральной концептуальной идеей становился критерий: «так, как дома» или «не так, как дома».

Иностранцы пытались выявить общее, что могло бы объединить историческую родину с «новым домом». Эребо писал, что «в России, как и в Папской области, духовенство знает все» [10, с. 370]. Иностранцу было приятно подмечать в далекой стране схожие черты. Это помогало, находясь вдали от дома, не терять связь с родиной. Эту связь помогало поддерживать и государство. «В Петербурге была голландская лютеранская церковь, где мы слушали проповедь и куда ходили к трапезе Господней» [10, с. 374]. «Вице-адмирал Крейц построил в Петербурге лютеранскую церковь, в виде

креста, из одних бревен, как строятся дома в Норвегии и почти во всей России» [11, с. 99].

Большая отрада для иностранца – найти своего соотечественника. Леди Рондо была рада, что после приобретения «сельского домика» нашли соседи англичане, чья «умная беседа была бы находкой даже в Англии» [8, с. 132]. Первое знакомство Юля и Петра I оставило неизгладимое впечатление: «Царь немедля вступил со мной в такой дружеский разговор, что, казалось, он был моим ровней и знал меня много лет» [11, с. 94]. Юлю было очень приятно разговаривать на родном языке, который хорошо знал Петр I.

Для восприятия себя в «чужом» обществе иностранцы выделяли отдельные элементы, в качестве которых часто выступали объекты природы, культуры, нравы, обычаи. Как правило, это было то, что вызывало у иностранца особый интерес как наиболее значимое и заметное в восприятии местности. Народ в России «несколько красивее, чем в других странах» [8, с. 95]. Аллея – «чудесный вид, который я нигде не встречал» [1, с. 131]. «В Дании, для того чтоб лошади стояли смирно, возницы свистят; в России же, наоборот, лошади приучены так, что при свисте мчатся во весь опор» [11, с. 106].

Противопоставляя бытовые взаимоотношения, иностранцы акцентировали внимание на манерах, внешнем виде, умении расположить к себе. Так, Берхгольц, будучи на приеме, подметил красоту местных дворянок: «Но я насчитал до тридцати хорошеньких дам, из которых многие мало уступают нашим дамам в приветливости, хороших манерах и красоте» [1, с. 137]. Посещая российские города, Юль заметил одну особенность, которая его очень впечатлила: «В России в простонародье девицы или желающие слыть за таковых заплетают себе волосы в одну косу и на конце ее носят красную шелковую кисть, вроде тех, что у нас привешивают к голове лошадям» [11, с. 88].

Таким образом, представленный материал является весьма ценным источником для изучения памяти об исторической родине иностранцев. Он не только отражает рефлексию авторов, но и позволяет увидеть, как процессы адаптации к новым условиям жизни влияли на воспоминания о родных местах, при помощи каких приемов иностранцы фиксировали память об исторической родине. Все это являлось важнейшим инструментом, позволявшим ориентироваться в историческом времени и социальном пространстве.

Находясь на территории России, иностранцы старались держать своих соотечественников, что позволяло сохранять и воспроизводить традиции, обычаи и бытовые особенности родной культуры. Понимание

российской действительности происходило через призму «свой – чужой». Иностранцы интерпретировали специфику российской культуры через свою, тем самым «оберегая» воспоминания. Нередко негативные моменты, связанные с исторической родиной, вытеснялись из памяти и заменялись альтернативными, связанными с «новым домом».

Список источников и литературы

1. *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Фридриха – Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. Ч. 1, 2 // Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 105–502.
2. *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Иностранцы в России в Петровскую и Екатерининскую эпохи // *Petro Primo Catharina Secunda*. Два монарха, две эпохи – преемственность, развитие, реформы. Материалы VIII Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 г. СПб.: Европейский дом, 2017. С. 283–294.
3. *Денисова А.В.* Леди Рондо и ее «письма» // Вопросы истории 2010. № 2. С. 161–164.
4. *Изнатова Е.А.* Записки о Петербурге: Жизнеописание города со времени его основания до 40-х гг. XX в. СПб.: Амфора, 2005. 815 с.
5. *Мазур Л.Н.* Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.
6. *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.
7. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]: [в 45 т.]. Т. 4. СПб.: Тип. II Отделения СЕИВК, 1830. № 1910. С. 192–195.
8. *Рондо Дж.* Письма леди Рондо, супруги английского министра при российском дворе, в царствование императрицы Анны Иоанновны. М.: ГПИБ, 2016. 286 с.
9. *Ретина Л.П.* События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое / *The New Past*. 2016. № 1. С. 82–99.
10. *Эребо Р.* Выдержки из автобиографии Расмуса Эребо, касающиеся трех путешествий его в Россию / пер. Ю.Н. Щербачева // Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 365–396.

УДК 82-94

Д.А. Сосницкий¹

Историческая живопись в России второй половины XVIII в. как инструмент конструирования представлений о прошлом²

Аннотация. Исследование посвящено изучению исторической живописи России второй половины XVIII в. как значимого источника конструирования представлений о прошлом. В статье характеризуются наиболее известные произведения исторической живописи этого периода, выявляются самые востребованные герои и события, а также периоды отечественной истории. Анализируется особая роль государства в определении сюжетов, которые нуждаются в увековечивании и определяются мотивы их выбора. Также в тексте детально разбираются такие яркие произведения русской исторической живописи второй половины XVIII в. как «Владимир и Рогнеда» А.П. Лосенко, «Торжественный въезд князя Александра Невского в город Псков после одержанной им победы над немцами» и «Взятие Казани» Г.И. Угрюмова и др. В статье сделаны выводы о значимости второй половины XVIII в. как времени популяризации исторической живописи в России.

Ключевые слова: историческая память; образы прошлого; А.П. Лосенко; Г.И. Угрюмов; историческая живопись.

Historical painting in Russia in the second half of the XVIII century as a tool for constructing ideas about the past

Abstract. The research is devoted to the study of historical painting of Russia in the second half of the XVIII century as a significant source of constructing ideas about the past. The article characterizes the most significant works of historical painting, identifies the most popular heroes and events among painters, as well as periods of national history. The article analyzes the special role of the state in determining the subjects of painting that need to be memorialized and determines the motives for their choice. The text also describes the most striking works of Russian historical painting of the second half of the XVIII century – “Vladimir and Rogneda” by A.P. Losenko, “The solemn entry of Prince Alexander Nevsky into the city of Pskov after his victory over the Germans” and “The Capture of Kazan” by G.I. Ugrumov, etc. The article draws conclusion about the significance

¹ **Дмитрий Александрович Сосницкий** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: yraggan@mail.ru.

Dmitry A. Sosnitsky – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

² Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект «Конструирование коллективной памяти о прошлом в России второй половины XVIII века», проект № МК-1428.2020.6.

of the second half of the XVIII century as a time of popularization of historical painting in Russia.

Keywords: historical memory; images of the past; A.P. Losenko; G.I. Ugryumov; historical painting.

Изучению российской живописи второй половины XVIII в. посвящено значительное количество работ. Большинство из них создано искусствоведами и рассматривает этапы становления того или иного жанра в изобразительном искусстве. Российская историческая живопись также не осталась без внимания исследователей¹. В многочисленных работах детально анализируется творчество наиболее выдающихся художников второй половины XVIII в. (см., напр.: [4; 15]). Однако роль исторической живописи как источника формирования представлений о прошлом в контексте *memory studies* остается малоизученной². Задача данного исследования – определить наиболее популярные у художников сюжеты отечественной истории и проследить зависимость содержания российской исторической живописи исследуемого периода от государственного и социального заказа.

Важнейшая роль в становлении российской исторической живописи принадлежит М.В. Ломоносову. Безусловно, уже в XVII – первой половине XVIII вв. был создан целый ряд полотен, темами для которых служили сюжеты из отечественной истории. При этом именно первый российский ученый-энциклопедист способствовал развитию исторического жанра в российском изобразительном искусстве. Ломоносовым были предложены «Идеи для живописных картин из Российской истории» [10]. Эти сюжеты служили программами в Императорской Академии художеств, и многие живописцы второй половины XVIII в. создали картины на заданные Ломоносовым темы. Он же в «Слове благодарственном ее императорскому величеству на освящение Академии художеств...» четко определил задачи, стоящие перед российскими художниками: «Живописные хитрости зиждательные персты, отменою цветов, света и тени возвышая равную плоскость похвальным обольщением зрения, перенесут в настоящее время минувшия российския деяния показать древнюю славу праотцев наших, счастливыя и противныя обращения и случаи и тем подать наставление в делах, простирающихся к общей пользе» [11, с. 808–809]. Важно, что список сюжетов, достойных увековечивания был составлен Ломоносовым по распоряжению Екатерины II, которая передала свое поручение ученому через президента Академии художеств И.И. Бецкого [1, с. 13]. Это яркое проявление государственного заказа, которым определялось особое место исторической живописи в ряду других жанров.

¹ Среди работ, посвященных российской исторической живописи, назовем, напр.: [2; 5; 17].

² Среди работ, посвященных этой тематике, см., напр.: [12; 16].

В рамках данного исследования проанализированы исторические картины, созданные российскими художниками (или пребывавшими в Российской империи иностранцами) на сюжеты отечественной истории во второй половине XVIII в. В список произведений для анализа включались лишь те, на которых изображены события, произошедшие до 1750 г., или герои, основная деятельность которых пришлась на этот период. При составлении списка произведений использовалась справочная литература [9], труды по истории российской исторической живописи [17], а также каталоги российских музеев [3; 6; 7; 8] (см. табл. 1). В итоговый список не вошли иконы, мозаики, гравюры и росписи в помещениях. В произведениях этого жанра также периодически находили воплощение исторические сюжеты. Например, несколько мозаик с изображением Петра I и Полтавской баталии созданы в мастерской Ломоносова в середине XVIII в.

Таблица 1

Исторические картины, отобранные для исследования

№	Художник	Название картины	Год (период) создания
1	Акимов И.А.	«Великий Кн. Святослав, целующий мать и детей своих по возвращении с Дуная в Киев»	1773
2	Акимов И.А.	«Князь Рюрик, поручающий, при кончине своей, младенца Игоря и вместе с ним княжение сроднику своему Олегу»	1770-е
3	Акимов И.А.	«Крещение княгини Ольги в Константинополе»	1792
4	Антропов А.П.	Портрет Петра I	1770
5	Антропов А.П.	«Петр I»	1772
6	Аргунов И.	Портрет генерала-фельдмаршала Б.П. Шереметева в голубой мантии (1652–1719)	1768
7	Аргунов И.	Портрет графини А.П. Шереметевой (1670–1728)	1768
8	Бухгольц Г.	Портрет Петра I	ок. 1770
9	Гринев П.	«Прибытие Рюрика, Синеуса и Трувора флотом к стенам Нова города»	1766
10	Джорджин П.С.	Портрет Петра I	1795
11	Еременев И.А.	«О заключении мира российским князем Олегом с греческими царями Львом и Александром пред стенами Константинопольскими»	втор. пол. XVIII в.

№	Художник	Название картины	Год (период) создания
12	Лосенко А.П.	«Великий князь Российский Владимир Святославич пред Рогнедою, дочьрю Рогволда, кн. Полоцкого, по побеждении сего князя за противный отказ требованного Владимиром супружества с оною»	1770
13	Миропольский (Митропольский) Л.С.	Портрет М.В. Ломоносова	1787
14	Неизвестный художник	Портрет царя Михаила Федоровича	кон. XVIII в.
15	Неизвестный художник	Портрет патриарха Филарета Никитича (Романова)	кон. XVIII в.
16	Неизвестный художник	Портрет царя Алексея Михайловича	кон. XVIII в.
17	Неизвестный художник	Портрет царя Алексея Михайловича	кон. XVIII – перв. пол. XIX в.
18	Неизвестный художник	Портрет царя Ивана Алексеевича	кон. XVIII в.
19	Неизвестный художник	Портрет императора Петра II	втор. пол. XVIII в.
20	Неизвестный художник	Портрет Б.К. Миниха	1792
21	Портер Р.К.	«Взятие Азова»	втор. пол. XVIII в.
22	Портер Р.К.	«Взятие в плен шведского контр-адмирала Эреншельда в Гангутском сражении 1714 г.»	втор. пол. XVIII в.
23	Сердюков С.Ф.	«Отмщение древлянам Великою Княгиней Ольгой за убиение ея мужа Игоря»	1768
24	Сердюков С.Ф.	«О удержании Владимиром нанесенного от Рогнеды на него сонного и на тот же час пробудившегося, удара ножом»	1770
25	Соколов П.И.	«Владимир и Рогнеда»	1771
26	Угрюмов Г.И.	«Торжественный въезд князя Александра Невского в город Псков после одержанной им победы над немцами»	1793
27	Угрюмов Г.И.	«Испытание силы Яна Усмаря»	1797
28	Угрюмов Г.И.	«Взятие Казани»	1800 (?)

№	Художник	Название картины	Год (период) создания
29	Угрюмов Г.И.	«Призвание Михаила Федоровича Романа-ва на царство»	1800 (?)
30	Шебуев В.К.	«Петр I в Полтавском сражении»	1800 (?)
31	Якимов И.П.	«Посягательство Рогнеды на жизнь Велико-го Князя Владимира»	1761
32	Якимов П.И.	«Петр I вынимает из-под ошейника своей собаки Лизеты просьбу»	втор. пол. XVIII в.

Большая часть представленных в таблице 1 работ написана выпускниками или преподавателями Академии художеств, учившимися или преподававшими в ее стенах во второй половине XVIII в. Необходимо отметить, что большинство из них писало на темы не из российской, а из античной или библейской истории. Так, в 1762 г. Г.И. Козлов создал картину «Апостол Петр отрекается от Христа» и почти одновременно с ним М.И. Пучинов получил звание академика за полотно «Свидание Александра Македонского с Диогеном». Уже упомянутые «Идеи» Ломоносова, использовавшиеся в качестве программы в Академии художеств, способствовали появлению ряда исторических картин, но данных об этих произведениях крайне мало. Известно, что в 1766 г. художник П.М. Гринев получил золотую медаль за работу «Прибытие Рюрика, Синеуса и Трувора флотом к стенам Нова города, где на пристани с радостным восклицанием встречаемы вельможами и народом, Гостомысл, яко первейший вельможа, подносит Рюрику княжескую шапку и державу, синеус принимает в удел страны над Белым озером, Трувор княжение псковское» [2, с. 13].

Особую роль в становлении российской исторической живописи сыграл А.П. Лосенко. Картина «Владимир и Рогнеда» была ожидаема публикой, но встречена противоречиво. В частности, художника критиковали за то, что в образе Владимира Святославовича мало героического [17, с. 62–63]. Любопытно, что сюжет этой картины неоднократно был повторен другими живописцами, обучавшимися в Академии художеств. Ученики Лосенко обращались в своем творчестве преимущественно к событиям из истории античности, но порой воплощали на холсте и отечественные сюжеты. Так, И.А. Акимовым в 1770-е гг. было создано две картины, на которых представлены события, происходившие в Киевской Руси в X в.

Следующий этап российской исторической живописи непосредственно связан с именем Г.И. Угрюмова. Особый интерес представляет его работа «Торжественный въезд Александра Невского в город Псков после одержанной им победы над немцами» (1793). При создании картины автор пытался соблюсти исторические тонкости, опираясь на текст «Русского временника,

сиречь летописца» [13; 14], изданного за три года до написания картины. Однако, несмотря на это, Александр Невский на картине облачен в костюм, совершенно не соответствовавший описываемой эпохе. Статус Угрюмова подкреплялся указом 1795 г., согласно которому разряд исторической живописи признавался в Академии художеств главным. К этому моменту Угрюмов стал ведущим преподавателем класса исторической живописи. На картине «Испытание силы Яна Усмаря» (1796), написанной им для получения звания академика, появился Владимир Святой – герой еще более раннего периода отечественной истории. Согласно летописям, изображенное на картине событие датируется 992 г., однако Владимир Святославович представлен на полотне уже почтенным старцем, который, сидя на троне, наблюдает за сценой усмирения быка.

После прихода к власти Павла I Угрюмов получил заказ на написание двух масштабных полотен для украшения Кавалергардского зала Михайловского замка. Как предполагают исследователи, тематика всех шести картин, которые должны были украсить зал, задана самим императором [17, с. 77]. Это еще один пример проявления государственного заказа. Яркой особенностью картины «Взятие Казани войсками Ивана Грозного в 1552 году» является сам облик Ивана Грозного, который явно имеет некоторые отсылки к традиционному образу Петра I. Другая картина – «Призвание Михаила Федоровича Романова на царство» – должна была, очевидно, продемонстрировать то, как с приходом к власти династии Романовых в России началась новая эпоха.

Обратимся к количественным показателям, демонстрирующим, какие локальные объекты памяти (события и герои) были наиболее востребованы в российской исторической живописи второй половины XVIII в. (см. табл. 2). Всего на исследуемых картинах было выявлено 33 объекта памяти (события и герои до 1750 г.).

Итак, наиболее востребованы живописцами оказались два периода: период Киевской Руси (43,1 % от общего количества объектов) и XVII – первая половина XVIII в. (49 %). Доля других периодов ничтожна, события целого ряда столетий (XI, XII, XIV, XV вв.) вообще не нашли отражения в известных произведениях исторической живописи. Если же говорить о локальных объектах памяти (события и герои), то вне конкуренции здесь оказывается Петр I, что полностью вписывается в общую картину почитания первого российского императора. Однако необходимо отметить, что все же большая часть распространенных ныне изображений Петра I была создана в XIX–XX вв. Кроме того, в этом рейтинге локальных объектов памяти не учитывались портреты Петра Великого, созданные в первой половине XVIII в. Популярность Владимира Святого и Рогнеды связана с во-

площением многими живописцами на холсте одной из тем, предложенных Ломоносовым. Наконец, внимание к первым представителям династии Романовых должно было демонстрировать преемственность в династии.

Таблица 2

**Герои и события отечественной истории
в исторической живописи второй половины XVIII в.**

№	Локальные объекты памяти	Количество упоминаний (в % от общего числа)
1	Петр I	11,76
2	Владимир Святой	9,8
3	Рогнеда	7,84
4	Ольга	5,88
5–8	Рюрик, Олег, Михаил Федорович, Алексей Михайлович	по 3,92
9–33	Гостомysl, призвание варягов, Синеус, Трувор, Святослав, Игорь, Александр Невский, Ледовое побоище, Иван Грозный, взятие Казани, патриарх Филарет, Ф.И. Шереметев, В.И. Бахтеяров-Ростовцев, Авраамий Палицын, Иван V, создание военно-морского флота, взятие Азова, основание Санкт-Петербурга, Полтавская битва, Гангутское сражение, Б.П. Шереметев, А.П. Шереметева, Петр II, Б.К. Миних, М.В. Ломоносов	по 1,96

Переходя к выводам, подчеркнем, что вторая половина XVIII в. не стала временем появления отечественной исторической живописи. Российские художники обращались к историческим сюжетам в своем творчестве и раньше. Например, И.Н. Никитин, известный художник первой половины XVIII в., посвятил одно из своих полотен Куликовской битве. В этой картине сочетаются традиции средневековой русской живописи и европейские приемы и методы. В соответствии с особенностями старой русской художественной традиции лица воинов на картине представлены практически одинаково. Кроме того, на картине множество надписей, указывающих на конкретных исторических персонажей (Челубей, Темир Мурза, Дмитрий Донской и др.) [2, с. 9]. Подобные приемы уже не использовались во второй половине XVIII в., когда обращение к сюжетам отечественной истории становится в российской живописи более массовым и системным. Государство оказало серьезное влияние на содержание исторической живописи в исследуемый период. Перечень тем, на которые рекомендовалось писать

картины, был составлен Ломоносовым по указанию Екатерины II. Полученные результаты исследования демонстрируют, что живописцы практически всегда игнорировали события средних веков, обращаясь либо к истории Киевской Руси, либо к относительно недавнему прошлому. Это в целом соответствовало распределению тем по периодам в предложениях Ломоносова: 11 из 25 тем посвящены сюжетам из истории Киевской Руси, 7 – событиям XVII в.

Таким образом, вторая половина XVIII в. стала во многом переломным периодом, временем, когда историческая живопись в России превратилась в популярный и особенно уважаемый жанр. Однако по-настоящему массовый характер увлечение им приобретет чуть позже, когда поворот к национальной истории, спровоцированный «Историей государства Российского» Н.М. Карамзина, поспособствовал появлению целого ряда шедевров русской исторической живописи.

Список источников и литературы

1. *Васильев Ю.А.* Михаил Васильевич Ломоносов как зиждатель и подвижник российского историописания. Статья 3. Живописный Ломоносов: познание вышшенного в российской истории посредством изобразительного искусства // Информационный гуманитарный портал «Знание. Умение». 2015. № 1. С. 5–26. URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/1/Vasiliev_Lomonosov-Historical-Writing-3 (дата обращения: 28.06.2021).
2. *Верещагина А.Г.* Художник. Время. История. Очерки русской исторической живописи XVIII – начала XX века Л.: Искусство, 1973. 130 с.
3. Военно-морской флот России в произведениях отечественной живописи 1696–1917 (каталог коллекции музея) / под общ. ред. А.М. Алешина. Л.: Б.и., 1991. 303 с.
4. *Зонова З.Т.* Григорий Иванович Угрюмов. 1764–1823. М.: Искусство, 1966. 116 с.
5. История русской живописи. М.: Эксмо, 2010. 604 с.
6. Коллекция // Третьяковская галерея. URL: <https://www.tretyakovgallery.ru/collection/> (дата обращения: 27.06.2021).
7. Коллекция Государственного Русского музея // Виртуальный Русский музей. URL: <https://ruseumvrm.ru/collections/index.php> (дата обращения: 27.06.2021).
8. Коллекции онлайн // Государственный Эрмитаж. URL: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/explore/collections/master/e_catalog/?lng=ru (дата обращения: 27.06.2021).
9. *Кондаков С.Н.* Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914. Т. 2. Список русских художников к Юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. Пг.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, [1915]. 454 с.
10. *Ломоносов М.В.* Идеи для живописных картин из российской истории // Ломоносов М.В. Избранная проза. М.: Советская Россия, 1980. С. 257–262.

11. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 8. М.: АН СССР, 1959. 1279 с.
12. *Мутья Н.Н.* Образ Ивана Грозного в отечественном изобразительном искусстве XX – начала XXI века. Традиции и новации // Петербургские славянские и балканские исследования. 2018. № 1 (23). С. 148–164.
13. Русский времянник, сиречь, Летописец, содержащий российскую историю от 6370/862 лета до 7189/1681 лета: Разделенный на две части. Ч. 1. [М.]: Моск. Синод. тип., 1790. 298 с.
14. Русский времянник, сиречь, Летописец, содержащий российскую историю от 6370/862 лета до 7189/1681 лета: Разделенный на две части. Ч. 2. [М.]: Моск. Синод. тип., 1790. 336 с.
15. *Савинов А.Н.* Антон Павлович Лосенко. 1737–1773. М.; Л.: Искусство, 1948. 36 с.
16. *Чернышева М.А.* Образы отечественной истории в русском искусстве XIX века. Проблемы и перспективы исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Искусствоведение». 2018. № 3. С. 460–479.
17. *Яковлева Н.А.* Русская историческая живопись. М.: Белый город, 2005. 656 с.

УДК 94(470.1/2 + 470.2)“19”

М.А. Белан¹

Феномен временной военной службы: добровольцы городов Санкт-Петербургской губернии на Русско-шведской войне 1788–1790 гг.

Аннотация. Рассматривается уникальный опыт привлечения добровольцев на временную военную службу в ходе Русско-шведской войны 1788–1790 гг. Тяжелое положение на Северо-Западе страны во время войны с Турцией, угроза столице побудили власти прибегнуть к необычной мере: было объявлено о наборе добровольцев, которым обещали службу только на протяжении войны и существенные привилегии после ее окончания. Изучено поступление добровольцев из мещан и купцов городов Санкт-Петербургской губернии, их служба и дальнейшая судьба. Рассмотрены случаи принудительной сдачи на службу лиц без паспортов. Добровольцы поступали в армию, гвардейские части и на флот. Многие из них возвратились в свои общества в 1790 г. Рассмотренный феномен – временная и по большей части добровольная военная служба – вписан в контекст проблем комплектования русской армии и появившихся в этот период проектов военных реформ. Результаты исследования позволяют увидеть рост вовлеченности городского населения в военные и государственные дела в конце XVIII в.

Ключевые слова: Русско-шведская война 1788–1790 гг.; добровольцы; временная военная служба; купечество; мещанство.

The phenomenon of temporary military service: volunteers from towns of St. Petersburg province in the Russo-Swedish War of 1788–1790

Abstract. The article examines the unique experience of enlistment of volunteers to join temporary military service during the Russo-Swedish War of 1788–1790. The difficult situation in the North-West of the country during the war with Turkey, the threat to the capital made the authorities to resort to a most unusual measure: the recruitment of volunteers was announced, who were promised the service only for the duration of the war and significant privileges after its end. The article studies the admission of volunteers from the petit bourgeois and merchants from towns of St. Petersburg province, as well as their service and the future fate. Cases of forced surrender of the citizens without passports to the service are also considered. Volunteers entered the army, the navy, and the guard corps units. Many of these men returned to their communities in 1790. This phenomenon – temporary

¹ Михаил Александрович Белан – кандидат исторических наук, DPhil Student Оксфордского университета (Оксфорд, Великобритания), e-mail: mikhailbelan@mail.ru.

Mikhail A. Belan – Candidate of Historical Sciences, DPhil Student, University of Oxford (Oxford, The United Kingdom).

and mostly voluntary military service – is studied in the context of the problems of the manpower supply for the Russian army and projects of military reforms that appeared during this period. The results of the study provide better understanding of the growing involvement of the townspeople in the military and state businesses at the end of the XVIII century.

Keywords: The Russo-Swedish War of 1788–1790; volunteers; temporary military service; merchants; meshchane.

В конце XVIII – начале XIX в. войны в Европе приобрели новый характер и масштаб. На смену «кабинетным войнам» пришли массовые, затяжные конфликты, требовавшие гораздо больших ресурсов, что вело к росту вовлеченности общества в военные действия. Небольшие армии, действовавшие, как правило, на чужой территории, уступали место массовым национальным армиям [20, р. 37]. В Российской империи армия комплектовалась на основе рекрутских наборов, однако к концу XVIII в. недостатки подобной системы становились все более очевидными. Наборы, в ходе которых рекруты на всю жизнь покидали свои общины и семьи (с 1793 г. срок службы был сокращен до 25 лет), позволяли иметь большую и профессиональную армию, но не могли обеспечить создание обученного резерва, оперативно развертываемого в случае военной угрозы [6, с. 73].

По всей видимости, в первый раз правительство столкнулось с острым кризисом подобного рода в 1788 г. В ходе тяжелой войны с Турцией, когда большая часть войск из северо-западных губерний находилась на южном театре военных действий, шведский король Густав III объявил войну России. Санкт-Петербургская губерния и сама столица оказались под угрозой, так как находились в непосредственной близости от нового театра военных действий. В этих условиях Екатерина II и ее окружение прибегли к экстраординарным мерам, обратившись к населению столичной губернии с призывом добровольно вступить в армию на время войны со Швецией. Данный эпизод остается совершенно неисследованным в российской и зарубежной историографии. Основное внимание традиционно уделяется участию российского общества в военных действиях более позднего периода, прежде всего в Отечественной войне 1812 г. [4; 5; 10]: сборам земского ополчения, партизанским действиям, и т.д. [1; 9; 17]. В меньшей степени освещена история первого ополчения – сборы земского войска, или милиции, в 1806–1807 гг. [2; 3; 7; 8, с. 1–33]. Между тем изучение феномена временной добровольной военной службы в период Русско-шведской войны 1788–1790 гг. на основе ранее не изученных архивных материалов позволяет дополнить наши представления о вовлеченности городского общества в военные и государственные дела национального масштаба.

В конце XVIII в. правительства разных стран экспериментировали с созданием временных военных сил, не входивших в регулярную армию.

Вооружение граждан происходило по-разному: от создания милиции, мобилизуемой на случай войны для защиты территории страны (Великобритания), до массового призыва на определенный срок (*levée en masse* во Франции в 1793–1794 гг.) [18, р. 26; 19, р. 149].

В России в 1788 г. правительству пришлось разработать и срочно провести мобилизацию на близких к театру военных действий территориях, принимая во внимание специфику социальной и политической организации. Материалы о добровольном поступлении на временную военную службу обнаруживаются в фондах органов городского самоуправления многих городов Санкт-Петербургской губернии. В ходе настоящего исследования изучены материалы г. София, датированные 1788–1792 гг. [11; 12; 13; 14; 15; 16]. Эти документы позволяют рассмотреть участие городских сословий (мещан и купцов) в пополнении военных сил в военное время.

3 июля 1788 г.¹ императрицей был подписан указ, на основе которого главнокомандующим Я.А. Брюсом разработаны детальные инструкции, разосланные по Санкт-Петербургской губернии. В соответствии с этими распоряжениями на думы и магистраты вместе с городничими (а в уездах – на уездные органы власти) возлагалась обязанность объявить горожанам и «поселянам ведомства директора экономии» о добровольном наборе на временную военную службу исключительно на период «защиты от нового врага короля Шведского». Приглашались годные по состоянию здоровья мужчины от 17 до 45 лет [11, л. 2–4]. Прием людей должен был производиться стандартно – в рекрутском присутствии при казенной палате. Расходы на обеспечение добровольцев одеждой, жалованьем и провизией на несколько месяцев, как и в случае рекрутских наборов, возлагались на счет городского общества. В инструкциях главнокомандующего особенно подчеркивалась недопустимость принуждения и злоупотреблений. Так как к мобилизации подобного рода прибегали впервые, ряд вопросов остался неурегулированным: например, из материалов городских дум не совсем понятно, платили ли общества подати за отсутствовавших добровольцев.

Согласно указу императрицы, поступавшим на службу, во-первых, было обещано увольнение по окончании войны. Во-вторых, семья добровольца освобождалась от 20 рекрутских наборов. Имеется в виду расчет, при котором один набор равнялся 1 рекруту с 500 душ м.п. [11, л. 4]. Следовательно, служба во время войны против «короля Шведского» позволяла семье рассчитывать на бронь от рекрутской повинности на несколько лет вперед, если не на десятилетие. В-третьих, семьям погибших и умерших на службе должны были предоставить государственное «попечение» [11, л. 4].

Рассмотрим, кто поступил на службу, как сложилась судьба этих горожан, были ли они действительно отпущены по окончании войны. Согласно

¹ Даты приводятся по старому стилю.

подсчетам Софийской городской думы в 1790 г., на службу во время войны поступил 91 доброволец. Однако этот список был неполным: в журналах и переписке городской думы встречаются упоминания об отдельных лицах, не вошедших в него. По моим подсчетам, на службу поступило около 100 человек, или почти каждый 6-й мещанин (в конце 1780-х гг. в составе мещанского общества Софии насчитывалось чуть более 600 душ м.п.). Необычайно широкий отклик на призыв добровольцев мог быть связан как с патриотическими настроениями, так и с обещанными привилегиями, в частности, льготами при следующих рекрутских наборах.

Список 1790 г. позволяет привести некоторую статистику: из 91 добровольца 19 при посредничестве софийского городничего поступили рядовыми в Лейб-гвардии Преображенский полк, 52 человека зачислены на галерный флот «по желанию за наем» [16, л. 1]. Еще 20 оказались не добровольцами – это были софийские мещане, задержанные комендантом Кронштадта за проживание без паспортов. Они были направлены в Кронштадтский батальон [16, л. 11].

Осенью 1790 г. из Преображенского полка в Софийскую городскую думу поступили следующие сведения. По данным полковой канцелярии, на службу были зачислены не 19, а 21 софийский горожанин, из которых трое бежали, один умер во время службы, 16 возвращены в город, один изъявил желание остаться на службе «бессрочно» (Николай Астафьев, приписанный «из польских выходцев» в 1782 г.) [14, л. 2; 16, л. 4, 6]. Судьба нанятых на галерный флот неизвестна, хотя городские власти вели переписку об их возвращении. Примечательно, что Софийская городская дума пыталась добиться от Военной коллегии возвращения и тех горожан, которые были взяты в Кронштадте за отлучки и неплатежи [16, л. 1].

Представляет интерес социальный состав поступивших на службу лиц. Многие из них действительно представляли беднейшие слои городской общины. Из 20 задержанных в Кронштадте жителей Софии практически все относились к числу недавно записанных в общество: 18 человек поступили в общину в 1784 г. «рабочими» – так называли мещан, наказанных за правонарушения и высланных из столицы «на жительство» в уездные города [16, л. 12].

Однако наряду с мещанами на военную службу записалось и несколько представителей купечества г. Софии, что скорее являлось проявлением патриотических чувств, нежели стремлением сменить род занятий. Так, двое братьев, Григорий и Степан Ломакины, в марте 1789 г. обратились в Софийскую городскую думу с просьбой как можно быстрее исключить их из купеческого звания для поступления на военную службу. Примечательно, что братья были сыновьями пермского купца, имевшего, по всей види-

мости, хороший достаток: отец Ломакиных, Кирилл Федорович, числился купцом первой гильдии и «имел жительство при рудниках медеплавильных казенных заводов ведомства Пермской казенной палаты» [12, л. 5]. К своему прошению братья приложили письмо отца, поощрявшего их стремление пополнить ряды защитников Отечества. Однако проверка заняла многие месяцы: городская дума должна была удостовериться в отсутствии долгов за Ломакиными. В итоге один из братьев, Григорий, в мае 1789 г. самовольно поступил в Невский пехотный полк, на что неоднократно жаловалась дума, а в августе того же года в армию ушел и Степан, получив лишь предварительное решение об исключении из купеческого сословия (не утвержденное казенной палатой). В июне следующего 1790 г. Степан появился в Софии для того, чтобы забрать документы: в это время он числился сержантом Козловского пехотного полка и предъявил бумаги от полковника, разрешавшие проезд в Санкт-Петербург и обратно по казенным надобностям своего полка, что свидетельствует о достаточно большой свободе действий Степана в новом статусе [12, л. 1–15].

Среди материалов Софийской городской думы встречаются еще прошения от лиц купеческого звания. Добровольное вступление в службу купцов и купеческих сыновей, которые были освобождены от рекрутской повинности в 1775 г., их мотивы и последующая карьера представляют отдельный интерес для исследования.

В октябре 1790 г. в Софийскую городскую думу поступило несколько прошений от возвратившихся с просьбой об исключении из городского общества для продолжения военной службы «бессрочно». Одно из них принадлежало купцу третьей гильдии Никифору Овчинникову, который в Преображенском полку «исполнил свою службу беспорочно в солдатах и уволен... но теперь по возвращении не имеет себе должного пропитания и потому по ревности своей продолжать он желает воинскую службу» [14, л. 22]. Дума постановила исключить Овчинникова с увольнением от подачей за 1790 г. и выдать паспорт для возвращения в полк [14, л. 23].

Таким образом, временная военная служба открывала определенные перспективы для горожан, уровень грамотности которых был выше, чем у крестьян. Спешное открытие военных действий в 1788 г. позволило некоторым из них поступить в элитный Преображенский полк, а отдельные лица приняли решение продолжить службу «бессрочно».

Исследование временной добровольной военной службы горожан в период Русско-шведской войны 1788–1790 гг. позволяет расширить наши представления о городском гражданстве конца XVIII в. – мещанах и купцах, их отношении к государству, службе, защите Отечества.

Список источников и литературы

1. *Бабкин В.И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М.: Соцэкгиз, 1962. 212 с.
2. *Белан М.А.* «Не намъ, не намъ, а имени твоему»: жертвования уездного купечества на ополчения в начале XIX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии) // Вестник славянских культур. 2021. № 60. С. 82–96.
3. *Белан М.А.* Участие мещанских обществ уездных городов Санкт-Петербургской губернии в сборах ополчений 1806–1807 и 1812 гг. // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. 2021. № 2(6). С. 15–28.
4. *Белов А.В.* 1812 год в судьбе русского города. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 326 с.
5. *Белоусов С.В.* Купечество среднего Поволжья в Отечественной войне 1812 года // Вестник СамГУ. 2010. № 3 (77). С. 59–63.
6. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1973. 616 с.
7. *Горновский И.А.* Сто лет назад. Милиция 1806–1807 годов и жертвования на нее // Русский архив. 1904. Вып. 8. С. 534–554.
8. *Гулевич С.А.* История Лейб-гвардии Финляндского полка, 1806–1906 гг. Т. 1. СПб.: Экономическая типо-лит., 1906. 458 с.
9. *Лопина И.Ю.* Земское ополчение России 1812–1814 гг.: исследование причин возникновения губернских воинских формирований и анализ основных этапов их участия в войне с Наполеоном: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008. 626 с.
10. Отечественная война и русское общество: 1812–1912 / под ред. А.К. Джигелева, С.П. Мельгунова, В.И. Пичета. Т. 5. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1912. 236 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 488. Оп. 1. Д. 18.
12. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 37.
13. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 94.
14. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 138.
15. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 3280.
16. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 3286.
17. *Спиридонова Л.М.* Ополчения 1812 года: постсоветская историография // Военно-исторический журнал. 2017. № 8. С. 85–91.
18. *Brewer J.* The Sinews of Power: War, Money, and the English State, 1688–1783. N.Y: Alfred A. Knopf. 1989. 289 p.
19. *Hartley J.M.* Patriotism in the Provinces in 1812: Volunteers and Donations // Russia and the Napoleonic Wars (War, Culture and Society, 1750–1850) / editors: J.M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. L.: Palgrave Macmillan, 2015. P. 148–162.
20. *Speier H.* Class Structure and “Total War” // American Sociological Review. 1939. Vol. IV. No 3. С. 370–380.

УДК 93/94

О.В. Ларюшкин¹

Московские купцы иностранного происхождения и их благотворительная деятельность (конец XVIII – середина XIX в.)

Аннотация. В статье речь идет об одном из важных проявлений гражданской позиции купечества – благотворительности. В качестве объекта исследования выбрана группа московских гильдейских купцов иностранного происхождения. Автор считает, что те из них, кто участвовал в добровольных пожертвованиях на военные нужды, на строительство храмов, богаделен, на основание образовательных учреждений, в полной мере инкорпорировались в московскую купеческую среду.

Ключевые слова: московское купечество; иностранцы; благотворительность; попечительство.

The Moscow merchants of foreign origin and their charity (the end of XVIII – the middle of XIX)

Abstract. The article tells about one of the most important indicator of citizen position of the merchants – a charity. The group of the Moscow guild merchants of foreign origin is an object of the research. The author considers that the benefactors of foreign origin, had participated in the Church's building, foundation of the education institution, were incorporated in the Moscow merchant environment.

Keywords: Moscow merchants; foreigners; charity; patronage.

Становление национального типа купца-предпринимателя, озабоченного не только личным обогащением, но и идеями общественного служения, гражданского долга, наблюдалось в России лишь со второй половины XVIII в. [4, с. 7]. Речь идет, главным образом, о местных купцах «великорусского» происхождения. Но как обстояло дело с бывшими подданными других государств, искавшими счастья на новом месте? Было ли у них развито чувство гражданского долга по отношению к своему второму Отечеству в той же степени, что и у местных купцов? Ответ на этот вопрос позволил бы нам исследовать проблему внедрения иностранного элемента в состав московского купечества. Имеющиеся в моем распоряжении данные, в первую очередь приговоры московского купеческого общества, по-

¹ Олег Викторович Ларюшкин – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН (Москва, Россия), e-mail: laryuschkin@yandex.ru.

Oleg W. Laryuschkin – Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Center of the Russian Feodalism's history of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Science (Moscow, Russia).

зволюют осветить ряд вопросов, связанных с участием купцов в органах местного управления, пожертвованиях на военные нужды, устройство образовательных учреждений, органов общественного призрения. Одним из важных проявлений гражданской позиции купечества являлась благотворительность, которая включала подачу милостыни нищим и убогим, участие в сборе средств на военные нужды, строительство храмов и пожертвования на образование.

О.Е. Нилова довольно подробно осветила благотворительную деятельность московского купечества в конце XVIII – первой четверти XIX в. [14, с. 67]. В 1775 г. были учреждены приказы общественного призрения. В 1781 г. частным лицам разрешили открывать благотворительные заведения. Средства купцов использовались на нужды благотворительных и учебных заведений, городское благоустройство, содержание купеческого общественного дома, сиротского и словесного судов, богаделенного для бедных и немощных, дома вновь учрежденного Коммерческого училища [14, с. 68]. Значительная часть средств Московского Купеческого Общества (далее – МКО) шла на обеспечение деятельности учреждений приказа общественного призрения. В его ведении находился Богаделенный дом, до 1788 г. полностью содержавшийся купечеством. В деле обеспечения богаделен купечество принимало постоянное участие, о чем свидетельствуют постановления, принимавшиеся на протяжении всего рассматриваемого периода [14, с. 68].

В списке московских купцов, пожертвовавших на благоустройство богадельни в 1779 г., фигурируют имена двух купцов греческого происхождения – П. Драншев и Д. Спиридонов [6, с. 28]. Купец 1 гильдии француз К. Депре ежегодно совершал пожертвования в пользу Московского попечительства о бедных и на содержание находящихся в богадельне 15 женщин сумму 1 200 руб. серебром. Он был избран Советом попечительства в должность казначея по второму Басманному отделению. Нахождение на этом посту являлось вполне существенным доводом в пользу освобождения его от городской службы, о чем и ходатайствовал Совет попечительства в 1860 г. Но МКО отказало ввиду того, что Депре по выбору купеческого общества в службе еще не находился. Это дело стало известно московскому военному генерал-губернатору, который встал на сторону Совета попечительства, объясняя свою позицию тем, что Депре, согласно ст. 378 т. 3 Устава о службе по выборам, должен быть освобожден от городских выборов на время пребывания в должности казначея. Купеческому обществу пришлось согласиться с этим решением [11, с. 121, 193]. Во время эпидемии холеры в Москве в 1830 г. купец 3 гильдии французского происхождения Д. Сихлер пожертвовал 105 руб. для Тверской лечебницы. А итальянец А. Монигетти

сделал 50-процентную скидку (1 руб. 50 коп. вместо 3 руб.) на уксус «под названием четырех разбойников», предназначенный для очищения воздуха и обработки одежды. Для неимущих лиц, проживавших в Тверской части, при предоставлении свидетельства от полиции уксус выдавался бесплатно [13, с. 3884].

Фамилии купцов иностранного происхождения фигурируют среди почитателей московских образовательных учреждений. Одним из трех почитателей Московского мещанского училища в 1840-е гг. был купец 2 гильдии немец В.И. Кистер [8, с. 417]. Семейство немцев Йокиш внесло материальный вклад в развитие образования и в храмовое строительство. Речь идет не только о Лютеранской церкви св. Петра и Павла, прихожанами которой они являлись, но и о церкви Всех Святых в с. Всехсвятском, к приходу которой относилась д. Михалково (в ней располагалось суконная фабрика Йокишей). По завещанию А. Йокиша, в Комиссаровском техническом училище учредили стипендию его имени [15, с. 73]. Московский именитый гражданин швейцарец М. Блюмер в начале XIX в. являлся владельцем благородного пансиона. Он принес в дар Практической академии коммерческих наук 26 экземпляров сокращенной им общей грамматики в двух частях [3, с. 30–31].

Купец 1 гильдии грек Х.Д. Спиридонов, состоявший в должности эконома Московского коммерческого училища, в декабре 1831 г. внес пожертвование на сумму 5 000 руб. на расширение училищного дома (ранее им было пожертвовано 1 000 руб. ассигнациями в пользу храма, находящегося при училище). Совет училища выразил ему «свою совершенную признательность» [7, с. 176–177]. Спиридонов, а также немец Г.И. Штейнбах и британец А.Я. Колли в 1849 г. были избраны МКО в комиссию для рассмотрения изменений в устройстве коммерческого училища [9, с. 173]. В 1851 г. коммерческое училище избирало 4-х почетных членов из московского купечества, из которых двое иностранцы – немец Ф. Гольцгауер и армянин И.С. Ананов [9, с. 329]. Грека Спиридонова избрали почетным членом в 1855 г. [10, с. 224]. Его сын, В. Спиридонов, в 1859 г. изъявил желание принять на себя должность особого почетного блюстителя при Андрониевском духовном училище (для лучшего устройства хозяйственной части в духовно-учебных заведениях), однако купеческое общество отказало в этой просьбе, ввиду того что он еще не состоял в выборах на городской службе [11, с. 187].

Среди представителей греческой общины Москвы, отличившихся на поприще благотворительности в пользу просвещения, широко известно имя уроженца Эпира З.П. Зосима. Свои материальные средства он жертвовал как на благо российского образования, так и в пользу греческого. При основании в Москве практической коммерческой академии в 1810 г. им был

внесен вклад на сумму 20 000 руб., Московскому университету он принес в дар дачу и дом в предместье Москвы, где помещалась обсерватория [17, с. 471–472], Императорскому обществу испытателей природы пожертвовал более 6 000 руб. на напечатание новых изданий. Зосима состоял почетным членом многих ученых обществ в Западной Европе и в России, числился членом Московского университета, Общества испытателей природы, Общества истории и древностей российских, Московской медико-хирургической академии и Практической академии. Его материальное попечительство греческой культуре выразилось в том, что на его средства были изданы почти все греческие книги, напечатанные в Европе; в Московской гимназии был учрежден класс, а в Московской медико-хирургической академии на его средства в течение ряда лет содержался лектор греческого языка; наконец, школа в Янине, учрежденная им и его братьями, сыграла важную роль в греческом образовании во времена Османской империи (и ныне функционирует). Благотворительная и просветительская деятельность Зосимы была отмечена высочайшими наградами: пожалованы ордена св. Анны 2-й ст. и св. Владимира 4-й ст. Его посещали и некоторые представители царской фамилии, многие ученые и все те, кому дороги были интересы просвещения [17, с. 471–472].

Московские купцы мусульманского вероисповедания становились благотворителями учебных заведений, расположенных за пределами Москвы и даже порой за пределами России, в их Отечестве. Д.З. Хайретдинов упоминает имя купца бухарского происхождения А. Хашхалова, который перед смертью в 1822 г. завещал потратить 20 тыс. голландских червонцев на «построение в Бухарии народного училища» и еще 8 тыс. червонцев – на его содержание (итого 322 тыс. руб. по курсу того времени) [20].

Говоря о попечительстве предпринимателей иностранного происхождения в Москве, нельзя не упомянуть армянскую фамилию Лазаревых, основавших в 1815 г. учебное заведение, ставшее впоследствии Лазаревским институтом восточных языков. Правда, здесь следует сделать оговорку. Хотя Лазаревы и занимались предпринимательской деятельностью, они не состояли в московском гильдейском купечестве, будучи пожалованными во дворянство. Идея создания образовательного учреждения принадлежала О.Л. Лазареву. В 1815 г. его младший брат построил большой дом в Армянском переулке и открыл в нем специальную школу, которая была преобразована в училище, а затем (через 12 лет) в Лазаревский институт восточных языков. Оно стало одним из первых высших учебных заведений и при этом являлось частным. Училище было рассчитано на 150 воспитанников, а армян в нем обучалось примерно 50–60 % [2, с. 21].

Соотечественник Лазаревых И.С. Ананов (1811–1888), московский купец 1 гильдии, с середины XIX в. также проявил себя в попечительстве

образовательным учреждениям. Он был членом Совета правления Московского Лазаревского института восточных языков и старшим членом совета попечителей Касперовского приюта (в 1860-х гг. был основан в Москве для бедных и престарелых армян) [18, с. 24–25]. Также на его средства был учрежден ряд школ в Тифлисе.

Однако попечительство купцов образовательным и богоугодным заведениям не всегда находило поддержку со стороны московского купеческого общества. Более того, последнее иногда чинило препятствия в его осуществлении, если это хоть как-то затрагивало ситуацию с выборами на городскую службу. Например, купец Т. Швабе, назначенный в 1861 г. на должность присяжного попечителя коммерческого суда, подал прошение об увольнении, мотивированное тем, что он с 1852 г. находился в звании комиссионера Харьковского университета и имел отлучки из Москвы. Он также состоял физико-механиком при московских кадетских корпусах и был ответственным за «содержание корпусов и показывание физических опытов воспитанникам»: «обязан был исправлять и переделывать в корпусах все учебные инструменты и содержать их в исправности и показывать воспитанникам опыты большими снарядами, имеющимися в его магазине без всякой платы». Общество не приняло его прошение на основании ст. 345 т. 3 Устава о службе по выборам [11, с. 341].

В 1850 г. попечитель уездных богоугодных заведений ходатайствовал перед московским купеческим обществом об определении московского купца Ф.К. Шильдбаха в должность казначая верейских богоугодных заведений. МКО не приняло это ходатайство, ввиду того что Шильдбах в службе московского купечества не был, а состоял на текущее трехлетие с 1849 г. кандидатом на должность ратмана в Московскую управу благочиния; кроме того, будучи московским, а не верейским купцом, он не мог занимать эту должность [9, с. 296]. Нежинский грек М.П. Псалида пожертвовал в 1817 г. Московскому военному госпиталю коллекцию из 12 картин с описанием военных побед русских войск, а также Александровскому греческому училищу в Нежине – 12 эстампов, посвященных победам русских войск в 1812 г. [21, с. 548]. Сын британского уроженца А.Я. Колли, вступившего в московское купечество в 1825 г., Андрей, брат российских физиков Роберта и Александра Колли, в 1859 г. стал казначеем звенигородских богоугодных заведений [11, с. 107].

Личный почетный гражданин С.И. Кони, жертвовавший в пользу детских приютов 500 руб., был утвержден в 1856 г. Советом приютов в звании почетного старшины. Ввиду этого Совет ходатайствовал перед московским купеческим обществом об освобождении его от выборов на городскую службу, но просьба была отклонена [10, с. 302]. Выдающийся отечествен-

ный художник, сын московского купца греческого происхождения Г.Ю. Венецианова, А.Г. Венецианов, памятуя о купеческом происхождении и в знак своего уважения и признательности, подарил московскому купеческому обществу картину, «изображающую Государя Императора Петра Великого с князем Меншиковым, графом Головиным и другими сановниками в ту минуту, когда он изыскивал удобное место для построения Санкт-Петербурга» [8, с. 432].

Итак, среди московских купцов иностранного происхождения было немало лиц, ставших попечителями образовательных и богоугодных заведений. Важно отметить, что их попечительская деятельность не ограничивалась лишь образовательными учреждениями своих национальных общин, но и распространялась на российские учреждения.

XVIII–XIX вв. ознаменовались чередой войн, требовавших значительных финансовых затрат, и купечество принимало участие в обеспечении русской армии не только выплатой налогов, но, в том числе, и добровольными пожертвованиями. О.Е. Нилова упоминала, что в 1806 г., в период войны с Францией, МКО откликнулось на Манифест о создании земского войска. Московское купечество внесло значительный вклад в обеспечение победы в Отечественной войне 1812 г., приняв участие в сборе средств на ополчение, – собрано 1,5 млн руб. от 856 купеческих семей [14, с. 69]. В списках москвичей, пожертвовавших крупные суммы на нужды русской армии, встречаются имена иностранцев и, прежде всего, французов: например, знаменитая московская купчиха Обер-Шальме, пожертвовавшая 1 500 руб., книготорговцы Л. Мессонье, И. де Вильфор, Лебур, Ж. Готье, пожертвовавших каждый по 1 000 руб., книготорговцы Ж. Бува и М. Аллар, а также А. Прево, А. Демонси, давшие по 500 руб. на армию [16, с. 318]. В Крымскую войну некоторые московские купцы иностранного происхождения также совершали пожертвования. Грек И.Г. Хаджи-Коста внес 8 775 руб. и 1 000 флоринов в пользу раненых и пленных, за что впоследствии был представлен к ордену Станислава 2-й ст. [21, с. 348]. Знаменитый кондитер, московский купец Т. Эйнем во время Крымской войны поставлял в армию сиропы и варенья. Государственный заказ принес ему значительный доход. Общественная репутация Эйнема была очень высокой, чему способствовала его благотворительная деятельность. С каждого проданного фунта нового печенья он жертвовал 5 коп. серебром, из которых половина суммы поступала в пользу благотворительных заведений Москвы, а другая – в пользу Немецкой школы для бедных и сирот [5; 19].

Таким образом, значительной массе московских купцов иностранного происхождения не была чужда благотворительная деятельность на разви-

тие просвещения, строительство культовых и богоугодных заведений, пожертвования в пользу русской армии, что позволяет сделать вывод о ее, в целом, успешной инкорпорации в московское гильдейское купечество. По сути, они стали равными с местными московскими купцами не только по правам, но и по обязанностям, а также по ментальным особенностям, которые выражались, в частности, в больших добровольных пожертвованиях.

Список источников и литературы

1. *Аксенов А.И.* Русское купечество XIX века в культурно-историческом контексте // От Перми до Иерусалима: путь и подвиг Д.Д. Смышляева. К 180-летию со дня рождения: материалы церковно-научной конференции, Пермь, 26 марта 2008 года. Пермь: Изд. Пермского отд-ния Имп. Правосл. Палестинского об-ва, 2012. С. 92–99.
2. *Георгян Л.Г.* О деятельности армян в отдельно взятых регионах России. Фрязино: [Б.и.], 2006. 62 с.
3. *Горшков Д.И.* Москва и отечественная война 1812 г.: в 2 кн. Кн. 2. М.: Изд-во Гл. арх. упр., 2011. 640 с.
4. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX вв. М.: РОССПЭН, 2007. 470 с.
5. *Лантвоева Н.* «Товарищество Эйнемъ» (история бренда) // Музей рекламы. URL: <http://muzey-reklami.com.ua/ejnem> (дата обращения: 31.12.2020).
6. Материалы для истории Московского купечества. Т. 1: Приговоры Московского купеческого общества. М.: типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1892. XXIV, 487 с.
7. Материалы для истории Московского купечества. Т. 3: Приговоры московского купеческого общества. М.: типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1896. XVI, 489 с.
8. Материалы для истории Московского купечества. Т. 4: Приговоры московского купеческого общества. М.: типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1899. XX, 467 с.
9. Материалы для истории Московского купечества. Т. 5: Приговоры московского купеческого общества. М.: типо-лит. М.И. Куманина, 1895. VIII, 374 с.
10. Материалы для истории Московского купечества. Т. 6: Приговоры московского купеческого общества. М.: тип. А.Н. Иванова, 1908. XVI, 417 с.
11. Материалы для истории Московского купечества. Т. 7: Приговоры московского купеческого общества. М.: тип. А.Н. Иванова, 1908. XXV, 533 с.
12. Милютинский переулоч, 13, стр. 1. Вышка. Фундамент // НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/fundament/milyutinskiy/> (дата обращения 31.12.2020).
13. Московские ведомости. 1830. № 89. 5 нояб.
14. *Нилова О.Е.* Общественная деятельность московских купцов в конце XVIII – первой четверти XIX века // II конференция «Города Подмоскovie в истории российского предпринимательства и культуры». Серпухов: Серпух. ист.-худож. музей, 1997. С. 67–78.
15. *Петрова Е.Г.* Мануфактура «Йокиш»: Из истории создания российской суконной промышленности (1838–1918) // Экономическая история: ежегодник. М.: РОССПЭН, 2009. С. 58–81.

16. *Ржеуцкий В.С.* Московские французы и создание образа врага. // Французский ежегодник: 2012. 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 314–335.
17. Русский биографический словарь. Т. 7: Жабокритский – Зяловский. Петроград: Имп. Рус. ист. о-во, 1916. 588 с.
18. *Саргсян Р.* Армяне-благотворители Тифлиса (вторая половина XIX в.) // Историко-филологический журнал. 2011. № 2. С. 149–161.
19. Сладкий эталон. «Красному Октябрю» – 150 лет // Аналитический журнал «Русский предприниматель». 2002. 1 нояб. URL: <http://www.ruspred.ru/arh/00/11rr.html> (дата обращения: 31.12.2019).
20. *Хайретдинов Д.* Мифы о мечетях Москвы // Газета Медина аль-ислам № 111. URL: <http://www.idmedina.ru/medina/?2159> (дата обращения: 31.12.2020).
21. *Шахова А.Д.* Нежинские греки в Москве в первой половине XIX века // Россия и Христианский Восток. Вып. IV–V. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2015. С. 537–560.

УДК 94 (470)

О.К. Ермакова¹

Люди и территория: восприятие европейскими учеными горнозаводского Урала XIX в.²

Аннотация. В статье анализируется нарративное наследие ряда выдающихся европейских ученых – специалистов в области горного дела, физики, химии, минералогии, а также социологии, статистики, экономики и финансов. Исследуемые сочинения посвящены уральскому горнозаводскому комплексу XIX в. Авторы произведений в разной степени были связаны с Уралом: в рамках научных экспедиций (в том числе социологических), оказания помощи заводоладельцам в роли консультантов, а также непосредственного участия в жизни региона в качестве администраторов. Сделан вывод о том, что одной из ключевых характеристик уральской индустриальной идентичности являлся ее европейский характер, несмотря на географическую отдаленность региона от столичных городов империи. Положение рабочих и крестьян представлялось в трудах первой половины XIX в. схожим, а иногда и лучшим по сравнению с аналогичными социальными группами в Западной Европе. Экономический и социальный кризис конца XIX в. предлагалось преодолеть с помощью иностранного капитала, что отражало уже наметившуюся тенденцию развития Урала.

Ключевые слова: горнозаводской Урал; индустриальная идентичность; европейские ученые XIX в.; сочинения иностранцев; иностранные специалисты.

People and territory: the mining Urals in the perceptions of European scientists of the 19th century

Abstract. The article analyzes the narrative heritage of prominent European scientists – specialists in the field of mining, physics, chemistry, mineralogy, as well as sociology, statistics, economics and finance. The works under study are devoted to the Ural mining industrial complex of the 19th century. The authors of the papers were in different ways associated with the Urals: within the framework of scientific expeditions (including sociological ones), consulting plant owners, and working as administrators. It is concluded that one of the key characteristics of the

¹ **Ольга Константиновна Ермакова** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра социальной истории Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия), e-mail: ermakovaok@mail.ru.

Olga K. Ermakova – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Centre of Social History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

² Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв.».

Ural industrial identity was its European character, despite the geographical remoteness of the region from the capital cities of the Russian empire. In the works of the first half of the 19th century the social welfare of workers and peasants was perceived as the similar, and sometimes better, in comparison with same social groups in Western Europe. Economic and social crisis of the late 19th century was supposed to be overcome with the help of foreign capital, that reflected the already emerging trend in the development of the Urals.

Keywords: mining Urals; industrial identity; European scientists of the 19th century; writings of foreigners; foreign specialists.

На протяжении XIX столетия уральский горнопромышленный комплекс переживал периоды от расцвета до кризиса и упадка, а также смену производственных приоритетов и сфер вложений капитала, в том числе иностранного. Крупнейший центр металлургии, долгое время лидировавший не только на российском, но и на европейском рынке, постоянно становился объектом интереса зарубежных специалистов в области горного дела, физики, химии, а также социологии, экономики и финансов. Богатое нарративное наследие европейских ученых, побывавших на Урале, погружает в атмосферу специфической социокультурной среды региона, открывает черты особой индустриальной идентичности. Внимание исследователей фокусировалось не только на характеристиках территории в целом (природно-климатических, хозяйственных, административных), но и на отдельных сообществах ее обитателей (включая их социальный статус в контексте локальной стратификации и в широком сравнении с европейскими рабочими / крестьянами, а также конфессиональную принадлежность, особенности культуры и менталитета).

Сочинения иностранцев об Урале XIX в. представлены как сугубо научными текстами (по истории и текущему состоянию горного дела, а также социологии), так и произведениями, в основе которых лежат эго-документы. Ярким примером является изданное в Париже «Путешествие на Урал, предпринятое в 1828 г.» Адольфа Яковлевича (Адольфа Теодора) Купфера [9], выдающегося ученого, специалиста в области физики, химии, минералогии, академика Российской академии наук и почетного члена разнообразных европейских научных обществ и академий. Купфер происходил из прибалтийских немцев, получил образование в Берлинском университете, обучался также в Париже, а докторской степени удостоился в Геттингене. В 1828 г. Купфер с разрешения министра народного просвещения «был отправлен для ученых занятий и исследования по Пермской губернии Екатеринбургских заводов» [7, л. 8 об.–9]. Основу текста, опубликованного в 1833 г. по результатам экспедиции, составили путевые дневники, в которых содержатся не только наблюдения технического плана (геофизические

характеристики, описание способов и условий передвижения команды), но и личностные, эмоционально окрашенные оценки посещаемых мест и их жителей.

Одним из лейтмотивов повествования Купфера оказывается мысль о том, что на территории Урала обнаруживаются прогрессивные и абсолютно европейские по своему укладу локальные центры, наличие которых кажется удивительным при такой географической отдаленности от столиц и «европейской цивилизации». Именно в таком образе предстал перед путешественником Златоуст. Купфер отметил, что этот город известен фабрикой холодного оружия, ежегодно поставлявшей в армию 30 тыс. клинков. Рабочие – в основном немцы, «которых за большие деньги привозили из Золингена и Клингенталя» [9, р. 114]. Ученый делится впечатлениями о часто посещавшем его ощущении, «будто мы очутились в фабричном городке Германии». Златоуст, «окруженный пустынными местами, столь удаленный от центров европейской цивилизации, являет картину интенсивно действующей промышленности и как следствие – высокого достатка» [9, р. 114]. Особое внимание исследователь уделил социальному положению работников фабрики, организации труда, материальному обеспечению и сфере социальной поддержки. Мастера получали высокую заработную плату, бесплатно вместе с семьей размещались в домах. В случае болезни их лечил врач (на дому или в госпитале), оплачиваемый государством. Лекарства также предоставлялись безвозмездно. На содержание семейства тратилось совсем немного денег, поскольку продукты питания очень дешевы, и только колониальные товары стоили дорого. Рабочие Златоуста, по наблюдениям Купфера, «живут в большем достатке, чем это обычно бывает в промышленных городах Германии, которые слишком часто являются собой печальный образ крайней нищеты». Ученый обратил внимание и на психологический комфорт, созданный для немецких мастеров. Несмотря на то, что они находились в чужой стране, немецкая нация здесь, по выражению Купфера, «получила право на общественное признание... ее все уважают». Приглашенные специалисты имели возможность оставаться верными собственным обычаям и привычкам, свободно исповедовать свою религию, тем более что и священников содержало правительство [9, р. 115]. То есть перед нами тот случай, когда социокультурная адаптация проходила не посредством ассимиляции с местным населением, а реализовывалась через обособленность и замкнутость сообщества «чужих». Такая модель, в данном случае, поддерживалась государственными мерами, целью которых являлось удержание квалифицированных кадров.

«Европейскость» Златоуста очевидна и объяснима ввиду наличия крупной немецкой диаспоры. Однако и другая часть южно-уральских за-

водских поселений произвела на Купфера благоприятное впечатление. Европейский быт путешественники вновь встретили в Миассе, оказавшись в доме инспектора заводов, где их любезно разместили. Гости с удивлением обнаружили, что и в этих «местах, отдаленных от центров цивилизации», можно наслаждаться «всеми удобствами европейской жизни», в частности – «вкусно питаться, в изобилии угощаться французскими, португальскими и немецкими винами» [9, р. 129]. Переходя к описанию производственной сферы и положения мастеров, Купфер утверждал, что хотя Миасская промышленность обеспечивала рабочим удовлетворительный уровень жизни, существенно обогатиться им не удавалось. Поэтому здесь не встретить красивых и ухоженных домов по соседству с жалкими хижинами. По наблюдениям ученого, среди населения отсутствовало имущественное неравенство, которое часто встречалось в промышленных городах Германии и Франции [9, р. 131]. Вообще, рассуждая о благосостоянии населения Урала, Купфер заметил, что разнообразные природные богатства находились в распоряжении правительства или частных лиц, обретавшихся в столицах, а потому простые обитатели «уральских гор» не особенно обогащались от этих ресурсов [9, р. 125–126].

Европейскими чертами справедливо наделены в описании Купфера Екатеринбург и его жители. В то же время столичный блеск здесь соседствовал с признаками имущественного неравенства, которых ученый не заметил в Миассе (вероятно, в столице горного края разница в положении отдельных социальных категорий оказывалась гораздо заметнее). Красивые каменные дома Екатеринбурга, отмечал автор, «выделяются своим величием и архитектурой благодаря тому, что окружены убогими хижинами» [9, р. 171]. Купфер указывал на особый статус города, повлиявший на его внешний облик. Здесь располагалось Уральское горное начальство, но по административно-территориальному делению Екатеринбург подчинялся пермскому губернатору и являлся не более чем уездным городом. При этом по своему величию и достатку Екатеринбург существенно превосходил губернскую столицу – Пермь. Купфер характеризовал социальный состав населения города, в котором выделил три основные категории: служащие, купцы и рабочие. По его мнению, местные «высокопоставленные чиновники составляют приятное общество, отличающееся столичными манерами, ведь большинство из них получили образование в Горном институте в Санкт-Петербурге» [9, р. 171–172]. В городе организован культурный досуг, можно встретить «модных и элегантных людей». Те, кто занимал высокие должности, а также заводовладельцы и самые богатые купцы жили в каменных домах со всяческими удобствами и даже роскошью [9, р. 173].

В отличие от перечисленных металлургических центров Купфер гораздо менее подробно описывал, например, Нижний Тагил, давая лишь

общие характеристики заводов. Но этот пробел прекрасно восполняется при обращении к трудам французского горного инженера и социолога Фредерика Ле Пле, который не только путешествовал по Уралу с научными целями, но и работал в качестве консультанта на Нижнетагильских заводах Демидовых в середине XIX в. Ле Пле, таким образом, выступал не только наблюдателем уральской индустриальной идентичности, но и ее актором. Второй том обширного социологического труда Ле Пле под названием «Европейские рабочие: исследование работы, семейной жизни и морального состояния рабочего населения Европы» посвящен «рабочим Востока» и, в частности, Урала. Ле Пле разрабатывал и активно использовал «монографический метод» описания малых социальных групп – семей рабочих [12, p. 11–16].

Французский ученый неоднократно подчеркивал, что на частных железоделательных заводах Урала сложился специфический тип социальной организации и отношений между «сеньором» и «вассалами», разительно отличавшийся от ситуации в земледельческих регионах России и схожий с положением рабочих в промышленных центрах Западной Европы. Ле Пле выделял две основные категории рабочих. Первую составляли наиболее зажиточные представители данной социальной группы, как правило, угольщики, имевшие в хозяйстве хотя бы одну лошадь, что позволяло им дополнительно заниматься сбором, подготовкой и транспортировкой топлива. Ко второй категории относились те, кто был занят на внутренних работах в литейных цехах, кузнях и на рудниках [10, p. 100]. Все рабочие обязывались трудиться в интересах заводовладельца, который, в свою очередь, обеспечивал мастеров и их семейства средствами к существованию. Как правило, рабочие посвящали большую часть своего времени работе на кузнях, а взамен получали вознаграждение в виде заработной платы. Таким образом выстраивались отношения, отличные от тех, что преобладали на территориях с сельскохозяйственной специализацией. В этой связи Ле Пле проводил прямую параллель с системой, сложившейся в промышленных районах Запада. По наблюдениям ученого, горнодобывающая промышленность в большей степени, чем любой другой вид деятельности, способствовала постепенной трансформации социального режима, который к тому времени все еще преобладал на большей части Российской Империи [10, p. 101].

Оценивая меры социальной поддержки рабочих, Ле Пле обратил внимание на высокий уровень оказания медицинской помощи и подчеркивал, что металлургические заводы внесли существенный вклад в развитие и распространение медицины и образования в России [10, p. 103]. Важнейшей специфической чертой Урала Ле Пле считал «тесный союз сель-

ского хозяйства с промышленностью». Это обстоятельство, напротив, более всего отличало российские металлургические комплексы от западных. Соответственно, рабочие делились на «работников» и «крестьян» [10, р. 133]. Положение крепостных крестьян на изучаемой территории Ле Пле оценивал как гораздо более благоприятное и материально обеспеченное в сравнении с французскими земледельцами [11, р. 201–202].

Ле Пле, как и Купфер, восхищался местным светским обществом, отмечая, что встретил просвещенных людей, с которыми может поделиться идеями и не сомневаться, что после его отъезда в Париж уральские инженеры сумеют продолжить начатые совместные изыскания. Описывая в письмах жене прием в доме заводского управителя в Нижнем Тагиле, ученый подчеркивал, что собравшееся общество отличалось прекрасными манерами, дамы носили красивые декольтированные платья, и возникало ощущение, что находишься в маленькой префектуре Франции [11, р. 184, 188].

Работая на Нижнетагильских заводах, Ле Пле однажды посетовал на сложности, с которыми столкнулся наемный иностранный специалист. Речь шла о невозможности за короткий срок пребывания на Урале реализовать намеченные технологические нововведения. Для этого необходимо время и ресурсы, чем в гораздо большей степени располагали «туземцы» [4, л. 28]. В этой связи фигура другого выдающегося иностранца, Бенедикта Франца Иоганна фон Германа (Ивана Филипповича Германа), олицетворяет пример человека, полностью интегрировавшегося в местную социальную среду и ее элиту, и одновременно внесшего в нее мощный европейский компонент. Герман – австрийский ученый, перешедший на российский службу в конце XVIII в. Расцвет его деятельности в России пришелся на годы службы на Урале, где, продолжая вести научную работу, Герман сделал блестящую административную карьеру. В должности Екатеринбургского горного начальника (с 1801 по 1813 г.) он осуществил масштабные преобразования как в плане технологического развития заводского комплекса, так и в социальной и культурной сферах (расширил сеть школ и больниц, ввел прививание от оспы, организовал регулярное ведение статистических «народных таблиц» для учета различных демографических факторов, основал типографию). Герман был признанным в Европе ученым, являлся членом-корреспондентом императорских и королевских академий наук и обществ естествоиспытателей Европы. Его авторству принадлежат многочисленные труды по горному делу, описанию заводов, а равно и работы социологического и статистического плана [1; 5; 6].

Труды Германа о горнозаводском Урале представляют собой сугубо научные тексты. «Сочинения о сибирских рудниках и заводах, собранных надворным советником и академиком Иваном Германом» в двух частях

были изданы тиражом более 7 тыс. экземпляров, а через год вышла в свет третья часть книги. В этой работе даны статистические характеристики заводов и подробное описание отдельных предприятий [6, с. 64]. В труде «Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих» (1808 г.) представлено описание 9 казенных и 113 частновладельческих заводов и Екатеринбургских золотых промыслов. В работе содержатся сведения о географическом размещении промышленности, технической оснащённости предприятий, применении вольнонаемного труда, численности рабочих, производительности труда [6, с. 64–65]. «Историческое начертание горного производства в Российской империи», изданное в 1810 г., освещает историю горного дела в России с XVII в. В данной работе собраны законодательные акты в области горного дела. Специальное внимание уделено участию иностранцев на начальном этапе разработки горных промыслов: рассмотрена роль Иоганна Фридриха Блиера в этом процессе, а также его участие в создании Берг-коллегии; прослежена история привлечения на заводы саксонских специалистов [3]. Сочинения Германа содержат множество полезных сведений технологического и географического плана и формируют базу научного знания о горнозаводском Урале.

С периодом управления Германа на Урале связан расцвет региона, промышленности и социальной сферы. Постепенно к середине XIX столетия горнозаводской комплекс стал утрачивать лидирующие позиции и входить в кризисное состояние. Во второй половине XIX в. развитие Урала стало определяться не только металлургическим производством, а надежды на возрождение могущества связывались с интенсификацией предпринимательства, привлечением крупных капиталов из-за рубежа. Образ изменившегося Урала конца XIX в. предстает в сочинении Мориса Верстрата, французского банкира, дипломата, вице-президента Русско-Азиатского банка, коммерческого атташе Франции в России [2; 8]. Верстрат почти четверть века прожил в России, а его произведение под названием «Урал» («L'Oural») [13] было опубликовано в Париже в 1899 г. В книге рассказывается о видах топлива, использовавшегося на заводах, состоянии транспорта и дорог. Подчеркивалось, что промышленный рост второй половины XIX в. обеспечили железные дороги, сократившие расстояния. Однако Урал в этом отношении отставал: «заводы находятся далеко не только от необходимого сырья, но и от рынков сбыта; поэтому они прозябают в своем узком кругу, в который невольно заключены» [13, р. 18]. Между тем другие регионы стремительно развивались, с гораздо большим успехом разрабатывая шахты, которые казались бедными по сравнению с уральскими. Уральские же заводы теперь производили меньше чугуна, чем 16 заводов на юге России.

Необходимым условием экономического прогресса Верстрат считал железнодорожное строительство, которое должно привести к экономиче-

ской революции и взорвать старые рамки, в которых до сих пор находилась промышленность, а значит – вернуть Уралу (обладавшему неиссякаемыми железными рудниками) лидирующее место среди крупных производителей чугуна. Такая же трансформация, по мнению специалиста, назревала и в Сибири, которая вскоре должна перестать ассоциироваться только с местом изгнания [13, р. 27].

Рассматривая социальные вопросы, Верстрат констатировал, что в промышленных центрах России к концу века еще не сформировался рабочий класс. Как и Ле Пле, Верстрат акцентировал внимание на синтезе промышленности и сельского хозяйства: «русский рабочий чаще всего оказывается не более чем крестьянином, который зимой работает на заводах, а летом занимается сельским хозяйством». При этом он писал, что «пожалуй, нигде это упорство крестьянина среди рабочих не выражено так ярко, как на Урале. Летом на многих фабриках и шахтах не хватает рабочих рук. Например, на угольных шахтах Кизела летом работает 300 человек, зимой – более 2 000» [13, р. 28]. Верстрат говорил не только о проблеме нехватки рабочей силы, но и о недостатках в содержании рабочих (эту задачу он предлагал решать с помощью иностранного капитала), низких заработных платах, а также о недостаточной квалификации мастеров (для преодоления данной проблемы следовало развивать профессиональное обучение). Трудность, на его взгляд, состояла еще и в преобладании ручного труда и неумении рабочих обращаться с машинами. Индустриальный облик Урала Верстрат называл «старомодным», а потому регион не вызывал интереса у зарубежных инженеров и акционерных обществ. Однако антипатия постепенно сменялась на сильнейшее притяжение. Автор выражал уверенную надежду на то, что совсем скоро свершится индустриальная революция, а помощь в этом с большой долей вероятности смогут заемные средства и иностранные финансовые вложения [13, р. 44–45]. Следует заметить, что именно привлечение иностранного капитала в уральскую промышленность и стало основным трендом рубежа веков.

Горнозаводской Урал с момента основания был постоянно включен в общеевропейский контекст как в плане приобретения устойчивых позиций на рынке сырья, так и с точки зрения социокультурного облика. Традиционно являясь центром привлечения квалифицированных иностранных кадров, регион адаптировал не только технологии, но и культурные новшества из Западной Европы. Социальные трансформации обуславливались наличием специфических профессиональных сообществ, иностранных диаспор. Социальная стратификация в регионе выстраивалась отлично от иных территорий. В отдаленной провинции обнаруживались столичные, европейские черты в образе жизни, организации быта и досуга. Видные

европейские ученые, постоянно или временно находившиеся на Урале, подчеркивали соответствующую специфику региона и воспринимали его в неразрывной связи и сопоставлении с европейскими промышленными центрами.

Список источников и литературы

1. *Вампресхамер Х.* Бенедикт Франц Иоганн Герман – великий австриец в России (1755–1815) // Известия высших учебных заведений. Горный журнал. Уральское горное обозрение. 1995. № 8. С. 192–197.

2. *Галкина Ю.М.* Французский банкир Морис Верстрат в большевистской России (1917–1918) // Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: сборник материалов Девятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Слио-2019» / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 88–91.

3. *Герман И.Ф.* Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург: Горная типография, 1810. VIII, 223 с.

4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 43. Оп. 1. Д. 162.

5. *Ермакова О.К.* Ученый и практик И.Ф. Герман: вклад в развитие горного производства в России // Горный журнал. 2018. № 3. С. 94–97.

6. *Пензин Э.А.* И.Ф. Герман – ученый и горный деятель // Промышленность Урала в период зарождения и развития капитализма. Свердловск: УрГУ, 1989. С. 56–71.

7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 74. Д. 46.

8. *Claeys T.* Un diplomate, écrivain et banquier en Russie: le parcours de Maurice-Paul-Alfred Verstraete // Французы в научной и интеллектуальной жизни СССР в XX веке = Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en URSS au XXe siècle / под ред. А.О. Чубарьяна, Ф.-Д. Лиштенан, С. Кеке, О.В. Окуневой. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 301–328.

9. *Kupffer A.T.* Voyage dans l'Oural entrepris en 1828 / par A. Th. Kupffer, membre de l'Académie des sciences de Saint-Petersbourg. Paris: Typographie de Firmin Didot frères, 1833. IX, 428 p.

10. *Le Play F.* Les ouvriers européens : étude sur les travaux, la vie domestique et la condition morale des populations ouvrières de l'Europe. 2e vol. Les ouvriers de l'Orient et leurs essais de la Méditerranée. Tours: Alfred Mame et fils, 1877–1879. 560 p.

11. *Le Play F.* Voyages en Europe: 1829–1854: Extraits de sa correspondance publiés par Albert Le Play. Paris: Plon, 1899. 344 p.

12. *Savoie A.* La monographie sociologique: jalons pour son histoire (1855–1974) // Les Études Sociales. 2000. № 131–132. P. 11–46.

13. *Verstraete M.-P.A.* L'Oural. Paris: Hachette, 1899. 262 p.

УДК 94(47).07

*О.А. Плех*¹

Правовое регулирование поступления на гражданскую службу в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.: к вопросу об источниках рекрутирования кадров в провинции

Аннотация. Статья посвящена проблеме правового обеспечения государственной гражданской службы в Российской империи. Предпринята попытка проанализировать законодательство, регламентировавшее порядок поступления на службу, с учетом развития системы местного управления. Показано, что государство в первую очередь заботилось о сословном происхождении служащих, а требования к уровню образования и компетентности отодвигались на второй план. Автор приходит к выводу, что политику верховной власти в области формирования провинциальной бюрократии определял дефицит кадров, в условиях которого функционировали местные учреждения.

Ключевые слова: гражданская служба; местное управление; чиновничество; канцелярские служители; законодательство; Российская империя.

Applications to the civil service in the last quarter of the XVIII – first half of the XIX century: legal regulation in the provinces

Abstract. The article is devoted to the problem of legal support of the state civil service in the Russian Empire. The author attempts to analyze legislation that was in force in the last quarter of the XVIII – first half of the XIX century, which regulated procedure for entering the service, taking into account the development of the local government system. The article shows that the government primarily cared about class origins of employees, and requirements for education level and competence of employees was pushed into the background. The author concludes that the shortage of personnel, under which local institutions functioned, determined the policy of supreme power in the field of formation of the provincial bureaucracy.

Keywords: civil service; local government; officialdom; clerical servants; legislation; the Russian Empire.

¹ **Олеся Анатольевна Плех** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра «История России XIX – начала XX вв.» Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: plekh@mail.ru.

Olesya A. Plekh – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Center “History of Russia XIX – early XX century”, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Дореформенное время в исторической литературе характеризуется как эпоха господства бюрократии, когда «главным орудием» верховной власти в центре и на местах стало чиновничество, или, как выразился В.О. Ключевский, «действовавшая вне общества и лишенная всякого социального облика куча физических лиц разнообразного происхождения, объединенных только чинопроизводством» [11, с. 9]. В этом весьма критическом определении известный историк отметил главную черту, выделявшую чиновничество в сословной структуре общества Российской империи. Они являлись государственными служащими, и именно этот аспект определял их социальное положение. Формирование чиновничества напрямую зависело от правил определения на службу: действовавшие поощрения/ограничения устанавливали сословные рамки. Это позволяет выявить источники рекрутирования кадров.

Правовое обеспечение государственной службы в Российской империи неоднократно привлекало внимание исследователей, главным образом представителей юридической науки. Первые работы появились еще в до-революционное время [13; 16] и носили отчасти теоретический, отчасти прикладной характер, поскольку были нацелены на определение пути совершенствования законодательства с опорой на «историческое развитие способов замещения должностей и оценку их» [16, с. II]. Современные ученые также обращаются к этой проблематике в рамках историко-правовых исследований. При этом в юридических работах предпринимаются попытки проанализировать эволюцию модели и принципов государственной службы на широком хронологическом отрезке, охватывающем в одних случаях XVIII – первую половину XIX в. [15], в других – весь XIX в. [75]. Однако и в том и в другом варианте первая половина XIX в. оказывается в тени либо преобразований Петра I и Екатерины II, либо реформ второй половины XIX в. Изучение гражданской службы времен Александра I и Николая I, по сути, сводится к рассмотрению положений т. 3 Свода законов Российской империи [74], а это, в свою очередь, позволяет увидеть лишь «статичную» картину, сложившуюся к моменту систематизации законодательства.

За последние десятилетия появилось внушительное количество исторических публикаций, посвященных дореформенному чиновничеству (и центральному, и провинциальному), однако исследования, затрагивающие правовые вопросы, в целом немногочисленны. Здесь следует отметить работы Л.Ф. Писарьковой, в которых особое внимание уделено правовым условиям формирования бюрократии в XVIII – первой четверти XIX в., в том числе разработке и обсуждению законопроектов о гражданской службе [17; 18; 19]. На общем фоне также выделяется цикл статей В.А. Воропа-

нова, освещающий отдельные проблемы законодательного регулирования гражданской службы второй половины XVIII – первой половины XIX в. [3; 4; 5; 6]. Автор, подобно правоведам, выстроил свое исследование с опорой на опубликованные законодательные акты, однако в отличие от них обратился не к систематизированному акту (Своду законов), а к первоисточнику – текстам указов, рассмотрев их в соответствии с хронологическим принципом.

На сегодняшний день по заявленной теме юристам и историкам удалось сделать многое. Однако исследования первых строятся вокруг законов, содержащихся в них положений и дефиниций, а последних – вокруг фактов, при анализе которых юридические нормы призваны помочь в осмыслении событийной канвы. Между этими двумя подходами по сей день сохраняется «водораздел». В настоящем исследовании предпринимается попытка проанализировать действовавшее в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. законодательство, регламентировавшее порядок поступления на гражданскую службу, с учетом развития системы местного управления. Это позволит проследить политику верховной власти в области формирования провинциальной бюрократии.

В ходе губернской реформы 1775 г. произошло беспрецедентное по масштабам пополнение корпуса служащих. Так, согласно штатам 1763 г., в местном управлении на чиновничьих и канцелярских должностях состояло 3 671 человек, а после 1775 г. их численность достигла почти 30 тыс. (вместе с выборными лицами – более 40 тыс.) [18, с. 353, 432]. В частности, на территории, позднее ставшей Вологодской губернией, а на момент принятия штатов 1763 г. входившей в состав Архангелогородской, насчитывалось 45 классных и 130 канцелярских должностей (всего – 175 служащих) [18, с. 356]. В 1786 г., по результатам губернской реформы, в пределах той же территории на службе состояло уже 165 штатных служащих по назначению от правительства, 249 выборных (50 от дворянства, 99 от горожан, 100 от крестьянства) и 536 канцелярских служащих, в том числе 58 секретарей (всего 956 человек) [71, л. 33–45 об., 51–70 об.]¹. Губернская реформа, во-первых, предусматривала внушительный штат коронной администрации, во-вторых, вводила в создаваемых учреждениях широкое представительство сословных обществ – дворянских, городских, сельских (как видно из представленных выше цифр, фактически каждая четвертая должность являлась выборной), в-третьих, открывала значительное количество канцелярских вакансий. На ключевые должности в местном аппарате управления

¹ Помимо указанных лиц на службе состояло 176 низших служащих (счетчики, переплетчики, сторожа и т.д.).

в основном назначались чиновники из центральных учреждений по распоряжению императрицы и Сената, что же касается основной массы вакансий, то их предполагалось закрыть силами губерний. «При определении всяких чинов» следовало рассматривать не только формулярные списки служащих, но и «примечать поступки их в бытность при прежних должностях, и с каким рачением исправляли возложенные на них дела, дабы тем основательнее можно было заключать о способности их к занятию новых мест» [28, с. 24].

Реформа проводилась с расчетом на поддержку, в первую очередь, провинциального дворянства, которое, по замыслу Екатерины II, должно было не только активно развивать сословное самоуправление, но и заполнить коронные штатные вакансии, в том числе канцелярские [27, с. 781–783]. В штатах открывавшихся наместничеств отмечалось: «Весьма желательно, да и главнокомандующему или губернскому правлению нужно поощрять, чтоб молодые дворяне по окончании наук употребляли себя к научению не меньше для них полезному знать законы своей земли и образ судопроизводства; а для сего б определялись в приказы, не вмняя отнюдь в предосуждение благородству, приобретать от первых степеней канцелярских сведения и способности в делах, и в них столько изощряться, чтоб могли, поступя в чины высшие, достойно и похвально исправлять свое звание к пользе общей» [69, с. 16].

Следовательно, императрица хотела, чтобы местные учреждения наполнялись лицами не только опытными, добросовестными и способными к гражданской службе, но и преимущественно дворянами. Как отмечал А.В. Романович-Славатинский, издание Манифеста о вольности дворянства 1762 г. вовсе не означало полного освобождения от службы: в результате преобразований 1775 г. возникла «обязанность дворянства, хотя закон называл ее правом, преимуществом, тянуть тягло местной службы» [70, с. 491]. Реализация задуманного столкнулась с большими трудностями и потребовала значительных усилий верховной власти. Казалось бы, «тягло местной службы» предоставляло «благородному» обществу возможность, сплотившись, отстаивать корпоративные интересы и, более того, играть ведущую роль в местном управлении. Однако на деле, как показывают исследования, высшее сословие ввиду недостаточной образованности в основной своей массе попросту оказалось не готовым не только к выборной, но и к гражданской службе в целом [1, с. 91–92; 9, с. 132; 12, с. 173, 200]. На «призыв» верховной власти дворяне, конечно, откликнулись, но в большинстве своем не самые образованные и состоятельные («благородная чернь») и не в том количестве, которого требовал местный аппарат управления. Ввиду острой нехватки гражданских чиновников на «классные» должности активно набирали отставных военных штаб- и обер-офицеров, чему спо-

собствовали принятые в предшествовавшие десятилетия указы, поощрявшие такие переходы [24, с. 88–89; 25, с. 539–540].

Если присутствия учреждений предполагалось укомплектовывать за счет опытных чиновников, местных дворян и сословных выборов, то вопрос, откуда рекрутировались кадры для канцелярий, требует особого внимания. Известно, что дворяне (за редким исключением) на канцелярские должности не стремились, численность «приказных» людей из «дореформенных» учреждений оказалась явно недостаточной для заполнения всех вакансий, а лиц из податного звания запрещалось принимать на службу, что было установлено указами от 13 апреля 1771 и 15 февраля 1772 г. [26, с. 265, 448–449]¹.

В указе от 9 января 1779 г. «О наполнении канцелярий в наместничествах приказными служителями» Екатерина II, предвидя трудности, распорядилась принимать на службу, во-первых, излишних детей церковнослужителей и семинаристов («ниже риторического класса, не нужных для занятия мест духовных»), во-вторых, свободных и не положенных в подушный оклад людей (в том числе из купеческого звания и отпущенных на волю помещичьих крестьян), в-третьих, изъявивших желание воспитанников Академии художеств и учащихся Московского университета. При этом запрещалось определять к должностям «школьников из солдатских детей» и положенных в подушный оклад [27, с. 782].

В указе от 24 мая 1782 г. вновь прозвучало требование о наполнении канцелярий свободными и неподатными людьми. Внимание верховной власти к этому вопросу привлекло донесение Смоленского наместнического правления, из которого следовало, что еще до 1779 г. на службу принимались представители податных состояний, при этом из подушного оклада они не «выключались» [28, с. 504]. В связи с этим наместническое правление ходатайствовало об их «выключке», на что получило отказ, а на места было разослано предписание о строгом соблюдении правил, установленных указом от 9 января 1779 г. Соответственно, податные лица, состоявшие на службе, сохраняли свой прежний сословный статус, предусматривавший несение повинностей. Более того, верховная власть, разрешая принимать на службу купцов, не позволяла увольнять и их из прежнего звания: «К делам принимать по желанию из купечества хотя и позволено, но с капиталов их, с которыми они в сие звание входить будут... подать не снята» [28, с. 686].

¹ Запрещая принимать податных лиц, верховная власть, в первую очередь, пыталась не допустить пополнения дворянства путем выслуги чинов на гражданской службе: «Чтоб из положенных в подушный оклад никаких людей, хотя бы им от кого увольнительные письма даны были, и их детей не токмо в приказной чин, но и ни к каким штатским делам отнюдь не определяли, а буде где таковые находятся, то бы к награждению в обер-офицерские чины ни под каким видом их не представляли» [26, с. 448].

Между тем проблема с наполнением канцелярских мест стояла довольно остро. По указу от 11 апреля 1784 г. был произведен «разбор» детей священно- и церковнослужителей. Для определения в канцелярские служители предписывалось отсылать «семинаристов», которые «малую... ко вступлению в духовные чины подают надежду, а более окажут склонности к гражданской службе», а излишним, оставшимся после распределения, предоставлялась возможность «избрать такой род жизни, какой сами похотят», в том числе поступить на службу [29, с. 95–96]. В 1784 г. Сенат докладывал, что вопреки существовавшему запрету «в некоторых губерниях, за совершенным недостатком канцелярских служителей, взяты и определены в оное звание из военнослужителей, их детей и школьников». Однако, опасаясь, «дабы отлучением оных от нынешних их должностей не причинить в течении дел остановки», Сенат предложил оставить их на службе. Впредь же предписывалось солдатских детей «ни под каким уже видом» не принимать [29, с. 234–235].

Таким образом, проблема с канцелярскими служителями решалась путем «разбора» излишних детей священно- и церковнослужителей, а также вынуждала государство допускать на службу представителей социальных групп, не являвшихся приоритетными для рекрутирования кадров. Отмечу, что законодательство не содержало возрастных ограничений для новобранцев, но с 1764 г. начало действительной службы исчислялось с 15-летнего возраста [24, с. 791]. Несмотря на это, в последней четверти столетия существовала практика приема на службу в канцелярии малолетних¹: как правило, это были дети служащих.

В конце XVIII в. система местного управления подверглась перестройке. Павел I попытался удешевить ее содержание, в связи с чем одни учреждения оказались упразднены, порядок формирования других изменился, штаты сократились. Число должностных мест уменьшилось примерно на треть и к началу XIX в. в местном аппарате управления было задействовано около 30–33 тыс. человек [18, с. 506]. Следовательно, часть чиновников осталась не у дел², а у государства появилась возможность, с одной стороны, перераспределить высвободившиеся кадровые ресурсы, заполнив имевшиеся в губерниях вакансии, с другой – установить более жесткие условия поступления на службу и регулировать кадровый состав, исходя из сословных предпочтений.

¹ Делопроизводственные материалы позволяют увидеть, что на копиистские вакансии в местных учреждениях поступали молодые люди 9–10-летнего возраста [7, л. 68 об.–69; 8, л. 14 об.–15, 16 об.–17, 35 об.–36, 48а об.–39].

² К примеру, согласно сведениям, поступившим из Вологодской губернии в 1800 г., «без должности» осталось 52 чиновника. Этот список был неполным, так как не включал канцелярских служителей [72, л. 1–7 об.].

14 августа 1798 г. вышел указ, провозглашавший исключение из подушного оклада лиц, «вошедших в статскую службу из купечества, мещанства и другого [податного. – *О.П.*] звания... и действительно служащих, равномерно и детей их, которые находятся в приказном же звании, так же и малолетних». Недоимки, накопившиеся за ними со времени поступления в «приказное звание», списывались. Уволенные и оставшиеся «без должностей» «по уничтожении... в губерниях присутственных мест» в прежнее податное состояние не возвращались – им предоставлялась свобода «избрать род жизни» [31, с. 335–336]. Так была решена проблема определения социального положения податных лиц, зачисленных на службу во времена Екатерины II. В то же время впредь запрещалось принимать на службу выходцев из податных состояний «без представления Сенату о надобности в оных». Л.Ф. Писарькова в своем исследовании уделила особое внимание указу от 14 августа 1798 г., отметив, что, по сути, Павел I не запрещал прием лиц из податных состояний, а «ставил его под контроль Сената», благодаря чему «доступ к гражданской службе получили все слои населения» [17, с. 108]. На мой взгляд, ограничительный характер данного предписания все-таки имел первостепенное значение, поскольку острой нехватки канцелярских служащих местный аппарат не испытывал. Следовательно, необходимости набирать служащих из лиц, положенных в подушный оклад, на момент издания указа не было (даже в самом тексте указа отмечалось, что после сокращения штатов часть этих лиц от должностей уволена). Между тем император вполне осознавал, что по прошествии какого-то времени проблема с наполнением канцелярий может заявить о себе вновь, и в этом случае ее нужно будет решать, согласовывая прием податных лиц с Сенатом.

Впрочем, попытки обойти закон предпринимались и в дальнейшем. В частности, в 1799 г. в Архангельской, Вологодской и Подольской губерниях без согласования с Сенатом исключили из подушного оклада канцелярских служащих при городских магистратах. Всех этих людей было предписано вернуть в податное состояние [32, с. 261]. Формально лица, занимавшиеся письмоводством при городских сословных учреждениях, не считались состоявшими на действительной службе, а их содержание ложилось на плечи городского общества. Если бы правительство одобрило их выход из подушного оклада, то мещане получили бы возможность переходить в приказное звание.

Свидетельством того, что период крайнего дефицита канцелярских служащих остался в прошлом, являются и распоряжения Павла I в отношении духовенства. «Излишних» детей священно- и церковнослужителей начали направлять не на гражданскую, а на военную службу, чтобы те

приносили пользу «по примеру древних левитов, которые на защиту отечества вооружались» [30, с. 249]. Также без «особого» монаршего повеления запрещалось увольнять из духовного звания семинаристов «для определения в статскую службу» [32, с. 165]. Кроме того, в 1797 г. предписывалось исключать из службы лиц, назначенных, но не явившихся к должности¹, а также тех, кто не возвращался из отпуска в срок [30, с. 765]. При всем этом император попытался ограничить привилегии дворянства, упразднив выборные должности, и «вольности», приводившие к наполнению присутственных мест лицами, непригодными к гражданской службе. В частности, с января 1798 г. запрещалось назначать на должности (как от правительства, так и по выборам) военных, «которые за просрочку в отпусках или по другим причинам из службы выключены» [31, с. 28], а с апреля 1800 г. — и тех, кто при отставке не назначался верховной властью «к определению в статскую службу» [32, с. 130]. Более того, если в губерниях «к помещению на убылые места» не имелось «статских чиновников», с 1800 г. они назначались не иначе как по «требованию» от Герольдии [32, с. 353].

Александр I в начале своего правления скорректировал преобразование отца и восстановил некоторые учреждения, но количество служащих значительно не увеличилось. Он так же уделял особое внимание сословным принципам комплектования аппарата управления, при этом попытался упорядочить правила определения к должности и ввести образовательный ценз для новобранцев.

Восстанавливая «статьи дворянской грамоты», император напомнил о необходимости поощрять молодых дворян к поступлению на гражданскую службу по окончании курса наук, а также отменил постановления, ограничивавшие переход представителей «благородного» сословия с военной на гражданскую службу [32, с. 622–623]. Указом от 1 августа 1801 г. он предпринял попытку связать чин и должность², «чтоб все места наполняемы были чиновниками самых тех классов, в коих места сии по штатам положены». В качестве исключения «по уважению способностей и в нужных случаях» разрешалось нарушить общее правило, «но чтоб изъятие сие... не простиралось ни выше, ни ниже одного чина» [32, с. 736]. Таким образом, занятие должности было «поставлено в зависимость от имеющегося у служащего чина», а не наоборот, как предполагалось изначально — «награждать известным чином... лицо, занимающее известного класса должность» [10, с. 59].

¹ В соответствии с Генеральным регламентом 1720 г., срок явки к должности определялся из расчета 2 дня на 100 верст пути.

² В ходе губернской реформы, проводимой в условиях острого дефицита кадров, на «классные» должности начали назначать как чиновников с не соответствующими должностям чинами, так и лиц, вовсе не имевших чинов.

С 1801 г. «для пользы службы» предписывалось заполнять вакансии предпочтительно лицами из числа «находящихся при должностях в тех же самых местах». С 1803 г. при неимении «достойных и способных» кандидатов в учреждениях выбирать следовало из особого «списка» чиновников, желавших поступить на гражданскую службу, «сочиняемого» в Герольдии. Этот список формировался на основе получаемых каждые три года из губернских правлений «отзывов» неслужащих классных чиновников. Причем перед отправкой по этим «отзывам» производилась баллотировка в ходе дворянских выборов – местное «благородное» общество должно было засвидетельствовать пригодность кандидатов к занятию гражданских должностей [33, с. 455–456].

В Предварительных правилах народного просвещения, утвержденных в 1803 г., содержалось часто цитируемое распоряжение императора, что «ни в какой губернии, спустя пять лет по устройении... училищной части, никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище» [33, с. 440]. Из этой фразы не совсем понятно, о каком типе учебных заведений шла речь и какой уровень образования имелся в виду, однако однозначным являлось требование к новобранцам иметь на руках аттестаты, подтверждавшие прохождение полного курса обучения.

В целом следует отметить, что указы первых лет правления Александра I не учитывали реальное состояние местного аппарата управления и кадровый потенциал губерний. Уже в июне 1804 г. правило о соответствии должности и чина отменялось в отношении «мест секретарских, протоколистских и тому подобных, на кои потребны люди долговременным упражнением в производстве дел приобретшие необходимые к тому познания и навык» [34, с. 386]. Поступавшие из губерний донесения о крайнем затруднении в заполнении этих должностей заставили центральное правительство пойти на уступки и признать приоритет опыта над формальным требованием наличия соответствующего чина.

Спустя пять лет пришлось констатировать, что количество лиц, поступавших на службу с аттестатами, не увеличилось: дворяне получать образование не стремились, а чины достигались «одним пребыванием и исчислением лет службы» [36, с. 1054]. Указ от 6 августа 1809 г., вводивший «экзамены на чины», по сути, зафиксировал практику повышения в чинах до 8-го класса (по выслуге лет), но ограничил доступ к потомственному дворянству и полностью отменил правило о соответствии должности и чина.

«Гонка» за чинами, развернувшаяся в первое десятилетие XIX в., имела и другие последствия. В частности, к присутственным местам начали массово приписывать людей, на деле не служивших. Так, поводом к приня-

тию указа от 19 июля 1807 г. стали открывшиеся беспорядки по Рязанской губернии, где выявили «339 человек из дворян, обер-офицерских детей и разночинцев», записанных в канцеляристы без действительной службы [35, с. 1223]. Указ от 24 марта 1811 г. вышел по итогам рассмотрения дела о мастере А. Зимулине, состоявшем в портном цехе и записанном в канцелярские служители Московской казенной палаты. «Без службы» его произвели в губернские регистраторы, а затем переместили на вакансию копииста при «московских герольдмейстерских делах» и без выслуги представили «с прочими» к награждению следующим чином [37, с. 593]. И тот и другой указы строго запрещали приписывать к присутственным местам людей любого звания (в том числе дворян) и вводили ответственность за попытки представить таких лиц к повышению в чинах.

В научной литературе подчеркивается, что «сословные принципы объективно снижали эффективность отбора подданных на государственную гражданскую службу» [6, с. 84]. С одной стороны, это действительно так, поскольку государство отдавало предпочтение «служилым» сословиям (детям потомственных дворян, чиновников и приказных людей) и ограничивало доступ к службе выходцам из прочих социальных групп, в первую очередь из податных состояний. Но, с другой стороны, следует учитывать, что в начале XIX в. в условиях сложившейся практики чинопроизводства гражданская служба превратилась в «социальный лифт», позволявший переместиться если не в потомственное, то в личное дворянство, и стала привлекать не только тех, кто стремился к карьерным высотам в государственном аппарате, но и лиц, которых больше интересовал новый сословный статус, а не сама служба. Кроме того, далеко не все выходцы из податных состояний оказывались годными и способными к делопроизводственной работе.

В этом отношении показателен указ от 3 декабря 1808 г., подтверждавший запрет определять «в статскую службу из купеческого, мещанского и другого податного состояния людей без представления Сенату». В тексте указа отмечалось, что Московский архив старых дел нарушал установленный в 1798 г. запрет: «Принято и утверждено было самим им в течение минувших пред сим 4-х лет из состоявших в подушном окладе свободных людей 273 человека». Выяснилось, что людей набирали «без всякой надобности», не учитывая способности, «для единого счисления в службе» и в скором времени «выпускали» для определения к другим делам или в отставку («большая часть не только года, но и двух месяцев не выслужа»), «чрез что умножалось число людей праздных, без малейшего навыка и способности к канцелярской должности шатающихся» [36, с. 693–694].

В 1810 г. признавалось, что «из всех почти губернских и прочих присутственных мест вошло и поступает великое множество представлений

о утверждении в статской службе и канцелярском звании из людей, отпущенных вечно на волю, из мещан и казенных поселян, в окладе состоящих». В представлениях утверждалось, что все те люди «в способности их к канцелярскому делу испытаны», а присутственные места имеют недостаток в служителях. Однако на деле открывались факты беспорядков и злоупотреблений, отчего и появилось сомнение, действительно ли существовала нужда в этих лицах: «Большая часть людей сего рода избрали род службы статской для единственного токмо выбытия из класса платящих казне подать... и конечно ныне многие числятся токмо в звании канцелярском, но действительной службы не отправляют» [37, с. 209]. В связи с чем губернаторам запрещалось ходатайствовать о поступлении на службу податных лиц до тех пор, пока не будут собраны сведения о количестве уже состоявших в канцелярском звании и разработаны правила об их определении к должностям. В 1812 г. особыми указами запрещалось принимать «в канцелярское звание» солдатских, матросских, мастеровых детей, а также воспитанников военно-сиротских отделений (кроме неспособных к военной службе дворян) [38, с. 365, 426]. С 1813 г. поступление «в статскую службу» представителей духовенства ограничивалось только теми, кто окончил «полный курс своего учения в семинариях» и утвержден на должности Сенатом [38, с. 703].

Учитывая, что в качестве одного из ориентиров кадровой политики верховная власть объявляла повышение уровня образования и компетентности служащих, ограничительные меры выглядят вполне логичными и обоснованными: приоритет отдавался тем сословиям, правовое положение которых было связано со служебной деятельностью, которые были заинтересованы в карьерных перспективах и подготовке к службе своих детей. При этом привилегии дворян значительно не расширялись: правительство не поощряло их стремление получать «классные» должности, не имея никакого служебного опыта (ни гражданского, ни военного). Так, с 1811 г. при поступлении на службу дворян, не имевших чинов, предписывалось их принимать в министерские департаменты «просто с наименованием дворянами», в прочих местах – со званием канцеляристов, и производить в первый офицерский чин – по выслуге узаконенных лет [37, с. 619].

Военное время тяжело отразилось на местном аппарате управления. Ухудшилось материальное обеспечение служащих: размеры окладов и других выплат оставались неизменными с момента их определения еще во времена Екатерины II, тогда как ассигнационный рубль обесценился в пять раз¹. Более того, государство, действуя из соображений экономии бюджета, начало уделять особое внимание расходам на содержание служащих. Так,

¹ В 1780 г. один ассигнационный рубль оценивался в 99 коп. серебром, в 1803 – 80, в 1812–1814 – 25–26, в 1814 – 20.

с декабря 1815 г. предписывалось «не определять никого из чиновников в две или три должности, по коим получают они столько же окладов, и тем доказывают, что есть такие места, где нет почти занятия, и которые следовательно полезнее вовсе уничтожить, во избежание напрасных издержек» [39, с. 415]. Из-за недофинансирования местный аппарат управления начал испытывать «кадровый голод». Служба, в особенности канцелярская работа в провинциальных учреждениях, не привлекала способных и образованных молодых людей. В таких условиях верховная власть была вынуждена скорректировать кадровую политику. На мой взгляд, изменения коснулись трех основных направлений.

Во-первых, правительство поддерживало курс на повышение образовательного уровня служащих: вводились преимущества для новобранцев, выпустившихся из ряда учебных заведений (подобно выпускникам университетов они получали право поступать на службу с чинами). В числе первых привилегии получил Царскосельский благородный пансион (воспитанники, «совершившие полный курс учения»), имели возможность поступить на службу с чинами от 14 до 10 класса) [39, с. 1123]. Затем право на получение чинов было даровано выпускникам Санкт-Петербургской гимназии, Ришельевского лицея, Александровского дворянского училища, Московского университетского пансиона, Константиновского межевого института и др.

Во-вторых, затруднения в наполнении присутственных мест канцелярскими служащими вынудили пойти на смягчение сословных ограничений. Так, с 1816 г. право поступить гражданскую службу получили ученики низших духовных училищ (уездных и приходских) [39, с. 562], а с 1818 г. – еще и те, кто не окончил в них полного курса наук [40, с. 535]. При этом по-прежнему действовал указ, согласно которому назначение на должность каждого лица, уволенного из духовного звания, предварительно утверждалось Сенатом [42, с. 717]. В 1823 г. предписывалось при Полтавском и Ярославском приказах общественного призрения учредить особые отделения для подготовки писцов¹, которых следовало направлять в губернии, где ощущался недостаток канцелярских служащих [42, с. 1058]. В 1824 г. купцы 1-й гильдии, «состоящие в оной более 12 лет сряду», получали право просить о принятии их детей на гражданскую службу наравне с обер-офицерскими детьми [43, с. 592]. Запрет на поступление выходцев из податных состояний, конечно, не отменялся, однако из текстов принимавшихся указов видно, что на службу они все-таки допускались (с утверждения Сената и, главным образом, в отдаленных губерниях, где особенно не хватало служащих) [42, с. 80, 177].

¹ Отделения для подготовки писцов формировались из воспитанников приказов общественного призрения.

В-третьих, новое направление развития получила практика определения к должностям отставных военных. В первую очередь речь идет о покровительстве «раненым» офицерам, в боях доказавшим любовь и преданность Отечеству. Известно, что 18 августа 1814 г. был учрежден особый Комитет «для вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб- и обер-офицерам», не способным к продолжению военной службы (Александровский комитет о раненых) [38, с. 876]. Одной из форм покровительства стало определение к должностям по гражданскому ведомству.

Указ от 5 мая 1816 г. определил перечень должностей (всего 138), на которые предписывалось назначать только «раненых» офицеров [39, с. 632–637; 73, л. 1–12 об.]. В этот список вошли, главным образом, должности, относившиеся к специальным сферам управления, местные подразделения которых подчинялись центральным или территориальным органам (по Департаменту горных и соляных дел, по почтовому и удельному ведомствам и др.). Что же касается подконтрольных губернскому начальству учреждений, деятельность которых регулировалась на общих основаниях, то в перечень должностей попали полицмейстеры и городничие, а также земские исправники в губерниях, «где, по неимению дворянства, замещаются должности сии определением от правительства».

Согласно новым правилам, «всякий раз, если где откроется место», министр внутренних дел сообщал Комитету, «требуя [от него. – *О.П.*] уведомления, кто удостоен будет к определению из раненых офицеров с сохранением данного при отставке пенсиона... или без него» [39, с. 632]. Получив список кандидатов, министр производил назначение по своему усмотрению. Таким образом, с 1816 г. руководство городскими (повсеместно) и уездными (в ряде губерний) полицейскими учреждениями сосредотачивалось в руках «отставных за ранами офицеров» (подробнее об этом см.: [22]). Кроме того, в 1821 г. последовало разрешение принимать «в статскую службу» нижние чины, вышедшие в отставку по выслуге 25 лет (при этом дети, прижитые ими после поступления на гражданскую службу до получения обер-офицерского чина, считались принадлежащими военному ведомству) [41, с. 675].

При всем этом осознавалась проблема пригодности бывших военных к статской службе. В данном случае имеется в виду не только состояние здоровья, но и способность адаптироваться к условиям работы гражданских учреждений. В частности, для «раненых» офицеров разработали особую инструкцию, призывавшую их исправлять должности «со всем усердием, деятельностью, бескорытием и добрым поведением» и грозившую за «законопротивные» поступки отдачей под суд и лишением покровительства Комитета [39, с. 1017]. Также не поощрялся переход офицеров, отстав-

ленных от военной службы за дурное поведение. Согласно указу от 15 мая 1822 г. таковых лиц предписывалось принимать на гражданскую службу «не иначе как нижними канцелярскими званиями, и за тем в классные чины по порядку производить их на общем основании по выслуге при добропорядочном поведении узаконенных лет» [42, с. 200].

Во второй четверти XIX в. кадровая политика стала более взвешенной и продуманной. В вопросах рекрутирования служащих Николай I ориентировался на принципы, получившие развитие в законодательстве его предшественника. При этом он попытался систематизировать положения нормативных правовых актов с учетом потребностей гражданской службы и сложившейся практики определения к должностям. Уже в первые годы правления император обратил самое пристальное внимание на правовое положение служащих. Деятельность Секретного комитета, учрежденного 6 декабря 1826 г., касалась не только общего состояния государственного управления, но и проблем гражданской службы. И хотя программа реформ так и не была выработана, многие инициативы и проекты, обсуждавшиеся в Комитете, в том или ином виде удалось реализовать.

Пожалуй, одним из самых важных событий стало появление «Положения о канцелярских служителях гражданского ведомства» (утверждено указом от 14 октября 1827 г. [45, с. 895–897]). Оно зафиксировало исчерпывающий перечень тех, кого верховная власть хотела и, наоборот, не хотела видеть на гражданской службе. Причем последние были озвучены в первую очередь: 1) купечество, за исключением 1-й гильдии; 2) вольноотпущенные и их дети; 3) мещане и другие податные состояния; 4) иностранцы; 5) отставленные от военной службы нижними чинами недворяне и их дети; 6) церковнослужители и их дети; 7) дети придворнослужителей, не достигших классных чинов. Отныне для всех этих социальных категорий единственной возможностью пополнить ряды служащих становилось получение права на классные чины при выпуске из университета или другого учебного заведения.

Все состоявшие на службе канцелярские служители разделялись на четыре разряда. К первым трем относились те, кому впредь разрешалось поступать на службу: 1) потомственные дворяне; 2) дети личных дворян (обер-офицерские дети), купцов 1-й гильдии, священников и дьяконов православного исповедания, евангелических и реформаторских пасторов; 3) дети приказных служителей, ученых и художников, не имевших чинов. Представители прочих сословных групп, лишенные права поступления на службу, но уже в ней состоявшие, относились к 4-му разряду. Определялись сроки получения первого классного чина для каждого разряда: после 2-х, 4-х, 6-ти и 12 лет действительной службы соответственно. Если на-

чальство пыталось представить подчиненного к награждению чином ранее установленного срока, то должно было «с точностию» обозначить, «какая именно заслуга... дает сему канцелярскому служителю право на такое исключение».

Впервые устанавливался возрастной ценз для поступления на службу: «Не достигший четырнадцатилетнего возраста не может быть причислен ни к одному гражданскому ведомству», а действительная служба стала исчисляться с 16 лет. Следовательно, малолетних лиц больше не могли назначать на канцелярские вакансии. Отмечалось также, что «всякий нововступающий обязан на предварительном испытании доказать, что он не только умеет правильно читать и писать, но знает основания грамматики и арифметики».

Кроме того, указ от 14 октября 1827 г. озвучил намерение повысить оклады канцелярских служащих, а также предоставить возможность неимущим служащим обеспечить «приличное» воспитание детям. Первое удалось осуществить только к 1840-м гг. вместе с утверждением новых штатных расписаний местных учреждений и пересчетом окладов на серебро. К реализации второй задачи приступили с февраля 1828 г., когда был разработан Устав училищ для детей канцелярских служащих, главной целью которых являлась подготовка «людей, способных к должностям канцелярским и вообще к гражданской службе» [46, с. 158].

Введение в действие «Положения о канцелярских служащих...» потребовало дополнений и разъяснений. В первую очередь, следовало согласовать требования к сословному составу новобранцев с принятыми в предшествовавшее время указами. В частности, в указе от 8 марта 1828 г. отмечалось, что впредь больше не нужно представлять на утверждение Сената переходивших на гражданскую службу священнослужителей [46, с. 221]. Пополнить ряды канцелярских служащих они могли в течение года с момента увольнения из духовного ведомства, затем это право терялось и они уже подлежали зачислению в одно из податных состояний [46, с. 1011]. Потребовалось дать разъяснения и относительно купечества: на службу разрешалось принимать лиц, не менее 12 лет состоявших в 1-й гильдии, а также тех, кто получил классный чин «не по порядку службы» (последние уравнивались в правах с личными дворянами) [49, с. 145].

В «Положении о канцелярских служащих...» не упоминались воспитанники приказов общественного призрения, которых еще в 1826 г. велено было определять в канцелярское звание¹. Указом от 16 апреля 1828 г. под-

¹ Речь шла не только о воспитанниках Особых отделений для подготовки писцов при Полтавском и Ярославском приказах общественного призрения, но и о «питомцах» сиротских и воспитательных домов, находившихся в ведомстве всех приказов общественного призрения. В сиротские дома поступали «неимущие сироты всех состояний», кроме поме-

тверждалось их право поступать на гражданскую службу [46, с. 440]. Трудности вызвал также вопрос, связанный с воспитанниками потомственных и личных дворян. Исходя из прежних «узаконений», правительство различало «два случая»: 1) если происхождение воспитанника неизвестно, то, по силе указа от 21 сентября 1815 г., подопечные потомственных дворян должны оставаться за ними («т.е. поступать в число крепостных людей их»), личных – быть приписаны в число казенных поселян; 2) если происхождение воспитанника известно, «он должен следовать состоянию отца своего»¹ (при этом незаконнорожденные приравнивались к податным лицам), следовательно, поступить на гражданскую службу мог не иначе, «как на правилах, в положении 14 октября 1827 года постановленных» [46, с. 1041].

Особый интерес представляет указ от 24 сентября 1829 г. «Об окончательном воспрещении принимать в службу людей податного состояния». Поводом к его принятию стало рассмотрение в Сенате поступившего от «местных начальств» представления об определении на службу 27 податных лиц. Это было сделано еще до издания «Положения о канцелярских служителях...», и потому ходатайство утвердили. Однако император, негодую, потребовал «донести, много ли еще подобных представлений... ибо пора сему положить конец». Всего оказалось таковых 636 человек, из которых 64 были утверждены Сенатом. Николай I согласился принять на службу только этих 64 человек, но собственноручная резолюция гласила: «Решительно последние [податные лица, поступающие на гражданскую службу. – *О.П.*]» [47, с. 681–682].

В 1832 г. были сделаны некоторые «сословные» послабления для иностранцев, присягнувших на подданство России: во-первых, разрешалось принимать на службу дворян (поступали в 3-й разряд канцелярских служителей); во-вторых, выдержавших экзамены «в науках» и удостоенных медицинских или аптекарских званий (принимались на штатные должности лекарей, аптекарей, провизоров, гезелей и т.п.) [50, с. 21, 652].

При реализации «Положения о канцелярских служителях...» большие затруднения вызывал вопрос, кто и как должен проводить «предварительное испытание» новобранцев, поскольку в тексте указа не упоминалось, что их нужно отсылать в учебные заведения или приглашать в присутственные места учителей. В связи с чем в 1828 г. разъяснялось, что испытание

щичьих крестьян, в воспитательные – незаконнорожденные. Воспитанники, окончившие курс гимназии и «приученные» к правильному и скорому письму, направлялись к статским делам со званием старших и младших писцов (смотря «по успехам их в науках») и обязаны были прослужить определенный законом срок [44, с. 93; 47, с. 525]. В 1837 г. запрещалось принимать на службу незаконнорожденных из числа воспитанников [57, с. 1021].

¹ Иными словами, сословное происхождение воспитанника определялось по статусу отца на момент рождения ребенка.

должно включать проверку знаний только в том объеме, который очерчен в указе (чтение, письмо, основы грамматики и арифметики), а в 1831 г. – что оно производится «в том месте, куда определиться желает [новобранец. – *О.П.*] через секретарей или других лиц, письменными делами управляющих» [46, с. 1024; 48, с. 676].

Как видно, указ от 14 октября 1827 г. устанавливал минимальные требования к уровню образования новобранцев, да и из тех, кто уже состоял на службе, только единицы могли похвастаться аттестатами средних и высших учебных заведений. Кроме того, обнаруживались даже чиновники, «неумеющие грамоте». В 1831 г. в Сенате рассматривалось дело о состоявшем на службе неграмотном титулярном советнике Федорове. В связи с чем последовал особый указ всем начальникам учреждений «о непременном и неослабном наблюдении», чтобы впредь «не могло вкратиться подобного беспорядка в определении к статским делам людей безграмотных и в представлении их к производству в классные чины» [48, с. 147]. Подобные факты заставляли верховную власть обратить самое пристальное внимание на подготовку к гражданской службе.

Для состоятельного дворянства большой неожиданностью стал указ от 18 февраля 1831 г. «О воспитании российского юношества предпочтительно в отечественных учебных заведениях», в котором отмечалось, что молодые люди возвращаются на родину «с самыми ложными о ней понятиями, не зная ее истинных потребностей, законов, нравов, порядка, а нередко и языка». Чтобы пресечь стремление к зарубежному образованию, юноши, воспитывавшиеся до 18 лет в чужих краях, лишались права поступать на государственную службу (и гражданскую, и военную) [48, с. 167–168]¹.

К наибольшим изменениям в качественном составе служащих привело обнародование «Положения о порядке производства в чины по гражданской службе» (утверждено указом от 25 июня 1834 г.), призванного не только устранить «неуравнительность и разнообразие в порядке чиновпроизводства», но и мотивировать на посещение учебных заведений, а также согласовать «преимущество способностей, приобретенных науками», с действительными потребностями службы, соединив чины с «классами» занимаемых мест [51, с. 656–657]. Отныне все лица, «могущие по закону участвовать в службе», в соответствии с уровнем образования разделялись на три разряда: 1) с высшим образованием; 2) со средним; 3) обучавшиеся в низших учебных заведениях и не имевшие образования. Скорость приобретения чинов рассчитывалась с учетом разрядов по сословному происхождению и образованию. Так, потомственному дворянину, имевшему

¹ Для тех, кто на момент издания указа обучались за рубежом, эти правила приобретали силу через полгода. Соответственно, в течение этого времени юноши, желавшие пополнить ряды служащих, должны были вернуться в Россию.

аттестат высшего учебного заведения, необходимо было отслужить 14 лет, чтобы получить чин 8-го класса, недворянину – 16; получившим среднее образование дворянам – 16, лицам, отнесенным ко 2-му разряду по происхождению, – 24, к 3-му – 26; без образования – 17, 26 и 28 соответственно. «Положение» скорректировало сроки получения первого классного чина: для дворян со средним образованием выслуга составляла 1 год, без образования – 2; для 2-го разряда – 2 и 4 года соответственно, для 3-го – 4 и 6 лет. Лица, вышедшие из высших учебных заведений (вне зависимости от сословия), поступали на службу с чинами, обозначенными в аттестатах.

В 1835 г. в дополнение к «Положению» был опубликован список учебных заведений (высших и средних) «с означением, к какому разряду в порядке службы относятся воспитанники, совершившие в них полный курс обучения», а также «Расписание должностей гражданской службы по классам, от 14 до 5 включительно» [53, с. 1114, прил., с. 331–356]. В законодательстве Николая I получила развитие предложенная его предшественником идея «исправления должности не иначе, как сообразно чину каждого». При этом повышение в чинах также зависело от занимаемой должности («чины получают соответственно классам должности»). Исключение допускалось в случае «действительной нужды» в замещении вакансий: определять чиновников, имевших чины классом выше или двумя ниже той степени, в которую «положена» должность¹. Если служащий занимал вакансию более чем одной степенью ниже его чина, то не мог претендовать на повышение в чинах до тех пор, пока не поступит на соответствующую должность.

Связь уровня образования со скоростью приобретения чинов, а чинов – с «классами» занимаемых мест сыграла, на мой взгляд, решающую роль в изменении состава служащих местного аппарата управления. Если в первой четверти XIX в. доля чиновников, закончивших средние и высшие учебные заведения, была незначительной, то к середине века их удельный вес достигал 20–25 % [20, с. 37]. В 1830-е гг. значительно выросла численность учеников губернских гимназий², основную массу которых составляли лица, планировавшие пополнить ряды служащих.

¹ В случае острой нехватки служащих предусматривалась возможность занятия должности более чем двумя степенями ниже.

² В 1808 г. в России насчитывалось всего 5 569 учащихся гимназий и равных им учебных заведений, в 1825 г. – 7 682, в 1836 – 15 475, в 1845 – 17 744, в 1853 – 19 207. Этот рост не был равномерным. К примеру, в Санкт-Петербургском учебном округе численность учащихся гимназий с 1829 по 1853 г. выросла в 6 раз (что отчасти связано с увеличением количества гимназий). Число прошедших полный курс в 1829 г. составляло 37 человек, в 1835 – 23, в 1843 – 115, в 1852 – 178. В 1829 г. лишь 11 выпускников продолжили обучение в университетах, в 1835 – 14, в 1843 – 40, в 1852 – 82, причем почти все эти лица принадлежали к детям дворян и чиновников [2, с. 117, 119–120; 14, с. 19, 22, 54–55].

В законодательстве Николая I внимание сословному составу и уровню образования служащих продолжало уделяться и в последующие годы. Указом от 22 января 1837 г. вводились новые правила поступления на службу молодых дворян. Ввиду того, что последние, благодаря состоянию и связям, имели большие возможности получить хорошее образование и место сразу в центральных учреждениях, император запретил определять их «прямо в департаменты и канцелярии министерств... прежде, чем они прослужат, по крайней мере, три года в местах губернских или им равных в столицах» [56, с. 58–59]¹. Попечение о молодых людях возлагалось на начальников губерний, которые, подобно «отцам благовоспитанных детей», должны были следить за их первыми шагами на поприще службы и каждые полгода доносить императору об их поведении и прилежности². Хотя в указе и отмечалось, что это решение продиктовано желанием ограничить преимущества дворянства перед другими сословиями, все же главная цель заключалась в стремлении, с одной стороны, «познакомить» новобранцев со страной, с провинцией, показать нужды и потребности населения (поскольку именно из дворян формировалась верхушка столичного чиновничества), с другой – пополнить местный аппарат управления образованными людьми и предоставить им возможность приобрести «навык в делах».

Ведение практики распределения дворянской молодежи вызвало массу вопросов с мест и потребовало принятия ряда указов разъясняющего характера [56, с. 126, 148–149, 200–202, 234–235, 755–757; 61, с. 273–274; 66, с. 443–444], среди которых важнейшее значение имели те, которые касались определения в провинциальные учреждения сверх штата. В 1842 г. в Сенате рассматривалась просьба Гродненского губернского правления об определении сверх штата молодых дворян, которые выразили желание служить без жалованья до открытия вакансий. Прошение не было удовлетворено, и Сенат привел подробное обоснование этого решения, которое отражало позицию верховной власти не только по отношению к дворянству, но и к формированию канцелярий провинциальных учреждений в целом. Правительство исходило из того, что в 1840-е гг. действовали новые штатные расписания, включавшие и канцелярские должности. Численность служащих определялась в них «сообразно с потребностью каждого места». В случае «замедления в делопроизводстве от недостатка чиновников» учреждения имели право в установленном порядке ходатайствовать

¹ Данное правило не распространялось на окончивших университеты со званиями докторов и магистров, тех, кто прошел подготовку на должности «врачебные, ученые, художественные, искусственные и учебные», и лиц, поступавших на службу в Министерство иностранных дел. В 1840 г. молодым дворянам было также разрешено начинать службу в канцеляриях Сената и Синода [58, с. 324–325, 772–773].

² С 1851 г. донесения стали ежегодными [66, с. 556–557].

об «усилении штатов». Однако Сенат полагал, что затруднения происходили «не столько от ограниченного числа чиновников, сколько от недостатка людей, получивших необходимое для службы гражданской образование». И хотя обязательная трехлетняя служба молодых дворян в провинции и была направлена на решение именно этой проблемы, умножение количества сверхштатных чиновников могло повлечь негативные последствия, в первую очередь, привлекать людей, «считающихся на службе без определенного занятия» и «ищущих токмо личных выгод в службе, не принося оной никакой существенной пользы» [60, с. 904].

Впрочем, уже в 1844 г. верховная власть пошла на уступки и позволила принимать в провинциальные учреждения сверх штата молодых дворян, если от них будут поступать просьбы. Служить они должны были без жалованья, при этом нахождение в присутственных местах не считалось действительной службой и не приносило никаких преимуществ, за исключением права на определение вне очереди на открывающиеся вакансии (при условии, что будут признаны способными и достойными). Кроме того, на таких лиц распространялось действие указа от 22 января 1837 г. (в плане надзора губернаторов), но время нахождения «сверх штата» не засчитывалось в обязательную трехлетнюю выслугу [62, с. 332].

При Николае I были систематизированы служебные преимущества выпускников учебных заведений. Так, лица, удостоенные в университетах ученых степеней, утверждались при поступлении на гражданскую службу следующими чинами: доктор – 8-й класс, магистры – 9-й, кандидаты – 10-й, студенты, с успехом прошедшие полный курс (действительные студенты), – 12-й; те, кто не выдерживал выпускной экзамен («на степень по крайней мере студента»), не относились к успешно прошедшим полный курс обучения¹ [52, с. 851; 54, с. 243; 62, с. 243]. В 1847 г. «для побуждения молодых людей, имеющих по учебным их аттестатам право на классные чины, начинать службу в губернских местах», предписывалось ежегодно определять до 10 человек, вышедших из университетов со степенью действительного студента, в гражданские и уголовные палаты, «в которых более [всего. – *О.П.*] дел», «с преимущественным правом на занятие вакансий столоначальников и с выдачею, до открытия вакансии, до 300 руб. сер. содержания каждому» [63, с. 721].

Верховная власть прилагала значительные усилия, чтобы заполнить вакансии, требовавшие специальных знаний (врачи, архитекторы, землемеры, инженеры и т.п.). В частности, именно во второй четверти XIX в.

¹ Правда, в 1847 г. было дано пояснение, что исключенные из университетов студенты сохраняли право на чин 14-го класса при поступлении на службу, но «с утверждением в оном не прежде года... со времени определения» [63, с. 102].

удалось наладить подготовку медиков, недостаток которых ощущался повсеместно. Выпускавшиеся из медико-хирургических академий с медицинскими учеными степенями поступали на службу со следующими чинами: доктора медицины и хирургии – 7-й класс; доктора медицины, медикохирурги, штаб-лекари и старшие ветеринарные врачи – 8-й; аптекари и лекари – 9-й; ветеринары и провизоры – 10-й; кандидаты медицины и хирургии, фармации и ветеринарии, лаборанты химии и фармации – 12-й; гезели и ветеринарные помощники – 14-й. Лица из податных состояний при получении медицинской степени исключались из подушного оклада. Лица, обучавшиеся за казенный счет, обязаны были отслужить по назначению начальства в гражданском или военном ведомстве: воспитанники по медицинской части – 10 лет, по ветеринарной – 8, по фармацевтической – 6. При назначении на должность они получали наборы хирургических инструментов и денежные пособия. «Вольные слушатели и пансионеры», желавшие поступить на медицинскую «казенную службу не менее как на три года», также получали наборы инструментов и годовой оклад жалованья по званию лекаря, но те, кто решал занять «посторонние должности» (т.е. не по специальности), лишались преимуществ медицинской степени [53, с. 1201–1202, 1217; 56, с. 57]. Не хватало в местном аппарате управления и других специалистов, для которых также разрабатывались особые правила назначения на должности, предлагались льготы и служебные привилегии (см., напр.: [55, с. 5–7]).

В 1830-е гг. в канцелярии местных учреждений начали поступать выпускники училищ для детей канцелярских служителей, обученные «на казенный кошт». Показавшие «успехи в науках» получали возможность за государственный счет продолжить обучение в гимназиях, из которых поступали на вакансии писцов высшего разряда (обязаны были отслужить в присутственных местах гражданского ведомства не менее 6 лет). Остальные, менее успешные, сразу после училища распределялись на вакансии писцов низшего разряда с обязанностью отслужить не менее 8 лет, и именно качество их подготовки беспокоило правительство. В 1836 г. Николай I пожелал, чтобы воспитанники продолжали заниматься науками и во время службы, но так как «они легко могут предаться праздности и не только не стараться о дальнейшем своем образовании, но и забыть то, чему учились», предписал подвергать их «в течение трех лет сряду, по выпуске из заведений, экзаменам во всех предметах» [46, с. 168; 55, с. 30; 57, с. 1025].

В целом, несмотря на все усилия по повышению уровня образования, даже в середине века основную массу служащих местного аппарата управления составляли лица, которые едва ли освоили программу уездного училища [20, с. 37]. Определить, насколько полученные в учебных заведениях знания или приобретенный опытом «навык в делах» позволяли соответ-

ствовать занимаемым должностям, в сложившихся условиях функционирования местного аппарата управления не представлялось возможным, да этот вопрос и не выходил на первый план при разработке законодательства, регулировавшего поступление на гражданскую службу.

Впервые упоминание об испытательном сроке удалось обнаружить в указе от 7 марта 1831 г., касавшемся зачисления на вакансии полицмейстеров и городничих раненых офицеров, состоявших под покровительством Александровского комитета. В нем отмечалось: «Опыт показал, что офицеры сии, при всем одобрении прежней их службы, по слабости здоровья часто не соответствуют занимаемым должностям». Правила назначения отставных военных пришлось пересмотреть: подобранные Комитетом кандидаты присылались на места в качестве временно исполнявших полицейские должности с испытательным сроком на 6 месяцев, по истечении которого губернатор определял наиболее способных к службе и делал представление об их назначении министру внутренних дел. При этом губернаторы становились «непосредственно ответственными» за деятельность полицмейстеров и городничих, «коих сами они по испытанию удостоят сего звания» [48, с. 214]. Однако «испытания способностей» для прочих чиновников были введены в практику только в 1853 г. и только в отношении тех должностей, право определения к которым принадлежало местным «начальствам». Отныне для служащих устанавливался испытательный срок не более 4-х месяцев, который, в случае утверждения в должности, засчитывался в действительную службу [67, с. 61; 68, с. 433].

На протяжении второй четверти XIX в. эволюционировало отношение верховной власти к «проштрафившимся» чиновникам, исключенным из службы. В 1826 г. отставленных за дурное поведение военных, а также гражданских чиновников, уволенных по решению суда с тем, чтоб впредь никуда не определять, разрешалось принимать на службу с первым офицерским чином [45, с. 189, 747]. В 1843 г. Николай I запретил «входить с представлениями о допущении вновь в гражданскую службу лиц, исключенных из оной за преступления... по коим они подверглись или подлежали бы лишению всех прав состояния». Никакое ведомство ни по каким «уважениям» не могло об этом ходатайствовать, причем запрет распространялся и на тех, кто по суду был оставлен «в подозрении в учинении подобных преступлений». Более того, просьбы о принятии на службу лиц, осужденных за менее тяжкие преступления, могли подаваться только по истечении трех лет с момента исключения из службы, и должны были сопровождаться «удостоверениями» губернатора и губернского предводителя дворянства в способностях к продолжению службы. В 1848 г. вышло постановление, касавшееся и тех чиновников, которые были уволены не по суду, а по рас-

поряжению начальства, в том числе имевших судимость. Вновь принимать их на службу разрешалось только с одобрения министров и главноначальствующих над отдельными частями управления [61, с. 407; 64, с. 20].

Нельзя не отметить и еще одну особенность правового обеспечения гражданской службы тех лет – учет регионального фактора. Те части империи, которые испытывали хронический дефицит служащих, наделялись служебными преимуществами [74, с. 219–241]¹. Данные меры были вынужденными, поэтому привилегии для лиц, изъявивших желание отправиться туда на службу, вводились постепенно и, можно сказать, по мере усугубления кадровых проблем. К примеру, Олонецкой губернии преимущества были дарованы только тогда, когда канцелярии практически опустели, т.е. речь шла о фактическом отсутствии желающих нести службу в отдаленном северном крае [44, с. 922–924; 46, с. 959–960; 50, с. 179–181; 59, с. 392–393]².

Считается, что законотворческая деятельность второй четверти XIX в. была нацелена на упорядочение правового регулирования государственной службы (да и в целом политика Николая I ассоциируется с попытками навести порядок в управлении). В этом отношении показательны указы, устанавливавшие правила определения к должностям. В ответ на трудности, возникавшие в ходе их реализации, как правило, издавались новые указы, разъяснявшие, дополнявшие и, в конечном итоге, подтверждавшие волю императора, но отнюдь не дававшие послаблений. Исключения из общих правил допускались в редких случаях и почти всегда сопровождалось особыми условиями. К примеру, с 1841 г. разрешалось принимать податных лиц на службу по землемерной части Межевого корпуса, но с тем, чтобы они выдержали предварительное испытание и, «числясь только в должностях», утверждались в действительной службе не раньше чем через 10 лет с награждением классным чином при условии усердной и беспорочной службы [59, с. 399]. Однако, несмотря на прилагаемые законодательные усилия, на практике встречались нарушения. Так, из указа от 24 ноября 1848 г. можно увидеть, что император был вынужден согласиться с «оставлением» на службе «неправильно принятых... из церковнослужительских детей и из податного состояния» (правда, лишь тех, кто уже служил более 10 лет и одобрялся начальством) [65, с. 51]. Таким образом

¹ Олонецкая, Вятская, Астраханская, Оренбургская, Виленская, Гродненская, Минская губернии, часть Архангельской и Вологодской, Белостокская область, Кавказ и Закавказье, Сибирь и Дальний Восток. Для таких служащих, как медики, землемеры, некласные художники и т.п., издавались «особые положения», также устанавливавшие льготы при направлении на службу в отдаленные края империи.

² За первую четверть XIX в. численность служащих Олонецкой губернии сократилась почти в два раза [23, с. 224].

приходилось балансировать между желанием верховной власти сохранить силу закона и стремлением местного аппарата управления его обойти.

На протяжении всего изучаемого периода местный аппарат управления функционировал в условиях дефицита кадров. И именно этот фактор определял политику верховной власти в области формирования провинциальной бюрократии.

При Екатерине II, когда аппарат управления на местах одновременно увеличился в несколько раз, речь шла о нехватке как опытных чиновников, так и молодых людей, способных к канцелярской работе. Предполагалось, что присутствия учреждений можно укомплектовывать за счет «дореформенных» служащих, местных дворян и сословных выборов, а канцелярии наполнят грамотные и лично свободные выходцы из неподатных состояний. Если первую задачу в целом удалось решить (в частности, путем привлечения массы отставных военных), то проблема с наполнением канцелярских мест стала для доверенных лиц императрицы – генерал-губернаторов – настоящей головной болью. Претворяя в жизнь реформу 1775 г. и оценивая ресурсы губерний на местах, они начали допускать на службу представителей социальных групп, не являвшихся приоритетными для рекрутирования кадров (в том числе податных лиц).

На рубеже XVIII–XIX вв., когда, в связи с сокращением численности местного аппарата управления, часть чиновников осталась без должностей, у государства появилась возможность как перераспределить высвободившиеся кадровые ресурсы, так и установить более жесткие условия поступления на службу и регулировать кадровый состав, исходя из сословных предпочтений. В начале царствования Александра I впервые прозвучало намерение повысить уровень образования служащих, которое, впрочем, уже скоро оказалось в тени других проблем. По мере ухудшавшейся экономической обстановки и появившегося в связи с этим хронического недофинансирования местных учреждений число желающих поступить в канцелярское звание стало сокращаться, а действовавшие сословные ограничения только усугубляли ситуацию. В послевоенное время канцелярии учреждений отдаленных губерний фактически опустели.

Ответственность за организацию делопроизводства и работу учреждений в целом возлагалась на местное начальство, которое, не находя другого варианта решения проблемы, ходатайствовало перед Сенатом о заполнении писарских вакансий выходцами из духовного и податных сословий. Таким образом, при бездействии верховной власти инициатива в решении кадрового вопроса стала исходить снизу. При этом набор канцелярских служащих фактически превратился в бесконтрольный процесс, который хотя

и сглаживал остроту проблемы, но не способствовал ее устранению и имел негативные последствия. И речь не столько о массовом наборе податных лиц, сколько о появлении на службе тех из них, кто стремился освободиться от несения повинностей и повысить социальный статус. Служба как таковая этих людей не интересовала (многие оказывались к ней не способными, а некоторые – и неграмотными), сразу после выхода из податного состояния или получения классного чина они уходили в отставку. Более того, к присутственным местам начали приписывать людей, действительно не служивших, которые пытались достичь чинов «одним пребыванием и исчислением лет службы».

Во второй четверти XIX в. впервые в центре внимания оказалась проблема дефицита квалифицированных кадров, обладавших соответствующим образованием и профессиональными навыками. Николай I попытался навести порядок в правовом регулировании гражданской службы. Учитывая прежний опыт, он уделил особое внимание сословным принципам комплектования аппарата управления, зафиксировав исчерпывающий перечень тех, кому был открыт и закрыт доступ на службу, а также направил усилия на подготовку кадров. Связав уровень образования со скоростью приобретения чинов, а чинов – с «классами» занимаемых мест, он сумел мотивировать молодых людей к посещению учебных заведений и, в конечном счете, добиться изменений в качественном составе служащих. Улучшив материальное обеспечение местных учреждений, разработав штатные расписания канцелярских служащих с учетом объемов делопроизводственной работы и предоставив служебные преимущества для регионов, которые испытывали хронический дефицит кадров, центральная власть смогла пресечь бесконечный поток жалоб на нехватку служащих. В законодательстве появилось не только требование экзаменовывать новобранцев, но и первые упоминания об испытательном сроке. И хотя при разработке законодательства, регулирующего поступление на гражданскую службу, вопрос соответствия занимаемым должностям еще не выходил на первый план, важность приобретенного опытом «навыка в делах» вполне осознавалась.

Таким образом, в изучаемый период при регулировании состава служащих первостепенное значение имело сословное происхождение. Именно этому вопросу посвящена большая часть указов, касавшихся поступления на гражданскую службу. Государство отдавало предпочтение «служилым» сословиям (детям потомственных дворян, чиновников и приказных людей) и ограничивало доступ выходцам из прочих социальных групп. Необходимость повышения уровня образования и компетентности служащих упоминалась в законодательстве с начала XIX в., однако реальные шаги в этом направлении начали предприниматься только при Николае I, и даже к середине XIX в. этот вопрос все еще пребывал в тени сословной политики.

Список источников и литературы

1. *Берендтс Э.Н.* О прошлом и настоящем русской администрации. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1913. VII, 280 с.
2. *Воронов А.С.* Историческо-статистическое обозрение учебных заведений С. Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 год. СПб.: тип. Я. Трея, 1854. XII, 438, 121 с.
3. *Воропанов В.А.* Законодательное регулирование кадровой политики в провинции Российской империи: канцелярские служащие на Урале в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Социум и власть. 2012. № 4 (36). С. 63–66.
4. *Воропанов В.А.* Развитие системы государственной гражданской службы Российской империи во второй половине XVIII в. Управление карьерой классных чиновников // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 5. С. 90–97.
5. *Воропанов В.А.* Развитие системы государственной гражданской службы в Российской империи во второй половине XVIII в. Часть первая. Управление канцелярскими кадрами // Социум и власть. 2014. № 5 (49). С. 106–111.
6. *Воропанов В.А.* Развитие системы отбора и подготовки кадров государственной гражданской службы в Российской империи в первой половине XIX в. // Социум и власть. 2013. № 6 (44). С. 84–89.
7. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 342.
8. ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 342.
9. *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. Т. 3. Ч. 1: Органы местного управления. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1883. VII, 384 с.
10. *Евреинов В.А.* Гражданское чиновничество в России. Исторический очерк. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1887. 87 с.
11. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. Т. 3: Курс русской истории. Ч. III / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1988. 414 с.
12. *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1906. VIII, 720 с.
13. *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. Т. II. Административное право. Ч. 1. Органы управления. СПб.: тип. акц. о-ва «Слово», 1910. 276 с.
14. Материалы для истории и статистики наших гимназий. СПб.: тип. Рогальского и К°, 1864. 158 с.
15. *Метушевская Т.И.* Правовой статус государственного служащего в России в XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 198 л.
16. *Нелидов Н.К.* Юридические и политические основания государственной службы. Ярославль: Тип. губернской земской управы, 1874. III, 281 с.
17. *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой трети XIX в.: становление министерской системы. М.: Новый хронограф, 2019. 414 с.
18. *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М.: РОССПЭН, 2007. 742 с.
19. *Писарькова Л.Ф.* От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996. № 4. С. 29–43.

20. Плех О.А. Состав чиновничества Архангельской губернии в первой половине XIX века // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2021. Т. 5. № 1. С. 16–63.

21. Плех О.А. Численность провинциальных служащих в первой половине XIX в. (на материалах Вологодской губернии) // *Российская история*. 2020. № 1. С. 3–25.

22. Плех О.А. Практика назначения «отставных за ранами» офицеров на гражданскую службу в провинции в первые годы деятельности Александровского комитета о раненых // *Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы X Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова*. Вып. 10. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. С. 48–53.

23. Плех О.А. Численность служащих Олонецкой губернии в первой половине XIX в. // *Альманах североамериканских и балтийских исследований*. Вып. 4. Петро-заводск: ПетрГУ, 2019. С. 218–230.

24. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]: [в 45 т.] (ПСЗ–I). Т. 16. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1018, 106 с.

25. ПСЗ–I. Т. 17. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1135 с.

26. ПСЗ–I. Т. 19. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1081 с.

27. ПСЗ–I. Т. 20. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1034, 7 с.

28. ПСЗ–I. Т. 21. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1083 с.

29. ПСЗ–I. Т. 22. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1168 с.

30. ПСЗ–I. Т. 24. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 869 с.

31. ПСЗ–I. Т. 25. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 933 с.

32. ПСЗ–I. Т. 26. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 875 с.

33. ПСЗ–I. Т. 27. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1122 с.

34. ПСЗ–I. Т. 28. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1328, 24 с.

35. ПСЗ–I. Т. 29. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1372 с.

36. ПСЗ–I. Т. 30. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1404, 8 с.

37. ПСЗ–I. Т. 31. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 944, 8 с.

38. ПСЗ–I. Т. 32. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1109, 14, 5 с.

39. ПСЗ–I. Т. 33. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1173 с.

40. ПСЗ–I. Т. 35. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 674 с.

41. ПСЗ–I. Т. 37. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 983 с.

42. ПСЗ–I. Т. 38. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1354 с.

43. ПСЗ–I. Т. 39. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 690 с.

44. Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.]: [в 55 т.] (ПСЗ–II). Т. 1. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1525 с.

45. ПСЗ–II. Т. 2. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1561 с.

46. ПСЗ–II. Т. 3. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1642 с.

47. ПСЗ–II. Т. 4. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1830. 1636 с.

48. ПСЗ–II. Т. 6. Отд. 1. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1832. 844 с.

49. ПСЗ–II. Т. 6. Отд. 2. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1832. 693 с.

50. ПСЗ–II. Т. 7. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1833. 1492 с.
51. ПСЗ–II. Т. 9. Отд. 1. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1834. 891 с.
52. ПСЗ–II. Т. 10. Отд. 1. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1835. 918 с.
53. ПСЗ–II. Т. 10. Отд. 2. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1835. 867 с.
54. ПСЗ–II. Т. 11. Отд. 1. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1836. 895 с.
55. ПСЗ–II. Т. 11. Отд. 2. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1836. 1019 с.
56. ПСЗ–II. Т. 12. Отд. 1. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1837. 822 с.
57. ПСЗ–II. Т. 12. Отд. 2. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1837. 823–1067, 302, 101, 134 с.
58. ПСЗ–II. Т. 15. Отд. 1. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1841. 961 с.
59. ПСЗ–II. Т. 16. Отд. 1. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1842. 924 с.
60. ПСЗ–II. Т. 17. Отд. 1. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1843. 915 с.
61. ПСЗ–II. Т. 18. Отд. 1. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1844. 842 с.
62. ПСЗ–II. Т. 19. Отд. 1. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1845. 921 с.
63. ПСЗ–II. Т. 22. Отд. 1. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1848. 950 с.
64. ПСЗ–II. Т. 23. Отд. 1. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1849. 664 с.
65. ПСЗ–II. Т. 23. Отд. 2. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1849. 495 с.
66. ПСЗ–II. Т. 26. Отд. 1. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1852. 752 с.
67. ПСЗ–II. Т. 28. Отд. 1. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1854. 704 с.
68. ПСЗ–II. Т. 30. Отд. 1. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1856. 778 с.
69. Примерный стат Вологодского наместничества... [СПб.: тип. Гос. воен. коллегии, 1780]. 19 с.
70. *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб.: Тип. М-ва внутрен. дел, 1870. XXVI, 564 с.
71. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1261. Оп. 12. Д. 41.
72. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 4. 1800. Д. 49.
73. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1748.
74. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]. [Т. 3]: Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3: Уставы о службе гражданской. СПб.: тип. II Отд. СЕИВК, 1842. 512, 146, 320 с.
75. *Чуб Н.В.* Организационно-правовые основы прохождения государственной службы в губернских органах России в XIX веке: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 215 л.

УДК 94(47).073

*В.В. Ткаченко*¹

Костюмированный бал 1849 г.: репрезентация истории и пространства Российской империи в церемониальной культуре

Аннотация. В статье рассматриваются особенности подготовки и проведения исторического костюмированного бала, состоявшегося в доме московского генерал-губернатора А.А. Закревского в присутствии императорской фамилии по случаю освящения Большого Кремлевского дворца в 1849 г. На основе воспоминаний, писем очевидцев и журнальных статей того времени исследуются основные механизмы и инструменты, посредством которых учредители праздника пытались погрузить гостей в атмосферу русской древности, сложившийся в результате историко-географический образ Российской империи, его восприятие в обществе и роль торжества в актуализации исторической памяти его участников и зрителей.

Ключевые слова: Большой Кремлевский дворец; бал; маскарад; историческая память.

Costume Ball of 1849: representing the history and space of the Russian Empire in ceremonial culture

Abstract. The article discusses the features of the preparation of the historical costume ball, which took place in the house of the Moscow Governor-General A.A. Zakrevsky in the presence of the imperial family in honor of the consecration of the Grand Kremlin Palace in 1849. On the basis of memoirs, letters of eyewitnesses and magazine articles of that time, the mechanisms and tools for constructing the historical and geographical images of the Russian Empire, the perception of these images in society and the role of celebration in the actualization of historical memory of its participants and spectators are investigated in this paper.

Keywords: Grand Kremlin Palace; ball; masquerade; historical memory.

Имперские праздники, коронации, встречи венценосных особ и прочие официальные церемонии традиционно рассматриваются исследователями как одни из ключевых форм репрезентации власти и ее взаимодействия с обществом [8; 14; 18]. Связанные с теми или иными историческими датами или фигурами (юбилеями, годовщинами, открытием мемориалов

¹ **Виктория Владимировна Ткаченко** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: victoria.tkachenko@gmail.com

Victoria V. Tkachenko – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Russian History until the beginning of the 19th century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

и т.д.), они часто транслировали идею государственной преемственности и одновременно играли важную роль в сохранении и конструировании исторической памяти как у их непосредственных участников, так и у наблюдателей.

Одними из таких мероприятий стали торжества по случаю завершения строительства и освящения Большого Кремлевского дворца, состоявшиеся в Москве в 1849 г. Возведение императорской резиденции по проекту К.А. Тона заняло более 10 лет. Само здание, созданное в русско-византийском стиле, было пронизано символикой величия России и ее истории. В состав комплекса вписаны предшествовавшие ему великокняжеские и царские постройки Московского Кремля – Грановитая палата XV в., Золотая Царицына палата XVI в., Теремной дворец XVII в., дворцовые церкви. Парадные залы получили названия в честь воинских орденов – Андреевского, Александровского, Владимирского, Георгиевского и т.д., – напоминая о героической победе России в Отечественной войне 1812 г. В торжественной речи по случаю освящения дворца Николай I особенно акцентировал внимание на том, что он «будет новым достойным украшением... древней столицы» и «вполне соответствует окружающим его зданиям, священным для Нас по соединенным с ними воспоминаниям веков минувших и великих событий Отечественной истории» [3, с. 154].

В числе многочисленных приемов и встреч, происходивших во время пребывания царской фамилии в Москве, интересен костюмированный бал, устроенный в доме генерал-губернатора А.А. Закревского. Строго говоря, таких балов было три, но все они проходили по общему сценарию и в целом являлись повторением друг друга. Первоначальный праздник, состоявшийся на Масленицу, 9 февраля 1849 г. (еще до приезда императора в Москву), носил название «Англия и Россия» [21]. По замыслу его устроительницы, супруги генерал-губернатора А.Ф. Закревской, он должен был символизировать собой союз двух держав, сохранивших верность своей истории и традициям на фоне бушующей революционной Европы. Спустя два месяца, в субботу Светлой седмицы 9 апреля, бал был повторен уже «в присутствии их императорских величеств» по случаю освящения Большого Кремлевского дворца [22]. Наконец, 11 апреля по желанию императора он был еще раз воспроизведен в зале российского благородного собрания, снова и снова приводя «всех его видевших в единодушный восторг» [21, с. 95].

Программа «праздничного шествия» менялась незначительно. Его открывали пары, олицетворявшие английский двор королевы Елизаветы. Но наибольшее внимание публики привлекала вторая часть процессии, являющая собой аллегорическое изображение «русских городов», роли которых исполняли одетые в «древнерусские платья» дворяне. «Русское шествие представляло намеки на историю и географию России, на движение сто-

лиц, на постепенное возникновение и присоединение княжеств, городов, царств, на все многовековое возрастание исполинского народа и Государства», – описывал его С.П. Шевырев в статье, опубликованной по этому случаю в журнале «Москвитянин» [21, с. 97].

Хотя это было не первое обращение к историческим образам в церемониальной культуре (мода на «древнерусские платья» появилась еще при дворе Екатерины II), впервые оно получило столь большой размах. Подготовка маскарада заняла несколько месяцев и широко обсуждалась в обществе, о чем свидетельствуют письма, дневники и воспоминания современников [9, с. 36–37; 12, с. 57; 15, с. 89; 17, с. 37; 19, с. 460]. В феврале на нем присутствовало до тысячи гостей [21, с. 97] и, вероятно, еще более – в апреле («Зала собрания, растворенная настезь его старшинами для всех желавших, едва могла вмещать посетителей») [22, с. 719]). Небывалые события оказались запечатлены в журнальных и газетных статьях и обрели известность далеко за пределами древней столицы [4; 6; 16; 21; 22]. А потому механизмы и инструменты репрезентации российской истории и пространства, использованные организаторами торжества, тот имперский образ, который был с их помощью сформирован, и его значение в актуализации исторической памяти москвичей не могут не вызывать исследовательского интереса.

Бал был подчинен строгому церемониалу и представлял собой тщательно продуманный спектакль, разыгрывавшийся перед его гостями. Несмотря на наличие письменной программы символический язык, транслировавший основные его идеи, был преимущественно визуальным. Многочисленность и разнообразие русского шествия создавали образ «необъятной» и «бесконечной» Империи [21, с. 107]. Иерархия ее регионов выстраивалась в соответствии с последовательностью их движения в общей процессии. Первыми шли столицы – Киев, Владимир, Москва, Петербург. Примечательно, что Новгород, долгое время отождествлявшийся как в историографии, так и в массовом сознании с колыбелью российской государственности, местом призвания Рюрика, в их число включен не был. Причиной этому, вероятно, могла послужить его репутация республиканского города, что явно противоречило монархическому замыслу бала. И, действительно, два древних русских города, «где общинное древне-славянское устройство оставалось долго» [21, с. 101] – Новгород и Псков, – первоначально были поставлены на пятое и шестое места и следовали за Петербургом. А уже во «второй редакции» бала между ними был помещен доселе отсутствовавший Белозерск, по легенде – престол брата Рюрика Синеуса. Таким образом, нежелательное напоминание о вольности северных городов оказалось несколько завуалировано темой зарождения династии Рюриковичей.

Последующие города и территории, согласно программе, должны были выстраиваться по мере их возникновения или присоединения к Российскому государству: Смоленск, Ярославль, Рязань, Курск, Тверь, Кострома, Нижний Новгород, Архангельск, Казанское царство, Астраханское царство, Тула, Калуга, Орел, Воронеж, Симбирск, Саратов, Пенза, Тамбов, Новочеркасск, Полтава, Харьков, Остзейские губернии, Эсты, Витебск, Крым, Польша, Грузия, Имеретия, Мингрелия, Карабах, Ширван, Финляндия, Шемаха, Дербент [21, с. 109–111]. В апреле 1849 г. этот перечень был расширен за счет приехавших на праздник провинциальных дворян, представивших свои города: Белозерск, Вязьму, Чернигов, Ростов, Углич, Галич, Вологду, Пермь, Екатеринодар, Петрозаводск и др. [22, с. 218]. Заклучали шествие покоренные Ермаком «дикие пленена Сибири» [21, с. 111].

Колоссальное внимание уделялось костюмам господ и дам, исполнявших эти театрализованные роли. Их разработкой занималась специально созданная комиссия, в состав которой вошли лучшие в Москве знатоки древностей и живописцы: А.Д. Чертков, М.Н. Загоскин, М.П. Погодин, А.Ф. Вельтман, А.С. Добровольский, Н.А. Рамазанов, К.И. Рабус и др. [2, с. 198]. Заботы по изготовлению нарядов были возложены непосредственно на участников шествия. Богатство украшений поражало. Драгоценные ткани, соболиные меха, жемчуга, бриллианты, алмазы... «Костюмы стоили несколько сот тысяч рублей!», – восклицал присутствовавший на празднике А.Ф. Львов [15, с. 89]. С исторической точки зрения наряды были стилизованы под эпоху Московского царства XVI–XVII вв. (отождествление истинной «русскости» с атрибутами именно этого времени впоследствии прочно закрепится в культуре имперской России [13, с. 61]), многие из них восходили к образцам, имевшимся в художественном училище [21, с. 103], описаниям А.В. Висковатова [5], эскизам Ф.Г. Солнцева [1, с. 35–37] и др. И все же, по сохранившимся костюмированным портретам некоторых участников бала видно, что они, скорее, являлись имитацией, нежели подлинной реконструкцией национальной одежды, и сохраняли многие черты европейской моды середины XIX в. [20, рис. 2, 3]. Дамы не отказались от корсетов и пышных юбок, некоторые из них предстали с открытым декольте, современными прическами «а-ля Клотильда» (в то время как настоящим боярским женам, конечно, надлежало прятать волосы под платки) и к тому же, по свидетельствам очевидцев, изыскивались по-французски [16, с. 120]. Присутствовали в нарядах и умышленные анахронизмы, признаваемые самими участниками бала. Так, например, роль Петербурга исполнил юноша в древнерусской одежде («От того, что мы в Москве любим знать и видеть его как русский город» [21, с. 101]), в чем нельзя не увидеть очередную реплику в давнем споре двух столиц, вновь обострившемся в 1840–1850-х гг.

Показательно и то, что Крым был изображен в античном (а не восточном или татарском – на момент присоединения к России) духе. Эта тенденция к удревнению российской истории зародилась еще в XVIII в.

Обсуждение бальных костюмов получило широкий резонанс и быстро вышло за пределы только вопросов моды, став поводом для дискуссий о национальных традициях и пагубном подражании Западу. Участвовавший в подготовке праздника М.П. Погодин опубликовал статью «О значении русской одежды в сравнении с европейской», воспевавшую безусловные преимущества первой [16]. Звучала и другая точка зрения. Так, например, А.В. Дружинин, знавший о празднике преимущественно по журнальным описаниям, замечал, что если «ферязи и кафтаны» знаменуют собой уважение к древности и отсылают «ко временам Ивана III», то европейский наряд должен напоминать знати о еще более славном имени Петра Великого, а потому противопоставлять их неразумно [6, с. 154]. Более того, «стоит доказать, что пальто необходимо происходит от ферязи, жилет от охобня, мантилья от душегрейки и великий раздор между любителями древних и новых нарядов будет погашен окончательно» [6, с. 216].

Другим важным визуальным элементом бала стали губернские гербы. Они нашивались на одежду, фигурировали в украшениях [21, с. 103]. Каждую из представлявших тот или иной город пар сопровождал отрок, несший геральдический знак. Поскольку не все участники торжества хорошо ориентировались в этой символике, гербы были подписаны. Но и это не помогло избежать некоторой путаницы. Участвовавший в бале еще ребенком П.А. Кропоткин впоследствии вспоминал, что был наряжен в костюм «персидского царевича» и нес жезл, на котором «значился орел, парящий над голубым морем», что, по его мнению, «изображало герб Астраханской губернии» [12, с. 57]. В действительности это был герб Оренбурга, а сам Кропоткин представлял Уфу, являвшуюся на тот момент центром Оренбургской губернии [7, с. 47–52].

Помимо «представителей городов» в процессии принимал участие ряд исторических лиц. Набор этих героев, в силу их немногочисленности, по-своему примечателен. Это «варяго-русский витязь» Добрыня, Иван Сушанин, Минин и Пожарский, юный Ломоносов, который был изображен как следующий учиться из Холмогор в Москву рыбацкий сын «с сетью в одной руке, с арифметикой Магницкого в другой» [22, с. 719], а также Ермак, по всей видимости, заменивший своим явлением все не представленные на празднике города Сибири. Появление именно этих исторических фигур хорошо демонстрирует главные «места памяти» в московском обществе середины XIX в., при условии, что устроители бала не решились изобразить на нем никого из русских князей или царей. Далекая славянская древность

вызывала, прежде всего, былинные ассоциации. Освобождение Москвы от поляков и воцарение рода Романовых являлись наиболее почитаемыми событиями допетровской истории, память о которых особенно бережно сохранялась в городе, на главной площади которого возвышался памятник предводителям Второго ополчения. Императорский московский университет также стал предметом гордости горожан. Кроме того, все названные личности представляли собой примеры безусловного служения народа на благо Отечества и государя, прекрасно вписываясь в общий замысел праздника.

Отдельное внимание следует уделить музыкальной и хореографической составляющим бала. Если английская часть процессии двигалась под «God save the Queen» и исполняла старинный шотландский танец экосез, то для русского шествия был выбран марш из «Жизни для царя» [21, с. 98]. Когда все пары выстроились в ряды, заиграли народные песни и начался хоровод под подблюдный запев: «Слава Богу на небе. Слава! Государю нашему на сей земле слава!» [2, с. 250]. Наконец, хоровод расступился, «дети прошли строем со своими значками и преклонили их перед императорскими величествами» [22, с. 719]. Таким образом, все провинции выражали покорность и благоговение перед государем, а старинные костюмы, в свою очередь, напоминали о стремившейся к этому всей многовековой российской истории. Это был настоящий «апофеоз самодержавия» [12, с. 57].

Николай I остался весьма доволен праздником. Детей, участвовавших в маскараде, он приказал возвести в пажи, тем самым наградив и их родителей. Эта царская милость стала логичным финалом церемонии, ответным даром императора своим верноподданым.

Устроенное торжество, безусловно, сыграло благотворную роль и для актуализации исторической памяти горожан. Им представилась возможность погрузиться в эпоху, почувствовать себя в роли бояр, прикоснуться к старине на «физическом» уровне материальных вещей. Этому способствовала и сама атмосфера Москвы, воспринимавшейся как олицетворение российской древности. «Тут русский дух, тут Русью пахнет!» – повторяла вслед за А.С. Пушкиным впервые прибывшая сюда из Петербурга с императорской свитой юная баронесса М.П. Фредерикс [19, с. 260].

Вместе с тем подобное обращение к старине было во многом демонстративным, выставлявшим напоказ не столько подлинную историю, сколько роскошь и богатство нынешнего света. Не подтвердились и надежды славянофилов на возвращение самодержавия к исконно русским корням. Когда в том же 1849 г. Николаем I был издан указ о запрете ношения бород для дворянства, С.Т. Аксаков разочарованно писал: «Конец кратковременному восстановлению русского платья, хотя не на многих плечах!.. Все это было предательство» [2, с. 251].

И все же в дальнейшем количество обращений к темам древнерусской истории в государственных торжествах вплоть до падения Российской империи только возрастало, чему особенно поспособствовала консервативная политика Александра III и Николая II. Увлечение стариной воплотилось в череде имперских юбилеев конца XIX – начала XX в.: 1000-летия России, 300-летия дома Романовых и т.д. Праздник в доме А.А. Закревского стал предтечей грандиозных балов в русском стиле 1883 и 1903 гг. [10; 11]. Все это, безусловно, подтверждает, что в 1849 г. «русские костюмы произвели желаемое действие» [2, с. 250].

Список источников и литературы

1. *Аксенова Г.В.* Русский стиль: Гений Федора Солнцева. М.: Слово, 2009. 390 с.
2. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 т. Т. 10. СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1896. XV, 583 с.
3. *Вельтман А.Ф.* Освящение нового Московского Дворца в Кремле // Москвитянин. 1849. № 8. Отд. V. С. 149–154.
4. *Вельтман А.Ф.* Русское царство в лицах // Москвитянин. 1849. № 4. Отд. V. С. 112–113.
5. *Висковатов А.В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками: в 30 т. СПб.: Военная типография, 1841–1862.
6. *Дружинин А.В.* Письма иногороднего подписчика о русской журналистике // Современник. 1849. Т. XIV. Отд. V. С. 153–177; Т. XV. Отд. V. С. 209–219.
7. *Емелин И.Б.* Пролетая над гнездом куницы // SUB CLYPEO. Геральдический журнал. 2017. № 9. С. 44–52.
8. *Захарова О.Ю.* Государственный церемониал как программа власти. М.: Центрполиграф, 2014. 381 с.
9. *Корф М.А.* Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. 1900. Т. 102. № 4. С. 27–50.
10. *Костюмированный бал в Зимнем дворце. Исследования, документы, материалы.* [Т. 1]. М.: Русский антиквариат, 2003. 126 с.
11. *Костюмированный бал у великого князя Владимира Александровича 25 января* // Всемирная иллюстрация. 1883. № 737. С. 182–183.
12. *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. 544 с.
13. *Лескинен М.В.* «Слава Богу, мы русские» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2019. № 2. С. 54–63.
14. *Лиманова С.А.* Столичные торжества Российской империи в царствование Николая II. М.: Кучково поле, 2017. 358 с.
15. *Львов А.Ф.* Записки // Русский архив. 1884. Вып. 5–6. С. 65–114.
16. *Погодин М.П.* Несколько слов о значении русской одежды в сравнении с европейской // Москвитянин. 1849. № 4. Отд. V. С. 114–120.

17. Толстой Л.Н. Письмо Толстому С.Н., 15 марта 1849 г. // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 59. М.: Художественная литература, 1935. С. 36–37.

18. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М.: ОГИ, 2004.

19. Фредерикс М.П. Из воспоминаний баронессы М.П. Фредерикс // Исторический вестник. 1898. Т. LXXI. С. 454–481.

20. Хорошилова О.А. Княжна Трубецкая, пчела золотая. В каких костюмах блистал на зимних балах и маскарадах высший свет российской империи // Родина. 2020. № 12. С. 82–87.

21. Шевырев С.П. Англия и Россия: Праздник 9 февр. в Москве // Москвитянин. 1849. № 4. Отд. V. С. 95–111.

22. Шевырев С.П. Русский костюмированный бал в Москве в 1849 г. // Русская Старина. 1883. № 3. С. 718–724.

УДК 94(476):271.2

Ю.В. Кейко¹

Приговоры сельских сходов как источник по истории православного храмового строительства в Беларуси (1860–1890-е гг.)

Аннотация. В статье на основе анализа приговоров сельских сходов раскрыта деятельность крестьянских обществ по организации и строительству православных храмов на территории Белоруссии. Во введении обоснована актуальность исследования и выявлены причины данного феномена. В основной части проведен структурный анализ приговоров сельских сходов. Показано участие крестьян на всех этапах строительства православных храмов: подготовительном (подготовка стройматериалов, их подвоз к месту строительных работ, сбор денежных средств, выбор участка под строительство) и основном (хозяйственный способ строительства). Определена роль крестьянской общины при приеме церковного здания в духовное ведение. В заключении сделан вывод о значении приговоров сельских сходов в осуществлении церковного строительства на белорусских землях.

Ключевые слова: православие; строительство храмов; приговор; белорусские земли.

Decisions of village meeting as a source on the history of orthodox church construction in Belarus (1860s – 1890s)

Abstract. The article reveals the activities of peasant societies in the process of organizing and building Orthodox churches on the territory of Belarus on the basis of a number of analyzed sentences of rural gatherings. The introduction substantiates the relevance of the study and the reasons for this phenomenon. In the main part, a structural analysis of these documents is carried out. The article shows participation of peasants at all stages of construction of Orthodox churches: preparatory (preparation of building materials, including its delivery to the place of construction work, fund raising, selection of a site for construction) and main (economic method of construction). The role of the peasant community in the reception of the church building in the spiritual management is also specified in the paper. In conclusion, it the article concludes about the significance of the sentences of rural gatherings in the implementation of church construction on Belarusian lands.

Keywords: orthodoxy; construction of churches; decision; Belarusian lands.

В настоящее время одним из актуальных вопросов исторической науки является проблема организации и деятельности органов крестьянского

¹ **Юлия Владимировна Кейко** – аспирант Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь), e-mail: jv.kejko@gmail.com.

Julia V. Kejko – Postgraduate student, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus).

самоуправления – сельских сходов, управляемых сельскими старостами. Круг вопросов, затрагиваемый на сельских сходах, охватывал различные стороны жизнедеятельности крестьянской общины. Одна из них – строительство православных храмов. В 1860-е гг. политика российского правительства предусматривала распространение русской культуры в Северо-Западном крае империи через активное церковное строительство. С этой целью в губернских и уездных центрах Белоруссии в 1864 г. были учреждены церковно-строительные комитеты, а с 1868 по 1890 г. функционировали только губернские церковно-строительные комитеты, преобразованные в церковно-строительные присутствия. На местах процесс строительства координировали церковные советы (1864–1867 гг.) и приходские попечительства (1868–1890 гг.). Они совместно с членами церковно-строительных комитетов были обязаны максимально привлекать крестьян к организации и осуществлению строительных работ. Установить, как это происходило, позволяют приговоры сельских сходов.

Приговор – письменный документ, в котором фиксировалось окончательное решение крестьян по итогам обсуждения конкретного вопроса на сельском сходе. Оформлялся он на простой бумаге сельским старостой или писарем. Документ имел различные заголовки: «мирской приговор», «приговор», «приговор сельского схода», «общественный приговор». Однако в большинстве случаев документ не имел заголовка. Отсутствовала официальная форма документа, но анализ приговоров позволяет выявить определенную структуру.

В начале документа указывалась дата и сельское общество (или несколько сельских обществ), в котором проходил сход. Местом для его сбора являлся населенный пункт, где находилась приходская церковь. Собирались в здании церкви [16, л. 50] или здании волостного правления [2, л. 157]. Затем упоминались присутствующие волостной старшина или мировой посредник [15, л. 57] и лица, компетентные в обсуждаемом вопросе: благочинный [3, л. 35], приходской священник, члены уездных комитетов по строительству и ремонту православных храмов (инженер, уездный исправник, участковый чиновник и др.). Далее фиксировали вопрос, который выносился на обсуждение, после чего следовала фраза (слово) прописными буквами или с заглавной буквы «приговорили», «единогласно приговорили», «постановили», «составили настоящий приговор о том, что», а за ней помещали решение, принятое большинством голосов крестьян. В конце документа перечислялись все крестьяне-домохозяева, участвовавшие в сходе. Визировался приговор сельским старостой. Подпись представляла собой имя, фамилию, должность. Также в некоторых документах вместо подписи за себя и крестьян своего общества староста прикладывал штемпель, на-

пример: «За крестьян деревни Долгое приложением штемпеля расписался Сельский Староста Николай Шевчик – Должанский сельский староста» [17, л. 28]. Если сельский староста был неграмотным, то приговор составлял волостной писарь задним числом. Некоторые приговоры сельских сходов по решению крестьян заносились в специальную книгу приговоров [14, л. 7].

Приговоры сельских сходов отражали различные аспекты, относившиеся к вопросу организации и строительства православных храмов. Прежде всего, оказание денежной и материальной помощи со стороны крестьянских обществ. Степень их участия в этом деле определялась при планировании объема церковно-строительных работ во время осмотра членами церковно-строительных комитетов действовавших православных храмов или местности, где предполагалось возведение церкви. В акте по результатам осмотра давалось социально-экономическое обоснование строительства храма, а к нему прикладывались приговоры. Исходя из этого специалистами строительного отделения губернского правления делался сводный сметный расчет стоимости строительства, и часть статей из него составляли пожертвования прихожан.

На сельском сходе крестьяне соизмеряли свои возможности и выбирали приемлемый для них вариант содействия: сбор денежных пожертвований, доставка стройматериалов к месту работ и выделение чернорабочих или строительство кирпичного завода. Поскольку составление и согласование проектно-сметной документации через все инстанции происходило не так быстро, многие приговоры приводились в исполнение через несколько лет на очередных сельских сходах.

Так, 21 июня 1881 г. крестьяне-собственники (144 домохозяина) Могильнянского, Стальбовщинского и Костешинского сельских обществ Могильнянской волости Игуменского уезда Минской губернии, принадлежавшие к приходу Свято-Николаевской церкви в с. Могильно, на сельском сходе в волостном правлении заслушали предложение председателя приходского попечительства священника отца Владимира о выполнении ими приговоров, принятых 17 февраля 1873 г. и 10 октября 1876 г. относительно сбора денег на строительство новой церкви. По первому приговору крестьяне обязались собрать 1 000 руб., а по второму – выделить чернорабочих, но вскоре последнее заменили на сбор денег в размере 936 руб. Соответственно, общая сумма составила 1 936 руб. Крестьяне решили ее разделить между собой пропорционально количеству земли, находившейся в личном пользовании каждого: «полным участком земли по 10 рублей, получастками по 5 руб., десятников: в с. Могильне по 99 коп., а в д. Замостье, как владеющий 3 десятинами 2 руб. 94 коп. и с огородников по 12 коп.». Взнос был рассчитан на два года и в четыре этапа по 484 руб.

Первый нужно было внести сельским старостам до конца текущего месяца (июня 1881 г.), а последний до июня 1883 г. Все собранные деньги передать в распоряжение приходского попечительства [5, л. 29]. Однако отведенные сроки нарушались, особенно если в один приход входили крестьяне из разных волостей, что негативно сказывалось на церковном строительстве, так как деньги от государства выделялись не в полном объеме и не всегда своевременно.

Другие крестьянские общества для оказания содействия в церковном строительстве (в некоторых случаях из-за своей малой обеспеченности) выделяли чернорабочих для подготовки стройматериалов и осуществления самих работ. К примеру, 6 июня 1870 г. на сельском сходе в волостном правлении с. Киевичи крестьяне-собственники Киевичского и Подмажского сельских обществ Слуцкого уезда Минской губернии решили, что, поскольку их приход малочислен и беден, они предоставят только чернорабочих «как при заготовлении материала, так и при постройке в селе Киевичи самой Церкви» [2, л. 14]. Сколько дней на это отводилось – в документе зафиксировано не было. Однако в следующем приговоре, за 31 июля 1879 г., крестьяне просили председателя приходского попечительства получить разрешение у «высшего начальства» (вероятно, речь шла о губернском церковно-строительном присутствии) на замену предыдущего приговора по той причине, что их чернорабочий труд, по утвержденной смете оцененный в 2 653 руб., включал поднос и подъем кирпича, известкового раствора с песком на различные высоты. Крестьяне посчитали это опасным для себя делом. К тому же выполнение работ пришлось на летний период, когда было много работы в личных подворьях. Поэтому они предложили оставить за ними подготовку и доставку стройматериалов, но не летом и без их подъема на высоту [2, л. 157–158].

В целом во многих приговорах по-разному фиксировалось количество рабочих дней и принятые крестьянами обязательства. С каждого крестьянского двора по три дня на подтягивание и подъем бревен, их доставку к месту строительства православного храма в д. Гутово в декабре 1864 г. определили крестьяне Гродненской губернии Кобринского уезда Гутовской волости деревень Гутово, «Охдемера и Скибичь» [11, л. 61]. В то же время крестьяне (114 дворов) Пружанского уезда Селецкой волости Селецкого общества выделили от каждого двора по четыре рабочих дня на подготовку стройматериалов и осуществление церковно-строительных работ [12, л. 6].

Наиболее многолюдные и состоятельные приходы собирали деньги и отводили рабочие дни. Так, 10 февраля 1873 г. на сельском сходе Новоселковской церкви крестьянам Новоселковского и Бельского обществ Верхолесской волости Кобринского уезда напомнили об их приговоре, заклю-

ченном ранее при составлении акта осмотра действующего храма. От своих обязательств они не отказались и приговорили: после получения разрешения на строительство храма в их населенном пункте они внесут в течение трех лет по 5 руб., что составит 415 руб. с 83 крестьянских дворов и для подвоза стройматериалов «выставят на востребование по пяти подвод и по два дня пеших» [13, л. 8]. Крестьяне-собственники Берлежского сельского общества Пуховичской волости Игуменского уезда Минской губернии 27 февраля 1875 г. на сельском сходе, обсудив строительство храма в с. Блужа, пришли к общему заключению, что они пожертвуют с каждого крестьянского двора по 12 руб., с трехдесятильников по 4 руб., с безземельных по 3 руб. (всего вышло 1 200 руб.) и перевезут стройматериалы к месту строительных работ. Также осуществляют все черновые работы [4, л. 8].

Следующий вопрос, который обсуждался на сельских сходах крестьянами, – выбор места под строительство храма. В населенном пункте, где планировалось построить церковь, собиралась комиссия, состоявшая из членов уездного церковно-строительного комитета (с 1868 г. губернского церковно-строительного присутствия) и членов церковного совета (с 1868 г. приходского попечительства). Результаты осмотра местности комиссией фиксировались в акте и также доводились до сведения прихожан. Комиссия при выборе места руководствовалась правилами «О постройке Православных церквей и причетнических строений в Северо-Западном крае» (1865 г.) [9, л. 24] и «Правилами для устройства православных церквей в 9-ти губерниях Западного края» (1867 г.) [18], согласно которым подходящим местом являлся центр населенного пункта или возвышенность, где храм был виден с любой точки местности. Если в населенном пункте уже была церковь, не подлежащая ремонту, то новый храм предполагалось строить на месте предыдущего. Как правило, крестьяне соглашались на предложения, озвученные им на сельском сходе. Также крестьяне брали на себя расчистку территории и разбор завалов от разрушенного церковного здания, хозяйственных построек [1, л. 168].

Возникали ситуации, когда крестьянские общества не могли договориться по этому вопросу. Вследствие этого сроки начала строительных работ переносились на неопределенное время. Такая ситуация произошла при выборе места под возведение православного храма в селении Черлена Гродненского уезда Гродненской губернии. Начиная с июня 1865 до середины 1866 г. данный вопрос упорно обсуждался крестьянами. Проблема состояла в том, что часть из них голосовала за возведение храма на старом месте в помещицьем имении Черлена, где земельный участок был неплодородным и от него отказался церковный причт, а до этого государственные крестьяне. Вторая часть считала, что лучшее место находится у казенной

фермы в д. Миклашевцы, где земля плодородная и достаточно территории для причта. В обоих случаях крестьянам за свой счет нужно было соорудить причтовые строения. Убедительных аргументов в свою пользу стороны не выдвинули. Затем споры дошли до того, что этот вопрос отошел на второй план, а на первый вышел большой объем предстоящих работ, и возникла идея отказаться от строительства храма [16, л. 48]. Участок в итоге был выбран в селении Черлена, что одобрил виленский генерал-губернатор, так как земля у фермы «Миклашевцы» находилась в долговременной аренде помещика Ширмы, а для причта разменяли отдельный участок земли у церкви [16, л. 70].

С другой стороны, ряд крестьянских обществ брали на себя всю ответственность за строительство церковного здания, что также оформлялось приговором сельского схода. Строительные работы велись хозяйственным способом, т.е. крестьяне готовили стройматериалы, а церковный совет или приходское попечительство нанимали рабочих и руководили всеми работами. Задача облегчалась, если среди прихожан были опытные строители. Решение о возведении храма хозяйственным способом принималось под влиянием мирового посредника, уездного исправника или приходского священника на момент заключения акта осмотра о состоянии местности и возможностей православного прихода, а также при промедлениях, возникших на этапе организации строительных работ. Характерным для этого был долгий сбор денежных средств от крестьянских дворов и затягивание с составлением проектно-сметной документации, что влияло на увеличение стоимости как на услуги рабочих, так и на стройматериалы. Ранее составленная смета была уже не актуальна. Приход в это время оставался без храма и приходское попечительство всеми силами убеждало крестьян самих взяться за дело.

Так, прихожане с. Ольшаны Мозырского уезда Могилевской губернии в 1856 г. лишились церкви, сгоревшей из-за удара молнии. Местность была болотистой, что затрудняло сообщение с другими населенными пунктами. Крестьяне неоднократно обращались к могилевскому губернатору и виленскому генерал-губернатору с прошением об оказании им материальной и денежной помощи для строительства храма, но никакой поддержки в ответ не получили. За весенне-летний период 1865 г. крестьяне подготовили 600 сосновых бревен и собрали 500 руб. Проектно-сметная документация находилась на стадии разработки. Весной 1866 г. самостоятельно приступили к строительству, но подготовленного стройматериала и денег не хватало. 1 июля 1866 г. на сельском сходе они договорились взять ссуду (кредит) на 5 лет под свое круговое поручительство в 1 500 руб. на достройку храма [6, л. 22]. Данная инициатива потребовала от крестьян дополнительных расходов.

Иная ситуация была у прихожан селения Борковичи Дриссенского уезда Витебской губернии в 1889 г. На строительство их храма из церковного капитала епархии выделялось около 15 000 руб. и 10 000 руб. от правительства. Общая сумма по смете вышла 25 137 руб. 29 коп. для прихода в 3 000 человек. На сельском сходе (дата неизвестна) крестьян попытались привлечь к денежным пожертвованиям, помощи в доставке стройматериалов и строительных работах, к строительству местного кирпичного завода. Но они согласились собрать по 10 коп. с десятины в течение двух лет (649 руб. 20 коп.), привезти стройматериалы и выделить рабочих. Сбравшись на сход в 1889 г. и посоветовавшись, 57 домохозяев из 89 проголосовали за строительство храма хозяйственным способом и поручились за себя и причт в целевом расходовании денежных средств [8, л. 27].

Для получения денег в отделении государственного банка на строительство крестьяне выбирали из членов церковного совета или приходского попечительства одного человека. Хранились деньги в сундуке под замком в волостном правлении и выдавались по указанию архитектора [5, л. 53]. После завершения строительных работ церковное здание передавалось в духовное ведомство, и дальнейшая забота о состоянии храма возлагалась на причт и прихожан, что закреплялось в отдельном приговоре. При осмотре храма присутствовало несколько человек от прихожан. Качественно построенной посчитали свою церковь крестьяне Горковского сельского общества Городокского уезда Витебской губернии, что было отмечено в приговоре от 13 февраля 1871 г. Затем постановили принять церковь на свое попечение за счет собственных средств и «непроста от казны никакого вспомоществования» [6, л. 77]. Иначе поступили крестьяне церковного прихода в местечке Освея Дриссенского уезда Витебской губернии в апреле 1880 г. Поскольку церковь была построена из некачественного кирпича без внешней штукатурки и в некоторых местах появились трещины, крестьяне отказались принимать здание, передавать его в духовное ведомство и подписывать приговор [7, л. 87].

Таким образом, приговоры сельских сходов отражали деятельность крестьянских обществ на всех этапах строительства православных храмов. Степень участия крестьян определялась не только их возможностями, но и убедительными аргументами со стороны духовенства и членов церковно-строительных комитетов (присутствий). При организации строительства на сельских сходах крестьяне решали вопросы о сборе денежных средств, о подготовке и доставке стройматериалов, о выборе земельного участка под строительство. Выделяли чернорабочих для оказания помощи при осуществлении церковно-строительных работ и возводили храмы хозяйственным способом. По окончании всех работ здание осматривала ко-

миссия в присутствии нескольких прихожан и церковь передавалась в духовное ведомство.

Список источников и литературы

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 27. Оп. 1. Д. 506.
2. НИАБ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 84.
3. НИАБ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 104.
4. НИАБ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 155.
5. НИАБ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 223.
6. НИАБ. Ф. 2503. Оп. 1. Д. 57.
7. НИАБ. Ф. 2503. Оп. 1. Д. 77.
8. НИАБ. Ф. 2503. Оп. 1. Д. 117.
9. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в Гродно). Ф. 10. Оп. 1. Д. 13.
10. НИАБ в Гродно. Ф. 97. Оп. 1. Д. 2.
11. НИАБ в Гродно. Ф. 97. Оп. 1. Д. 16.
12. НИАБ в Гродно. Ф. 97. Оп. 1. Д. 58.
13. НИАБ в Гродно. Ф. 97. Оп. 1. Д. 355.
14. НИАБ в Гродно. Ф. 97. Оп. 1. Д. 379.
15. НИАБ в Гродно. Ф. 97. Оп. 1. Д. 428.
16. НИАБ в Гродно. Ф. 845. Оп. 1. Д. 22.
17. НИАБ в Гродно. Ф. 849. Оп. 1. Д. 34.
18. Правила для устройства православных церквей в 9-ти губерниях Западного края. Вильна: печатня А.Г. Сыркина, [1871?]. 16 с.

УДК 94(47).081+35.08

*А.В. Филимонов*¹

**Губернатор как организатор
государственно-общественного диалога:
социокультурная деятельность М.Н. Галкина-Враского
в Саратовской губернии²**

Аннотация. Исследуется участие представителей провинциальной бюрократии в процессе налаживания диалога между государством и обществом во второй половине XIX в. на примере общественно-культурной деятельности М.Н. Галкина-Враского в период управления Саратовской губернией. На основе архивных делопроизводственных материалов администрации, протоколов заседаний и отчетов общественных организаций раскрываются основные направления и степень взаимодействия саратовского губернатора с земством, городскими думами, социокультурными объединениями. Делается вывод о возможности обеспечения чиновником эффективного сотрудничества государства и общества в социокультурной сфере на основе личной заинтересованности в предмете деятельности, гибкости в выстраивании отношений с различными социальными группами, а также поддержки инициатив и обеспечения равноправного участия в их реализации представителей органов самоуправления и общественности.

Ключевые слова: губернатор; общество; государство; Саратовская губерния; Галкин-Враской.

**The governor as the organizer of the state-public dialogue:
the sociocultural activities of M.N. Galkin-Vrasky
in the Saratov province**

Abstract. The article examines the participation of representatives of the provincial bureaucracy in the process of establishing a dialogue between the state and society in the second half of the 19th century on the example of the social and cultural activities of M.N. Galkin-Vrasky while he was working as governor of the Saratov province. On the basis of archival clerical documents of the administration, protocols of meetings and reports of public organizations, the main directions and degree of interaction of the Saratov governor with the zemstvo, city councils and socio-cultural associations are revealed. The article concludes about

¹ **Александр Викторович Филимонов** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия), e-mail: aleks.filimonoff@yandex.ru.

Alexander V. Filimonov – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Omsk State University (Omsk, Russia).

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60013.

the possibility for an official to ensure effective cooperation between the state and society in the sociocultural sphere on the basis of personal interest in the subject of activity, flexibility in building relationships with various social groups, as well as supporting initiatives and ensuring equal participation in their implementation of representatives of self-government bodies and the local society.

Keywords: governor; society; state; Saratov province; Galkin-Vrasky.

Важной задачей на современном этапе развития России является налаживание сотрудничества власти и общества при решении социальных и культурных проблем, проведении реформ. Современные исследователи отмечают, что преодоление недоверия населения к государственным учреждениям во многом зависит от фигуры чиновника. Государственные служащие должны выступать профессионалами, уметь вести равноправный диалог с населением, устанавливать контакты и взаимодействовать с различными социальными группами [2, с. 33]. В этом отношении особую важность приобретает исторический опыт Российской империи, сталкивавшейся со сходными проблемами.

В условиях формирования элементов гражданского общества во второй половине XIX – начале XX в. государство и население нуждались в посреднике для выстраивания равноценного диалога. В данном качестве могли выступить представители чиновничества: в этот период они не только являлись проводниками государственной политики, но также постоянно взаимодействовали с обществом, оказывали существенное влияние на культуру. На местном уровне подобную роль часто брали на себя губернаторы: это объяснялось их особым положением в составе администрации как по своим полномочиям и финансовой обеспеченности, так и по авторитету у населения. Выявление особенностей социокультурной деятельности наиболее активных представителей данной группы чиновников должно способствовать определению возможностей реального участия бюрократии в процессе налаживания взаимодействия между государством и обществом.

В соответствии с проблематикой исследования можно выделить два основных направления в современной историографии. Ряд трудов посвящен изучению чиновничества как социально-профессиональной группы. Подробную разработку получили вопросы корпоративных черт российского и провинциального чиновничества, участия администрации в благотворительности, просвещении, развитии системы школьного образования [18; 20; 23]. Предпринимались попытки составления коллективного портрета губернаторов в период XIX – начала XX вв. [15; 21]. Особо следует выделить монографию С.В. Зубова, в которой представлена наиболее полная характеристика государственной и общественной деятельности М.Н. Галкина-Враского [13].

Второе направление объединяет исследования по истории формирования элементов гражданского общества в Российской империи. Динамика развития взаимоотношений между государством и обществом прослеживается на всероссийском и местном материале [10; 14; 17; 19; 22]. В ряде работ раскрываются взаимоотношения земского и городского самоуправления с администрацией и государством, их участие в социокультурной деятельности [1; 11; 24]. Предметом исследования становились условия и особенности формирования, состав, основные направления работы местных общественных неполитических организаций [12; 16].

В целом в современной историографии достаточно подробно разработаны вопросы корпоративных характеристик провинциальной бюрократии и условий, в которых реализовывалась их социокультурная деятельность. Тем не менее специфика данной деятельности чиновников и ее влияние на развитие сотрудничества общества и государства требуют дальнейшего изучения, в том числе на конкретных примерах представителей администрации различных губерний и регионов.

Реформы Александра II оказали существенное влияние на взаимодействие администрации и провинциального общества. Так, передача в ходе реформ ряда функций администрации земствам и городскому самоуправлению вынуждала губернаторов вступать с ними в диалог, в частности по социокультурным вопросам. С другой стороны, упрощение порядка утверждения устава общественных организаций по закону 12 декабря 1862 г. способствовало появлению большого числа новых обществ различного направления как в центре, так и в провинции [10, с. 331]. Постепенно формировалось поле действия добровольных ассоциаций, где реализовывались гражданские инициативы и предпринимались попытки установить диалог с государственной властью «с целью побудить ее к изменению реальной действительности» [19, с. 10].

Опыт создания первых организаций в середине XIX в. в провинции силами бюрократии (местные комитеты попечительного о тюрьмах общества) оказался неудачным, поскольку не предполагал проявления частной инициативы [22, с. 269]. Это доказывало необходимость более гибкого подхода чиновников к участию в жизни местного общества. Положительное влияние в этом отношении могла оказать «новая генерация» молодых чиновников, формировавшаяся во второй половине XIX в. в связи с распространением высшего (прежде всего, юридического) образования. Ее представители стремились привнести в государственные учреждения научные ценности и одновременно «проникали в общественную сферу», включались в научную, благотворительную и иную социокультурную деятельность и на этом основании находили точки взаимодействия с местным

обществом [20, с. 172–174]. Ярким примером этого явления можно считать период службы М.Н. Галкина-Враского в Саратовской губернии.

Михаил Николаевич происходил из старинных дворянских родов Галкиных и Враских. Получив юридическое образование в Казанском университете, в 1854 г. поступил на службу в управление Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства, параллельно занимаясь этнографическими исследованиями [13, с. 34]. После перевода в 1862 г. в состав МВД 11 октября 1868 г. Галкин-Враской был утвержден главой Эстляндской губернии [13, с. 46]. Чиновник выступил защитником интересов местного русского населения – под его руководством была открыта первая русская гимназия, сформирован продовольственный фонд для пострадавших от неурожая крестьян, в местной газете начали печататься переводы статей на русский язык [13, с. 49–50]. Преобразования привели к конфликту с немецким дворянством губернии, который стал основной причиной увольнения Галкина-Враского с должности 25 сентября 1870 г. [13, с. 54].

Период управления Эстляндской губернией показал важность установления взаимодействия администрации со всеми группами местного общества для эффективного управления и решения насущных проблем населения. Данная установка стала ключевой в деятельности Галкина-Враского после его назначения на должность саратовского губернатора 4 октября 1870 г. [13, с. 251]. В 1871–1872 гг. новый глава губернии руководил проведением городской реформы, одновременно стараясь установить взаимодействие с городскими думами по различным вопросам [13, с. 61]. При посредничестве губернатора Саратовская дума выделила участок земли для детского приюта и выдала денежное пособие приемному покою для больных [3, л. 33–34; 6, л. 41; 13, с. 80, 85]. Не менее важным являлось сотрудничество с другими органами самоуправления – земствами. Начиная с 1871 г. Галкин-Враской ежегодно призывал земские органы принять более активное участие в области народного образования. Благодаря его поддержке появилось 290 новых учебных заведений, что впоследствии было отмечено появлением стипендий его имени [8, л. 45, 75 об.; 13, с. 79]. Губернатор также сумел в ходе неоднократных обращений в Саратовскую губернскую земскую управу добиться выделения суммы, необходимой для устройства здания сельскохозяйственной выставки в 1875 г. [13, с. 72].

Сумев в целом наладить совместную работу с земским и городским самоуправлением, Галкин-Враской активно включился в процессы создания и деятельности общественных организаций. Некоторые общества были образованы по личной инициативе саратовского губернатора. В таких случаях он занимался поиском заинтересованных лиц среди администрации, городского и земского самоуправления, а также стремился обеспе-

чить поддержку на государственном уровне. Так, Галкин-Враской добился разрешения Министерства государственных имуществ на проведение в 1874 г. сельскохозяйственных съездов, на которых в качестве председателя утвердил решение о создании сельскохозяйственного общества (открытие состоялось в 1877 г.) [13, с. 71–72]. Еще одна инициатива Галкина-Враского была связана с открытием 11 апреля 1873 г. саратовского отделения Общества подаяния помощи при кораблекрушениях. Губернатор был избран его первым председателем и выдвинул идею устройства зимней спасательной станции на Беклемишевском острове, реализованную в феврале 1875 г. [13, с. 89]. Подобным образом Галкин-Враской действовал в отношении музыкальной сферы: в 1873 г. по инициативе и при поддержке губернатора главная дирекция Императорского Русского музыкального общества (далее – ИРМО) разрешила открытие в Саратове своего отделения и музыкальных классов [13, с. 187]. Губернатор также восстановил деятельность созданного в 1860 г. Саратовского дамского попечительства о бедных. На общем собрании членов 11 декабря 1893 г. было отмечено, что в 1870-е гг. «...совершенно почти прекратившееся существование дамского попечительства было вновь призвано к активной деятельности и вследствие стараний М.Н. Галкина-Враского был собран и состав комитета, и капитал, необходимые для поддержания как убожища Св. Хрисанфа, так равно и самого попечительства...» [9, л. 7 об.].

Помимо реализации собственных предложений Галкин-Враской также поддерживал инициативы представителей местного общества по созданию организаций и участвовал в их работе в качестве активного члена. 25 марта 1878 г. группа лиц, состоявшая в том числе из городского головы Вольска и руководителей местных учебных заведений, обратилась к губернатору с просьбой поддержать создание общества помощи детям, не имевшим средств для получения образования [4, л. 2–3]. Передав прошение в МВД, Галкин-Враской высказался за утверждение новой организации ввиду увеличения числа нуждавшихся в поддержке детей после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [4, л. 4]. Общество получило разрешение на открытие 25 сентября 1878 г. и избрало Галкина-Враского своим почетным членом [4, л. 33]. В 1872 г. губернатор стал председателем саратовского отделения Российского общества Красного Креста: за 7 лет на этой должности ему в том числе удалось открыть в Саратове приемный покой для больных и оказать содействие в сборе пожертвований в пользу пострадавших от неурожая жителей губернии, получив высочайшую благодарность императрицы [5, л. 65; 13, с. 252, 254].

Важно отметить, что даже во время отсутствия в губернии Галкин-Враской активно интересовался ходом дел в общественных организа-

циях и заведениях, созданных при его участии. Об этом свидетельствует письмо правителя канцелярии Титова, написанное в октябре 1873 г. губернатору во время его поездки в Париж. После перечисления изменений в личном составе губернской администрации Титов сообщил о текущей деятельности детского приюта, приемного покоя, саратовского отделения ИРМО и общества подаяния помощи при кораблекрушениях [7, л. 4 об.–8].

23 апреля 1879 г. Галкин-Враской получил назначение на должность начальника Главного тюремного управления и переехал в столицу [13, с. 104]. За достаточно продолжительный период службы в Саратовской губернии чиновнику удалось внести существенный вклад в развитие социокультурной сферы, однако потеря такого активного деятеля могла негативно отразиться на дальнейшей судьбе различных организаций и проектов. Перевод по службе губернаторов между губерниями и регионами был частым явлением, следствием которого обычно становилось прекращение их участия в общественной жизни оставляемой территории. Галкин-Враской представлял исключение – после переезда в столицу он сохранил связь с саратовской общественностью и нередко оказывал помощь в реализации различных социокультурных инициатив. Так, по просьбе профессора живописи А.П. Боголюбова Галкин-Враской провел успешные переговоры с Саратовской городской думой и архитектором о создании музея им. А.Н. Радищева (открытие состоялось в 1885 г.) [13, с. 170, 173]. При его участии в 1886 г. учрежден Саратовский епархиальный духовно-просветительный союз [8, л. 53]. В 1897 г. Саратовская городская дума постановила выразить благодарность Галкину-Враскому за содействие в открытии второй мужской гимназии в Саратове [8, л. 14].

Определенные негативные тенденции все же прослеживались после отъезда Галкина-Враского. Так, газета «Саратовский дневник» за 31 июля 1887 г. отмечала, что после ухода чиновника с поста губернатора приют его имени ощутил отток средств, инертность местного общества мешала дальнейшему развитию этого учреждения [13, с. 84]. Известный саратовский общественный деятель И.Я. Славин писал, что с переводом Галкина-Враского начался упадок Саратовского отделения ИРМО, который в 1883 г. почти привел к его закрытию [13, с. 187]. В то же время Галкин-Враской в течение многих лет оставался уполномоченным саратовского отделения в главной дирекции ИРМО и сыграл ключевую роль в осуществлении проекта преобразования музыкальных классов в училище с ежегодной субсидией от правительства [13, с. 188–189].

Подводя итоги, необходимо отметить, что Галкин-Враской внес существенный вклад в развитие социокультурной сферы в Саратовской губернии. За менее чем десятилетний период службы он установил постоянное

взаимодействие с земским и городским самоуправлением, способствовал появлению новых и активизации деятельности существовавших общественных организаций. В рамках различных общественно-культурных мероприятий он брал на себя роли инициатора, руководителя, ходатая, активного участника. Его деятельность доказывала, что губернатор как представитель социально-профессиональной группы чиновничества мог стать лидером местного общества и обеспечить его эффективное сотрудничество с государством в социокультурной сфере. Это требовало личной заинтересованности в предмете деятельности, гибкости в выстраивании отношений с различными социальными группами, а также поддержки инициатив и обеспечения равноправного участия в их реализации представителей органов самоуправления и общественности. Такой подход позволял снизить негативные последствия для динамики развития социокультурной сферы в случае прекращения участия чиновника в жизни местного общества.

Список источников и литературы

1. *Богатырева О.Н.* Губернская администрация и земское самоуправление. Вторая половина XIX – начало XX века // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 99–112.
2. *Герасимова Г.И.* Связи с общественностью как социальный механизм взаимодействия власти и общества // Власть. 2008. № 9. С. 33–36.
3. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2338.
4. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2750.
5. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 2.
6. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 7.
7. ГАСО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 512.
8. ГАСО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 601.
9. ГАСО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 629.
10. *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М.: Наука, 2003. 517 с.
11. *Горячев М.Д.* Просветительская и благотворительная деятельность земских учреждений в России: (по материалам Самарского земства). Самара: Самар-ун-т, 2001. 179 с.
12. *Дегальцева Е.А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. 288 с.
13. *Зубов С.В.* Михаил Николаевич Галкин-Враской: государственная и общественная деятельность. Саратов: КУбиК, 2017. 318 с.
14. *Косихина И.Г.* Благотворительность российских общественных организаций в конце XIX – начале XX вв.: (на примере общественно-культурных организаций Курской губернии) // Благотворительность в России: социальные и исторические исследования. СПб.: Лики России, 2001. С. 324–331.
15. *Любичанковский С.В.* Губернское правление и губернатор: механизм совместного функционирования (1892–1917 гг.) // Вестник ОГУ. 2006. № 1. С. 47–52.

16. *Лямин С.К.* Благотворительные учреждения и благотворительная деятельность в городах Центрально-Черноземного региона в конце XIX – начале XX в. // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 280–292.

17. *Мерзлякова Е.А.* Общественно-политическая жизнь в Саратовской губернии в 1861–1905 годы: особенности развития: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2016. 24 с.

18. *Михайлова О.А.* Саратовская губернская администрация и развитие социальной сферы губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. Саратов: Научная книга, 2010. 211 с.

19. *Невоструев Н.А.* Образование и развитие элементов российского гражданского общества на Урале во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2006. 51 с.

20. *Ремнев А.В.* «Власть канцелярии» и «искусство редактирования» в имперской России XIX – начала XX века // Социальная история 2010: Ежегодник. СПб.: Алетей, 2011. С. 160–188.

21. *Роббинс Р.* Сатрапы? Вице-короли? Губернаторы // Родина. 1995. № 6. С. 28–30.

22. Самоорганизация Российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М.: РОССПЭН, 2011. 887 с.

23. *Чевтаева Н.Г.* Корпоративность социально-профессиональной группы российского чиновничества: социологический анализ. Екатеринбург: Уральская акад. гос. службы, 2006. 311 с.

24. *Чвикалов А.И.* Учреждения общественного самоуправления (земское и городское) в губерниях Центрального Черноземья России во второй половине XIX – начале XX в.: организационный и социальный аспекты: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2017. 38 с.

УДК 341.362.12

*В.А. Болтрукевич*¹

Полемика среди представителей военно-морских кругов России о возможности восстановления каперства как средства войны на море (конец 1870-х гг.)

Аннотация. На протяжении долгого времени проблема морского соперничества с Великобританией являлась одной из актуальных тем, интересующих военно-морское профессиональное сообщество Российской Империи. С точки зрения его представителей, главным инструментом, позволяющим противодействовать английской угрозе, являлась «крейсерская война». В связи с этим каждый конфликт между обеими державами немедленно порождал волну интереса в военно-морских кругах России к проблемам войны на море. Одна из самых напряженных кризисных ситуаций в русско-английских отношениях связана с Восточным кризисом 1875–1878 гг. В числе прочих тем, активно обсуждавшихся среди представителей военно-морского сообщества нашей страны в этот период, была проблема отмены Парижской морской декларации 1856 г., запрещавшей ведение каперской войны. В статье рассматривается, как несколько представителей военно-морских кругов России видели решение дилеммы, восстанавливать каперство или нет.

Ключевые слова: Парижская морская декларация 1856 г.; каперство и его отмена; граф П.И. Кутайсов; К.А. Скальковский; профессор морского права В.П. Даневский.

Controversy among representatives of the Russian naval circles in the late 1870s about the possibility of restoring privateering as an effective means of war at sea

Abstract. For a long time, the problem of naval rivalry with Great Britain has been one of the topical topics of interest to the naval professional community of the Russian Empire. From the point of view of its representatives, the main tool for countering the British threat was the “cruiser war”. In this regard, every conflict between the two powers immediately generated a wave of interest in Russian naval circles to the problems of the war at sea. One of the most intense crisis situations in Russian-English relations is connected with the Eastern Crisis of 1875–1878. Among other topics that were actively discussed among the representatives of the naval community of our country during this period was the problem of the

¹ **Василий Анатольевич Болтрукевич** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: tikuma@mail.ru.

Vasily A. Boltrukevich – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Centre of Military History of Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

cancellation of the Paris Naval Declaration of 1856, which prohibited the conduct of a privateer war. The article examines how several representatives of the Russian naval circles saw the solution to the dilemma of restoring privateering or not.

Keywords: Paris Maritime Declaration of 1856; privateering and its abolition; Count P.I. Kutaisov; K.A. Skalkovsky; Professor of Maritime Law V.P. Danevsky.

В военно-морской истории вторая половина XIX столетия представляет собой сложный и противоречивый период. Изменения, которые происходили в это время, многие из современников совершенно справедливо называли революционными. Достаточно указать на то, что они имели своим следствием начало новой эры военно-морской истории – эпохи парового и броненосного флота, ознаменовавшейся появлением совершенно новых типов боевых кораблей, прежде всего броненосца и носителя минного оружия. Одновременно помимо грандиозных процессов, происходивших в военно-морском деле и затрагивавших все державы, мало-мальски заинтересованные в усилении военно-морских сил, происходили события на первый взгляд менее значимые, но столь же важные для развития морской силы. Одной из локальных проблем, занимавших умы многих представителей военно-морских кругов России, являлась отмена каперства в 1856 г. Оценка того, как военно-морское сообщество восприняло это изменение в методах ведения войны на море, является целью настоящей статьи.

Под термином «каперство» (от голландского *kapen* – разбойничать на море) понимали «в военное время... – преследование и захват судами, принадлежавшими частным лицам, коммерческих неприятельских судов или судов нейтральных стран, занимавшихся перевозкой грузов в пользу воюющей страны», или «в широком смысле – морской разбой» [10, с. 301]. Такой способ ведения войны появился достаточно давно. По одной версии, каперство получило официальный статус еще в XI в., когда в ряде государств были приняты законы, разрешавшие выдачу особых каперских свидетельств [7, с. 90]; по другой – впервые наличие «комиссии и патента» для ведения каперских действий предусматривалось в регламенте, изданном французским королем Карлом VI в 1400 г. [4, с. 13]. Широкое распространение каперство получило «в эпоху меркантильных войн XVII и XVIII столетий» [6, с. IV]. С конца XVIII в. многие государства предпринимали попытки либо полностью взять под контроль каперство, либо как-то его ограничить. Венцом этих стремлений стала морская декларация, подписанная рядом морских держав 16 апреля 1856 г. в Париже. Ее составители преследовали цель добиться урегулирования одного из важнейших вопросов морского права – отношение воюющих сторон к частной собственности на море. В первом параграфе Декларации указывалось: «каперство есть и остается уничтоженным» [3, с. 53]. Отныне частные владельцы

лишались возможности, получив официальное разрешение правительства воюющей державы, вооружать свои суда и действовать против морской торговли противника.

Подобный поворот событий вызвал одобрение среди широких общественных слоев России. Как писал Д.И. Каченовский, «существование такого всеобщего беспокойства на счет каперов очень естественно и понятно: морская война редко сосредотачивается на известном пространстве вод; она обыкновенно охватывает открытый океан, пересекает всемирные торговые дороги, препятствует международным сношениям» [6, с. V]. Отмену каперства многие восприняли как одну из «весьма важных реформ относительно прав нейтральных государств» [5, с. 7], полагая, что Парижская декларация 1856 г. символизирует собой рубеж в истории международного права: «этот важный международный акт начинает собой *третью* новейшую эпоху развития нейтралитета, эпоху в который начало *борьбы интeресов* заметно уступило началу *международного правового общения*. Окончательное торжество последнего, исключительное господство его в жизни международного союза и в науке международного права – *pia desideria*¹, более или менее отдаленного будущего» [2, с. 3]².

Существовала и иная точка зрения – подписание Декларации и отказ от ведения каперской войны стратегически невыгодны для России. Поиски путей обхода этих ограничений обсуждались среди определенной части военно-морских кругов, и, как правило, всплеск интереса к проблемам морского права совпадал по времени с очередным русско-английским конфликтом. Как отметил один из современников, еще задолго до Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в обществе «начали заниматься обсуждением различных вопросов, предусмотренных, или упущенных декларацией 1856 г.: заговорили о каперстве, появился проект Добровольного флота³; рассуждали, часто вкривь и вкось о военной контрабанде, блокаде, осмотре. Возможность морской войны с нашей соперницей (Англией) подняла даже вопрос о том действительно ли и обязательна ли парижская морская декларация, не отказалась-ли Англия от соблюдения ее начал?» [2, с. IV].

Общее настроение этой части военно-морского профессионального сообщества России хорошо передает следующая цитата: «У нашей дипломатии есть постоянно в запасе отличное средство умерить жар английского правительства в его заносчивых требованиях относительно России и на-

¹ Латинское выражение, означающее благие пожелания или намерения далекие от реальности.

² Здесь и далее курсив принадлежит авторам источников.

³ Добровольный флот – парходство, созданное в России в 1878 г. на народные пожертвования с целью развития отечественного торгового мореплавания и создания резерва военного флота.

добно только удивляться, что дипломатия не воспользовалась до сих пор этим средством». Этим средством являлся отказ от соблюдения норм войны на море, содержащихся в тексте Парижской декларации 1856 г. [8, с. 101].

Одним из тех, кто разделял подобные взгляды, являлся генерал от инфантерии, граф П.И. Кутайсов, перу которого принадлежит записка «Соображения в преддверии войны с Англией». Она появилась в разгар Восточного кризиса 1875–1877 гг., совпавшего по времени с очередным обострением русско-английских отношений. По мнению Кутайсова, первым практическим применением новых норм войны на море, введенных Декларацией, неминусом должна стать русско-английская война, вызванная осложнениями из-за событий на Балканах. Принятие этого международного акта имело следствием два значительных изменения в правилах ведения войны: 1) «признание неприкосновенным груза противника под нейтральным флагом или отказ от просмотра нейтральных судов»; 2) «отмена каперских свидетельств» [1, л. 11]. Первое имело лишь некоторую выгоду для Британской империи, поскольку освобождало ее «от неприятных столкновений с нейтралами», что же касается второго пункта, то он был выгоден исключительно англичанам, и это было связано с тем, что «для России при сравнительно незначительности ее торгового флота и неимения отдаленных колоний, капера вовсе не страшны. Для Англии наоборот: десяток самых смелых каперов очень скоро убедили бы ее, что и она уязвима» [1, л. 11–11 об.]. Кроме того, Лондон привык решать международные проблемы не только с помощью морской блокады, но и силовым методом: бомбардировками беззащитных приморских городов и т.п. Как полагал Кутайсов, «эту грубую, не признающую никаких принципов силу», можно было обуздать естественным образом – с помощью выдачи каперских свидетельств. Но Россия, находясь в числе стран, признавших отмену каперства, оказалась связанной определенными обязательствами и не могла использовать этот столь выгодный в вооруженном противостоянии с Англией инструмент. При этом Кутайсов считал, что у России были все возможности отказаться от соблюдения навязанного ей крайне невыгодного соглашения. И для этого были все основания.

Прежде всего, Кутайсов указывал, что Декларация «не есть обязательство и не имеет силу конвенции. Обязательства на случай войны, тогда только могут иметь силу, когда удобство или неудобство их обоюдны для воюющих, как например: Женевская¹ и Петербургская² конвенции, преследующие филантропические цели». Поскольку США и некоторые другие

¹ Речь идет о Женевской конвенции 1864 г. «Об улучшении участи больных и раненых в действующих армиях».

² Скорее всего, имеется в виду Петербургская декларация 1868 г. «Об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль».

страны не подписали этот международный документ, он стал «праздным словом и только декларацией, а не общеобязательной конвенцией». Кроме того, Декларация являлась «частью Парижского трактата, который подобно всем трактатам, имеет силу от войны до войны» [1, л. 11–12].

Кутайсов видел и другие причины для отказа от соблюдения навязанных России норм морской войны. В основе Парижской декларации стояли два главных постулата. Первый гласил, что «частная собственность неприятельских подданных уважается на сухом пути, поэтому справедливо, чтобы такое же уважение господствовало и на море»; второй – «законы человеческие не допускают разграбления во время войны имущества частных людей, занятых мирными работами» [1, л. 12–12 об.]. Оба этих тезиса Кутайсов называл «изначально ложными», поскольку частная собственность при ведении боевых действий на суше не уважается: «Строения, дома истребляются, занимаются военным постоем, а если возвращаются в руки беззащитных владельцев, то в состоянии полного разорения; с граждан берется выкуп, налагаются на побежденных военные контрибуции, даже конфискуются недвижимые собственности». Ближайший пример таковых действий англичан дала Крымская война, в ходе которой они «бомбардировали и истребляли дома мирных жителей». Однако, как отметил Кутайсов, «за такие действия нельзя серьезно обвинять ни одного из воюющих, и не один из международных законов не возлагает на него долга уважать частную собственность неприятельских подданных». Это связано с «право[м] войны вредить противнику всеми средствами. Во время войны вообще выгода воюющего есть единственный закон для его поведения» [1, л. 12 об.]. Однако, если в случае ведения боевых действий на суше имеется теоретическая возможность соблюдать принцип неприкосновенности частной собственности, то «к морской [войне] он во всяком случае не может быть применим. Земля по свойствам своим способна выносить иго человека, вся земная поверхность населена народами, ею владеют различные нации. Вследствие этого она подвержена жребию войны, а, следовательно, покорению, потому что покорение есть наиболее действительное средство вредить неприятелю, отнимая у побежденного ресурсы необходимые для продолжения войны», а море – «вполне свободно и принадлежит всему человечеству». Более того, морские сражения ведутся не для того, чтобы «завладеть местом, но чтобы отнять собственность неприятеля – самые суда» [1, л. 12 об.–13].

Кутайсов полагал, что принцип соблюдения неприкосновенности частной собственности на море не согласуется с «законами человеколюбия» и совершенно противоположен «этим здравопонятым законам». В своих рассуждениях он исходил из того, что «война ужасна не по числу

людей, гибнущих под непосредственными ударами неприятеля, но в особенности по своим последствиям». Болезни и другие лишения «делают гораздо больше жертв, чем огонь и железо... Отсутствие торговли, застой дел, огнятые от обработки земли руки, увеличение налогов и весьма часто вторжение» – эти последствия постигают всех граждан, и «чем длиннее война, тем они сильнее» [1, л. 13–13 об.]. Естественным средством прекратить бедствия являлось сокращение войны, а достигнуть этого можно только с помощью дальнейшего ужесточения боевых действий: «Война должна внушать народам ужасы, чтобы отвратить их от пустых ссор, сделать их более воздержанными в требованиях и заставить их избегать разрывов». Отсюда и требования, декларируемые Кутайсовым: «необходимо, чтобы воюющие могли пользоваться всеми способами вредить друг другу, и тем скорее заставить одного из двух просить мира». Энергичная война «требует меньше жертв» и средства, которые существуют к ее сокращению, «суть единственные могущие быть признанными согласными с законами человеколюбия». Один из способов добиться этого – захват частной собственности на море. Раз морская торговля – это «источник богатства, а, следовательно, и силы», то естественным образом потеря его или хотя бы существенное ограничение способствовали бы скорейшему завершению войны [1, л. 13 об.–14].

Подводя итог анализу Парижской морской декларации, Кутайсов констатировал, что она «противна наиболее священным правилам нравственности». Принятие этого документа обеспечивало «безнаказанность некоторых народов, и внутри воюющего государства создаст класс людей, стоящих вне общих бедствий и пользующихся для своего обогащения несчастиями тяготеющими над согражданами... Парижская декларация не имеет никакого прогрессивного или человеколюбивого значения, а представляет постановление в высшей степени несправедливое и исключительно усиливающее сильного за счет слабого» [1, л. 14–14 об.].

Кутайсов не был одинок в своей критике принципов войны на море. Многие представители военно-морского профессионального сообщества России также разделяли его отношение к запрещению каперства. Одним из них являлся российский публицист К.А. Скальковский, неоднократно излагавший свои мысли по этому вопросу в прессе (например, в 1876–1878 гг. и в 1885 г. в газете «Новое время»). Напомним, что на эти годы пришлись крупные кризисы в русско-английских отношениях, когда подобные идеи «имели живой интерес» [8, с. 101].

По мнению Скальковского, Парижская декларация на протяжении тридцати лет «оставалась почти мертвой буквой». Ее нарушали даже такие слабые страны, как Османская империя. Ряд морских держав, прежде всего Испания и США, так и не подписали ее. Вашингтон мотивировал свое

поведение следующим: недостаточно «неприкосновенности частной собственности на море», если быть логичным необходимо ввести запрет и на морскую блокаду во время войны торговых портов, «а это очевидно невозможно» [8, с. 101]. Публицист обращал внимание на термин «декларация», использованный в названии документа, означавший «только заявление тех принципов, которыми намерены руководиться известные государства в своих действиях». Декларация «не есть договор, она связывает каждое государство только до момента, когда заявляется, что держаться этой декларации государство больше не намерено» [8, с. 103].

Оба новых принципа морского права, введенные в 1856 г. («неприкосновенность частной собственности на море» и «свобода [морской] торговли»), по мнению Скальковского, «есть вовсе не научный принцип, а английский подвох, с которым Англия, при помощи различных ученых давно морочит публику» [8, с. 101]. Соглашаясь с Кутайсовым, он считал эти нормы не соответствующими реальной жизни и писал, что в политике «сентиментальность равносильна глупости, и государство, которое объявило бы войну и не стремилось вредить как можно сильнее своему врагу, в сущности вредило бы только своим подданным, затягивая без нужды военное положение. Нельзя оправдывать всякие средства для ведения войны, бесполезные жестокости, но захват частной собственности на море еще не признается нигде, кроме как в головах утопистов и теоретиков, безнравственным. Он также безнравственен, как контрибуция, налагаемая во время войны» [9, с. 310]. Как полагал Скальковский, Парижская декларация, «как будто бы нарочно сочинена для Англии». Она и была ею придумана после Крымской войны. Эту инициативу поддержал Наполеон III, несмотря на протесты французских специалистов по морскому праву. Не протестовали Австрия и Пруссия, поскольку тогда не интересовались морскими делами. Россия и Османская империя хотели скорее заключить мир [8, с. 102].

Скальковский также задавался вопросом, как Россия могла бы обойти нормы ведения войны на море, зафиксированные в Парижской декларации. Апеллируя к опыту Германии, где после Франко-прусской войны 1870–1871 гг. появился так называемый волонтерный флот, он рассуждал о перспективах Добровольного флота и пришел к выводу, что с помощью этого пароходства «обходится, хотя и довольно неудачно, лишь одна статья Парижской декларации», которая касается вооружения корсаров. «Для нас же, – писал Скальковский, – на случай морской войны, важна не только свобода снаряжать наибольшее число крейсеров для захвата английских судов и грузов, но и отмена признания, что нейтральный флаг покрывает от захвата на море английскую собственность. Только в таком случае русские крейсера и добровольцы принесут пользу, и английская торговля запрещит

на всех концах мира, а мы будем в силах отомстить Англии за измор, к которому она приведет экономически Россию блокадой портов Балтийского и Черного морей» [8, с. 102–103]. По мнению Скальковского, для отказа от соблюдения навязанных норм ведения войны Российской империи достаточно было прибегнуть к «простой нотификации».

Он понимал, что многие противники каперства отнесутся отрицательно к любым попыткам возобновить этот «варварский обычай войны»: те профессора морского права, которые «моря в глаза не видели», хоть и написали тома о морском праве, «завопили бы благим матом о неуважении к науке, но неужели подобные выходки могут хоть на минуту стеснять наших дипломатов, если речь идет о священнейших интересах Отечества» [8, с. 103].

В качестве примера противоположной точки зрения на Парижскую декларацию можно привести позицию профессора В.П. Даневского. Он полагал, что Парижский договор «временный, уродливый акт, уничтоженный непреодолимым ходом исторических событий, закончившихся Сан-Стефанским и Берлинским договорами. Цель трактата 30 марта¹ – ослабить Россию и вынудить ее если не к отречению, то к замедлению хода ее по пути естественного исторического предназначения своего на Востоке... Это было неестественно, невозможно, недостижимо: трактат 30 марта перестал существовать...». Другое дело – Парижская морская декларация. Ее связь с невыгодным для России мирным договором чисто случайная. Декларация – «бесспорно благодеяние для человечества, ибо не может не быть благодеянием то, что удовлетворяет материальной стороне цивилизации девятнадцатого века, т.е. дает нейтральное право на беспрепятственное продолжение своих торговых сношений с воюющими при условии соблюдения обязанностей нейтралитета» [2, с. 291–292].

Даневский полагал, что аргументы некоторых представителей российского военно-морского сообщества за отмену Декларации несущественны и сводятся лишь к одному: «как принести Англии возможно больший вред... развязав себе руки и, не стесняясь никакими гуманными началами международного права». Кроме того, Россия подписала Парижскую декларацию «добровольно, без понуждений со стороны союзников». Этот документ лишал права вредить Великобритании с помощью каперов, но существовали и другие способы нанести вред противнику [2, с. 290, 308–309].

Даневский не идеализировал положения Парижской декларации и считал, что документ требовал дополнения (уточнить понятие «военной контрабанды», произвести регламентацию так называемого права осмотра и т.д.). Кроме того, он не исключал возможности отказа от выполнения обя-

¹ Здесь имеется в виду Парижский мирный договор, подписанный 30 марта 1856 г.

зательств при определенных обстоятельствах (в особенности, если речь шла об угрозе существованию России и лишении ее возможности самообороны или нападения на врага) [2, с. 310].

Подводя итоги, отметим, что военно-морское профессиональное общество Российской империи неоднозначно оценивало отмену каперства, зафиксированную в Парижской морской декларации 1856 г. Каждый всплеск интереса к этой проблеме приходился на периоды обострения русско-английских отношений. Отдельные представители военно-морских кругов считали, что России не следовало подписывать Декларацию, поскольку ее положения изначально ложны и декларируют неправильные принципы морской войны. В свою очередь, сторонники соблюдения норм, предложенных Парижской декларацией, полагали, что они согласуются с гуманными началами международного права, хотя и признавали несовершенство Декларации, и считали, что при определенных обстоятельствах Россия вправе отказаться от обязательств.

Исторический опыт показал, что хотя каперство так и не было восстановлено в прежнем виде, нормы войны на море, содержащиеся в Парижской декларации, так и канули в лету, столкнувшись с жесткой реальностью мировых войн.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 677. Оп. 1. Д. 365.
2. *Даневский В.П.* Исторический очерк нейтралитета и критика парижской морской декларации 16-го Апреля 1856 года. М.: тип. К. Индриха, 1879. 466 с.
3. Декларация о морской войне, подписанная в Париже 4 (16) апреля 1856 г. // Числов П.И. Современное право войны. Пособие к лекциям в военных училищах. М.: URSS, Ленанд, 2018. Прил. III. С. 52–53.
4. *Заремба М.* Историческое развитие понятия о военной контрабанде. СПб.: тип. Эдуарда Праца, 1849. 63 с.
5. *Кантакузин М.Р.* Опыт определения понятия военной контрабанды. Одесса: тип. Ульриха и Шульце, 1875. 141 с.
6. *Каченовский Д.* О каперах и призовом судопроизводстве в отношении к нейтральной торговле. М.: тип. В. Готье, 1855. 177 с.
7. *Сидорченко В.Ф.* Морские пираты: от Средневековья к современности. СПб.: изд-во СПбГУ, 2016. 264 с.
8. *Скальковский К.А.* Внешняя политика России и положении иностранных держав. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1897. 560 с.
9. *Скальковский К.А.* К вопросу о каперах и частной собственности на море // Скальковский К.А. Новая книга. Публицистика, экономические вопросы, путевые впечатления. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1904. С. 308–318.
10. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лепехина, Ф.Н. Петрова. М.: ГИС, 1955. 856 с.

УДК 359.81

С. С. Сингх¹

Участие судового священника в обучении нижних чинов флота грамоте в конце XIX в. в восприятии иерея И. Дьяконова

Аннотация. Статья посвящена малоизвестному аспекту служения флотского духовенства, связанного с обучением матросов грамоте. Эта деятельность, в отличие от основной – совершение богослужений, никак не фигурировала в официальных документах, и поэтому о ней сохранились лишь косвенные упоминания. В центре повествования – обучение грамоте моряков и то место, которое мог занимать судовый священник в образовательном процессе. Также в статье уделено внимание переписке моряков и участию в ней священника, поскольку именно в этом контексте матросы чаще всего применяли навыки чтения и письма.

Ключевые слова: судовый священник; морское духовенство; флотские священнослужители; обучение грамоте матросов Российского императорского флота; переписка нижних чинов.

The participation of the navy chaplain in teaching the sailor of the navy to literacy at the end of the 19th century in the perception of priest I. Dyakonov

Abstract. The article is devoted to a little-known aspect of the ministry of the naval clergy associated with participation of navy chaplain in teaching sailors literacy. This activity, in contrast to the main one – the performance of divine services, did not appear in official documents in any way, and therefore only indirect mentions of it survived. At the center of the story is teaching sailors literacy and the place that a navy chaplain could have in the educational process. The article also pays attention to the correspondence of sailors and the participation of a chaplain in it, since it was in this context that sailors most often used the skills of reading and writing.

Keywords: navy chaplain; navy clergy; naval chaplains; literacy training for sailors of the Russian Imperial Navy; sailor correspondence.

В конце XIX в. Российский императорский флот активно пополнялся новыми кораблями. На корабли 1-го ранга, отдельные корабли 2-го ранга, яхты и учебные суда назначались судовые священники. Основной целью на-

¹ Сюзонт Сукхдевович Сингх – аспирант кафедры Истории России историко-филологического факультета ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет» (Москва, Россия), e-mail: sozont@inbox.ru.

Sozont S. Singh – Postgraduate student, Russian History Sub-Department, History and Philology Faculty, Saint Tikhon's Orthodox University (Russia, Moscow).

хождения клирика на борту корабля было совершение богослужений и треб (богослужений по требованию, таких как, например, молебн и панихида). Кроме своей основной деятельности священнослужитель мог заниматься повышением образовательного, интеллектуального и культурного уровня паствы. Эту деятельность можно условно назвать внебогослужебной работой священника с личным составом. Офицеры получали основательное образование, имели достаточно средств для досуга и просвещения, поэтому внебогослужебная работа духовенства проводилась, в первую очередь, с матросами. Эта работа могла включать создание судовой матросской библиотеки, устройство чтений религиозной, исторической или иной литературы, организацию паломнических поездок, помощь морякам с письмами, обучение грамоте необразованных нижних чинов и т.д.¹ Информация о подобном рода деятельности достаточно редко встречается в источниках; по всей видимости, большинство флотских священнослужителей ограничивалось лишь исполнением богослужебных обязанностей. Однако именно через внебогослужебную работу священник мог сблизиться со своей паствой, помочь ей и завоевать доверие, тем более что после революционных событий 1905–1907 гг. духовенство было вынуждено включиться борьбу с антиправительственной пропагандой, хотя ощутимых успехов их деятельность на этом поприще не принесла. Возможно, причина неудачи состояла в том, что священнослужители не смогли в полной мере реализовать потенциал внебогослужебной работы с моряками.

Участие священнослужителей в обучении матросов грамоте и помощь в переписке на данный момент являются наименее изученными направлениями внебогослужебной работы. О них сохранилось крайне мало сведений. В данной статье будет предпринята попытка показать общую ситуацию, связанную с письмами моряков и их грамотностью, а также место, которое, по мнению одного из судовых священников, стоило бы занять флотскому священнослужителю в образовательном процессе нижних чинов.

Основным источником для настоящего исследования являются воспоминания судового священника броненосца «Император Александр II» И. Дьяконова, опубликованные в 1907 г. в «Вестнике военного духовенства» [4]. Авторство этого документа долгое время не удавалось установить, поскольку в воспоминаниях оно относилось к Г. Дьяконову. Между тем в «Списках священнослужителей, состоящих в ведомстве главного священника гвардии, гренадер, армии и флота», сохранившихся РГИА (ф. 806 «Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовен-

¹ Нижние чины – военнослужащие, не имевшие чина по «Табели о рангах», в число которых входили как унтер-офицеры, кондукторы, боцманы, квартирмейстеры и т.п., так и матросы.

ства)), такой священнослужитель не значится. Однако в письмах, которые мне удалось обнаружить, указано, что священнослужителя зовут Иоанн [12, л. 190, 268–269]. По-видимому, во время публикации воспоминаний произошла ошибка. Священник Архангельской и Холмогорской епархии Иоанн Дьяконов (1866–1920) известен как проповедник, автор многочисленных статей, поучений и бесед. Его воспоминания являются одним из ключевых источников по истории морского духовенства конца XIX в. и содержат подробную информацию о различных аспектах служения на флоте, в том числе и об обучении матросов грамоте.

Дополнительно в качестве источника привлечен рассказ рулевого бронепалубного крейсера «Олег» А.В. Магдалинского (1881–1959) о встрече с А.С. Новиковым-Прибоем [13], который подтолкнул автора заняться литературным творчеством. В рассказе содержится ценная информация об организации переписки матросов на флоте. В ходе исследования также использована статья анонимного судового священника, опубликованная в «Вестнике военного духовенства» в 1904 г. [7]. В ней автор среди прочего охарактеризовал различные аспекты взаимодействия священнослужителя и моряков на корабле. Кроме того, проанализированы отчет иерея Н. Дьякова, исполнявшего в 1899 г. обязанности судового священника на пароходе Добровольного флота «Владимир», в котором содержится информация об этническом составе новобранцев, исторический журнал крейсера «Адмирал Нахимов» за 1893–1894 гг., упоминавший об обучении нижних чинов грамоте [10] и «Отчет Комиссии главного командира Кронштадтского порта об осмотре броненосца “Император Александр II” после плавания 1896–1901 гг.» [8].

Навыки чтения и письма становились актуальными для матросов, намеревавшихся вести переписку. В этой связи необходимо кратко обрисовать ситуацию с письмами на флоте. Они играли большую роль в жизни команды корабля, а получение почты являлось событием, выделявшимся из череды серых будней. Для неграмотных моряков переписка представлялась сложной проблемой. Они были вынуждены обращаться к грамотным с просьбой прочитать или написать за них письмо на родину. На каждом корабле находился один или несколько штатных писарей, к которым обычно и приходили моряки, однако количество писем исчислялось сотнями [13, л. 10]. С таким объемом писарь, как правило, не справлялся. Важно отметить, что заказчикам нередко хотелось отправить домой послание не сухое, короткое и однообразное, а яркое, красивое, с различными описаниями и эпитетами, особенно если адресатами являлись жена или невеста [13, л. 9]. Поэтому в матросской среде почитали грамотных людей, готовых помочь в написании и прочтении писем. Одним из них мог оказаться судовый священник.

Нижние чины гораздо чаще, чем офицеры, видели в священнослужителе пастыря, с которым можно «поговорить по душам», доверить свои скорби, особенно касающиеся «семейных невзгод», которые никому другому не поведаешь из опасений быть поднятым на смех [7, с. 45]. Обращаясь к судовому священнику, моряк мог «рассчитывать на нравственную поддержку и утешение» [7, с. 45]. Священнослужитель мог помочь и в написании или прочтении письма, и постараться разрешить проблемы в личной беседе, и утешить в случае трагических вестей (нередко неграмотному моряку, находившемуся в дальнем плавании, писали с целью передать весть о смерти родственника).

Кроме традиционных личных писем моряки могли отправлять послания монастырям. На броненосце «Александр II» нижние чины вели активную переписку с обителями на Афоне и в Иерусалиме, а также с Ново-Афонским монастырем. Они регулярно посылали туда пожертвования и в ответ получали не только письма, но и иконы, и книги [4, с. 600]. Как отмечал судовой священник броненосца Дьяконов, после того как из Нового Афона пришли благословения, иконы и книги, матросы отправили туда новые пожертвования. С иерусалимскими и афонскими монастырями дело обстояло иначе: ввиду того, что в ответ ничего не передавали, «посылка пожертвований туда прекратилась сразу» [4, с. 600]. Очевидно, матросы не только желали сделать пожертвование, но и ожидали получить что-то взамен, а клирик становился посредником между матросами и монастырем [14, р. 554].

Судовой священник броненосца «Император Александр II» привел пример того, как подобная переписка могла стать стимулом для освоения грамоты: «Один матрос, тронутый благословением обители, пожелал сам прочитать присланные листки и для этого принялся усердно за грамоту; и тогда как прежде за 2,5 года службы он никак не мог постигнуть грамоты, теперь он быстро ее одолел, сам уже выписал новых книг и все не нарадовался, что Бог вразумил его чрез св. обитель и что теперь придет он в деревню грамотеем» [4, с. 600]. В данном случае матрос, вероятно, сам смог овладеть грамотой при помощи своих товарищей.

В целом обучение грамоте и какой-либо морской специальности предполагалось, в первую очередь, в береговом экипаже [1]. В конце 1850-х – начале 1860-х гг. некоторые младшие офицеры, гардемарины и юнкера организовали в Санкт-Петербурге библиотеку для нижних чинов, главной целью которой стало просвещение моряков, поэтому в ней проходили различные занятия, лекции и обучение грамоте [2]. Вскоре аналогичные библиотеки стали появляться в крупных портовых городах. Инициативу поддержало Морское министерство, выделявшее на эти цели небольшие

средства [5, с. 81,82]. Все это способствовало увеличению числа грамотных моряков: в 1899 г. около половины новобранцев Балтийского флота владели грамотой [3], а в 1913 г. они составляли уже 76 % [6, с. 20]. Остальные нижние чины по тем или иным причинам оставались малограмотными или вовсе неграмотными.

Говоря о грамотности, необходимо учитывать и то, что по «национальному признаку (полностью или частично) освобождались от [военной] службы ряд народностей Сибири, жители Кавказа, Башкирии, Бессарабии, крымские татары, а также армяне и татары Астраханской губернии» [9, с. 19], и далеко не все новобранцы армии и флота владели русским языком. Судовой священник Н. Дьяков в 1899 г. следующим образом описывал ситуацию с армейскими новобранцами, которых перевозили на пароходе Добровольного флота «Владимир»: «Из новобранцев следовало на Восток до 200 евреев и поляков; несколько татар совершенно не понимали по-русски, так и несколько же лютеран. Большинство новобранцев состояло из малороссов, тоже не много понимавших по-русски» [11, л. 3 об.]. Таким образом, нередко надо было не только учить военнослужащего читать и писать по-русски, но и говорить на понятном для всех языке. Ситуация с матросами обстояла несколько лучше, так как на кораблях появлялось все больше сложного технического оборудования, но, тем не менее, и на флоте присутствовало немало новобранцев, не владевших в достаточной мере русским языком.

Если судовое начальство заботилось об уровне образования моряков, то во время плавания организовывались соответствующие занятия [10, л. 72 об.]. Однако ввиду ограниченных временных рамок корабельного распорядка, особенно во время дальних походов, они проходили не регулярно. Иерей Иоанн описал такое занятие на броненосце «Император Александр II»: «батареинная палуба корабля превращается в громадный класс, где несколько десятков человек под руководством офицеров и грамотных своих товарищей бьются над азбукой» [4, с. 608]. По мнению священника, «не быть там [во время обучения. – С.С.] батюшке – по меньшей мере неловко» [4, с. 608]. Клирик относил обучение грамоте нижних чинов к средствам духовного влияния на паству и считал желательным, чтобы судовой священник принимал «широкое участие в обучении: заведовал бы командной библиотекой, беседовал бы по поводу прочитанных книг и т.п.» [4, с. 608].

Кроме того, по мнению Дьяконова, священник мог бы взять на себя обучение конкретного матроса или неграмотных одного подразделения. При этом отмечал, что у священнослужителя есть большие возможности для этого: «Участие батюшки при обучении тем более желательно и полез-

но, что он и во всякое свободное время (уроки бывают ведь, сравнительно с настоящей школой, очень редко) может пособить человеку, которому грамота дается особенно туго, но который научиться желает крепко» [4, с. 608]. Хотя участие священника в образовании «желательно и полезно», фактически вся образовательная деятельность священнослужителя осуществлялась «нелегально, частно, “между прочим”» [4, с. 608]. Поскольку «устав-то собственно об этом не говорит, то и деятельность участия в обучении, руководства в чтении книг и т.д. на священника возложена быть не может» [4, с. 608]. Следовательно, данная работа, крайне важная для жизни матросов и влиявшая на «плодотворность пастырского дела», носила неофициальный характер, и священнослужители занимались ею лишь по желанию [4, с. 608].

То внимание, которое уделял Дьяконов обучению грамоте и редкости занятий, неслучайно. Состояние самого корабля и его личного состава в это время известно из «Отчета Комиссии главного командира Кронштадтского порта об осмотре броненосца “Император Александр II” после плавания 1896–1901 гг.» [8]. Согласно данным комиссии, «процент неграмотных и малограмотных на броненосце, вернувшемся из продолжительного заграничного плавания, слишком велик, и вообще видно, что на занятия грамотностью на броненосце не было обращено должного внимания» [8, с. 87]. Возможно, иерей Дьяконов, наблюдая во время плавания за уровнем грамотности команды, захотел исправить сложившуюся ситуацию и принял решение поучаствовать в обучении моряков, что и нашло отражение в его воспоминаниях [4, с. 608].

Поскольку стоянки и прибытие почты были относительно стабильным явлением, у священников имелась возможность для сближения с паствой. Переписка могла подтолкнуть неграмотных или малограмотных матросов к изучению грамоты, а священнослужитель – помочь в этом деле. Более того, судовые священники обладали необходимым для этого свободным временем. Дьяконов показал, что священник органично вписывался в этот своеобразный образовательный процесс, заботясь о пастве. У клирика имелась неофициальная возможность обучать грамоте и индивидуально, и группы нижних чинов. Однако работа с письмами и обучение грамоте не входили в его прямые обязанности – эти направления деятельности не упоминались в Морском уставе, и священнослужители занимались ими исключительно на добровольных началах.

Список источников и литературы

1. *Баяндин В.И.* Обучение нижних чинов специальных частей российской армии и флота во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 31–36.

2. Бочаров А.А. Обучение грамоте матросов русского флота во второй половине XIX века // Елагинские чтения. Вып. 5. СПб.: ООО «ИТД Остров», 2011. С. 122–129.
3. Грибовский В.Ю. Личный состав Российского Флота в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Цусима. URL: http://tsushima.su/RU/libru/i/Page_7/page_18/page_19/page_26/page_26_004/ (дата обращения: 12.01.2020).
4. Дьяконов Г., свящ. Церковно-религиозная жизнь на корабле «Император Александр II» за два года заграничного плавания (1896–97 гг.) // Вестник военного духовенства. 1907. № 17–19. С. 537–541, 568–570, 599–608.
5. Матвеев М.Ю. Научные и специальные библиотеки в Российской империи в 1850–1860-х гг. // Вестник СПбГУК. 2013. № 1 (14). С. 75–88.
6. Назаренко К.Б. Балтийский флот в революции 1917–1918 гг. М.: ЭКСМО, 2017. 448 с.
7. О пастырском служении в русском военном флоте // Вестник военного духовенства. 1905. № 1–2. С. 11–18, 41–51.
8. Отчет комиссии главного командира Кронштадтского порта об осмотре броненосца «Император Александр II» после плавания 1896–1901 гг. // Арбузов В.В. Броненосец «Император Александр II». СПб.: Издание альманаха «Корабли и сражение», 1997. С. 84–87.
9. Подлесных А.Р. Матросский состав российского Императорского флота в XVIII – второй половине XIX вв. // Берегиня. 777. Сова. 2011. № 2 (9). С. 15–23.
10. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 870. Оп. 1. Д. 17523А.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 806. Оп. 4. Д. 2183.
12. РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 1965.
13. Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. 500. Оп. 4. Д. 56.
14. Singh S.S. The Role of Chaplains in Sailor Correspondence of the Russian Fleet at the turn of the 19th and 20th Centuries // Forces Postal History Society Journal. 2021. No 328. P. 552–557.

УДК 271.2(470.324)

*С.А. Иконников*¹

Характерные недостатки синодальной системы управления Церковью (на материалах центрально-черноземных губерний России второй половины XIX – начала XX в.)

Аннотация. Созданная императором Петром I синодальная система управления официально была призвана упорядочить организацию приходской жизни, улучшить уровень материального обеспечения духовенства, возвысить роль приходских клириков в жизни российского общества. На практике создание духовной коллегии привело к подчинению Церкви государству. Коронная администрация стала контролировать практически все стороны жизни духовного сословия. В результате сложилась своеобразная система отношений между клириками и властью, неоднократно подвергавшаяся критике со стороны духовных лиц. В статье на основе архивных и опубликованных источников рассматриваются наиболее характерные недостатки механизма управления ведомством православного исповедания во второй половине XIX – начале XX в. Автор приходит к выводу о том, что предпринятая государством попытка подчинить Церковь стала одной из главных причин глубокого кризиса духовного сословия.

Ключевые слова: Российская империя; Православная Российская Церковь; Святейший Синод; приходское духовенство; губернии Центрального Черноземья.

Disadvantages of the Synodal system of Church governance (on the example of the parish clergy of the Central Black Earth provinces of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries)

Abstract. The synodal system created by Emperor Peter the Great was officially designed to regulate the parish life, improve the welfare of priests and deacons and raise the role of parish clergy in Russian society. In practice, the establishment of a spiritual college subordinated the Church to the state. The authorities began to control almost all aspects of a clergy's life. As a result, a special relationship developed between the clergy and the authorities, which was repeatedly criticized

¹ **Сергей Анатольевич Иконников** – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, гражданского и уголовного права ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I» (Воронеж, Россия), e-mail: ikonnikovsergey88@mail.ru.

Sergey A. Ikonnikov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of humanitarian disciplines, civil and criminal law, Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great (Voronezh, Russia).

by clerics. Based on archival and published sources, the article examines the most significant shortcomings of the management mechanism of the Russian Orthodox Church in the second half of the 19th – early 20th centuries. The author concludes that the attempt of the state to subordinate the Church was one of the main reasons for the deep crisis of the parish clergy.

Keywords: Russian Empire; Russian Orthodox Church; Holy Synod; parish clergy; provinces of the Central Black Earth.

В 2021 г. исполнилось 300-летие с момента учреждения императором Петром I Святейшего Правительствующего Синода – органа власти, положившего начало целой эпохе в истории русского православия. Церковная общественность и ученые, интересующиеся религиозным прошлым страны, активно участвуют в обсуждении вопросов, связанных с обстоятельствами создания духовной коллегии и ее дальнейшего влияния на положение дел в ведомстве православного исповедания. Это неудивительно, ведь Синод хотя и в совершенно ином, отличном от первоначального, виде продолжает существовать до сих пор, являясь одним из основных органов управления современной Русской Церковью, а значит, изучение истории складывания синодальной системы не теряет актуальности.

Положение духовенства в Синодальный период неоднократно становилось предметом научных исследований отечественных и зарубежных специалистов. К проблеме обращались такие ученые, как М.А. Бабкин [1], А.Л. Беглов [2], А.В. Мангилева [8], А.Ю. Полунов [9], С.Л. Фирсов [15], В.В. Цысь и О.П. Цысь [16], Григори Фриз [19], Симон Диксон [18], Лори Манчестер [20] и др. Между тем далеко не все аспекты истории Синодального периода получили обстоятельное освещение в современной историографии.

Синодальная система управления Церковью была создана императором Петром I. В ее основу легли идеи, выраженные епископом Феофаном (Пропоковичем) в ключевом документе эпохи – Духовном регламенте. Ранее Церковь управлялась патриархом, как это предписывалось каноническими нормами и древними узаконениями. Однако патриарх сосредотачивал в себе не только духовный, но и социально-политический авторитет. Право печалования предстоятелю было древнейшей традицией на Руси. Между тем Петр I не хотел делить свою власть ни с кем. В высших кругах возникла идея упразднения патриаршества и его замены на специальный коллегиальный орган – Святейший Правительствующий Синод.

Формально идея создания духовной коллегии обосновывалась необходимостью решения проблем, накопившихся в лоне Церкви. Об этом прямо говорилось в Духовном регламенте. Бог вручил власть царю. Последний являлся попечителем не только о делах светских, но и религиозных. Между тем в духовном сословии наблюдались нестроения, низкий уровень

просвещения, коррупция. Один человек, а именно патриарх, не мог, по замыслу архитекторов синодальной системы, справиться со сложившейся ситуацией: «Понеже в единой персоне не без страсти бывает, к тому ж не наследственная власть; того ради вящше небрегут» [7, с. 2]. Казалось бы, благое намерение властей пресечь нестроения внутри Церкви и привести в благообразный вид духовное сословие должно было закончиться успехом. Однако исторические документы говорят об обратном: число проблем не только не сократилось, но и увеличилось.

Синодальный период в истории Русской Церкви длился почти двести лет. За это время в отношениях между Церковью и государством произошли такие перемены, которые позволяют констатировать: духовное сословие потеряло свою былую независимость и превратилось, по сути, в представительство коронной администрации на местах.

Во второй половине XIX – начале XX в. на клириков возлагалось выполнение важнейших социальных задач: просветительская деятельность, народное образование, борьба с религиозными предрассудками и суевериями, идеология, благотворительность, противодействие распространению социальных пороков и многое другое. Государство, в свою очередь, платило Церкви тем, что создавало для ее служителей привилегированные условия служения: духовенство освобождалось от податей, телесных наказаний, дети клириков, желавшие связать свою жизнь со священническим служением, освобождались от воинской службы. Однако анализ исторических источников показывает, что сами духовные лица не считали свое положение таким уж привилегированным и при возможности осуждали сложившуюся систему отношений с царской властью.

Церковь была встроена в государственную систему управления. Поразительно, но даже самого юридического понятия «Церковь» в российском законодательстве не существовало. Вместо этого было предложено использовать термин «Ведомство православного исповедания». Во главе его находился совершенно светский человек – обер-прокурор. Сегодня историки удивляются тому факту, что духовным ведомством в Синодальный период иногда управляли лица, которые не только не были готовы отстаивать интересы духовного сословия, но и совершенно не верили в Бога. Об этом красноречиво высказался на заседании Поместного Собора 1917–1918 гг. архиепископ Димитрий (Абашидзе): «Явилось преемство власти не в рясах, а во фраках и мундирах. Преемство людей неверующих, явных отступников от веры, по рождению и воспитанию не принадлежащих к русскому народу» [5, с. 430].

Еще одной особенностью синодальной системы стал рост бюрократического аппарата на местах. Для управления епархий помимо архиереев, викарных епископов и благочинных использовались так называемые ду-

ховные консистории. Они состояли из чиновников церковного ведомства. Делопроизводство имело значительный документооборот и разделялось по столам. В отчете о состоянии Воронежской епархии за 1909 г. архиепископ Анастасий (Добрадин) отмечал возраставший объем бумажной волокиты. Для решения текущих проблем в епархии назрела необходимость организовать дополнительный пятый стол: «В делопроизводстве подведомой мне духовной консистории с каждым годом значительно увеличивающемся какой-либо особенной медленности в разрешении и исполнении поступающих дел и бумагах мною не замечалось, хотя справедливость требует сказать, что ввиду обширности консисторского делопроизводства является настоятельная необходимость соответственно этому увеличить и наличный состав канцелярии» [11, л. 2 об.].

Создание в епархиях абсолютно светской бюрократической системы привело к росту коррупции и симонии в Церкви. Об этом красноречиво писали современники. Так, протопресвитер Г. Шавельский утверждал, что среди приходских клириков даже ходила своеобразная шутка о духовных консисториях: «Consistoria порочит, diaconorum, djacorum et ponomarorum obderantio est» [17, с. 175].

Секретари духовных консисторий выполняли надзорные функции, являясь, по сути, представителями коронной администрации на местах. Нередко они злоупотребляли своим положением, становясь участниками коррупционных скандалов. В качестве примера можно упомянуть историю с секретарем Воронежской духовной консистории Александром Касаткиным. Последний, как было установлено жандармским управлением, требовал с воспитанников местной семинарии плату за распределение на хорошие приходы. Размер взятки варьировался, как правило, от 200 до 1 000 руб. [4, л. 80]. Незаконные схемы, осуществляемые Касаткиным, позволили ему обогатиться. В Воронеже у него имелся дом, а также загородная дача.

Согласно докладу начальника Воронежского губернского жандармского управления Э.А. фон Мензенкампа в III Отделение СЕИВК, не только секретарь превышал должностные полномочия, но и многие другие служащие духовной консистории: «Не подлежит никакому сомнению, что члены и служители Воронежской духовной консистории весьма изобретательны в деле изыскания источников для лихоимства и солидарны в этом отношении между собой до крайности» [4, л. 86].

Еще одной характерной особенностью синодальной системы управления Русской Церковью, подвергавшейся широкой критике современников, следует считать чрезмерные полномочия церковных старост. Последние были призваны помогать приходским причтам организовывать храмовое хозяйство, заниматься благоустройством церквей, улучшать материальное

положение священно- и церковнослужителей. На практике же старосты, часто не вполне корректно трактуя положения Устава духовных консисторий и Инструкции церковным старостам, стремились захватить в свои руки все финансовые рычаги управления в приходах, ведя хозяйство не в интересах причтов, а в своих собственных. Между духовными лицами и старостами нередко возникали конфликты. Так, епископ Курский Питирим (Окнов) в 1905 г. отмечал частые случаи злоупотреблений старостами своими полномочиями. Они сознательно небрежно вели приходно-расходные книги и другую причтовую документацию, желая утаить нецелевое расходование средств. По словам архиерея, при таком порядке ведения книг «они представляли из себя зачастую искусственную подтасовку прихода и расхода церковных сумм к наличному их остатку» [10, л. 10 об.].

Примером того, как старосты распорядились церковным имуществом по своему усмотрению, может послужить история старосты Александро-Невского храма с. Толстого Колодезя Щигровского уезда Курской губернии Г.Л. Баркова. Барков во время строительства нарушил план церкви, своевольно построил под ней погреб для погребения своих детей. Также староста не предоставил причту отчета об использовании отведенного надела земли. Судьба как минимум 2 000 руб. так и осталась неизвестной [3, л. 6–7].

Положение правящих архиереев в Синодальный период также подвергалось критике. Они располагали большой властью по отношению к приходским священно- и церковнослужителям. Епископы являлись, при непосредственном присмотре консистории, основным источником церковной административной власти на местах. Клирики фактически не имели своего голоса. Лишь в начале XX в. под влиянием революционного движения и общего подъема гражданского самосознания появились приходские собрания. Все чаще стали раздаваться голоса о необходимости пересмотра епархиального управления и, в частности, правового положения архиереев. Об этом говорилось, к примеру, на заседаниях Поместного Собора 1917–1918 гг. Так, священник С.А. Мальницкий, выступая 2 октября 1917 г., говорил о необходимости изменения текущего порядка вещей: «Одними предписаниями жить нельзя. Нужна живая работа, живое сотрудничество епископа с клиром, нужен совет при епископе, который бы был ответственен за свои советы... При безответственных советниках епископы неизбежно впадали в ошибки. Примеров этому много. Например, в одной епархии куплен был епископом для духовного училища старый развалившийся дворец, затрачены сотни тысяч на его покупку и другие сотни тысяч на ремонт, и все это здание оказалось негодным» [6, с. 107].

Одним из главных недостатков в положении приходских клириков во второй половине XIX – начале XX в. являлись проблемы их материального

обеспечения. В Синодальный период государство неоднократно предпринимало попытки улучшить финансовое благополучие пастырей, но кардинально изменить ситуацию так и не удалось. На протяжении всего периода основным источником обеспечения оставалась плата за требоисполнение. Часто между причтами и прихожанами возникали конфликты, связанные со спорами по поводу вознаграждения. Авторитет клириков из-за этого падал, в приходах между духовными лицами и мирянами возникали напряженные отношения.

Примером может послужить дело священника Троицкой церкви с. Коселевка Липяговской волости Спасского уезда Тамбовской губернии Николая Осетрова. В 1886 г. крестьяне подали на него жалобу правящему архиерею. Клирика обвиняли в неисполнительности при служении христианских треб, особенно накануне Пасхи и двенадцатых праздников. К примеру, на Пасху иерей отказался служить молебны в 38 дворах, посещая только тех крестьян, которые угощали его водкой. Священник Осетров нанес сильные побои ктитору Ивану Бояркину, ударив последнего несколько раз по голове. Прихожанку Марию Ивановну Ключникову иерей прилюдно оскорбил за то, что она давала ему за похороны своей бабушки Анны Киреевой только три рубля, тогда как Осетров требовал шесть. Священник в течение четырех дней отказывался хоронить покойную [12, л. 1–26]. Подобные истории в рассматриваемый период были не редки.

Анализ ведомостей о доходах 5 957 клириков Курской и Тамбовской епархий за 1894 г. показал, что в среднем за год сельский священник со всех доступных ему источников дохода получал – 540–550 руб., дьякон – 350–360 руб., псаломщик – 180–190 руб. [13, л. 1–280; 14, л. 1–187]. Учитывая традиционную многодетность священнических семей, подобные цифры сложно назвать удовлетворительными, особенно беря во внимание нестабильный и крайне неудобный характер получения средств с треб. Государство постепенно вводило жалованье, однако к 1917 г. им не удалось покрыть и половины причтов.

Получалось, что, с одной стороны, синодальный механизм управления ставил Церковь в подчиненное положение, превратив ее фактически в часть государственного аппарата, с другой – власть не спешила кардинально решать проблему улучшения жизни духовных лиц, по сути, предоставив их участь воле прихожан.

Таким образом, можно сказать, что построенная по инициативе Петра I синодальная система управления имела массу недостатков. Главный из которых, на мой взгляд, заключался в полном подчинении Церкви государству и превращении ее в ведомство православного исповедания. Священники стали восприниматься людьми как представители коронной администрации. Отношения между пасомыми и пастырями больше походили на

формальные отношения между чиновниками и представителями гражданского общества. Снижение пастырского авторитета приводило к падению религиозного чувства в народе. Именно в недостатках синодальной системы управления следует видеть одну из причин кризиса церковной жизни в России в начале XX в.

Список источников и литературы

1. *Бабкин М.А.* Священство и царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.): исследования и материалы. М.: Индрик, 2011. 917 с.
2. *Беглов А.Л.* Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: состояние, дискуссии, реформы: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2019. 1057 л.
3. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 20. Оп. 2. Д. 378.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. Оп. 48. Д. 33.
5. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 2: Деяния XVII–XXX. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 1994. 456 с.
6. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 12: Протоколы заседания и материалы Отдела об епархиальном управлении / отв. ред. протоиерей Максим Кокарев. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2017. 512 с.
7. Духовный регламент. М.: Синодальная типография, 1804. 239 с.
8. *Мангилева А.В.* Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015. 477 с.
9. *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора: Государство и церковь в эпоху Александра III. М.: АИРО-XX, 1996. 141 с.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2095.
11. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2325.
12. РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 86.
13. РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 195.
14. РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 218.
15. *Фирсов С.Л.* Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М.: Духовная библиотека, 2002. 623 с.
16. *Цысь В.В., Цысь О.П.* Приходское духовенство на Тобольском Севере в XVIII – начале XX вв.: формирование и эволюция // Былые годы. Российский исторический журнал. 2021. № 16 (1). С. 25–32.
17. *Шавельский Г.И., протопресвитер.* Русская Церковь пред революцией. М.: «Аргос-Медиа», 2005. 512 с.
18. *Dixon S.M.* Church, state and society in late Imperial Russia: the Diocese of St. Petersburg, 1880–1914: Ph.D. thesis. London, 1993. 485 p.
19. *Freeze G.L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press, 1983. 539 p.
20. *Manchester L.* Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia and the Modern Self in Revolutionary Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008. 304 p.

УДК 639.1:930.2

Timm Schönfelder¹

On the history of hunting from the perspective of Human-Animal Studies

Abstract. The study of human-animal relations is a fledging field. It poses a wide range of inspiring questions for historiographical research. Especially the case of hunting is a productive endeavor. Here, traditions collide with the search for sustainable practices and ethical questions. The Russian hunting law of 1892 is an excellent example for the social construction of “non-human animals” in the way it differentiated between useful creatures and predators. After giving a general introduction into human-animal studies, the article outlines the broad evolution of hunting in Russia with regards to general developments in Europe.

Keywords: human-animal relations; hunting; sustainability; Waidgerechtigkeit (fair chase); hunting legislation.

История охоты с точки зрения Human-Animal Studies

Аннотация. Human-Animal Studies – молодое научное направление, которое обозначило перед научным сообществом широкий круг вопросов и обратило внимание исследователей на изучение взаимоотношений человека и животных. В связи с этим особый интерес представляет охота, где традиции сталкиваются с поиском устойчивых практик и этическими вопросами. Российский закон об охоте 1892 г. является прекрасным примером социального конструирования «нечеловеческих животных» в том смысле, в котором он проводит различие между полезными животными и хищниками. После общего введения в Human-Animal Studies в статье кратко описывается эволюция охоты в России на фоне общих событий в Европе.

Ключевые слова: взаимоотношения между людьми и животными; охота; устойчивость окружающей среды; Waidgerechtigkeit (честная погоня); законодательство об охоте.

Human-animal studies, often referred to as *Animal Studies* by those who try to avoid drawing clear dividing lines between ‘human’ and ‘non-human animals’, is an equally new and contested interdisciplinary academic field. It brings together scholars from the natural and social sciences with representatives of the humanities like biologists, zoologists, anthropologists, sociologists, theologians, philosophers, political scientists, and historians. *Human-animal studies* are often motivated by ethical question surrounding the relationship of mankind and the

¹ **Timm Schönfelder** – Postdoctoral scholar, Researcher, Leibniz Institute for the History and Culture of Eastern Europe (GWZO) (Leipzig, Germany), e-mail: tim.schoenfelder@leibniz-gwzo.de.

Тимм Шёнфельдер – докторант, научный сотрудник Лейбниц-Института истории и культуры Центральной и Восточной Европы (Лейпциг, Германия).

environment and are thus connected to the animal rights movement and animal activism. They further ask how animals are socially constructed – since, as Margo DeMello put it: “Animals’ physical identity is less important to their status and treatment than their symbolic identification and their social meaning... how we classify animals shapes how we see animals, and how we see them shapes how we classify them” [19, p. 10–11].

While the relatively young human-animal studies break established disciplinary boundaries in an often provocative and innovative way, hunting is among humanity’s oldest cultural practices. It is based on rigid rules and strong traditional values. It serves as a form of representation of status, power, masculinity, and social belonging. Since the second half of the 19th century, hunting has been increasingly regulated according to new scientific discoveries [15]. It is a prism for the diverse forms of progress in science and technology, for attempts to control nature, gender issues, and processes of social change [22]. As an important sign of modernity, the dualism of nature and culture reveals itself in the high rationalization and radical mechanization of the world [10; 26]. Nonetheless, hunting has played a minor role in historiography so far.

In Russia, three general forms of hunting developed over the centuries: hawking (*sokolinaia okhota*), which reached its peak in the 16th and 17th century before it became unattractive due to its high costs; coursing (*psovaia okhota*), which was already done in the Kievan Rus’ with sighthounds (especially the *borzye sobaki*) uniting Western practices with those of the Mongols and Tatars; and hunting with long guns (*ruzheinaia okhota*) which also relied on dogs and gained high popularity since the 1870s. A distinction between the ‘high’ and the ‘low hunt’ (*Hohe und Niedere Jagd*) as it was typical in the German lands for different types of game, which were then reserved for members of the nobility, did not exist in Russia [7; 17]. The respective forms of hunting were rather determined by socioeconomic factors as well as by the specific natural landscapes. In the case of coursing, vast hunting grounds were a necessity for the nobility along with a forced ‘tolerant’ stance by the people working the land which were under “constant threat of confiscation” through the state. Furthermore, farmers and peasants had to assist as beaters in the hunts and offer shelter and food for the hunting party – often for several weeks a year. With the abolition of serfdom in 1861, the lack of such “unpaid hunting personnel” became a problem as the reorganization of landownership gradually curtailed the nobility’s hunting privileges [21, s. 18–19]. This followed the developments in Central Europe in the wake of the revolutions in France (1789) and Germany (1848/49).

These circumstances helped stalking (*Pirschjagd*) and shooting from tree stands (*Ansitzjagd*) that followed the German example gain popularity, even though hundreds of soldiers were still driving game towards the rifles of the noblemen [5, c. 4–43; 16, s. 44, 54–57]. Nikolai II reportedly practiced these

new forms of hunting extensively as a diversion and an “escape from reality”, especially during the Russo-Japanese War of 1904–5 and the ensuing revolution spurred by the Russian defeat [2; 25, s. 48–49]. This is also documented in hunting diaries as well as in private photographs of the Tsar’s family [3, л. 153–154; 30, p. 53–57, 495–496]. The ‘Westernization’ of hunting in Russia along with its orientation towards Central European forest management practices since Peter the Great deserves more critical attention in historiographical studies [8].

This focus towards the West was propelled by hunting societies that often formed under the auspices of noble families in the second half of the 19th century: Vasilii Alekseevich Sheremet’ev, for example, was co-founder of the Imperial Society for the multiplication of animals hunted for pleasure and for commercial purposes and for expertly hunting (*Imperatorskoe Obshchestvo razmnozheniia okhotnich’ikh i promyslovykh zhivotnykh i pravil’noi okhoty*) in 1872, as well as an important sponsor of Borzoi breeding in Moscow. While hoofed game (especially roe deer) became threatened in many regions by the liberalization of hunting after 1861, a ‘wolf plague’ caused damages of over 50 million rubles annually in Russia [29, s. 321]. Consequently, hunting societies advocated stricter regulation. The binary separation between civilization and nature, which is symptomatic for hunting to this day, is evident in the image of the untamed wolf as symbol of a threatening wilderness. Yet one should keep in mind that the wolf is a synanthrope that lives in proximity to humans while hunters themselves constantly cross the border between the animal kingdom and the human world, serving as mediators between both of them [13; 14, s. 39–41; 18, p. 30–31].

After more than thirty years of discussion, the first comprehensive Russian hunting law was passed in 1892 [11]. This happened not least under the impression of the preceding famine of 1891. The law suggested to differentiate two categories of wild animals: predators and “non-predators” [23, p. 70–72]. While the latter enjoyed close season and special protection (females were forbidden to be shot, wisents were subject to wildlife conservation), the hunting of predators knew practically no limits. A deciding factor in this was the perceived economic benefit: threats to agriculture and forestry were to be exterminated – explicitly sparrows, crows, magpies, and ground squirrels [6, c. 219–256]. The commercial hunters (*promyshlenniki*) of Russia’s North and Siberia remained untouched by these regulations. There, Catherine II had already failed to enforce closed and breeding seasons as this collided with the economic interests of the local population [9]. Nonetheless, the 1892-law was an important step towards more sustainable resource management [4]. The creation of the first nature reserves (*zapovedniki*) at the turn of the 20th century supported this development [24].

However, the 1892-law only insufficiently reflects the societal discourse. On the one hand, its lengthy negotiation process deserves a critical review. On

the other, hunting developed as a sport and leisure activity of an urban ‘rising bourgeois upper-class’ around St. Petersburg and Moscow which competed with the nobility for power and prestige [12; 20, s. 931]. Wealthy women increasingly took part in this. Thus, hunting is not only a mirror of technical (weapons) and scientific progress (forestry, wildlife ecology), but also of larger societal developments in the Tsarist Empire towards the *Fin de Siècle*. Along with the Great Reforms of the 1860s and the ‘reactionary turn’ of the 1890s, the year 1917 marks an important break: after the October Revolution, hunting was declared free for all by the new regime. Western observers generally tended to blame this for a lack of care (*Hege und Pflege*), supervision, training, and even “tradition in our understanding” [28, s. 423–435].

Yet the Bol’sheviki soon realized that legal regulations were essential for the preservation of wild animal populations [1]. In 1920, the Council of People’s Commissars therefore issued a decree on hunting. Ten years later, the first hunting law since the October Revolution followed. On the one hand, it was based on the categories of 1892, while on the other it sought to enforce the principles of collectivization as part of the first five-year plan (1928–1932). As some authors argue, this “explicit heterogeneity” (Hannes Theinhardt) between the old and the new was never quite overcome in the Soviet Union. Ironically, hunting also became a popular pastime activity for representatives of the nomenklatura who soon indulged in exclusive and often crude representational practices that were similar to those of their noble predecessors. Intourist, which was created in 1929, furthermore focused on hunting trips as a source of foreign currencies which was reminiscent of colonial practices.

The American ethicist Paul Waldau suggests: “Animal Studies is a breakthrough in two senses – it pushes us to an open-minded, informed approach regarding who and what the living beings outside our species are. As fully, it pushes us to consider who we are” [27, p. 307]. In this vein, practices of hunting reflect to a high degree the underlying societal structure: who hunts what in which way? Why are some animals considered *companion species* (Donna Haraway) like cats and dogs while others can be killed and consumed? How do people perceive the respective *animal gaze* (Jacques Derrida) when they are faced with wild creatures? Which traditions and narratives form our understanding of nature and the environment? While this short article has merely scratched the surface, the focus on a history of hunting in Tsarist Russia and the Soviet Union promises important impulses for research across established disciplinary boundaries.

Список источников и литературы

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 445. Оп. 4. Д. 160, 161.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 244. Оп. 1. Д. 137.

3. ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1660.
4. *Данилкин А.А.* Охота, охотничье хозяйство и биоразнообразие. М.: Тов-во науч. изданий КМК, 2016. 249 с.
5. *Зарин А.Е.* Царские развлечения и забавы за 300 лет. СПб.: МФИН, 1991. 131 с.
6. *Истомина Э.Г.* Леса России. Экологическая и социоэкономическая история (XVIII – начало XX в.). М.: Квадрига, 2019. 358 с.
7. *Кушнерский Н.П.* Ружейная охота с гончими. Руководство для охотников и любителей. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев, 1906. 156 с.
8. *Лупанова Е.* История закрепощения природного ресурса. Лесное хозяйство в России 1696–1802 гг. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2017. 345 с.
9. *Старцев А.В.* Государственное регулирование охотничьего промысла в России в XVIII – начале XX века // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 152–156.
10. *Тимофеева О.* История животных. М.: НЛЮ, 2017. 200 с.
11. *Чанаев М.Р.* Правовые аспекты регулирования охоты в Российской империи в последней четверти XIX века // Грамота. 2011. № 8. С. 211–214.
12. *Шестаков Ф.Ф.* Физическая культура. Спортивная охота в культуре России. Воронеж: Воронежская гос. лесотехническая акад., 2012. 99 с.
13. A Fairytale in Question. Historical Interactions between Humans and Wolves / P. Masius, J. Sprenger (ed.). Cambridge: White Horse Press, 2015. 328 p.
14. *Agamben G.* Das Offene. Der Mensch und das Tier. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2017. 106 s.
15. *Berni M.* Die Wissenschaft hält Einzug: Hege und Pflege // Hofjagd, Weidwerk, Wilderei. Kulturgeschichte der Jagd im 19. Jahrhundert / C.A. Krethlow (hrsg.). Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2015. S. 104–120.
16. *Bohn T.M., Dalhouski A., Krzoska M.* Wisent-Wildnis und Welterbe. Geschichte des polnisch-weißrussischen Nationalparks von Bialowieza. Köln: Böhlau, 2017. 401 s.
17. *Buchholz E., Buchholz G.* Rußlands Tierwelt und Jagd im Wandel der Zeit. Gießen: W. Schmitz, 1963. 218 s.
18. *Cartmill M.* A view to a Death in the Morning. Cambridge: Harvard University Press, 1993. XIII, 331 p.
19. *DeMello M.* Animals and Society. An Introduction to Human-Animal Studies. N.Y.: Columbia University Press, 2012. 488 p.
20. *Hildermeier M.* Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. München: C.H. Beck, 2013. 1504 s.
21. *Lorenz I.* Russische Jagdterminologie. Analyse des Sprachgebrauchs der Jäger. München: Otto Sagner, 1978. 558 s.
22. *Maylein K.* Die Jagd – Bedeutung und Ziele. Von den Treibjagden der Steinzeit bis ins 21. Jahrhundert. Marburg: Tectum, 2010. 1001 s.
23. *Pravilova E.* A Public Empire. Property and the Quest for the Common Good in Imperial Russia. Princeton: Princeton University Press, 2014. 448 p.
24. *Shtilmark F.* History of the Russian Zapovedniks, 1895–1995. Edinburgh: Russian Nature Press, 2003. XII, 308 p.

25. *Theinhardt H.* Vielfalt in der Autokratie: Die Jagd in Russland // Hofjagd, Weidwerk, Wilderei. Kulturgeschichte der Jagd im 19. Jahrhundert / C.A. Kretlow (hrsg.). Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2015. S. 43–60.

26. Vielfältig verflochten. Interdisziplinäre Beiträge zur Tier-Mensch-Relationalität / Forschungsschwerpunkt «Tier – Mensch – Gesellschaft» (hrsg.). Bielefeld: Transcript, 2017. 356 s.

27. *Waldau P.* Animal Studies. An Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2013. 384 p.

28. Wild und Weidwerk der Welt. Wien, München: Herbert St. Furlinger, 1955. 752 s.

29. Winckel's Handbuch für Jäger / D.D. von Tschudi (hrsg.). Bd. 1. Leipzig: Brockhaus, 1878. 748 s.

30. *Wortman R.S.* Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. II. From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Princeton: Princeton University Press, 2000. 586 p.

УДК 930(470)"17/18"

Чжан Юйсинь¹

Изучение научного наследия российских историков XVIII–XIX вв. китайскими учеными

Аннотация. В статье представлен анализ исследований китайскими учеными российской исторической науки на примере важнейших работ, вышедших в XVIII–XIX вв.: Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Н.Я. Данилевского, П.Н. Милюкова и др. Несмотря на то, что история Российской империи широко изучалась в Китае, дореволюционная российская историография не освещалась в китайской научной литературе. Изучение различных подходов к оценке исторического опыта и методологических принципов российских историков имеет важное значение для изучения России и ее общественной мысли.

Ключевые слова: историография; историческая наука России; историки России.

Russian historians as viewed by Chinese scholars: studying Russian historical science of 18th – 19th century in China

Abstract. The article presents a review of research by Chinese researchers of the historiography of the history of Russia on the example of the theory and opinions of the most important historians from the 18th century to the end of the 19th century, including N.M. Karamzin, S.M. Solovyov, V.O. Klyuchevsky, N.Ya. Danilevsky, P.N. Milyukov, etc. Despite the fact that the history of the Russian Empire was studied a lot in China, the historiography of the pre-Soviet period was not given due attention. The study of various approaches towards the assessment of historical experience and methodological principles, developed by Russian historians, is especially important for Chinese researchers to better understand of the Russian nation, Russian thought, and Russian society.

Keywords: historiography; historical science of Russia; historians of Russia.

В 1990-х гг. китайские ученые стали активно изучать историю Российской империи. Среди них были не только историки, но также политологи и экономисты. Было издано немало работ по истории русской культуры, однако становление и развитие российской исторической науки практически не освещалось. Имеющиеся на сегодняшний день публикации в основном посвящены общетеоретическим проблемам и взглядам отдельных истори-

¹ Чжан Юйсинь – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай), e-mail: annazhangyx@163.com.

Zhang Yuxin – Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, China).

ков. В данной статье предпринята попытка суммировать их в хронологическом порядке.

В Китае существует несколько центров по изучению истории, культуры и историософии России, среди которых самые известные – Цзиньский университет, Китайская академия общественных наук, Восточно-китайский педагогический университет, Шаньсийский педагогический университет, Пекинский педагогический университет. Благодаря усилиям их сотрудников китайская аудитория познакомилась с самыми талантливыми историками России, их выводами и взглядами.

Обращаясь к исторической науке России XVIII в., особое внимание китайские исследователи уделяют наследию таких ученых и государственных деятелей, как В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, А.Л. Шлецер, М.М. Щербатов, П.П. Шафиров, Б.И. Куракин, Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер и т.д. Не без сожаления отмечу, что до сих пор в Китае нет специальных исследований творчества Татищева. Изложение его исторической концепции можно встретить в основном в монографиях по истории России, но и там больше внимания уделяется представлению его личности, а не подробному анализу его взглядов и трудов. Китайские ученые обратили внимание, что Татищев заложил принципы отбора и критики источников, причем, как отмечено в работе Ма Ли, источникам российского происхождения он доверял в большей степени, чем иностранным [10, с. 140]. По мнению китайских ученых, Татищев (а затем и Ломоносов) сформулировал теорию славянского происхождения русской государственности [11, с. 64]. К сожалению, по сей день в публикациях китайских ученых не упоминается о составлении Татищевым географического описания России, изучении им географии и этнографии Сибири. Возможно, это связано с тем, что его труды написаны на языке первой половины XVIII в., что усложняет их прочтение иностранными исследователями.

Ломоносов в Китае известен как основатель Московского университета, талантливый физик и филолог, что затмевает его вклад в историческую науку. Лишь в некоторых публикациях он упоминается в качестве историка. Так, профессор Пекинского педагогического университета Чжан Цзяньхуа высоко оценил его работы «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года» и «Краткий Российский летописец с родословием», а также проанализировал отношение ученого к Востоку и Китаю на примере его стихотворений [18, с. 91–92]. Кроме того, Чжан Цзяньхуа рассмотрел научное наследие Щербатова и творчество Радищева. В первом случае внимание привлекли социально-политические взгляды, поскольку Щербатов выступал за усиление государственной власти и ограничение доступа в дворян-

ство лицам из других сословий. Политический идеал Щербатова – монархия, опирающаяся на родовитое дворянство [18, с. 131–133].

Академик Шлецер в Китае известен критикой летописи Нестора. В публикациях Ма Ли отмечен его вклад в формирование общих принципов критики источников, особенно «технических» приемов работы с ними: внешнее оформление, приемы написания, иллюстрации и язык [10]. С Байером китайская академическая среда познакомилась благодаря переводу монографии датского китаиста К. Лундбэка «Г.З. Байер: основоположник синологии» («G.S. Bayer, 1694–1738: pioneer sinologist»), в которой ученый представлен крупным ориенталистом и филологом. Кроме того, отмечено, что Байер обладал солидными познаниями в маньчжурской литературе и в 1730 г. опубликовал труд о китайской грамматике («Museum Sinicum», по-китайски 《中国博物论》) [5, с. 6].

Количество публикаций, касающихся российской исторической науки XIX в., в Китае намного больше, чем по предыдущему веку, что естественно, поскольку в этот период работало гораздо больше «мастеров» исторической науки, среди которых особо выделяются Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев и В.О. Ключевский. Кроме того, внимание китайских исследователей привлекли споры между славянофилами и западниками, а также творчество Милюкова и Данилевского.

Вслед за современными российскими исследователями Ян Цуйхун отметила, что для Карамзина главной движущей силой исторического прогресса России являлось государство и самодержавие [20, с. 59], при этом решающую роль в развитии сыграли такие великие правители, как Петр I и Екатерина II.

Сотрудник Пекинского университета иностранных языков Дай Гуйзюй особо выделила мысль Карамзина о том, что на протяжении всей истории дореволюционной России продолжалась борьба самодержавия с народоправством, олигархией, аристократией и уделами, при этом разрушение единовластия неизбежно вело к гибели, а его возрождение – к спасению страны. Следовательно, в России самодержавие олицетворяет собой порядок, безопасность и благоденствие. Кроме того, Дай отметила вклад Карамзина в историописание: он ввел в научный оборот массу источников, в том числе древние монеты, медали, сказки, песни, пословицы и т.д. [4, с. 91–97]. По мнению исследовательницы, источник веры Карамзина в монархию связан с его увлечением масонством, однако отношение ученого к тайным обществам не было однозначным (его рационализм вступал в противоречие с мистицизмом). Для Карамзина история человечества есть история прогресса, основу которого составляет борьба разума с заблуждением, просвещения – с невежеством. Дай также обратила внимание, что

Карамзина интересовала восточная тематика: в первом и шестом томах «Истории государства Российского» он много писал о кочевниках, сношениях с Турцией, Молдавией и с венграми [7, с. 4–14].

Среди западников китайские ученые в основном изучают К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина и С.М. Соловьева, ставших родоначальниками «государственной школы» [12, с. 31]. Цао Вэйань отметил, что основа их исторического мышления – Гегель с его диалектическим методом, также в той или иной степени значительное влияние на них оказали идеи позитивистов. Кавелин, уделявший значительное внимание теоретическому осмыслению прошлого, главную задачу исторической науки видел в создании «теории русской истории» и критически отзывался о работах Карамзина, в трудах которого не прослеживалась преемственность истории, не выделялась связь между разными явлениями и событиями, а просто излагались факты. Будучи убежденным в принадлежности русских к европейской семье народов, Кавелин все же осуждал необдуманное «механическое» перенесение западноевропейских традиций на русскую почву.

«Государственная школа» сформулировала концепцию развития российской государственности, рассматривая государство как двигатель исторического прогресса. Одним из ярких теоретиков школы являлся Чичерин. Китайские исследователи отмечают, что главное место в его творчестве занимали вопросы происхождения и развития государства, а также история развития общества Кавелина, в которой выделяются три стадии: первая – патриархальный быт (в основе лежит кровное родство); вторая – гражданское общество (в основе свобода личности и частного права); третья – государство как высшая форма общественного союза. Эти представления и легли в основу анализа истории России. В частности, Кавелин полагал, что восточные славяне не имели такого же источника развития правовых и гражданских институтов, как Западная Европа, пользовавшаяся наследием Древнего Рима. Именно с этим связаны различия в путях и формах перехода с одной ступени развития на другую [2, с. 102–106].

В Китае самыми «популярными» российскими историками, бесспорно, являются С.М. Соловьев и Н.Я. Данилевский. Китайские ученые выделяют Соловьева как исследователя впервые предпринявшего попытку представить историю России как единый закономерный процесс, стремившегося не дробить ее на отдельные эпохи, но объединить, акцентируя внимание на причинно-следственных связях. Общественный прогресс Соловьев видел в постепенном переходе от родового строя к государственному, олицетворяющему высшую форму исторического развития народов. Гуо Дань изучила методику работы историка, выделив в ней четыре стадии. На

первой Соловьев изучал широкий круг источников и литературы, выявляя факты из первоисточников; на второй – творчески использовал методы, применявшиеся в географии и археологии; на третьей – обращался к гегелевскому диалектическому подходу, ставшему опорой его историко-философских взглядов и позволившему всесторонне проанализировать роль государства и личности, внутренних и внешнеполитических факторов, влияние Запада и Востока на историю России; наконец, на четвертой – соотносил исторический опыт с современным состоянием государства, пытаясь найти пути решения насущных проблем.

Некоторые китайские исследователи отметили, что в отличие от Карамзина Соловьев более объективно подходил к изложению всей совокупности факторов исторического развития России, отмечая не только роль монархов и государства, но и природно-географические условия, демографические, этнические особенности и т.д. По мнению Соловьева, именно эти факторы задерживали развитие страны. Китайские историки высоко оценили вклад ученого, находя в его трудах не «крайности», а объективность. К примеру, занимаясь исследованием Ивана Грозного, он (в отличие от Карамзина и Погодина) не идеализировал царя, не оправдывал его жестокость, но и не сводил все к личным качествам самодержца, и увидел во введении опричнины и разгроме боярства проявления борьбы старого и нового, расценивал их как историческую необходимость и закономерность [3, с. 107–108].

На творчество Данилевского в Китае обратили пристальное внимание на фоне более широкого распространения культурологических походов при изучении истории и международных отношений. Вклад историка в осмысление развития цивилизаций оценивается на уровне достижений О. Шпенглера, А.Д. Тойнби и С.Ф. Хантингтона. Особый интерес вызвала его работа «Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому» [14, с. 91–94]. Китайские историки попытались выделить особенности концепции Данилевского. Во-первых, они отмечают, что единицей исследования выступает не государство, а цивилизация (культура), в основе которой лежит духовная природа народа и психологический облик общества. Данилевский впервые в мировой историографической практике теоретически осмыслил сложные культурно-исторические процессы, предложил их типологию. Во-вторых, он указал на многообразие культуры как ее коренную особенность, критиковал европоцентризм и однолинейную схему прогресса; полагал, что европейскому пути развития не следует придавать статус образца, каждый тип цивилизации вносит свой вклад в общемировую историю. В-третьих, Данилевский, проводя аналогии с биологическими процессами, пришел

к выводу, что цивилизация проходит схожие фазы развития: рост, расцвет и исчезновение. У каждого культурно-исторического типа своя высшая точка развития [15, с. 44–60].

Китайских ученых привлекает историческая мысль славянофилов, в первую очередь А.С. Хомякова и И.В. Киреевского. В 2004 г. Ма Инмао опубликовал статью, посвященную творчеству Хомякова [9, с. 16–22], в которой проанализировал взгляды известного славянофила на историческую науку: главная задача – понять российскую действительность, по достоинству оценить роль народа в истории (не менее важную, нежели роль государства) и православной веры, выступавшей мерилom понимания прошлого. Однако Ма Иньмао подверг критике идеи славянофилов, которые, хотя и испытали влияние Гегеля, при построении своих концепций оказались далеки от рационализма.

Чжао Айгуо исследовал труды Киреевского, в которых петровские преобразования рассматривались как реформы, нарушившие естественный ход самобытного развития России, отделившие дворянство от народа и приведшие к поляризации общества. По мнению Киреевского, эти отрицательные последствия социальных потрясений можно было преодолеть, поскольку русскому народу удалось сохранить православие и самобытность [13, с. 93]. Чжао согласился с точкой зрения Хомякова, что православная вера играла исключительную роль, лишь она была способна привести к изменению российской культуры и способствовать решению «всемирных» задач – освободить человечество от однобокого развития под влиянием Запада.

Труды В.О. Ключевского также известны китайским историкам, которые часто ссылаются на них для аргументации своих взглядов (еще до 2003 г. переведено и издано пять томов его «Курса русской истории»). В то же время я обнаружила в китайской научной литературе только одну статью, посвященную его исторической концепции. Чжу Цзяньли отметил, что Ключевский рассматривал исторический процесс как развитие общественных классов, роль и взаимоотношения которых менялись вместе с экономическим и политическим развитием страны; классы при этом формировались в результате политики правительства (сверху) или вследствие экономических процессов (снизу). Чжу Цзяньли подчеркнул, что Ключевский положил начало социально-экономическому направлению в историографии России [16, с. 61–65]. Важное положение его теории – «политический факт вытекает из экономического». Ключевского интересовали в основном общественные группы и классы, повседневная жизнь, внутренние процессы, обуславливавшие исторический прогресс. Он впервые среди российских историков настаивал на необходимости изучения социально-

экономических процессов и взаимодействия различных слоев общества на том или ином этапе исторического развития. По своим взглядам он был либералом с выраженной антидворянской позицией. Несмотря на критическое отношение к официальной власти, проявлял лояльность к самодержавию и избегал активного участия в общественно-политической жизни. Он признавал историческую неизбежность возникновения государства, но, в отличие от представителей «государственной школы», не считал его движущей силой общественного прогресса. В своих работах Ключевский уделял внимание и роли географической среды, и проблеме освоения территории, и государственным учреждениям, но главным фактором русской истории считал колонизацию, полагая, что все прочие (прежде всего, политические и экономические) были так или иначе связаны с ней. Позитивистские взгляды Ключевского определяли его подход к изучению социальной и экономической истории, отличный от предложенного представителями «государственной школы». Он попытался проанализировать влияние природных условий, посредством чего раскрыть психологический тип великоросса, формировавшийся в процессе колонизации. По оценке китайских ученых, Ключевский – основоположник экономической истории России. Лю Ятин отметил различия между Ключевским и Соловьевым: первый не только учитывал влияние природы на человека, но и уделял внимание процессу взаимодействия между ними [7, с. 4–14].

Го Вэнь, Лю Гохуа и Чэнь Женьхуань обратили внимание на творчество ученика Ключевского – П.Н. Милокова. Интерес китайских ученых привлекли его научный и практический методы исследования, особенно последний, позволяющий анализировать события прошлого с целью решения политических задач будущего. Основное внимание Милоков уделял культуре, интересуясь спецификой национального развития России на фоне общих закономерностей мировой истории [8, с. 15–29]. По мнению историка, следует выделять три основных фактора развития: внутренний (общие закономерности жизни народов), внешний (историческая среда) и деятельность отдельной личности. Россия, согласно Милокову, пережила те же моменты, что и Западная Европа, и развивалась по схожему пути [17, с. 90]. Будучи позитивистом, он полагал, что перед историками стоит задача не только изучить прогресс народов и государств, но и понять, почему развитие шло именно таким путем. Он признавал зависимость выводов исследования от мировоззренческой позиции ученого [1, с. 160].

История российской исторической науки имеет самостоятельное важное значение для познания русского народа и общественной мысли. Теории и взгляды выдающихся историков позволяют составить представление о господствовавших в разные периоды политических и философских кон-

цепциях, историософских традициях, поскольку труд историка всегда тесно связан с политикой и идеологическими воззрениями своего времени. На сегодняшний день китайскими учеными советская историография изучена в гораздо большей степени, чем дореволюционная. Все еще присутствует много исследовательских пробелов. В частности, имеется весьма слабое представление о взглядах В.Н. Татищева, В.О. Ключевского, Г.Ф. Миллера, И.Н. Болтина, М.П. Погодина, А.С. Лаппо-Данилевского, П.Г. Виноградова, С.Ф. Платонова и др. Исследование и переосмысление достижений этих и многих других авторов не только принесет пользу китайской исторической науке, но и, возможно, откроет новые горизонты для развития таких дисциплин, как политология и международные отношения.

Список источников и литературы

1. 郭文、刘国华：《米留科夫的史学成就和史学思想》，《宁夏大学学报》2007年第3期，第158–162页。[Го Вэнь, Лю Гохуа. Историографические достижения и историографические идеи Милюкова // Вестник Университета Нинся. 2007. № 3. С. 158–162].
2. 郭文：《齐切林的政治思想遗产与当代俄国的社会发展》，《许昌学院学报》2014年第1期，第102–106页。[Го Вэнь. Наследие политической мысли Б.Н. Чичерина и социальное развитие современной России // Вестник академии Суйчан. № 1. С. 102–106].
3. 郭丹：《谢·米·索洛维约夫历史书写与国家观念评析》，《外国问题研究》2020年第12期，第103–108页。[Го Дань. Историческая работы С.М. Соловьёва и анализ его концепции о государстве // Исследования зарубежных вопросов. 2020. № 12. С. 103–108].
4. 戴桂菊：《尼·米·卡拉姆津 - 俄国著名的贵族历史学家》，《史学理论研究》1993年第7期，第91–99页。[Дай Гуйцзю. Н.М. Карамзин – известный российский историк-аристократ // Исследования по теории исторической науки и историографии. 1993. № 7. С. 91–99].
5. 龙伯格：《汉学先驱巴耶尔》，大象出版社，2017年10月第1版。[Кунд Лундбэк. Пионер-китаист Г.З. Байер. Чжэнчжоу: изд-во «Слон», 2017].
6. 栾艳丽，张建华：20世纪20年代俄国侨民的政治思潮 - - 以米留可夫的《新策略》为个案研究。齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版)，2008年第3期，第176–178页。[Луань Яньли, Чжан Цзяньхуа. Развитие политической мысли русских эмигрантов в 1920-е годы на примере анализа политической и исторической концепции Милюкова // Вестник Университета Цицикар. 2008. № 3. С. 176–178].
7. 刘亚丁：《俄罗斯文学和历史文献中的“看东方”》，《俄罗斯文艺》2021年第1期，第4–14页。[Лю Ядинь. Описание Востока в русской литературе и исторических документах // Русская литература и искусство. 2021. № 1. С. 4–14].
8. 刘国华：《鲍·尼·米留科夫的一生及其史学贡献》，《史学集刊》2009年第1期，第15–29页。[Лю Гохуа. Жизнь П.Н. Милюкова и его вклад в историографию // Сборник исторической науки. 2009. № 1. С. 15–29].

9. 马寅卯:《作为他者的俄罗斯 — 早期斯拉夫主义中的俄罗斯和西方问题》,《社会科学辑刊》2006年第4期,第16-22页。[Ma Иньмао. Отношения России и Запада в славянофильстве на раннем этапе его развития // Журнал общественных наук. 2006. № 4. С. 16-22].

10. 马骊:《“俄罗斯编年史”历史价值的探讨》,《天府新论》,2013年第3期,第139-143页。[Ma Ли. Дискуссия об исторической ценности русских летописей // Новая теория Тяньфу. 2013. № 3. С. 139-143].

11. 马骊:《关于古罗斯编年史中“邀请瓦良格王公传说”的探讨》,《东北师大学报(哲学社会科学版)》2013年第2期,第62-67页。[Дискуссия на тему «Легенда о призвании князей варягов» в летописях Древней Руси // Вестники Северо-Восточного педагогического университета. 2013. № 2. С. 62-67].

12. 曹维安:《俄国史学中的“国家学派”》,《史学理论研究》,2006年第1期,第31-41页。[Цао Вэйань. «Государственная школа» в российской историографии // Исследования по теории исторической науки и историографии. 2006. № 1. С. 31-41].

13. 赵爱国:《俄罗斯“斯拉夫主义思想”的学理内涵》,《社会科学文摘》2016年第1期,第93-94页。[Чжао Айго. Теоретическая коннотация мысли славянофильства // Выборки общественных наук. 2016. № 1. С. 93-94].

14. 张志远,王晋新:《丹尼列夫斯基的文明史理论——读〈俄罗斯与欧洲〉》,《俄罗斯东欧中亚研究》2009年第5期,第91-94页。[Чжан Чжэюань, Ван Цзиньсинь. Теория культуры и цивилизации Данилевского: анализ монографии Данилевского «Россия и Европа» // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2009. № 5. С. 91-94].

15. 张志远:《丹尼列夫斯基史学思想研究》,《东北师范大学博士学位论文》,2011年6月。[Чжан Чжэюань. Исследование историографической мысли Данилевского: дис. ... канд. ист. наук. Северо-Восточный педагогический университет, 2011].

16. 朱剑利:《论克柳切夫斯基的学术思想》,《温州师范学院学报》2004年第3期,第61-65页。[Чжу Цзяньли. Об академической мысли Ключевского // Вестник педагогического университета Вэньчжоу. 2004. № 3. С. 61-65].

17. 陈仁姮:《近代俄国的历史观念与国族意识——以历史学家米留可夫为例》,《史学史研究》2011年第3期,第90-106页。[Чэнь Женьхуань. Концепция истории и национального самосознания в современной России: на примере П.Н. Миллюкова // Исследование историографии. 2011. № 3. С. 90-106].

18. 张建华:《帝国风暴:大革命前夜的俄罗斯》,北京大学出版社,2016年5月第1版。[Чжан Цзяньхуа. Шторм империи: Россия накануне революции. Пекин: изд-во Пекинского университета, 2016].

19. 阎国栋:《罗蒙诺索夫的中国观》,《俄罗斯文艺》,2011年第2期,第90-94页。[Янь Годун. Взгляд Ломоносова на Китай // Русская литература и искусство. 2011. № 2. С. 90-94].

20. 杨翠红:《俄国编年史传统与史学现代化》,《史学集刊》,2013年第1期,第59-60页。[Ян Цуйхун. Традиция написания русских летописей, исторической хроники и развитие историографии // Сборник исторической науки. 2013. № 1. С. 59-60].

УДК 94(47).08(=411.16)

*И.В. Печенин*¹

География дореволюционной еврейской прессы

Аннотация. География еврейской прессы рассмотрена в двух аспектах: во-первых, география выпуска еврейских изданий в Российской империи и за ее пределами, и во-вторых, ареал читательской аудитории этих изданий. Подчеркивается своеобразие этой географии, выходящей за рамки государственных границ, со своими собственными культурными столицами, центрами притяжения и со своей периферией. Данное своеобразие было обусловлено государственной политикой в отношении евреев: цензурными и правовыми ограничениями. Обращается внимание на соотношение количества изданий на русском языке, на идише и на иврите в отдельных городах, общее количество которых превышало пятьдесят, среди них часть находилась в черте оседлости, часть – вне ее, довольно существенная часть – за границей, в том числе по соображениям конспирации. Данная география не была статичной и трансформировалась на протяжении XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: еврейская пресса; историческая география; читательская аудитория.

Geography of the pre-revolutionary Jewish press

Abstract. The geography of the Jewish press is considered in two aspects: first, the geography of the Jewish publications in the Russian Empire and beyond, and secondly, the area of the readership of these publications. The uniqueness of this geography, which transcends state borders, with its own cultural capitals, centers of attraction and with its periphery, is emphasized. This peculiarity was due to the state policy towards Jews: censorship and legal restrictions. Attention is drawn to the ratio of numbers of publications in Russian, in Yiddish and in Hebrew in different cities, total number of which exceeded fifty, among which some were within the Pale of Settlement, some were outside of it, and a fairly significant part was abroad, including those which were published due to conspiracy reasons. This geography was not static and underwent transformation during the 19th – 20th centuries.

Keywords: Jewish press; historical geography; readership.

В данной статье будет рассмотрена география многочисленных еврейских изданий, выходивших начиная с 1820-х до 1917 г. Проанализированы как места выхода данных изданий, так и их читательская аудитория. При-

¹ **Илья Викторович Печенин** – кандидат исторических наук, главный библиотекарь отдела комплектования фондов Российской государственной библиотеки (Москва, Россия), e-mail: pechenin81@mail.ru.

Илья В. Pechenin – Candidate of Historical Sciences, Chief Librarian, Acquisition Department, Russian State Library (Moscow, Russia).

менение такого междисциплинарного подхода и вовлечение большого массива малоизвестных источников обусловили актуальность данного исследования. Цель – рассмотреть, что представляла собой география еврейских изданий, каковы были ее характерные особенности, как влияла политика царских властей на развитие еврейской прессы.

В поле моего внимания оказались в том числе и некоторые издания, выпускавшиеся за пределами Российской империи. В сферу настоящего исследования они включены потому, что были неразрывно связаны с еврейской печатью в России и рассчитаны в значительной степени на читателей в России. Об этом явлении современный исследователь Д.А. Эльяшевич образно писал, что «...по отношению к русско-еврейской и еврейской печати власти выступали в роли злой мачехи, вынуждавшей некоторых своих пасынков уходить из дома и перебираться за границу...» [12, с. 66]. Для данной подгруппы изданий было характерно то, что они выходили, как правило, в ряде городов Пруссии и Австро-Венгрии, сопредельных с Россией, но имели хождение преимущественно в Российской империи. Речь идет о следующих изданиях: журнал «*Гамагид*» («Проповедник»), печатавшийся в Лыке в Пруссии (ныне – Элк, Польша) в 1856–1903 гг. (с 1893 г. распространение в Российской империи было запрещено); журнал «*Ди идише цукунфт*» («Еврейское будущее», идиш), выходивший сначала в Варшаве, а затем в Кракове в 1904–1905 гг.; газета «*Га-Мицпе*» (II) («Наблюдательный пункт», иврит), издававшаяся в Кракове в 1904–1915, 1917–1921 гг. и др.

Среди русскоязычных изданий были «*Бюллетень Бунда*», издававшийся в Лондоне в 1901 г., и «*Отклики Бунда*», печатавшиеся в Женеве в 1909–1911 гг. Журнал «*Дер ид*» (I) («Еврей») (1899–1902) официально выходил в Варшаве, но по политическим соображениям печатался в Вене и Кракове [13, р. 151].

Подпольные нелегальные издания выходили за границей по соображениям конспирации. Любопытен эпизод, связанный с печатью Бунда. Весной 1912 г. партийный орган «*Лебенсфрагн*» (I) («Вопросы жизни», идиш) составлялся в Вене, с тем чтобы потом его переслали и издали в Варшаве. Но один из виднейших идеологов Бунда В. Медем, не знавший идиша, писал свои статьи транскрипцией латинскими буквами, поэтому у полиции возникли подозрения; второй номер газеты был конфискован, а весь административный состав и корреспондент в Лодзи – арестованы [14, р. 6].

Надо отметить, что еврейство приграничных территорий Пруссии и Австро-Венгрии было близко российскому еврейству не только в социально-экономическом и культурном отношении, но имелись также родственные связи. Ведь еще в конце XVIII в. предки этих людей жили в едином государстве – Речи Посполитой.

В сферу моего исследования входит и сионистское издание «Гаолам» (1907–1914 гг.). Первоначально этот журнал выходил в Кельне. Ареал его распространения охватывал многие страны, о чем недвусмысленно говорило его название «Гаолам», что на иврите означает «мир». На обложке журнала приводились цены в валюте разных стран: России, Австро-Венгрии, Германии, Англии, США, Палестины, Франции. Поскольку значительное количество подписчиков журнала проживало в России, место издания вскоре перенесли из Кельна в Вильну, а затем в Одессу, ближе к наиболее массовому читательскому сегменту. В берлинском «Гамоин» («Масса», идиш) цены были тоже указаны в валютах разных стран. В журнале «Дер ид» («Еврей», идиш), выходившем в Вене и Кракове, цены указывались в рублях для России, в флоринах для Австро-Венгрии и в марках для Германии. Необходимо учитывать, что иностранные издания были рассчитаны на российских читателей. На это недвусмысленно указывает цена в рублях, а также тот факт, что материалы, печатавшиеся в изданиях, могли быть интересны, прежде всего, российским читателям. Эти два обстоятельства являются ключевыми маркерами, по которым то или иное издание, хоть оно и печаталось за границей, следует отнести все же к российским изданиям. Среди иностранных городов в моем исследовании фигурируют Берлин, Вена, Женева, Кельн и ряд других. В каждом из них печаталось несколько изданий на русском, идише и иврите. В Лондоне, к примеру, насчитывалось 4 издания на русском языке и 6 – на идише.

Разграничение еврейской периодики по странам в известной степени условно. Так или иначе, существовали тесные связи между прессой России, Германии, Австро-Венгрии и шире – Палестины, США, Великобритании, Франции. Евреи, рассеянные по всему миру на рубеже XIX–XX вв., создали общность, лишенную государственных границ, но объединенную идеологией. Особенно наглядно это проявлялось в культурной сфере, в том числе в прессе.

Таким образом, круг моего исследования несколько шире, чем только печать, выходившая в Российской империи. Он не совсем совпадает с ее пространственными границами. Многие исследователи (Н.А. Бухбиндер [3], Й. Френкель [11], И. Маор [7]) поступали таким же образом, включая в сферу своего изучения и просветительно-националистический журнал «Гашахар» («Утренняя заря», иврит) (1868–1884), выходивший в Вене, и социалистическую газету «Газмет» («Правда», иврит) (1877–1878), выпускавшуюся там же, руководствуясь теми соображениями, что эти и подобные им издания неразрывно связаны с еврейской печатью в России и являлись ее неотъемлемой частью. Без них ее история была бы неполной.

В настоящий обзор включены даже те издания, выпуск которых по тем или иным причинам так и не был осуществлен. Тем не менее «...сами

по себе неосуществленные издания говорят о многих намерениях, планах, предположениях и т.д., которыми жила предреволюционная русская периодическая печать» [9, с. 6]. Среди таких изданий можно назвать «*Дореш тов ле-Израэль*» («Доброжелатель евреев»), которое являлось одной из ранних попыток создания печатного органа на иврите, предпринятой еще в 1857 г. в Житомире. Назовем также несколько изданий на русском языке: «*Еврейская детвора*» (1910) в Ржеве, «*Еврейская женщина*» (1911) в Киеве, «*Еврейский эмигрант*» (1914) в Вильне. За все время существования еврейской прессы были многочисленные неудачные попытки, о которых мы узнаем из архивных и в меньшей степени из библиографических источников. Благодаря им можно представить, какой обширной и разнообразной могла бы быть еврейская пресса, не будь цензурных ограничений и если бы еврейские издатели имели больше терпения и везения. Эти издания – нижняя часть айсберга, которая еще не видна целиком. Вероятно, еще не обо всех из них доподлинно известно. Выявленные запланированные, но неосуществленные издания дополняют общую картину еврейской прессы.

Исследование охватывает 53 города, которые разбиты на четыре группы: в черте оседлости (24), в польских губерниях (7), вне черты оседлости (12) и за границей (10). Явными фаворитами являлись Варшава, Вильна, Одесса и Санкт-Петербург. В Варшаве выходило более 100 изданий, в Вильне и Санкт-Петербурге – порядка 90, в Одессе – 64.

При этом пропорциональные соотношения изданий на русском, идише и иврите существенно разнятся. Скажем, в Варшаве преобладают издания на идише (85) и заметен крупный сегмент прессы на иврите (25). Это наибольшее количество изданий на иврите среди всех городов. На русском языке выявлено всего одно издание – журнал «*Сион*» 1907 г. В Вильне также превалировала периодика на идише (62), однако также имелась пресса на иврите (18) и на русском языке (11). В Одессе преобладали издания на русском (32), также имелся большой массив изданий на идише (17) и на иврите (15). Все эти данные о сегментах еврейской прессы позволяют по-новому продемонстрировать, что она собой представляла, как трансформировалась со временем, каков был вектор ее развития. Эти наблюдения дают повод пересмотреть устоявшиеся историографические стереотипы.

Выпуск наиболее значительных еврейских изданий сосредотачивался, в основном, в нескольких городах – крупных еврейских культурных центрах, к которым можно отнести, в первую очередь, Вильну и Одессу. В конце XIX в. к ним добавился Петербург, а в начале XX в. – Варшава. 15 изданий на русском языке и 2 на идише выпускалось в Москве, притом что оттуда еврейское население было изгнано по распоряжению генерал-губернатора в 1891 г., и в дальнейшем жить в Первопрестольной дозволялась лишь отдельным, весьма немногочисленным категориям еврейского населения.

Некоторые незначительные газеты и журналы выходили в небольших городах черты оседлости: Бердичеве, Белостоке, Бобруйске, Слуцке. Их можно отнести к локальным изданиям. Среди них преобладала пресса на идише.

Следует упомянуть об особом административном статусе некоторых городов. Ялта рассматривается вне черты оседлости, так как была исключена из нее в мае 1893 г. постановлением министра внутренних дел как место отдыха царской семьи, а оба еврейских издания – «*Еврейский мир*» и «*Молодая Иудея*» – выходили в Ялте в 1905–1906 гг. Киев также отнесен к числу городов вне черты оседлости, так как формально в нее не входил. Лишь в некоторых городских районах евреям разрешалось жить; в основной своей массе евреи в Киеве проживали нелегально.

Если говорить об отдельных еврейских субэтносах, проживавших на окраинах Российской империи (караимы, крымчаки, таты, грузинские и бухарские евреи), то они не имели в рассматриваемый период развитой литературы. Их языки использовались почти исключительно лишь в разговорной речи. До революции удалось осуществить выпуск нескольких караимских изданий, но не на караимском, а на русском и польском языках [1].

Вторым немаловажным аспектом географии еврейской печати является читательская аудитория. Ареал распространения всех еврейских изданий, несмотря на языковые и идеологические различия, был примерно одинаковым и охватывал преимущественно черту оседлости, польские губернии и ряд крупных городов вне черты оседлости (Петербург, Москва, Харьков, Рига, Иркутск и др.), в которых несмотря на препоны царской администрации сосредотачивалось еврейское население. Некоторые издания на русском и иврите публиковали информацию о своем распространении, очевидно, с целью саморекламы. Среди пунктов подписки русско-еврейской прессы фигурировали, как правило, одни и те же города: Бобруйск, Витебск, Гродно, Варшава, Лодзь, Брест-Литовск (ныне – Брест), Борисов, Белосток, Бендеры, Белая Церковь, Екатеринослав (ныне – Днепр), Житомир, Киев, Ковна, Кременчуг, Минск, Могилев, Москва, Одесса, Пинск, Рига и др. [4, с. 1; 8, с. 32]. Это касалось не только русско-еврейских изданий, но и печати на иврите. Так, подписчики журнала «Гамизрах» («Восток») проживали в Белой Церкви и других городах Киевской губернии, Варшаве, Калише, Виннице, Лодзи, Киеве, Одессе и т.д. [4, с. 1]. Для изданий на идише размещение информации о подписчиках было нехарактерно. Мне не встретилось ни одного издания, содержавшего списки населенных пунктов, в которые осуществлялась рассылка, наподобие публикаций в прессе на русском и иврите.

Косвенную, но весьма обширную информацию о распространении еврейских изданий содержат рекламные объявления в прессе, где, как пра-

вило, фигурировали те же города и местечки, что и среди пунктов подписки. Так, в объявлениях в журнале «*Будущность*» упомянуты: Ветка Могилевской губернии, Одесса, Варшава, Петербург (место выхода журнала), Елисаветград (ныне – Кропивницкий), Херсон, Вильна, Переславль, Киев. По рекламным объявлениям можно судить и о распространении печати на идише, в которой реклама занимала значительное место. Как правило, несколько последних страниц изданий пестрели самыми разнообразными объявлениями, причем даже без разграничения по языкам. В газете на идише или иврите можно было легко наткнуться на объявление, набранное на русском языке, и наоборот.

Все еврейские периодические издания можно разделить на несколько подгрупп, исходя из места их выхода в свет и широте охвата аудитории. Крупные издания, выходявшие в столице, ориентировались на всю страну. Их охотно читали, несмотря на многодневное опоздание [15, s. 117], однако со временем благодаря развитию железных дорог и розничной сети распространения изданий снабжение прессой отдаленных городов несколько улучшилось. Вместе с тем нельзя не признать, что инфраструктура распространения прессы по сравнению со странами Западной Европы все еще оставалась на крайне низком уровне [10, с. 13]. К началу XX в. появлялось все больше местных, локальных изданий, обслуживавших население только одного города или региона. Соответственно, и новости в первой группе изданий, имевших подчас широкую сеть корреспондентов, касались жизни за границей и страны в целом; вторая группа была сосредоточена на местных новостях, однако и она, пытаясь завладеть вниманием публики, не обходила стороной заграничные известия.

Географический ракурс исследования и статистические данные дают богатую пищу для размышлений, сопоставлений, количественного анализа. Нельзя не заметить ярко выраженную связь между количеством и распространением русско-еврейских изданий и высокой степенью ассимиляции еврейского населения в губерниях Новороссии, Москве и в Петербурге. Вместе с тем четкой корреляции между количеством изданий, количеством подписчиков и численностью еврейского населения в том или городе или регионе, в общем-то, не прослеживается. Это говорит о том, что далеко не все слои еврейства имели тягу к данной прессе. С другой стороны, вполне объяснимо, что столь многочисленная еврейская диаспора, насчитывавшая по переписи 1897 г. 5 215 805 человек [2, с. 58], имела развитую систему печати и оказывала существенное влияние на еврейство других стран.

До сих пор, несмотря на появление в последнее время ряда научных публикаций, нет однозначного ответа на многие вопросы, в частности, насколько быстро протекали процессы ассимиляции, была ли это полноцен-

ная ассимиляция, т.е. слияние, растворение в титульной нации, либо аккультурация, т.е. создание своей собственной русско-еврейской культуры. Также остается открытым вопрос о степени распространения отдельных подгрупп еврейской прессы.

Так или иначе, еврейская пресса сформировала свою своеобразную географию, отличную от общепризнанной. Как не преминул заметить современный исследователь еврейской литературы Л. Кацис, «...у евреев всегда была своя география» [6, с. 8]. Здесь были свои собственные столицы – Варшава, Вильна, Одесса, выступавшие в качестве культурных центров притяжения по отношению к периферии, представленной остальными городами черты оседлости. Примечательно, что даже в крупном губернском центре – Могилеве – не выпускалось ни одного издания. Города вне черты оседлости, в которых, как правило, также не выходили еврейские издания, оставались дальней периферией. Однако и здесь встречаются исключения. Так, даже в далекой Чите выходило сионистское издание на русском языке «Даркэйну» («Наши пути», иврит) в 1917–1918 гг. Все эти наблюдения заставляют по-новому взглянуть на российское еврейство и на еврейскую прессу на рубеже XIX–XX вв.

Список источников и литературы

1. *Белый О.Б.* Караимская национальная периодика в первой половине XX в. (Из истории изучения восточноевропейских караимов) // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь: Таврия, 1994. С. 235–251.
2. *Бруцкус Б.Д.* Статистика еврейского населения: Распределение по территории, демогр. и культур. признаки евр. населения по данным переписи 1897 г. СПб.: Евр. колонизац. о-во, 1909. 62 с.
3. *Бухбиндер Н.А.* Материалы для истории еврейского рабочего движения в России. Вып. 1: Материалы для биографического словаря участников еврейского рабочего движения. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 142 с.
4. Гамизрах. [Краков]. 1903. № 1–2. 65 с.
5. Еврейская жизнь. [Санкт-Петербург]. 1904. № 5. 249 с.
6. *Кацис Л.* О книге, ее авторе и о русско-еврейской литературе в жизни Шимона Маркиша // Маркиш Ш.П. Русско-еврейская литература: от и до. Оренбург: Оренбургское книжное издательство им. Г.П. Донковцева, 2020. С. 4–17.
7. *Маор И.* Сионистское движение в России. Иерусалим: Библиотека Алия, 1977. 450 с.
8. Наше слово. [Вильна]. 1906. № 9. 34 с.
9. Предварительный список периодических изданий России 1901–1916 гг. Л.: изд-во Публичной Библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1949. 307 с.
10. *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике: факты, цифры и наблюдения. СПб.: О.Н. Попова, 1895. 246 с.

11. Френкель Й. Пророчество и политика. Социализм, национализм и русское еврейство. 1862–1917. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2008. 846 с.
12. Эльяшевич Д.А. Русско-еврейская культура и русско-еврейская печать. 1860–1945 // Литература о евреях на русском языке. 1890–1947. Книги. Брошюры. Оттиски статей. Библиографический указатель. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1995. С. 41–109.
13. Cohen N. The Yiddish Press and Yiddish Literature: a fertile but complex relationship // *Modern Judaism*. 2008. № 2 (28). P. 149–172.
14. Levin N. Jewish socialist movements, 1871–1917. While Messiah tarried. London: Routledge & Kegan Paul, 1978. 554 p.
15. Levin V. Zur Verbreitung jüdischer Zeitschriften in Russland: Sprache versus Geographie // *Die jüdische Presse im europäischen Kontext*. 1686–1990. Bremen: Edition Lumière, 2006. S. 101–119.

УДК 351.742/351.749

*А.Е. Власов*¹

К вопросу об обеспечении охраны транспортировки денежных средств и сотрудников биржевой артели фон Мекка в 1906–1907 гг.

Аннотация. В статье анализируется проблема обеспечения сохранности средств учреждений, подконтрольных Министерству финансов, во время движения по линии Калужского отделения Самарского жандармского полицейского управления железных дорог, а также обеспечения безопасности работников биржевой артели К.Ф. фон Мекка, ответственных за сохранность подотчетных денег, на пути их следования на станцию «Калуга» и во время поездок по другим станциям отделения. Прямой обязанностью артельщиков был сбор дневных выручек билетных касс, товарных контор, раздача жалованья железнодорожным служащим. Первоначально для охраны артельщиков городской полицией выделялся конвой из 2 конных городских. Вскоре такой режим охраны был отменен по распоряжению калужского губернатора. Автор предпринимает попытку объяснить почему. В статье выявлена степень участия железнодорожной жандармерии и военного ведомства в деле охраны грузов и обеспечении безопасности артельщиков.

Ключевые слова: артель; артельщик-сборщик; артельщик-плательщик; денежная выручка; жандарм; жалованье; железная дорога; охрана.

On the issue of ensuring the protection of the transportation of funds and employees of the von Meck Exchange Artel in 1906–1907

Abstract. The article analyzes the problem of ensuring the safety of funds of institutions controlled by the Ministry of Finance while traveling along the line of the Kaluga branch of the Samara Gendarmerie Police Department of Railways, as well as ensuring the safety of employees of the exchange artel K. F. von Meck, responsible for the safety of accountable money, on their way to the Kaluga station and during trips to other stations of the department. The direct duty of the art workers was to collect daily receipts of ticket offices, commodity offices, distribution of salaries to railway employees. Initially, the city police assigned 2 mounted policemen as a convoy escort to protect the art workers. Soon, such a security regime was canceled by order of the Kaluga governor. The author attempts to explain why. In addition, the article reveals the degree of participation

¹ **Александр Евгеньевич Власов** – аспирант кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (Калуга, Россия), e-mail: alexvlasov90@yandex.ru.

Alexander E. Vlasov – Postgraduate student, Department of history and law, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky (Kaluga, Russia).

of the railway gendarmerie and the military department in the protection of goods and ensuring the safety of art workers.

Keywords: artel; artel-collector; artel-payer; money revenue; gendarme; salary; railway; security.

Участившиеся случаи нападения революционеров на правительственных и частных лиц, а также на финансовые учреждения во всех регионах Российской империи обратили внимание Департамента полиции (ведомство политического сыска) на необходимость принять меры по охране почтовых карет и поездов, перевозивших значительные суммы денег, ценные грузы и, что особенно важно, обеспечить безопасность людей, ответственных за сохранность этих денег, от вооруженных экспроприаций, организуемых и осуществляемых боевиками политических партий леворадикального направления.

Во второй половине XIX в. в Москве располагалась «биржевая артель К.Ф. фон Мекка», занимавшаяся биржевыми операциями с акциями железных дорог и тяжелой металлургии. Служебный персонал артели составлял 22 человека, 14 из них проживали в Калуге, 6 – в Пензе, 2 – в Ельце [2, л. 8]. Часть артельщиков занималась сбором дневной выручки билетных касс, товарных контор, железнодорожных буфетов, киосков и т.д., остальные – выплатой жалованья работникам некоторых участков железнодорожных линий, в том числе и на линии Калужского отделения Самарского жандармского полицейского управления железных дорог (далее – КО СЖПУЖД), протяженностью 279 ½ верст (от 1 версты, станция «Вязьма-товарная», до 274 ½ версты, между станциями «Протопопово» – «Тула» – «Сызрано-Вяземская железная дорога» (далее – СВЖД), с веткой от станции «Протопопово» до станции «Тула» Московско-Курской железной дороги) [5, с. 127].

Безопасность этих 22 работников и была предметом беспокойства Департамента полиции. После одного из нападений в августе 1906 г. ротмистр В.Г. Туркестанов (начальник КО СЖПУЖД с 16.09.1902 по 24.02.1907 г.) [6, с. 461] обратился к начальнику СВЖД с просьбой согласовать с полицией г. Калуги вопрос о найме за счет средств СВЖД конных городских для ежедневного трехразового сопровождения артельщиков на станцию «Калуга» и обратно. Ранее с этой целью и для охраны почтовых карет общая полиция выделяла наряды из 2 конных городских каждый, но этот режим охраны был упразднен по распоряжению калужского губернатора А.А. Офросимова, напомнившего начальнику СВЖД, что прямое назначение городских – надзор за порядком на улицах Калуги. Их отсутствие на посту могло привести к серьезным последствиям в случае возникновения разного рода беспорядков [2, л. 8]. Однако это заявление – лишь часть правды, проблема была более глубокой. В доказательство процитируем отрывок из

сообщения, полученного по телеграфу управлением СВЖД: «...системой почтовых переводов значительно сокращается пересылка денежных и ценных пакетов. Благодаря тому не будет требоваться постоянная охрана почтовых вагонов, а лишь периодическая охрана, командирование охранных жандармов при передвижении некоторых учреждений Министерства финансов, почтово-телеграфного ведомства при сдаче избытков в ближайшие казначейства...» [2, л. 34, 34 об.].

Ослабление охраны имело негативные последствия. Так, 12 октября 1906 г. около 21.00 трое вооруженных грабителей, принадлежавших, как позднее удалось установить по оставленной на месте ограбления записи «экспроприровано», к организации анархистов-коммунистов, вошли в товарную контору станции «Вязьма» и, отобрав у кассира дневную выручку 1 179 руб. 65 коп., скрылись [2, л. 15]. Ротмистром Туркестановым было проведено дознание, но налетчиков не удалось найти по «горячим следам» даже после подключения к розыску органов полиции и прокуратуры. Таким образом, правоохранительные органы оказались не готовы к борьбе с вызовами нового столетия, такими как активный политический террор, и не могли должным образом обеспечить неприкосновенность государственной собственности и безопасность людей, отвечавших за ее сохранность.

После снятия охраны почтово-телеграфные учреждения начали испытывать серьезные трудности при доставке ценных грузов на вокзал и их последующей транспортировке по линии КО СЖПУЖД. В ожидании приезда почтовых поездов ценности хранились по большей части в общем зале ожиданий. В момент прибытия поездов, когда оживлялось движение публики, никто из почтовых служащих не мог поручиться за сохранность грузов. Тогда было принято решение о привлечении станционных жандармских унтер-офицеров для оказания содействия сотрудникам почт и телеграфов при переносе ценных грузов с вокзала в вагоны почтовых поездов. Следует при этом подчеркнуть, что персональный состав КО СЖПУЖД по состоянию на 1909 г. насчитывал всего 29 человек (1 вахмистр, 27 унтер-офицеров) вместе с начальником отделения [5, с. 127] (в 1906–1907 гг. численность служащих была такой же).

Сами артельщики размещались не в особо приспособленном для перевозки денег вагоне, а в первом попавшемся 4-го класса. На станциях, где работники получали жалованье, поезда делали остановку. Однако жандармерия не получала телеграмм о конкретном времени прибытия поездов, а потому артельщиков никто не встречал. Кроме того, на станциях не хватало помещений, приспособленных для выдачи жалованья.

Обо всем этом было доложено начальнику СЖПУЖД, который, в свою очередь, распорядился, чтобы впредь главный бухгалтер СВЖД не позднее

чем за сутки уведомлял срочной телеграммой начальника КО СЖПУЖД и станционных жандармов о выезде артельщиков из Калуги, указывая при этом номер поезда. По прибытии на станцию артельщик должен был немедленно явиться к дежурному жандарму и без его ведома не производить выплату денег, находясь под охраной нижних воинских чинов до отхода поезда. По мнению начальника СЖПУЖД, для передвижения артельщиков по железнодорожной линии требовалось выделить вагон, оснащенный прочными запорами с внутренней стороны и специальным отделением с привинченным к полу ящиком (сейфом), где артельщики должны были хранить свои портфели или сумки с деньгами. Сейф должен был запираиться на замок, а ключ от него – храниться у жандармского унтер-офицера, ехавшего вместе с артельщиком для охраны. Именно в таком вагоне и предполагалось выплачивать жалованье всем станционным служащим. Более того, начальник СЖПУЖД считал полезным приспособить подобные вагоны для каждого артельщика [3, л. 3, 3 об., 4].

Вероятно, в апреле 1907 г. такие вагоны появились в наличии у КО СЖПУЖД, о чем свидетельствует телеграмма от главного бухгалтера на имя ротмистра Э.-О. Гольштеге (начальник КО СЖПУЖД с 24.02.1907 по 19.04.1908 г.) [5, с. 458]. К телеграмме прилагался ключ от денежного сейфа, открывать который имел право только старший жандармский унтер-офицер, сопровождавший артельщика в пути [3, л. 29].

Можно ли было обеспечить безопасность артельщиков и станций, не навредив всей системе регулярного патрулирования железнодорожных путей дежурными жандармскими унтер-офицерами, в случае, если один или двое из них неотлучно должны были находиться при артельщиках? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к конкретному примеру.

Район «Вязьма–Калуга–Протопово» обслуживался 2 артельщиками, совершавшими 3 рейса в месяц. Продолжительность 1 рейса составляла 4 суток. Столько же времени занимала дорога на станцию «Калуга». Следовательно, артельщики с жандармом находились в пути примерно 24 дня. При этом с оставшихся на дежурстве станционных унтер-офицеров никто не снимал ответственности за выполнение должностных обязанностей: наблюдение за общественным порядком возле билетных касс, правильностью ведения торговли в железнодорожных буфетах и киосках при станции, проведение дознаний в случае правонарушений железнодорожных служащих и железнодорожных аварий и т.д. Так, например, начальник КО СЖПУЖД ротмистр Туркестанов в рапорте на имя начальника СЖПУЖД А.А. Левандовскому от 31 января 1907 г. сообщал, что по просьбе артельщиков был вынужден выделить для их сопровождения двух унтер-офицеров из числа находившихся на станции «Калуга»; при этом

отметил, что четверо оставшихся дежурных не могли обеспечить даже минимальный уровень охраны крупного железнодорожного узла [3, л. 15, 15 об.]. Следовательно, нехватка личного состава КО СЖПУЖД не позволяла одновременно обеспечивать безопасность и артельщиков, и станций.

В такой ситуации возникла идея привлечь военное ведомство для охраны артельщиков и служащих почт и телеграфов. 7 сентября 1907 г. из мобилизационного отдела управления СВЖД поступила секретная телеграмма на имя начальника СЖПУЖД. В ней говорилось, что в сентябре подполковником В.А. Афанасьевым (заведующий Вязьмо-Уральским районом передвижения войск с 01.08.1904 по 19.10.1908 г. [1]) 2–4 раза в неделю будет выделяться наряд для охраны почтовых поездов. Одна из военных комендатур располагалась в Калуге, комендантом с 10.05.1906 по 28.01.1910 г. являлся капитан В.В. Колчин [4]. Это был уникальный шанс для начальника СЖПУЖД обеспечить безопасность калужских артельщиков-сборщиков и плательщиков. В телеграмме начальника СВЖД настойчиво звучал призыв достигнуть соглашения с Афанасьевым о назначении ежедневной воинской охраны в количестве 7 человек для сопровождения артельщиков-сборщиков, ехавших в поездах под № 3 и 4 с крупными выручками (от 20 до 60 тыс. руб.). Также требовалось выделить по 3 человека для охраны плательщиков [3, л. 37, 48]. 11 сентября 1907 г. телеграмма попала в руки адресату, а затем и на стол начальнику КО СЖПУЖД. Со своей стороны, начальник СЖПУЖД, ожидая распоряжения заведующего передвижением войск, приказал подчиненным обращаться за охраной к местным гарнизонам по линии СВЖД, что и было сделано [3, л. 38]. Вскоре на переданное Гольштеге требование откликнулись начальники гарнизонов из Сызрани, Тулы, Моршанска, Пензы, Калуги.

На совещании Особого Комитета при Управлении СВЖД при участии военного ведомства был разработан график-ведомость воинской охраны почтовых поездов на линии СВЖД на сентябрь – декабрь 1907 г.

Остановимся подробнее на режиме охраны работников биржевой артели фон Мекка. Всего их было 14 человек, из них 6 сборщиков дневных выручек (А. Макеев, П. Бахвалов, Е. Абросимов, К. Милованов, В. Иванов, П. Ситков) и 8 плательщиков (И. Зотов, И. Балаев, В. Кунаков, М. Демидович, Т. Назаров, Г. Трохачев, П. Бирюков) [3, л. 73, 73 об.]. Руководство КО СЖПУЖД предложило для сбора выручки по станциям линии «Калуга–Вязьма» отправлять артельщиков двумя группами по 3 человека. Для их охраны определяли в наряд две группы нижних чинов калужского гарнизона по 2–3 человека в каждой. Первая тройка артельщиков-сборщиков ежедневно выезжала со станции «Калуга» в 21.52 почтовым поездом под № 5. Конвой для их охраны должен был прибыть на станцию за 22 мину-

ты до отбытия поезда – в 21.30. Конечной станцией всей экспедиции была «Вязьма», куда поезд прибывал в 2.38 ночи. На пути следования делались остановки на станциях, где забиралась дневная выручка. Обратный путь артельщики проделывали, пересаживаясь в поезд № 4, отходивший в 11.25. Ровно в 16.56 «кавалькада» прибывала на вокзал станции «Калуга». Далее в путь отправлялась вторая смена, еще 3 артельщика-сборщика. Их эскорту надлежало прибыть на вокзал в 17.00, где их ждал поезд № 4. Маршрут проходил по станциям от Калуги до Тулы, куда поезд прибывал в 21.50. В 3.34 поезд № 3 забирал артельщиков и их охранников и прибывал в Калугу в 7.55. И так каждый день.

Для охраны 8 артельщиков-плательщиков ежемесячно 12, 13, 14, 26, 27, 28 и 29 числа выделялся конвой. Для охраны каждого из артельщиков местный гарнизон предоставлял трех человек. Так, 12 числа каждого месяца в 4 утра на станции «Калуга» конвой в составе 3 нижних чинов калужского гарнизона встречал на почтовом поезде № 37 артельщика из Управления СВЖД. Конвой прибывал на станцию за полчаса до отбытия поезда. Курс назначения – станция «Вязьма», откуда артельщик возвращался в Калугу на следующий день (13 числа в 16.56). 26, 27, 28 числа еще один артельщик выплачивал жалованье служащим станции «Калуга». В эти дни в 6 утра его ожидал на станции конвой из трех человек. Этот же артельщик 29 числа в 4.12 выезжал под охраной поездом № 37 в «Вязьму», по пути выплачивая жалованье местным железнодорожникам. На следующий день, 30 числа, в 16.56 поезд № 4 возвращался в Калугу [3, л. 41–43].

За каждым артельщиком, будь то сборщик выручки или плательщик, закреплялся тот или иной участок. К примеру, за артельщиком-плательщиком И. Зотовым – «Вязьма–Полотняный завод», выплаты осуществлялись на станциях «Полотняный завод» – «Вязьма»; за И. Балаевым – участок «Пятовская–Демилово» с выплатами на станциях «Калуга–Пятовская», «Калуга–Алексино», «Протопопово–Демилово», «Протопопово–Рюриково» и т.д. [3, л. 48 об.].

Вышеизложенное позволяет увидеть трудности, с которыми сталкивалось государство при организации охраны перевозок материальных ценностей и безопасности сотрудников, выплачивавших жалованье железнодорожникам. Об этом говорит решение почтово-телеграфных учреждений резко сократить перевозку денежных средств и иных ценностей по г. Калуге и за ее пределами, так как местная власть не могла поручиться за их сохранность в пути. В сложившейся непростой ситуации, отягощенной нехваткой кадров в местной железнодорожной жандармерии, руководство Сызрано-Вяземской железной дороги было вынуждено обратиться за помощью к военным. Совместными усилиями представителей Калужского

отделения Самарского жандармского полицейского управления железных дорог и военной комендатуры г. Калуги удалось наладить систематическую охрану перевозок материальных ценностей, выполняемых биржевой артелью фон Мекка и обеспечить личную безопасность артельщиков, несмотря на случаи вооруженных нападений, участвовавшие в условиях революционного брожения 1906–1907 гг.

Список источников и литературы

1. Афанасьев Владимир Александрович // Русская Императорская армия: справочный портал. URL: <https://regiment.ru/bio/A/201.htm> (дата обращения: 01.06.2021).
2. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 1329. Оп.1. Д. 28.
3. ГАКО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 34.
4. Колчин Василий Васильевич // Офицеры РИА: справочный портал. URL: https://www.ria1914.info/index.php/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D1%87%D0%B8%D0%BD_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 01.06.2021).
5. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 10 октября 1909 г. Ч. 1–2. СПб.: Типография Отдельного Корпуса Жандармов, 1909. 725 с.
6. Список общего состава чинов Отдельного Корпуса Жандармов: исправлен по 15 ноября 1912 г. Ч. 1–2. СПб.: Типография Отдельного Корпуса Жандармов, 1912. 789 с.

II. Отечественная история XX – начала XXI в.

УДК 929.921

С.А. Лиманова¹

**«По всей России поднимается Красное Знамя Революции».
Трансформация памяти в символике новой власти на
страницах газеты «Правда» в 1917–1918 гг.²**

Аннотация. В статье рассматривается процесс изменения государственной символики – флага, герба, гимна – после революции 1917 г. и его представление на страницах газеты «Правда». Важной задачей издания являлось просвещение народных масс посредством пропаганды новых политических символов. Анализ статей позволяет выявить характерные описания, провести параллели с предреволюционным периодом, проследить способы трансляции новой символики, сделать некоторые выводы об особенностях ее распространения в публичном пространстве, общественном восприятии и влиянии на общую трансформацию памяти. На конкретных примерах показано, как символы власти выполняли различные функции – идентификационную, коммуникативную, демонстративную и др. Подробные описания советских торжеств изобиловали отсылками к новой символике, превращая ее в неотъемлемую часть советской действительности.

Ключевые слова: газета «Правда»; 1917; революция; символика; флаг; герб; гимн.

**“The Red Banner of the Revolution is being raised in Russia”.
Transformation of memory through the symbolics of the new
power on the pages of the “Pravda” newspaper in 1917–1918**

Abstract. The article examines the process of changing state symbols – the flag, state emblem and anthem – after the revolution of 1917 and its presentation on the pages of the newspaper «Pravda». An important task of the newspaper was to educate the masses through the promotion of new political symbols. The analysis of the articles allows us to identify characteristic descriptions, draw parallels with the pre-revolutionary period, present some conclusions about the features of its distribution in public space, public perception and the impact on the overall transformation of memory. Specific examples show how the symbols of power performed various functions: identification, communicative, demonstrative, etc. Detailed descriptions of Soviet celebrations abounded with references to new symbols, turning them into an integral part of Soviet reality.

¹ Светлана Андреевна Лиманова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: serovasvetlana@mail.ru.

Svetlana A. Limanova – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ, проект № 20-011-32106 опн_мол.

Keywords: newspaper «Pravda»; 1917; revolution; symbols; flag; coat of arms; anthem.

В марте 1917 г., после трехлетнего перерыва, возобновился выход запрещенной прежде ежедневной рабочей газеты «Правда». «Товарищи рабочие, товарищи солдаты, товарищи крестьяне – все, кто читал “Правду” и поддерживал ее, встретит ее, как старого друга» [8, с. 1], – сообщалось в новом выпуске. Газета вернулась уже не просто в качестве обличителя старого режима, а как «рупор» революции. Тираж вырос с 40–60 тыс. экземпляров до 90. Одна из основных задач издания заключалась в просвещении народных масс посредством пропаганды новых политических идей, неотъемлемой частью которых являлась новая политическая символика. В общественном сознании создавался и закреплялся образ «народной» власти, построенный на идеологическом контрасте с «отжившим царизмом».

На страницах газеты «Правда» подробно освещались революционные перемены в Петрограде, Москве и в провинции, печатались воззвания к рабочим и манифесты. «Великая российская революция» началась 23 февраля¹ 1917 г. Через два-три дня царский режим пал. На улицах Петрограда раздавалось пение «Марсельезы» и других революционных песен. То в одном, то в другом районе города можно было заметить красные знамена с надписями «Долой правительство!», «Да здравствует республика!», «Долой войну!» [8, с. 3]. Как уверяло издание, «Красное Знамя Революции» [8, с. 1] стало подниматься по всей России.

К 1 марта эйфория достигла Первопрестольной: «Москва переживает великий в истории день. С утра улицы полны народа. Во главе с полками, с красными знаменами проходит народ по улицам. Вечером арестовываются чины полиции, администрации и жандармерии... Происходят большие беспорядки погромного характера, подавленные революционным народом» [8, с. 4]. У Москвы уже имелся опыт революционной борьбы в ходе восстания 1905 г., а потому к ней было приковано особое внимание.

При описании текущих событий неизменными атрибутами «новой России» представляли революционные символы, еще совсем недавно находившиеся под строжайшим запретом: революционные песни; лозунги с призывами к свержению «буржуазного правительства» и установлению республики; флаги и знамена красного цвета, изготовлявшиеся из подручных материалов (лент, рубашек, юбок и т.д. подходящего цвета). Эти символы, выполнявшие идентификационную, коммуникативную и демонстративную функции [2], были хорошо знакомы и понятны, так как являлись частью политической революционной культуры, развившейся на рубеже XIX–XX вв. в жестоком противостоянии с идеологией царского правитель-

¹ За 1917 г. даты приводятся по старому стилю, с 1918 г. – по новому.

ства. Теперь они активно использовались как при спонтанных митингах и сходках, так и при организации новых «пролетарских» праздников.

Прежние символы – «царские» орлы, «романовские» флаги – не назывались вовсе или становились олицетворением негативного образа, как в стихотворении Ивана Логинова «Суд», опубликованном в «Правде»:

Еще вчера орел двуглавый
 За слово истины святой
 Суд беспощадный и неправый
 Творил над массой трудовой.
 Еще вчера здесь распинали,
 Казнили... вешали... ссылали...
 Сегодня ж здание Суда
 Постигла праведная кара:
 По воле Армии Труда
 Над ним бушует вихрь пожара.
 Горят законов переплеты,
 Позор России – эшафоты,
 И как ненужная труха –
 Бумаг судебных вороха.
 Горит Судебная Палата,
 И для нее пришла расплата.
 Огонь свершает участь трона.
 Из-за реки
 Идут восставшие полки,
 Поднявши красные знамена.
 А пламя ширится, растет,
 Гимн Революции поет
 И тоже
 На знамя красное похоже» [11, с. 3].

Понятие «революционные песни» было весьма широким. К нему могли относиться любые куплеты, слова в которых ругали прежнюю власть и превозносили революционные идеалы. Одной из наиболее распространенных «протестных» песен являлась «Марсельеза». Ее воспроизводили на мотив французского гимна, зато вариантов текстовой передачи было огромное количество, чуть ли не каждый пел на свой лад. Именно «Марсельезу», напрямую ассоциировавшуюся с образом «свободы», Временное правительство в марте 1917 г. сделало официальным гимном новой России взамен прежнего «Боже, Царя храни!».

Впрочем, в первом же номере возрожденной «Правды» (от 5 марта 1917 г.) «народным гимном» назван «Интернационал». Слова и музыка этого международного пролетарского гимна были написаны также во Фран-

ции, в 1870–1880-е гг. В начале XX в. появился русский перевод. «Правда» неоднократно публиковала этот текст:

«Вставай, проклятем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилия мы разроем
До основанья, а затем –
Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем!» [8, с. 3].

Во время различных торжеств 1917 г. можно было услышать исполнение и других песен, таких как «Мы жертвою пали в борьбе роковой...», «Дружно, товарищи, в ногу...» и т.д. Революционные мотивы представляли собой важный символ свершавшихся перемен. По поводу похорон жертв революции, прошедших 23 марта 1917 г. в Петрограде [6], в «Правде» писали: «Сегодня в день похорон геройских жертв революции, отдавших жизнь свою за величайшее право народа – за свободу, мы не только с песнями братской печали хороним этих героев, но и с гимном победы предаем земле и царское самодержавие...» [9, с. 1].

Упоминания о царском самодержавии выходили из употребления, постепенно «стирались» из памяти, вытеснялись новыми формами. Газета «Правда» зафиксировала, например, что московские церковные иерархи приняли решение на богослужении вместо оглашения царствующих особ произносить фразу «богохраняемая держава Россия, правительство ее и войско» [8, с. 4]. В то же время взамен старых песен читателей следовало учить новым, поэтому тексты и стихи революционного толка регулярно появлялись на страницах «Правды». Они могли служить хорошим связующим звеном, о чем и говорилось во время подготовки к празднованию Первой 1917 г.: «Наши революционные песни, наши боевые марши мы должны отчетливо не только знать, но и уметь петь могучими хорами улицы» [10, с. 1].

При этом большевики не оставляли идеи распространения «пожара революции» на другие страны и хотели петь «хорами улиц» во всем мире, а потому после их прихода к власти в октябре 1917 г. гимном Советского государства был выбран «Интернационал»: «Интернационал победил Марсельезу, как революция пролетарская оставляет позади революцию буржуазную, как внук побеждает деда, занимая его место на пиру жизни» [19, с. 3].

Весной 1918 г. советское руководство вынуждено было перебраться из Петрограда в Москву, вновь ставшую столицей, только теперь уже Советской Российской Республики. Следом переехало издательство газеты «Правда». Из «рупора революции» «Правда» постепенно превратилась

в главную газету страны, на передовице которой публиковались декреты советской власти.

Согласно «Декрету о флаге», официальным флагом становилось красное знамя с надписью: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика» [13, с. 1]. Этот символ «вырос» из универсального протестного, изначально выполнявшего компенсаторную функцию (в частности, на митингах, или в качестве молчаливого протеста, когда нельзя было предпринимать реальных действий), затем идентификационную и коммуникативную, позволяя определять «своих» и поддерживать связь, а с 1905 г. – уже демонстративную. В то время «красные лоскуты» одними горожанами не воспринимались всерьез, а у других вызвали беспокойство и потребность обратиться к местным властям в попытке избежать повторения революционных демонстраций [4]. Однако несмотря на многочисленные запреты полностью изъять их из публичного пространства оказалось крайне проблематично. В результате предложенный в 1918 г. «новый» флаг был уже хорошо знаком.

В списке одобренных лозунгов к 1 мая 1918 г., помимо «Да здравствует Всемирная Советская Республика» или «Да здравствует международная социалистическая революция», был и посвященный флагу – «Да здравствует Красное Знамя свободного и честного труда» [14, с. 3]. Красное знамя маркировало не только пространство советских торжеств, но и новые территории, завоеванные революцией. Это понимали как сторонники, так и противники советской власти. Соответственно, первые сообщали об этом с энтузиазмом: «Красный флаг коммунистической революции поднят и в Европе» [12, с. 1], вторые – со скепсисом: «Холера охватила всю Россию, мрут от нее в Петрограде, Москве, Нижнем, Царицыне и везде, где развевается новый флаг с буквами “Ресефесере”...» [7, с. 202]. Накануне праздничных дней выходили распоряжения об обязательном вывешивании красных флагов. Из приказа Комитета по устройству октябрьских торжеств: «Предписывается всем учреждениям и домовым комитетам 6 и 7 ноября украсить здания красными флагами» [16, с. 4]. Так протестный символ позднеимперского периода превратился в новый «казенный», как с первых же дней окрестили его оппоненты.

Если в отношении гимна и флага произошла легитимизация ранее известных революционных символов, то герб получился совершенно новым. Шестой раздел изданной в июле 1918 г. Конституции гласил: «Герб Р.С.Ф.С.Р. состоит из изображений на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещенных крест-на-крест рукоятками книзу, окруженных венцом из колосьев, и с надписью: а) Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, и б) Пролетарии всех стран, соединитесь!» [3, с. 7; 15, с. 3].

Утвержденная символика визуализировала победу советской власти, позволяла создать образ «новой», «красной» столицы, в которой «новые» люди жили по «новым» правилам. Публикации в «Правде» давали наглядное представление о подобных изменениях: «В 7 часов вечера, 6 ноября, нарядно разукрашенная и роскошно убранная красная столица зажглась ярким заревом фейерверков и роскошной иллюминации»; «По красным, расцветенным огнями улицам сплошным потоком катятся людские волны. Красные веселые блики мигают на одежде и лицах, и все кажутся нарядными, разодетыми в фантастические костюмы. Какой энтузиазм, какое ликование на лицах. Идут, взявшись под руки, и смеются, и поют свободные и гордые песни»; «Город представлял в этот день небывалое, невиданное зрелище. Всюду красные знамена, огромные плакаты, гербы Советской республики, перевитые гирляндами...» [17, с. 3]. «Очищение» символизировалось также демонстративным сожжением эмблем старого строя [1]. Празднование первого года Октябрьской революции называлось «красной годовщиной» и даже «Пролетарской Пасхой» [18, с. 1]. Впереди – открывалась «новая» жизнь...

На страницах газеты «Правда» представление новой символики происходило в декларативном порядке, символы прежней власти высмеивались, а затем просто переставали упоминаться. Принцип «замещения» успешно действовал еще и потому, что новая символика транслировалась хорошо известными способами: в периодике и специальных изданиях давались подробные описания, к торжествам декорировались городские улицы, к участию привлекались горожане и т.д. Новое «символическое пространство» имело тенденцию к расширению.

«Красная» Москва, в представлении большевиков, должна была стать плацдармом мировой революции. Следовательно, предполагалось, что борьба за доминирование в пространстве продолжится и выйдет на новый уровень. Расцвет подобных притязаний пришелся на весну 1919 г., когда состоялось «рождение» столь долго ожидаемого III Интернационала (Коминтерна). Это событие ознаменовалось целым рядом торжеств: парад войск (7 марта), день работниц (8 марта), подготовка и проведение Первая [5]. Центром празднований стала Красная площадь, оглашаемая звуками «Интернационала», разукрашенная красными флагами, с огромным гербом РСФСР посередине. 1 мая отмечалось в других городах Советского Союза и за границей, в то время как газета «Правда» вновь выступила связующим звеном, позволившим собрать разрозненные статьи в единое целое и представить общую картину мирового пролетарского праздника.

Подробные описания советских торжеств изобиловали отсылками к новой символике, которая постепенно закреплялась в общественном

сознании. Однако в дальнейшем ей не удалось полностью сохраниться в первоначально установленном виде. Несколько раз, хоть и не кардинально, изменялся герб (общая идея сохранялась, менялись некоторые элементы и / или их расположение). После роспуска Коминтерна в 1943 г. пришлось отказаться от «Интернационала» как официального гимна СССР. Напротив, красное знамя выдержало испытание временем, оставаясь государственным флагом в течение всего периода существования Советского Союза и сохранив прежние ассоциации с революционной борьбой (символ коммунизма и «левых» движений в мире).

Список источников и литературы

1. Годунов К.В. Образы врагов революции в праздновании годовщины Октября: сожжение изображений противников (1918–1920 гг.) // Вестник Пермского университета. Серия: «История». Вып. 2 (29). 2015. С. 104–112.
2. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 347 с.
3. Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики // Великая годовщина пролетарской революции. 25 Окт. 1917 г. – 7 Нояб. 1918 г. Петроград: Изд-во Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, 1918. С. 1–7.
4. Лиманова С.А. «Народного цвета у нас нет». Символы власти и символика революции в Москве 1905 года // Россия XXI. 2020. № 6. С. 84–99.
5. Лиманова С.А. «Так сказал красный май»: организация столичных торжеств под лозунгами Коминтерна весной 1919 года // Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник избранных статей участников Девятой Международной конференции молодых ученых и специалистов. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 99–105.
6. Лиманова С.А. «Это были не похороны, а народное торжество!» // Родина. 2019. № 4. С. 114–117.
7. Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917–1924: в 2 кн. Кн. 1. М.: Воениздат, 1997. 318 с.
8. Правда. 1917. № 1.
9. Правда. 1917. № 16.
10. Правда. 1917. № 20.
11. Правда. 1917. № 24.
12. Правда. 1918. № 8.
13. Правда. 1918. № 72.
14. Правда. 1918. № 85.
15. Правда. 1918. № 168.
16. Правда. 1918. № 240.
17. Правда. 1918. № 242.
18. Правда. 1918. № 259.

19. Третий Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Петербург: [Б.и.], 1918. 99 с.

УДК 94.(47+57-89):323.27.82-94

М.С. Кулагин¹

Механизмы конструирования памяти об Октябрьской революции в СССР: по материалам Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (1920–1929 гг.)

Аннотация. В приведенной статье анализируется деятельность Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт). Предметом исследования стали методы формирования единого нарратива об Октябрьской революции и их дисциплинарное воздействие на советский субъект. В результате было установлено, что Истпарт представлял собой централизованную организацию с отделениями по всей стране, чья основная задача заключалась в сборе материалов о революции, важнейшими из которых были личные свидетельства участников, фиксировавшие индивидуальную память об октябрьских событиях. Собранные материалы обрабатывались в центре редакторами до приемлемого с идеологической точки зрения состояния, а затем публиковались. Осуществляя монтаж индивидуальной памяти очевидцев, конструировался большевистский нарратив о революции, обеспечивавший легитимацию установившейся власти. Обращение к механизмам конструирования большевистской версии Октября позволяет понять, как именно производился фундаментальный нарратив Советского государства. *Ключевые слова:* СССР; Истпарт; Октябрьская революция; советская субъективность; практики; мемуары.

Mechanics of construction of the memory of the October Revolution in the USSR: based on the materials of the Commission on the History of the October Revolution and the RCP(b) (1920–1929)

Abstract. The article analyzes the activities of the Commission on the History of the October Revolution and the RCP (b) (Istpart). The subject of the study is the methods of forming a single narrative about the October Revolution and their disciplinary impact on the soviet subject. As a result, it was established that Istpart was a centralized organization with branches throughout the country, whose main task was to collect materials about the revolution, the most important of which were the personal testimonies of the participants, recording individual memory of the October events. The collected materials were processed in the center by proofreaders and editors to a state acceptable from an ideological point of view,

¹ Михаил Сергеевич Кулагин – студент магистерской программы «История современного мира» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: mskulagin@edu.hse.ru.

Mikhail S. Kulagin – Master’s student, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia).

and then published. Thus, by assembling the individual memory of eyewitnesses, the Bolshevik narrative about the revolution was constructed, which provided the legitimization of the established power. Turning to the mechanisms of constructing the Bolshevik version of October allows us to understand exactly how the fundamental narrative of the Soviet state was produced.

Keywords: USSR; Istpart; October Revolution; soviet subjectivity, practices; memoirs.

С окончанием октябрьских событий 1917 г. противостояние политических сил не закончилось, подтверждением чему стала вспыхнувшая Гражданская война. Борьба за власть между различными партиями разворачивалась не только на полях сражений, но и получила развитие в эго-документах, составлявшихся участниками событий с разных сторон. Новым фронтом Гражданской войны стала память, а главным средством для ведения боев – конструирование в газетных статьях, монографиях, мемуарах разных нарративов, в которых предоставлялись факты и мнения, интерпретировавшие произошедшие события однобоко, освещая выгодные для определенной позиции эпизоды и игнорируя те, что могли ее дискредитировать. Основным «местом» баталий стал вопрос о законности совершенного в октябре 1917 г. переворота и установившейся после этого центральной власти. Меньшевики, эсеры, кадеты и пр. – все антибольшевистские силы всячески осуждали политику большевиков в своих изданиях и воспоминаниях [27, с. 23]. Не имея согласованной позиции, они критиковали разные аспекты и создавали разные нарративы об Октябре, в которых одним из немногих общих мест стало неприятие большевиков. Тем самым формировался не комплементарный для большевиков нарратив.

Подобное положение заставляло недоумевать официальных партийных историков¹ и привело их к осознанию необходимости централизованного конструирования своего контрнарратива посредством издания идеологически верных материалов. С этой целью в сентябре 1920 г. и была создана Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), получившая от М.С. Ольминского сокращенное название – Истпарт, в коллегию которого вошло 9 членов: Ольминский в качестве председателя, В.В. Адоратский, Н.Н. Батуриин, А.С. Бубнов, В. Быстрянский, В.И. Невский, С.А. Пионтовский, М.Н. Покровский, Д.Б. Рязанов. Не имея возможности подробно остановиться на характеристике каждого участника в отдельности, заметим, что все они были видными партийными активистами, принимавшими участие в работе партии сначала в губерниях, а затем уже и в столицах. Их отличала преданность партии и наличие революционного опыта. Близкий к В.И. Ленину Ольминский вместе с Батуриным и П.Н. Лепешинским даже

¹ М.Н. Покровский отмечал, что пока кадет Милоков выпускает том за томом о революции, большевики в этом направлении не имеют ничего [5, с. 101].

заслужили звание наиболее важных защитников истории большевистской партии [27, с. 101].

Масштаб поставленной цели предполагал развертывание деятельности Истпарта в пределах всей страны. Практически сразу после появления центральной Комиссии на местах стали возникать бюро Истпарта. Как правило, они учреждались центральным органом в крупных промышленных городах и губернских центрах, сыгравших значительную роль в революционных событиях [17, л. 46]. Однако инициатива по созданию местных отделений исходила не только из центра – на местах уже имелись активисты, собиравшие сведения о революции, оставалось только встроить их в формировавшуюся систему исторических учреждений [15, л. 46].

Предполагалось, что работники местных отделений будут аккумулировать сведения и материалы о революции, а затем направлять их в центр, где они будут редактироваться, публиковаться и распространяться. Среди прочих собираемых истпартовскими работниками материалов выделялись воспоминания. Их особая значимость заключалась в том, что они помогали восстановить картину революции в деталях, демонстрировали опыт российского пролетариата и давали «голос рабочей массе» [7, с. 190]. Мемуарная литература рассматривалась «как орудие непрекращающейся борьбы, как путеводная нить к окончательной победе» [16, л. 29]. То есть собранный первичный материал, представленный индивидуальной памятью участников революции и переработанный Истпартом в воспоминания, виделся наиболее подходящим инструментом для достижения сугубо практических целей большевистского руководства.

Таким образом, выстраивалась инфраструктура некоторого «конвейера по производству памяти», который должен был создать единообразный большевистский нарратив об октябрьских днях и обеспечить его доминирование. Подобное «разделение труда» вполне соответствовало эпохе фордизма, которая, как убедительно продемонстрировал С. Коткин, затронула и СССР [12, с. 244]. На каждой фазе производства воспоминаний заранее определенными частями Истпарта выполнялся определенный алгоритм, обеспечивавший стандартизированное воспроизводство конечного продукта. В данной статье подробно рассматривается каждый этап создания мемуаров и показывается, как именно происходила шлифовка памяти до приемлемого состояния и как создавалась та особая позиция, с которой эта память транслировалась.

Заготовка. Кто и как добывал первичный материал

Мемуары могли создаваться несколькими путями: путем ответа на вопросы из анкеты, присланной Истпартом; путем рассказа на вечере воспоминаний или по желанию самого автора. Анкета была опубликована

в 1920 г. в издании «Ко всем членам партии» [10, с. 9–13] и распространена по всем бюро и группам содействия. Она состояла из 15 пространственных вопросов, которые как бы проводили мемуариста через нужные реперные точки истории. Существовали также местные варианты анкеты, в которых содержались вопросы о событиях, происходивших на конкретной территории. Но несмотря на это отличие, большая часть вопросов совпадала.

Стоит отметить, что вопросы отнюдь не были нейтральны, и в самой формулировке нередко присутствовала оценка тех или иных событий и групп, которую составители желали получить в ответе. Показателен пример вопроса о саботаже Октябрьского переворота, сформулированного следующим образом: «В чем проявился саботаж переворота со стороны интеллигенции? Приняли ли в нем участие другие слои населения, и если да, то какие?». Здесь видна четкая антиинтеллигентская направленность, явно ограничивавшая широту ответа автора.

Таким образом, инструкции и анкеты закрепляли линейную направленность в расположении событий одного за другим, устанавливая тем самым особый порядок, при котором из гущи памяти о революции удавалось высветить наиболее подходящие эпизоды. Такое упорядочивание индивидуальной памяти приводило к обезличиванию и деиндивидуализации текстов воспоминаний.

Поскольку штата местного Истпарт-бюро обычно не хватало для выполнения поставленных задач [2, с. 18], нередко прибегали к помощи групп содействия, которые не только собирали материалы о революции, но и сами создавали источники, организовывая вечера воспоминаний участников революции [11, с. 113]. На них приглашались деятельные партийцы и активные участники революционных событий. Вечера проходили в следующем формате: один из участников рассказывал заранее подготовленный доклад об определенном эпизоде революционной борьбы, опорой для которого были как личные воспоминания, так и доступные документы, газеты и пр., после следовали комментарии собравшихся, прения, дополнявшие и уточнявшие рассказ говорившего, затем выступал следующий и так далее. Во время всего мероприятия велась стенограмма, которая затем отправлялась участникам вечера для корректировки и могла редактироваться в соответствии с вопросами анкет. Коллективные воспоминания были глубже погружены в общий дискурс за счет привлечения разнообразных источников, а воспоминания авторов проходили через фильтр публики-реципиента.

Воспоминания, написанные не по анкете Истпарта, появлялись по следующим мотивам: автор, мог счесть вопросно-ответную форму недостаточной для раскрытия всего многообразия своего революционного опыта [4, л. 1]; по просьбе земляков и коллег [23, л. 1]; желание автора осветить важный, по его мнению, эпизод революции [22, л. 1]. Главным отличием

подобного рода воспоминаний можно назвать несколько иное дискурсивное устройство, внимание к эпизодам, напрямую не связанным с революционной борьбой. Поскольку создание воспоминаний во много представляло собой производство замкнутого цикла, когда в итоге «производители» были и «потребителями», такого рода тексты не уходили далеко от обозначенной тематики, авторы читали чужие, уже опубликованные мемуары и по аналогии производили свои, также становившиеся частью коллективной памяти. Само решение фиксации памяти о революции путем создания воспоминаний становилось актом принятия действующим субъектом через практики господствовавшей идеологии [3, с. 16].

Обработка. Кто и как обрабатывал сырец

Собранные воспоминания поступали в отделения Истпарта и подвергались правке. Изменения первичного текста были связаны с двумя причинами: 1) исправление опечаток и прочих технических недочетов; 2) стремление встроить воспоминания в общий революционный нарратив. В первом случае незначительно менялся порядок слов, исправлялись окончания. Во втором же работа была куда более масштабная. Править напечатанный на машинке текст мог как сам автор, так и редактор. Авторы могли вместо нейтральных повествовательных конструкций вписывать четко идеологически маркированные. Так, например, П. Козьмин активно вносил в стенограмму вечера воспоминаний правки своих реплик. В рассказе о желании взять управление продовольствием в свои руки он заменил «начать работать» на «вырвав продовольств. дело у контрреволюции, которая могла лишит хлеба восставших рабочих солдат» [25, л. 2]. Редакторы также вносили не только стилистические правки, но и вычеркивали неблагоприятные эпизоды. К примеру, из воспоминаний активного участника Гражданской войны А. Авдеева устранили эпизоды, которые, по мнению редактора, могли бросить тень на деятельность Советского государства – упоминания расстрелов мародеров и дезертиров, саботажа со стороны ВИКЖЕЛЯ, о неформальных договоренностях между воинскими частями [21, л. 12, 18]. В воспоминания П. Г. Сидовича добавили абзацы, в которых противники большевиков представлялись врагами свобод [24, л. 8].

Все мероприятия по цензурированию и редактуре были направлены на создание текста, вписывавшегося в общую канву повествования об октябрьских днях 1917 г., а через это и на создание «идеального мемуариста», отринувшего все атрибуты старого мира, в особенности орфографию, и сообщавшего не просто факты, но и дававшего при этом правильную оценку произошедшему.

Поскольку воспоминания, в первую очередь, собирались для установления фактов, личные подробности оказывались не нужны, личность

автора уходила на второй план, он становился «функцией-автором», через которого говорил дискурс [8, с. 223]. Тем самым текст был как бы отчужден от носителя памяти. Несмотря на то, что в конечном счете автором воспоминаний значился тот или иной участник революции, их подлинным создателем являлся Истпарт, шире – государственный аппарат [1, с. 108].

Контроль качества. Кем и как проверялась продукция

После приведения в надлежащий вид тексты начинали готовить к публикации. Важной стадией этой работы становилось рецензирование воспоминаний участниками описываемых событий. Рецензенты, в свою очередь, оценивали содержание воспоминаний, рекомендовали или не рекомендовали материалы к печати. На подготовительном этапе в рукописях оценивалось как фактическое наполнение, так и степень соответствия революционному нарративу, поэтому среди недостатков мемуаров не редко выделяли отсутствие достаточной проработки вопроса, основной руководящей идеи [26, л. 1–2], чувства массовости и роли руководящих органов [21, л. 2].

Материалы местных бюро перед публикацией предварительно направлялись в центральный Истпарт, где проходило рецензирование материалов и оценка их важности. Препятствием к изданию, помимо идеологических, могли быть и сугубо экономические причины. Так, даже ранее одобренному сборнику Калужского Истпарта об Октябрьской революции было отказано, поскольку «сборник по 1905 году оказался убыточным чуть не на все 100 %» [19, л. 4], а Костромской Истпарт, предлагавший изыскать средства для издания юбилейного сборника, не мог напечатать свои материалы, так как «на издание юбилейной литературы по всему Союзу ССР выделено чрезвычайно ограниченное количество печатных листов» [20, л. 9]. В таких случаях предлагалось публиковать материалы в местной прессе. Отпечатанные сборники также посылались в центральный орган.

Работа по распространению изданий осуществлялась центром. К примеру, для более эффективного продвижения литературы книги местных бюро реализовывались через сеть Госиздата, о чем была дана соответствующая реклама в «Правду» и провинциальные газеты [18, л. 20].

Таким образом, внутреннее содержание сборников, возможность их издания и распространения регулировались центром. Данный подход обеспечивал единообразие продукции и исключал появление «брака».

Конечный продукт. Последствия употребления

Конечная продукция находила читательский отклик в виде писем в редакцию, рецензий. В ответных работах авторы исправляли фактические неточности, предпринимали попытки отстоять свое честное имя и пови-

ниться в прежних ошибках [14, с. 228]. Если общий ход событий, описанных в воспоминаниях, сильно отличался от официальной концепции, то рецензию на мемуары могли писать представители Истпарта. К примеру, Заведующий Истпартоотделом Вятского губкома ВКП(б) Новоселов в отзыве на работу Кучкина «Большевистская организация в Вятке в начале 1917 г.» обвинил автора в тенденциозности, неправильном изложении событий и приписывании себе роли основателя организации, приводя в пример воспоминания других участников, чьи произведения были более идеологически верными [14, с. 229–231].

Облачение личной памяти в рамки документа делало ее доступной для социального взаимодействия, что формировало особые социальные связи и общности [9, с. 8], в результате чего одно опубликованное воспоминание могло повлечь за собой целый ряд ответных произведений, т.е. сделать из читателя еще одного автора [6, с. 107].

Заключение

Индустриальный подход к производству воспоминаний позволил создать однотипный и воспроизводимый товар. Унификация алгоритмов работы с первичным материалом предоставила возможность стадийного и специализированного производства, а печатная форма, давшая возможность тиражирования и широкого распространения продукции, сделала память о революции подручным товаром, упакованной информацией [13, с. 242]. Следствием этого стало образование новых общественных связей и формирование новой наднациональной общности советских граждан.

Как правило, такие мемуары просты для понимания, наполнены различными фактами, за которыми личность автора размывается, они однообразны по нарративной структуре, поскольку «скелет» истории (за редким исключением) уже любезно предоставлен государством.

Личные воспоминания участников о революции в полной мере не принадлежали им самим и являлись результатом отбора и обработки государственными органами, мобилизовавшими для этой деятельности, помимо профессиональных историков, значительные массы участников. Активизм участников, направленный на сохранение памяти о революции, был в полной мере кинематографическим – в его основе лежал последовательный ряд «статических снимков», или «фиксированных точек зрения», сделанных в однородной среде, что приводило к гомогенизации авторов и их памяти [13, с. 191]. Практическая деятельность по производству воспоминаний о революции демонстрировала существовавшую систему отношений власти.

Таким образом, индустриальный подход к работе с памятью о революции был напрямую связан с идеологическим аппаратом государства,

создававшим советский субъект [3, с. 51], и помогал наиболее эффективно осуществлять политическую функцию по легитимации новой власти. «Идеальные», обезличенные, насыщенные фактами воспоминания становились еще одним кирпичиком фундаментального нарратива.

Список источников и литературы

1. *Аверинцев С.С.* Авторство и авторитет // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наследие, 1994. С. 105–125.
2. *Алексеева Г.Д.* Истпарт: Основные направления и этапы деятельности // Вопросы истории. 1982. № 9. С. 17–29.
3. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государств // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. С. 14–58.
4. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 1667. Оп. 2. Д. 237.
5. Выступление Покровского // Девятая конференция РКП(б). Протоколы. М.: Изд-во политической литературы, 1972. 391 с.
6. *Добренко Е.А.* Формовка советского читателя. СПб.: «Академический проект», 1997. 321 с.
7. Из эпохи «Звезды и “Правды”»: (1911–1914). М.: [Б. и.], 1921. 191 с.
8. *Калинин И.А.* Культурная революция, советский субъект и порядок дискурса // Логос. 2019. Т. 29. № 2. С. 221–250.
9. *Каспэ И.М.* От редактора // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? / под ред. И.М. Каспэ. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 408 с.
10. Ко всем членам партии. М.: Гос. изд-во, 1920. 16 с.
11. *Коровайников В.Ю.* Группы содействия Истпарту ЦК ВКП(б) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 112–123.
12. *Коткин С.* Новые времена: Советский союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия: сб. статей / под ред. О. Хархордина. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. С. 239–397.
13. *Мак-Люэн М.* Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной эпохи. Киев: Ника-Центр, 2004. 432 с.
14. Пролетарская революция. 1928. № 10.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 1. Д. 16.
16. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 17.
17. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 3.
18. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 8.
19. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 155.
20. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 180.
21. РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 574.
22. РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 581.
23. РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 623.

24. РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 625.

25. РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 638.

26. РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 888.

27. *Corney F.C.* Telling October: Memory And The Making Of The Bolshevik Revolution. N.Y.: Cornell University Press, 2004. 306 p.

УДК 94+329.15 «1921/1929»

*Т.И. Морозова*¹

Регулирование социального состава РКП(б)–ВКП(б) в условиях НЭПа: альтернативы, методы, результаты

Аннотация. Статья посвящена регулированию социального состава Российской (Всесоюзной) коммунистической партии большевиков в годы новой экономической политики. Установлено, что важнейшим инструментом такого регулирования на протяжении 1921–1929 гг. являлось изменение условий приема в РКП(б)–ВКП(б). На основе опубликованных и архивных источников проанализированы разногласия по данному вопросу, возникшие весной 1922 г. между В.И. Лениным и другими членами Политбюро ЦК. Показано, что принятый сталинским большинством ЦК в начале 1924 г. курс на стремительное увеличение в составе РКП(б) доли рабочих от станка обусловил применение дополнительных чрезвычайных методов: сначала ленинского, а затем октябрьского призывов. Сделан вывод, что ни предъявление различных требований к разным категориям населения, ни организация специальных кампаний не позволили, тем не менее, высшему партийному руководству сделать из РКП(б)–ВКП(б) по-настоящему пролетарскую партию.

Ключевые слова: коммунистическая партия; Устав РКП(б); В.И. Ленин; Г.Е. Зиновьев; социальный состав; методы социального регулирования.

Regulating social structure of the Russian Communist Party (Bolsheviks) – All-Union Communist Party (Bolsheviks) in the New Economic Policy period: alternatives, methods, results

Abstract. The article studies the regulation of the social structure of the Russian (All-Union) Communist Party of the Bolsheviks during the period of implementing the New Economic Policy (NEP). It finds out that the most important instrument of such regulation in 1921–1929 was a change in admission conditions. Based on the published and archival materials, the author analyzes the disagreements related to this issue that arose in the spring of 1922 between V. I. Lenin and other members of the Politburo of the Central Committee. The findings of the research show that the course to a rapid increase in the number of real workers within the party membership, approved by the Stalinist majority of the Central Committee at the beginning of 1924, requested of use of emergency methods – Lenin, and then October call to the party (enrollment). The article concludes by arguing that neither imposing various requirements for different social categories nor

¹ **Татьяна Игоревна Морозова** – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия), e mail: mti137@yandex.ru.

Tatyana I. Morozova – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Sector of the History of Socio-Political Development Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

campaigning for joining the party did not help the top party leadership to turn the RCP(b)–AUCP(b) into a truly proletarian party.

Keywords: Communist Party; the Charter of the RCP(b); V.I. Lenin; G.E. Zinoviev; social structure; methods of social regulation.

Важнейшими показателями состояния Российской (с декабря 1925 г. – Всесоюзной) коммунистической партии большевиков и происходивших в ней изменений всегда являлись количественный и качественный состав партийных рядов, степень их единства и верности руководству. Необходимость укрепления политических позиций партии в советском обществе обусловила заинтересованность Центрального комитета РКП(б)–ВКП(б) в политической благонадежности ее членов, которую большевики в значительной степени связывали с социальным статусом человека.

Позиционируя себя «партией пролетариата», РКП(б)–ВКП(б) закономерно стремилась к расширению своего состава прежде всего за счет рабочих. Однако, являясь единственной правящей партией в Советской России, она не могла, тем не менее, полностью отказать от приема в свои ряды представителей других социальных слоев. В результате партийные организации разных уровней оказались вынуждены регулировать свой социальный состав, постоянно маневрируя между идеологическими установками и политическими реалиями. Особенно остро эта проблема стояла в годы новой экономической политики, характеризовавшиеся поиском наиболее оптимальных форм и методов руководства.

Несмотря на огромное значение, которое партия придавала регулированию численности и состава своих рядов, данная тема не получила адекватного освещения в советских историко-партийных исследованиях. Одной из главных причин такого состояния историографии стала подмена ключевых понятий. Большинство авторов, характеризуя социальный состав коммунистической партии, приводили сведения о численности рабочих по так называемому социальному положению, под которым в 1920-е гг. понимался социальный статус человека на момент его вступления в коммунистическую партию, а не на дату текущего учета (см., например: [1, с. 108–109; 7, с. 479; 9, с. 120]). Оперирование такой статистикой позволяло сначала партийным функционерам, а вслед за ними и историкам искусственно завышать долю рабочих в составе РКП(б)–ВКП(б). В результате советские исследователи излишне оптимистично оценивали работу парторганов по регулированию социального состава партии, декларируя, как правило, ее пролетарский характер.

После распада СССР проблема регулирования социального состава коммунистической партии оказалась на периферии исследовательских интересов. Одним из немногих, кто в конце 1990-х гг. вернулся к этой теме,

был В.В. Никулин, пришедший к выводу, что главной целью изменения социального состава РКП(б)–ВКП(б) в годы новой экономической политики являлось обеспечение устойчивости советского политического режима [12, с. 102]. Еще одним важным шагом в осмыслении данной темы стало то, что в последние годы исследователи все чаще стали рассматривать регулирование социального состава коммунистической партии как один из важнейших механизмов социальной мобильности того времени [5; 10; 11; 31].

В настоящей статье предпринимается попытка выяснить, какие цели и задачи ставило высшее партийное руководство в области регулирования социального состава РКП(б)–ВКП(б), выявить различные точки зрения по данному вопросу, охарактеризовать основные методы и результаты этого регулирования. При анализе статистических сведений о доле тех или иных социальных групп среди членов и кандидатов в члены партии использованы данные о так называемом роде занятий, то есть о социальном статусе человека непосредственно в момент фиксации сведений о нем. Такой подход является залогом сопоставимости всех приведенных цифр и, как следствие, наиболее объективного представления о социальном облике РКП(б)–ВКП(б).

Базовым инструментом регулирования социального состава коммунистических рядов всегда являлся партийный Устав. Именно этим документом определялись критерии приема в партию, ее организационное строение и основные принципы функционирования. В зависимости от текущей политической ситуации высшее партийное руководство неоднократно вносило в Устав те или иные изменения, утверждавшиеся сначала всероссийскими, а после образования СССР – всесоюзными партийными съездами или конференциями.

Условия приема в большевистскую партию до взятия ею политической власти в России были одинаковы для всех категорий населения. Согласно Уставу, действовавшему с августа 1917 г., для этого требовались рекомендации двух большевиков и решение местной партийной организации.

Эти же правила продолжали действовать вплоть до начала декабря 1919 г. Однако на заключительном этапе Гражданской войны, когда в ряды большевистской партии все больше стали стремиться люди, мотивированные не столько идеологическими соображениями, сколько желанием получить те или иные привилегии, высшее партийное руководство пошло на повышение требований к потенциальным претендентам. Так, согласно Уставу, принятому VIII Всероссийской конференцией РКП(б), все желающие получить партийный билет были обязаны пройти так называемый кандидатский стаж, предоставлявший возможность участвовать в откры-

тых партийных собраниях только с правом совещательного голоса. Чтобы стать кандидатом в члены РКП(б) претендент был обязан предоставить рекомендации двух коммунистов с шестимесячным партийным стажем. При этом для рабочих и крестьян минимальная продолжительность пребывания в статусе кандидата в члены партии устанавливалась в два, а для остальных категорий населения – в шесть месяцев. Тем самым впервые представителям различных социальных слоев были предъявлены разные требования.

Кроме того, высшее партийное руководство неоднократно прибегало к чрезвычайным методам регулирования численности и состава РКП(б) – ВКП(б). В годы Гражданской войны таковыми были, с одной стороны, «партийные недели», когда объявлялся массовый прием в партию рабочих и красноармейцев, а с другой – перерегистрации, проверки и прочие кампании, нацеленные на ревизию партийных рядов и их очищение от примазавшихся и «социально-чуждых элементов». Крупнейшей из них стала проведенная во второй половине 1921 г. Генеральная чистка РКП(б), в результате которой численность партии сократилась не менее чем на четверть (подробнее см.: [37]).

Проанализировав результаты чистки, ЦК РКП(б) пришел к выводу о необходимости дальнейшего ужесточения условий приема в партию. При этом повышать требования для различных категорий населения планировалось по-разному. Большевики не без основания полагали, что наиболее дисциплинированной категорией населения являлись промышленные рабочие. Благодаря привычке трудиться по строго установленному графику и соблюдать технологический процесс, они в большинстве своем были более управляемы и послушны, чем, например, крестьяне или интеллигенты [10, с. 913].

Руководствуясь этой логикой, В.И. Ленин начиная с декабря 1921 г. неоднократно предлагал своим ближайшим соратникам считать рабочими только тех, кто трудился по найму в крупной промышленности не менее десяти лет. Остальные члены Политбюро занимали, судя по всему, более осторожную позицию, признавая рабочими всех, занятых на заводах и фабриках, независимо от их производственного стажа.

В соответствии с решением XI конференции РКП(б), вопрос об условиях приема в партию должен был разрешить XI партийный съезд. Выступить на нем с докладом «Об укреплении и новых задачах партии» поручили Г.Е. Зиновьеву. Проект его тезисов в середине марта 1922 г. обсудило Политбюро. Наряду с автором внесением правок в текст занимались также И.В. Сталин и Л.Б. Каменев [26, л. 22–24]. 15 марта в отсутствие ослабленного болезнью Ленина Политбюро утвердило тезисы и рекомендовало их к печати в газете «Правда». Согласно пятому пункту этого документа, для улучшения качественного состава РКП(б) на период до следующего съезда

планировалось ужесточить правила приема в партию, обязав всех рабочих, крестьян и красноармейцев предоставлять рекомендации трех членов партии с трехлетним партийным стажем, а служащих и прочих – рекомендации пяти членов партии с пятилетним стажем. Кроме того, предполагалось увеличить кандидатский стаж с двух до шести месяцев для рабочих и крестьян и с шести месяцев до одного года для служащих [17].

Временно отошедший от дел Ленин узнал о содержании тезисов из «Правды» только через неделю после их публикации. 24 марта 1922 г. по телефону он продиктовал записку, адресованную В.М. Молотову, в которой выразил категорическое несогласие с позицией Политбюро. «Я считаю, – заявил Ленин, – крайне опасным оставить без изменения предлагаемые Зиновьевым краткие сроки». В условиях НЭПа ранее неоднократно высказываемые опасения вождя по поводу нарастания «мелкобуржуазной стихии» только усилились. Критикуя Зиновьева за мягкость предложенных критериев приема в РКП(б), Ленин объяснял: «Сплошь и рядом в категорию рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих. ...якобы пролетарский характер нашей партии на самом деле несколько не гарантирует ее от возможного перевеса, и притом в самый короткий срок, элементов мелкохозяишских» [8, с. 18]. На этом основании Ленин просил внести на предстоящий пленум ЦК предложение об утверждении следующих сроков прохождения кандидатского стажа: полгода для рабочих, не менее 10 лет занятых на производстве, полтора года для остальных рабочих, два года для крестьян и красноармейцев и три года для всех прочих.

Состоявшийся на следующий день пленум ЦК обсудил предложение Ленина. Отсутствие стенограммы заседания не позволяет, к сожалению, установить, какую аргументацию приводили его участники. Однако изменения, внесенные в тезисы Зиновьева, явно не оправдали ожиданий вождя. Протокол пленума гласил: «Не допуская ни в коем случае вступления в партию элементов, живущих эксплуатацией чужого труда, спекуляцией и т.п., установить кандидатский стаж для рабочих – шесть месяцев, для красноармейцев – один год, для крестьян и прочих лиц – полтора года, с возложением особой ответственности на товарищей, рекомендующих новых членов партии» [26, л. 25].

Основатель и вождь большевистской партии, узнав, что его точка зрения оказалась проигнорированной, был явно раздражен. 26 марта Ленин обратился к Молотову с письмом, в котором заявил, что желает оспорить решение пленума ЦК. Опасаясь, что состояние здоровья не позволит ему лично выступить на предстоявшем съезде, он просил зачитать делегатам его обращение. В нем говорилось: «Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская по-

литика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него» [8, с. 20]. Наряду с непролетарским составом РКП(б) Ленина беспокоили гигантский, по его мнению, соблазн вступления в правительственную партию и угроза нового притока в ее ряды мелкобуржуазных элементов. Полагая, что «полугодовой стаж для рабочих ни в коем случае не в состоянии остановить этот напор», он вновь настаивал на удлинении кандидатского стажа для всех социальных категорий и на уточнении самого понятия «рабочий».

Вопреки опасениям Ленин смог участвовать в работе открывшегося 27 марта 1922 г. XI съезда РКП(б) и даже выступил на нем с политическим отчетом ЦК. Личное присутствие вождя, по всей видимости, оказало решающее значение на позицию его соратников по Политбюро, которых Молотов, несомненно, ознакомил с полученным накануне письмом. Неожиданно для большей части делегатов съезда Зиновьев занял более радикальную позицию по сравнению с собственными тезисами. В своем выступлении он предложил сохранить порядок, существовавший во время партийной чистки, т.е. «почти закрыть доступ в партию до следующего съезда» [22, с. 425]. Такое решение, судя по всему, было принято докладчиком спонтанно и опиралось, главным образом, на желание угодить вождю. Основанием для такого утверждения является тот факт, что в том же самом докладе несколько минут спустя Зиновьев признал необходимым увеличение удельного веса пролетариата в РКП(б) и заявил о необходимости «закрыть дверь» партии уже не для всех, а только для непролетарских элементов [22, с. 430].

Присутствие Ленина на съезде освобождало Молотова от обязательства оглашения полученного им письма. Сам же Ленин воздержался от каких-либо публичных комментариев по поводу условий приема в РКП(б), рассчитывая, вероятно, на то, что осознавший свою «ошибку» Зиновьев сможет провести необходимое решение. Однако неосведомленность большей части делегатов о разногласиях, возникших в ЦК накануне съезда, и колебания Зиновьева во время доклада дали совершенно иной результат. Принятая съездом резолюция «Об укреплении и новых задачах партии» гласила, что прием в РКП(б) должен осуществляться по трем категориям: рабочие и красноармейцы из рабочих и крестьян; крестьяне (кроме красноармейцев) и кустари, не эксплуатировавшие чужого труда; служащие и «прочие». Для первой группы были установлены льготные условия: рекомендация трех членов РКП(б) с трехлетним партийным стажем и окончательное утверждение уездным или районным комитетом. Крестьяне и кустари также могли быть приняты при предоставлении трех рекомендаций

коммунистов с трехлетним стажем, однако только с санкции губернского комитета. Для приема по третьей категории обязательным являлось представление рекомендаций пяти коммунистов с пятилетним партийным стажем и положительное решение губкома. Кандидатский стаж для рабочих был определен в шесть месяцев, для крестьян и кустарей – один год, для служащих и «прочих» – два года [22, с. 577–578].

Такое ужесточение условий приема в РКП(б) правомерно оценить как неоднозначное. С одной стороны, партия вождистского типа, основанная и несмотря на болезнь по-прежнему возглавляемая Лениным, как ни парадоксально, приняла решение, идущее вразрез с его позицией. С другой стороны, даже в таком виде введенные критерии заметно ограничили приток в РКП(б) новых членов, особенно из числа крестьян. Чем малочисленнее была деревня, тем труднее ее жителям было найти коммунистов с трехлетним партийным стажем, имевших право давать рекомендации для вступления в РКП(б). В результате, согласно подготовленной Центральным комитетом РКП(б) статистической справке о составе партийных организаций, по данным на 1 июля 1923 г. среди 479,8 тыс. членов и кандидатов в члены партии насчитывалась только 71,7 тыс. крестьян, или 14,9 %. Однако число рабочих, непосредственно занятых физическим трудом, и их доля в РКП(б) оказались еще ниже: 43,4 тыс. человек, или 9,0 % [29, л. 73].

По мере нарастания внутрипартийной борьбы, разворачивавшейся на фоне болезни Ленина, такой социальный состав все менее удовлетворял Сталина и его сторонников, которые были убеждены, что основной опорой их главного политического оппонента – Л.Д. Троцкого – являлась учащаяся молодежь. Исходя из этого сталинское большинство ЦК решило объявить курс на стремительное увеличение пролетарского ядра РКП(б), надеясь тем самым ослабить Троцкого и одновременно укрепить собственные политические позиции. Это намерение, вызревшее, по всей видимости, в ходе внутрипартийной дискуссии 1923 г., было воплощено в жизнь на состоявшейся 16–18 января 1924 г. XIII Всесоюзной партийной конференции. В принятой по ее итогам резолюции констатировалась необходимость в течение года «из числа коренных пролетариев привлечь в ряды РКП(б) не менее чем 100 тыс. новых членов» [23, с. 157].

Всего через несколько дней после принятия данного решения скончался Ленин, что позволило заметно форсировать решение поставленной задачи. Уже 29 января 1924 г. пленум ЦК принял постановление, согласно которому на протяжении предстоящих трех месяцев в РКП(б) надлежало принимать исключительно рабочих от станка [21, с. 184]. В центральной и местной периодической печати кампанию быстро «окрестили» ленинским призывом, что, принимая во внимание позицию Ленина по вопросу о приеме рабочих в РКП(б), выглядит как минимум иронично. Ради ре-

шения своих политических задач Сталин и его ближайшее окружение использовали не только регулирование численности и состава РКП(б), но и имя только что умершего вождя. Таким образом Ленин, при жизни выступавший за существенное повышение требований к желающим вступить в партию рабочим, после смерти оказался символом их массового притока в РКП(б).

Первые итоги кампании были подведены XIII съездом РКП(б) в мае 1924 г. Выступивший с докладом мандатной комиссии заведующий организационно-распределительным отделом ЦК Л.М. Каганович оценил численность так называемого ленинского призыва в 241 591 человек [33, с. 529]. Озвученная цифра была явно завышена, хотя по всем статистическим данным количественные результаты кампании в любом случае превзошли изначально установленный план (подробнее см.: [10, с. 917]). Позитивно оценив проделанную работу, съезд поставил перед партийными организациями новую и еще более амбициозную задачу: «добиться, чтобы в течение ближайшего года в партии было больше половины ее состава рабочих от станка» [33, с. 606].

Сначала ленинский призыв, а затем текущая работа партийных организаций заметно изменили социальный облик РКП(б). Так, по данным на 1 января 1925 г. доля рабочих от станка среди членов и кандидатов в члены партии составляла уже 40,8 %, второе место занимали служащие (35,8 %), третье – крестьяне (8,0 %), четвертое – учащиеся (6,3 %), пятое – военные (5,4 %). Кроме того, 1,1 % приходился на безработных, 0,5 % – на батраков, 0,2 % – на кустарей и еще 1,9 % были отнесены официальной статистикой к категории «прочих» [24, с. 13]. К началу июля того же года удельный вес рабочих, крестьян и батраков вырос до 42,0 %, 9,4 % и 1,1 % соответственно, а доля служащих, напротив, сократилась до 35,0 % [25, с. 33]. Это означало, что партийные организации при приеме в РКП(б) действительно старались отдавать приоритет тем претендентам, чьим основным занятием был физический труд, но в то же время темпы роста так называемого рабочего ядра были явно недостаточны, чтобы выполнить установку XIII партийного съезда.

Поэтому состоявшийся в декабре 1925 г. XIV Всесоюзный съезд, переименовавший РКП(б) в ВКП(б), принял решение в очередной раз изменить условия вступления в партию. Согласно утвержденной съездом новой редакции партийного Устава, первая категория желающих вступить в ВКП(б) была разделена на две группы: а) промышленные рабочие, занятые непрерывно наемным трудом; б) непромышленные рабочие, красноармейцы из рабочих и крестьян, а также батраки. Для первых устанавливалась необходимость предоставления двух рекомендаций коммунистов с одногодичным, для вторых – с двухгодичным партийным стажем [35,

с. 15]. Небольшое «ослабление» требований вводилось также для крестьян, которые по-прежнему должны были представить три рекомендации коммунистов, но уже не с трех-, а с двухгодичным партийным стажем. Служащие при этом как и раньше могли вступить в ВКП(б) только при наличии пяти рекомендаций коммунистов с пятилетним партийным стажем. По мнению А.А. Андреева, возглавлявшего специальную комиссию по внесению изменений в Устав ВКП(б), новые критерии были призваны «облегчить формальные условия вступления в партию рабочих, чтобы и дальше увеличивать рабочие кадры нашей партии» [36, с. 877].

Однако уже через полгода после утверждения нового Устава ВКП(б) выяснилось, что ожидания высшего партийного руководства не оправдались. По данным на 1 июля 1926 г., доля рабочих среди всех членов и кандидатов в члены партии не только не достигла планового показателя, но и заметно сократилась, составив всего 38,7 %, тогда как доля крестьян, напротив, выросла до 15,1 % (подсчитано по: [2, с. 16–17]). Основной причиной произошедших изменений, по всей видимости, стал социальный состав населения страны. Поскольку в середине 1920-х гг. в большинстве регионов СССР по-прежнему преобладало крестьянство, даже незначительное послабление для этой категории дало гораздо больший эффект, чем какие бы то ни было льготы для немногочисленных рабочих. Дополнительным фактором, тормозившим увеличение удельного веса уже не только рабочих, но и крестьян, являлась социальная мобильность: после вступления в партию представители указанных слоев населения нередко получали ту или иную общественную нагрузку и со временем меняли род деятельности, становясь в итоге служащими.

В октябре 1926 г. ЦК ВКП(б) объявил о проведении Всесоюзной партийной переписи, призванной как можно точнее выяснить численность и качественный состав ВКП(б). В соответствии с предварительным планом перепись должна была начаться 10 декабря и продлиться не более 20 дней [19, с. 2]. Однако, поскольку подготовка столь масштабной кампании требовала больших временных затрат, 18 ноября 1926 г. Политбюро ЦК приняло решение отсрочить ее проведение на один месяц [27, л. 4], вследствие чего перепись стартовала только 10 января 1927 г.

В большинстве партийных организаций, за исключением наиболее удаленных от столицы, кампания завершилась к концу января 1927 г. Оперативно опубликованные результаты переписи заметно отличались от данных, которыми располагал ЦК ВКП(б). Так, согласно текущему статистическому учету на 1 января 1927 г., 37,5 % всего состава ВКП(б) являлись рабочими, 33,7 % – служащими, 15,2 % – крестьянами, 5,5 % – учащимися, 1,9 % – безработными, 1,2 % – военными, 1,1 % – батраками, 0,3 % – кустарами, 1,9 % – «прочими» и об 1,5 % не было сведений. Однако из матери-

алов переписи следует, что наибольшую долю среди членов и кандидатов в члены ВКП(б) в январе 1927 г. составляли служащие (38,5 %), причем без учета младшего обслуживающего персонала, который был выделен в самостоятельную категорию (2,5 %). В то же время рабочими, непосредственно занятыми физическим, в том числе сельскохозяйственным, трудом, согласно переписи, были признаны только 30,0 %, а крестьянами – 10,1 %. Кроме того, были учтены 8,1 % военных, 5,1 % – учащихся, 0,5 % – кустарей. Лица, не имевшие определенного занятия, теперь подразделялись на безработных (3,9 %), домашних хозяек (0,8 %) и нетрудоспособных (0,4 %). К категории «прочих» оказались отнесены только 0,1 % членов и кандидатов в члены партии [4, с. 8–9].

Столь заметную разницу в статистике невозможно объяснить объективными изменениями, произошедшими в составе ВКП(б) за январь 1927 г. Основная причина, по которой доли рабочих и служащих фактически поменялись местами, заключалась в разнице подходов к определению социального статуса членов и кандидатов в члены ВКП(б). Дело в том, что при разработке бланков переписи статистический отдел ЦК использовал пособия, применявшиеся при проведении Всесоюзной переписи населения 1926 г. и заметно отличавшиеся от материалов текущего партийного учета. Ряд профессий, ранее считавшихся рабочими, в материалах партийной переписи был отнесен к категории служащих: санитары, сиделки, пожарные, сторожа, ночные смотрители, чаевары, дворники, истопники, банщики, кухарки и т.п. В то же время батраки, которых партийная статистика прежде либо учитывала отдельно, либо относила к категории крестьян, в ходе переписи и после нее стали учитываться как рабочие [32, с. 6–8]. По-разному до и во время переписи 1927 г. определялась принадлежность коммунистов к той или иной социальной группе. Если раньше при приеме в ВКП(б) за основу бралась профессия, которая служила источником существования «в течение более или менее длительного промежутка времени» [6, л. 88], то по новой инструкции предпочтение отдавалось «последней перед вступлением в партию профессии (занятию), если эта профессия не была случайной» [32, с. 7–8].

Проведение переписи на основе новых критериев определения так называемого рода занятий членов и кандидатов в члены ВКП(б) позволило получить более объективное представление о социальном составе партии. В то же время полученные цифры наглядно показали, насколько далеко партийные организации на самом деле были от выполнения установки XIII съезда РКП(б) на то, чтобы «рабочее ядро» составляло не менее половины от общего числа членов и кандидатов в члены партии.

Тем не менее высшее партийное руководство не намеревалось отказываться от намеченного курса. Поэтому в октябре 1927 г. Политбюро ЦК

приняло постановление «О регулировании роста партии в связи с итогами переписи», в котором в очередной раз обозначило задачу довести долю рабочих с производства в составе ВКП(б) до 50 %. Кроме того, Политбюро потребовало от парткомов усилить вовлечение в коммунистические ряды батраков и ограничить приток в них служащих, принимая только тех, кто способен «принести партии и пролетарской диктатуре действительную и существенную помощь» [14; 28, л. 19–20].

По всей видимости, высшее партийное руководство к тому времени уже хорошо понимало, что решить поставленную задачу путем текущего приема рабочих в ВКП(б) не удастся. Осознание данного факта побудило ЦК 4 ноября 1927 г. объявить очередной призыв рабочих в ВКП(б), приурочив его к 10-летию Октябрьской революции [16, с. 11]. В ходе этой кампании, продолжавшейся по январь 1928 г. включительно, кандидатами в члены партии были приняты 108,1 тыс. человек [3, с. 18].

Во многом за счет этого пополнения к началу апреля 1928 г. доля рабочих в общем составе ВКП(б), согласно текущему статистическому учету, вновь выросла до 40,9 % (подсчитано по: [30, л. 12]). Примечательно, что это было всего на 0,1 % больше, чем в начале 1925 г., т.е. после ленинского призыва в ВКП(б). Такое совпадение дает основания для самых разных гипотез, в том числе позволяет предположить, что данная цифра была намеренно завышена, чтобы хотя бы формально превзойти результат трехлетней давности.

В пользу этой гипотезы говорит и то, что к 1 июля 1928 г. доля рабочих в составе ВКП(б) вновь сократилась, составив 39,4 % [20, с. 19]. Пытаясь установить причины негативной тенденции, в октябре 1928 г. статистический отдел ЦК провел тщательное изучение динамики численности и состава партии за предшествующие четыре года. Проведенный анализ показал, что после кампаний массового призыва парторганизации были вынуждены непропорционально много внимания уделять политическому просвещению «новобранцев» и их последующему выдвижению на партийную, советскую и профсоюзную работу. В результате «наступало затишье в деле вовлечения рабочих и прорывался самотек в партию служащих и прочих» [30, л. 14–15]. Поэтому, признав большое значение ленинского и октябрьского призывов для увеличения рабочего ядра в партии, статистический отдел ЦК тем не менее принял решение отказаться от дальнейшего проведения таких кампаний в пользу текущего индивидуального приема в соответствии с уставными нормами. Благодаря этому решению октябрьский призыв стал последней в истории массовой кампанией по вовлечению беспартийных в РКП(б)–ВКП(б) [11, с. 44–45].

В ноябре 1928 г. очередной пленум ЦК ВКП(б) вновь подтвердил уставную задачу XIII съезда на увеличение «рабочего ядра» в партии. В соответствии

с принятой резолюцией, партийным комитетам рекомендовали на протяжении двух лет следить за тем, чтобы 80 % всех принимаемых в ВКП(б) составляли промышленные рабочие. Для того чтобы облегчить проведение этой рекомендации в жизнь пленум ввел дополнительные ограничения на прием в партию «непролетарских элементов». Так, от служащих и «прочих», желавших вступить в ВКП(б), по-прежнему требовалось предъявить рекомендации пяти коммунистов с пятилетним партийным стажем, однако отныне хотя бы несколько человек из числа рекомендующих в обязательном порядке должны были являться промышленными рабочими в городе, либо батраками или сельскохозяйственными рабочими – в деревне. В качестве дополнительной меры для регулирования состава ВКП(б) пленум предложил использовать очередную чистку ее рядов [13, с. 12].

Специальное постановление о проведении проверки членов и кандидатов в члены ВКП(б) объединенный пленум ЦК и ЦКК принял в середине апреля 1929 г. Выступивший с докладом секретарь Центральной контрольной комиссии Е.М. Ярославский связал проведение кампании с переходом к периоду «социалистического переустройства всего народного хозяйства СССР». Свертывание НЭПа и принятие нового политического курса требовало масштабной ревизии ВКП(б), очистки ее от «мелкобуржуазных элементов», а также коммунистов, подвергшихся «бытовому загниванию» и «пренебрегающих общественным мнением», которые могли бы препятствовать проведению генеральной линии партии [15, с. 4–5]. Решение объединенного пленума ЦК и ЦКК было полностью подтверждено состоявшейся 23–29 апреля 1929 г. XVI конференцией ВКП(б).

В большинстве партийных организаций «генеральная чистка» началась с небольшим опозданием – примерно с июля 1929 г. В самый разгар кампании, в ноябре 1929 г., пленум ЦК ВКП(б) принял курс на сплошную коллективизацию сельского хозяйства, что означало полный и окончательный отказ высшего партийного руководства от новой экономической политики. К этому времени доля рабочих от станка среди всех членов и кандидатов в члены ВКП(б) достигла 46,7 % [34, с. 19], что стало максимальным значением за весь период НЭПа.

Таким образом, ни понижение уставных требований к рабочим, желавшим вступить в коммунистическую партию, ни массовые кампании призыва в РКП(б)–ВКП(б), ни даже чистка ее рядов не позволили парторганизациям решить поставленную перед ними задачу. Основными причинами этого, по всей видимости, были социальный состав населения страны, характеризовавшийся преобладанием крестьянства, и низкий уровень общей и политической грамотности рабочих, часто не заинтересованных во вступлении в партию. Дополнительным фактором являлась вертикальная

мобильность, благодаря которой после получения партийного билета не только рабочие, но и крестьяне зачастую меняли род своей деятельности, переходя тем самым в категорию служащих. Отказ высшего партийного руководства от ленинского подхода к регулированию социального состава РКП(б) и принятый в 1924 г. курс на стремительное увеличение «рабочего ядра» существенно изменили облик правящей партии, но так и не сделали ее по-настоящему пролетарской.

Список источников и литературы

1. Андрухов Н.Р. Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР (1917–1937 гг.). М.: «Мысль», 1977. 376 с.
2. ВКП(б) в цифрах. Вып. 6. М.; Л.: Госиздат, 1927. 56 с.
3. ВКП(б) в цифрах. Вып. 8. М.: Госиздат, 1928. 47 с.
4. Всесоюзная партийная перепись 1927 года. 3-й выпуск: род занятий членов ВКП(б) и кандидатов в члены. М.: Статистический отдел ЦК ВКП(б), 1927. 180 с.
5. Головин С.А., Мусиенко А.В. Основные тенденции формирования социального состава РКП(б)–ВКП(б) в 1920–1930-е годы (на примере Дальнего Востока РСФСР) // Гуманитарные чтения. Владивосток: ДФУ, 2021. С. 22–35.
6. Государственный архив Новосибирской области (ГАОНО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 540.
7. История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. Т. 4: Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР, 1921–1937 гг. Кн. 1: 1921–1929 гг. М.: Политиздат, 1970. 663 с.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. 730 с.
9. Маслов И.И. КПСС в борьбе за укрепление единства своих рядов и осуществление политики социалистической индустриализации страны (1925–1927 гг.). М.: Госполитиздат, 1955. 175 с.
10. Морозова Т.И., Шишкин В.И. Коммунистическая партия большевиков как советский социальный лифт в условиях новой экономической политики // Новейшая история России. 2020. № 4. С. 902–932.
11. Морозова Т.И., Шишкин В.И. Призывы беспартийных в РКП(б)–ВКП(б) во время гражданской войны и новой экономической политики: феномен инспирированной мобильности // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 31–50.
12. Никулин В.В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период НЭПа. Становление и функционирование (1921–1929). СПб.: Нестор ТОО «Афина», 1997. 194 с.
13. О вербовке рабочих и регулировании роста партии (по докладу т. Молотова) // Известия ЦК ВКП(б). 1928. № 35. С. 10–12.
14. О регулировании роста партии в связи с итогами переписи // Известия ЦК ВКП(б). 1927. № 39. С. 5–6.
15. О чистке и проверке членов и кандидатов ВКП(б). Тезисы доклада тов. Ярославского на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). М.; Л.: Госиздат, 1929. 16 с.

16. О широком вовлечении в партию рабочих и работниц в связи с десятой годовщиной // Известия ЦК ВКП(б). 1927. № 41. С. 11.
17. Об укреплении и новых задачах партии // Правда. 1922. 17 марта.
18. О широком вовлечении в партию рабочих и работниц в связи с десятой годовщиной Октябрьской революции // Известия ЦК ВКП(б). 1927. № 41. С. 11.
19. Организационный план проведения Всесоюзной партпереписи в 1926 г. // Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 40–41. С. 2–3.
20. Партия в цифрах // Известия ЦК ВКП(б). 1928. № 31. С. 19.
21. Постановление «О приеме рабочих от станка в партию» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3: 1922–1925. М.: Политиздат, 1984. С. 184.
22. Протоколы Одиннадцатого съезда РКП(б). М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. 839 с.
23. Резолюция «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3: 1922–1925. М.: Политиздат, 1984. С. 157.
24. РКП(б) в цифрах. Вып. 3. М.: [Б.и.], 1925. 34 с.
25. РКП(б) в цифрах. Вып. 4. М.: [Б.и.], 1925. 95 с.
26. Российский государственный архив Новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 22. Д. 128.
27. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 602.
28. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 655.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 101.
30. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 144.
31. «...С Лениным в башке и с наганом в руке»: коллективный портрет Екатеринбургской губернской организации РКП(б), 1919–1923 / [под ред. Л.Н. Мазур]. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2019. 508 с.
32. Социальный и национальный состав ВКП(б). Итоги Всесоюзной партийной переписи 1927 года. М.; Л.: Госиздат, 1928. 159 с.
33. Тринадцатый съезд РКП(б) (май 1924 года): стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. 883 с.
34. Укрепление рядов партии // Партийное строительство. 1930. № 11–12. С. 19.
35. Устав ВКП(б) с резолюциями партсъездов и ЦК ВКП(б) по вопросам партийного строительства. М.; Л.: Госиздат, 1926. 196 с.
36. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1926. 1029 с.
37. Шишкин В.И., Пивоваров Н.С. «Генеральная чистка» РКП(б) 1921 года как инструмент социального регулирования в советской России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 8. С. 118–150.

УДК 93:331(477.62)«1921/1925»

*А.В. Чеботарева*¹

Повседневность партийно-советских кадров Донецкой губернии (1921–1925 гг.)

Аннотация. В статье на основе опубликованных исследований и исторических источников рассмотрены условия жизни партийно-советских кадров Донецкой губернии в 1921–1925 гг. Осуществлен анализ процессов, которые происходили в бюджете партийно-советских кадров региона, выяснены основные принципы и формы оплаты труда. Показано, что в условиях острого дефицита продовольствия и промышленных товаров эта категория населения имела дополнительное снабжение в виде так называемых ответственных пайков. Прослеживается вопрос обеспечения ответственных партийно-советских работников жильем и санаторно-курортным лечением. Сделан вывод, что даже незначительное увеличение материальных благ придавало руководящим кадрам привилегированный статус.

Ключевые слова: повседневность; ответственный работник; материально-бытовое обеспечение.

Everyday life of the party-soviet staff of the Donetsk province (1921–1925)

Abstract. The article highlights the material aspect of everyday life. Based on published research and historical sources, the article is devoted to the conditions of life of the leading staff of the Donetsk province in 1921–1925. The article aims to analyze the processes which took part in the budget of the party and Soviet staff of the region. The author analyzes the principles and forms of wages, their effectiveness. Under the conditions of the existence of an acute shortage of food and industrial products, this category of the population received an additional supply (“responsible rations”). The article analyzes the issue of providing responsible party and Soviet staff with housing and sanatorium treatment. The author concluded that a slight increase in material benefits gave a privileged social status to management personnel.

Keywords: everyday life; responsible employee; material and household support.

Повседневность – исторически изменчивая пространственно-временная целостность социального бытия, включающая в себя будничные практики, которые связаны, в первую очередь, с домом, семьей, ближайшим

¹ **Александра Викторовна Чеботарева** – старший преподаватель кафедры историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории, Донецкий национальный университет (Донецк, ДНР), e-mail: abc5071@mail.ru.

Alexandra V. Chebotareva – Senior Lecturer, Department of Historiography, Source Study, Archeology and Methods of Teaching History, Donetsk National University (Donetsk, Donetsk People’s Republic).

окружением, бытом, досугом и другими ежедневными занятиями. В широком смысле под повседневностью также понимают все жизненные реалии в целом. Материальный аспект (оплата труда, продовольственное снабжение, жилищный вопрос, санаторно-курортное лечение) повседневного бытия позволяет построить историческую реконструкцию образа жизни людей в сложных и противоречивых условиях 1920-х гг. Специфика повседневных форм жизнедеятельности выступает отличительным признаком социальной группы. Актуальность исследования связана с региональным подходом к исследованию истории повседневности.

В современной отечественной историографии история повседневной жизни советского чиновника в 1920-е гг. рассматривается преимущественно в контексте наличия льгот и привилегий. Среди большого объема выходящей в последнее время литературы на эту тему особо стоит отметить публикации Е.Г. Гимпельсона [1], С.А. Елизарова [14], Н.Б. Лебиной [16], В.П. Мохова [17], Е.В. Туфанова [21]. Отдельные аспекты повседневности партийно-советской номенклатуры Донецкой губернии рассмотрены в научных статьях В.Н. Никольского [18] и А.В. Чеботаревой [26; 27; 28]. Изучение особенностей повседневной жизни региональных руководящих кадров является необходимым условием для целостного и системного понимания процесса становления тоталитарного государства, поскольку именно они проводили политику правящей партии на местах и обеспечивали лояльность местного населения к Советской власти. Целью данной статьи является изучение повседневных практик руководящих кадров Донецкой губернии в 1921–1925 гг.

Одним из элементов структуры повседневности является заработная плата, от размеров которой во многом зависел уровень материального благосостояния. В условиях переходного периода дифференциация оплаты труда проходила через механизмы тарификации. Ставки заработной платы определялись в зависимости от деловых качеств работника и его квалификации. Для этого все трудящиеся делились на группы и категории, для каждой из которых определялся свой минимум и максимум месячной ставки. Партийно-советские кадры составляли отдельную группу, тарифные ставки для них были выше, чем для остальных рабочих и служащих.

С целью согласования норм оплаты труда ответственных работников с 1 мая 1921 г. постановлением Всероссийского центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) «О тарифе ответственных работников в профессиональных, экономических, советских и партийных организациях» зарплата устанавливалась в зависимости от размера среднего заработка рабочих и служащих тех предприятий и учреждений, где они работали. Тарифные ставки устанавливались по шести разрядам: отнесенные к первому

(низшему) разряду получали 100 % среднемесячного заработка служащих 20-го разряда, к шестому (высшему) – 150 % [14, с. 20]. Определение 100 % среднего заработка для работников экономических, партийных и советских учреждений устанавливалось по среднему заработку не менее, чем пяти заводских комитетов разных промышленных союзов данной местности. В сентябре 1921 г. среднемесячная зарплата промышленного служащего Донецкой губернии составляла 62 500 руб. [20, с. 80], тогда как ставки сотрудников Донецкого губкома КП(б)У варьировались в диапазоне от 180 000 до 225 000 руб. в зависимости от разряда [8, л. 139].

С целью создания эффективной системы материального вознаграждения руководителей и ответственных работников во всех отраслях общественно-политической, экономической и социальной сферах жизнедеятельности общества была разработана новая тарифная сетка оплаты труда. Состоявшаяся в августе 1922 г. XII Всероссийская партийная конференция приняла резолюцию «О материальном положении активных партийных работников», в которой была зафиксирована четкая иерархия должностных окладов партийных работников всех уровней [19, с. 11–12]. Руководящие кадры Донецкой губернии тарифицировались с 10-го до 17-го разряда включительно. В октябре 1923 г. жалование ответственных работников Донецкого губернского комитета КП(б)У в зависимости от разряда составляло от 13 160 до 43 310 руб. (совзнаков) [9, л. 8]. В то же время для всех ответственных работников 10–17 разрядов постановлением Народного комиссариата труда (НКТ) СССР «О ставках для ответственных партийных работников» устанавливалась надбавка («нагрузку») от 10 до 50 % основного оклада [9, л. 9].

Установление единого тарифа предотвращало чрезмерное повышение оплаты. Постановлением № 50 (п. 20) секретариата Донецкого губкома КП(б)У от 27 августа 1924 г. был установлен максимальный оклад, или так называемый партмаксимум, для ответственных работников губернии в размере 192 руб., в то время как средняя зарплата рабочего угольной промышленности составляла 41 руб. 31 коп. [26, с. 37]. Максимум в оплате труда не означал, что член партии не мог зарабатывать больше этой суммы в случае, например, получения авторских гонораров.

Одним из значимых критериев оценки уровня жизни населения, в том числе и ответственных работников, являлись розничные цены на товары народного потребления. Поскольку государственная торговля была слабо развита, продукты питания и промышленные товары население, в большей степени, приобретало на рынках. По данным отчета Юзовского окружного исполнительного комитета, в октябре 1923 г. на рынках г. Юзовки Донецкой губернии сапоги являющиеся ручной работы стоили 3 500 руб. за пару,

махорка – 450 руб. за фунт, картофель – 300 руб. за пуд, мука пшеничная – 225 руб. за пуд, сахар – 200 руб. за фунт, соль – 50 руб. за фунт и говядина первого сорта – 45 руб. за фунт [13, л. 307]. Учитывая, что оклад ответственного работника Донецкого губкома КП(б)У со ставкой 17-го разряда составлял 43 310 руб. [9, л. 5], можно утверждать, что даже при столь высоких рыночных ценах партийно-советские кадры, тем не менее, имели достойный уровень жизни.

В 1925 г. проведена очередная реформа оплаты труда государственных служащих. Постановлением НКТ СССР от 31 марта 1925 г. вновь была скорректирована система тарифной оплаты ответственных политработников по 17-разрядной тарифной сетке служащих. Устанавливалось соотношение первого разряда к семнадцатому как 1:8. Закреплялось право повышения тарифной ставки на 50 %, при этом рекомендовалось дифференцировать этот рост в зависимости от разряда [15, с. 349]. В целом по оплате труда руководящие кадры превратились в особый и довольно влиятельный слой.

Главным фактором обеспечения жизни в условиях продовольственно-го кризиса начала 1920-х гг. стало натуральное продуктивное снабжение, которое было одинаковым для населения только формально. Ответственным работникам предоставлялись те же права на получение товаров натурой, что и рабочим, но при этом полагались дополнительные пайки в качестве вознаграждения за труд. Постановлением Совнаркома Украинской ССР «О пайке для особо ответственных и абсолютно незаменимых работников центральных, губернских и уездных учреждений» от 1 июня 1921 г. была утверждена месячная норма основных продуктов и товаров: хлеб – 18 кг, мясо / рыба – 1,6 кг, крупы – 3 кг, жиры – 400 гр., сахар – 400 гр., свежие овощи – 8 кг, соль – 600 гр., мыло – 200 гр., спички – 3 коробки, сигареты – 500 шт., чай или кофе – 100 гр. [27, с. 91]. Паек распространялся и на членов семьи, находившихся на содержании ответственных работников. Постановлением для г. Бахмута отводилось 300 основных и 900 семейных пайков. Для уездных учреждений было установлено 40 и 120 пайков соответственно [25, л. 274]. На ответственных сотрудников волостного масштаба такие пайки не распространялись, поскольку о них в этом документе не упоминалось.

Работники партийного и советского аппарата управления в начале 1920-х гг. получали продовольствие, по меньшей мере отвечающее прожиточному минимуму. Из расчета на 64 сотрудника Донецкий губернский комитет КП(б)У в 1922 г. получил 123 пуда муки, 16 пудов крупы, 66 фунтов сахара, 123 фунта мяса, более трех пудов жиров, а также 40 пудов повидла, из которого 50 фунтов (более 20 кг) было выдано персонально секретарю губкома Э. Квинингу. В мае того же года кроме названных продуктов сотрудникам губкома выдали также сало и конфеты [2, л. 58, 59, 108].

В середине 1923 г. месячный паек семьи номенклатурного работника состоял из следующих продуктов (в фунтах): овощи – 45, мясо – 30, мука белая – 28, мука ржаная – 18, копчености – 8, крупа – 7 (из них риса 3), сахар – 6, масло сливочное – 5, сыр голландский – 4, макароны – 3, жиры растительные – 3, кондитерские изделия – 2,5, мыло хозяйственное – 2 (детям – 3), кофе – 1,4, какао – 1, шоколад (только детям) – 1, соль – 1, чай – 0,5. Кроме того, в месячный паек входили 60 стаканов молока, 60 яиц, 10 коробок спичек, а мужчинам – 1 тыс. сигарет [22, л. 26].

Помимо продуктовых пайков значительный контингент руководителей местного уровня снабжался также вещевым довольствием: сапоги, ботинки, чулки и проч. На всех материальных благ не хватало, поэтому в стремлении улучшить обеспечение «своих» работников секретари партийных комитетов ходатайствовали перед вышестоящими инстанциями об увеличении отпуска промышленных товаров [4, л. 21–23].

Таким образом, ответственные работники партийно-государственных органов и их семьи имели преимущества в снабжении пищевыми продуктами и промтоварами. Со временем они трансформировались в особые льготы и привилегии.

В 1920-е гг. для любого советского человека самым актуальным аспектом повседневности являлся жилищный вопрос. Вследствие естественного старения и разрушения жилого фонда во время Гражданской войны происходила потеря пригодных к использованию помещений. Промышленный Донбасс занимал последнее место по обеспечению населения жильем. В 1923 г. в среднем на одного городского жителя по УССР приходилось 11,6 кв. аршин жилья при гигиеничной норме 18. В населенных пунктах Донецкой губернии показатели были следующими: в г. Бахмуте – 9,8 кв. аршин, в г. Юзовке – 9,6, а в поселках городского типа – 9,4 [24, л. 31]. Среди вариантов решения жилищной проблемы предусматривались «уплотнение», «самоуплотнение», выселение, переселение, перераспределение имеющегося жилья и т.п. [10, л. 266–267].

Партийно-советские работники Донецкой губернии проживали преимущественно в центральных кварталах городов [5, л. 194, 116, 210]. Например, в 1923 г. в Бахмуте за Донецким губкомом КП(б)У числился дом № 53 по Александровской улице и дом № 27 по Харьковской [7, л. 38]. Пользование жильем было, по сути, бесплатным, поскольку ответственные работники, согласно решению сметно-финансовой комиссии ЦК КП(б)У от 6 февраля 1923 г., имели право на компенсацию за государственный счет сумм, которыми они оплачивали проживание в домах, принадлежавших местному коммунальному хозяйству [23, л. 3].

Руководящие кадры Донецкой губернии, как и работники центрального аппарата управления, имели право на первоклассное медицинское

и курортное обслуживание. Органы партийной и советской власти создали в этой области определенную систему, которая постоянно реформировалась и совершенствовалась. В начале 1920-х гг. губернские исполкомы получили циркуляр, которым вводились специальные меры охраны здоровья. При губернском здраводеле организовали специальную комиссию с наилучшими специалистами, в функции которой входило медицинское наблюдение за всеми ответственными работниками и организация их летнего отдыха [11, л. 18; 12, л. 174].

Для восстановления здоровья ответственные работники ежегодно получали отпуск «для лечения» продолжительностью от одного до полутора месяцев. «Отпускнику» полагались так называемые дорожные в оба конца в размере двадцатидневного среднего заработка [28, с. 125]. В исключительных случаях разрешалось продлить отпуск на срок до одного месяца по состоянию здоровья. Так, в феврале 1922 г. заведующий отделом связи Донецкой губернии в своем заявлении писал: «Работая в Донбассе с 18 мая 1920 г. в качестве завгубсвязи в невероятно тяжелых условиях... я совершенно изнемогал, болел, терял 100 % трудоспособности... К данному моменту я совершенно истрепался и потерял возможность с прежним упорством и напряжением отдаваться работе; чувствую, как последние силы меня покидают, требуется немедленный и продолжительный отдых...» [3, л. 302].

Субъективные жалобы совпадали с объективными данными обследования здоровья руководящих кадров. В мае 1923 г. «губкомиссия по ремонту членов партии» Донбасса провела обследование коммунистов. В своем заключении она отметила, что по Луганскому округу выявлено 395 больных и 904 здоровых, по Таганрогскому округу – 100 больных; по г. Бахмуту из 326 коммунистов 189 оказались больны, 120 нуждались в отдыхе и только 33 были здоровы [6, л. 8].

Основными здравницами, которые находились на балансе СНК УССР в 1920-е гг., были пансионаты в с. Дергачи, правительственная дача в пос. Помирках и др. Ежегодно для каждой губернии предоставлялись курортные места и в других санаториях СССР. В июне 1923 г. ЦК КП(б)У выделил для Донецкой губернии 35 курортных путевок на летний сезон в Кисловодск, Ялту, Ессентуки, Одессу, Сочи, Пятигорск, Славянск [28, с. 126]. Сложившаяся таким образом система санаторно-курортного обеспечения руководящего звена развивалась и в последующие годы.

Период 1921–1925 гг. был переломным для повседневных практик советского человека. Формирование нового уклада повседневной жизни стало частью социально-экономической политики большевиков. Преобразование бытовой сферы осуществлялось на основе дифференцированного

подхода в отношении партийно-советских кадров. Даже незначительное увеличение материальных благ автоматически давало привилегированный социальный статус их владельцам, провоцируя и углубляя социальное расхождение в советском обществе.

Список источников и литературы

1. *Гимпельсон Е.Г.* Становление и эволюция Советского государственного аппарата управления 1917–1930 гг. М.: Институт российской истории РАН, 2003. 226 с.
2. Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1415.
3. ГА ДНР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1350.
4. ГА ДНР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1414.
5. ГА ДНР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1609.
6. ГА ДНР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1832.
7. ГА ДНР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1841.
8. ГА ДНР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 928.
9. ГА ДНР. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1855.
10. ГА ДНР. Ф. Р-1146. Оп. 2. Д. 303.
11. ГА ДНР. Ф. Р-1168. Оп. 2. Д. 33.
12. ГА ДНР. Ф. Р-1168. Оп. 2. Д. 53.
13. ГА ДНР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 262.
14. *Елизаров С.А.* Оплата труда руководящих работников советского государственного аппарата власти и управления Гомельской губернии (1919–1926 гг.) // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2020. № 1 (118). С. 17–23.
15. *Ильюхов А.А.* Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М.: РОСПЭН, 2010. 415 с.
16. *Лебина Н.Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.
17. *Мохов В.П.* Повседневность советской номенклатуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11. Ч. 1. С. 124–127.
18. *Никольский В.Н.* Льготы чиновников Украины в 1920-е гг. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2013. № 3 (53). С. 194–200.
19. Постановление Всероссийской конференции РКП(б), 4–7 августа 1922 г. // Всероссийская конференция РКП(б), 4–7 августа 1922 года. М.: МК РКП(б). 1922. С. 11–12.
20. Статистика труда в промышленных заведениях. Движение рабочей силы, явки на работу, прогулы и заработная плата рабочих в 1921 г. Труды Центра статистического управления. Т. 11. Вып. 2. М.: [Б. и.], 1923. 80 с.
21. *Туфанов Е.В., Кравченко И.Н.* К проблеме формирования номенклатуры – правящего класса советского государства // Вестник Пятигорского лингвистического университета. 2015. № 1. С. 239–242.

22. Центральный государственный архив гражданских объединений (ЦГАГО) Украины. Ф. 1. Оп. 2. Д. 368.
23. ЦГАГО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1674.
24. ЦГАГО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2054.
25. ЦГАГО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2272.
26. *Чеботарева А.В.* Заработная плата партийной номенклатуры Донецкой губернии в 1920-е гг. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2016. № 3 (59). С. 33–39.
27. *Чеботарева А.В.* К вопросу о продовольственном обеспечении партийно-государственной номенклатуры Донбасса в 1920–1930-е гг. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2019. № 1 (68). С. 90–93.
28. *Чеботарева А.В.* Санаторно-курортный отдых руководящих кадров Донбасса в 1920-е гг. // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы III Международной научной конференции. Т. 7: Социально-политические и исторические науки / под ред. С.В. Беспаловой. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. С. 125–127.

УДК 908

В.А. Маркова¹

Карельская трудовая коммуна как форпост мировой революции: мечты и реальность

Аннотация. В статье рассматривается история появления и воплощения в 1918–1920 гг. идеи красного финна Э.А. Гюллинга о создании на территории Европейского Севера России международного проекта – региона «Карельская коммуна», которому отводилась роль будущей колыбели социалистической революции в Финляндии и странах Скандинавии. В тексте статьи предлагается анализ причин провала проекта карельской автономии в статусе международного актора, приводятся особенности процесса формирования региональной карельской идентичности и трудности, с которыми в начале 1920-х гг. пришлось столкнуться руководству Карельской трудовой коммуны.

Ключевые слова: Карелия; Э.А. Гюллинг; Карельская трудовая коммуна; Финляндия; регион; Скандинавия; социалистическая революция.

The Karelian Labour Commune as an outpost for world revolution: vision vs reality

Abstract. The article is devoted to the historical genesis of the political and international project “the Karelian commune” originally suggested by Finnish revolutioner E. Gylling in 1918–1920 as an option for a new socialistic region-building and future revolution-import from the USSR to neighboring Scandinavian countries. It was stated that success of the project could only be achieved if the territory of Russian North-West governances (primarily the Olonets and Archangel'sk) would be united with bordering nation states of Finland, Norway and Sweden. The results of that political endeavor is presented in the text as a mixture of both archival evidence, political and historical analysis.

Keywords: Karelia; E. Gylling; The Karelian Labour Commune; Finland; region; region-building; Scandinavia; socialist revolution.

В 2020 г. Республика Карелия отмечала свой столетний юбилей. Один из вопросов, который неоднократно поднимался в ходе подготовки к празднику, – вопрос о корнях современной Карелии и истоках ее «государственности» [1]. До 1920 г. территории под названием «Карелия» на карте России не было, да и республикой новое административно-территориальное образование до 1923 г. не являлось, однако по устоявшейся традиции началом

¹ Варвара Александровна Маркова – магистр международных отношений, главный архивист ГБУ «Национальный архив Республики Карелия» (Петрозаводск, Россия), e-mail: Pustelga4444@gmail.com.

Varvara A. Markova – MA in International Relations, Senior archivist, National Archive of the Republic of Karelia (Petrozavodsk, Russia).

создания единой Карелии считается появление Карельской трудовой коммуны (КТК) в июне 1920 г. [8]. Коммуна не являлась типичным для ранней Советской России политическим и географическим образованием, объяснение чему следует искать в геополитических мечтах приехавших в Карелию красных финнов [7] о появлении единой финно-карело-скандинавской автономии на Севере Европы.

Во времена Российской империи территория Карелии имела совершенно отличную от современной пространственную организацию. На севере и северо-востоке располагалась Архангельская губерния, на западе – Великое княжество Финляндское, а посередине – Олонецкая губерния с центром в г. Петрозаводске. Каждый из этих субрегионов имел собственные органы власти и систему управления. Исключительное положение занимала Финляндия, которая, будучи составной частью российского государства, обладала правами широкой автономии [13, с. 43–51] и заметно отличалась от соседних субъектов уровнем социально-экономического развития. Однако с российскими губерниями ее роднили общие этнокультурные корни, язык и экономическая специализация.

На территории северных уездов Архангельской губернии и части уездов Олонецкой губернии проживало довольно большое количество представителей финно-угорских народов¹, которые разговаривали на вепском и нескольких диалектах карельского² языков, при этом практически не владели русским (особенно на части территории Кемского уезда Архангельской губернии). Немаловажными факторами в конце XIX – начале XX в. стали рост национального самосознания финляндцев и появление популярного представления о самобытности финно-угорских народов и исключительности их культурного наследия. Эпос «Калевала», впервые воспроизведенный в письменной форме финским фольклористом и литератором Э. Леннротом в середине XIX в. (на финском языке), был собран в ходе лингвистической экспедиции ученого в Кемский уезд и основывался на устных стихотворных сказаниях местных рунопевцев. Появление «Калевалы» дало почву для рассуждений о том, что вне зависимости от фактических административных границ на северо-западе Российской империи

¹ По информации Олонецкого губернского статистического бюро, основанной на данных, полученных в ходе переписей населения (1920 г. в Олонецкой губернии и 1917 г. в Кемском уезде), на территории КТК проживало 188 688 чел. Из них карельское и чудское население составляло 57,1 %, или 96 700 чел. [11, л. 90].

² Карельский язык охватывает несколько родственных диалектов, относящихся к балтийско-финской подгруппе финно-угорских языков. Основные диалекты карельского языка: собственно карельский (северная и центральная часть Карелии, Мурманской, Тверской и Ленинградской областей), ливвиковский (северо-восточное Приладожье) и людиковский (западное Приладожье). У каждого из диалектов существует множество говоров, характерных для определенных населенных мест.

народ, проживавший на этой обширной территории, был единым по духу и крови с финнами [6, с. 8–13].

В 1917 г. пришедшее к власти советское правительство признало независимость Финляндии и рассчитывало на скорое установление с ней добрососедских отношений. Однако этого не произошло, Гражданская война на Европейском Севере осложнилась иностранной интервенцией не только британских войск, пришедших с моря, но и финляндских вооруженных формирований, вторгшихся на территорию Архангельской и Олонецкой губерний. Новая политическая субъектность двух губерний – теперь приграничных – стала испытанием для руководства обеих и осложнила положение населения уездов, оказавшихся ближе всего к театру боевых действий [2]. В то же время в самой Финляндии разразилась Гражданская война, результатом которой стало тотальное поражение красных и их массовая эмиграция в другие страны, в том числе в Советскую Россию. Те финские революционеры, что осели в России, активно подключились к созданию мировой коммунистической сети, организовали Финляндскую коммунистическую партию (ФКП) и влились в работу Коминтерна. У некоторых из них имелись идеи и планы, выходявшие за пределы чисто партийной работы и подпольной деятельности.

С 1918 г. финляндский революционный деятель, член Социально-демократической партии Финляндии и доктор философских наук Э.А. Гюллинг занимался разработкой перспективных планов развития социалистической Финляндии [14]. По его мнению, для реализации интересов трудового населения Финляндии и Европейского Севера России последнему следовало выйти из состава Российского государства и влиться в будущую социалистическую Финляндию [4, с. 81–82]. Это позволило бы создать наиболее эффективное политическое и экономическое управление регионом, организовать единое функциональное пространство с высоким уровнем жизни и максимальными возможностями для всестороннего развития экономики. Для реализации этого плана требовалось обеспечить стабильные добрососедские отношения с Россией, создать то, что в последствии в политических науках будет называться региональным комплексом безопасности¹. Однако на исходе Гражданской войны в Финляндии стало

¹ Концепция региональных комплексов безопасности (Regional Security Complex) была предложена исследователями Копенгагенской школы мирных исследований Б. Бузаном и О. Уэвером в 1990-е гг. Согласно этой концепции, тенденции к формированию устойчивых регионов, в первую очередь, происходят из стремления к обеспечению собственной безопасности субъектов в конкретном географическом пространстве. Это комплексное осознание созависимости соседствующих территориальных единиц способствует интенсификации и усложнению их связей, а также наращиванию политической, экономической и культурной автономии региона [15, р. 40–51].

ясно, что быстро выстроить прочные добрососедские отношения с Советской Россией будет не так-то просто, не говоря уже об образовании на ее территории финляндской социалистической колонии – моста между двумя странами.

Идея такого автономного образования, чья международная роль преувелировала бы над внутренней, родилась из чуткого анализа геополитического положения Европейского Севера России, административная организация которого в имперских реалиях не позволяла региону реализовать свой экономический потенциал в полной мере. Административно-территориальное деление, игнорировавшее национальный состав, традиции и культуру населения, не использовавшее географический потенциал для развития производственной сферы, по мнению Гюллинга, нуждалось в пересмотре. Он считал, что само географическое положение региона требует создания единого пространства: «из территории Карелии и Кольского полуострова, во всяком случае его западной части, следовало бы образовать особую Карельскую коммуну, границами которой было бы Белое море, Онежское озеро, финляндская граница и Ледовитый океан» [9, л. 108]. Более того, создание именно национальной по своему этническому составу карело-финской коммуны представлялось перспективным решением проблемы во внешне-политических отношениях с враждебной Советской России Финляндией. Одним выстрелом Гюллинг предлагал убить двух зайцев: создать стабильно управляемый экономически эффективный регион и решить карельский вопрос [5, с. 18–52], бывший камнем преткновения в любых переговорах между Финляндией и большевистским правительством России.

Идея, высказанная и обоснованная Гюллингом, нашла поддержку у В.И. Ленина, поскольку одним из основных ее пунктов была актуализация международной роли новой коммуны: «Она является стратегическим исходным пунктом для революционирования не только Финляндии, но и всей Скандинавии... Устройство революции в северных странах получит в материальном и моральном отношении точку опоры в образовавшейся на территории Карелии советской республике, которая носила бы уже отчасти скандинавскую печать и которая, как в отношении своего географического, так и экономического характера, является частью образовываемой скандинавской советской республики» [9, л. 109].

Весной 1920 г. Гюллинг и некоторые другие финские эмигранты прибыли в Олонецкую губернию и приступили к организации новой коммуны. 7 (8)¹ июня 1920 г. постановлением ВЦИК была образована Карельская трудовая коммуна – областное объединение не вполне определенного право-

¹ Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 7 июня 1920 г. была образована Карельская трудовая коммуна. В «Собрании узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства» этот документ был опубликован с датой 8 июня под названием «Декрет

вого статуса [1, с. 6–7]. Вопрос территориальной подчиненности стал для новообразованной коммуны гордиевым узлом на все время ее существования: вместо того, чтобы создать единый регион, подчиненный руководству коммуны, как предполагал Гюллинг, Советское правительство решило сохранить существовавшее административно-территориальное деление Северо-Запада, лишь частично удовлетворив требования своего международного проекта. Одновременно с коммуной (и даже в том же центре) продолжала свое существование Олонецкая губерния, от Архангельской губернии к КТК отошел только Кемский уезд, что обеспечило коммуне выход в Белое море, но не дало иных географических преимуществ для будущей международной агитации [3, л. 28–30]. В «сухом остатке» «колыбель революции на севере» [10, с. 2] оказалась замкнута в пределах нескольких уездов Олонецкой губернии и одного Архангельской, которые к тому же не имели между собой отлаженной инфраструктуры (исключая Мурманскую железную дорогу, которая вообще не подчинялась коммуне).

В первое время руководство КТК столкнулось с рядом других крупных проблем. Искусственное, хоть и логичное на бумаге, объединение северных карельских волостей с восточными оказалось затруднено отсутствием налаженной административной сети: довольно быстро выяснилось, что в большинстве волостей отсутствовали подготовленные управленческие кадры, владевшие русским и финским языками. Проблема усугублялась обострившейся военной ситуацией в регионе – на севере КТК Ухтинский временный комитет¹ инициировал борьбу за независимость Беломорской Карелии от Советов. Новый виток Гражданской войны, сопряженный, с одной стороны, с активной заграничной (в первую очередь, финляндской) пропагандой, с другой – с тяжелым голодом и системным экономическим кризисом в самой Карелии, не оставили руководству КТК ни времени, ни финансов для эффективного подъема местной экономики, настройки внешнеторговых связей.

В марте 1922 г. Карельское восстание на севере коммуны завершилось разгромом восставших и окончательным закреплением красных на всей

ВЦИК и СНК». В исторической литературе и на государственном уровне в качестве дня образования Республики Карелия закрепилась вторая дата – 8 июня.

¹ Временное правительство Карелии (Временный комитет Беломорской Карелии, Тоймикунта, полное название на фин. яз. – *Vienan Karjalan väliaikainen toimikunta*) – Ухтинский комитет, антибольшевистский орган местного самоуправления с центром в с. Ухта (Кемский уезд), созданный 21 июля 1919 г. 1 апреля 1920 г. съездом представителей волостей Северной (Беломорской) Карелии вместо комитета избрали Временное правительство Карелии в составе 6 членов, которое должно было приступить к работе с 1 июня того же года. После занятия Ухтинской волости частями Красной армии Временное правительство бежало в Финляндию, где в декабре 1920 г. было образовано «Центральное правительство Карелии».

территории Карелии. Это событие, равно как и упразднение в сентябре того же года Олонецкой губернии, подтолкнуло к разрешению вопроса о преобразовании КТК в Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику (АКССР) в составе РСФСР. В новом статусе Карелия получила более четкие представления о своих правах и полномочиях и могла в уже мирное время начать экономическое строительство: в первую очередь, создавать дорожную сеть, лесопромышленные предприятия, электростанции, телеграфные линии и осуществлять подготовку квалифицированных кадров как из числа населения республики, так и путем привлечения иностранных специалистов (главным образом, из стран Скандинавии, Финляндии и США).

Но пока планы по организации внутренней жизни Карелии только строились, пока республика вынужденно изыскивала средства на восстановление, развитие и спасение населения от голода, тот потенциал, который видел в коммуне Гюллинг в 1918 г., был безвозвратно утерян. Слабо развитая дотационная Карелия не представляла для Финляндии (не говоря уже о Скандинавии) интереса в качестве полноценного партнера, создание торговых отношений затягивалось и затруднялось натянутыми отношениями между центральными правительствами, огромное влияние имела кадровая политика и личные контакты. Вместо единого экономического пространства параллельно существовали как отдельные субъекты Скандинавские страны, Финляндия, Советская Россия и ее части: Мурманская губерния и АКССР, которые не стремились к гармонизации экономики, политики и культуры. С точки зрения внешней политики, положение Карелии осложнялось тотальным неприятием коммунистов в Скандинавии, преследованием подпольщиков финской компартии, громкими судебными делами¹ в их отношении, а также общим недоверием к СССР. Руководство АКССР – сплошь красные финны, возглавлявшие революцию в Финляндии, – в сложившейся внешнеполитической ситуации не пользовалось достаточно большим авторитетом в странах Фенноскандии, чтобы эффективно вести агитационную работу на их территории.

Проект единого региона – внешне стройный и рациональный – на практике не выдержал трудностей военного времени и не смог противостоять агрессивной международной среде. Не в последнюю очередь и по

¹ Ярким примером является суд над красным командиром Т. Антикайненом, участвовавшим в подавлении Карельского восстания. В середине 1920-х – начале 1930-х гг. Антикайнен занимался подпольной работой в Финляндии, в 1934 г. был арестован. Финляндские власти предъявили ему обвинения в совершении нескольких преступлений, наказанием за которые должна была стать смертная казнь. Судебный процесс, развернувшийся в 1935–1937 гг. в Хельсинки, вызвал международный резонанс, на стороне обвиняемого массово выступали демонстранты из Парижа, Стокгольма, Нью-Йорка, Копенгагена. В итоге Антикайнена приговорили к пожизненному заключению [12].

тому, что руководство СССР принимало решения, ограничивавшие политическую субъектность КТК (АКССР) и провоцировавшие прямую конкуренцию между российскими субъектами за ресурсы и влияние в регионе. Мечты о социалистической Скандинавии и специфической региональной государственности Карелии оказались нереализованными, однако руководство Э.А. Гюллинга в 1920–1930-х гг. позволило региону создать собственную промышленность, решить проблему технологического отставания хотя бы на уровне советских республик и начать формирование региональной – карельской – идентичности.

Список источников и литературы

1. *Бутвило А.И.* Карельская государственность в XX – начале XXI века: опыт экспликации // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР / России. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 5–10.
2. *Гусев К.В.* К истории Карельского мятежа (по материалам Комиссии по реабилитации при Президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 83–100.
3. Доклад Э.А. Гюллинга «Организация и задачи Карельской Трудовой Коммуны. Отчет ревкома» на I Всекарельском съезде Советов о формировании государственных учреждений и определении границ КТК. 12 февраля 1921 г. // Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 1/1а. Л. 26–30.
4. *Кангаспуро М.* Э.А. Гюллинг – создатель Карельской трудовой коммуны // Эдвард Александрович Гюллинг – первый руководитель советской Карелии: сборник документов. Петрозаводск: Периодика, 2020. С. 80–102.
5. *Килин Ю.М.* Карельский вопрос во взаимоотношениях Советского государства и Финляндии в 1918–1922 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 162 с. // Электронная библиотека Республики Карелии. URL: http://elibrary.karelia.ru/docs/kilin/Karel_vopros_18_22/total.pdf (дата обращения: 26.07.2021).
6. *Килин Ю.М.* Научное предисловие // Карельская трудовая коммуна, 1920–1923 гг.: сборник документов и материалов. Петрозаводск: Версо, 2020. С. 5–77.
7. Красные финны в Карелии. Виртуальная выставка документов. 2018 // Национальный архив Республики Карелия. URL: <http://www.rkna.ru/exhibitions/krfin/persons/gulling/gulling.php> (дата обращения: 26.07.2021).
8. Об учреждении дня Республики Карелия // Официальный сайт Правительства Республики Карелия. URL: <https://gov.karelia.ru/karelia/symbolics/day/> (дата обращения: 26.08.2021).
9. Письмо Э.А. Гюллинга, финляндского революционного деятеля, Ю.К. Сиrolа о целях создания Карельской коммуны на севере России. [Не позднее 24 марта 1920 г.] // НА РК. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 1/15. Л. 108–110.
10. Резолюция I Всекарельского съезда Советов по докладу Э.А. Гюллинга «Организация и задачи Карельской Трудовой Коммуны» о высшем органе власти коммуны и задачах, стоящих перед ней. 19 февраля 1921 г. // I Всекарельский съезд Советов. Ежедневный бюллетень. 19 февраля 1921 г. № 8. Петрозаводск: Карисполком, 1921. С. 2.

11. Справка Олонецкого губернского статистического бюро о численности и национальном составе населения КТК. 13 ноября 1920 г. // НА РК. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 1/15. Л. 90.

12. Тойво Антикайнен. Красные финны в Карелии. Виртуальная выставка документов. 2018 // Национальный архив Республики Карелия. URL: http://www.rkna.ru/exhibitions/krfn/persons/antikainen_t/antikainen_t.php (дата обращения: 26.07.2021).

13. *Уткин Н.И.* Россия – Финляндия: «карельский вопрос». М.: Изд-во «Международные отношения», 2003. 331 с.

14. Эдвард Гюллинг: у истоков карельской государственности. Виртуальная выставка документов. 2016 // Национальный архив Республики Карелия. URL: <http://rkna.ru/exhibitions/gulling/index.html> (дата обращения: 26.07.2021).

15. *Buzan B.* Regions and Powers: The Structure of International Relations. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. 570 p.

УДК 908

Д.А. Панов¹

Поиск «рыбной столицы» Европейского Севера России (1920–1925 гг.): региональное противостояние и «невмешательство» центра

Аннотация. В статье анализируются «конфликты», на фоне которых происходило развитие рыбной промышленности Мурмана. Они имели разную специфику. Местным рыбохозяйственным организациям и местным органам власти сложно было найти взаимопонимание. Помимо этого, большую роль играл и технический аспект – оснащённость двух видов промысла (кустарного и тралового), неизбежно приводивший к их конфликтам, важной частью которых стала экономическая составляющая: стоимость продукции кустарного промысла превышала стоимость тралового лова. Однако ликвидировать кустарный промысел не представлялось возможным, так как он являлся основой для колонизации Карело-Мурманского края. Основным довлеющим «конфликтом» развития промыслов стало региональное противостояние двух центров – Архангельска и Мурманска, которое в итоге закончилось победой последнего. При этом роль центра, по сути, сводилась к «невмешательству».

Ключевые слова: Архангельск; Мурманск; центр; рыбные промыслы; траловый флот.

Search for the “fishing capital” of the Russian North (1920–1925): regional confrontation and the arbitration role of the republican center

Abstract. The article analyzes the “conflicts” against which the development of the Murmansk fishing industry took place. They had different specifics. It was difficult for local fisheries management organizations and local authorities to understand each other. In addition, the technical aspect also played an important role – the equipment of two types of fishing (artisanal and trawl) inevitably led them to conflict. This also led to an economic conflict between the two types of fishing – the cost of handicraft products exceeded the cost of trawl fishing, but it was not possible to simply remove artisanal fishing, since the latter was the basis for the colonization of the Karelo-Murmansk Region. The main dominating “conflict” of the development of crafts was a regional confrontation of two centers – Arkhangelsk and Murmansk, which eventually ended with the victory of the latter. At the same time, the role of the center, in fact, was reduced to the arbitration position.

¹ Дмитрий Александрович Панов – кандидат исторических наук, ПК «Кольский Край», экскурсовод (Мурманск, Россия), e-mail: dmipanov@yandex.ru.

Dmitry A. Panov – Candidate of Historical Sciences, guide, Production Company “Kola Region” (Murmansk, Russia).

Keywords: Arkhangelsk; Murmansk; center; fisheries; trawl fleet.

В дореволюционное время рыбный промысел Мурмана играл важнейшую роль в жизни населения Карельского и Архангельского Поморья. Выйти за рамки региональной значимости и включиться в государственную экономику страны рыбохозяйственникам Мурмана помогла целенаправленная политика советской власти. Именно экономическая поддержка центра позволила промыслам осуществить необходимое технологическое обновление и стать в итоге полноценной отраслью. Однако, несмотря на продуманную политику, в 1920-е гг. развитие Мурманских рыбных промыслов сопровождалось значительными трудностями и проходило на фоне ряда конфликтов, основные из которых лежали в региональной плоскости. Определенные сложности вызывало отсутствие взаимопонимания между местными органами власти и мурманской рыбохозяйственной организацией – Райрыбой. В частности, в 1920-е гг. далеко не всегда решения волисполкома способствовали улучшению жизнедеятельности мурманских рыбохозяйственников [1, л. 138]. Так, на обращение Райрыбы по вопросу о предоставлении жилья для нужд последней выделялось жилье либо крайне низкого качества, либо уже принадлежавшее другим ведомствам [1, л. 235]. Однако в гораздо большей степени на развитии промысла отразилась борьба между Архангельском и Мурманском за первенство в рыбохозяйственной отрасли. Этот конфликт и по сей день остается одной из наименее изученных страниц региональной истории, и именно о нем пойдет речь в настоящей статье.

Следует отметить, что историография заявленной темы не столь значительна. Имеющиеся публикации в основном отличаются своеобразной односторонностью – исследователи рассматривали, главным образом, развитие промысла в Мурманске [3; 4; 6; 7; 10]. Среди всех этих работ выделяется статья мурманского историка В.В. Сорокина [11], в которой приводятся сопоставимые экономические данные, позволяющие сравнить базирование тралового флота в Мурманске и Архангельске. Основой для проведения настоящего исследования послужили документы (в основном отчеты по различным линиям заведования), обнаруженные в фондах государственных учреждений архивов Мурманска и Санкт-Петербурга. Помимо этого, в работе использовались опубликованные документы государственных учреждений (отчеты и статистические выборки). Выявленный комплекс источников позволяет очертить проблемное поле развития рыбных промыслов Мурмана.

В дореволюционный период Мурман в административно-территориальном отношении подчинялся Архангельску. После основания г. Мурманска, постройки «Мурманки», выделения Кольского полуострова в самосто-

тельную административную единицу мурманские промыслы продолжали еще какое-то время относиться к Архангельску. Офис организации, завещавшей рыбными промыслами всего Европейского Севера, – Облрыбы – располагался в Архангельске, где также находилась и местная рыбохозяйственная организация – Архобластьрыба. Следовательно, в административном плане вся полнота власти над промыслами сосредотачивалась в региональном центре. Это приводило к своего рода «перекачиванию» всех видов ресурсов, в особенности трудовых [1, л. 169], из мурманского филиала в Архангельск. Как отмечалось при реорганизации системы управления рыбной отраслью на Мурмане, произошедшей в 1921 г., «Архобластьрыба вывезла всё...» [14, л. 40 об.]. Под этим «всё» понимались основные производственные мощности: орудия и средства лова, расходные материалы, суда, запасы топлива и продовольствия. Мурманские промыслы лишились ценного инвентаря и своей продукции и понесли значительные убытки [8, л. 2].

И местные, и центральные власти всерьез обеспокоились результатами «поглощения» Архобластьрыбой мурманских промыслов. На заседании губернского экономического совещания (Губэконосо), проходивших в 1922–1923 гг., этот вопрос поднимался 15 раз [8, л. 2]. Для оценки положения Муробластьрыбы (бывшей Райрыбы) из центра в Мурманск направлялись представители Северо-западного областного экономического совещания (Севзапэконосо) и Главного управления рыболовства и государственной рыбной промышленности (Главрыбы) [8, л. 6].

В разгар промыслового сезона 1922 г. промыслы перевели на хозяйственный расчет. Чтобы хоть как-то выправить ситуацию и попытаться ликвидировать задолженность перед рыбаками и работниками, Муробластьрыба была вынуждена направить имевшийся у нее улов, а также товары для реализации в Архангельск. Этот шаг был обусловлен следующими обстоятельствами. Всю продукцию Муробластьрыба принимала от рыбаков на коммерческих началах по установленной цене (в золотых довоенных рублях). В обмен на свой улов рыбаки получали возможность выбрать нужные им материалы, оценивавшиеся также в довоенных золотых рублях. Кроме того, часть улова теоретически можно было обменять на деньги, однако на практике наличность часто отсутствовала. Поэтому с рыбаками, главным образом, расплачивались натурой. Это, в свою очередь, приводило к кризису с продовольствием и другими материалами, причем первое зачатку своевременно доставить не удавалось.

Предпринятая в 1922 г. операция по реализации товаров принесла Мурманск лишь высокие убытки. Муробластьрыба направила в Архангельск 87 369 пудов 27 фунтов рыбы на 51 937 405 руб., материалов (про-

мысловая одежда, сырье для производства сетей и проч.) – на 627 514 руб., т.е. в общей сумме – на 52 564 919 руб. Архангельск «бартером» отправил товаров и денег на 37 904 680 руб.; остаток (14 660 239 руб.) в пользу Мурманска взыскать не получилось из-за крайне запутанной бухгалтерии Архобластьрыбы (комиссия Рабоче-Крестьянской инспекции, разбиравшаяся в этом вопросе, не смогла установить реального положения дел по документам) [9, с. 7]. При этом товары из Мурманска оценивались ниже, а малоликвидные товары из Архангельска выше, что наносило еще больший ущерб Муробластьрыбе [9, с. 7].

Еще в начале операционного года, 12 октября 1922 г., все заседания Губэконо были посвящены разбору деятельности В.Д. Некрасова, начальника Муробластьрыбы, по совместительству руководившего и Архобластьрыбой. Его действия признали направленными на усиление архангельских промыслов за счет мурманских. В доказательство приводились такие его распоряжения, как сдача рыбы мурманского улова в Архангельск в обмен на неликвидные товары, роспуск артели специалистов сельдеделов накануне сельдяного промысла и т.д. [8, л. 6]. Становилось очевидным, что Некрасов лобировал интересы Архангельска. В связи с чем было принято решение о его отстранении от заведования Муробластьрыбой, что одобрила и Главрыба.

15 января 1923 г. на заседании Губэконо выяснялось хозяйственное положение Областьрыбы в целом. Положение это оказалось в состоянии «прострации и развала» [8, л. 6], как было сформулировано в итоговом постановлении. Подробности не раскрывались, но, по всей видимости, Губэконо таким образом отразил накопившиеся проблемы (отсутствие порядка в бухгалтерской документации, задолженность по различным выплатам, недовольство рыбаков и т.д.).

Помимо финансово-экономических проблем, появившихся из-за подчиненного положения Мурмана Архангельску, последний увел все траулеры, «оставив», по существу, только деревянный флот рыбаков-сезонников. Лишь по истечении нескольких лет, а также в результате долгих споров, подковерной борьбы и рациональных расчетов Архангельску пришлось расстаться с траловой монополией.

Значительные трудности вызывало также параллельное существование двух видов промысла – кустарного и тралового, по сути – частного и государственного, что в перспективе не могло не привести к конфликтным ситуациям, суть которых скрывалась в районировании промыслов. Кустарный промысел на том техническом уровне, на котором он находился в 1920-е гг., мог полноценно вести добычу только в прибрежной полосе шириной в несколько морских миль. Даже наиболее крупные палубные

суда рыбаков с моторным двигателем не имели возможности без значительного риска удаляться в район тралового промысла. Промысловые же суда безмоторного типа (шняка, карбас, ела, тройник и т.п.) могли производить лов только в достаточно узкой полосе прибрежных вод, где вред наносимый тральщиками орудиям добычи «кустарей» (яруса, учебные лесы) был достаточно высоким. Тральщики могли вполне эффективно осуществлять промысел на более значительном отдалении от берегов, однако же претендовали на прибрежную полосу и осуществляли добычу в одном районе с «кустарями» [5, с. 16].

Основной вид мурманских промыслов – треска, являющаяся мигрирующей рыбой. Ее скопления, появляясь у западных берегов Мурмана в феврале-марте, двигаясь на Восток по направлению теплых вод Гольфстрима, постепенно (за 6–7 месяцев) обходят весь Мурманский берег, то отходя, то приближаясь к нему. Соответственно, все «движения» масс рыбы повторяли и промышленники. В период «вешнего» промысла Западного Мурмана, когда треска густой массой подходит к берегам, количество промысловых судов как кустарного, так и тралового лова значительно возрастало, что, в свою очередь, приводило к частым повреждениям снастей кустарей тральщиками.

В 1926 г. постановлением Мурманского губисполкома признавалась необходимость установления исключительно «кустарной» зоны – 3-мильная полоса для Восточного Мурмана (район ярусного лова). Однако данная мера не смогла разрешить конфликт, поскольку не была вовремя санкционирована центром и не распространялась на Западный Мурман (район весенних промыслов). Пока траловый флот базировался в Архангельске столкновения кустарного (базировавшегося на побережье Кольского полуострова Баренцева моря) и тралового промыслов на Западе не происходило, так как район весеннего лова тральщикам был недоступен вследствие ледовой обстановки в пункте своего базирования. Но с переводом траловой базы в Мурманск неизбежно должен был возникнуть вопрос о разграничении районов промысла. Западный район был предпочтительнее для тральщиков из-за геологического строения прибрежной полосы в этом районе (грунт и рельеф морского дна были наиболее благоприятны для трала), чем те же факторы, но уже для Восточного Мурмана. Помимо этого, к обострению конфликта приводило то, что сам кустарный промысел, почти исчезнувший за годы Первой мировой и Гражданской войн, начал вновь развиваться на волне экономического подъема в годы НЭПа и активизации колонизации Кольского полуострова.

Разрешить конфликтную ситуацию можно было достаточно простым путем – развивать оба вида промысла параллельно. В Экономическом сове-

щании при СНК РСФСР (ЭКОСО) по этому вопросу развернулась дискуссия. Одни полагали, что необходимо развивать оба промысла, поскольку на кустарном в определенной степени основывалась и колонизация Мурманского берега [2, л. 241]. Будучи основой хозяйства колониста, кустарный промысел определял и емкость возможной колонизации. Противники этого подхода, указывая на слабую экономическую основу кустарного промысла, доказывали необходимость объединения артелей в совхозы, что, на их взгляд, являлось единственной перспективой развития прибрежного промысла. Данная полемика носила во многом политический характер, связанный с противостоянием «левой» и «правой» оппозиций по вопросу выбора дальнейшего пути развития страны [9, с. 219]. Итогом спора стало решение о запрете траловому флоту ловли в 3-мильной полосе вдоль всего Мурманского побережья [2, л. 241, 324].

Еще один «конфликт», осложнявший становление государственной рыбной отрасли на Мурмане, был вызван разницей цен на основные виды продукции – соленую рыбу и рыбий жир двух видов лова, кустарного и тралового. Себестоимость продукции первого была, как правило, в два раза выше, чем последнего. Так, себестоимость тонны соленой трески тралового лова составляла около 180 руб., а прибрежного – около 300 [13, с. 91]. Предполагалось, что данную разницу можно устранить «смешиванием» трески обоих видов лова, но это можно было сделать только сосредоточив оба вида лова в руках одной организации. Помимо этого, «смешивание» не избавляло треску прибрежного лова от высокой себестоимости. Все затраты и издержки прибрежного лова никак не компенсировались [11, с. 92].

Одним из вариантов решения проблемы могла стать ликвидация расхождения цен на товары, потребляемые промысловым береговым хозяйством (продукты, промысловое снаряжение, орудия лова), и товары, вырабатываемые им (рыба и различные виды ее переработки). Но снизить цены на материалы, потребляемые прибрежным ловом, оказалось невозможным из-за общесоюзной тенденции повышения цен на материалы, что, видимо, было связано с экономической конъюнктурой. Снижение цены рыбопродукции прибрежного лова за счет снижения затрат, связанных с обработкой рыбы, штатом работников факторий и промысловых пунктов, торговыми расходами, было возможным, но в незначительном размере [13, с. 92]. Единственным выходом, как и показало дальнейшее развитие рыбной отрасли на Мурмане, стало техническое совершенствование прибрежного промысла – внедрение новых судов и способов обработки уловов.

Представленный материал позволяет увидеть, что развитие рыбных промыслов Мурмана происходило на фоне региональных «конфликтов» различной специфики (как экономических, так и политических). Опреде-

ляющим фактором в судьбе мурманских промыслов стало соперничество двух центров – Архангельска и Мурманска, в котором победил последний, что было связано, в первую очередь, с природно-географическими факторами: близость к промыслам и незамерзаемость побережья, что снижало затраты в промысловой деятельности. Центральная власть пыталась проводить гибкую политику, но, по сути, ограничилась «невмешательством» в процесс борьбы между претендентами на звание «столицы» рыбных промыслов Мурманска.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 141. Л. 138.
2. ГАМО. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 128.
3. *Каменева Т.А., Хаустов П.М.* Богатства Мурманска – народу. Мурманск: Кн. изд-во, 1961. 70 с.
4. *Каменева Т.А., Хаустов П.М.* Вашим именем строим, работаем и живем. Мурманск: Кн. изд-во, 1968. 223 с.
5. Карело – Мурманский Край. 1928. № 3. С. 16 – 18.
6. *Киселев А.А., Краснобаев А.И.* История мурманского тралового флота. 1920–1970. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1973. 304 с.
7. *Кушелев В.Л.* Мурман и его промысла. СПб.: тип. Рус. Скоропеч, 1885. 255 с.
8. Мурманский областной музей // Научно-вспомогательный фонд (МОН НВ) 5188/1-6. Мурманская губерния с 1 октября 1922 до 1 апреля 1923 г. (сост. В. Алымов).
9. Отчет Мурманского губисполкома Совету Труда и Обороне за апрель – сентябрь 1922. Мурманск: [Б.и.], 1922. 43 с.
10. *Пятовский В.П.* Великим Лениным вдохновленные. Мурманск: Кн. изд-во, 1970. 208 с.
11. *Сорокин В.В.* К вопросу о создании советского тралового флота на Мурмане (1920–1927 гг.) // Ученые записки Мурманского государственного педагогического института. 1964. Т. V. С. 197–220.
12. *Федоров П.В.* Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск: МГПУ, 2009. 388 с.
13. *Хордилайнен А.* Цены на треску и интересы промыслового хозяйства на Мурмане // Ленинградская область. 1928. № 4. С. 87–95.
14. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 9. Оп. 1. Д. 576.

УДК 94(47).084+325.2

С.В. Артемова¹

Коллективная идентичность и идея свободной личности: русское литературное зарубежье на пути к коммеморации

Аннотация. В статье рассматриваются основные компоненты коллективной идентичности российского литературного зарубежья во Франции. В ходе изучения мемуарных источников выявляются отмечавшиеся литераторами сложности объединения в группу на основе общих норм и ценностей, отказ от формирования общего мировоззрения и, как следствие, многостороннее видение событий и своей роли в них, затруднявшее оформление единого взгляда на исторические события. Автор приходит к выводу, что объединение на основе общего опыта переживания событий в России и идеальных представлений о личности и свободе привело к развитию нетипичной формы коммеморации в писательско-поэтической среде – дискуссии.

Ключевые слова: коллективная идентичность; историческая память; российское зарубежье; травма.

Collective identity and the idea of a free person: Russian literary community abroad on the way to commemoration

Abstract. This article examines the main components of collective identity of Russian literary abroad community in France. Study of memoir sources revealed difficulties noted by writers of uniting into a group based on common norms and values, refusal of forming a common worldview, and, as a result, a multilateral view of events and one's own role in them, making it more difficult to form a single common view on historical events. The author comes to the conclusion that unification based on common experience in living through the events in Russia and ideals about a personality and freedom has led to development of an atypical form of commemoration in writer-poetic environment.

Keywords: collective identity; historical memory; Russian abroad; trauma.

Выявление и анализ структурных компонентов коллективной идентичности неразрывно связаны с представлением о коллективной памяти, объясненным П. Норой в контексте исторической науки. По мнению исследователя, идея коллективной памяти перестроила представление о разграничении памяти как индивидуальной характеристики и истории как

¹ **Софья Владимировна Артемова** – аспирант кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета, студент Института Психологии им. Выготского РГГУ (Москва, Россия), e-mail: artemovasofyavl@gmail.com.
Sofya V. Artemova – Postgraduate student, Department of Contemporary History of Russia of the Russian State University for the Humanities, student, Department of Psychology of Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

социальной. Именно «наделение» сообществ памятью привело к поиску подходов к изучению идентичности, которая стала характеризоваться как коллективная и, в достаточной для анализа степени, логичная и объективная [17].

В современной исследовательской практике не наблюдается консолидации относительно характера связи между идентичностью и исторической памятью. Ученые делятся на несколько групп: некоторые говорят о формировании исторической памяти на сложившейся идентичности, другие утверждают, что историческая память сама играет ключевую роль в формировании и презентации групповой идентичности [1, с. 6; 28, с. 10]. Отчасти это связано с фундаментальными парадигмальными различиями представителей разных дисциплин (психологи больше склонны говорить о первопричинности идентичности, философы и историки – напротив) [11]. Я же придерживаюсь позиции, что становление идентичности и исторической памяти происходит параллельно, и рассматриваю их как непрерывные и взаимосвязанные процессы [23, с. 454].

В исследованиях, посвященных опыту переживания травмы революции и Гражданской войны в России, особое внимание уделяется социальной идентичности, которая определяется психологами как «гражданская», и представляет собой «осознание принадлежности к той или иной стране, культуре, государству, включающее также определенное отношение и личностный смысл» [7, с. 11]. На индивидуальном уровне ей соответствует «чувство мы», придающее человеку уверенность и ориентиры в социальном пространстве. В мемуарных текстах интересны образцы «сужения» идентичности от общегосударственной до «белой». В языке это часто выражено то отождествлением себя с Россией, то противопоставлением себя ей. Иногда эта трансформация «происходит» в одном предложении: «неудачи нашей войны с Германией, неудача нашей войны с красным врагом – понятны. И обе неудачи связаны, хотя причины их различны» [5, с. 400]. Развитие гражданской идентичности подразумевает разные формы совместной, групповой деятельности, и именно ее сформированность, на мой взгляд, определяет развитие коммеморативных практик.

Разумеется, революционные преобразования в России так или иначе коснулись всех больших групп населения. Многие из них, как и составляющие их люди в отдельности, вынуждены были пересмотреть свои права или привилегии [24, с. 65]. Однако особый интерес вызывает структура коллективной идентичности представителей российского литературного зарубежья, покинувших страну в 1920-е гг., ввиду распространенности в этой среде специфических представлений о личности и свободе, часто становившихся ведущими в структуре индивидуальной идентичности.

Представляется, что российские литераторы прошли два периода коллективного «кризиса идентичности»: после Октябрьской революции 1917 г., который был затяжным, усилился с началом Гражданской войны и завершился отъездом из России, и уже за рубежом, когда стало ясно, что советская власть достаточно укрепилась. Разумеется, эти этапы содержат немало различий, однако оба основываются на представлении о свободной личности.

Тема свободы была крайне популярна в литературной среде, как в мемуарах [2, с. 31; 10, с. 155; 19, с. 64; 25, с. 79; 32, с. 373], так и на заседаниях кружков и клубов (примером может служить тематическая дискуссия на IV заседании «Зеленой Лампы» в Париже). Под ней литераторы понимали не только независимость от чужого мнения или физическое отсутствие ограничений, но и возможность сделать самостоятельный выбор из большого числа существующих и следовать ему, подкрепля индивидуальное представление о себе и о мире. Представления о личности складывались на основе детского и юношеского опыта, заключая в себе идею об индивидуальных различиях и ответственности за принимаемые решения. Для многих именно осознание несоответствия с понимаемыми новой властью представлениями о личности и свободе привело к решению об отъезде.

По мнению Ш. Фицпатрик, русская интеллигенция в начале XX в. считала себя «не элитой, а скорее бесклассовой группой, которую объединяли чувство моральной ответственности за улучшение общества, способность к “критическому мышлению” и, в частности, критическое, полуоппозиционное отношение к правящему режиму» [29, с. 51]. Действительно, «моральная ответственность» и «критичность мышления» являлись составляющими представлений о себе большинства литераторов, что во многом определило переход этих феноменов из личной идентичности в коллективную.

Отмечу и классовую принадлежность литераторов. В дневнике М. Цветаева объясняла, почему считает себя «абсолютно *declassée*», «АБСОЛЮТНО, до мозга костей – вне сословия, профессии, ранга. – За царем – цари, за нищим – нищие, за мной – пустота» [31, с. 271]. Н. Берберова была о себе того же мнения: «И я только очень поздно, лет двадцати пяти, узнала, что я принадлежу по рождению к буржуазному классу», отмечая, что не чувствовала с ним никакой связи, так как вся ее жизнь «прошла среди деклассированных изгнанников, какой я была сама и какими были герои моих рассказов и романов» [2, с. 32]. «Вне классов» считало себя большинство литераторов. Примечательно, что такое самоопределение можно рассматривать как выражение желания быть свободным, в том числе от условностей, которые обеспечивались принадлежностью к классу.

О путях объединения эмиграции в большую группу принято говорить в двух аспектах: выделение общих социокультурных параметров (религия, сохранение русского языка, совместные мероприятия, создание кружков и клубов, архивов, библиотек, русских школ) [20] и противопоставление Советской России [21]. И тем не менее российское послереволюционное зарубежье часто «упрекают» в разобщенности [3]. В историографии обычно принято выделять ряд видимых причин, таких как огромное количество политических партий, не сумевших создать единый антибольшевистский блок, появление в 1921 г. «Смены вех» и широкая поддержка движения [15].

Со временем переставали работать дружеские связи, сформированные в Москве и Санкт-Петербурге в дореволюционный период. Уже после отъезда в США Н. Берберова фиксировала, что там на собрания и литературные вечера стали приглашаться люди, собранные по непонятному признаку, вспоминая фразу Ходасевича «настанет для эмиграции день, когда литераторы будут сходить друг с другом по тому признаку, что еще способны распознавать ямб от хореев». По мнению литератора, многие гости вечеров М.С. Цетлиной не умели даже этого и «разделялись по совершенно другим линиям, чем это когда-то было в Париже» [2, с. 571].

Общие для литераторов зарубежья взгляды и ценности, например «любовь к России» [16, с. 251], были крайне важны как «общий язык» и помогали строить дружеские отношения, но не становились основой объединения большой группы. И уже в 1920-е гг. сами литераторы уделяли большое внимание этой раздробленности, выявляя ее причины и предлагая пути преодоления. Д. Мережковский, упрекая эмиграцию в неспособности к консолидации, писал: «Не своею силою сильные большевики, а вашею слабостью. Они знают, чего хотят, а вы не знаете; они хотят все одного, а вы хотите каждый разного» [16, с. 235]. Этот вопрос поднимался и на заседаниях «Зеленой лампы», однако идеи укрепления «евразийского мировоззрения», создания «единого Ордена», нацеленного на «выработку общего мировоззрения», концепцию которого развивал И. Фондаминский, не находили отклика в литературной среде [26, с. 57]. Н. Оцуп называл «поиски целостного мирозерцания» «трагическим уделом каждого отдельного человека» [26, с. 54]. Литератор подчеркивал, что создание целостной объяснительной модели ведет к возможности оказаться в русле «коллективного сознания», смиренню с нивелированием личности человека, как это произошло в большевистской России. Поддерживали его философы Н. Бердяев, выступавший против создания «коллективной философии поведения», приводящей к «идолопоклонству», и Ф. Степун [13, л. 215–216].

Нам представляется, что в основу идейной разобщенности группы литераторов, а скорее всего, и других групп зарубежья, легли по меньшей

мере три «внутренних» фактора: особенности «образа поэта» как «одинокого», «непонятого» и «отстраненного» [18], коллективная идентичность, сложившаяся на основе представления о свободной личности, и опыт переживания травматических событий.

За границей формирование идентичности из бессознательного феномена превратилось в сознательный акт. На фоне новой модели идентичности советских людей, формируемых различными социальными институтами в России, зарубежье было вынуждено очерчивать границы собственной. Оно выделило главную опорную тему – обезличивание и овеществление людей в Советской России. Такая позиция очень близка рассуждениям Э. Фромма, который, говоря о концепции «кризиса идентичности» Э. Эриксона, выделял его как одну из важнейших проблем индустриального общества, где люди «превращены в вещи, а вещи не имеют идентичности» [30, с. 102].

Действительно, в сравнениях и метафорах большинство литераторов следующим образом характеризовало большевистскую Россию. «Как благоуханны наши Февраль и Март, – пишет Д. Мережковский в «Записной книжке», – солнечно-снежные, вьюжные, голубые, как бы неземные, горные! В эти первые дни или только часы, миги, какая красота в лицах человеческих! Где она сейчас? Вглядитесь в толпы Октябрьские: на них лица нет. Да, не уродство, а отсутствие лица, вот что в них всего ужаснее» [16, с. 251]. Большое внимание Мережковский уделял сравнению «советских людей» с тлей: «Малые-малые, серые-серые, неразличимые, неисчислимые, насекомоподобные. Не люди, а тли... Вот откуда эта социалистическая тля. Не враг опустошает, не чужой зверь жрет, а своя родная тля глит Россию. В гербе самодержавия царского св. Георгий Победоносец, пронзающий копьём крылатую тлю. А в герб самодержавия народного – бескрылая Победоносная Тля» [16, с. 239]. Очень похожее определение можно найти у З. Гиппиус: «С воцарением большевиков – стал исчезать человек, как единица. Не только исчез он с моего горизонта, из моих глаз; он вообще начал уничтожаться, принципиально и фактически» [4, с. 8–9].

Отмечу, что рассуждения об обезличенности большевиков были характерны именно для старших литераторов, в то время как представление об индивидуальности как высшей ценности стало всеобщим. Значимость индивидуальности подкреплялась представлениями о собственной национальной идентичности. С. Рафальский отмечал, что в результате революции погибла «и та молодая интеллигентная поросль, которая была способна без революционных потрясений... создать по-настоящему европейскую, многоплеменную, демократическую и свободную российскую (а не русскую) страну» [22, с. 31]. С другой стороны, исследователи зарубежья подчерки-

вают, что «общая «имперская» историческая память была настолько сильна – по крайней мере в российской диаспоре во Франции, – что этнические особенности составлявших ее групп проявлялись в самой незначительной степени» [8, с. 47].

Противопоставление российского зарубежья как собрания свободных личностей безликой массе большевистской России не давало выработать единый взгляд на вещи, единое отношение к событиям и историческим персонажам. Мережковский точно охарактеризовал причину этого, заметив, что попытка всемирного соединения возможна только «на ненависти» (его «утверждает большевизм»), но не на любви, так как «у человечества не было иной всемирности, кроме христианства, но и в христианстве любовь – начало только личное» [16, с. 253]. В сущности, разобщенность стала единственной возможной моделью при тех установках и ценностях, которые с самого начала являлись основой идентичности отдельных литераторов и часто становились причиной отъезда из России.

Идентификация себя с группой, сложившейся на основе общего прошлого (как людей, непосредственно переживших революцию и Гражданскую войну России), тем не менее проходила успешно. Так, для Г. Иванова «“Мы” – это те, кто прожил в Петербурге до 1922 года» [10, с. 189], писатели, которые успели почувствовать атмосферу свободы и начавшееся в 1922 г. ее угнетение. Тот же общий опыт начинал отделять литераторов, переживших революцию, от любых европейцев. Уже в 1919 г. Гиппиус писала: «С каким презрением (праведным) смотрела бы я на европейцев, попади я сейчас за границу. Не боюсь я их. С высоты моей горькой мудрости, моего опыта, смотрела бы я на них. Ни-че-го не понимают!» [6, с. 560].

То же происходило и с объединением вокруг темы бедственного, трагического положения эмигранта. К. Померанцев вспоминал написанное Г. Ивановым уже после Второй мировой войны стихотворение:

«Я хотел бы улыбнуться,
Отдохнуть, домой вернуться...
Я хотел бы так немного,
То, что есть почти у всех,
Но что мне просить у Бога
И бессмыслица и грех» [19, с. 29].

По мнению поэта, «трансцендируя личное» эти строки «становятся общим»: «Каждый эмигрант – пишет Померанцев, – где бы он ни находился и к какой бы национальности ни принадлежал, может сказать о себе то же самое и такими же словами, превращая их в общеэмигрантскую трагедию» [19, с. 29].

С другой стороны, «травмированные сообщества» отличаются от собрания травмированных людей. Л.В. Трубицына пишет, что в таком случае

травма имеет социальное измерение, и обладает «центростремительными» и «центробежными» тенденциями (отчуждение становится основой чувства общности) [27, с. 65]. В исследованиях, посвященных российским литераторам во Франции, также выделяется эта двойственность. И.М. Каспэ подтверждает ее наличие на примере возникшего в журнальных дискуссиях образа младшего поколения литераторов, характерными чертами которого являлись как «особое эмигрантское чувство общности», так и «особое эмигрантское чувство одиночества», подпитываемое этим поэтическим образом [12, л. 89].

Те же тенденции выделяются самими мемуаристами. Так, в очерке Б. Зайцева «Крест» (1930), посвященном Л.Д. Кутепову, теоретическое положение о двойственности травмы демонстрируется на уровне рефлексии автора: «Сейчас он [Кутепов. – С.А.] – знамя мученичества, знамя России распинаемой, он не может, не может не быть своим каждому русскому, каких бы взглядов тот ни был. Горе сближает, но и проводит грань. Кто с тобой чувствует, тот свой. Кто против тебя, от того отойду. Пусть он отличное, он уж не мой» [9].

В современной исследовательской практике прочно укрепилось понимание, что коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтверждать чувство своего единства и общности, укрепляя связи внутри сообщества через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий [14, с. 116]. Однако коллективная идентичность литераторов российского зарубежья, основанная на представлении о свободной личности и выборе, которые не давали объединиться в группу на основе общих норм, ценностей, мироощущения, противопоставляя писателей и поэтов эмиграции безликой толпе Советской России, не позволяла реализовывать типичные практики коммеморации.

Новой формой памяти об опыте переживания травматических событий революции, Гражданской войны и эмиграции стала дискуссия, дававшая возможность отстаивать личную точку зрения. Она велась как в письменной (некрологи, художественные произведения, литературная критика), так и в устной форме (в эмигрантских и русско-французских объединениях).

Примечательно, что выделенные характеристики овеществления и обезличивания народной массы находят свое отражение в исследованиях современного российского общества. Психологи и социологи, говоря о влиянии негативного исторического опыта на становление и развитие гражданской идентичности, указывают, что в России ситуация с ее формированием осложняется как традиционным подавлением индивидуальности личности, так и связанными с ним недостаточностью личной автономии и инициати-

вы [7, с. 11]. На основе этого можно предполагать, что традиционная коллективная идентичность зарубежья, сложившаяся на основе представлений об индивидуальности и свободной личности, привела к совсем другим характеристикам гражданской идентичности сегодняшнего зарубежья.

Список источников и литературы

1. *Александр Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность. М.: Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–39.
2. *Берберова Н.Н.* Курсив мой. М.: АСТ, 2021. 688 с.
3. *Березовая Л.Г.* Культура русской эмиграции (1920 – 30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5). С. 120–173.
4. *Гиппиус З.Н.* История моего дневника // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 9. Дневники 1919–1941. Из публицистики 1907–1917 гг. Воспоминания современников. М.: Русская книга, 2005. С. 5–23.
5. *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. Т. 6. Живые лица: Воспоминания. Стихотворения. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2014. 768 с.
6. *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893–1919. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2016. 656 с.
7. *Гусельцева М.С.* Культурно-психологическая травма как фактор риска в становлении гражданской идентичности // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2017. № 4 (10). С. 8–23.
8. *Гусефф К.* Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы). М.: НЛЮ, 2014. 328 с.
9. *Зайцев Б.К.* Дневник писателя. М.: Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына; Русский путь, 2009. 206 с.
10. *Иванов Г.В.* Мемуары и рассказы. М.: Прогресс-Литера, 1992. 352 с.
11. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с.
12. *Каспэ И.М.* Конструирование незамеченности: «Младшее поколение первой волны» русской литературной эмиграции в Париже: дис. ... канд. культурологии. М., 2004. 178 л.
13. *Кознова Н.Н.* Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 492 л.
14. *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
15. *Медведева Т.А., Бушуева С.В.* Российское зарубежье XX века: особенности формирования, адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2 (История). С. 32–41.
16. *Мережковский Д.С. и др.* Царство Антихриста: Третья и четвертая тысяча / З.Н. Гиппиус, В.А. Злобин, Д.С. Мережковский, Д.В. Философов. М.: Кучково поле, 2017. 256 с.

17. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 40-41(2-3). С. 202–208.
18. *Осинова О.В.* Образ поэта в диалоге М. Цветаевой и А. Блока // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 74-1. С. 375–379.
19. *Померанцев К.Д.* Сквозь смерть = Literary and political reminiscences: Воспоминания. London: Overseas publ. interchange, 1986. 192 с.
20. *Попов А.В.* Архивная россика во Франции и российско-французское архивное сотрудничество // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2015. № 2 (145). С. 128–142.
21. *Пчелинцева М.А.* Способы языковой оценки революционной эпохи в текстах русских писателей-эмигрантов первой волны: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012. 169 л.
22. *Рафальский С.М.* Что было и чего не было = What was and what was not: Вместо воспоминаний. London: Overseas publ. interchange, 1984. 95 с.
23. *Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: «Кругъ», 2011. 560 с.
24. *Рид Д.* Десять дней, которые потрясли мир. М.: Прогресс, 1983. 544 с.
25. *Ставров П.С.* На взмахе крыла. Одесса: ВМВ, 2003. 97 с.
26. *Терапиано Ю.К.* Встречи 1926–1971. М.: Intrada, 2002. 383 с.
27. *Трубицына Л.В.* Процесс травмы. М.: Смысл, 2019. 223 с.
28. *Тульчинский Г.Л.* Соотношение исторической и культурной памяти: практики забвения // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 10–13.
29. *Фицпатрик Ш.* Русская революция. М.: Дело, 2018. 320 с.
30. *Фромм Э.* Душа человека. Революция надежды. М.: Айрис-пресс, 2005. 395 с.
31. *Цветаева М.И.* Неизданное. Записные книжки: в 2 т. Т. I: 1913–1919. М.: Эллис Лак, 2000. 560 с.
32. *Цветаева М.И.* Неизданное. Записные книжки: в 2 т. Т. II: 1919–1939. М.: Эллис Лак, 2001. 544 с.

УДК 94(47).084.3

*Н.В. Кияшко*¹

Процесс «Кубанской тихоновщины»: новый взгляд на дело епископа Ейского Евсевия (Рождественского)

Аннотация. В статье на основе широкого круга неопубликованных источников предпринята попытка реконструкции событий, связанных с изъятием церковных ценностей 5 мая 1922 г. в Ейске, получивших название «Ейское восстание». Рассмотрено участие епископа Ейского Евсевия (Рождественского) и его отношение к кампании по изъятию, причины дальнейшего политического преследования. Отдельное внимание уделено судебному процессу против епископа Евсевия (процесс «Кубанской тихоновщины», 1923 г.), основой которого стало обвинение в организации массовых беспорядков в мае 1922 г.

Ключевые слова: религиозная политика; изъятие церковных ценностей; ГПУ; Русская Православная Церковь; Кубанская епархия; духовенство.

The trial of the Kuban Tikhonovites: a new look at the case of Bishop Eusebius (Rozhdestvensky)

Abstract. Based on a wide range of unpublished sources, the article attempts to reconstruct the picture of the events related to the seizure of church valuables on May 5, 1922 in Yeisk, which were called the “Yeisk Uprising”. The article considers the participation of Yeisk’s Bishop Eusebius (Rozhdestvensky) in the ongoing events and his attitude to the seizure campaign, the reasons for further political persecution. Special attention is paid to the trial against Bishop Eusebius (the trial of the “Kuban Tikhonovshchina”) in 1923, which was based on the accusation of organizing mass riots in May 1922.

Keywords: religious policy; confiscation of church valuables; GPU; Russian Orthodox Church; Kuban diocese; clergy.

Интенсивность развития отечественной историографии по проблемам религиозной политики обуславливает трансформацию исследовательского фокуса от уровня центральных органов власти и высшей церковной иерархии к событиям региональной плоскости. Поиск глобального в индивидуальном и отражение общих процессов на периферии позволяет историкам значительно расширить понимание картины государственной религиозной политики и характер общественно-политических настроений духовенства и верующих на местах.

¹ **Никита Витальевич Кияшко** – аспирант кафедры Истории России XX–XXI вв. МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: kiyashkonv@gmail.com.

Nikita V. Kiyashko – Postgraduate student, Department of History of Russia of XX–XXI centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Несмотря на то, что процесс освоения источниковой базы государственно-церковных отношений на Кубани советского периода начался давно, лишь единичные работы исчерпывающе описывают положение Русской Церкви в регионе. Серьезной проблемой на пути исследователей становится разобщенность источников провинциальных архивов, обусловленная интенсивными административно-территориальными преобразованиями южных регионов. Другой проблемой выступают трудности интерпретации директивных и статистических документов власти, публикация которых без знания особенностей партийного делопроизводства и функционирования различных аппаратных структур не приводит к полноценному пониманию происходивших событий.

До сих пор одной из дискуссионных проблем отечественной историографии остается кампания по изъятию церковных ценностей 1922 г. и ее реализация на местах. Несмотря на высокую актуальность, круг работ, в которых рассматривается изъятие ценностей и отношение к кампании духовенства и верующих Кубани, не велик. Наиболее крупный эпизод проведения кампании в регионе связан с так называемым Ейским восстанием 5 мая 1922 г., в ходе которого верующие г. Ейска массово выступили против деятельности местной комиссии по изъятию церковных ценностей. События восстания стали основой судебного процесса 1923 г. над епископом Ейским Евсевием (Рождественским), которого власть в стратегических целях «назначила» главным виновником народных протестов.

В региональной историографии наиболее значимое исследование кампании на Кубани и ее основных сюжетов принадлежит А.В. Бабичу, в котором на основании протоколов областной комиссии по изъятию ценностей, отчетной документации и переписки дается анализ общих направлений ее работы, кратко описывается изъятие ценностей в г. Ейске. В исследовании утверждается, что кампания на Кубани протекала «довольно сложно», а в качестве примера приводятся волнения в Ейске, организатором которых назван епископ Евсевий [2, с. 328–329]. Согласно А.Ю. Рожкову, во время изъятия ценностей епископ распорядился «бить в набат, что послужило сигналом для сопротивления прихожан» [17, с. 8; 18, с. 132]. События судебного процесса над епископом Евсевием, вероятно, на основании материалов периодической печати подробно описаны в эмигрантской литературе [16, с. 110–112]. Другие исследователи, как правило, ограничивались ссылками на опубликованные источники и воспроизведением тенденциозных публикаций советской периодической печати [14, с. 10; 15, с. 666; 21, с. 65; 22, с. 273; 23, с. 161; 28, с. 108]. Некоторые обстоятельства рассматриваемой проблемы затрагивались в ранних публикациях автора настоящей статьи [6; 7]. Таким образом, по-прежнему остается актуальным анализ отношения

церковной иерархии и лично епископа Евсевия к кампании по изъятию ценностей и реконструкция событий мая 1922 г. в Ейске. Большинство источников, использованных в предлагаемом исследовании, вводятся в научный оборот впервые.

Основным источником сведений о ейских событиях выступают материалы судебного процесса над епископом Евсеем, ейским духовенством и мирянами, опубликованные в виде заметок журналистов областной газетой «Красное Знамя» [12]. Публикации, составленные Н. Сутыриным и С. Крапивиним, фиксировали события практически «по горячим следам» и характеризуются тенденциозностью и репрессивным стилем мышления авторов. Субъективность выражалась в противопоставлении законопослушных верующих (в основном, из «Живой Церкви») сторонникам епископа Евсевия, которые якобы не только сопротивлялись государственной политике помощи голодающим, но и стремились к разрушению советского государства при поддержке церковных деятелей эмиграции. Епископ Евсеев описан как человек низкого нравственного поведения, не соответствующий уровню советского гражданина и являющийся недостойным пастырем, нарушающим церковные каноны. Терминология газетных сообщений характерна для лексикона и образа мышления работников советской пропаганды и изобилует идеологическими ярлыками: «вождь Кубанской Тихоновщины», «черный ворон ейской епархии», «новый Корнилов в рясе», «архи-бабник и контрреволюционер», «духовный стратег», «Святейший Плюшкин», «контрреволюционная лиса» и т.д.

В условиях отсутствия материалов уголовного дела в отношении епископа и осужденных с ним лиц настоящие газетные публикации стали центральным и единственным источником, содержащим подробные сведения как о ходе суда, так и об обстоятельствах изъятия ценностей в Ейске. Однако при изучении этих материалов возникает ряд источниковедческих проблем, разрешение которых возможно только на основе тщательных эмпирических наблюдений и поиска документов различного происхождения, независимо друг от друга освещающих картину событий. Пропагандистские цели периодической печати обуславливали субъективный взгляд на деятельность епископа Евсевия и формирование идеологических ярлыков, которые, к сожалению, закрепились в региональной историографии. Стоит отметить, что фрагменты обвинительного заключения по делу епископа Евсевия были включены в материалы уголовного дела в отношении его секретаря протоиерея Илариона Голубятникова [1].

Известия о начале кампании по изъятию церковных ценностей духовенство и верующие Ейска встретили спокойно. По инициативе епископа в храмах викариата объявили сбор средств для помощи голодающим,

сам он неоднократно выступал с проповедями, в которых призывал верующих «помочь своему брату – христианину, исполняя великий долг христианской любви» [10; 11; 25].

В Ейске работа комиссий по изъятию началась в середине апреля 1922 г. Во время изъятия ценностей из Михайло-Архангельского кафедрального собора 5 мая на соборной площади собралась толпа верующих, которая требовала не трогать церковную утварь, срывая работу комиссии. К собравшимся вышел епископ Евсевий, призвал всех разойтись и сообщил, что комиссия забирает не все предметы утвари, но его слова не возымели действия. Секретарь епископа священник И. Голубятников, присутствовавший в это время в качестве члена городской комиссии, на одном из допросов сообщал, что тысячная толпа собралась на колокольный звон и даже избила члена комиссии от горисполкома. Подтвердить отрицательное отношение епископа к кампании он отказался, утверждая, что проявлений этого не видел [1, л. 29, 50 об.]. Чтобы не усиливать народное недовольство, работу комиссии перенесли на другой день, а толпу разогнали с помощью военной силы [26].

Сводка Информотдела ГПУ от 23 мая 1922 г. одной из первых зафиксировала доклад Кубано-Черноморского губотдела ГПУ (от 25 мая) о конфликте в г. Ейске толпы верующих с представителями власти, произошедшем «под влиянием местных контрреволюционных элементов». В сводке отмечалось, что толпу удалось разогнать только при помощи вооруженной силы, а главные участники выступления арестованы [29, л. 163]. В соответствии с директивами центра от органов безопасности на местах требовалось политическое преследование участников сопротивления изъятию ценностей, и в первую очередь – духовенства. В шифротелеграмме от 20 марта 1922 г. заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт предписывал особенно преследовать священников, стоявших «за спинами» верующих, и предотвращать похищение ценностей из храмов, принимая «срочные меры» к поиску виновных, если последними «окажутся попы, вести о том широкую кампанию в печати и агитацию среди населения» [30, л. 29]. В связи с этим нет оснований полагать, что кубанские чекисты пренебрегли инструкциями центра, оставив без внимания деятельность викарного епископа.

Уровень социального напряжения и волнения во время работы комиссии, на первый взгляд, не вызвали особой обеспокоенности Кубано-Черноморского обкома РКП(б). Это следует из обзора деятельности обкома, в котором отмечалось успешное проведение изъятия по области «почти без эксцессов», «не считая инцидента в Ейске, быстро ликвидированного» [19, л. 56, 57]. В закрытом информационном письме за май 1922 г. секретарь обкома А. Аболин лаконично констатировал удовлетворительное прове-

дение мероприятий, исключение из которого составил инцидент в Ейске, «не имевший по существу политической окраски» [20, л. 70]. Отчитываясь о своей деятельности, партийное руководство Кубани демонстрировало центру положительные итоги церковной кампании, которые не должны были омрачаться социальным недовольством. Именно в этом можно усматривать причину отсутствия пристального внимания партийных органов к ейским событиям и политической роли духовенства.

В областной печати сообщение о восстании появилось спустя несколько дней в виде краткого информационного комментария секретаря Ейского райкома РКП(б). Согласно газетному материалу, причиной волнений стала антисоветская агитация против изъятия, а главными зачинщиками – верующие женщины, спровоцировавшие толпу благодаря колокольному звону [32, с. 1]. Обращает на себя внимание, что в первых и последующих сообщениях в периодической печати имя епископа Евсевия как организатора восстания не фигурировало [5, с. 2; 32, с. 1]. Маловероятно, что в условиях усиления репрессивных методов религиозной политики и массового преследования епископата и духовенства при любых случаях сопротивления власть оставила бы без внимания активную деятельность ейского епископа по организации народных волнений.

Подробности событий 5 мая описаны в постановлении приходского совета Михаило-Архангельского собора г. Ейска от 7 мая 1922 г. Этот уникальный документ освещает не только хронику происходившего, но также иллюстрирует отношение духовенства и самого епископа к восставшим. Согласно постановлению, настоятель собора протоиерей Н. Федотов (будущий «митрополит») доложил на собрании, что в день изъятия члены городской комиссии А.А. Григорьев и Лебедев вели себя «корректно, чинно и благоговейно», не нарушая церковных правил, даже проходили по алтарю только по указанию священника. Приходской совет принял решение выразить благодарность «названным членам комиссии за их благородное отношение к святому храму». Также настоятель собора доложил о вызывающем поведении находившихся в храме женщин, которые «кричали, настойчиво требуя, чтобы из храма ничего не брали», и не обращали внимания на просьбы протоиерея Федотова, священника В. Новака, старосты собора Н. Лопаты и Григорьева не препятствовать работе комиссии.

Не смог успокоить собравшихся даже епископ Евсевий, пришедший в собор. Создавшаяся истерия и нагнетание обстановки бунтующими прервали работу комиссии, а отдельные лица начали звонить на соборной колокольне для привлечения внимания горожан. В результате деятельность комиссии была остановлена, а исполком предложил духовенству провести позднее дополнительное изъятие утвари в одном из приделов собора

и представить ценности самостоятельно. В завершение собрания приходской совет выразил «соболезнование обо всем случившемся с объяснением и предназначенной комиссии, что все это вплоть до двукратного набата, случилось непредвиденно, неожиданно, как-то стихийно, как ураган, и отнюдь не является какой-либо черной работой причта или же прихожан собора» [3, л. 102].

Таким образом, анализ партийных документов и материалов органов безопасности, составленных вне зависимости друг от друга, демонстрирует непричастность епископа Евсевия к народным волнениям и положительное отношение к изъятию ценностей, что констатируется в протоколе приходского совета.

Активное сопротивление епископа развитию обновленческого раскола и отказ признать каноничность группировки «Живая Церковь» привели к тому, что против него была начата травля в периодической печати. Стремления властей и обновленческого епархиального управления отстранить Евсевия от церковной власти не привели к значимым результатам. Поэтому Кубано-Черноморским отделом ГПУ была начата операция по ликвидации тихоновского духовенства на Кубани. 22 декабря 1922 г. на заседании бюро областного комитета РКП(б) руководитель кубанских чекистов Г.Я. Долматов доложил о ходе оперативной работы и получил одобрение партийного руководства [31, л. 9]. 25 декабря 1922 г. сотрудники облотдела ГПУ арестовали епископа Евсевия, а затем 19 священников и мирян по обвинению в контрреволюционной деятельности и доставили в краснодарскую тюрьму [27, с. 2].

Главным обвинением в отношении Евсевия и духовенства стало подчинение Святейшему Патриарху Тихону, объявленному государственным преступником и контрреволюционером, сопротивление обновленческому расколу и укрепление Патриаршей Церкви на Кубани. Стремление власти обосновать антисоветский характер деятельности епископа привело к тому, что в дополнение к «преступлениям» на него возложили ответственность за народное выступление против изъятия церковных ценностей в Ейске. На публичном судебном процессе, который начался 27 марта 1923 г. в театре Краснодара, епископ Евсевий неоднократно отрицал свою причастность к волнениям верующих, указывая на то, что «совершенно добровольно и по собственной инициативе, задолго до проведения изъятия ценностей, в своих проповедях призывал верующих отдать в пользу голодающих лишние церковные ценности» [10; 25]. Но несмотря на это в областной газете «Красное Знамя» с завидным упорством утверждалось, что «глава Ейской епископии – вдохновитель всех препятствий, которые были выявлены при изъятии церковных ценностей и многих других контрреволюционных поступков, имевших место в его епархии» [24].

В качестве свидетеля на суде выступал председатель Ейского исполкома А.А. Григорьев. Он подтвердил «ужасающие размеры» народного бунта 5 мая 1922 г., для предотвращения которого распорядился выставить охрану у дверей собора. Согласно его показаниям, чтобы предотвратить волнение, епископ Евсевий предлагал комиссии огласить публично акты об изъятии с конкретным перечнем имущества. «Мог ли подобный акт успокоить толпу, говорить не приходится», – иронично замечал журналист Н. Сутырин, при этом скрывая, что местная власть проигнорировала предложение епископа. Несмотря на отсутствие в показаниях прямого обвинения епископа в провокации восставших, описанную им картину бунта помощник областного прокурора П. Раусов мастерски интерпретировал в качестве доказательства вины Евсевия [26]. О буйствах восставших, преследовавших уполномоченного Ейского исполкома Шебелева, на суде сообщил водитель Горячков [13].

Государственный обвинитель использовал любые подходящие эпизоды из показаний свидетелей для формирования картины отрицательного отношения епископа Евсевия к поддержке кампании. Так, с его помощью на суде священник В. Голоднов¹ «правильно» описал поведение архиерея на приходском собрании Михаило-Архангельского собора, прошедшем с участием председателя Ейского исполкома. Как показал свидетель, на собрании Григорьев предложил Евсевию разослать духовенству и верующим воззвания и инструкции по изъятию ценностей, но тот ответил, что такие полномочия есть только у правящего архиерея, а он лишь vicарный епископ. «Представитель обвинения т. Белоусов искусно поставленными вопросами [к Голоднову. – *Н.К.*] показывает, что скрывалось под этой евсевиевской “тишайшей маской” – бессердечный эгоизм, глухой к мукам голода и непримиримое властолюбие, во имя которого Евсевий пошел даже на объявление Иоанна, правящего епископа, еретиком», – безапелляционно заключал журналист областной газеты [9]. Не меньшую искусность проявил государственный обвинитель, чтобы «прижать к стенке» старосту ейского собора Лопату, который оказался вынужден признать, что Евсевий не проявлял настойчивости в деле помощи умирающим от голода [8].

23 апреля 1923 г. областной суд признал епископа Евсевия виновным в антисоветской агитации и пропаганде и контрреволюционной деятельности и приговорил к семи годам заключения со строгой изоляцией, священника Т. Сосько – к пяти годам, мирян А. Гангесова и А. Зайцева – к трем, а П. Валяницкого, П. Назаренко и С. Лиманского – к одному году заключения [27].

Анализ событий изъятия церковных ценностей в г. Ейске вновь актуализирует проблему зависимости отечественной историографии от иде-

¹ В источнике ошибочно назван «Голодков».

ологических ярлыков и штампов советской пропагандистской машины. Вопреки распространенному мнению епископу Ейскому Евсевию (Рождественскому) не принадлежала руководящая роль в народных восстаниях, спровоцированных изъятием церковных ценностей, что подтверждается показаниями архиерея и многочисленными документами разного уровня. Подлинной причиной политического преследования епископа и актуализации ейских событий стало сохранение им подчинения Святейшему Патриарху Тихону и укрепление тихоновских приходов на Кубани, что противоречило курсу религиозной политики Кремля и препятствовало работе органов безопасности по административному и идеологическому разложению Церкви. Таким образом, очевидна необходимость реабилитации епископа Евсевия как жертвы политических репрессий по приговору Кубано-Черноморского областного суда от 23 апреля 1923 г.

Список источников и литературы

1. Архив Управления ФСБ России по Краснодарскому краю. Д. П-15682.
2. *Бабич А.В.* К вопросу об изъятии церковных ценностей на Кубани в 1922 году // Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 6. Краснодар; Київ, 2012. С. 328–329.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-649. Оп. 1. Д. 111.
4. Заседание 23 апреля // Красное Знамя. 1923. № 89 (896). 25 апр.
5. Изъятие ценностей в Ейском отделе // Красное знамя. 1922. № 120 (621). 31 мая.
6. *Кияшко Н.В.* «Враждебные попы не нужны»: эволюция религиозной политики советской власти в 1922 г. в свете деятельности органов ВЧК-ГПУ на Кубани // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 99. С. 134–147.
7. *Кияшко Н.В.* Антицерковная политика власти и положение обновленческих и канонических общин на Кубани в 1920-е годы // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Междунар. науч. конф., Иваново, 5–6 апреля 2017 г.: в 2 ч. Ч. 2. Иваново: Ивановский государственный университет, 2017. С. 277–282.
8. *Крапивин С.* Кубанская Тихоновщина. Десятый день // Красное Знамя. 1923. № 78 (885). 12 апр.
9. *Крапивин С.* Кубанская Тихоновщина (заседание 12 апреля) // Красное Знамя. 1923. № 79 (886). 13 апр.
10. *Крапивин С.* Кубанская Тихоновщина (заседание 12 апреля) // Красное Знамя. 1923. № 80 (887). 14 апр.
11. *Крапивин С.* Кубанская Тихоновщина (заседание 14 апреля) // Красное Знамя. 1923. № 82 (889). 17 апр.
12. Красное Знамя. 1923. № 63, 67, 69, 71, 73, 74, 75, 76, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 85, 86, 87, 88, 89.

13. Кубанская Тихоновщина (Впечатление судебного процесса). Девятый день // Красное Знамя. 1923. № 76 (883). 8 апр.
14. *Макаренко П.* Прости нас, Господи... // Родная Кубань. 1998. № 4. С. 7–10.
15. *Никитин Д.Н.* Изъятие церковных ценностей // Православная энциклопедия. Т. XXI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. С. 661–668.
16. *Польский М.А., протопресв.* Новые мученики Российские. Т.I. Jordanville: Holy Trinity monastery, 1949. 287 с.
17. *Рожков А.Ю.* Народное сопротивление антирелигиозной политике Советской власти на Юго-востоке России в 1918–1929 гг. // Голос минувшего. 1997. № 2. С. 3–12.
18. *Рожков А.Ю.* Обновленцы и мученики // Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани. Краснодар: Православный Екатеринодар: Традиция, 2009. С. 127–139.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 332.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43.
21. *Рябиков А.Н., Письменная Т.Г., Штымбалюк А.В., Денисова Е.В.* Конфессиональная политика советской власти в отношении обновленческих объединений Северного Кавказа в 1917–1946 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 8. С. 63–68.
22. *Саввин Д.В.* Евсевий (Рождественский Евгений Петрович) // Православная энциклопедия. Т. XVII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. С. 273–275.
23. *Сергеев К.Л.* Екатеринодарская и Кубанская епархия // Православная энциклопедия. Т. XVIII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. С. 159–168.
24. Суд над «Кубанской Тихоновщиной» // Красное Знамя. 1923. № 67 (874). 27 марта.
25. *Сутырин Н.* Кубанская Тихоновщина (впечатление судебного процесса). Второй день // Красное Знамя. 1923. № 71 (878). 30 марта.
26. *Сутырин Н.* Кубанская Тихоновщина. Речи представителей обвинения // Красное Знамя. 1923. № 86 (893). 21 апр.
27. *Сутырин Н.* Приговор над Кубанской Тихоновщиной // Красное Знамя. 1923. № 89 (896). 25 апр.
28. *Федоров С.С., Гнатюк Т.Н.* Святой из Питима. Евсевий (Рождественский), архиепископ Шадринский. Тамбов: Тамбовский полиграфический союз, 2019. 133 с.
29. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). Ф. 1. Оп. 6. Д. 497.
30. ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 11.
31. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 227. Л. 9.
32. Черносотенные интриги // Красное Знамя. 1922. № 106 (617). 13 мая.

УДК 94(47)+929

В.В. Слискова¹

«Новые чудеса биологии»: о биомедицинских экспериментах в популярной периодике 1920-х гг.²

Аннотация. В статье рассматриваются экспериментальные исследования фармаколога Н.П. Кравкова и физиолога С.С. Брюхоненко и популяризация полученных ими научных результатов в периодической печати 1920-х гг. Эксперименты ученых привлекали к себе внимание общественности своей неординарностью: авторы синхронных популярных и научно-популярных статей называли их «победой над смертью» и «чудесами биологии». Они соотносились с идеей искусственного продления жизни и поисками бессмертия, вписывавшимися в общий контекст утопических проектов создания «нового общества» и «нового человека». Эксперименты Кравкова и Брюхоненко, изучавших функционирование изолированных органов, оказались связаны с идеей «хирургического преобразования» организма и искусственного продления жизни. В основу работы положены материалы Архива Российской академии наук и периодические издания 1920-х гг., освещавшие данный сюжет.

Ключевые слова: биомедицина; экспериментальные исследования; советская наука; 1920-е гг.

“New miracles of biology”: biomedical experiments in popular periodicals in the 1920s

Abstract. The article deals with the experimental studies of soviet pharmacologist Nikolay P. Kravkov and physiologist Sergey S. Brukhonenko and its popularization in periodicals in the 1920s. Experiments of scientists attracted public attention with their unusual approach. The authors of popular and non-fiction science articles published in this period of time called them “victory over death” and “miracles of biology”. They correlated with the idea of artificial life extension and the search for immortality which were related with the utopian projects of creating a “new society” and “a new man”. N.P. Kravkov and S.S. Brukhonenko studied functioning of isolated organs, and their experiments were associated with the idea of “body’s surgical transformation” and artificial life extension. The article is based on materials stored in the Archives of Russian Academy of Sciences and periodicals of the 1920s that covered this topic.

Keywords: biomedicine; experimental studies; soviet science; 1920s.

¹ Валерия Викторовна Слискова – магистрант Факультета архивоведения и документоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия), e-mail: vvaleriess@gmail.com.

Valeriya V. Sliskova – Master’s student, Faculty of Documentary and Archival Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

² Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-78-10095.

В современной истории науки актуальность приобрело изучение отечественной истории 1920-х гг. в утопическом ракурсе: в фокусе внимания исследователей оказались попытки практического воплощения идеи создания «нового человека» в педагогическом, пенитенциарном и биомедицинском пространстве [13]. Современными историками науки А. Банерджи [26], Н.Л. Кременцовым [28] и И. Хауэлл [27] реализация идеи создания «нового человека» связывается с развитием биологии и медицины, с помощью которых предполагалось «усовершенствовать» человеческий организм. В начале 1920-х гг. в пространство исследовательских лабораторий наравне со строго практическими задачами – лечением различных заболеваний, в первую очередь эпидемических, усовершенствованием методов хирургии и др. [21] – проникли утопические идеи омоложения и бессмертия [28, с. 134–135]. «Хирургической» попыткой преобразования человеческого организма стали экспериментальные исследования в области омоложения и продления жизнедеятельности человеческого организма через трансплантацию органов [16]. Однако ученые не ставили перед собой только идеологическую цель создания «нового» человека, а руководствовались и конкретными профессиональными задачами. Их интересовали практические возможности применения теоретических знаний и разработка научных методов в области продления жизни человека, будь то гормональное омоложение или искусственное поддержание жизнедеятельности организма.

Значительный вклад в развитие экспериментальной биомедицины внес фармаколог, академик Военно-медицинской академии Николай Павлович Кравков (1865–1924). Его научные интересы лежали в области влияния фармакологических веществ на биологические процессы, в том числе на изолированные органы. Метод изучения был разработан вне лаборатории Кравкова, однако ему удалось усовершенствовать его для получения ценных и точных результатов [24, с. 89]. Кравков создал собственную научную школу и по праву считается основоположником отечественной фармакологической науки [23, с. 122]. Главной заслугой ученого стал примененный им метод изучения воздействия химических веществ на органы путем их отделения от организма. Так, наибольшую известность обрели эксперименты Кравкова, произведенные на изолированных кроличьих ушах и человеческих пальцах ампутированной руки или трупа человека, умершего от инфекции. Следует сказать, что исследования не ограничились данным выбором. В качестве изучаемого материала выступали и другие человеческие и животные органы.

В биографических работах приводится история о том, что мысль об изучении уха кролика пришла Кравкову во время охоты, когда он обратил внимание на ухо убитого зайца [15, с. 27]. Организация артерий данных

органов, по мнению ученого, должна была способствовать получению наиболее точных результатов. Отобранный материал заблаговременно высушивался (мумифицировался) в течение нескольких месяцев, что, однако, не повреждало чувствительности сосудов. В ходе эксперимента органы размачивали в специальном солевом растворе (жидкости Рингера-Локка), подогретом до температуры тела. После такого размачивания, если сосуды оставались неповрежденными, они начинали реагировать на вводимые химические вещества [22, с. 142–146]. Стоит отметить, что такая реакция отличалась от обычной реакции живых органов. Тем не менее эксперименты Кравкова получили условное название «оживление мертвых органов» и стали предметом обсуждения научной общественности. О них много писали в периодической печати [17, с. 71–81; 25, с. 5].

В 1923 г. в журнале «Огонек» была опубликована статья «Новые чудеса биологии», в которой рассказывалось об опытах: «Еще более замечательным и ценным является новый метод исследования, открытый проф[ессором] Н.П. Кравковым... мы (теперь) имеем возможность определить, жив ли палец, или, вернее, живы ли его сосуды» [25, с. 5]. Позднее, в 1927 г., об исследованиях Кравкова в своей радиопрограмме рассказал биолог, директор Института экспериментальной биологии Н.К. Кольцов: «сосуды пальца начинали биться, в течение нескольких дней отрастал ноготь, можно было вызвать проступание пота, воспаление кожи... ухо оживало, начинали биться сосуды, росли волосы» [14, с. 31]. В результате исследований был сделан вывод о том, что органы продолжали жить спустя некоторое время после наступления смерти организма. В популярном пространстве научные достижения Кравкова восприняли как движение в сторону обретения бессмертия.

Экспериментальными исследованиями на изолированных органах занимался и советский физиолог Сергей Сергеевич Брюхоненко (1890–1960). Окончив медицинский факультет Московского университета, в 1914 г. он был отправлен на фронт в качестве младшего полкового врача. Во время работы в военных госпиталях, столкнувшись с многочисленными ранениями жизненно важных органов: сердца, легких и др., Брюхоненко задумался о разработке метода искусственного поддержания жизнедеятельности организма, который бы облегчил оперативное вмешательство. В его основу был положен принцип искусственного кровообращения, для обеспечения которого требовался специальный аппарат: «поддержание жизни и функций центральной нервной системы животных, а также и целого организма /теплокровных/ при помощи искусственного кровообращения может быть достигнуто, если работа естественного сердца целиком выполняется механическим аппаратом – являющимся как бы “искусственным сердцем” и работающим действительно подобно сердцу» [2, л. 35].

В 1919 г. Брюхоненко получил должность ассистента клиники частной патологии и терапии 2-го МГУ и приступил к разработке методики искусственного поддержания жизни [13, с. 172]; одновременно вел исследовательскую работу в области лечения сыпного тифа и малярии. В 1923 г. ученым был сконструирован аппарат искусственного кровообращения – «автожектор» (аутожектор) [2, л. 35], предназначенный для поддержания функций центральной нервной системы и жизнедеятельности организма теплокровных. Автожектор состоял из двух механических насосов, системы клапанов, резервуаров для крови и отличался от подобных приборов (применявшихся за рубежом) «наличностью замкнутого круга искусственного кровообращения с автоматически и непрерывно регулируемым давлением, регулируемой температурой и газообменом» [6, с. 289]. Поскольку автожектор предназначался для экспериментов на изолированных органах, была выработана «специальная система “искусственных сосудов” – комбинации резиновых и стеклянных частей» [2, л. 42]. В качестве объекта исследований, т.е. изолированных органов, Брюхоненко выбрал отделенную от тела голову собаки. Однако для запуска системы искусственного кровообращения требовалось еще одно животное – донор крови и легких. Таким образом, эксперимент подразумевал наличие нескольких изолированных органов: головы, легких и кровеносной системы, деятельность которой обеспечивал автожектор. Легкие донорского животного, использовавшиеся в качестве источника кислорода, и располагались в специальном резервуаре (чаше) аппарата. Через них прогоняли донорскую кровь для насыщения кислородом, после чего она поступала в кровеносную систему подопытного животного – голову, подключенную к аппарату [2, л. 35–44].

Первая демонстрация автожектора состоялась в сентябре 1925 г. на Втором Всесоюзном съезде патологов, в ходе которой Брюхоненко произвел операцию сначала над донором, затем отделил голову и подключил к системе кровообращения. Сперва рефлексы животного были ослаблены, но после нормализовались. В целом голова сохраняла признаки жизни в течение 1 часа 48 минут [1, л. 1–2]. Результаты исследований Брюхоненко освещали на страницах профессиональных изданий, однако, они были лишь предварительными [18, с. 135–136]. Ученый планировал продолжить работу в области искусственного поддержания жизни: «настоящий доклад представляет предварительное сообщение о начатых в этом направлении работах...» [6, с. 290].

В 1926–1927 гг. последовал ряд экспериментов Брюхоненко по «оживлению собаки», т.е. изолированной головы. Несмотря на то, что в сводке ответов преобладали «неудачные попытки», в ходе самого опыта удавалось добиться некоторых положительных результатов: «1.11.1926 длит[ель-

ность] экспер[имента] – 2 ч. 17 мин., конец – кровотечение»; «4.11.1926 неудачн[ый] экспер[имент]»; «17.11.1926 феномен с задыханием – судорож[ное] дых[ание]»; «8.12.1926 ряд попыток заставить сердце биться не удавались но в конце опыта начало само давать слаб[ые] сокр[ашения]»; «15.12.1926 ...случай с возобн[овлением] ударов сердца... конец катастрофа»; «12.1.1927 полн[ое] выкл[ючение] своего сердца – 1 ч. 8 мин.»; «21.1.1927 начинало биться сердце, катастрофа, тип агонии – движ[ения] лап[ами]»; «26.2.1927 выключ[ение] сердца – слаб[ые] сокр[ашения], движ[ение] самост[оятельно] лапами, дергает головой... вниз, энерг[ичное] общее движение телом, конец – катастроф[а]» [4, л. 1].

Вторая демонстрация эксперимента состоялась в Втором Всесоюзном съезде физиологов в мае 1926 г. Изначально доклад Брюхоненко не был включен в программу съезда, однако стараниями С.И. Чечулина, секретаря съезда и соавтора доклада, демонстрация состоялась, но практически перед закрытием работы съезда [28, с. 44]. Чечулин представлял итоги проделанной работы, в то время как Брюхоненко производил операцию над подопытными животными. Согласно словам самого Брюхоненко, на этот раз голова оставалась живой более длительное время: «наблюдаются рефлексy до 2,5 часов и дых[ательные] движ[ения]» [1, л. 1].

В ноябре того же года общественность узнала об эксперименте с собакой и аппаратом искусственного кровообращения: появилась первая статья – «Опыты с оживленной головой собаки», напечатанная в газете «Вечерняя Москва» [11, с. 4]. В ней было приведено подробное описание работы автожектора и результаты экспериментов с научной точки зрения: «Впервые открылась возможность поддерживать жизнь теперь уже целого организма собаки с выключенным из него сердцем и легкими, и искусственно созданной температурой» [11, с. 4]. С этого момента открытие Брюхоненко стало предметом внимания многих популярных периодических изданий. В журналах и газетах появлялись публикации с провокационными названиями вроде «Голова, отрезанная от туловища, живет» [12, с. 1], «Наука, побеждающая смерть» [19, с. 1] и др., благодаря чему об изолированной голове собаки заговорили как о «победе науки над смертью». Некоторые авторы статей даже ссылались на роман А.Р. Беляева «Голова профессора Доуэля», изданный в 1925 г. [5]. Так, журналист Г.Н. Гребнев писал в 1927 г.: «Многие, очевидно, читали фантастическую повесть Беляева “Голова профессора Доуэля”. В ней рассказывается как некий профессор Доуэль оживлял голову, отделенную от трупа умершего человека... То была сказка, от которой можно было только улыбаться. А вот, оказывается, что голова, отделенная от туловища и тем не менее продолжающая жить – не сказка» [12, с. 4]. «Ожившая» голова перестала быть фантастикой. Однако, следует отметить, что исследования Брюхоненко обсуждались и с точки

зрения научной значимости. Например, в 1929 г. в журнале «Наши достижения» были опубликованы статьи, рассматривавшие метод поддержания жизнедеятельности в контексте изучения физиологии головного мозга: «...отделенная от тела голова живет... в течение 3–3,5 часов. За это время удастся проделать целый ряд наблюдений над деятельностью головного мозга и изучить, между прочим, действие на головной мозг различных лекарственных веществ» [20, с. 207–208].

В 1928 г. состоялась очередная демонстрация эксперимента в рамках работы Третьего Всесоюзного съезда физиологов в Москве. В докладе Брюхоненко подвел следующие итоги своей работы: «выработан метод, позволяющий часами поддерживать жизнь теплокровного животного с остановленным (не бьющимся) сердцем при помощи механически воспроизведенного кровообращения», «у него (животного) сохранен ряд рефлексов: роговичный рефлекс (реакция роговичной оболочки на раздражение), мигательный (на прикосновение к различным частям головы, на дуновение, зажигание лампы и т.д.); реакций: одышка и вспомогательные дыхательные движения...» [8, с. 213]. В целом «реактивность» изолированной головы на внешние раздражения немногим отличалась от состояния животного, находившегося под легким наркозом [10, с. 214–215]. В заключение ученый отметил, что метод «сепарированной головы» доказал устойчивость центральной нервной системы и возможность восстановления ее функций после прекращения естественного кровообращения. Таким образом, применение метода открыло новые возможности в области изучения центральной нервной системы.

Сконструированный Брюхоненко автожектор был запатентован: сначала в Германии, Англии и Франции, а затем в СССР [3, л. 3, 13, 15, 19]. Он успешно применялся в 1929–1937 гг. для проведения операций на открытом сердце у собак физиологом Н.Н. Теребинским. В 1930-х гг. Брюхоненко продолжал исследования в области искусственного поддержания жизнедеятельности уже в должности заведующего лабораторией экспериментальной терапии Центрального института гематологии и переливания крови¹. На базе лаборатории был разработан метод искусственного кровообращения всего организма. Результаты исследований ученый представил в статьях и монографиях: «Искусственное кровообращение целого организма с выключенным сердцем» [8], «Аппарат для искусственного кровообращения теплокровных» [7], «Применение метода искусственного кровообращения для оживления организма» [9, с. 32–34] и др.

Исследования на изолированных органах, названные в прессе «победой науки над смертью», конечно, не сделали человека бессмертным.

¹ Институт переливания крови им. А.А. Богданова.

Однако открытие Кравкова в области химического воздействия на органы и изобретенный Брюхоненко метод искусственного кровообращения внесли вклад в развитие практической медицины, открыв возможности новых методов лечения, требовавших оперативного вмешательства. Так, автожектор, обеспечивавший возможность искусственного поддержания жизнедеятельности, позднее был успешно применен хирургом Н.Н. Теребинским при проведении операции на «сухом сердце» у собак. Результаты экспериментальных исследований Кравкова и Брюхоненко можно рассматривать как способ продления жизни организма не в утопическом, но в практическом смысле.

Список источников и литературы

1. Архив Российской академии наук (РАН) Ф. 1534. Оп. 1. Д. 2.
2. АРАН Ф. 1534. Оп. 1. Д. 10.
3. АРАН Ф. 1534. Оп. 1. Д. 31.
4. АРАН Ф. 1534. Оп. 1. Д. 122.
5. *Беляев А.Р.* Голова профессора Доуэля // Всемирный следопыт. 1925. № 3–4.
6. *Брюхоненко С.С., Чечулин С.И.* Опыты по изолированию головы собаки (с демонстрацией прибора) // Труды Второго Всесоюзного съезда физиологов. Л.: Главнаука, 1926. С. 289–290.
7. *Брюхоненко С.С.* Аппарат для искусственного кровообращения (теплокровных) // Изучение новых методов искусственного кровообращения и переливания крови. М.: Науч.-технич. упр-ние В.С.Н.Х., 1928. С. 73–80.
8. *Брюхоненко С.С.* Искусственное кровообращение целого организма с выключенным сердцем // Труды Третьего Всесоюзного съезда физиологов (28 мая – 2 июня 1928 года в Москве). М.: Главнаука, 1928. С. 212–213.
9. *Брюхоненко С.С.* Применение метода искусственного кровообращения для оживления организма // Сборник трудов Научно-исследовательского института экспериментальной физиологии и терапии. Вып. 1. М.: Биомедгиз, 1937. С. 32–34.
10. *Брюхоненко С.С., Чечулин С.И.* Опыты на изолированной голове собаки // Труды Третьего Всесоюзного съезда физиологов (28 мая – 2 июня 1928 года в Москве). М.: Главнаука, 1928. С. 214–215.
11. *Вл. О.* Опыты с оживленной головой собаки // Вечерняя Москва. 1926. № 259 (867). С. 4.
12. *Гребнев Г.* Голова, отрезанная от туловища, живет // Комсомольская правда. 1927. № 175 (601). С. 1–4.
13. *Долгова Е.А., Слискова В.В.* Научная фантастика и научная практика: в поисках «революционной науки» // «Стены и мосты – VI»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: практика междисциплинарных исследований в истории / отв. ред. Г.Г. Ершова. М.: ИЦ РГУ 2018. С. 166–179.
14. *Кольцов Н.К.* Чудесные достижения науки. М.: Работник просвещения, 1927. 156 с.
15. *Кузнецов А.И.* Н.П. Кравков. М.: Медгиз, 1948. 80 с.

16. *Маликова М.* НЭП как опыт социально-биологической гибридизации // Отечественные записки. 2006. № 1 (28). С. 175–192.
17. *Морозов Б.* Жизнь органов вне организма // Наши достижения. 1929. № 1. С. 71–81.
18. *Мудрак С.А., Мерцалов А.В., С.С. Брюхоненко* как создатель первого в мире аппарата искусственного кровообращения. 90 лет со дня первого использования аппарата искусственного кровообращения // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2016. № 4 (15). Т. 2. С. 135–140.
19. Наука, побеждающая смерть // Вечерняя Москва. 1928. 20 сен. С. 1.
20. Опыты по оживлению головы собаки // Наши достижения. 1929. № 1. С. 207–208.
21. *Слискова В.В.* Естественнонаучные эксперименты 1920-х гг.: наука в поисках бессмертия // Гуманитарный акцент. 2020. № 1. С. 30–34.
22. *Узбекова Д.Г.* Работы академика Н.П. Кравкова в области эндокринологии // Сахарный диабет. 2015. № 4. С. 142–146.
23. *Шабанов П.Д.* Вклад Н.П. Кравкова в развитие общей, возрастной, эволюционной и клинической фармакологии // История медицины. 2015. Т. 6. № 2. С. 114–115.
24. *Шабанов П.Д.* Н.П. Кравков в Военно-медицинской академии. СПб.: Art-Xpress, 2015. 250 с.
25. *Шмидт П.Ю.* Новые чудеса биологии // Огонек. 1923. № 3. С. 5.
26. *Banerjee A.* We modern people: science fiction and the making of Russian modernity. Middletown: Wesleyan univ. press, 2012. VIII, 206 p.
27. *Howell Y.* Eugenics, Rejuvenation, and Bulgakov's Journey into the Heart of Dogness // Slavic Review. 2006. № 3. P. 544–562.
28. *Krementsov N.L.* Revolutionary experiments: the quest for immortality in Bolshevik science and fiction. Oxford: Oxford univ. press, 2014. XIII, 268 p.

УДК 94.349.2

В.Н. Сергеев¹

**«Исключить из штата ввиду отказа выехать в область»:
практика увольнения научно-медицинских работников
по инициативе работодателя в 1930-е гг.
(по материалам Института имени В.А. Обуха)**

Аннотация. В статье с помощью метода конкретных ситуаций (кейс-метод) анализируются мотивационные формулировки в приказах по личному составу об увольнении сотрудников Института по изучению профессиональных болезней имени В.А. Обуха в 1930-е гг. Одной из характерных особенностей данного научно-исследовательского учреждения являлось наличие собственной клиники, что заметно расширяло «палитру» сотрудников за счет младшего и среднего медицинского персонала. Качественный подход позволил выделить несколько групп проблем, которые приводили к разрыву трудовых отношений по инициативе работодателя (прогулы, «летуны», недобросовестное отношение к работе, нахождение на рабочем месте в состоянии алкогольного опьянения, хищение социалистической собственности, категоричное несогласие с условиями труда и др.).

Ключевые слова: СССР; трудовые отношения; увольнение; медицина труда; гигиена труда.

**“Dismissed because of refusal to travel to the region”:
the practice of dismissals of medical practitioners
and researchers by the employer in the 1930s
(based on materials from the Obukh Institute)**

Abstract. The article analyses motivational wordings in dismissal orders for personnel of the Obukh Research Institute of Occupational Diseases in the 1930s using case method. One of the features of the Obukh Institute was its own clinic, which significantly expanded the range of employees through junior and mid-level medical personnel. The qualitative approach made it possible to distinguish several groups of problems that caused a termination of employment on the initiative of the employer (truancy, job hopping, negligence of duty, working under the influence of alcohol, theft of socialist property, disagreement with working condition, etc.).

Keywords: USSR; labour relations; dismissal; occupational medicine; occupational health.

¹ **Всеволод Николаевич Сергеев** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института медицины труда имени академика Н.Ф. Измерова (Москва, Россия), e-mail: sergeew.w@irioh.ru.

Vsevolod N. Sergeev – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Izmerov research institute of occupational health (Moscow, Russia).

Тридцатые годы в сфере трудовых отношений для медицинских работников (от научных сотрудников до клинических практиков) удивительно точно совпадают с календарным десятилетием. Начались тридцатые с Постановления ЦК ВКП(б) «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян» (18 декабря 1929 г.), которое дало старт «Великому перелому» в советской медицине. Последующая за этим очередная перестройка системы здравоохранения привела к увеличению числа рабочих мест. Новые практические учреждения, медицинские вузы и научно-исследовательские институты создавали спрос не только на высококвалифицированных работников (врачей, профессорско-преподавательский состав, научных сотрудников и др.), но и на средний (медицинских сестер, лаборантов и др.) и младший (препараторов, санитаров, нянь и др.) персонал. Завершились тридцатые годы для медицинских работников синхронно со всеми остальными советскими тружениками в 1940–1941 гг., когда сначала произошло максимальное ужесточение трудового законодательства, а затем Великая Отечественная война кардинально изменила трудовые отношения.

Изучение трудовых отношений в Советском Союзе постоянно наталкивается на проблему отображения в источниках причины увольнения конкретного работника. Зачастую желание работодателя уволить того или иного труженика маскировалось «сокращением штатов» либо наемного работника вынуждали написать заявление на увольнение «по собственному желанию». Оба этих способа избавляли работодателя от возможности восстановления труженика на рабочем месте по решению суда или другой инстанции, занимавшейся вопросами регулирования трудовых отношений. Еще одной проблемой является скрытие причины увольнения за счет использования сухих формулировок: «уволить по ст. 47 КЗОТ § “г”» или «на основании служебной записки» непосредственного руководителя. Только небольшая часть приказов по личному составу содержит конкретные формулировки причин увольнения. В итоге получается своеобразный «айсберг», где «надводная часть» представлена в меньшем объеме, нежели скрытая, но даже такая небольшая видимая часть может помочь при описании причин разрыва трудовых отношений по инициативе работодателя. Далее в статье с помощью метода конкретных ситуаций (кейсов) будут проанализированы различные формулировки, использовавшиеся при увольнении работников сферы здравоохранения по инициативе работодателя.

Проблема «прогульщиков» и «летунов»

На протяжении всех 1930-х гг. центральная власть Советского Союза пыталась бороться с прогулами и частой сменой рабочего места. Для борьбы с «прогульщиками» и «летунами» постоянно издавались все более и бо-

лее жесткие нормативные правовые акты, из которых наиболее известны четыре (1930, 1932, 1938 и 1940 гг.)¹. Сам факт постоянного «закручивания гаек» говорит о слабой эффективности данных постановлений.

Увольнение за отсутствие на рабочем месте без уважительных причин зависело от положения в трудовой иерархии. Наиболее строго наказывали прогульчиков из числа хозяйственных работников, младшего и среднего медицинского персонала и научно-вспомогательных сотрудников (препараторов, лаборантов и т.д.). Реформа трудового законодательства 1932 г., облегчившая процедуру увольнения за «прогул», заметно отразилась и на практике расторжения трудовых отношений в Институте им. В.А. Обуха. Например, в ноябре 1931 г. еще по старым правилам был уволен технический работник, лаборант В.А. Пименов, «ввиду пропуска дважды без уважительной причины 4 дня и неявки на службу» [4, л. 87]. Для сравнения можно привести приказ об отчислении научного работника сельскохозяйственной секции М.П. Николаева: «за прогул – невыход на работу без объяснения причины 1-го и 2-го декабря 1934 г.» [6, л. 70]. Другие приказы по личному составу содержат еще более лаконичные формулировки («уволить за прогул в работе» [6, л. 71]). Однако на решение администрации Института об увольнении за прогул могло оказать влияние положение «прогульщика». В случае отсутствия на рабочем месте важного научного кадра оправданием могла стать телеграмма, телефонограмма или объяснительная записка, написанная постфактум.

Своеобразным низовым ответом на борьбу с «летунами» и «врачами» было невозвращение из отпуска. Институт им. В.А. Обуха с самого начала (с 1923 г.) строился как научно-клиническое учреждение с развитой лечебной составляющей. Наличие у института своей клиники влияло на ежегодный ритм отпусков, так как для наиболее эффективного функционирования все отпуска синхронизировались с работой лечебных подразделений. Ежегодное возобновление работы клиники после летнего отпуска сопровождалось выявлением «невозвращенцев из отпуска». Наиболее часто таким образом меняли место работы представители младшего и среднего медицинского персонала. Для врачей и научных работников «неявка из отпуска» была характерна в случае внешнего совместительства или временного

¹ См.: Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. «О порядке найма и распределения рабочей силы и о борьбе с текучестью рабочей силы»; Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. «Об увольнении за прогул без уважительных причин»; Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле»; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

характера работы, что больше свидетельствует о слабой работе администрации Института. Помимо календарного отпуска на трудовую дисциплину могли влиять декретный отпуск и отпуск без сохранения содержания, который зачастую брали для ухода за больными членами семьи. Невыход после этих двух видов отпуска демонстрирует слабую социальную защиту работавших женщин [1].

«Недобросовестное отношение к обязанностям»

Дисциплина труда предполагает не только контроль за рабочим временем труженика, но и соблюдение работником правил внутреннего трудового распорядка. Использование в приказах абстрактных формулировок («за нарушение трудовой дисциплины», «за грубое нарушение служебной дисциплины», «за недобросовестное отношение к своим обязанностям» и т.д.) скрывает конкретную причину увольнения, но и в сухом бюрократическом языке бывают пролески реальной жизни. Например, медсестру Печенкову уволили «за грубое и дерзкое обращение с больными несмотря на двукратный выговор» [8, л. 44]. Другой пример демонстрирует сложность взаимоотношений между врачами и дирекцией Института им. В.А. Обуха. В марте 1936 г. был издан приказ об увольнении врача А.П. Кизас «за отказ от выполнения распоряжения заместителя директора Немеровского о своевременном выходе на работу» [8, л. 35], но уже в апреле того же года она была заново принята на то же самое место. Объяснить этот казус можно с помощью обращения к биографиям акторов. Анна Петровна Кизас начала работать в Институте им. В.А. Обуха в 1928 г., сразу же после окончания Медицинского факультета I МГУ. До поступления в университет она работала в Управлении делами Совнаркома (1917–1922 гг.) [2, с. 66], в том числе и личным секретарем В.И. Ленина. Заместитель директора Б.И. Немеровский не мог похвастаться таким запасом символического капитала. Выпускник киевского медицинского факультета прошел довольно типичный путь: военный врач в Первую мировую войну, затем в Красной армии, а после была работа в Центральном институте труда, на Северной железной дороге и в Институте охраны труда. Немеровский стал заместителем директора в ходе «Великого перелома» как член команды директора Арнаутова [13].

Текущее кадров младшего и среднего медицинского персонала и их постоянный дефицит влекли за собой снижение уровня дисциплины труда. Выражением этой тенденции стало появление приказов с формулировкой «уволить медицинскую сестру за грубое и дерзкое обращение с больными несмотря на двукратный выговор» [8, л. 44]. Другим примером является карьерный путь медсестры С.М. Хавкиной, которую увольняли дважды

(1934 и 1936 гг.), второй раз с мотивировкой «за недобросовестное отношение к обязанностям» [9, л. 64]. Одной из причин подобного поведения был дисбаланс между условиями и оплатой труда, который существовал на протяжении всех 1930-х гг. в среде медицинских работников. На уровень заработной платы заметно влияли квалификация и положение в управленческой иерархии. Например, ежемесячный доход высшего руководства Института имени В.А. Обуха в 1937 г. составлял порядка 1 000 руб. [10, л. 121], лаборанта – 150–175 руб. [11, л. 92], а младший медицинский персонал институтской клиники получал еще меньше.

Другой формой нарушения трудовой дисциплины являлось появление на рабочем месте в состоянии алкогольного опьянения. Помимо индивидуальных случаев были зафиксированы и коллективные практики. Например, в 1936 г. уволили сотрудника клиники И.В. Васильева «за организацию пьянки в служебное время» [8, л. 172]. Надо отметить, что наказание за работу в пьяном виде опять же зависело от положения в трудовой иерархии, что хорошо демонстрируют два следующих случая: первый – отчисление санитарки Т. Алешиной «из штата института за выход на работу в нетрезвом виде» [10, л. 14]; второй – лаборантке Окуновой (Токсикологическая лаборатория) «за появление на работу в нетрезвом виде объявляется выговор с вычетом за день работы» [12, л. 56] (де-факто штраф). Заменить санитарку было намного легче, нежели лаборанта-токсиколога, поэтому возникла разница в форме наказания.

«Несуны» и прочие расхитители

Низкий уровень дохода и перебои со снабжением городов в годы первых пятилеток приводили к расхищению социалистической собственности. Институт им. В.А. Обуха не был в этом плане исключением. Конечно, его невозможно сравнивать с промышленными предприятиями, но и тут несколько сотрудников попались на подобных деяниях. Так, в 1933 г. представительница младшего медицинского персонала клиники Харшашкина была уволена «за недостачу большой порции [еды. – В.С.] и присвоение ее себе» [5, л. 15]. Другой пример касается уже несъедобных материальных ценностей. Осенью 1934 г. был уволен научный работник П.А. Бурмистров на основании докладной записки ночного сторожа Т. Торопова о попытке похищения стекол. Из текста приказа непонятно о каком именно предмете шла речь: оконное стекло, стеклянная лабораторная посуда или же что-то еще. Отдельным блоком стояла проблема учета собственности и наказания за несоответствие данных. В 1937 г. уволили Липаскую, заведующую бельевой в Клинике, со следующей формулировкой: «Снять с работы как не справившуюся с доверенной ей работой и допустившей огромный недоста-

ток белья» [11, л. 153]. Помимо увольнения в приказе содержались и другие виды наказания: «стоимость недостающего белья, согласно акту, взыскать с Липавской, передав дела в соответствующие органы». За кадром для нас осталась роль Липавской в этом деле: было ли это умышленное хищение или же это пример плохой организации учета и контроля за использованием белья в Клинике.

Условия труда

Несогласие с изменением условий труда тоже могло стать основанием для увольнения работника по инициативе работодателя. Для Института им. В.А. Обуха был характерен протест врачей против командировки на работу в область. В 1923 г. данный Институт был сформирован по инициативе Московского отдела здравоохранения для обслуживания Москвы и Московской губернии. В ходе административно-территориальных преобразований конца 1920-х – начала 1930-х гг. [3] территория Московской области заметно выросла за счет поглощения ряда соседних губерний. Если в 1920-е гг. командировка на периферию означала поездку максимум в дальний промышленный уезд (например, в Коломенский или Серпуховский), то в 1930-е гг. – в Тулу или Тверь. Для врачей-женщин такая дальняя командировка могла привести к большим проблемам в семье, что было связано со сложностями в перераспределении гендерных обязанностей. Сопротивление отправке в дальнюю командировку дирекция пыталась сломить показательными увольнениями строптивых врачей. Практически каждый год в первой половине 1930-х гг. появлялись приказы об увольнении с формулировкой «за отказ от поездки в область». Во всех выявленных случаях дисциплинарному воздействию подвергались именно врачи женского пола. Зачастую это было лишь временным увольнением и через месяц или два их принимали на работу вновь.

Еще одной распространенной проблемой оказался дефицит жилищно-го фонда. Несмотря на тот факт, что у Института им. В.А. Обуха были свои жилые площади (служебные квартиры и общежитие), квартирный вопрос являлся головной болью для всех сторон трудовых отношений. Особенно часто проблема поиска жилья вставала у младшего и среднего медицинского персонала, а также у хозяйственно-технических работников, которых могли уволить «в связи с невозможностью его прописки в общежитии Института» [7, л. 47].

Очень необычную формулировку содержал один из приказов по личному составу, который был издан в декабре 1936 г.: «уволить ввиду несогласия с окладом 200 рублей» [9, л. 115]. С данной формулировкой уволили сотрудницу институтского музея, которая проработала на данном месте

только несколько месяцев. Приказы по личному составу обычно не содержат подобные экономические мотивы, которые могут скрываться с помощью фраз «по личному желанию», «не вернулась из отпуска» или через организацию перевода с одного места работы на другое. Упоминание же о несогласии с размером оклада является аномальным.

Использование метода конкретных ситуаций при анализе приказов по личным делам Института по изучению профессиональных болезней имени В.А. Обуха позволило очертить круг проблем, характерных для трудовых отношений в научно-медицинской среде в 1930-е гг. Основными из них являлись прогулы, халатность, нахождение на рабочем месте в состоянии алкогольного опьянения, хищение социалистической собственности, категоричное несогласие с условиями труда, которые в своей совокупности отражали сложные взаимоотношения между работниками и администрацией.

Список источников и литературы

1. *Голдман В.* Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М.: РОССПЭН: фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 358 с.

2. *Зеленов М.В., Травникова А.В.* «Личных секретарей у Ленина не было». Стенограммы совещаний работников ИМЭЛ с бывшими сотрудниками Секретариата СНК РСФСР по вопросу работы ленинского Совнаркома. 1946, 1955 гг. // Исторический архив. 2019. № 5. С. 49–69.

3. *Круглов В.Н.* Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 480 с.

4. Научный архив Научно-исследовательского института медицины труда (НА НИИ МТ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.

5. НА НИИ МТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5.

6. НА НИИ МТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6.

7. НА НИИ МТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8.

8. НА НИИ МТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9.

9. НА НИИ МТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10.

10. НА НИИ МТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11.

11. НА НИИ МТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12.

12. НА НИИ МТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17.

13. *Сергеев В.Н.* «Великий перелом» в жизни Л.С. Боголеповой. К вопросу о реструктуризации системы здравоохранения в Московском регионе в начале 1930-х гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых. Москва, 08–09 окт. 2019 г. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 276–283.

УДК 94(571.6)

А.В. Филинов¹

Поездка К.Е. Ворошилова на Дальний Восток в 1931 г.: инструмент контроля над ситуацией в регионе или «предчувствие» маньчжурского кризиса?

Аннотация. В статье рассматриваются командировка наркома по военным и морским делам К.Е. Ворошилова в июле – сентябре 1931 г. на Дальний Восток и сделанные по ее итогам предложения по улучшению ситуации в регионе как результат взаимодействия двух процессов. С одной стороны, осознания высшим советским руководством существовавших внешнеполитических угроз, а с другой – понимания проблем в развитии Дальневосточного края. Существовавшие проблемы заставляли советскую элиту задуматься о различных способах повышения обороноспособности ДВК. Однако проведение мобилизации требовало резкого наращивания военных расходов, к чему СССР был совершенно не готов в условиях разгара первой пятилетки. Поэтому И.В. Сталину и его соратникам до начала маньчжурского кризиса в сентябре 1931 г. оставалось во многом лишь пристально следить за происходившим, в том числе на дальневосточных границах.

Ключевые слова: ОКДВА; Амурская военная флотилия; красноармейское переселение; Япония; мобилизационная готовность; советский Дальний Восток; РККА.

The trip of K.E. Voroshilov to the Far East in 1931: an instrument of control over the situation in the region or a «premonition» of the Manchurian crisis?

Abstract. The article discusses the trip of the People's Commissar for military and naval affairs K.E. Voroshilov in July–September 1931 to the Soviet Far East and the proposals made on its results to improve the situation in the region as a result of the interaction of the two processes. On the one hand, the top Soviet leadership's awareness of the existing foreign policy threats, and on the other hand, the understanding of the problems in the development of the Far Eastern Territory. The existing problems forced the Soviet elite to think about various ways to increase the defense capability of the Soviet Far East. However, mobilization required a sharp increase in military spending, for which the USSR was completely unprepared at the height of the first five-year plan. Therefore, before the start of the Manchurian crisis in September 1931, Stalin and his associates had to keep a close eye on what was happening, including on the Far Eastern borders.

¹ Андрей Владимирович Филинов – научный редактор школьной версии АНО Научно-образовательный центр «Большая российская энциклопедия» (Москва, Россия), e-mail: fiann@inbox.ru.

Andrey V. Filinov – Scientific editor of the school version of the ANO Scientific and educational center «Great Russian Encyclopedia» (Moscow, Russia).

Keywords: OKDVA; Amur military flotilla; Red Army resettlement; Japan; mobilization readiness; Soviet Far East; Red Army.

Для всестороннего понимания того, что представляли собой военно-мобилизационные возможности СССР на Дальнем Востоке в начале 1930-х гг., требовался личный контроль со стороны членов высшего советского политического и военного руководства. Это контроль осуществлялся обычно в форме поездок первых лиц РККА в ДВК, ярким примером чего служит визит К.Е. Ворошилова летом – осенью 1931 г. Инспекционная поездка наркомвоенмора Ворошилова на Дальний Восток проходила с 11 июля по 19 сентября 1931 г. Цель поездки, продолжавшейся 70 дней, была сформулирована самим наркомом как «...ознакомление с жизнью и состоянием боевой подготовки войск, расквартированных в этих краях, изучение на месте обороны Дальнего Востока вообще, и Владивостока, в частности, на случай войны [слова *на случай войны* в тексте вычеркнуты. – А.Ф.]» [9, л. 1].

Эта поездка была далеко не первым посещением советского Дальнего Востока высокопоставленными проверяющими от военного ведомства. По мнению Е.Н. Галактионова, подобные «путешествия» высших военных руководителей стали ответной мерой руководства страны на нарастание угрозы со стороны Японии [1]. Так, в феврале-марте 1929 г. Дальневосточный край посетил член Реввоенсовета ССС и инспектор кавалерии РККА С.М. Буденный, который в ходе визита инспектировал части Хабаровского гарнизона, базу Амурской военной флотилии и обратил особое внимание на необходимость развертывания оборонной работы, решительной борьбы с проявлением беспечности [6].

«Эстафету» визитов на Дальний Восток у Буденного перенял заместитель наркома обороны Я.Б. Гамарник. В 1930 г. он был назначен председателем комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам укрепления обороноспособности Дальнего Востока. В ходе регулярных поездок в край он решал партийно-политические, военные, мобилизационные вопросы, главное содержание которых нередко обозначал лично И.В. Сталин [2, с. 223]. Таким образом, с точки зрения Е.Н. Галактионова, Гамарник координировал деятельность местных органов власти по выполнению поставленных центром задач, докладывал в ЦК партии о проблемах, существовавших в крае, добивался их решения [1].

И наконец, в июле 1931 г. на Дальний Восток приехал народный комиссар по военным и морским делам Ворошилов. По итогам своего визита он составил доклад, адресованный Политбюро ЦК ВКП(б). В настоящей статье его текст подробно анализируется впервые, хотя о существовании доклада исследователям было известно и ранее [4, с. 268]. Текст доклада

композиционно разбит на несколько частей; в первой (неозаглавленной) – представлен обзор ситуации с красноармейскими колхозами и коммунарами на Дальнем Востоке.

По общему впечатлению Ворошилова, в регионе «налицо все материально-технические предпосылки превратить эти коммуны [красноармейские. – А.Ф.] в надежнейшие факторы социалистического строительства на Дальнем Востоке и поднятия обороноспособности последнего» [9, л. 10]. Нарком обосновывал свое мнение тем, что переселенцы из Украины (которых было большинство), быстро осваивались в местном климате и успешно управлялись с земельными участками, также напоминавшими привычные для них условия на родине. Кроме того, отсутствовали жалобы на работу МТС и нехватку денежных средств, из чего эмиссар Москвы делал вывод, что выделяемых на строительство средств вполне достаточно.

Однако в то же время у Ворошилова сложилось убеждение, что «...настроение у тех колхозников и коммунаров, которые как будто осели, не очень устойчивое», что с точки зрения главы военного ведомства объяснялось отсутствием у них «уверенности в прочности этого дела». В докладе приводились конкретные цифры, согласно которым «...из переселенных в прошлом году 6 – 7.000 красноармейцев осело 2 – 3.000, да и те думают, как бы вернуться обратно» [9, л. 10].

Пытаясь сформулировать причины подобной ситуации, наркомвоенмор объяснял ее следующими проблемами: отсутствием эффективного руководства (работа по приему и устройству переселенцев велась одновременно 17-ю краевыми организациями, при том что Краевое переселенческое управление выполняло лишь планово-контрольные функции); предоставленностью вследствие вышеописанного положения колхозов и коммун «самим себе», возникавшей еще и из-за постоянных перетрясок кадров (перевод работоспособных председателей на другие должности); непониманием местным руководством исключительного значения для края переселенческих колхозов, вследствие чего, например, «...подготовительный период 1930–31 гг. для встречи 10 000 красноармейцев они проспали» [9, л. 11], не заготовив и не отгрузив стройматериалы, а также не начав вовремя (лишь в конце июля) жилищное строительство.

Из всего вышеизложенного Ворошилов сделал малоутешительный вывод о неэффективном расходовании выделявшихся для красноармейского переселения средств (речь шла ни много ни мало о сумме более чем в 20 млн руб.). Поэтому он предлагал выделить «пару десятков хороших хозяйственников» для организационной работы в колхозах и, указав местным властям на «огромное значение, которое ЦК и Правительство придают красноармейскому переселенчеству, заставить их взяться за это дело по-настоящему» [9, л. 11].

В связи с этим стоит заметить, что уже впоследствии командующий (в 1932–1934 гг.) Приморской группой войск ОКДВА В.К. Путьна в своем письме Ворошилову в 1932 г. умело польстил высокому начальству, заметив, что «край несколько лет был нами забыт, был в загоне и Вы, во время Вашей поездки, застали его в состоянии, когда он еле дышал. Ваше вмешательство открыло глаза партии на ДВ» [7, л. 147].

В следующей части доклада, озаглавленной «В Политбюро ЦК ВКП(б)», содержатся основные выводы по осмотру военных (ОКДВА), военно-морских (Амурская флотилия) сил Дальнего Востока, а также оборонительных сооружений (Николаевск-на-Амуре, р. Амур от Хабаровска до моря и от устья до Владивостока). Более подробные наблюдения Ворошилова кратко проанализированы далее в соответствии с группировкой, использованной самим наркомвоенмором: 3 пронумерованных части («Амурская флотилия и оборона Амура»; «Оборона Владивостока»; «Пограничная охрана») и одна ненумерованная («Особая Дальневосточная армия»).

Что касается Амурской флотилии, то, по мнению Ворошилова, техническое состояние кораблей и оружия было исправным, корабельные механизмы работали безотказно. Но при этом состоянии боевой подготовки было оценено проверяющим из Москвы как неудовлетворительное (низкие результаты стрельб, слабая подготовка по маневрированию, мало отработаны вопросы взаимодействия с сухопутными войсками, а также плохо изучен театр военных действий – р. Амур и фарватеры). Тем не менее нарком объяснял данные недостатки «не столько неумением, сколько отсутствием должной требовательности в работе» [9, л. 103].

Более конкретно о состоянии береговой обороны и базы флотилии наркомвоенмор высказался позднее, в совершенно секретном приказе № 1203, направленном 3 октября 1931 г. начальнику военно-морских сил РККА и командующему ОКДВА «для сведения и принятия надлежащих мер». Проблемы, как можно заметить, носили комплексный характер: «Охрана батарей поставлена кое-как. Стоявший на посту красноармеец 3 роты 4-го Волочаевского полка т. Стрельчук по выправке, обмундировке и поведению скорее напоминал рыбака, чем бойца красноармейца. Весь состав выделенных полком людей (51 человек) одет в шлемы [видимо, имелось в виду отсутствие более легких головных уборов, чем стальные каски. – А.Ф.], начсостав не выделен, программы занятий нет; снабжение с переборами, дисциплина низкая...» [8, л. 56–57].

Интерес наркома не только к боевой подготовке дальневосточной группировки советских войск отмечают и исследователи. Так, например, Дж. Хаслэм в своей работе сообщает о высокопоставленном проверяющем, использовавшем каждый день для личного знакомства не только с состоя-

нием войск и степенью их боеготовности, но и с жилищными условиями военнослужащих [12, р. 73].

Что же касается Отдельной Краснознаменной Дальневосточной Армии, то о ней глава военного ведомства высказался в своем докладе Политбюро сразу, не дожидаясь осени. Он отметил «пеструю» картину боевой подготовки, причиной чего считал, как и в случае с моряками, недостаточное руководство дивизиями со стороны РВС ОКДВА [9, л. 104]. Особенно проверяющий раскритиковал слабую тактическую подготовку в части взаимодействия родов войск, огневого прикрытия, а также стрельбы из пулеметов и применения артиллерии. То же самое касалось танков и особенно авиации, которая «показав хорошую подготовку по стрельбе по воздушным целям, дала неудовлетворительные результаты по бомбометанию и стрельбе по наземным целям» [9, л. 104–105].

В связи с этим достаточно показательным выглядит тот факт, что в июле 1931 г. М.Н. Тухачевский обсуждал вопрос о возможности использовании военно-воздушных сил в качестве сдерживающего фактора в случае военного конфликта с Японией [10, с. 148]. Учитывая вышеприведенную оценку Ворошиловым боевой подготовки авиации Дальнего Востока, которой, в случае военного конфликта с Японией, очевидно, предстояло в первую очередь столкнуться с японскими летчиками, фраза «возможность использования», на мой взгляд, приобретает особое значение.

Стоит заметить, что исходя из наблюдений и замечаний, сделанных наркомвоенмором во время поездки по ДВК, вряд ли можно полностью согласиться с оценкой, данной двум вышеупомянутым военачальникам А.С. Ложкиной. По ее мнению, Ворошилов старался поддерживать в армии традиции Гражданской войны, игнорировал последние достижения в стратегии и оперативном искусстве и в сугубо военных вопросах был малокомпетентен. В этой его позиции ему, якобы, противостоял Тухачевский, поддерживавший все новое в военной науке и технике, способствовавший развитию военной теории и внедрению ее достижений в практику строительства вооруженных сил [5, с. 111].

Что касается береговой обороны, то следует отметить, что в ходе своего визита на Дальний Восток Ворошилов, в частности, уделил внимание выбору мест строительства портов Находка и Ванино [11, с. 92]. В целом же ко времени инспекционной поездки предложения, выдвинутые группой специалистов под руководством инспектора ВМС РККА Р.А. Муклевича [3, с. 338], по береговой обороне (в первую очередь, по Владивостоку) уже рассматривались Штабом РККА. После этого Реввоенсовет должен был внести их на окончательное утверждение Комиссии Обороны. По предварительным расчетам, эти планы должны были обойтись в 48 млн руб., которые намечалось выделить в течение 1932–1933 гг. [9, л. 113].

Говоря же о результатах поездки в целом, следует отметить, что, в частности, Е.Н. Галактионов считает, что этот визит в ДВК стал важной частью реализации военной политики страны. В рамках нее удалось скорректировать отдельные важные вопросы и уточнить существенные детали военных планов, настроить краевые власти, общественные организации, все население края на энергичное участие в ускоренном строительстве восточного военно-оборонительного форпоста СССР [1].

По мнению же О.Н. Кена, в ходе своей поездки в восточные районы страны, предпринятой в конце июля – сентябре 1931 г., нарком по военным и морским делам Ворошилов уделил инспектированию ОКДВА ничуть не большее внимание, чем осмотру предприятий Урала и Поволжья [4, с. 268]. Однако Дж. Хаслэм, напротив, полагает, что поездка была вызвана не только деморализацией и недовольством армии (видимо, имеется в виду ОКДВА) своим экономическим положением, но и поскольку не исключалась возможность нападения Японии в ближайшем будущем [12, р. 73].

Позицию британского историка разделяет А.С. Ложкина, подчеркивающая, что Ворошилов, будучи представителем «старой» советской военной элиты, являлся верным соратником Сталина, и его представления о внешней политике основывались на информации, которую получал вождь. На этом исследователь основывает свою уверенность в том, что их взгляды были полностью идентичны, а значит, в начале 1930-х гг. нарком рассматривал Японию как геополитического соперника на Дальнем Востоке [5, с. 112]. Отчасти это мнение согласуется с точкой зрения Л. Самуэльсона, который подчеркивает, что Ворошилов в ходе своего дальневосточного «турне» обсуждал, помимо всего прочего, необходимость укрепления оборонительных сооружений вдоль границы с Китаем, а также усиления Тихоокеанского флота и Амурской речной флотилии [10, с. 147]. Однако, с другой стороны, как отмечает О.Н. Кен, так или иначе, в пятидесятистраничном докладе наркомвоенмора, законченном после возвращения в Москву 19 сентября, не содержалось даже намека на потенциальную угрозу Советскому Союзу со стороны Японии [4, с. 268].

Для всестороннего понимания того, что представляли собой военные возможности СССР на Дальнем Востоке в конце 1920-х – начале 1930-х гг., учитывая удаленность и слабое развитие региона, требовался постоянный личный контроль со стороны членов советской элиты. Этот контроль осуществлялся обычно в форме поездок членов высшего военного руководства Советского Союза в ДВК, например, С.М. Буденного в 1929 г. и Я.Б. Гамарника в 1930 г. Особенно такие визиты соответствовали статусу последнего, поскольку Гамарник занимал пост председателя комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по укреплению обороноспособности ДВ. Поэтому к моменту

визита К.Е. Ворошилова в регион летом – осенью 1931 г., очевидно, такие поездки не были новым явлением в практике управления дальневосточными сухопутными и морскими (речными) вооруженными силами и краем в целом. По итогам своего дальневосточного «турне» нарком составил доклад о положении в ДВК, предназначенный для ознакомления членов Политбюро.

Говоря о социально-экономической основе мобилизационной готовности ДВК, Ворошилов в целом довольно оптимистично оценивал перспективы существования красноармейских колхозов. По мнению наркомвоенмора, для данного направления развития дальневосточного сельского хозяйства было вполне достаточно всех необходимых ресурсов (включая даже финансовые), но в то же время им было отмечено отсутствие у недавних переселенцев «чувства уверенности в завтрашнем дне». Именно с этим Ворошилов связывал высокий процент обратничества среди мигрантов, в результате которого иногда в местах вселения оставалось меньше половины приехавших.

Причины данного явления, судя по докладу, не являлись секретом для Москвы. Например, многочисленный, но плохо организованный местный руководящий аппарат, в рамках которого отсутствовала реальная ответственность за решение тех или иных проблем. К тому же само по себе низкое качество руководящего состава усугублялось его острой нехваткой, что пытались компенсировать бесконечными «перетрясками» кадров, постоянно переводя руководителей с места на место. В том числе с этим Ворошилов связывал неумение чиновников руководить, непонимание ими смысла красноармейских колхозов, об удовлетворении нужд которых бюрократия недостаточно заботилась. Это, в свою очередь, вело к тому, что денег на выполнение упоминавшихся наркомом задач хватало только на бумаге, но не в реальности из-за неумелого расходования финансовых ресурсов.

Что касается непосредственно состояния вооруженных сил на Дальнем Востоке, то, с точки зрения Ворошилова, техника работала лучше, чем люди. Основную причину этого глава военного ведомства видел в качестве подготовки личного состава, что проявлялось в недостатке дисциплины и учебных занятий. Также в силу общих для всего края проблем и в сухопутных, и в морских (речных) частях и соединениях налицо были трудности со снабжением обмундированием, питанием, товарами широкого потребления.

В то же время, учитывая слабость советских морских и речных сил на Дальнем Востоке, советским руководством было принято решение сделать ставку в большей степени на укрепление береговой обороны. Это не должно было позволить потенциальному противнику – Японии, воспользоваться

своим преимуществом, заключавшемся в мощном флоте, чтобы с его помощью перебрасывать войска на материк.

Общей же проблемой и сухопутных, и морских (речных) советских вооруженных сил на Дальнем Востоке являлось неумение организовывать взаимную поддержку и взаимодействие между родами войск. Это было особенно важно применительно к современным видам вооружений, вроде танков и авиации, которые рассматривались наиболее образованными советскими военачальниками как один из наиболее важных сдерживающих факторов в случае потенциального столкновения с Японией.

Список источников и литературы

1. *Галактионов Е.Н.* Политика советского руководства по наращиванию оборонного потенциала на Дальнем Востоке СССР в первой половине 30-х гг. XX в. // *Власть и управление на Востоке России.* 2013. № 2. С. 166–170.
2. *Дубинина Н.И.* Дальний Восток Яна Гамарника. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2011. 432 с.
3. *Залесский К.А.* Кто есть кто в истории СССР. М.: Вече, 2011. 608 с.
4. *Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). М.: ОГИ, 2008. 512 с.
5. *Ложкина А.С.* Япония в представлениях советского военного руководства 1930-х гг. // *Известия Алтайского госуниверситета.* Серия: История, политика. 2008. № 4/5. С. 111–115.
6. *Песков В.М.* Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е гг. XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Хабаровск, 2000. 345 л.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 74. Оп. 2. Д. 103.
8. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 14. Д. 186.
9. РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 12.
10. *Самуэльсон Л.* Красный колосс: становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941 гг. М.: АИРО-XX, 2001. 296 с.
11. *Сунцов Н.П., Ветлугин В.К.* Краснознаменный Дальневосточный. Хабаровск: Книжное издательство, 1979. 336 с.
12. *Haslam J.* Soviet foreign policy 1930–1933: The impact of the depression. London; Basingstoke: Macmillan press, 1983. 172 p.

УДК 94(47).084.6/94(44).083

*Е.В. Каменская*¹

**От «сумасшедшего небольшевика»
до «террориста-белогвардейца»:
дело П. Горгулова 1932 г. в советской печати²**

Аннотация. В статье рассматривается информационная кампания в советской прессе, вызванная убийством в Париже президента Франции русским эмигрантом П. Горгуловым. На основе анализа публикаций ключевых центральных изданий («Правда», «Известия», «Огонек»), а также региональной и городской печати представляются основные направления кампании: отстаивание непричастности СССР к преступлению, обвинение русской эмиграции и французского руководства в провокации против Советского Союза. Показаны основные методы работы с читательской аудиторией, функции отдельных источников информации и различных уровней печатных СМИ. Поднимается проблема разночтений в рамках информационной кампании, места «горгуловской темы» во внешнеполитической повестке дня советской прессы.

Ключевые слова: П. Горгулов; СССР; Франция; советская пресса; французская пресса.

**From the “mad neo-bolshevik” to the “white guard terrorist”:
the case of P. Gorguloff in the Soviet press of 1932**

Abstract. The article discusses the information campaign in the Soviet press caused by the murder of the French president in Paris by a Russian emigrant P. Gorguloff. The article bases on the analysis of publications of key central publications (“Pravda”, “Izvestia”, “Ogonyok”), as well as regional and city press. The main directions of the campaign were: defending the non-involvement of the USSR in this crime, accusing the Russian emigration and the French leadership of provocation against the Soviet Union. The article also illustrates main methods of working with the readership, the functions of individual information sources and various levels of print media. The problem of discrepancies in the framework of the information campaign, the place of the “Gorguloff theme” in the foreign policy agenda of the Soviet press is raised.

Keywords: P. Gorguloff; USSR; France; soviet press; french press.

¹ **Екатерина Владимировна Каменская** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), e-mail: ekam82@yandex.ru.

Ekaterina V. Kamenskaya – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

² Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект № 20-78-10014 «От Согласия к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»).

Имя Павла Горгулова в 1932 г. не сходило со страниц советской и французской печати. Русский эмигрант, 6 мая смертельно ранивший французского президента Поля Думера, для одних был агентом ЧК, для других белогвардейским террористом, а для кого-то просто сумасшедшим-одиночкой. Но вне зависимости от выбранной позиции фигура Горгулова занимала центральное место в информационной повестке дня.

Убийство Думера Горгуловым часто упоминается в исследованиях по русской эмиграции, но в подавляющем большинстве случаев это лишь краткая констатация факта. Работ, содержащих развернутый анализ дела Горгулова, в отечественной историографии практически нет; в основном кратко представляется его биография, возможные причины совершенного им убийства, отношение к нему и его идеям в среде эмиграции [2; 18; 43]. Существует художественный роман «Вариант Горгулова», в котором текст подается в формате газетных вырезок [13]. Иногда в работах косвенно затрагивается освещение дела Горгулова в советской печати. Примером является статья Н.В. Веселковой, посвященная встрече И. Эренбурга со свердловским партактивом [1]. На этой встрече среди прочего обсуждалась и горгуловская тема, что предопределило краткое обращение автора настоящей статьи к материалам советских газет 1932 г.

Предлагаемое исследование посвящено пропагандистской кампании, организованной советской стороной, в связи с произошедшим убийством. Для наиболее полного анализа взяты издания разного уровня и направленности: центральные общественно-политические газеты («Правда», «Известия») литературно-художественно-политические журналы («Огонек», «Крокодил»), региональная и городская печать («Уральский рабочий», «Под знаменем Ленина»). Поскольку советская печать в своих материалах активно использовала издания Франции, дополнительным источником стали такие французские газеты, как «Юманите», печатный орган ФКП, и «Тан», авторитетная газета умеренного направления.

Советская информационная кампания во многом зависела от взгляда на произошедшее за рубежом. Выстрел Горгулова поверг в шоковое состояние русскую эмиграцию во Франции. От нее требовалась немедленная реакция. Французская печать публиковала послания эмигрантов, содержавшие сожаления по поводу случившегося, соболезнования семье погибшего и в целом Франции [45, р. 2]. Самым простым и логичным вариантом для эмигрантов стало обвинение Горгулова как советского агента, стремившегося своим поступком бросить тень на всех бывших российских подданных во Франции, ухудшить их положение. В этом ключе интересна позиция историка и философа Г.П. Федотова, находившегося в 1930-е гг. в эмиграции во Франции. Он обвинял эмиграцию в том, что, испугавшись реакции

Франции и репрессий, она сразу отреклась от Горгулова и активно продвигала версию его большевистского происхождения, с которой Федотов был категорически не согласен [41, с. 209–210].

В создавшихся условиях советская сторона выстраивала четкую «линию защиты» и предлагала свое видение ситуации. Стоит отметить, что начальная реакция советской печати оказалась весьма спокойной. Первые публикации появились 7 мая 1932 г. в центральных газетах. В разделе «Последние известия» «Правды» и «Известий» были размещены два сообщения о покушении на Думера. В них содержались неточные сведения. В частности, Горгулов значился как «некий русский Гугулев». Газеты отмечали, что «состояние Думера не является, по словам врачей, безнадежным. Ранения оказались менее опасными, чем это сначала предполагалось» [3, с. 1; 21, с. 1]. При этом в «Известиях» в краткой информации собкора Раппопорта значилось, что Думер получил тяжелое ранение [3, с. 1]. В связи со смертью французского президента информационная кампания претерпела серьезные трансформации. Это выразилось и в значительном росте внимания к теме, и в изменении характера материалов.

Горгуловская тема надолго стала ведущей в международной блоке. Кампания имела две основные волны: май – убийство Думера и начало следствия – и июль – процесс над Горгуловым. Главным направлением кампании стало опровержение обвинений в «большевистской природе Горгулова». С целью подчеркнуть отстраненность советского руководства от убийцы пресса упоминала соболезнования французской стороне от имени советских официальных лиц в связи с кончиной Думера [22, с. 1; 23, с. 4].

Французская печать активно распространяла информацию из Праги, что Горгулов являлся членом коммунистической ячейки на Кубани, членом Коммунистической партии Чехословакии или «Союза советских студентов» [44, р. 2; 45, р. 2]. Советская пресса объявляла это абсолютным вымыслом и обвиняла французское руководство в сознательной дезинформации аудитории [24, с. 1; 25, с. 1; 29, с. 1]. В качестве доказательства антибольшевистских взглядов Горгулова приводились его собственные слова на допросе: «Я служил под командой ген. Ляхова и оставался в рядах белогвардейских частей до 1919 г. Я принимал участие в боях против большевиков в Армавире, Ставрополе и Грузии».

Позиция СССР в деле Горгулова была вполне ясна – преступник являлся лидером одной из белоэмигрантских организаций, а убийство французского президента – это тщательно спланированная акция по дискредитации СССР, провокация с целью подтолкнуть Францию и всю Европу к войне с СССР. Таким образом, в убийстве Думера обвинялась вся русская эмиграция во Франции.

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. тема русской эмиграции в советской печати пошла на убыль. Дело Горгулова спровоцировало новую анти-эмигрантскую кампанию. В печати постоянно проводилась мысль, что Горгулов не убийца-одиночка, а элемент огромной сети белогвардейских организаций. Лидеры русской эмиграции знали о подготовке убийства и руководили им [24, с. 1; 28, с. 1]. На карикатуре Б. Ефимова в «Известиях» Горгулов – младенец в коляске – обращался к своей мамочке «белогвардейщине», при этом коляска представлена наполненной эмигрантскими газетами [6, с. 1]. В статьях указывалось, что убийца играл видную роль в среде белогвардейцев [27, с. 4], фигурировало понятие «банда Горгулова» [24, с. 1; 29, с. 1; 36, с. 1]. Конструировалась целая система, в которой Горгулов являлся важным, но далеко не единственным участником. Непосредственным сообщником преступника объявили редактора журнала «Набат» Яковлева [28, с. 1]. Несколько эмигрантов, к примеру, генерал Н. Ходорович, А. Загорский, определялись как ближний круг Горгулова [23, с. 4]. Выходя на верхний уровень русской эмиграции, советские издания связывали убийцу с А. Керенским, факт приезда которого из Праги в Париж, именно в мае 1932 г., подавался как неопровержимое доказательство связи Горгулова с бывшим председателем Временного правительства. В статьях присутствовали ссылки на выступление убийцы на суде, где он заявил о сочувствии к Керенскому [20, с. 1]. Они вместе стали частыми персонажами советских карикатур [25, с. 4; 32, с. 1]. На карикатуре «Семейный портрет» Горгулов сидел на коленях у Керенского, изображенного в образе «доброй бабушки» [25, с. 4]. Придавая связям Горгулова мировой масштаб, советская печать со ссылкой на зарубежные издания прослеживала его попытки распространить свои идеи в Японии, Германии, Италии и т.д. [23, с. 4].

Советская печать настойчиво отрицала версию о сумасшествии убийцы, а в активном обсуждении идеи о его умственном помешательстве французской печатью видела стремление последней отвести подозрение от многочисленных эмигрантских организаций. В частности, «Правда» обвиняла «Тан» в желании замять следствие и не упоминать белые военные организации во Франции, личность генерала Миллера и т.д. [30, с. 1; 31, с. 1].

Для усиления негативного образа русской эмиграции указывалось на рост антиэмигрантских настроений во Франции, требования запретить любые политические организации иностранцев («белые, красные, зеленые или синие»), распространение подобного мнения и в других странах Европы [19, с. 3; 29, с. 1]. Советская пресса стала массово публиковать материалы о бывших русских подданных в других странах: Китае, Литве, США и т.д. Авторы подчеркивали, что эмигранты до сих пор вынашивают планы свержения советской власти, поддерживают свои силы в боевой готовно-

сти, а также вмешиваются во внутренние дела стран проживания, чем представляют для них несомненную угрозу [5, с. 1; 16, с. 10–11; 26, с. 4; 31, с. 4].

Другим направлением кампании являлось обвинение самой Франции в сознательной провокации. Во-первых, французское правительство «пригрело» огромное количество граждан Российской империи, а теперь пожинало плоды своего гостеприимства. Советские читатели знали, что Франция являлась крупнейшим центром русской эмиграции в мире («главным лагерем белогвардейщины» [36, с. 4]). Еще в 1925 г. «Огонек» опубликовал статистику из чешского издания, где указывалось, что из 2,5 млн русских эмигрантов 500 тыс. проживало во Франции [14, с. 4]. Русские эмигранты, воспевавшие Францию, предстали в образе лицемеров, готовых восхвалять новую родину лишь бы она их поддерживала материально [27, с. 4]. В статье «Кто приютил провокаторов, тот отвечает за их действия» прямо говорилось, что «ответственность за убийство президента ложится на французское правительство» [36, с. 1].

Во-вторых, советская пресса развивала мысль об информированности французской полиции относительно готовившегося покушения и ее умышленном бездействии [22, с. 4; 29, с. 1]. Авторы активно ссылались на расследования «Юманите» [22, с. 4]. Так, Н. Ермаков в «Огоньке», завершая объемную статью о связях русской эмиграции с французскими властями, четко определял, что «преступление было обдуманно и подготовлено совместно с Миллером, Туркулом и “Возрождением”», в контакте с французской полицией [15, с. 6–7]. В тассовской публикации в «Уральском рабочем» говорилось, что французская охранка, чьими агентами являлись белогвардейцы, покровительствовала Горгулову [39, с. 4]. При этом французская полиция больше обвинялась не в убийстве Думера, а в стремлении отвести подозрения от военных организаций русских эмигрантов. Карикатура в «Известиях» носила название «Не замечают», отсылая к тому, что французская полиция не видит сторонников Горгулова среди эмигрантов [5, с. 1]. На обложке «Крокодила» шеф полиции разводил руками: «Теперь ясно, что Горгулов сумасшедший. Только сумасшедший не согласится на таких блестящих условиях объявить себя большевиком» [12, с. 1].

В-третьих, Горгулов определялся как агент империализма, а его преступление – удобным способом для Франции оклеветать СССР. В данном ключе советская печать подчеркивала, что позиция французского руководства относительно белой эмиграции в целом и преступления Горгулова в частности показывает истинные антисоветские цели Франции. Главным врагом СССР во французской политической среде в ходе кампании стал премьер-министр Франции А. Тардьё. Он постоянно встречался в текстовых материалах и карикатурах как инициатор дезинформирования обще-

ственности относительно биографии Горгулова, проводник антисоветской политики и идеи агрессии против СССР [26, с. 1; 38, с. 4; 49, р. 1].

Издания разных уровней выполняли определенные функции в рамках информационной кампании. Центральные газеты «задавали тон». «Правда» содержала основную информацию по теме, обзоры зарубежной печати. В «Известиях» дублировались официальные материалы ТАСС, но печатались и дополнительные материалы соборов. В некоторых статьях «Правды» и «Известий» одна и та же информация передавалась разными словами. Региональная печать в огромных масштабах публиковала тассовские материалы. Ее задача состояла в цементировании основных идей пропагандистской кампании, многократном их повторении в условиях, когда региональная печать была более распространенной. Так, в «Уральском рабочем» с момента убийства и до 28 мая упоминания о Горгулове присутствовали в каждом номере. Важность темы особенно была заметна в небольших городских газетах, внешнеполитический раздел которых имел скромные размеры и постоянный фокус на одном сюжете привлекал внимание. Местные газеты использовали материалы ТАСС и центральных изданий, но имели возможность (а иногда необходимость в связи с ограниченным объемом) трансформировать и сокращать их под свою аудиторию [19, с. 3; 20, с. 1].

Несмотря на слаженность информационной кампании и массивный поток однотипных сообщений, внимание читателя могли привлечь отдельные материалы, которые либо вступали в противоречие с основной линией кампании, либо позволяли несколько шире посмотреть на ситуацию. Так, в публикациях постоянно проводилась мысль, что за Горгуловым стояла большая организация. Однако данные некоторых статей явно указывали, что его идеи не получили распространение в эмигрантской среде. В Праге, где он пытался организовать партию, удалось привлечь лишь 2–3 человека. В 1930 г. он обратился к С.С. Маслову с предложением объединить свои организации, но тот отказался, поскольку убедился, что Горгулов – психически больной и ни на кого не опирается [4, с. 1]. Подобные факты больше подкрепляли образ убийцы как террориста-одиночки, чем участника, а тем более лидера крупной эмигрантской организации. При этом если в центральной прессе четко проводилась линия, что Горгулов не маньяк, то в региональной печати встречались заголовки «Перед следствием – антисоветский маньяк» [40, с. 4].

В основной массе публикаций русская эмиграция имела негативный образ: не один Горгулов, а вся эмигрантская среда организовала убийство французского президента. Из этого вытекало, что смерть Думера была выгодна эмигрантам и не вызвала у них сожаления. Но, во-первых, нельзя сказать, что все русские эмигранты характеризовались советскими авторами

исключительно отрицательно. К примеру, в статье «В притонах белогвардейских террористов» отмечалось: «Надо сразу оговориться, что не все из них враги Советского Союза. Многие солдаты белых армий, насильно уведенные во Францию, работают на фабриках или в сельском хозяйстве Франции и разделяют с французскими пролетариями тяготы буржуазного строя. Они, разумеется, не принимают участия в белобандитских организациях, они не разделяют взглядов провокаторов войны» [16, с. 6]. Таким образом, мир эмиграции становился многомерным. Во-вторых, печать пусть редко, но демонстрировала, что реакция эмигрантов на убийство Думера не ограничивалась стремлением снять с себя подозрение в причастности к преступлению. Небольшая публикация «Правды» «Самоубийство эмигранта Дмитриева», сообщала, что председатель союза иностранных журналистов Дмитриев «не вынес позора убийства французского президента эмигрантом». Здесь же приводилась цитата из «Последних новостей», что Дмитриев «хотел искупить своей смертью злодеяние, совершенное против Франции» [24, с. 4]. Несомненно, важно, что все слова взяты в кавычки. Это позволяло подчеркнуть не только прямую речь, но и условность высказанных слов, а цитируемое издание – «Последние новости» П.Н. Милюкова – всегда отрицательно характеризовалось в советской печати. Однако трагизм, с которым некоторые русские эмигранты восприняли выстрел 6 мая, можно было представить.

В ходе горгуловской кампании советская печать активно использовала зарубежные издания. На первом месте закономерно была французская пресса. Часто фигурировали немецкие и чехословацкие газеты. С одной стороны, корреспондентская сеть советских изданий находилась в стадии формирования, что вынуждало ее использовать сведения иностранных печатных органов; с другой – это позволяло подкрепить свою точку зрения ссылкой на «незаинтересованный источник», представить «взгляд со стороны» («клеветнические измышления опровергаются даже буржуазной печатью» [37, с. 4]). Особое место в информационном пространстве занимала «Юманите». В «Правде» и «Известиях» каждый день появлялись материалы из этого коммунистического издания. «Юманите» работала на два фронта: во Франции отстаивала позицию СССР и обвиняла белоэмигрантов [46, р. 1–2; 47, р. 1–2; 48, р. 1, 3; 49, р. 1–3], а в СССР ее публикации шли как мнение прогрессивной французской печати, сотрудники которой знали ситуацию изнутри и объективно ее освещали. Постоянно присутствовали ссылки на эмигрантскую прессу: «Последние новости», «Дни», «Возрождение» и др. Читатели были хорошо осведомлены об ассортименте эмигрантских изданий, но материал подавался очень выборочно, составить полное представление о взглядах русской эмиграции было сложно.

Коснемся вопроса об авторах материалов по делу Горгулова. В «Известиях» часть публикаций принадлежала Эренбургу [7, с. 1; 8, с. 2; 9, с. 2; 10, с. 2]. Именно с этой кампании началось сотрудничество писателя с газетой – Эренбург стал специальным корреспондентом «Известий» в Париже [42]. Интересно его мнение о Горгулове, основанное, в том числе, на личном посещении суда. Он был уверен, что Горгулов не сумасшедший, но маньяк. На встрече со свердловским партактивом Эренбург подчеркнул: «Я продолжаю настаивать в своих корреспонденциях, телеграммах, что, конечно, Горгулов является типом рядового эмигранта, а отнюдь не представителем какой-то сложной боевой террористической организации... Горгулова никто на это дело не посылал за исключением тех настроений и той атмосферы, которая в определенных эмигрантских кругах царила. Огромную роль сыграло... личное озлобление» [35, с. 250–251]. Данная характеристика расходилась с одним из основных постулатов советской печати, что за спиной Горгулова стояли хорошо организованные белоэмигрантские сообщества и конкретные люди. В «Огоньке» делом Горгулова занимался, в том числе, редактор журнала М. Кольцов. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 июля 1932 г. для освещения процесса Горгулова Кольцов направлялся в Париж [33, л. 43]. Это дело стало важной вехой и для журналистов «Юманите». Так, в характеристике на П.-Л. Дарнара в качестве доказательства его высоких журналистских качеств указывалось участие в горгуловской кампании [34, л. 73].

Оценка эффективности горгуловской кампании в советской печати и в целом включенности этой темы в повестку дня – вопрос, требующий отдельного рассмотрения. В данной статье ограничусь лишь несколькими наблюдениями. Н.В. Веселкова, отмечая слабое знакомство свердловских партийных работников с газетными материалами о Горгулове, высказывает мнение, что «французские события при всем медийном резонансе в СССР не вошли в актуальную повестку на местах (по всей видимости, не прорабатывались на политинформациях и собраниях)» [1, с. 237]. С другой стороны, горгуловская тема фигурировала в следственных делах как общеизвестное событие. В опубликованных протоколах допросов по делу журналиста М.Д. Вольпина одним из доказательств склонности обвиняемого к терроризму стали его характеристики Горгулова как человека, сделавшего «мировое дело», который «войдет в историю как герой» [11, с. 40–41]. Любопытно, что в викторине «Огонька» в 1934 г. наряду с вопросами «Где находится Магелланов пролив?» и «Что соединяет Беломорский канал?» задавался и такой: «Как звали убийцу французского президента Думера?» [17, с. 15]. Так русский эмигрант-террорист Павел Горгулов стал одним из фактов для интеллектуальной игры.

Список источников и литературы

1. *Веселкова Н.В.* «Ничего другого сказать не мог»? Встреча И.Г. Эренбурга со свердловским партактивом 16 октября 1932 года // Сюжетология и сюжетография. 2019. № 1. С. 225–239.

2. *Дубинина В.Н.* Убийство президента П. Думера русским эмигрантом: версии мотивов преступления // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2011. № 6. С. 91–96.

3. Известия. 1932. 7 мая.

4. Известия. 1932. 9 мая.

5. Известия. 1932. 24 мая.

6. Известия. 1932. 25 мая.

7. Известия. 1932. 26 июля.

8. Известия. 1932. 27 июля.

9. Известия. 1932. 28 июля.

10. Известия. 1932. 29 июля.

11. *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* К истории антисоветских настроений в московской журналистике 1930-х годов: уголовное дело Михаила Вольпина // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 5. С. 29–60.

12. Крокодил. 1932. № 17.

13. *Кудрявцев С.* Вариант Горгулова: Роман из газет. М.: Гилея, 1999. 432 с.

14. Огонек. 1925. № 33.

15. Огонек. 1932. № 16.

16. Огонек. 1932. № 17.

17. Огонек. 1934. № 5.

18. *Пашкина Е.Г.* Журнал «Новый Град» в идейно-политической жизни русской эмиграции: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 267 л.

19. Под знаменем Ленина. 1932. 23 мая.

20. Под знаменем Ленина. 1932. 30 июля.

21. Правда. 1932. 7 мая.

22. Правда. 1932. 8 мая.

23. Правда. 1932. 9 мая.

24. Правда. 1932. 10 мая.

25. Правда. 1932. 11 мая.

26. Правда. 1932. 12 мая.

27. Правда. 1932. 13 мая.

28. Правда. 1932. 14 мая.

29. Правда. 1932. 15 мая.

30. Правда. 1932. 16 мая.

31. Правда. 1932. 17 мая.

32. Правда. 1932. 18 мая.

33. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 13.

34. РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 1522.

35. Собрание Областного и Городского партактива от 16 октября 1932 г. / публ. подг. Н.В. Веселкова // Сюжетология и сюжетография. 2019. № 1. С. 240–258.
36. Уральский рабочий. 1932. 9 мая.
37. Уральский рабочий. 1932. 12 мая.
38. Уральский рабочий. 1932. 14 мая.
39. Уральский рабочий. 1932. 17 мая.
40. Уральский рабочий. 1932. 20 мая.
41. Федотов Г.П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 4: Статьи 30-х годов из журналов ВРСХД, «Современные записки», «Числа», «Версты», «Новый Град». М.: Sam & Sam, 2012. 480 с.
42. Фрезинский Б. Илья Эренбург и спецслужбы (Россия, Франция, СССР. 1907–1953) // Звезда. 2017. № 8. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3087> (дата обращения: 02.06.2021).
43. Чистяков К.А. «Активизм» в среде российской эмиграции: идеология, организации, практика, 1920-е – 1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 200 л.
44. Le Temps. 1932. Mai 8.
45. Le Temps. 1932. Mai 9.
46. L'Humanité. 1932. Mai 7.
47. L'Humanité. 1932. Mai 7. Edition speciale.
48. L'Humanité. 1932. Mai 9.
49. L'Humanité. 1932. Mai 10.

УДК 378.4.47

*В.В. Акимченков*¹

Интеллектуальный ландшафт и социальная структура научного сообщества Крымской АССР в начале 1930-х гг.: проблемы, дискуссии и опыт современного изучения

Аннотация. В данной статье выявлены изменения, происходившие в общественно-культурной и научной жизни Крымской Автономной Советской Социалистической Республики в начале 1930-х гг. Раскрывается роль местного отделения Всесоюзной Ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству СССР в этом процессе. В научный оборот вводятся новые архивные источники по заявленной теме исследования.

Ключевые слова: Всесоюзная Ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству СССР; Крымская АССР; общественно-культурная жизнь.

Intellectual landscape and social structure of the scientific community of the Crimean ASSR in early 1930s: problems, discussions and modern study

Abstract. The changes that took place in the social, cultural and scientific life of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic at the beginning of the 30s of the 20th century were identified in this article. The article also reveals the role of the local branch of All-Union Association of Science and Technology Workers to Promote Socialist Construction in the USSR in this process. The new archival sources on the stated research topic are introduced into scientific circulation.

Keywords: All-Union Association of Workers in Science and Technology to Promote Socialist Construction of the USSR; Crimean ASSR; social and cultural space.

В начале 1930-х гг. изменился характер деятельности общественных научных организаций СССР. Учреждения, которые все первое десятилетие советской истории существовали на добровольной основе, продолжая научную традицию имперской России, были ликвидированы либо трансформированы в объединения, где ключевую роль заняли партийно-государственные органы власти Советского Союза. Эти изменения стали закономерным следствием процессов, происходивших в экономике и общественном укладе жизни, и корректировки политического курса ВКП(б).

¹ **Виктор Владимирович Акимченков** – кандидат исторических наук, член Российского общества интеллектуальной истории (Москва, Россия), e-mail: viktor_akimchenkov@mail.ru.
Viktor V. Akimchenkov – Candidate in Historical Sciences, member of the Russian Society of Intellectual History (Moscow, Russia).

Указанные выше явления красочно представлены в истории общественно-культурной жизни Крымской АССР. В 1931 г. прекратило свое существование Таврическое общество истории, археологии и этнографии, которое вело свою научную традицию от Таврической ученой архивной комиссии. В 1932 г. аналогичная участь постигла и Российское общество по изучению Крыма. Эти события подавались как необходимая реорганизация в условиях социалистической реконструкции и формирующегося нового советского общества. Все расформированные общественные научные объединения, по замыслу партийного руководства, должны были влиться в Крымское областное бюро краеведения [3].

1930–1931 гг. стали рубежом, после которого прекратилось существование провинциальных общественных научных организаций. В довершение ко всему описанные события проходили параллельно с зачисткой старых научных кадров, развернувшейся в рамках «Дела Академии наук». Из научной жизни Крыма была изъята целая «агентурная сеть» ученых (П.П. Бабенчиков, В.Ф. Смолин, Н.Л. Эрнст и др.), что окончательно подорвало прежний уклад научной жизни, нивелировав многие исследовательские инициативы.

Формат создаваемых научных объединений предполагал существование и деятельность под контролем партийных и государственных инстанций, а также реализацию на местах генеральной линии ВКП(б) и задач, определяемых высшими республиканскими органами власти. После 1931 г. ключевую роль в научной жизни Крымской АССР должно было занять Крымское областное бюро краеведения, местное отделение Всесоюзной Ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству СССР (далее – ВАРНИТСО), Научно-исследовательское общество изучения Крыма и др. [4]. Одним из наиболее заметных явлений общественно-культурной жизни полуострова стало Крымское отделение ВАРНИТСО. Организация в короткие сроки сумела сплотить научные силы региона вокруг идей проводимой социалистической реконструкции, мобилизовав интеллектуальный ресурс для изучения производительных сил Крымской АССР [1].

Успехи в индустриализации, достигнутые в 1932 г. ставили перед крымской научной и инженерно-технической интеллигенцией более осязаемые задачи в деле реализации планов по социалистической реконструкции. Лозунги, призывы, увещевания заполнили страницы газет, резолюций и постановлений, как государственных, так и общественных инстанций, вошли в лексикон советских граждан. События, разворачивавшиеся на территории СССР, нашли непосредственное отражение в действиях руководства Крымской АССР. Была продолжена борьба с вредителями рабочего снабжения Севастополя и Керчи. После принятия Постановления ЦИК и СНК

СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» на страницах местной прессы развернулась массовая пропагандистская кампания против кулачества. Усилились призывы к борьбе с остатками троцкизма и пережитками троцкистской теории, хотя само политическое течение перестало существовать еще в 1928 г.

В феврале 1932 г. Крымским отделением ВАРНИТСО был утвержден план работы на предстоящий год, предполагавший активное участие в мероприятиях по пропаганде социалистического строительства, обозначенных в резолюциях ВКП(б) [6, л. 46]. Произошли и кадровые изменения, связанные с переездом ответственного секретаря и казначея В.Г. Кастрова в Ленинград, должность которого занял Р.А. Аллик. В начале года в члены Крымского отделения были приняты: И.Л. Зильберман, Б.Д. Коновалов, Р.М. Найор, А.С. Рабинович, В.Я. Харченко [6, л. 44].

Активных действий по реализации намеченных планов не последовало. Работа отделения в 1932 г. окончательно замерла. В начале марта председатель ВАРНИТСО А.Н. Бах и ответственный секретарь В.М. Свердлов направили письмо в Крымский обком ВКП(б), в котором просили обратить внимание на сложившуюся ситуацию и усилить руководство, выделив для этой цели «группу партийных товарищей, ответственных за работу отделения» [6, л. 33]. Однако реального воздействия обком ВКП(б) на работу Крымского отделения Ассоциации не оказывал, поскольку был максимально дистанцирован от его проблем, да и не было «товарищей, ответственных за работу отделения», на которых возлагали надежды Бах и Свердлов. Поэтому решить этот вопрос силами местной партийной организации не удалось.

В апреле 1932 г. центральное бюро ВАРНИТСО признало тот факт, что в Крымском отделении Ассоциации наблюдаются большие сложности. К 1932 г. полное бездействие наблюдалось в Армянском, Белорусском, Пермском и других отделениях. К июню «за бездействие, систематическое игнорирование ЦБ и непредоставление сведений по запросам ЦБ» был поставлен вопрос о роспуске Крымского отделения. С докладом по этому вопросу выступил Б.И. Збарский, однако руководство Ассоциации решило повторно обратиться за помощью в Крымский обком ВКП(б) [6, л. 28]. Письмо, адресованное в конце июня, по содержанию повторяло первое, отправленное в начале марта; его только лишь усилили броскими фразами: «дискредитирует Ассоциацию», «считаем необходимым распустить» и т.д. Ответной реакции обкома в фонде ВАРНИТСО, хранящемся в Российском государственном архиве экономики, и в документации Крымского обкома ВКП(б), содержащейся в коллекции Российского государственного архива социально-политической истории, нам обнаружить не удалось. Из контек-

ста последующих событий становится понятно, что если и была реакция обкома, то она не переломила ход событий, поскольку Крымское отделение Ассоциации продолжило бездействовать. Таким образом, надежды, возлагавшиеся центральным руководством ВАРНИТСО на партийную организацию Крымской АССР, оказались неоправданными.

С июля 1932 г. в Крымском отделении ВАРНИТСО усилили свои позиции сотрудники Крымского государственного медицинского института им. И.В. Сталина. Заведующему кафедрой нормальной анатомии, профессору В.В. Бобину было поручено организовать ячейку отделения Ассоциации при институте. Ему удалось привлечь часть коллектива к общественной работе, сплотив вокруг себя профессорско-преподавательский состав. Бобин совместно с заведующим кафедрой фармакологии, профессором С.Д. Соколовым, а также доктором Т.В. Рогачевским, зарекомендовал себя в процессе разработки второго пятилетнего плана по здравоохранению Наркомздрава Крымской АССР. Они сумели взять под свой контроль работу комиссий по планированию коечного баланса, организацию научно-исследовательских институтов (Институт социалистического здравоохранения и гигиены, Институт кадров, Травматологический центр, Институт переливания крови и др.).

К середине 1932 г. прежнее руководство Крымского отделения ВАРНИТСО окончательно утратило инициативу, провалив во втором полугодии кампанию по подписке на журнал «Фронт науки и техники» [6, л. 23]. Наблюдались сложности во взаимоотношениях с центральным бюро, которое регулярно грозило местному отделению роспуском [6, л. 24–24об.]. Ответнаго неоднократные призывы приступить к активной работе, сопровождавшиеся перспективами быть разогнанными, председатель Крымского отделения Ассоциации В.С. Шевчук направил 24 августа 1932 г. в Москву заявление, в котором охарактеризовал положение дел [6, л. 21]. Он согласился с тем, что членами отделения слабо проводится работа, однако выразил протест по поводу мнения руководства ВАРНИТСО о том, что оно полностью бездействует. Сложность в работе, по мнению Шевчука, была вызвана частой сменой кадров, а также его уходом с руководящей должности в Секции научных работников, что привело к потере связи между Крымским отделением ВАРНИТСО и общественными научными объединениями полуострова.

Назначение Шевчука на должность заведующего учебной частью и аспирантурой Крымского государственного педагогического института им. М.В. Фрунзе, а также совмещение им преподавательской деятельности в Крымском коммунистическом ВУЗе и активная работа по партийной линии, привели к тому, что он не справлялся со своими обязанностями председателя, и работа Крымского отделения ВАРНИТСО утратила орга-

низованный и системный характер. Это стало одной из основных причин «игнорирования» всех писем и телеграмм от Центрального бюро Ассоциации. Делопроизводство в отделении фактически прекратилось, а все распоряжения, информация, инструкции и указания доводились до членов Ассоциации в устной форме. Как следствие, перестали составлять и высылать в Москву письменные отчеты о проделанной работе. Шевчук неоднократно обращался в Крымский обком ВКП(б) с просьбой заменить его на посту председателя местного отделения ВАРНИТСО, мотивируя свое решение чрезвычайной загруженностью [6, л. 22].

Для того чтобы изучить положение дел на полуострове и наладить работу отделения, в Крым был командирован представитель Центрального бюро ВАРНИТСО М.А. Ваксберг. Ключевым в деле оживления работы организации и обновления руководящих органов отделения явилось общее собрание членов Крымского отделения, состоявшееся 19 октября 1932 г. С докладом «О перспективах дальнейшей работы ВАРНИТСО и предстоящей Всесоюзной конференции» выступил Ваксберг, в котором обозначил достижения и недостатки в работе Ассоциации, указав цели и задачи, стоящие перед ней на новом этапе.

Обрисовал положение Крымского отделения председатель Шевчук. В своем выступлении он охарактеризовал историю возникновения Ассоциации на полуострове, поставив под сомнение наличие безупречной репутации у инициаторов его создания и старого руководства (П.А. Двойченко, П.П. Дюкоммен, Д.Д. Павленко В.Е. Перчихин и др.), и раскритиковал их де-активную работу: «было больше шумихи, чем подлинной работы» [6, л. 38]. Эти слова вполне вписывались в сложившуюся конъюнктуру на фоне обострившейся борьбы с «остатками троцкистов и национал-уклонистами». Поддержал его мнение Н.К. Бауман, обозначивший что в 1930–1931 гг. отделение пережило разгром, сумев выполнить лишь задачу по самосохранению. А в настоящий момент стоило начать работу с начала. В свою очередь профессор Бобин настаивал на более тесном сотрудничестве с Крымским обкомом ВКП(б). В.Б. Лукьянов, Зильберштейн и А.Н. Барышпольская выделили еще несколько крупных недостатков: отсутствие эффективной работы по технической пропаганде, отсутствие крепкого управленческого аппарата. Были и те, кто усматривал проблему в отсутствии согласованного руководства со стороны ЦБ ВАРНИТСО (Ф.А. Агеев, Б.А. Гриненко) [6, л. 39], что в заключительном слове Шевчука прозвучало более развернуто: «...со стороны ЦБ Крымское отделение действительно почти никакого конкретного и живого руководства не видело. Поступающие указания ЦБ носят по преимуществу чересчур общий характер и касаются преимущественно вопросов разных кампаний» [6, л. 40].

По итогам собрания была принята резолюция, в которой обозначены основные недочеты в работе Крымского отделения ВАРНИТСО, а также содержался план действий на оставшийся квартал 1932 г. Большое внимание рекомендовалось уделить работе с высшими учебными заведениями автономии, вопросам технической пропаганды, совместной работе с обкомом ВЛКСМ, КМБИТОм и СНР. С целью усиления работы в состав президиума отделения были избраны: И.А. Аширов, А.Н. Барышпольская, В.В. Бобин, Б.Д. Коновалов, Н.К. Мухитдинов, И.И. Прейс, С.Н. Яковлев. Таким образом, новый состав сбалансированно представлял основные научно-исследовательские и плановые органы Крымской АССР: Госплан Крымской АССР, Крымский государственный педагогический институт им. М.В. Фрунзе, Крымский государственный медицинский институт им. И.В. Сталина и Салгирскую садово-огородную областную станцию [6, л. 43]. Кандидатура Барышпольской была одобрена в качестве делегата на вторую Всесоюзную конференцию ВАРНИТСО, которую планировали провести в декабре 1932 г.

Однако Ваксберг в ходе своей командировки на полуостров не успел согласовать принятые решения с Отделом культуры и пропаганды ленинизма при Крымском обкоме ВКП(б). В этой связи заместитель ответственного секретаря ВАРНИТСО А.А. Азлецкий направил заместителю заведующего агитпропа Р.М. Александровичу письмо, в котором указал, что возобновить работу отделение сможет лишь при условии обновления кадрового состава и активном участии членов партии в его деятельности. Председателя Шевчука, в силу его загруженности делами, необходимо либо освободить «от административной работы по учебной части, или же заменить его по фактическому руководству работой Отделения ВАРНИТСО в должности Председателя или ответ[ственного] секретаря другим партийцем» [6, л. 13]. В случае его замены Азлецкий предлагал рассмотреть на должность председателя кандидатуру заведующей плановым сектором Крымского планового бюро при СНК Крымской АССР Барышпольской, поддержанную в ходе визита Ваксберга, но при условии сохранения за ней лишь этой общественной нагрузки. Осуществив анализ архивных документов, прихожу к выводу, что Шевчук был заинтересован в снятии с него чрезмерной нагрузки и заранее согласовал эту инициативу с Ваксбергом, которому поручил лоббировать ее перед руководством в Москве [6, л. 11]. В отчетном докладе, озвученном по итогам командировки в Крым, Ваксберг отдельно акцентировал внимание именно на отсутствии руководства со стороны президиума и настаивал на его полном кадровом обновлении [6, л. 9].

На ближайшем заседании Крымского отделения ВАРНИТСО, которое состоялось 3 ноября, на должность председателя бала избрана Барышпольская, ответственным секретарем Бобин, а казначеем назначен

Р.А. Аллик. Также принято решение о проведении собраний всех коллективов Ассоциации (при Госплане, Мединституте и Пединституте), где планировали переизбрать новый руководящий состав и обсудить планы работы на 1933 г. Аширову было поручено оформить коллектив при Салгирской садово-огородной областной станции, П.И. Музыченко на фабрике Швейпрома, а в плане работы на 1933 г. намечено завершение организации коллективов при Керченском государственном металлургическом заводе им. П.Л. Войкова и Севастопольском морском заводе. Реализовать большую часть из намеченного собирались к 19 ноября 1932 г. [6, л. 35].

В преддверии второй Всесоюзной конференции ВАРНИТСО Крымским областным отделением был составлен подробный отчет о деятельности за 1932 г., снабженный аналитической информацией о работе в период с 1929 по 1932 г. После серьезного кадрового обновления новое руководство с еще большим рвением декларировало о своем курсе деятельности в русле генеральной линии партии: «борьба на два фронта с правыми группировками, остатками аполитичности и «левым» оппортунизмом...» [6, л. 1]. В Крымском отделении Ассоциации увеличилось число членов ВКП(б), которых к этому времени насчитывалось тринадцать. На Крымское отделение ВАРНИТСО возлагалось осуществление акций, проводившихся во всесоюзном масштабе: кампания по реализации займа «Техника в массы», участие в бригадах по проверке выполнения «шести условий тов. Сталина», выступление с докладами в рабочих коллективах, комсомольских ячейках и т.д. В декабре 1932 г. ЦБ ВАРНИТСО поручило Крымскому отделению заняться проработкой проекта по переустройству Крыма [6, л. 3], составленного научным секретарем Междуведомственного государственного комитета содействия развитию и охране природных богатств при Наркомпросе РСФСР Ф.Ф. Шиллингером [10]. Полученные материалы были переданы на изучение сотрудникам Госплана Крымской АССР [7, л. 58]. Комиссия в составе Барышпольской, В.Б. Лукьянова и С.Н. Яковлева изучила проект и составила заключение, которое в 1933–1934 гг. неоднократно озвучивалось в ходе совещаний научных и инженерно-технических работников Крыма [7, л. 45].

22–24 декабря 1932 г. в Москве проходила вторая Всесоюзная конференция ВАРНИТСО [2], на которой Крымское отделение представляла Барышпольская. Главным итогом конференции стало принятие новой редакции устава ВАРНИТСО [9]. Было видоизменено наименование организации, которое теперь звучало – Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для активного участия в социалистическом строительстве СССР. Прежняя базовая установка по объединению «работников науки, техники, народного хозяйства и культурного строительства» [8] заменялась органи-

зацией «революционных элементов советской интеллигенции» с целью их активного участия в строительстве социализма и укреплении обороноспособности страны [9, с. 1]. Устав предполагал изменение структуры органов центрального управления Ассоциации. На смену связке: Всесоюзный съезд – Президиум – конференция – ревизионная комиссия, пришла новая структура. Управление Ассоциацией отныне осуществляли: Всесоюзный съезд, Центральный совет и Центральное бюро [9, с. 6].

В уставе появилась отдельная глава – «О местных органах Ассоциации» [9, с. 9–12], в которой содержался весь круг полномочий и обязанностей отделений. В результате сформировалась четкая структура, состоявшая из республиканских, краевых, областных, районных и городских отделений, а также местных коллективов, действовавших на предприятиях. Наблюдение и контроль за деятельностью Ассоциации передавался Президиуму ВЦИК РСФСР, без утверждения которого невозможно было изменить ее учредительные документы. Местные же отделения Ассоциации оказались подотчетны соответствующим исполнительным комитетам и советам. Согласно новому уставу, Крымское отделение получило статус областного и передавалось под контроль ЦИК Крымской АССР. Как следствие, ВАРНИТСО было поставлено под более жесткий контроль со стороны государственных органов власти.

Таким образом, в 1932 г. деятельность Крымского отделения ВАРНИТСО оказалась полностью парализована. Это было вызвано разгромом отделения и арестами, проходившими на протяжении 1930–1931 гг. В новых условиях никто не желал брать на себя ответственность, исчезла какая-либо инициатива. Председатель отделения Шевчук, оправдывая свою безучастность чрезмерной загруженностью, не спешил в письменном виде фиксировать деятельность организации, всячески пытаясь освободиться от тяготившей его общественной нагрузки, за просчеты в которой в тех условиях можно было стать фигурантом уголовного дела. Изменения, произошедшие после второй Всесоюзной конференции ВАРНИТСО и принятия новой редакции устава, окончательно идеологизировали деятельность Ассоциации. В Крыму реализация всех принятых постановлений возлагалась на нового председателя отделения – Барышпольскую. Будучи активным партийным функционером, ей удалось выстроить работу в новых общественных реалиях, возродив организацию после тотального разгрома 1930–1931 гг. и последовавшей чистки старых кадров.

Список источников и литературы

1. *Акимченков В.В.* Новые веяния в общественно-культурном пространстве Советского Союза начала 30-х гг. XX в.: на примере Крымской АССР // «Истори-

чески кръгозори»: Статии и студии от конференция «Светът след Първата световна война», г. Велико Търново, България, 28 ноември 2018 г. Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 2020. С. 133–145.

2. Материалы ко Второй Всесоюзной конференции ВАРНИТСО. М.: [ВАРНИТСО], 1932. 42 с.

3. *Непомнящий А.А.* Научно-исследовательское общество изучения Крыма (1935–1937): провал проекта советской краеведческой организации // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». 2015. Т. 1(67). № 1. С. 28–37.

4. *Непомнящий А.А.* Подвижники кримведения: в 2 т. Т. 2: *Taurica orientalia*. Симферополь: СГТ, 2008. С. 429–464.

5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 897.

6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4394. Оп. 1. Д. 308.

7. РГАЭ. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 309.

8. Устав ВАРНИТСО. М.: ВАРНИТСО, 1928. 10 с.

9. Устав Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для активного участия в социалистическом строительстве СССР. М.: [Б.и.], 1933. 16 с.

10. *Шиллингер Ф.Ф.* Крымский полуостров, его роль и значение в СССР: Описание Крыма и проблема его переустройства путем обогащения его природных ресурсов, развития мирового туризма и курортного дела. М.: «Жизнь и знание», 1935. 198 с.

94(47).084.6

Ю.А. Соколов¹

С.М. Киров и память о партийной оппозиции и «врагах народа» в 1930-е гг. (по материалам фонда С.М. Кирова Государственного музея истории Санкт-Петербурга)

Аннотация. В статье рассматривается материал воспоминаний, полученный от приближенных С.М. Кирова в конце 1930-х гг. Воспоминания содержат ценные сведения о взаимодействии и даже связи Кирова с деятелями оппозиции, позже признанными «врагами народа». Изученный материал показывает увидеть эволюцию Кирова как руководителя, прошедшего в Ленинграде путь от относительно примирительного периода 1926 г., фиксировавшего в городе status quo после разгрома «новой» оппозиции, к более бескомпромиссному этапу в его отношении к «правой» оппозиции в 1928–1929 гг.

Ключевые слова: С.М. Киров; новая оппозиция; правая оппозиция; вредительство; враги народа.

The recent history: the memory of contemporaries about the “opposition” and “enemies of the people” in the 1930s (based on the materials of the S.M. Kirov foundation of State Museum of the History of St. Petersburg)

Abstract. The article examines the memories of the confidants of S.M. Kirov in the late 1930s. The memoirs contain important information about an interaction and relations between Kirov and members of opposition, later called «enemies of the people». The studied material shows the evolution of S.M. Kirov as a leader who, while working in Leningrad, traversed from a relatively conciliatory period of 1926, which indicated status quo in the city after the defeat of the «new» opposition, to a more uncompromising stage in his attitude to the «right» opposition in 1928–1929.

Keywords: S.M. Kirov; the new opposition; the right opposition; sabotage; enemies of the people.

Работа с мемуарными документами сталинской эпохи показывает, что изучение воспоминаний современников способно приблизить нас к тому историческому контексту, в котором они жили. Дело в том, что люди, рассуждавшие о совсем недавнем прошлом через краткий промежуток време-

¹ Юрий Алексеевич Соколов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник филиала СПб ГБУК «Государственный музей истории Санкт-Петербурга» «Музей С.М. Кирова» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: y.a.sokolov@yandex.ru.

Yuri A. Sokolov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Branch of the State Museum of the History of St. Petersburg «The Museum of S.M. Kirov» (St. Petersburg, Russia).

ни, отделявший их от вспоминаемых событий, сообщали не только массу деталей, но и передавали суть своих публичных оценок в отношении проблемных вопросов современности.

Фонд С.М. Кирова Государственного музея истории Санкт-Петербурга содержит богатую коллекцию воспоминаний и интервью, посвященных биографии Сергея Мироновича Кирова. Основной массив этих документов был собран в период с 1934 по 1941 г. Кировской комиссией, созданной после гибели главы ленинградской партийной организации 1 декабря 1934 г. [13], и Музеем С.М. Кирова, открытым в 1938 г. в Ленинграде.

Историко-партийные исследования отличались крайней цензурой источников. Например, экспедиция ленинградских рабочих, устроенная по «кировским» местам в 1936–1937 гг., запечатлела методику поиска информантов: «Мы обращаемся в парт[ийную] и комс[омольскую] организацию... Нам часто говорят, что с этими товарищами не стоит встречаться... Возможно, что он когда-нибудь работал с С.М., но сейчас он скатился» [2, с. 17–18]. Тем самым, в центре исследовательского процесса стоял выборочный поиск материалов, исключавший свидетельства бывших партийных оппозиционеров и, конечно, «врагов народа».

Однако не только цензурные цели подвигали современников отбрасывать некоторые свидетельства. Дело в том, что после гибели Кирова появилась масса людей, которые рассказывали о своей связи с ним, в том числе, заявляя об этом с мошеническими целями [9, с. 6, 14]. Кроме того, некоторые мемуаристы могли путать даты, места и события, о которых давали воспоминания [2, с. 13, 18]. Поэтому все материалы, поступившие в фонды, проходили согласование во II отделе Музея С.М. Кирова на предмет их «использования в экспозиции и в других работах музея» [5]. Документы, пополнившие коллекцию, выдавались только исследователям, имевшим допуск к работе с «секретными материалами» [10, с. 182].

«Это вредительство шло из центра»

Понятие «вредительство» прочно вошло в язык и сознание современников 1930-х гг., использовавших его для характеристики разных сторон социальной жизни. Как сформулировали В.В. Кондрашин и О.А. Сухова, феномен «вредительства» в условиях проекта социальной перестройки 1920–1930-х гг. использовался как средство регуляции социального поведения, позволявшее направлять массовое недовольство в безопасное для государства русло, а также исправлять погрешности оперативного управления [12, с. 157]. Любую проблему или аварию могли называть «вредительством», результаты которого, как считалось, тормозили развитие государства.

Лица, входившие в ближний круг партийной номенклатуры, наблюдали борьбу с «вредительством» со стороны своих патронов. Например, заведующий особым сектором Ленинградского губкома и обкома ВКП(б) Н.Ф. Свешников вспоминал об активной позиции Кирова в отношении строительства домов в Ленинграде. Типовые проекты жилых зданий с небольшими окнами не нравились главе местной партийной организации. Работу Кирова в этом направлении он описывал так: «Это вредительство шло из центра и Ленинград не мог по соображения планового порядка побороть его течение, нужно было изменить стандарт оконных рам, и вот Сергей Миронович приложил немало труда на то, чтобы изменить его» [8, с. 54]. По воспоминаниям, Киров предлагал «строить по-человечески» в противовес «вредительству» центральных наркоматов.

Эта же позиция отмечалась мемуаристами и в отношении медленно-го развития подсобных сельских хозяйств. Однако борьба с «вредителями-огородниками» не дала ощутимых результатов: Кирову приносили «образцы моркови, нацепленные на картон, и эта морковь была похожа на мышиный хвост». Впрочем, в воспоминаниях сознательное «вредительство» мемуаристы отделяли от хозяйственных неудач [8, с. 111–112]. Проблемы с внедрением инициатив первых пятилеток также называли «вредительством». Из воспоминаний Быкова, члена Бюро красных партизан Центрального района Ленинграда, мы знаем, что кампании по внедрению первых тракторов и механизации лесозаготовок воспринимались в обществе как «вредительские» в силу нерентабельности этих проектов, однако они поддерживались обкомом [4, с. 23].

Мемуаристы усматривали последствия работы «вредителей» также и в личном быту первых лиц. Например, во время поездок на охоту современники зачастую сталкивались с проблемой хранения продуктов. Часто провизия, приобретенная для выезда, портилась. После трагической гибели Кирова подобные факты приобрели политическое значение. Порча продуктов воспринималась уже как террористическая деятельность «врагов народа» [7, с. 6–7]. Та же аргументация встречалась в воспоминаниях современников об авариях, случившихся с автомобилем Кирова. Так, егерь И.П. Ретя, с которым охотился Киров, вспоминал: «Враги подсунули шоферу запасные камеры не того размера... и поэтому вызывались поломки» [7, с. 7]. При этом шофер служебного автомобиля Кирова С.И. Юдин поломку машины объяснял обиденными причинами [3, с. 14–15]. Тем не менее подобные инциденты с первыми лицами впоследствии могли восприниматься как попытки диверсий и покушения на убийство.

В эпоху большого террора лица, ранее приближенные к власти, переоценивали свое представление об охране первых лиц и той опасности,

которой последние подвергались в окружении еще не выявленных «врагов». Дело в том, что распространившаяся по стране волна самозванства 1920-х гг. дошла даже до «колыбели революции» – Смольного. В частности, аферисты проникали в кабинет лидера ленинградских большевиков. Свешников объяснял: «Доступ был легким. Иногда приходил человек и говорил, что он знает Сергея Мироновича по Кавказу... Разговор обычно ведется о материальной помощи... Когда начинаешь выяснять, то оказывается, что этот человек – авантюрист» [8, с. 85–86]. Безусловно, факт того, что убийство Кирова произошло в Смольном, накладывало отпечаток на осознание потенциальной опасности, которой лидер парторганизации подвергался во время таких визитов.

«Партия им еще доверяла»: Киров и оппозиция в 1926 г.

После XIV съезда партии, на котором активно проявила себя так называемая новая оппозиция во главе с Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым, в ленинградской партийной организации произошли кадровые перестановки. 7 января 1926 г. комиссия Политбюро ЦК утвердила состав нового секретариата Ленинградского губкома во главе с Кировым. Тогда же вместе с ним в Ленинград были командированы «докладчики» из числа членов ЦК: М.И. Калинин, М.П. Томский, В.М. Молотов, А.А. Андреев, Г.И. Петровский, К.Е. Ворошилов, Я.Э. Рудзутак, В.В. Шмидт [14, с. 6]. Мемуаристы, вспоминая о визите этой делегации, обязательно отмечали, что в ее составе были «враги вроде Томского, Бухарина» [8, с. 2].

Фокус внимания мемуаристов был направлен на фигуру самого Кирова, в те дни еще малоизвестного руководителя Ленинграда. Из воспоминаний очевидцев становится ясно, что Киров, избранный в состав ЦК партии на XIV съезде, т.е. за неделю до своего приезда в Ленинград, держался в тени («скромно», «не выделялся из группы членов ЦК») своих мастиных коллег. Белобородов, заместитель редактора «Ленинградской правды», вспоминал, что в начале 1926 г. в лицо и по имени Кирова в городе совсем не знали [4, с. 100]. Даже руководитель аппарата не знал его внешность: «Я сам в первый момент был вынужден спрашивать, кто именно Киров» [8, с. 1]. Кроме того, пока члены ЦК были в Ленинграде, Киров не всегда выступал во время мероприятий по «разъяснению» решений съезда [8, с. 4].

Память очевидцев передавала нервную атмосферу экстренной смены руководства ленинградской партийной организации. Персональный пенсионер Созинов вспоминал, как он впервые общался с Кировым, который практически никого не знал в Ленинграде и был очень насторожен: «Он взял мой документ, фотографию, посмотрел на меня, отошел к окну, опять посмотрел пристально и затем говорит: Извините, что так тщательно» [4,

с. 12]. Как осторожно отмечали в воспоминаниях сотрудники Смольного, в те дни «в партийном аппарате имелись отдельные сторонники Зиновьева» [8, с. 98].

При этом руководством партии был предложен курс на переубеждение оппозиционеров. 14 февраля 1926 г. И.В. Сталин направил Кирову такую директиву: «Надо взять линию на приближение к организации лучших товарищей из оппозиции, не надо их отталкивать от себя» [16, с. 133]. Более того, руководство партии пыталось убедить людей, что слухи в городе о слежке сил ОГПУ за оппозиционерами несостоятельны [15, с. 27]. Нервозность ситуации была опосредована активной обороной со стороны лидеров оппозиции и их сторонников [8, с. 8, 10]. Однако давление на Зиновьева оказалось беспрецедентным, поэтому он «опустился» и потерял инициативу [1, с. 17–18].

Как Кирову удалось одержать победу над оппозиционными настроениями и, главное, установить контакт с партийной организацией? Воспоминания дают возможность реконструировать методы нового руководства: во время приема посетителей «была допущена очень большая демократия, аппарат не регулировал прием». Киров знакомился с руководителями партийных организаций лично, а также в беседах «узнавал характеристики многих работников» [8, с. 2–6], причем продолжал принимать работников без доклада вплоть до 1927 г., пока не наладил контакт с большинством своих подчиненных [8, с. 35].

Оппозиционеров, отказавшихся от своих взглядов, называли «выправившимися» [8, с. 15]. Действительно, Киров характеризовал оппозиционеров либо как людей «запутавшихся», которых еще можно было «рзагитировать», либо «убежденных». Как подчеркивал Свешников, «запутавшихся» перевоспитывали («это были годы, когда еще верили раскаянию»), а с «убежденными» вынуждены были продолжать работу («в те годы партия еще работала с такими людьми») [8, с. 16–17]. Но как решалась их судьба?

Бывший партработник, пенсионер Я.М. Карпухин в 1939 г. вспоминал, что в 1926 г. Киров об оппозиции говорил так: «Пусть работают на хозяйственной работе» [1, с. 17]. При этом некоторых видных сторонников Зиновьева (например, И.М. Москвина) Киров лично просил вызвать в центр, желая от них избавиться [8, с. 98]. Воспоминания очевидцев помогают реконструировать общую картину: недавние руководители местных парторганизаций были сняты со своих постов и ожидали дальнейшего назначения на другие должности в регионах по рекомендации ЦК [4, с. 60–61]. Как уточнял Свешников, «в те годы партия им еще доверяла и они получали работу». Поэтому, с января по апрель 1926 г. возле приемной Ки-

рова «околачивались» бывшие руководители, которым «уже больше нечего было делать, поскольку они были освобождены» [8, с. 9].

Возможность дальнейшего сотрудничества с оппозиционерами определялась индивидуально по каждой персоналии. Такое решение Сталина, прибывшего в Ленинград в апреле 1926 г., отметил Свешников: «Я только помню, что стоял рядом с Сергеем Мироновичем около стола и что-то говорил. Я говорил тогда, что удобно ли, что двое [работников. – Ю.С.] связаны с оппозицией, а товарищ Сталин на это сказал: “Ничего, удобно”» [8, с. 87].

Сохранение в Ленинграде некоторого status quo Киров пытался поддерживать и в дальнейшем. Например, оппозиция во время торжеств к десятилетию революции 1927 г. организовала собственное шествие в Ленинграде [15, с. 27]. Попытки со стороны рабочих учинить силовую расправу с ними оппозиционеры назвали провокациями «заранее организованной банды» [15, с. 33]. Однако старый большевик Коломийцев вспоминал, что на торжествах «тов. Киров старался нас сдерживать при помощи милиции, для того, чтобы мы не избili Зиновьева, а тут некоторые ребята выступали: дать бы им по рукам» [4, с. 48–49].

«Здесь не было склоки»:

борьба с «правой оппозицией» в Ленинграде

В 1928 г. внутри ЦК партии возникла так называемая правая оппозиция во главе с Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым и М.П. Томским. Воспоминания приближенных Кирова, отложившиеся в фонде С.М. Кирова, умалчивали о его связях и совместной работе с «правыми». Тем необычнее единственное воспоминание, оставленное лечащим врачом Кирова профессором В.А. Вальдманом. Навестив своего пациента в 1934 г., спустя 5 лет он вспоминал: «[Киров. – Ю.С.] говорил о борьбе с оппозицией. Говорил, как ему друзья изменили. Он считал Бухарина личным другом. Говорил, что Бухарин раньше всегда у него останавливался, бывая в Ленинграде. После же этого откола он перестал заезжать и стал останавливаться в Академии Наук. Сергей Миронович рассказывал, какое сопротивление ему приходилось преодолевать в связи с этим [и сколько. – Ю.С.] у него накопилось врагов и недоброжелателей. Об истинной личности Бухарина он не отдавал себе отчета. Он старался его оправдать. Говорил, что он [Бухарин. – Ю.С.] подпал под [чье-то. – Ю.С.] влияние и вероятно сам раскаивается и что ему, вероятно, стыдно перед ним» [6, с. 16]. Стратегия этого рассказа и упоминание об «истинной личности» Бухарина позволили Вальдману публично поведать о связях Кирова с этим «врагом народа».

Как современники характеризовали решения обкома об увольнении служащих, связанных с «правой оппозицией»? Свешников, руководивший

работой обкома, признавал, что в ту пору в аппарате «застряло много правых». Так, А.И. Стецкий до 1930 г. работал завотделом Северо-Западного бюро ЦК и Ленинградского обкома. С точки зрения Свешникова, последний не был вовремя «вычищен» с работы и занимался вредительством после разгрома «правых». Упоминались им и другие «правые оппортунисты», продолжавшие работу некоторое время – представители «школки Бухарина», «производившие впечатление умных» людей. В их числе был сотрудник агитотдела обкома В.Н. Астров, редактор «Ленинградской правды» П.Г. Петровский, бывший редактор «Комсомольской правды» А.Н. Слепов, «часто наезжавший» в Ленинград, а также другие лица [8, с. 98].

Свешников, рассказывая об освобождении от должности главы Ленинградского облсовета профсоюзом Ф.Я. Угарова и «других» лиц, на которых Киров «нападал», подчеркивал, что это происходило «безболезненно, здесь не было склоки, потому что Сергей Миронович ставил вопросы принципиально по-большевистски, то все проходило гладко, ни у кого не осталось осадка, что здесь имеются личные счеты». Мемуарист подчеркивал: «У нас такой лихорадки, какая ощущалась в московской организации во время борьбы с правыми, не чувствовалось» [8, с. 103]. Задачей подобных кадровых перетасовок стала ликвидация связей, сложившихся между оппозиционерами.

Д.П. Марецкий, работавший в структурах Академии наук в Ленинграде, после своего исключения из партии за участие в оппозиции неоднократно пытался получить аудиенцию Кирова, но не был принят [8, с. 101]. В то же время руководители, которых снимали из-за плохой работы, а не политики, могли пользоваться расположением. Например, о О.А. Саакове, бывшем начальнике политуправления Ленинградского военного округа, Киров заботился и предоставлял ему свою машину [8, с. 20]. Свешников, а также сотрудники Музея С.М. Кирова, опрашивавшие его в 1940 г., ничего не знали о Саакове и о том, что к этому времени он был репрессирован. Сбор подобных материалов происходил в разгар поиска и арестов «врагов народа», однако о судьбах всех приближенных Кирова и мемуаристы, и сотрудники Музея не знали. При этом существовала практика письменного извещения организаций о том, что тот или иной человек, ранее связанный с партийным деятелем, был репрессирован [11, с. 126].

Как видим, материал воспоминаний, полученный от приближенных Кирова в конце 1930-х гг., содержит ценные сведения о взаимодействии и даже связи главы ленинградской партийной организации с деятелями оппозиции, позже признанными «врагами народа». Формулировки этих документов довольно сдержанны, так как сами мемуаристы в эпоху большого

террора переоценивали свой недавний опыт и по-новому трактовали исторические факты. Однако детальный рассказ очевидцев позволяет выявить эволюцию Кирова как руководителя, прошедшего в Ленинграде путь от относительно примирительного периода 1926 г., фиксировавшего в городе некоторый status quo после разгрома «новой оппозиции», к более бескомпромиссному этапу в его отношении к деятелям «правой оппозиции» в 1928–1929 гг.

Список источников и литературы

1. Государственный музей истории Санкт-Петербурга (ГМИ СПб). ФК. Инв. № V-0148.
2. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-0389.
3. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-0375.
4. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-0404.
5. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-309. Вложение.
6. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-478.
7. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-543.
8. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-551.
9. ГМИ СПб. ФК. Инв. № V-612.
10. ГМИ СПб. ФК. Инв. № IX-107.
11. ГМИ СПб. ФК. Инв. № IX-108.
12. *Кондрашин В.В., Сухова О.А.* Феномен вредительства в социально-политическом контексте и современном дискурсе гуманитарного знания // Новейшая история России. 2017. № 2. С. 144–161.
13. Об организации сбора воспоминаний о тов. Кирове, документов и писем С.М. Кирова // Ленинградская правда. 1934. № 297 (5976). 23 дек. С. 2.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 537. Л. 6.
15. *Стефаненко А.Ю.* Внутрипартийная борьба в Ленинградской организации ВКП(б) (1926–1928): структура и практики деятельности оппозиционных групп // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4. С. 21–35.
16. *Хромов С.С.* По страницам личного архива Сталина. М.: Изд-во Московского ун-та, 2009. 368 с.

УДК 930.1

М.Г. Гаргянц¹

«Советизация» образа Петра I в русской исторической памяти 1930-х гг.: к историографии проблемы

Аннотация. В статье представлен историографический анализ работ о роли «петровского мифа» в сталинской политике «культурного поворота» 1930-х гг. Особое внимание уделено методологической разнице между исследованиями школ двух направлений – «тоталитаристов» и «ревизионистов». Сопоставлены разные подходы историков к выборке источников при анализе семиотического наполнения «образа героя прошлого», а также рассмотрены особенности исследований по «новой политической истории». Проведенный анализ позволил выбрать области изучения «мифов о национальных героях», имеющие практическую пользу для дальнейшего анализа использования образа Петра I в советской культурной памяти.

Ключевые слова: «петровский миф»; культурная память; советская история 1930-х гг.; историография сталинской эпохи.

“Sovietization” of Peter the Great in the Russian historical memory of the 1930s: on the historiography of the problem

Abstract. The article presents a historiographic analysis of works on the role of the “Peter’s myth” in the Stalinist policy of the “cultural turn” of the 1930s. Particular attention is paid to the methodological differences between the studies of two scientific schools – “totalitarians” and “revisionists”. Different approaches of historians to the selection of sources are compared in the analysis of the semiotic content of the “image of the hero of the past”. The research of historians of the “new political history” is also considered. The analysis made it possible to select areas of research of “myths about national heroes” which are beneficial for further analysis of the usage of the image of Peter the Great in Soviet cultural memory.

Keywords: “Peter’s myth”; cultural memory; Soviet history of the 1930s; historiography of the Stalin era.

Для русской истории памяти близится ответственная дата – в 2022 г. исполняется 350 лет со дня рождения первого российского императора – Петра Великого. Как пройдут празднования, на каких узловых проблемах будут сосредоточены дебаты вокруг «петровского мифа» и его роли в современной исторической памяти России – остается только размышлять. Пока известно, что Российское историческое общество запустило доро-

¹ Мария Георгиевна Гаргянц – магистрант Европейского Университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), email: mgargyans@eu.spb.ru.

Maria G. Gargyants – Master’s student, European University in St. Petersburg (Saint Petersburg, Russia).

гостящий проект по цифровой расшифровке рукописных текстов Петра [6]. Было также принято решение о реставрации Новодвинской крепости в 17 км от Архангельска, построенной для защиты от шведского флота во время Северной войны. Обсуждаются работы по восстановлению других фортификационных построек XVIII в. Историкам памяти такая постановка задач демонстрирует наличие двух тенденций в сегодняшней трактовке наследия Петра I: первая касается спорности, неоднозначности «петровского мифа», необходимости анализа большего объема источников для составления некоторой условной формулы этого мифа, продуктивной для современной исторической политики; вторая говорит об общественном консенсусе в трактовке достижений петровского времени в русле военных побед, строительства русского морского флота.

Тема «петровского мифа» всегда занимала особое место в русской общественной мысли, органично вписываясь в различный идеологический контекст. В XVIII в., когда начиналось осмысление итогов правления императора, его описывали «творцом» новой нации, римским цезарем, героем века Просвещения. Конструирование «петровского мифа» стало краеугольным камнем в полемике об особенностях механизма личной власти и устройства государственных институтов в русской исторической памяти. В 1930-е гг., которые К. Кларк совершенно справедливо обозначила временем «культурного перелома» [5, с. 34], и культура, и историческая наука переживали процесс глубокой трансформации – как в силу изменившейся прагматики власти, так и некоторых внешнеполитических и экономических процессов, – так что перед идеологами советской пропаганды встал вопрос о конструировании нового, «правильного» образа Петра I и его политики реформ.

Изучение культурного перелома первой половины 1930-х гг. породило множество теоретических работ, в которых анализируется процесс создания героических биографий исторических деятелей, начавшийся именно с образа Петра I. В данной статье рассматриваются этапы осмысления данного феномена, начиная с историографической школы «тоталитаристов». К этому направлению относят историков, наделивших органы контроля над политической агитацией и пропагандой, а также отдельных представителей политической элиты Сталина ключевой ролью в формулировании и корректировке дискурсов исторической политики. Далее в рамках статьи анализируются результаты исследований историков школы «ревизионистов» – относительно молодого течения, поставившего под вопрос одномерность сталинского тоталитарного проекта. Посредством обращения как к новой политической истории, так и к новым подходам в исследованиях культурной памяти историки-ревизионисты пересматривали роль «государства»

и государственных акторов в конструировании коллективной исторической памяти в 1930-е гг. Одним из способов такого пересмотра являлось сопоставление качественных характеристик искусственных «мифов о национальных героях», активно использовавшихся средствами массовой информации в эти годы.

К направлению школы «тоталитаристов» можно отнести исследование специалиста по петровскому времени Е.В. Анисимова [1]. Автор провел прямую параллель между исторической политикой Сталина и процессом доработки А. Толстым романа о «Петре Первом» – основной лабораторией конструирования «петровского мифа» в 1930-е гг. Анисимов представил роман «Петр Первый» как идеологический заказ партии, заказ на создание из Петра мудрого государя тем же аналитическим языком, которым конструировался «культ личности» Сталина. Благодаря этому должна была создаваться ассоциативная параллель между вождем и великими героями прошлого. Анисимов, опиравшийся в исследовании на источники личного происхождения, доказывал, что Толстой был в постоянном личном контакте со Сталиным и соглашался на выполнение его личного заказа. Обращение же к публицистике показало, что процесс доработки романа, а также съемок одноименного фильма о Петре Первом (В. Петров, 1937 и 1938 гг.) происходили в атмосфере постоянного контроля и критики, исходивших со стороны разных социальных групп и институтов, участвовавших в формировании коллективной памяти о петровской эпохе.

В специальных рубриках в «Правде» и «Известиях», а также в «Литературной газете» постоянно публиковали отрывки из романа «Петр Первый», а также из сценариев к фильму Петрова, сопровождая их рецензиями авторитетных литературоведов. Так, в одном из интервью от 31 января 1937 г. Толстой отвечал своему имплицитному критику: «Множество всевозможных штатных “теоретиков” от кино обрушили на нас самые разноречивые требования. Выхляющийся, истеричный “Петр”, которого нам навязывали, никак не совпадал с нашими замыслами...» [2]. Замечания исходили не только из среды литературоведов и кинокритиков. Например, штурманы учебного судна «Вече» в письме в «Курортную газету» в 1937 г. обвиняли режиссера Петрова в выставлении Петра Первого «некомпетентным моряком», так как царь в фильме употреблял неверную морскую терминологию. В письме они даже предлагали режиссеру помощь в разъяснении некоторых тонкостей морского дела [7].

Особое внимание изучению связи между созданием мифического образа героя прошлого в истории в кинематографе 1930-х гг. и формированием сталинского «культа личности» уделил немецкий историк Э. Нембах [9]. Он обратился к двум ключевым идеологическим работам эпохи 1930-х гг. –

Краткому курсу истории ВКП(б) и Краткому курсу по истории СССР под редакцией А.В. Шестакова, и заметил, что в этих работах при оценке исторической роли дореволюционных правителей повторяется один и тот же лейтмотив – способствовал ли данный правитель «прорыву страны вперед». Теоретики марксизма рассматривали историю телеологически, поэтому главным критерием такого «прорыва» являлся закономерный шаг на пути к осуществлению социалистической революции. Так как ключевыми идеологами строительства социализма в СССР были Ленин и Сталин, то в данных учебниках постулировалась положительная ассоциативная связь между дореволюционными правителями, как бы осознававшими требования времени (Александром Невским, Иваном Грозным, Петром Первым), и двумя вождями революции, также действовавшими в соответствии с ходом исторического развития. Фильм «Петр Первый», согласно Нембаху, устанавливал связь между героем прошлого, «обладающим сверхчеловеческими способностями», и Сталиным. При этом неслучайно, считает Нембах, что Сталин самостоятельно выбирал подходящих героев пропаганды, а также тщательно контролировал процесс конструирования мифа, прочитывая сценарии и влияя на участников создания картины.

Более многогранно представила процесс создания «петровского мифа» британский историк М. Перри [11]. Она привлекла широкий круг источников (учебники по истории 1920–1950-х гг., беседы Сталина с разными деятелями культуры, редкие дневниковые записи деятелей искусства и политиков и др.), чтобы выделить основные этапы формирования сталинской культурной политики в России с 1930-х по 1950-е гг. и их взаимосвязь с политической актуальной повесткой. Оптика ее исследования была направлена на идеализацию правления Ивана Грозного, но для полноты анализа она также посвятила отдельный раздел конструированию образа других исторических героев, в том числе Петра Первого. При этом она разделила процесс изменения «петровского мифа» в историографии и в культурной памяти, обратившись как к дебатам о роли «школы Покровского» в конце 1920-х гг. и составлению новых учебников по истории, так и к разным произведениям Толстого, посвященным Петру I.

Перри подчеркнула тесную зависимость сталинской культурной политики от международной политической повестки. Цезурой в процессе постепенного «культурного перелома» 1930-х гг. она обозначила август 1937 г., когда вышел учебник по истории для начальных классов под редакцией А.В. Шестакова. С этого момента критика «аннексионистско-колонизаторского» характера внешней политики Российской империи превратилась в апофеоз «оборонительной» идеи. С начала 1937 г. составителей учебников по истории начали критиковать за то, что они недостаточно

отчетливо показали роль Александра Невского в сдерживании «немецких оккупантов», а 7 сентября праздновалось 125-летие победы в Бородинской битве. Согласно приведенной в книге записи американского военного атташе в Москве от 15 сентября 1937 г., в этой идейной парадигме выход первой части фильма о Петре Первом утвердил «царя Петра как героического защитника своей страны против наступающих армий с запада» [11, р. 51].

Слабым местом приведенных выше работ являлась базовая фукоистская оптика, предполагавшая, что за индивидом в государстве не остается каких-то автономных пространств. В концепции М. Фуко государство и его власть в виде дисциплинирующих практик рассеиваются в различных структурах подчинения и в различных формах социальных девиаций. И само существование индивида в этой концепции оказывается продуктом власти, не осознаваемой большинством. Новая политическая история усложняет социальный феномен идеологического контроля коммунистической партии, позволяет представить процесс конструирования «петровского мифа» и коллективную память людей 1930-х гг. как речь, погруженную в социальный контекст, изучить ее на более глубоком уровне через вещи, символы, практики и институты «политического», наполняющие систему социальных отношений. Авторы исследований школы «ревизионистов» постарались расслышать в дебатах о дореволюционном прошлом голоса новых, менее заметных участников исторической политики, способных оказывать прямое или даже пассивное противодействие официальной идеологии.

Самой ранней работой «ревизионистского» направления по «петровскому мифу» можно назвать монографию Н. Рязановского «Образ Петра Первого в русской истории и мысли» [10]. Автор принял решение расшифровывать «петровский миф» через научные дебаты в историческом профессиональном сообществе. Рязановский не просто рассмотрел текст Покровского как ключ к готовой формуле образа Петра в 1920-е гг., но отследил всю генеалогию марксистских текстов о Петре, начиная с Маркса и Энгельса в Германии и Плеханова в России, и продемонстрировал, как позиция Покровского синтезировала в себе различные «воспоминания» о петровском мифе в среде интеллигенции в молодом советском государстве. Также Рязановский обратился к культурной памяти и привлек большой корпус художественных текстов о Петре Первом: это и Б.А. Пильняк «Его Величество Кнеeb Piter Komondor» (1919 г.), в котором Петр представлен в вульгарном и негативном образе как психически больной человек, погубивший своего сына и империю, и Ю. Тынянов с его «Восковой персоной», и ранние тексты А. Толстого. При их анализе автор использовал контент-анализ с целью выявления смысловых закономерностей в отраже-

нии внешности, поведения и характера Петра I в разных историко-художественных произведениях.

Благодаря столь подробному анализу «петровского мифа» в 1920-е гг. Рязановский смог провести параллели от раннего марксистского использования Петра Первого до сталинской культурной политики 1930-х гг., демонстрируя, что если для большевиков в 1920-е гг. петровские реформы были в классовом отношении ориентированы на торговый капитал, то историческая мысль 1930-х гг. прочно утвердилась в идее, что окончательное решение экономических и социальных проблем в стране принесла уже Октябрьская революция и рабочий класс [10, р. 257]. Кроме этого, особую роль в образе Петра в эти годы, по Рязановскому, заслужила тема строительства флота и победы в Северной войне, поставившей Российскую империю в один ряд с ведущими европейскими государствами. Здесь важно отметить, что идея Рязановского о преемственности образа Петра Первого в 1930-е гг. с культурной памятью о нем в более раннюю эпоху позволяет выделить отличительные особенности советизации Петра в русской культурной памяти по сравнению с другими схожими проектами, например по советизации Александра Невского¹.

С методологической точки зрения интересна работа Е.М. Добренко [4], проанализировавшего «культурный перелом» 1930-х гг. при помощи бодрийеровской метафоры «музея» истории. Он доказал, что экранизации классической литературы и биографии великих деятелей истории служили цели «дереализации прошлого и памяти». Благодаря историзации опыта происходило снятие социальной травматикки, а также транслировалась идея подражания, готовая модель поведения, которая должна была пониматься и разделяться наибольшим количеством людей. Поэтому «исторические лица», вернувшиеся в литературу и кино, становились примером «доблестных защитников русского государства, людьми небывалой отваги и политической дальновидности». При этом стоит отметить, что даже если Добренко и подчеркивал, что в этом обращении к историческим деятелям «связь с культом личности прослеживается совершенно отчетливо», он также говорил, что «механизм исторического синтезирования был куда сложнее» [4, с. 45]. Добренко продемонстрировал, благодаря обращению к рецензиям и публицистике, двойственность «петровского мифа», характерную для 1920-х – 1930-х гг.: «Петр... оказался на перекрестке геополитического самопозиционирования нового “советского Отечества”», в котором сочетались «революционно-индустриализационный» импульс, т.е. ускоренное заимствование западных достижений техники и культуры, и образ «Петра-завоевателя», создателя регулярной русской армии.

¹ Подробнее об этом см.: [8].

Больше, чем Добренко, сконцентрировался на источниках массового происхождения историк Д. Бранденбергер [3], исследовавший восприятие сталинской идеологии 1930-х – 1950-х гг. на уровне коллективной памяти. Созданный большевиками проект по утверждению легитимности своей власти, с одной стороны, был успешен, так как способствовал созданию новой национальной идентичности, с другой – стимулировал и неожиданные виды чувств и эмоций у зрителей на массовом уровне. Вслед за Э. Хобсбаумом и Б. Андерсоном Бранденбергер подчеркнул, что ключевую роль в распространении национального самосознания от государственных элит к обществу играет пресса и образование. Он использовал концептуальную рамку исследователей формирования «наций», чтобы объяснить и доказать, как даже при отсутствии ярко выраженной националистической составляющей идеологического проекта большевиков при помощи «этнически унифицированных» героев, символов и систем образов мог быть реализован проект по созданию национального сообщества.

Данный процесс не являлся для большевиков самоцелью – ключевой вывод Бранденбергера. Стремясь создать базу для укрепления своего положения у власти и повышения уровня доверия советских людей к правительству, они конструировали сложные, идеологически перегруженные нарративы, сочетавшие в себе знаки и символы дореволюционной эпохи (былины о героях, мифы и притчи), что и привело в итоге к упрощению этих нарративов в восприятии частного человека и формированию русского национального самосознания с опорой на историческое прошлое.

При этом созданный большевиками проект по утверждению легитимности своей власти был, с одной стороны, успешен, так как способствовал созданию новой национальной идентичности, с другой – стимулировал и неожиданные виды чувств и эмоций у зрителей. Уже в более позднем исследовании, вышедшем в 2017 г., Бранденбергер последовательно объяснил связь между кризисом сталинского агитационного проекта и слабостью системы партийного аппарата в 1930-е гг., что и послужило, согласно его выводам, основной причиной появления популистского ревизионизма у советских людей – культура личности Сталина как «отца нации», возрождения дореволюционных традиций и нараставшего руссоцентризма [3, с. 12].

Отдельно стоит отметить исследования, посвященные роли эмоций, при помощи которых идеологемы сталинской эпохи транслировались в кино во время «культурного перелома» 1928–1933 гг. Как показала А. Торопова [12], огромную роль в кинематографе большевики отводили смеху. Транслируемая с экранов кино жизнь героев в 1930-е гг. демонстрировала зрителю, что «жить стало лучше, жить стало веселее» как раз благодаря тому, что герои осознали неразрывность связи между ощущением долга

перед родиной и чувством счастья. Воспроизводимые при помощи визуальных инструментов образы счастливых ударников, многодетных матерей и олимпийских чемпионов, распространявшиеся благодаря ярким идеологическим плакатам, скульптурам, баннерам на различных фестивалях и праздниках, должны были не только внушить зрителю интуитивную связь между долгом и счастьем, но и усилить их чувство собственного достоинства и уникальности, связанное с решимостью выполнять «священный долг перед родиной» [12. р. 44].

Средствами кинематографа конструировались образы отдельных личностей в истории, чья биография была построена вокруг идеи самопожертвования во имя высокой цели: Иван Сусанин, Зоя Космодемьянская, Николай Островский и др. Отчасти, показывает Торопова, это была естественная черта, унаследованная сталинским кинематографом от революционной традиции 1920-х гг., – достаточно вспомнить знаменитый танец Василя из фильма А. Довженко «Земля». Однако, если в кино 1920-х гг. главный герой умирал в результате классовой борьбы, в эстетике соцреализма он приносил осознанную жертву ради достижения собственного счастья. Так и в фильме «Петр Первый» зритель видел, как тысячи крестьян умирали на стройке Петербурга где-то под патетическую музыку, где-то под шуточные замечания Н. Демидова. И функция данного визуального образа сильно отличалась от некрасовской эстетики изображения пореформенных крестьян, служа новым целям соцреалистического искусства.

Краткий обзор приведенных выше работ позволяет увидеть генеалогию развития темы «советизации» образа Петра Первого в историографии, посвященной сталинскому культурному проекту 1930-х гг. В большинстве затронутых работ заметен консенсус относительно того, что культурное обновление 1930-х гг. и использование мифов о национальных лидерах в исторической политике носили прагматический характер и должны были создать монолитную систему общих ценностей для всех жителей Советского Союза вне зависимости от их социального, этнического или религиозного статуса. Однако вопрос о способах формирования данного культурного канона и о его разнонаправленном воздействии на представителей разных групп-носителей общей коллективной памяти по-прежнему остается открытым. Благодаря привлечению массовых источников уже удалось наметить разрыв в тех символах, которые вкладывались в образ Петра I в массовой культуре посредством медиа и литературы, и их восприятие реципиентами. Этот разрыв был обусловлен как административными причинами (Д. Бранденбергер), так и сложностью и внутренней динамикой сталинского культурного проекта по созданию «пантеона героев» (Н. Рязановский, Е. Добренко, А. Торопова). В данных работах по-прежнему не хватает кон-

центрации на постоянной изменчивости позиций разных акторов-участников дискуссий об образе Петра Первого *in vivo* – обращения к стенограммам дискуссий о романе и фильме, проходивших за закрытыми дверями партийных кабинетов, а также критического дискурса-анализа статей из газет, в которых публиковались замечания к ключевым литературным, театральным и кинематографическим образам Петра, создававшимся в 1930-е гг.

Список источников и литературы

1. *Анисимов Е.В.* Алексей Толстой и судьба его романа в литературе, науке и на экране // Историческая память и общество в российской империи и Советском Союзе: (Конец XIX – начало XX века). СПб.: Европейский Дом, 2007. С. 5–12.
2. Архив Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Архив ИМЛИ РАН). Ф. 43. Оп. 1. Д. 7043.
3. *Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 365 с.
4. *Добренко Е.А.* Музей революции. Советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 424 с.
5. *Кларк К.* Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2018. 520 с.
6. Подготовку к празднованию 350-летия со дня рождения Петра I обсудили в Доме РИО // Российское историческое общество. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/v-dome-rjo-obsudili-podgotovku-k-prazdnovaniyu-350-letiya-so-dnya-rozhdeniya-petra-i.html> (дата обращения: 27.06.2021).
7. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Р-257. Оп. 15. Д. 70.
8. *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 589 с.
9. *Nembach E.* Stalins Filmpolitik: der Umbau der sowjetischen Filmindustrie 1929–1938. St. Augustin: Gardez! Verlag, 2001. 235 s.
10. *Ryasanovsky N.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. Oxford.: Oxford University Press, 1992. 352 p.
11. *Perrie M.* The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. N.Y.: Palgrave, 2001. 255 p.
12. *Toropova A.* Feeling Revolution: Cinema, Genre, and the Politics of Affect under Stalin. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2020. 243 p.

УДК 94(470)«1812»

Ф.И. Уланов¹

125-летний и 130-летний юбилеи Отечественной войны 1812 г. в социополитическом контексте эпохи

Аннотация. В статье рассматриваются коммеморативные практики 125-летнего и 130-летнего юбилеев Отечественной войны 1812 г., прошедших в 1937 и 1942 гг. Эти юбилеи стали единственными мероприятиями, посвященными войне 1812 г. в эпоху правления И.В. Сталина. На материалах публикаций в газетах и научных журналах автор рассматривает роль государства в процессе формирования коллективной памяти: какие цели преследовались, какие нарративы исторической памяти появились в прессе и в каком социополитическом контексте они существовали.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; коммеморативные практики; коллективная память; социополитический контекст; юбилеи войны 1812 г.

125th and 130th anniversaries of the Patriotic war of 1812 in the sociopolitical context of the epoch

Abstract. This article is aimed at studying of commemoration practices of 125th and of 130th anniversaries of the Patriotic war of 1812 in 1937 and 1942. These jubilees became the only commemorative events of the Patriotic war of 1812 in the time of Stalin's rule. A historical analysis is based on the evidence of mass media and academic periodicals. The focal point of the article is a set of commemoration practices the state used during the jubilees: the goals pursued by the state, the narratives of historical memory that existed in the press. Analysis of those practices can help to understand the process and mechanism of formation of the collective memory and the sociopolitical context of the epoch by the state.

Keywords: the Patriotic war of 1812; commemoration practices; collective memory; sociopolitical context; jubilees of the Patriotic war of 1812.

Отечественная война 1812 г. в совершенно разные исторические периоды оставалась крайне важным историческим событием, память о котором использовалась государством и образованной частью общества для конструирования национальной идентичности. Не была исключением и эпоха правления И.В. Сталина, в частности, вторая половина 1930-х – начало 1940-х гг., когда активно начали создаваться новые исторические нарративы после того, как в исторической науке произошли метаморфозы, ознаменовавшие отказ от постулатов школы М.Н. Покровского, главенствовавших в 1920-е гг.

¹ Филипп Игоревич Уланов – аспирант кафедры истории и теории исторической науки РГТУ, научный сотрудник ЦМВС РФ (Москва, Россия), e-mail: philix93@yandex.ru.

Philipp I. Ulanov – postgraduate student, Historical faculty, Russian State University for the Humanities, Research Fellow, Central Armed Forces Museum (Moscow, Russia).

Коммеморативная политика государства реализуется, в первую очередь, при помощи юбилейных мероприятий. Наряду с этими церемониальными формами коммеморации важную роль играют и нарративные формы: статьи и публикации в прессе, научная и художественная литература. В условиях нарастающей угрозы войны с Германией в конце 1930-х гг. советскому руководству понадобились сюжеты для военно-патриотического воспитания народа и демонстрации славных победоносных традиций русского оружия [25, с. 199].

Следует упомянуть, что в 1930-е гг. Сталин победил во внутривнутрипартийной борьбе, и личное мнение вождя стало основополагающим при формировании исторических трактовок. В связи с историей Отечественной войны 1812 г. самой значительной фигурой Сталин провозгласил генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова, особенно отметив превосходство его стратегии затягивания войны, нарушившей планы Наполеона, что проявилось в учреждении военного ордена Кутузова в 1942 г., многочисленных изданиях, фильмах и т.д. Свою роль в изменении исторических оценок сыграла и начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война. Советский лидер провел четкую историческую параллель между заслугами русских полководцев и своей собственной в деле освобождения страны от европейского агрессора [25, с. 215]. В общем, можно предположить, что празднование 130-летнего юбилея оказалось необходимым только по причине начавшейся Великой Отечественной войны в качестве средства консолидации и поднятия боевого духа народа.

В связи с актуализацией исторической памяти об Отечественной войне 1812 г. в 1930-е гг. стоит подробнее рассмотреть 125-летний и 130-летний юбилеи, а именно – нарративные формы коммеморации, поскольку они играют крайне важную роль в формировании исторической памяти всего общества и отдельных социальных групп. Два этих советских юбилея по сей день остаются малоизученными с точки зрения выбранной проблематики. Тема памяти об Отечественной войне 1812 г. и ранее обращала на себя внимание исследователей, однако в большей степени в контексте ее отражения в историографии и общественной реакции на юбилеи [8].

125-летие и 130-летие Отечественной войны 1812 г. не сопровождались церемониальными формами коммеморации, но, тем не менее, получили достаточно широкое освещение в советской печати. Именно они являются главными событиями, анализируя которые мы можем исследовать историческую политику эпохи конца 1930-х – начала 1940-х гг. и те интерпретации прошлого, которые транслировались в общество. Можно предположить, что никакие торжественные церемонии не проводились потому, что советские власти, с одной стороны, не хотели излишне превозносить

дореволюционную эпоху, отмечая юбилей исторических событий тех времен, с другой – существовала явная необходимость в освещении героических страниц прошлого и консолидации населения при помощи нарративных форм коммеморации. Также стоит отметить, что в 1942 г., вероятно, не было и такой возможности из-за тяжелого положения на фронте. Исследование юбилейных коммеморативных практик с точки зрения проблематики мемориальной истории, что является целью настоящей статьи, крайне важно, поскольку с помощью исторической памяти об Отечественной войне 1812 г. формировались национальная идентичность и самосознание населения России на протяжении последних двух столетий.

Важнейшими источниками по исторической политике и коммеморативным практикам являются материалы периодической печати. Для анализа нарративных форм коммеморации вышеупомянутых юбилеев использовались центральные коммунистические газеты «Правда» и «Известия», общественно-политический журнал «Молодая гвардия» и научный «Исторический журнал».

Сначала следует обратиться к публикациям 1937 г., посвященным 125-летию Отечественной войны 1812 г. Один из выпусков центральной советской газеты «Правда» содержал сразу несколько материалов, посвященных юбилею Бородинского боя и войны 1812 г. в целом. Затрагивалась тема общего состояния музеев и памятников на Бородинском поле – оно характеризовалось как неудовлетворительное – и растущего интереса советской молодежи к этим героическим страницам истории [16]. В номере также был опубликован фрагмент воспоминаний Д.В. Давыдова, описывавший атаку на французских фуражиров [20]. Приводились эпизоды из сочинения Ф.Н. Глинки¹, описывающие прибытие М.И. Кутузова в действующую армию и позитивную реакцию солдат и офицеров на приезд нового главнокомандующего [9]. Наконец, описания удостоилась и сама Бородинская битва [13]. Автор, военный историк и офицер РККА Н.А. Левицкий, акцентировал внимание на том, что мужество русского солдата крепостного происхождения поразило даже Наполеона. Автор считал, что современный красноармеец, свободный гражданин и коммунист, преданный учению Ленина и Сталина и вооруженный новейшими достижениями науки и техники, должен проявить даже больший героизм, чем русский солдат в 1812 г.

Также газета «Правда» опубликовала статью-анализ произведения Л.Н. Толстого «Война и мир», где автор называл его новой «Илиадой» [17]. В качестве ключевой особенности произведения выделялся коллективный герой – русский народ, противостоявший иноземным захватчикам. Далее

¹ Из книги «Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян противу французов, в 1805 и 1806, также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год...».

следовало краткое изложение содержания романа, а завершало статью сопоставление двух «героических эпопей» – войны 1812 г. и Октябрьской революции 1917 г. Подчеркивалась решающая роль народа, который в первом случае смог победить Наполеона, а во втором – рабочие и крестьяне смогли свергнуть капиталистов, помещиков внутри страны и изгнать интервентов из России, освободив землю, принадлежащую народу [17].

Одной из наиболее объемных статей по истории войны 1812 г. стала публикация академика Е.В. Тарле, напечатанная в газете «Известия» [23]. В этом тексте историк очень подробно изложил предпосылки надвигающейся войны с Наполеоном. Автор отмечал, что кампания 1812 г. должна была стать финалом европейских завоеваний Наполеона и возможным началом азиатских. Не случаен и выбор Москвы как цели для главного удара: взятие древней столицы, по мнению Наполеона, должно было полностью деморализовать русского царя и народ. В завершение статьи Тарле привел слова прусского военного теоретика Клаузевица о том, что Россию можно победить, только используя противоречия между властью и обществом. Но в этой войне русские крестьяне, не дождавшись освобождения от французов, временно забыли о классовом неравенстве, и Россия стала непобедимой. Можно предположить, что подобные умозаключения в контексте советской идеологии, подразумевавшей полностью народную власть и отсутствие классовых противоречий, должны были убедить читателя в априорной непобедимости Советского Союза [23].

Автором другой статьи в «Известиях» стал писатель В.В. Иванов [7]. В ней постоянно упоминались Пиренейские войны 1808–1814 гг. и проводились параллели в борьбе русского и испанского народов с французами. Это было продиктовано тем, что 125-летие войны 1812 г. проходило на фоне Гражданской войны в Испании, которая широко освещалась в советских СМИ и в которой Советский Союз активно и открыто поддерживал республиканцев. Автор привел слова Александра I и Баркляя-де-Толли, восхищавшихся стойкостью испанцев, упоминал русско-испанский договор от 21 июля 1812 г. и отмечал, что русское общество в 1812 г. непрерывно говорило о мужестве испанцев в деле защиты своей родины. Даже сама идея партизанских отрядов Д.В. Давыдова и др., со слов автора, была позаимствована у испанцев.

Причины войны 1812 г. Иванов связывал с Континентальной блокадой и отказом Александра I выполнять ее условия, поскольку их соблюдение стало наносить ущерб экономике страны. Большое внимание уделил анализу Бородинского сражения. Он отмечал, что, несмотря на то, что Россия была плохо подготовлена к войне, Бородинскую битву Наполеон проиграл, а русские одержали большую не только военную, но и нравственную победу [7]. Актуализировалась и важность московского пожара в сентябре

1812 г. как фактора, повлиявшего на боевые и организационные качества французской армии. Тяжелые условия пребывания в Москве существенно подорвали моральное и физическое состояние солдат: «подпаляемая огнем московского пожара, рассохлась и рассыпалась, как бочка, вся огромная империя Наполеона» [7, с. 3]. В конце статьи автор отвечал на вопрос, что же дал 1812 г. России? Прежде всего, это чувство национального достоинства [7]. «Бедная, лапотная» страна разбила одну из сильнейших армий мира. Но сильное народное ополчение пугало дворянство и самого царя. Царское правительство даже препятствовало тому, чтобы народная сила развернулась во всю мощь: плохо снабжало партизанские отряды и не допускало организации сильного народного движения за освобождение страны от французов. После окончания войны 1813–1814 гг. Александр I провозгласил так называемый «Священный союз», главная цель которого, по мнению Иванова, состояла в подавлении любого национально-освободительного движения. Кроме этого, многие русские во время Заграничных походов смогли ближе узнать жизненный уклад и интеллектуальную культуру Европы и принесли из-за границы радикально-оппозиционные настроения, вылившиеся в дальнейшем революционные движения XIX столетия («Союза спасения», «Союза благоденствия» и т.д.) [7].

Сочинение Тарле «Нашествие Наполеона на Россию», приуроченное к 125-летию войны 1812 г., впервые было опубликовано в 1937–1938 гг. в литературном журнале «Молодая гвардия» [24]. В этом произведении, как и в ранее проанализированном материале, характерным лейтмотивом являлась проекция побед 1812 г. на актуальную советскую действительность – идея безусловного наследования непобедимости и героических качеств от народа Российской империи к советскому. Актуализировалась непобедимость под влиянием нарастающей угрозы со стороны Рейха всему Европейскому континенту. Исследование Тарле затрагивало большое количество тем, начиная от происхождения Бонапарта и формирования его личности в период Французской революции и заканчивая тем, какую роль в эпохе наполеоновских войн сыграла Отечественная война 1812 г. Концептуально верный классовый теории и учитывавший общее идеологическое направление на формирование патриотизма к советской родине, Тарле признавал главным творцом победы русский народ, под которым подразумевал сугубо крестьянское население, обособляя мещанство, купечество и т.д. Наполеон проиграл, поскольку, принципиально не понимая менталитета русских людей, рассчитывал на их поддержку. Но несмотря на обещания Наполеоном различных свобод крестьянам удалось осознать, что французский император несет не освобождение от крепостного права, а новые оковы. Историк отметил, что 1812 г. дал мощный толчок «национальному самосознанию

и умственной культуре» России. Это вылилось в восстание декабристов 1825 г. – первый революционный порыв в истории страны.

На страницах газет «Правда» и «Известия» резкой критике подверглось известное сочинение Тарле «Наполеон» [10; 12]. Обвинения были направлены на «лживую» интерпретацию образа Бонапарта, предложенную автором. В монографии французский император предстал как наследник Революции и противник монархической реставрации, создавший режим, «превосходно обслуживающий все классы общества» [10, с. 3]. Журналисты, в свою очередь ссылаясь на известное положение Ленина, работы Маркса и Энгельса, убеждали читателя в том, что характер наполеоновской власти являлся буржуазным и контрреволюционным. Обвинения на этом не заканчивались: отмечалась связь исторической концепции Тарле с приписанными Троцкому «планами по реставрации капитализма, черной измены и предательства», которые Троцкий оправдывал исторической аналогией с Наполеоном. Казалось бы, громкие слова с обвинениями в троцкизме, антиленинизме и фальсификации источников со страниц центральных газет страны могли принести историку серьезные проблемы. Однако высшее руководство партии оказало поддержку Тарле. Этот факт объясняется тем, что Сталин «стремился вписать проблему сильной власти и диктатуры в предшествующие эпохи в концепцию своих конкретных практических планов утверждения собственного культа, а посему исторические экскурсы Тарле и его оценка деятельности Наполеона вполне его устраивали» [1, с. 44].

Отметился публикациями и научный «Исторический журнал». Историк А.И. Молок посвятил свою статью истории французского шпионажа в период с 1789 по 1814 г., освещая, в том числе, и деятельность разведывательных структур наполеоновского режима [15]. Однако выводы, опять же, соотносились с современностью: историк соглашался со сталинской концепцией относительно политического и социального состава шпионов (классово чуждые революции элементы) и констатировал активность иностранных агентов в СССР [15].

Следует отметить еще одну статью в том же журнале, автора И. Барера, которую концептуально можно разделить на три части [2]. Первая охватывала хронологический период с 1807 по 1812 г. и представляла собой традиционный исторический рассказ о дипломатических и военных событиях указанного периода. Также наличествовали идеологизированные оценки ключевых моментов, связанных с историей войны 1812 г. Так, декларировались контрреволюционность режима власти Наполеона и, соответственно, несправедливый и захватнический характер начатой им войны. Главной силой, одолевшей врага, названо народное, крестьянское сопротивление. Вторая часть статьи содержала критику школы Покровского с отрицанием его идеи о русском дворянстве как разжигателе войны с Наполеоном, о ха-

рактуре русской кампании 1812 г. как способе поднятия престижа Бонапарта и т.д. В третьей части статьи заключалось эмоциональное утверждение о непобедимости советских народов, чьи предки разбили Тевтонский орден, Орду, польских интервентов и Наполеона. Сам советский народ победил в Гражданской войне и готов дать отпор любым новым врагам, в частности «фашистским поджигателем войны» [2, с. 55].

Близкой по теме оказалась статья Л.Н. Бычкова, в которой подробно рассматривалась система взаимодействия местной власти, установленной на занятых французами территориях, и крестьян [4]. Естественно, в духе господствовавшей идеологии именно общенациональная борьба, главной силой которой являлось крестьянство, признавалась причиной поражения Наполеона. Также, схожим образом с Барером, Бычков критиковал исторические концепции Покровского применительно к Отечественной войне 1812 г. Стоит уточнить, что оба автора хотя и считали крестьянство основной силой общенациональной борьбы, тем самым русским народом, победившим врага, но отмечали, что победу удалось достичь совместными действиями партизан и ополченцев с русской армией.

В 1942 г. в связи со 130-летием войны 1812 г. советские газеты отметились меньшим количеством публикаций по сравнению с 1937 г., но их значимость для консолидации населения по-прежнему оставалась крайне высокой. Газета «Правда» опубликовала несколько материалов, посвященных Бородинскому юбилею. Две статьи представляли собой рассказы о сражениях: Бородинской битве 1812 г. и боях советских дивизий с германскими войсками в районе Бородинского поля в 1941 г. [3; 21] В одной из них, например, в ярких патриотических красках описывалось мужество солдат 1812 г., их великий подвиг в борьбе с Наполеоном [21]. Автор подчеркивал, что гитлеровским войскам, несмотря на технические новшества эпохи, было даже тяжелее продвигаться с боями вглубь страны: настолько приумножены воинские традиции русских солдат в РККА и настолько более ожесточенное сопротивление оказывал советский народ. Во второй статье приводилось много историй о героических подвигах простых солдат, как в 1812 г., так и в 1941 г., что также иллюстрировало преемственность мужества и воинских традиций [3]. Кроме этого, в материале проводилась явная параллель между отступлениями русской армии после Бородино в 1812 г. и дивизий РККА в 1941 г. Перед красноармейцами встала та же задача, которую в 1812 г. с успехом выполнили русские воины: нанести большой ущерб врагу и подорвать его наступательный потенциал [3].

Газета «Известия» опубликовала статью об учреждении новых орденов в Красной армии с краткой характеристикой исторических деятелей, чьи имена были присвоены наградам [5]. Были приведены выдержки из

статута нового ордена Кутузова с описаниями многочисленных исторических заслуг полководца [5].

Советский писатель В.Г. Лидин, посвятивший статью в «Известиях» 130-летию Бородинской битвы, акцентировал свое внимание на том, как велики были стойкость и мужество русских солдат, сражавшихся с Наполеоном [14]. Великая Отечественная война, шедшая в эти годы, тоже внесла свои коррективы и повлияла на интерпретацию исхода сражений в войне с французами. Исчезли определения результата Бородинской битвы как стратегической или моральной победы русской армии над французами. Можно предположить, что сам факт упоминания о военных победах прошлого мог быть неуместен на фоне непредсказуемости сражений на фронтах в 1942 г. Выстроенная преемственность военных триумфов прошлого и настоящего в тот момент могла оказаться неподтвержденной. Рассказывая о потерях Наполеона при Бородино, Лидин цитировал слова французского императора о непобедимости русских [14].

Упомянутый «Исторический журнал» опубликовал несколько статей по истории Отечественной войны 1812 г. в 1942 г. Главное, что отличало эти статьи, – прямые аналогии между двумя войнами и двумя европейскими завоевателями. Например, отмечалась схожесть ошибок, совершенных Наполеоном и Гитлером: неподготовленное нападение на Россию и собственный неустроенный тыл, неспособность понять боевой дух народа России, огромная территория, которая «растягивает» любые армии, фанатичное стремление занять Москву, ошибочно полагая, что на этом война должна закончиться [11]. В статьях, посвященных довольно узким темам роли Сибири в Отечественной войне 1812 г. (вкладу сибирских ополченцев в борьбу с Наполеоном, финансовым пожертвованиям сибиряков), выстраивалась преемственность с советскими сибиряками, воевавшими в Красной армии или работавшими в тылу [6; 22]. Описанные примеры хорошо иллюстрируют то, как нарративные формы коммеморации, пусть и находившиеся в строгих рамках официальной идеологии, менялись в зависимости от социополитических обстоятельств.

Масштабный разворот советской интеллектуальной культуры в 1930-е гг. от авангардных поисков предшествовавшего десятилетия к более патриотическим настроениям отразился, в том числе, и в нарративе исторической памяти о войне 1812 г. Однако же нарратив этот содержал и неотъемлемые для советской идеологии положения: главенствующая роль народа, крестьянских масс в войне 1812 г., а также дискредитация предшествовавшей царской власти. Весьма четко была выражена мысль о том, что после установления большевистского режима народ, победитель Наполеона, который обязательно победит и Гитлера, получил достойную его власть,

которая приведет его к новым победам. Под влиянием уже внешнеполитических обстоятельств, а именно начавшейся Великой Отечественной войны, произошла персонификация образа врага: от абстрактного буржуазного западного мира в 1937 г. к конкретному врагу – гитлеровской Германии – в 1942 г.

Список источников и литературы

1. *Абалихин Б.С., Дунаевский В.А.* 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917–1987. М.: Наука, 1990. 234 с.
2. *Барер И.* Война 1812 года // Исторический журнал. 1937. № 8. С. 40–56.
3. *Брагин М.* Бородино 1941 // Правда. 1942. № 250.
4. *Бычков Л.Н.* Война 1812 года и крестьянство в России // Исторический журнал. 1937. № 8. С. 57–72.
5. Вдохновляющий образ наших великих предков // Известия. 1942. № 177.
6. *Дулов В.И.* К участию Сибири в Отечественной войне 1812 года // Исторический журнал. 1942. № 3–4. С. 87–89.
7. *Иванов В.В.* Бородино и 1812 год // Известия. 1937. № 205.
8. Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года / отв. ред. А.В. Буганов. Тула: Гриф и К, 2012. 235 с.
9. Исторические документы. Прибытие главнокомандующего // Правда. 1937. № 242.
10. *Константинов А.* История и современность // Правда. 1937. № 158.
11. *Коробков Н.М.* Крушение империи Наполеона // Исторический журнал. 1942. № 1–2. С. 83–98.
12. *Кутузов Д.* Против фальсификации истории // Известия. 1937. № 135.
13. *Левицкий Н.А.* Военно-стратегическая обстановка // Правда. 1937. № 242.
14. *Лидин В.Г.* Бородино // Известия. 1942. № 210.
15. *Молок А.И.* Шпионаж и диверсии во времена Наполеона I // Исторический журнал. 1937. № 6. С. 72–88.
16. На Бородинском поле. К 125-летию Бородинского боя // Правда. 1937. № 242.
17. *Осипов Д.* Героическая поэма о 1812 годе // Правда. 1937. № 248.
18. От редакции // Известия. 1937. № 136.
19. От редакции // Правда. 1937. № 159.
20. Партизаны Отечественной войны // Правда. 1937. № 242.
21. *Подорожный Н.* Уроки истории // Правда. 1942. № 250.
22. *Стрельский В.И.* Отечественная война 1812 года и Сибирь // Исторический журнал. 1942. № 3–4. С. 82–87.
23. *Тарле Е.В.* Вторжение Наполеона // Известия. 1937. № 154.
24. *Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию // Молодая гвардия. 1937. № 10–12; 1938. № 1–3.
25. *Шеин И.А.* Война 1812 года в отечественной историографии. М.: Научно-политическая книга, 2013. 462 с.

УДК 94(47)

Там Хок Чуу¹

Англо-советская дипломатическая борьба в контексте «прибалтийского вопроса» в 1939 г.

Аннотация. Данная статья посвящена дипломатической борьбе между СССР и Англией вокруг «прибалтийского вопроса», предполагавшего переход региона под влияние СССР. Предметом споров между СССР и Англией стали гарантии нейтрализации прибалтийских стран и возможности действий Красной армии на их территорию в случае агрессии Третьего Рейха. В 1939 г. прибалтийский вопрос не только углублял и осложнял геополитическое и военное положение в Восточной Европе, но и оказался одним из основных конфликтов в англо-советской дипломатической борьбе накануне большой войны.

Ключевые слова: прибалтийский вопрос; антисоветский план; англо-советская дипломатическая борьба.

Anglo-Soviet diplomatic rivalry within the context of “Baltic question” in 1939

Abstract. This article is mainly about the diplomatic and military history between the USSR and England, which was related to the Baltic question and Anti-Soviet ideology of the Western powers on the eve of the German-Polish war by studying printed sources and monographies. In 1939 the Baltic question became much more complicated due to Anti-Soviet conspiracy of England and the other Western powers as well as the hostility of Baltic states against the USSR. The matter of dispute between USSR and England were the guarantees of neutrality of the Baltic states as well as the permission of transit of Soviet troops through their territory while fighting the Third Reich. The Baltic question was not only complicating the geopolitical and military situation in the Eastern Europe, but also was one of the main conflicts during the Anglo-Soviet diplomatic struggle on the eve of the World War 2.

Keywords: Baltic question; Anti-Soviet plan; Anglo-Soviet diplomatic struggle.

Прибалтийская проблема и ее значение для СССР – одна из важных тем дипломатической, политической и военной истории СССР, ее изучение имеет особое значение. К этой проблематике обращались советские историки: опубликован ряд работ Ф.Д. Волкова [1; 2], П.Н. Ольшанского [14], В.Я. Сиполса [19; 20; 21; 22] и др. [11]. В постсоветский период темой активно занимаются М.И. Мельтюхов [12], А.Г. Донгаров [10] и другие исследователи.

¹ Там Хок Чуу – научный ассистент исторического факультета Пекинского Университета (Пекин, Китай), e-mail: kuxyz1111@qq.com.

Tam Hok Chiu – Researching assistant, History Faculty at Peking University (Beijing, China).

дователи. Главное внимание уделялось и уделяется роли прибалтийского вопроса в укреплении государственной безопасности СССР и тактическом урегулировании отношений с гитлеровской Германией, а также в конфликтах и спорах между Англией и СССР во время московских переговоров 1939 г. Советские и российские историки подчеркивали отказ Англии гарантировать включение прибалтийских стран в блок коллективной безопасности по инициативе СССР против потенциальной агрессии Германии, но при этом уделяли мало внимания анализу отношения британских военно-политических кругов к СССР в актуальных геополитических обстоятельствах. Главная задача настоящей работы – исследование исторического контекста и конкретных событий, связанных с англо-советской дипломатической борьбой на фоне прибалтийского вопроса в канун Второй мировой войны. В качестве основных источников выступают советские [3; 4; 6; 7; 8; 9; 23] и английские [24; 25; 26; 27; 28; 29] опубликованные и архивные материалы, а также книга «Подготовка войны против СССР» А.М. Никонова и Я.М. Жигура [13].

Общий исторический контекст показывает, что геополитическое и военное положение мира и Европы в начале XX в. характеризовалось борьбой между западными державами (Англией, Францией, США) и их оппонентами – Германией, СССР и др. [11, с. 5–378, 405–433, 458–642]. После крушения Германской империи в конце Первой мировой войны и создания Версальской системы англо-советские отношения резко ухудшились, в годы Гражданской войны британские войска приняли активное участие в иностранной интервенции на территории советской России [2, с. 3–95].

Прибалтийский вопрос долговременно оставался неразрешенным конфликтом на европейской политической арене. В марте 1939 г., после расчленения Чехословакии вермахтом, захвата Закарпатской Украины Венгрией, а также взятия Мемеля (Клайпеды) Германией, он превратился в самую серьезную проблему, будучи связан с государственной безопасностью СССР и вопросом о независимости Польши [11, с. 753–772]. В военно-стратегическом отношении включение прибалтийских стран в систему коллективной безопасности и взаимопомощи против агрессии имело чрезвычайно важное значение для СССР именно в создании буферных зон в Северо-Восточной Европе между ним и Германией. Пакт о взаимопомощи с гарантией получения Прибалтики также разрешал СССР законно выполнять военно-оперативные задачи при нападении Германии. Потенциальная угроза нацистской агрессии усиливалась возможным превращением восточноевропейских стран в антисоветские форпосты для нападения на СССР [13, с. 100–131, 142–146, 156–163].

Чтобы восстановить систему коллективной безопасности и ликвидировать угрозу агрессии, Советский Союз еще в начале 1938 г. неоднократно

пытался начать переговоры с Англией и Францией с целью создания новой системы коллективной безопасности в Европе для защиты независимости Чехословакии. Но лишь после расчленения последней и захвата Мемеля Англия вместе с Францией и Польшей внезапно поддержали инициативу СССР об общей декларации против агрессии. Известно, что СССР с этим предложением не согласился в связи с тем, что нарком иностранных дел М.М. Литвинов по указанию И.В. Сталина потребовал совместных переговоров и заключения реального договора между миролюбивыми странами [24, р. 210–282].

Острые споры между правительствами Англии и СССР возникали в связи с отказом Польши и Румынии от участия в каких-либо декларациях или организациях с СССР, и можно сказать, что их нежелание сотрудничать также влияло на отношения между СССР и прибалтийскими странами. Англия официально заявляла о желании возобновить переговоры с СССР, но, как утверждали советские историки, эта тактика ложных и бесполезных переговоров прикрывала стремление создать предпосылки для открытия тайных контактов с Германией за счет уничтожения и разделения СССР, а также столкновения СССР с Германией именно в Прибалтике [3, с. 298; 23, с. 249–250; 24, р. 385, 447–448, 476–481, 492–589; 25, р. 1–197]. К примеру, 17 апреля 1939 г. Литвинов передал послу Великобритании У. Сидсу первый проект договора о взаимодействии между Англией, Францией и Советским Союзом, в котором были четко прописаны необходимость гарантий безопасности Польши, Румынии и Прибалтики, а также определение понятия «агрессия». Однако Сидс и министр иностранных дел Э. Галифакс отказались от принятия советского проекта в связи с тем, что такие гарантии выгодны только СССР и противоречили общей стратегии Англии [8, с. 72; 23, с. 336–337; 25, р. 228–229].

Во избежание повторной агрессии по модели «Мюнхенского сговора» правительство СССР стойко требовало выяснения основных вариантов агрессии. Между тем понятие «агрессии», включая варианты непосредственной и косвенной агрессии, неизбежно поднимало темы защиты независимости и нейтралитета Прибалтики, обороны общей западной и северо-западной границы СССР от нападения Германии или Польши, а также права прохода советских войск на территорию других восточноевропейских стран для активных встречных боев с противником. Галифакс и премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен не только хорошо знали, что СССР не имел права принимать участие в активных военных операциях за рубежом, но и были осведомлены о слабости СССР в обороне и дипломатии, так как прибалтийские страны никогда не желали войти в оборонительный союз с СССР, тем более после подписания договоров

о ненападении с Германией [8, с. 74; 23, с. 343–344, 347, 349–350; 25, р. 295–315, 321–334, 342–344, 395–397].

Двухнедельное молчание правительства Англии позволило СССР принять срочные меры в переговорах, чтобы прекратить попытки западных держав использовать Прибалтику как тактический форпост против него в будущей войне [3, с. 438–439; 8, с. 84–85; 23, с. 382–383; 25, р. 483–487]. В мае 1939 г., после замены Литвинова В.М. Молотовым, дипломатическая тактика СССР резко изменилась и в целом перешла в наступление. Молотов неоднократно критиковал Англию и Францию за неравноправие СССР в переговорах с ними и их контрпредложения, особенно за то, что они отказывались от гарантии советского влияния в Прибалтике ради защиты нейтралитета и суверенитета этих стран [8, с. 86–87, 104–105; 23, с. 395, 421–422; 25, р. 558–559, 567–570, 679–680]. Ведь, если бы Польша была разгромлена Германией, Прибалтика неизбежно стала бы открытым плацдармом для вермахта в дальнейшей наступательной операции против СССР, и целый северо-западный участок его границы раскрылся бы под натиском немецких войск. Однако Чемберлен неоднократно заявлял на дебатах парламента и кабинетных заседаниях, что Англия ни в коем случае не даст такой гарантии даже в случае настойчивых требований СССР, но переговоры с ним должны продолжаться, чтобы СССР не мог сблизиться с Германией и стал бы первым государством в столкновении с ней [28, с. 270–285; 30]. Военное министерство полностью поддерживало мнение главы правительства [29].

Следует отметить, окружение Чемберлена было уверено в том, что под давлением и угрозой изоляции СССР обязательно примет компромисс с Англией, не желая стать противником всей Европы, особенно при повторе кризиса «Мюнхена». Англичане, зная, что Гитлер готов начать большую войну в Восточной Европе (против Польши или СССР), с одной стороны, громко и открыто объявили гарантию Польше от агрессии Третьего Рейха еще в конце марта [23, с. 290; 24, р. 552–553], но с другой – постоянно подчеркивали связь проблемы гарантий Прибалтики с поводом для СССР к нарушению ее независимости [30]. Так, в проектах контрпредложений в мае – июне Галифакс, Сидс и другие английские дипломаты, используя нежелание Латвии, Эстонии и Финляндии, повторяли отказы от гарантий СССР, чтобы руководство последнего поняло – военные действия Красной армии в Прибалтике будут расцениваться как незаконные и агрессивные [26, р. 33–41, 59–62, 308–313, 375–379].

Ответы правительства Англии правительству СССР сильно возмущали советских дипломатов, так как предложения не только оказывались неконструктивными, но и в целом являлись продолжением политики «уми-

ротворения», фактически – потворства дальнейшей экспансии гитлеровской Германии на восток. В советских проектах содержалось требование не только фиксации влияния в прибалтийских странах, но и выяснения понятия «косвенной агрессии», предполагавшей пресечение возможностей атак Третьего Рейха через территорию Прибалтики по договоренности или сразу после капитуляции этих стран (в том числе, Польши и Румынии), как было после расчленения Чехословакии [3, с. 458–459; 4, с. 45–48, 62–63, 68–69, 71–73; 23, с. 395, 421–422, 459–461, 472–475].

К концу мая послы Англии и Франции передали Молотову новый проект, который по-прежнему отказывал СССР в гарантиях относительно Прибалтики, в связи с чем возникли сильные споры [17, с. 101–106, 578–695; 18, с. 39–40, 225–226, 405–406, 563–615; 23, с. 400–403, 406]. С начала июля в продолжительных переговорах с СССР Англия пыталась уговорить его представителей принять компромисс – согласование секретного списка гарантированных стран и удаление статьи об определении «косвенной агрессии». Для СССР же это понятие как основной принцип создания антигитлеровского фронта оказывалось чрезвычайно необходимым [4, с. 75–80; 23, с. 476–478; 26, р. 230, 232–233].

К середине июля переговоры в целом зашли в тупик. По совету Молотова Чемберлен и Галифакс наконец-то приняли решение об участии в Московской военной конференции, о проведении которой они долго избегали обсуждения. Перед началом переговоров правительство Англии приказало английским и французским миссиям ни в коем случае не рассматривать вопросы, связанные с оборонительным планом СССР в Прибалтике [4, с. 103–105, 118, 122–125; 9, с. 139–140; 23, с. 494–496; 26, р. 375–378, 422–426, 456–460]. Однако в ходе конференции они неизбежно всплыли в резких спорах между миссиями трех сторон. Глава советской миссии К.Е. Ворошилов неоднократно подчеркивал, что реализация военного долга СССР во взаимопомощи с Англией и Францией на восточном фронте возможна лишь после того, как войскам Красной армии разрешат законно передвигаться через территорию Польши, Литвы, Румынии с целью отражения немецких атак во встречных боях. Однако правительства Англии и Франции все равно не желали удовлетворить эти требования, в связи с чем переговоры оказались бесплодными [23, с. 625–636; 27, р. 558–560, 590–591]. Как следствие, СССР перешел к урегулированию отношений и заключению договора о ненападении с Германией [3, с. 302–305, 319–322, 327–328, 335, 337–338].

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Англо-советская дипломатическая борьба, являясь решающим событием накануне большой войны в Европе в 1939 г., приняла напряженный и жесткий характер именно в переговорах о взаимопомощи, при этом главными

предметами споров стали роль и статус прибалтийских стран. Многие западные и некоторые китайские историки считают усилия СССР в том регионе бесполезными, отражавшими больше политические амбиции, нежели реальные военно-стратегические нужды. По моему мнению, они сильно недооценивают политическое и военное значение Прибалтики в оборонительном плане СССР, а также в целом для Восточной Европы. Особенно негативной представляется роль Англии, которая, хорошо понимая значение Прибалтики в качестве плацдарма и форпоста с северо-запада в большой войне – как для СССР при обороне, так и для Германии при нападении, – использовала регион для изоляции СССР, пытаясь при этом столкнуть его с Германией напрямую или косвенно в германско-польской войне. В результате СССР должен был решать «прибалтийский вопрос» самостоятельно, причем преимущественно силовым способом – сначала в ходе Советско-финляндской войны, а затем путем присоединения Эстонии, Латвии и Литвы.

Список источников и литературы

1. *Волков Ф.Д.* СССР – Англия (1929–1945 гг.): англо-советские отношения накануне и в период Второй Мировой войны. М.: Международные отношения, 1964. 559 с.
2. *Волков Ф.Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М.: Мысль, 1980. 462 с.
3. Год кризиса 1938–1939 гг. Документы и материалы: в 2 т. Т. 1: 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. М.: Политиздат, 1990. 554 с.
4. Год кризиса 1938–1939 гг. Документы и материалы: в 2 т. Т. 2: 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. М.: Политиздат, 1990. 430 с.
5. Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы / публ., вступ. ст. и коммент. А.Г. Фесюна. СПб.; М.: Летний сад, 2000. 192 с.
6. Документы внешней политики СССР: в 24 т. Т. 21: 1 января – 31 декабря 1938 г. / под ред. А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1977. 791 с.
7. Документы внешней политики СССР: в 24 т. Т. 22, кн. 1: 1 января – 31 августа 1939 г. / под ред. А.А. Громыко. М.: Междунар. отношения, 1992. 708 с.
8. Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939 гг.: в 2 т. Т. 1: ноябрь 1937 г. – декабрь 1938 г. М.: Политиздат, 1981. 302 с.
9. Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939 гг.: в 2 т. Т. 2: Январь – август 1939 г. М.: Политиздат, 1981. 415 с.
10. *Донгаров А.Г.* СССР и Прибалтика (1939–1941 гг.). М.: Вторая типография, 2010. 168 с.
11. История дипломатии: в 5 т. Т. 3: Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы / под ред. В.А. Зорина. М.: Госполитиздат, 1965. 831 с.
12. *Мельтюхов М.И.* Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М.: Алгоритм, 2015. 618 с.

13. Никонов А.М., Жигур Я.М. Подготовка войны против СССР / С. Дашинский [псевд.], Я. Радопольский [псевд.]. М.; Л.: Госиздат, Отдел Военной литературы, 1929. 223 с.
14. Ольшанский П.Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 гг.). М.: Наука, 1969. 261 с.
15. Панкратиова М., Сиполс В.Я. Почему не удалось предотвратить войну: Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 г. (Документальный обзор). М.: изд-во Агентства печати «Новости», 1970. 125 с.
16. Пограничные войска СССР. 1918–1928: сборник документов и материалов / сост. Е.Д. Соловьев, А.И. Чугунов, Е.В. Сахарова [и др.]. М.: Наука, 1973. 927 с.
17. Пограничные войска СССР. 1929–1938: сборник документов и материалов / сост. П.А. Иванчишин, А.И. Чугунов. М.: Наука, 1972. 775 с.
18. Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941: сборник документов и материалов / сост. Е.В. Цыбульский, А.И. Чугунов, А.И. Юхт. М.: Наука, 1970. 814 с.
19. Сиполс В.Я. За кулисами иностранной интервенции в Латвии (1918–1920 гг.). М.: Госполитиздат, 1959. 224 с.
20. Сиполс В.Я. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав. 1919–1940 гг. Рига: Лиесма, 1968. 348 с.
21. Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. 1933–1935 гг. М.: Наука, 1980. 391 с.
22. Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. 1936–1939 гг. М.: Наука, 1987. 335 с.
23. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 гг.). Документы и материалы. М.: Политиздат, 1971. 736 с.
24. Documents on British foreign policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 4 / E.L. Woodward, R. Butler (eds.). L.: Her Majesty's stationery office, 1951. LXXIV, 647 p.
25. Documents on British foreign policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 5 / E.L. Woodward, R. Butler (eds.). L.: Her Majesty's stationery office, 1952. LXXXVII, 818 p.
26. Documents on British foreign policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 6 / E.L. Woodward, R. Butler (eds.). L.: Her Majesty's stationery office, 1953. XCII, 789 p.
27. Documents on British foreign policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 7 / E.L. Woodward, R. Butler (eds.). L.: Her Majesty's stationery office, 1954. CIII, 633 p.
28. National Archives London (NA). CAB 23/99/9. CC 30 (39).
29. NA. War Office 106/5860. MO 1 (a). No. 26. FF. 16–17.
30. Parliamentary papers. 1939 // UK Parliament. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1939/> (дата обращения: 20.05.2021).

УДК 821.161.1

*Джорджия Римонди*¹

Оценка войны в художественных произведениях А.Ф. Лосева

Аннотация. Статья посвящена исследованию темы войны в художественных произведениях А.Ф. Лосева. В работах русского философа ее осмысление происходит на фоне сопутствовавших социокультурных процессов духовного характера. Автором проанализирована военная тема в повести «Трио Чайковского» (1933) и рассказе «Жизнь» (1941). Понимание Лосевым войны как результата отделения человеческой жизни от своих органических начал воплощается в теме совершающегося кризиса, сопутствующей личной трагедии героя «Трио Чайковского» и «философии Родины и жертвы» в «Жизни». У Лосева война – антипод культуры, она враждебна природе человека и является своего рода итогом постепенной «механизации» жизни. Через образ войны Лосев изображает хаос современного мироздания («Трио Чайковского») и стремление человеческой личности к пониманию высшего замысла Бога и смысла жизни («Жизнь»).

Ключевые слова: тема войны в художественной литературе; духовный кризис общества; философская проза А.Ф. Лосева; русская философия о войне.

The image of war in the literary works of A.F. Losev

Abstract. The author examines the image of the war in A.F. Losev's literary works, in which the Russian philosopher reaches a broader understanding of the underlying socio-cultural processes of spiritual nature. The author analyses the plot of the stories "Tchaikovsky's Trio" (1933) and "Life" (1941). War, viewed as a result of the separation of human life from its organic principles, is interpreted by Losev directly or indirectly: in the motive of the feeling of a crisis that follows the protagonist's personal tragedy ("Tchaikovsky Trio") and in the "philosophy of the Motherland and the victim" in "Life". For Losev war is the antipode of culture, a contradiction in relation to human nature, a kind of result of the gradual "mechanization" of life. Through the motive of war, Losev depicts the chaos of the modern era ("Tchaikovsky's Trio") and the man's striving to understand the higher plan of God and the meaning of life ("Life").

Keywords: the image of war in fictional literature; spiritual crisis of society; A.F. Losev's philosophical prose; Russian philosophy on war.

В русской религиозной философской мысли тема войны никогда не была маргинальной. В своих работах ее затрагивали многие философы,

¹ Джорджия Римонди – PhD (славистика), кандидат педагогических наук, исследователь Сиенского университета для иностранцев (Сиена, Италия), e-mail: giorgia.rimondi@unistrasi.it.

Giorgia Rimondi – PhD (Slavic studies), Candidate of Pedagogical Sciences, Researcher at Siena University for foreigners (Sienna, Italy).

в частности, если ограничиться XX в., Ф.А. Степун, Н.А. Бердяев, В.Ф. Эрн, И.А. Ильин, С.Л. Франк и другие [8]. При очевидных различиях творчества теоретическая основа их воззрений на войну определяется некоторыми общими принципами: во-первых, все русские философы давали историософское объяснение *военных событий*, во-вторых, война рассматривалась ими в контексте всеединства [7, с. 9].

Говоря о теме войны в творчестве А.Ф. Лосева, нельзя не отметить, что исторические события начала XX в. отразились на его жизни. Роковые стечения обстоятельств вторглись в судьбу молодого мыслителя в 1914 г., когда он отправился в научную командировку в Берлин [9, с. 47–50]. Лосев начал работать в библиотеке, как вскоре разразилась война. 27 (14) июля 1914 г. он решил уехать из Берлина, но на вокзале у него украли чемодан с рукописями, над которыми он работал два года. Не один раз война лишала его рукописей. В 1932 г., находясь в лагере, Лосев узнал о гибели части своей библиотеки и архива, а в августе 1941 г. фугасная бомба уничтожила его дом в Москве вместе с его архивом и библиотекой.

Не случайно тема войны присутствует в его философской прозе. Литературное наследие Лосева включает роман «Женщина-мыслитель» (1933–1934), несколько рассказов и повестей: «Мне было 19 лет» (1932), «Переписка в комнате» (1932), «Театрал» (1932), «Встреча» (1933), «Трио Чайковского» (1933), «Завещание о любви», «Метеор», «Седьмая симфония» (1933), «Из разговоров на Беломорстрое» (б.д.), «Епишка» (б.д.), «Вранье сильнее смерти» (б.д.), «Жизнь» (1941).

Анализ повести «Трио Чайковского» кажется особенно уместным, поскольку повествование открывается темой войны («Это было давно. Накануне мировой войны») [5, с. 106], что дает ключ к интерпретации трагического подтекста повести. В ней трагические события, переживаемые главным героем Николаем Вершининым, становятся аллегорическим изображением исторических событий войны. Повесть делится на две части. В первой части Вершинин приезжает в гости на дачу супругов Запольских и проводит время в окружении музыкантов и любителей музыки, рассуждая об искусстве. Во второй части тема взаимоотношения музыки и жизни углубляется через образ пианистки Томилиной, в которую влюбляется герой. Основное развитие повествования дается в авторской речи, в разговорах и монологах персонажей, высказывающих различные представления о музыке. Именно через музыку в повести раскрывается военный сюжет – трагическая борьба человека с Творцом, борьба света и хаоса [5, с. 171]. Для Лосева музыкальное искусство предстает как космический хаос, в нем преодолеваются границы личности, все сливается в ритм становления, не знающего «отъединенности Бога и мира», дается откровение Абсолютного

начала. Но в музыке Нового времени это стремление к Абсолюту превращается в романтическое утверждение абсолютизированной личности. Ссылка в повести на «Поэму экстаза» Скрябина с ее заключительным мировым пожаром особенно значительна: «...как это гениально угораздило Скрябина поместить колокол в конце “Поэмы экстаза”, когда уже все превращено в божественно мировое само-наслаждение от мук рождения и страстного пожирания всего порожденного!» [5, с. 195]. В «Трио Чайковского» утверждение абсолютизированной личности изображается демонизмом цикла «Годы странствий» Листа, тоской «Девятой симфонии» Бетховена, космическим универсализмом сонат Скрябина. Трагизм человеческого существования, выраженный в «Трио», появляется и в финале повести, где бомбежка дома Запольских сопровождается музыкой Чайковского (так изображено в повести начало Первой мировой войны) [6]. В результате бомбежки герой, единственный выживший среди гостей, присутствовавших на музыкальном вечере, попадает в больницу. Музыкальное произведение Чайковского также становится лейтмотивом жизни героя, поскольку «“Трио” кончается не торжествующими аккордами жизни, но могильным, мертвенным холодом души, превратившейся в бесчувственный труп вместе с телом, если еще не раньше того» [5, с. 222].

Следует отметить, что в повести Лосева, как и в других его произведениях, война представляет собой не только историческое событие, но и конфликт мировоззрений, выражение разрушения старого мира. Е.А. Тахо-Годи справедливо отмечала, что «битва» Вершинина с Томилиной происходит в ночь с 19 на 20 июля, в тот момент, когда было объявлено начало Первой мировой войны, показательно и то, что по отношению к Томилиной Вершинин употребляет военные термины («артиллерийской подготовке») [11, с. 169, 209]. Итак, гибель пианистки – это гибель прошлого мироощущения, выраженного музыкой Томилиной, в которой «восставала темными ликами мировая мрачная воля, воля к вечному созиданию и утверждению бытия, не могущая, однако, преодолеть созданный ей же самую огромный мир» [5, с. 171].

Музыкальный символизм трагического мироощущения сопровождается изображением войны 1914 г. Имение Запольских – «уютный музыкальный островок», и его гости «совершенно забыли о том, что существует еще мир и вокруг него»¹:

Война была объявлена еще третьего дня, а перед этим, по крайней мере, целую неделю газеты были переполнены сообщениями о переговорах, ультиматумах, мобилизациях и пр. А мы-то ничего и не знали! Не читая газет, ни с кем не видясь, кроме ближайших соседей (да

¹ А. Кузнецов усматривает в этом платоновский мотив «пира» [3].

и те последнее время отсутствовали) и погрузившись в свои музыкальные восторги (а я – еще и в личную жизнь), мы не могли и представить себе, что начинается какая-то война, да еще такая небывалая [5, с. 224].

Образ разрушительного огня, или «очищающего огня» (того огня, который разрушает дом Запольских в конце повести), возвещает гибель всего современного мироздания и приводит к катастрофе духовной. В войне Лосев видит наступление новой эпохи, т.е. эпохи «механизации», которая зародилась еще в эпоху Возрождения и выражается в известной оппозиции культуры и цивилизации (как ее отрицательного последствия). Война рассматривается как противоположное культуре, ее конец, враждебный человеческой сущности.

Темы кризиса культуры и смысла жизни (добра и зла, судьбы) являются основой рассказа «Жизнь», в котором главный герой Алеша пытается превратить хаос жизни в смысловую картину. Показательно, что в четвертой части рассказа действие происходит в начале Великой Отечественной войны, в июле 1941 г., на пути из Полтавы в Москву. Герой слушает речь парторга на митинге перед вокзалом в Харькове:

Товарищи! ...Родина призывает всех нас стать на защиту родной земли. Отложим наши житейские дела, теперь не до них. Еще вчера мы жили мирно и не ждали войны. Еще вчера так весело танцевала молодежь, так бодро шагали по городу старики, так дружно и беззаботно шла наша работа. Стар и млад теперь – на другую работу, на войну, против общего всем врага, на защиту оскорбленного отечества. Все для войны и фронта! Отечество наше в опасности! Теперь не время до личных дел. Отдадим все свои дела и себя самих на служение Родине... А если нам суждено погибнуть, то лучше смерть, чем рабство у врага! [4, с. 552].

Здесь вводится понятие «Родина»¹, которое несколькими страницами выше служило основой для критики философии Нового времени, далекой от того общего, «откуда происходит реальный человек с своим человеческим телом и человеческой душой» [4, с. 541], поэтому «всякая философия, которая не кончается учением о Родине, есть наивная и ненужная» [4, с. 542].

Очевидно, что Лосев имеет в виду Родину небесную, Родину как жизненную стихию, связанную также с понятием жертвы: «родина требует жертвы» [4, с. 544], – говорит Алеша, т.е. только Родина оправдывает человеческие жертвы, только вера в Родину способна придать смысл человеческому существованию: через жертву земное (человеческое) бытие

¹ О философском смысле рассказа «Жизнь» см.: [10].

обнаруживает свою причастность к небесному (абсолютному), к Истине. Итак, Алеша приходит к выводу, что «подлинное знание... это знание своей истинной Родины и смысла» [4, с. 523], утверждение человеческого спасения через осмысление страдания. Даже если «весь мир лежит во зле» [4, с. 523], катастрофа мировой войны преодолевается жизнью, цель которой – служение Родине.

Список источников и литературы

1. *Бердяев Н.А.* Война и возрождение. Сборник статей 1913–1915 гг. М.: Директ-Медиа, 2016. 160 с.
2. *Булгаков С.Н.* Война и русское самосознание. М.: т-во И.Д. Сытина, 1915. 59 с.
3. *Кузнецов А.* Узрение существа музыки при посредстве естества женского и безумия артистического // Новый мир. 1994. № 6. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_1994_6/Content/Publication6_5935/Default.aspx (дата обращения: 02.05.2021).
4. *Лосев А.Ф.* Жизнь // А.Ф. Лосев. Я сослан в XX век... Т. 1 / под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Время, 2002. С. 504–557.
5. *Лосев А.Ф.* Трио Чайковского // А.Ф. Лосев. Я сослан в XX век... Т. 1 / под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Время, 2002. С. 106–230.
6. *Римонди Дж.* О роли музыкального экфрасиса в повести А.Ф. Лосева «Трио Чайковского» // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 1. С. 22–41.
7. Русские философы о войне / [сост. И.С. Даниленко]. М.; Жуковский: Кусково поле, 2005. 495 с.
8. *Сидорин В.В.* Русские философы о смысле войны: *persona in bello* // Соловьевские исследования. 2016. № 1 (49). С. 114–122.
9. *Тахо-Годи А.А.* Лосев. М.: Молодая гвардия, 2007. 532 с.
10. *Тахо-Годи Е.А.* «Мы – только всплески на общем море бытия»: о мотивах «Небесной Родины», «жертвы» и «мирового древа» в рассказе Алексея Лосева «Жизнь» // *Русская словесность*. 2018. № 5. С. 82–89.
11. *Тахо-Годи Е.А.* Художественный мир прозы А.Ф. Лосева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. 399 с.
12. *Трубецкой Е.Н.* Отечественная война и ее духовный смысл. М.: т-во И.Д. Сытина, 1915. 32 с.

УДК 94(47).084.8

С.Г. Белоус¹

Человек на войне: устные свидетельства казахстанцев

Аннотация. В статье представлены устные свидетельства казахстанцев, полученные в ходе работы Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В них нашли отражение особенности повседневности и практики адаптации к военным условиям. Устные свидетельства казахстанцев дают возможность не только всестороннего изучения периода войны, наравне с официальной ретроспективной документной информацией, но и оказывают влияние на формирование коллективной памяти народа и политики памяти.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; устные свидетельства; устная история; Комиссия И.И. Минца; казахстанцы.

A man at war: oral testimonies of Kazakhstanis

Abstract. The article presents oral testimonies of Kazakhstani people, obtained during the work of the Commission on the history of the Great Patriotic War (1941–1945). They reflect the peculiarities of everyday life and the practices of adaptation to the war conditions. The oral testimonies of Kazakhstani people provide not only a comprehensive study of the war period, on a par with an official retrospective documentary information, but also influence on the formation of the collective memory of the people and politics of memory.

Keywords: Great Patriotic War; oral testimonies; oral history; Mintz Commission; Kazakhstanis.

Оптимальной с точки зрения актуальности и историографического интереса является тема Великой Отечественной войны, сочетающая востребованный объект памяти, антропологический аспект (повседневность в ее различных проявлениях) и методы устной истории [3, с. 316]. Воспоминания участников Великой Отечественной войны являются ценными историческими свидетельствами. Они представляют собой неотъемлемую часть историко-культурного, документального наследия общества. Эти тексты – особая ценность, это историческая память народа, это свидетельства человека, прошедшего войну. Автор воспоминаний о Великой Отечественной войне – непосредственный участник войны, который фиксирует воспоминания о событиях, значимых для себя и для страны [14, с. 342].

¹ Светлана Геннадьевна Белоус – PhD, старший преподаватель кафедры истории Казахстана им. акад. Т.С. Садыкова Казахского национального педагогического университета имени Абая (Алматы, Казахстан), e-mail: sbelous978@gmail.com.

Svetlana G. Belous – PhD, Senior Lecturer, Department of History of Kazakhstan named after Academician Sadykov T.S., Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan).

В настоящее время исторический анализ воспоминаний о Великой Отечественной войне имеет значение не только в контексте изучения устной истории войны. В условиях пересмотра итогов Второй мировой войны, их интерпретации в политических целях, формирования национальных стратегий осуществления политики памяти всесторонний анализ исторических источников о войне необходим для воссоздания объективной картины событий, имевших место на фронтах Великой Отечественной войны.

В свете вышеупомянутых факторов в Казахстане, как и во многих других постсоветских государствах, в последние годы наблюдается рост интереса к Великой Отечественной войне, и одновременно политизация ее событий. С одной стороны, в городах повсеместно проходят акции «Бессмертный полк», на официальном уровне говорится о необходимости сохранения памяти подвига предков в годы войны, проводится множество официальных мероприятий. С другой стороны, раздаются требования пересмотра оценки участия казахов в войне, ставятся под сомнения многие события. Примером может служить стремление некоторых современных общественных деятелей доказать, что подвиг 28 панфиловцев – лишь выдумка советской пропаганды.

Казахстанский историк и поисковик Л.С. Ахметова многие годы занимается изучением боевого пути и личного состава панфиловской дивизии. В одной из своих последних работ она отмечает, что сегодня активно проявляется желание забыть историю, а иногда и извратить ее. По ее мнению, сохранение сакральной памяти о казахстанцах-участниках войны является одной из ключевых задач нашего поколения. Необходимо проведение мероприятий, особенно для молодежи, по формированию нового патриотического сознания [2, с. 705].

Из Казахстана в годы Великой Отечественной войны в армию было призвано более одного миллиона двухсот тысяч человек (почти каждый пятый взрослый житель КазССР). В Казахской ССР сформировали 12 стрелковых и 4 кавалерийские дивизии, 7 стрелковых бригад, около 50 отдельных полков [5, с. 450]. В связи с этим устные источники о войне значительны по объему и имеют колоссальное познавательное значение для историков.

Огромный пласт устных источников содержится в материалах «Комиссии по истории Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» («Комиссия Минца»). Материалы о Казахстане имеются в документах четырех разделов фонда: «История воинских частей и подразделений» (I раздел), «Стенограммы бесед с Героями Советского Союза и материалы о героях» (IV раздел), «Тыл – военная экономика» (V раздел) и «Национальные республики в годы Великой Отечественной войны» (VII раздел). На сегодняшний день человеческое измерение войны в Казахстане не изучено. Материалы

Комиссии помогут пролить свет на эту проблему. Документы содержат описания, подробные сведения о повседневной жизни казахстанцев как на фронте, так и в тылу. Они показывают, что интервьюирование может стать востребованным источником исторического познания. Эти документы имеют исключительное источниковедческое значение.

Наибольшую ценность представляют записи бесед с участниками боевых действий, работниками тыла, деятелями науки и культуры. Документы отражают положение в политической, экономической и культурной жизни республики в годы войны, дают возможность рассмотреть практики выживания в военное время. В изданной мною хрестоматии (2019 г.) [4] представлены некоторые примеры мужества, проявленного казахстанцами в годы войны, опубликованы воспоминания воинов-панфиловцев – стенограммы бесед с З.А. Бондариной, А.Л. Мухамедьяровым, А. Утеповым, М.И. Исмаиловым, Б. Джетпысбаевым, А. Несупбековым, а также воспоминания А. Каратаева.

Особое значение имеет раздел, включающий материалы отдела национальных республик. Данный отдел в составе Комиссии был создан для того, чтобы продемонстрировать дружбу народов СССР, показать роль союзных и автономных республик в войне и победе над фашизмом, способствовать развитию патриотизма среди народов СССР. Материалы, собранные в отделе, касались не только непосредственного участия жителей национальных республик в военных действиях, но и таких аспектов, как работа промышленных предприятий и помощь фронту. Сама Комиссия осуществляла методическое руководство, а сбором занималось множество организаций на местах: республиканские обкомы и райкомы Коммунистической партии Казахстана, национальные научно-исследовательские учреждения, музеи, высшие учебные заведения, периодические издания. Коснемся устных воспоминаний казахстанцев о войне по материалам «Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

Широкая популяризация подвигов солдат-казахстанцев в Великой Отечественной войне имела огромное значение на фронте и в тылу. Неслучайно значительное количество воспоминаний связано с действиями панфиловской дивизии, с ее участием в Битве за Москву. Тематика воспоминаний преимущественно связана с событиями на фронте (рассказы о боевых действиях, о взаимоотношениях между солдатами). В частности, в стенограммах описываются подвиги Т. Тохтарова, Т. Абдибекова, Б. Момыш-улы и др.

Большой интерес вызывают и стенограммы бесед с Героями Советского Союза, уроженцами Казахстана, в воспоминаниях отражены их впечатления и переживания. Так, Герой Советского Союза И.Я. Сьянов вспоминал о штурме Рейхстага: «Получили обращение военного совета фронта,

в котором говорилось примерно так, что на нас возложена почетная задача, сам Сталин поручил нам взять Берлин, одна из почетнейших задач нашей Великой Отечественной исторической войны. Накануне засветло еще с каждым бойцом побеседовал, сказал, что одна из серьезнейших задач возложена на нас самим Сталиным. Ребята все были исключительно воодушевлены. Каждый понимал, конечно, что Берлин является концом войны, и каждый жаждал победы...» [6, л. 1–15 об.].

Дважды Герой Советского Союза Л.И. Беда в своих воспоминаниях обратился к детским годам: «В свободное время летом любил бродить по лесу. Лес был большой. Летом мне была предоставлена полная свобода. Отец не заставлял меня работать, он хотел, чтобы я отдыхал. Зимой я катался на коньках, на санках. В зимнее время читал художественную литературу, которая была в школьной библиотеке. Но все мое внимание привлекала техника, любил всякие машины, начиная от трактора и кончая самой простой сельскохозяйственной машиной. Любую машину мог разобрать... Я не думал, что я могу попасть в авиацию, был я мал ростом. Ведь я только в полку и подрост, а то все маленьким был. Командир дивизии все шутил надо мной: “Ты и педали не достанешь, как ты летать-то будешь. А убить тебя никогда не убьют, ты маленький и мишень маленькая”».

Вызывает удивление обыденность его воспоминаний об опасных боевых эпизодах: «Участвовал в боях за Белоруссию. Было обыкновенное выполнение боевых заданий. С истребителями и бомбардировщиками противника не встречался. Зенитных средств вначале было достаточно, а потом мало. Напряженность полетов при наступлении была небольшая, по 2–3 раза летали. Так мы дошли до своей границы. Так всю Литву прошли. Здесь было легко действовать, особенно в Литве, зашли, как дали очередь, так дома и горят, а в Пруссии, каменный дом и стреляй, сколько хочешь. На нашей территории мы по домам мало работали, а там уже не жалели ничего... Запоминаешь вылет, который предоставляет трудности в решении задачи...». Заканчивает интервью Л.И. Беда следующими словами: «Хочу учиться и буду, пока молод. Нужно учиться» [7, л. 1–14].

Вместе с тем при описании подвигов очень часто подчеркивалась идеологическая составляющая, побуждавшая бойцов к их совершению, прежде всего преданность делу революции и коммунистической партии. Так, в стенограмме беседы с агитатором дивизии им. Панфилова майором А. Несупбековым есть описание боя, происходившего в феврале 1942 г. в районе Сутоки-Мазури (ныне – Новгородской области). В этом бою политрук Джангозин, возглавлявший отряд из 16 человек, отвлек сильный огонь противника на себя. После того как его нашли убитым, говорил Несупбеков, «у него в правой руке остался партийный билет... Это показыва-

ло насколько высоко он ценил свой партийный билет и коммунистическую партию» [8, л. 1–12].

Говоря о коммунистической партии, безусловно, демонстрировалась значительная роль Сталина в борьбе с врагом, в мотивации бойцов Красной Армии. В письме под названием «Письмо казахского народа зовет к новым подвигам» красноармейцы и командиры артиллерийского расчета заявляли следующее: «Враг будет разбит, победа будет за нами, будет и на нашей улице праздник. Приказ великого вождя т. Сталина мы выполним. Да здравствует великая дружба народов нашей страны! Да здравствует наш великий полководец т. Сталин!» [13, л. 89–91].

Большой акцент в воспоминаниях сделан на дружбу народов в СССР, в первую очередь, на братство русского и казахского народов. К примеру, киргиз Осман Алиев Ашир-Али, получая винтовку погибшего казахского снайпера Т. Абдыбекова, произнес клятву, в которой содержались следующие слова: «От моей руки уже нашли себе смерть 29 немцев. В боях я удвою, утрою свой боевой счет, буду беспощадно истреблять гитлеровских палачей, за нашу великую родину, за бессмертную великую дружбу и братство народов Советского Союза – русских, грузин, украинцев, киргизов, казахов» [8, л. 1–12].

Преданность идее братства народов находила отражение и в воспоминаниях солдат русской национальности. Так, в письме красноармейцев и командиров артиллерийского расчета народной артистке СССР К. Байсеитовой есть следующие строки: «Ваши письма еще раз подтверждают братство казахского и русского народов. Мы – фронтовики артиллеристы знаем, что казахский народ трудится в тылу и отдает все свои силы Красной Армии для обеспечения быстрее победы над коварным врагом... Мы заверяем казахский народ, что в дальнейшем еще прочнее укрепим братство и дружбу с казахским народом... Казахский народ вместе с русским народом скоро избавится от гитлеровской чумы, освободит народы, временно подпавшие под иго гитлеровского режима» [11, л. 89–91].

В письмах подчеркивалось уважительное отношение русского народа к казахам, готовность всегда оказать помощь и поддержку. В том же письме Байсеитовой можно найти следующие строки: «Ваши сыны-казахи идут в ногу с нами на врага, мы на фронте и учимся и свои знания передаем Вашим сынам-казахам» [11, л. 89–91].

Говорилось и об уважении к казахскому языку со стороны офицеров и командного состава. В частности, солдат Б. Джетпысбаев вспоминал, что генерал Панфилов говорил на казахском языке: «Он к солдатам обращался на родном языке. Повар был казах. Он с ним разговаривал по-казахски... На полянке в лесу обедали солдаты. Солдаты сидели, поджав ноги. Он сел

рядом с солдатами, из-за голенища вытащил свою ложку. Сел, разговаривал на казахском языке» [9, л. 1–7].

Несмотря на то, что в большинстве случаев в воспоминаниях были отражены дружба народов, интернационализм и сплоченность в борьбе с врагом, все же иногда можно встретить и примеры наличия сложностей в межэтнических отношениях, особенно в первые годы войны. Трудности эти объяснялись, в первую очередь, наличием языкового барьера. Во многих воспоминаниях, написанных ветеранами Великой Отечественной войны, упоминается неспособность многих казахстанских призывников говорить или понимать по-русски после прибытия на фронт [15, р. 99]. «У нашей дивизии была своя особенность, – вспоминал А. Несуббеков. – Эта особенность заключалась в том, что в состав дивизии попадали казахи, киргизы, узбеки и бойцы русской национальности. Работать с ними было очень трудно... Иногда простую вещь не понимают по-русски. Не зная, что требует от него командир, [солдат. – С.Б.] может напрасно обижаться на командира. Командир тоже сердится, что его не понимают». Главным способом решения подобных ситуаций виделось изучение русского языка бойцами из азиатских республик СССР: «Мы организовали изучение русского языка, используя для этого всех бывших учителей. Оказалось, что у нас в дивизии были даже методисты-казахи, бывшие преподаватели, учителя. Мы в каждой роте создали группы по изучению русского языка» [8, л. 1–12].

В воспоминаниях есть множество примеров заботы о фронтовиках, опубликовано большое количество писем женам, показан самоотверженный труд советских женщин. Так, в письме т. Жамал, жене Бауржана Момышулы, от гвардейцев-панфиловцев Н-ского стрелкового полка встречаются такие строки: «Находясь далеко от Вас, зачастую даже в глубоком тылу противника, мы все также всегда, везде и всем были обеспечены. Вот подвиги наших советских женщин, пламенных патриоток своей Родины, самоотверженно работающих в тылу для фронта. Можно ли сомневаться после этого в нашей победе» [11, л. 97–98].

Стоит отдельно сказать о Н.Г. Клочковой, жене политрука В. Клочкова. В Омске она окончила медицинский техникум. Незадолго до войны семья переехала в г. Алма-Ату. В марте 1941 г. Клочкова поступила работать в четвертую детскую больницу. Накануне 16 ноября 1941 г. (день сражения на разъезде Дубосеково) она дежурила в больнице: «Трехлетнего Витю привезли с тяжелой формой менингита. Это был живой трупик, иссиня-бледный, с закрытыми глазами. Старшая сестра почти весь этот день провела у постели тяжело больного малютки. Вечером пришла домой и на полу нашла брошенный в щелочку двери конверт. Извещение о смерти мужа. Много передумала, пережила в эту ночь женщина, на слабые пле-

чи которой обрушилось тяжкое горе. А утром, как всегда точно явилась на дежурство. По дороге вспомнила маленькое худенькое тельце малютки, привезенного накануне в больницу. Слабые, прозрачные ручки, черные запекшиеся губки и решила: “Он будет жить. Я выхожу его. Выхожу сотни других детей, верну их к жизни, за которую боролся и погиб муж”...» [13, л. 1–4].

Наука республики находилась на службе фронта. Воспоминания К.И. Сатпаева, председателя Президиума Казахского филиала Академии наук СССР [10, л. 1–21], имеют особую ценность: «В дни Отечественной войны, когда неизмеримо возросло значение меди, направлялись ежегодно сотни тысяч тонн богатых джезказганских руд на Балхашский завод, что резко повысило выплавку меди в Казахстане, против довоенного уровня. В самом начале 1942 г. нами был проработан и поднят вопрос о скорейшем строительстве в Караганде передельного металлургического завода, как первой очереди строительства крупного в Казахстане металлургического завода. Временная оккупация немцами Украины, дававшей 60 % выплавки чугуна и стали в СССР, по-новому поставила вопрос о форсировании строительства металлургического завода в восточных районах СССР, в том числе и Казахстане...». Обращение к воспоминаниям Сатпаева дает возможность рассмотреть спектр вопросов, связанных с развитием промышленного производства в КазССР в военный период.

Особое внимание уделялось работе деятелей культуры Казахстана на фронте и в тылу. В стенограммах бесед с ними описаны поездки на фронт с антифашистской и патриотической тематикой выступлений: «Концерты давали в блиндажах, на передовой, и это очень воодушевляло бойцов. Вечером собирались знатные снайперы, автоматчики, им давали специальный концерт, сверх плана, по заказу. Приспосаблиясь к любой обстановке, т. Е. Умурзаков сам строил нары, и они были помостами, а ночью на них спали» [12, л. 1–5 об.].

Значительный интерес в свете современного поворота к истории человека на войне имеют стенограммы бесед с командирами и рядовыми бойцами, воспоминания участников войны, письма, литературные произведения бойцов, фольклорный материал. Многие из указанных источников еще ожидают тщательного анализа. Одной из оригинальных характеристик документов представляются также воспоминания о детстве и учебе. Они содержат ценные и познавательные сюжеты об этнокультурных особенностях семейного воспитания, взаимоотношениях поколений, о роли образного устного слова и фольклора в самосознании и преемственности поколений. Интересные детали приводили интервьюируемые о становлении новой культуры и образования в советском Казахстане, о включении молодежи в систему общественных организаций и гражданской активности, о харак-

тере и содержании культурно-просветительной работы в этносоциальной среде [1].

Таким образом, материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны о Казахстане дают информацию не только о событиях, сражениях, участниках войны, но и о целях и формах пропаганды среди азиатских народов СССР. Одна из основных целей сбора и публикации такого рода материалов была направлена на формирование патриотизма среди казахов и других азиатских народов, укрепление дружбы народов, уменьшение разногласий и конфликтных ситуаций между азиатскими и славянскими народами. Советская идентичность у азиатских народов СССР, в том числе и у казахов, укреплялась в ходе боевого братства на полях сражений, когда соотечественники узнавали о бойцах-националах, совершивших героические подвиги, когда со стороны командиров и солдат других национальностей подчеркивалось уважение к казахскому языку и культуре воинов-казахов.

Документы Комиссии, в том числе материалы, посвященные национальным республикам, демонстрируют важность выбора подхода при интерпретации источников, позволяющих под новым углом взглянуть на имеющиеся сведения и изучаемый исторический период. В целом материал является важным и необходимым источником для написания работ по устной истории Великой Отечественной войны. Ценность представляют записи бесед как с участниками боевых действий и работниками тыла, так и деятелями науки и культуры. Они могут стать основой для многочисленных исследований. Уникальная коллекция ретроспективной документной информации обеспечивает глубокое погружение в повседневные детали военного времени. Благодаря представленным документам изучение истории войны возможно через призму таких актуальных направлений, как повседневная история, устная история, гендерная история, интеллектуальная история и т.д.

Материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны имеют неоспоримое источниковедческое значение при изучении вклада казахстанцев в победу. В условиях интереса к историко-антропологическим проблемам в современной исторической науке данные источники могут сыграть заметную роль в исследованиях. Устные свидетельства помогают раскрывать реалии советской действительности и практики выживания в годы войны. Подобные исследования необходимы не только для восстановления истины, но и сохранения коллективной исторической памяти народа.

Список источников и литературы

1. *Аманжолова Д.А.* «Я душой болею за литературу». Из записи беседы с героем Советского Союза М. Габдуллиным. 1943 г // Российские регионы: взгляд

в будущее. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ya-dushoy-boleyu-zaliteraturu-iz-zapisi-besedy-s-geroem-sovetskogo-soyuza-m-gabdullinym-1943-g> (дата обращения: 18.09.2020).

2. *Ахметова Л.С.* Панфиловцы: наша гордость, наша слава. Алматы: ИП Волкова Е.В., 2020. 763 с.

3. *Белобородов Д.А., Кузнецов А.С.* Санитария и личная гигиена в годы Великой Отечественной войны как часть культуры жизнеобеспечения сельского населения Алтая // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.). Вып. 9 / под ред. Т.К. Щегловой. Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 316–321.

4. *Белоус С.Г.* Память о войне: портреты казахстанцев (На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.): хрестоматия. Алматы: ИП «Балауса», 2019. 224 с.

5. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Т. 4. Алматы: АТАМУРА, 2009. 768 с.

6. Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН). Ф. 2. Раздел IV. Оп. 2. Д. Сьянова Ильи Яковлевича.

7. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 1. Д. Беда Леонида Игнатьевича.

8. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. Несупбекова А.

9. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. Джетпысбева Б.

10. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел VII. Оп. 5. Д. 12.

11. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел VII. Оп. 5. Д. 7.

12. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел VII. Оп. 5. Д. 4.

13. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел VII. Оп. 5. Д. 5.

14. *Сухотерина Т.П.* Воспоминания о Великой Отечественной войне: жанровый аспект // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3 (52). С. 342–343.

15. *Carmack R.J.* History and hero-making: Patriotic narratives and the Sovietization of Kazakh front-line propaganda, 1941–1945 // Central Asian Survey. 2014. Т. 33. № 1. С. 95–112.

*Ю.С. Филина*¹

**«У нас не в почете регистрация бед и трагедий,
и мы запоминаем только трагедии, пахнущие
“оптимизмом”»: тыловая повседневность
в эго-документах Ю.Г. Араповой**

Аннотация. В статье анализируются эго-документы художницы Ю.Г. Араповой: дневники и воспоминания, посвященные Великой Отечественной войне. Исследование источников личного происхождения позволяет выявить индивидуальную память участника или современника войны и сопоставить ее с официальным советским дискурсом. Интерес к эго-документам Араповой обусловлен тем, что она противопоставила советской субъективности и унификации памяти о войне. Ввиду этого патриотический и героический мотив в них практически отсутствуют, на первый план выходят ужасы войны: голод, холод, спекулятивные схемы и негативные стороны человеческого поведения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; тыловая повседневность; сообщество художников; советская субъективность.

**“We do not hold the registration of troubles and tragedies
in high esteem, and we remember only tragedies that smell
of «optimism»”: home front everyday life
in Yu.G. Arapova’s egodocuments**

Abstract. The article analyzes artist Yu.G. Arapova’s egodocuments: diaries and memoirs dedicated to World War II. The study of egodocuments makes it possible to reveal the individual memory of a war participant or contemporary and compare it with the official Soviet discourse. The interest to Arapova’s egodocuments is due to the fact that she opposed Soviet subjectivity and the unification of the memory of the war. In view of this, the patriotic and heroic motive in them is practically absent, the horrors of war come to the fore: hunger, cold, speculative schemes and negative aspects of human behavior.

Keywords: World War II; home front everyday life; the community of artists; Soviet subjectivity.

Процесс формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне не завершен, да и вряд ли когда-нибудь завершится, это та тема,

¹ *Юлия Сергеевна Филина* – младший научный сотрудник Центра изучения истории территории и населения России Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: juliaphilinaiai@icloud.com.

Julia S. Philina – Junior Researcher, Institute of Russian History the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

которая всегда будет актуальна для историков. Исследование эго-документов позволяет выявить индивидуальную память участника или современника войны и сопоставить ее с официальным советским дискурсом. Эго-документам военных лет посвятил свою новую работу «Люди на войне» О.В. Будницкий. Начинает ее Олег Витальевич именно с обозначения этого противопоставления: «Двадцать второе июня 1949 года Ольга Берггольц провела в селе Старое Рахино на Новгородчине, в котором из 450 мужчин домой вернулись только 50. В этот день она записала: “Читают больше о войне, хотя сами ее только что пережили. Но все кажется, что это – не она, а была какая-то другая, красивая и героическая”» [1, с. 7].

Представители сообщества художников оставили значительное количество дневников и воспоминаний военных лет, они постепенно вводятся исследователями в научный оборот. Одни художники непосредственно участвовали в боевых действиях или находились на фронте (см., напр.: [2]), другие, в особенности женщины, оставались в тылу. В 1960-е гг. Ю.Г. Арапова написала цикл воспоминаний, посвященных разным периодам своей жизни. Воспоминания военного времени базируются на дневниковых записях, хранящихся в отделе рукописей Третьяковской галереи. Если в дневниках превалирует описание эмоциональных состояний, то воспоминания более фактографичны. Следует отметить, что писались они явно без расчета на скорую публикацию (если художница вообще могла себе представить публикацию материала, столь далекого от советского канона). Воспоминания Араповой о тыловой повседневности не публиковались в течение почти пятидесяти лет. Их фрагмент, описывающий период с начала войны до 7 декабря 1941 г., опубликован в журнале «Отечественные архивы» [4]. Большая же часть материала, представленного в данной статье, впервые вводится в научный оборот.

Юлия Григорьевна Арапова (1889–1976) – художница, получившая образование во ВХУТЕМАСе, одном из новаторских художественных учебных заведений, супруга художника А.А. Арапова. Она работала в мастерской создателя аналитического искусства П.Н. Филонова, после ухода из которой фактически ушла и из профессии, сосредоточив свои силы на семье. Годы Великой Отечественной войны провела вместе с мужем в Москве и Московской области. В чем же главная особенность ее эго-документов? Арапова не приняла Революцию 1917 г., писала печальные стихи об отречении царя, ужасах революции [9; 10; 11]. Важным понятием для ее системы ценностей был «аристократизм», который содержал в себе и отражал все «хорошие» черты в человеке. На этом представлении строилось личное восприятие городов (например, хорошего-аристократичного Санкт-Петербурга и плохой-демократической Москвы), жизненных ситу-

аций [12]. Исходя из этих убеждений Арапова сознательно отрешилась от советской субъективности, о чем сама сообщила в предисловии к воспоминаниям: «Мои воспоминания трудны уже потому, что мы, находясь среди массы, принимая видимое участие в жизни, и как сквозь стекло видели многое, не соприкасаясь, и это происходило не от пренебрежения к жизни или человеку – чувство самосохранения предупреждало нас быть скорее созерцателями, чем активными участниками той карусели... Все окружающие нас трагедии, где “наша жизнь игра”, заставляли нас вдвойне ценить ту крепость внутренней изоляции, которую так тщательно охраняли и крепко строили, незаметно для постороннего глаза» [6, л. 1]. Начиная с 1990-х гг. исследования эго-документов и советской субъективности постепенно вошли в исследовательскую практику [3]. Применительно к данной статье, я предлагаю не рассматривать эго-документы Араповой с позиции «как это действительно было», но обратить внимание на то, как она конструировала собственную память о войне, что и почему выделяла.

Некоторые художницы отказывались от описания войны в воспоминаниях. Например, А.В. Уханова¹, пережившая блокаду, писала: «О блокаде написано очень много и ничего нового я добавить не могу, да и писать об этом времени тяжело. Первое время мы, группа художников, красили чердаки на водочном заводе, а потом в соборе Смольного. Там очень интересные деревянные конструкции архитектора Растрелли. Чтобы сохранить их от огня, мы покрывали их суперфосфатом» [13, л. 89]. Арапова же описала тыловую повседневность со многими, порой «неудобными» подробностями. Ее воспоминания позволяют взглянуть на войну с точки зрения человека, лишенного советского патриотизма, противостоявшего традиции унификации памяти о войне.

Один из интересных аспектов эго-документов Араповой – отсутствие противопоставления советского-героического и немецкого-низменного. Безусловно, немцы являются врагами и агрессорами, но Арапова сохраняет за ними человеческое. Лето – начало осени 1941 г. она провела в д. Котерево Истринского района Московской области. Именно там ей пришлось впервые наблюдать воздушный бой: «Все побежали к месту аварии бегом, начальство на машинах-велосипедах, и как раз подоспели вовремя, потому что более быстрые и близкие уже обыскивали карманы разбитых летчиков и прятали “трофеи” по своим. Но наше начальство нашлось и не позволило издеваться над побежденным неприятелем и отобрали все немедленно: и часы, и бумажники, и папиросы... Летчики были молодые, красивые, полные сил и здоровья, один из них по документам барон» [4, с. 92].

¹ Анастасия Васильевна Уханова (1885–1973) – художница, автор мемуаров «Тени прошлого» (1971).

Антиподом Араповой в сообществе художников можно назвать скульптора З.С. Ракитину¹. В отличие от Араповой она не отличалась знатным происхождением и связями в столичной художественной среде. Ее карьерное восхождение связано с советскими, в том числе, партийными структурами. Она много писала для журнала «Работница» и, если судить по эго-документам, была убежденной сторонницей советского строя. В годы Великой Отечественной войны Ракитина вела дневник, в одном из фрагментов которого рассуждала об особенностях «нашего искусства»: «И когда теперь о нашем искусстве [говорят. – Ю.Ф.] в свете происходящего нашествия немцев на нашу культуру, каким исполином поднимается оно среди всех остальных современных культур Востока и Запада! Не понять этого сейчас, значит не понять исторических путей развития русского общества, переросшего во многонациональное советское общество. И если есть еще среди нас яркие поклонники западного искусства, то это или люди недалекие, или отсталые и чуждые советскому строю. Уж слишком игнорировали мы – русские – все свое русское в ущерб себе. Мне кажется, что это потому, что мы были слишком изолированы от всего мира, и этот мир особенно привлекал нас к себе своей неизвестностью» [5, л. 22 об.–23]. Ракитина писала о превосходстве советского строя, причем для нее он являлся наследником многонационального народа Российской империи. Также она выделяла «особый путь» советского общества, который определял превосходство советского искусства над западным.

Арапова, вошедшая в сообщество художников еще в дореволюционный период, не могла противопоставлять западное и советское искусство. Сообщество художников обладало повышенной миграционной активностью и в конце XIX – начале XX в., и в 1920-е гг., поэтому об «изолированности» искусства говорить сложно. Более того, в своих эго-документах она не выделяла советский (или даже русский) героизм. Характерна в данном случае фраза, выведенная в заголовок данной статьи: «Сколько страданий, сколько унижений принял этот несчастный, героический город [Ленинград. – Ю.Ф.], но у нас не в почете регистрация бед и трагедий, и мы запоминаем только трагедии, пахнувшие “оптимизмом”» [7, л. 21]. Своими воспоминаниями, написанными тогда, когда советский канон уже сложился, она старалась восполнить этот пробел.

Одним из самых страшных потрясений времен войны стало то, что в ее с мужем квартиру попала бомба, и квартира сгорела. Это был их тщательно огороженный и оберегаемый мир с дореволюционной мебелью и семейными реликвиями, но он оказался разрушен в один миг. В воспоминаниях Арапова писала, что это событие – результат предательства или

¹ Зинаида Сергеевна Ракитина (1887–1957) – художница, скульптор, журналистка.

преступной безответственности: «И трагедия, постигшая нас, упиралась тоже скорее в предательство, чем в случайность. Бомба упала как раз против сада-дома “Леонтьев” – знаменитой постройки в дорическом стиле по Гранатному переулку. Тогда многие говорили, что в тот момент, когда пролетал самолет, зажгли огонь “прикурить”, и немец охотился не за нашим ненужным домом, а за церковью Вознесения (там когда-то венчался А.С. Пушкин), где по слухам производили секретные моторчики, но ошибся на 100 метров» [7, л. 21]. Также в дневнике Арапова привела следующий услышанный ею анекдот.

«В Феодосии немец встречает русского и:

“Послушай, прохожий! Скажи, где здесь можно облегчиться?”

– “А... тебя, садись здесь”

– “Здесь не можно, здесь не порядок”

– “А если б у нас был порядок, ты бы облегчался в Берлине”» [8, л. 2].

Государственная власть в лице ее представителей для Араповой – в одном ряду со спекулянтами: «Подолгу стояли в кассах Малаховки, рынок спекулятивный, куда стекалась вся гниль, вся мразь, которая вспухла на несчастьях войны и задыхалась от денег, особенно те, что стояли у государственной кормушки. Завы-директора, откормленные, как йоркширы, проходили со своими самками и носили бумажные деньги в чемоданах, в мешках, и покупали все, что можно купить вплоть до человеческой жизни, а честь, совесть уж давно была скуплена. О чувстве честности и гуманности в те годы было смутное понятие, как о марсианах. Я вспоминаю, когда в [19]44 г. был отдан приказ отремонтировать нашу квартиру, и мы вынуждены были весь внутренний ремонт произвести на свой счет: побелить стены, восстановить ванную и многое другое, и я поехала продавать свой каракулевый жакет на Малаховский рынок. Я знала, что там много жулья и предусмотрительно завязала жакет в скатерть, которую, в свою очередь, привязала к руке, и меня едва не ограбили на электричке, когда я стала пробираться к выходу, я почувствовала, что мой узел тянут назад, а меня выталкивают вперед, руку мою почти вывернули, и она удлинилась, боль была адская, но я стоически не выпускала узла и как-то мне удалось с трудом пробиться к выходу, но бандиты рассчитывали обрезать тут у прохода, меня прижали к стальному столбу, перегораживающему надвое двери для входа и выхода. Я прошу, кричу “дайте пройти, дайте выйти”, никто меня не слушает и не слышит, а узел вместе с рукой настолько оттянут, что плечо почти вывернуто. У меня была трость, я с силой ударила военного, который особенно на меня нажимал, сбила с него фуражку, он стал ее подымать с наклоном, на какое-то мгновение загородил толпу, это меня спасло, я со страшной силой выдернула узел и, почти на ходу, выскочила

из вагона, упала, разбилась, но каракулевый жакет был со мной. Сердце мое колотилось, ребра были сдавлены до боли, платье мое пострадало, ботинки тоже, каблук оторвали, и я на рынке чинила у холодного сапожника. Купила этот жакет продавщица магазина, доставая деньги прямо из мешка. Страшен был этот Малахов рынок, какие чудовищные преступления на нем совершались: убийства, ограбления, насилия, особенно и милиция не вмешивалась» [7, л. 25].

В приведенном выше фрагменте можно увидеть, что Арапова называла спутниц государственных служащих «самками», но такое некомплементарное отношение направлено и на других жительниц Москвы. Городские женщины в военные годы, согласно Араповой, проявляли себя самым алчным образом. Так, она описала свою соседку, которая обменивала интимные услуги на различные ценности: «Интересная соседка была Леля. Ее создала сама Венера на обольщение рода человеческого, ей было куда больше тридцати, но она выглядела скромной и невинной девочкой, обманывая всех искателей приключений, и многие уже потом, сбросив “ярмо страсти”, приходили на расправу и требовали с ножами и огнестрельным оружием вернуть похищенные вещи: серебро, ковры или “мамины шубы”. “Мамы”-жены были в эвакуации, а вещи оставляли на хранение своим близким – мужу, брату, отцу – и ей переходили в руки за хорошо проведенную ночь. Иногда более решительные ее били, но выбить свое имущество им не удавалось, на этот счет Леля была крепка. Замужем она была за евреем-парикмахером, он был ранен “в вещевой мешок” и этот мешок [был. – Ю.Ф.] сильно набит трофеями советского происхождения¹, присылая ежемесячно посылки, он ни разу не попался в мародерстве и вернулся цел и невредим и с орденом. Эта Леля служила в столовых, и вот тут вволю происходил мирный грабеж – без оружия и пролития крови. Сколько эта хипесница² воровала от несчастных ученых, от рабочих, от больных и раненых, каждый день она приносила сумки с продуктами, их реализовывала ее мать, тоже “венерического разряда”. Они скупали и выменивали на что угодно, а главным образом на серебро и золото, одна бедняжка променяла свои зубы на булку белого хлеба, и мне Леля [это. – Ю.Ф.] показывала, как ловкий ход с этой “дурехой” – зубы золотые за булку? Ха-ха-ха!» [7, л. 16–17].

Не обошла стороной Арапова и самые жуткие и жестокие проявления человеческого поведения: «Арбатский рынок был своего рода “информ-бюро”. Вот интересный случай тоже из жизни. В дачной местности жила вдова, у ней были дети и хорошая корова, двое парней работали на заводе

¹ Слово сочетание «советского происхождения» зачеркнуто в источнике.

² Хипесница – из воровского аргота – проститутка, занимающаяся кражей денег и ценных вещей у пришедших к ней посетителей.

в Москве и в один день прибыли мать навестить. Она, обрадованная встречей, им сказала: “Петя и Саша, я приготовила Вам подарочек на случай моей смерти, вот шесть тысяч рублей, одну тебе Шура, другую тебе Петя, одну Коле, если он вернется с фронта и одну себе на похороны”. Парни очень обрадовались будущему наследству, но решили его ускорить и пошли посоветоваться с бутылкой водки в станционном буфете, там они решили план действий. Но, в то время как они были в буфете, к старухе пришла нищенка и попросила отогреться на печку, а то слишком замерзла. Тетка Марья ей сказала “полезай”. Нищенка “полезла” и уснула. Проснулась же она от шума – это вернулись молодые ребята, и Петя говорит матери: “Ну мать, как ты хочешь, чтобы мы тебя похоронили – зарезать или повесить?” Мать отвечает шуткой – “уж лучше повесьте вот на том гвозде, где висела ваша люлька”. Саша моментально накидывает матери петлю, которую они сделали во дворе и набрасывает веревку на крюк от петли, и оба поспешно выбегают, оставляя дверь открытой. В этот момент нищенка соскакивает с печки и быстро хватается за нож, отрезает веревку и приводит в чувство полузадушенную мать, и запирает изнутри двери, и сидят обе, дрожа от страха. Через некоторое время, через час раздается стук и голос милиции: “Откройте, тут у вас повесилась женщина” – мать не открывает, парни, услышав голос матери, заметно отрезвели, побледнели как снег. Мать долго не открывала, пока милиция не подошла к окну, и она не удостоверилась, что это именно милиция, а не подручные ее добрых детей» [8, л. 7–8]. В следующей истории Арапова в подробностях рассказала, как парализованной матери обварили желудок, чтобы от нее избавиться [8, л. 8].

В основе большинства этих ужасных происшествий – голод и страшные условия жизни военного времени. Но Арапова проводила границу между теми, кто терял человеческое достоинство, и теми, кому удавалось его сохранить (свою семью она, конечно, записывала к последним). Особенно ее поразила ситуация, когда знакомый ее мужа пришел в гости: «Мы как-то поджидали одного друга, и я не только сервировала стол, но и подготовила “роскошный обед”. Раздался звонок и вместо него вошел В.В. Груздев, с которым Ан. Аф.¹ когда-то учился в школе Живописи и никогда не поддерживал отношений, он зашел случайно и попал, как гостем незваным “хуже татарина”, но законы гостеприимства выше личных антипатий и тем более, что ничего нельзя было изменить. Стол был накрыт. Во время обеда Груздев стал бросать выразительные взгляды на нашу Кусявочку и плотоядно облизываться, как будто при приятном воспоминании, и наконец произнес “а кошечка-то хороша и жирная”. Кошечка действительно была хороша, и мы приняли похвалу нашей красавице и умнице, но

¹ Анатолий Афанасьевич Арапов (1876–1949) – муж А.А. Араповой, художник.

это оказалась похвала гастронома, и разомлев от тепла и бесплатного обеда он... пустился в откровенность: “Шел я как-то по улице, смотрю – толпа, оказывается кошечку раздавили, я подобрал, шкуру ободрал, сварил и оказалось вкусно! Потом пошел искать по Измайлову, смотрю, сидит, хорошенькая, беленькая кошечка, я ее подманил, она, дура, доверчиво подошла, я за задние ноги и о косяк разможжил голову, дома ободрал и сварил. И теперь у меня большой запас висит, и даже присаливаю”. У меня все замерзло внутри, я схватила нож и вонзила выразительно в доску стола, бросилась к двери, широко открыла ее и указала на выход. Ан. Аф. сбросил с вешалки пальто и произнес: “Убирайся. Нам это противно”. Этот негодяй хотел было получить какие-то объяснения, и Ан. Аф. вынужден был выбросить его пальто в переднюю, широко открыть двери и закрыть наши от комнаты. Мы, так страстно любящие животных и разделявшие с ними последний кусок хлеба в буквальном смысле слова, были потрясены этими злодейскими убийствами тем более, что это был человек обеспеченный и даже богатый, мог очевидно покупать мясо на рынке, но зарился на бесплатное снабжение, “кошек в Измайлове” – доверчивых кошек было много. Отвращение и гнев мы выразили тем, что чисто начисто вымыли керосином то место, где сидел этот “кошкоед”, а тарелки мне пришлось разбить и выбросить» [7, л. 20]. Приводя сравнение с жителями блокадного Ленинграда, любимого Араповой города, она отмечала, что, несмотря на страшный голод и даже случаи каннибализма, там никто не мог так довольно и «с аппетитом» об этом рассказывать.

Сами Араповы оказались в тяжелом положении, испытывали страшный голод. Хлеб, масло, сахар – все это стало мечтой [7, л. 22]. Чтобы выжить, они арендовали часть дачного участка у художников П.В. Кузнецова и Е.М. Бебутовой в надежде на урожай. Однако Арапова вскоре разочаровалась в поведении знакомых: «Пайки они получали очень большие. Кузнецов, как член правления МОССХа¹, себя не забыл и Бебутову тоже, первая категория и, кроме того, часто выдавались и с черного хода, то зелень, то шерсть, то кофе, так что они катались как сыры в масле, но в один день... в июле, мы заметили, что они нагрузились рюкзаками и рано утром отправились на станцию, вернулись поздно вечером, нагруженные, как драматеры, и едва ползли... и стали прятать все по буфетам, по кладовкам. Мы были поражены, где они все это добыли и за какие хорошие дела... Потом на другой день они стали все пожирать, и мы увидели гору масла, дорогие шоколад и вино» [7, л. 33]. Оформить пайки Араповым после этого все же удалось, что, по ее словам, спасло им жизнь. Арапова описала спекулятивную схему, пользуясь которой в годы войны, многие художники продавали

¹ Московский областной Союз советских художников.

картины через МОССХ. К А.А. Арапову подошел, как она его называла, «Доберман Пинчер», предложив выгодную схему: за часть дохода он устроит дело таким образом, чтобы художественный совет картины покупал. Обещание свое воротила держал, и многие художники пользовались его услугами.

В эго-документах Ю.Г. Араповой мы видим тыловую повседневность человека, противопоставившего себя всему советскому. Ввиду этого патристический и героический мотивы в них практически отсутствуют, на первый план выходят ужасы войны: голод, холод, спекулятивные схемы и негативные стороны человеческого поведения. В какой-то степени эго-документы художницы носят разоблачительный характер: в отличие от советской традиции исторической памяти о войне одним из главных объектов негативного восприятия являются сама советская система, в которой нет «порядка», и те, кто в эту систему «встроился».

Список источников и литературы:

1. *Будницкий О.* Люди на войне. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 400 с.
2. *Буянова Н.В.* «Зарева пожариц с запада все ближе и ближе продвигались к Ленинграду»: Из дневника художника эскадры Балтийского флота Я.Д. Ромаса. 16 ноября – 9 декабря 1941 г. // Отечественные архивы. 2015. № 5. С. 89–112.
3. *Зарецкий Ю.* Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Неприкосновенный запас. 2021. № 3. С. 184–199.
4. «Немцы каждый вечер ползли по небесам в известном направлении на Москву». Из воспоминаний художницы Ю.Г. Араповой. 1941 г. / публ. Ю.С. Филиной // Отечественные архивы. 2021. № 4. С. 85–100.
5. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (ОР ГТГ). Ф. 108. Д. 551.
6. ОР ГТГ. Ф. 146. Д. 37.
7. ОР ГТГ. Ф. 146. Д. 59.
8. ОР ГТГ. Ф. 146. Д. 61.
9. ОР ГТГ. Ф. 146. Д. 160.
10. ОР ГТГ. Ф. 146. Д. 161.
11. ОР ГТГ. Ф. 146. Д. 162.
12. *Филина Ю.С.* Эго-документы художниц в 1920–1930-е годы: трансформация самопрезентации (на материалах Ю.Г. Араповой) // Актуальные вопросы этнологии и антропологии. По материалам конференции молодых ученых. М.: ИЭА РАН, 2021 [в печати].
13. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 133. Оп. 1. Д. 13.

УДК 355.40(47+57)(=112.2)“1941/1944”

С.В. Кулинок¹

Документальные источники Национального архива Республики Беларусь и Российского государственного архива социально-политической истории о деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на оккупированной территории СССР в 1941–1944 гг.

Аннотация. В статье рассматриваются основные виды документальных источников, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь и Российском государственном архиве социально-политической истории, которые касаются вопросов деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ (курсов) на оккупированной территории Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. В результате проведенной автором классификации выделено четыре основные группы документов: организационно-распорядительные, планово-отчетные, судебно-следственные и справочно-информационные. Отмечается ориентация немецких спецслужб на «тотальность» и непрерывность подготовки агентуры. На это указывает общее количество открытых на Восточном фронте секретных школ противника – более 130. Делается вывод о том, что данная тема нуждается в более глубоком изучении с учетом возможности введения в научный оборот новых архивных документов и достижений историографии.

Ключевые слова: агент; Великая Отечественная война; исторический источник; разведывательно-диверсионная школа; шпионаж.

Documentary sources of the National Archives of the Republic of Belarus and the Russian State Archive of Socio-Political History on the activities of German intelligence and sabotage schools and courses in the occupied territory of the USSR in 1941–1944

Abstract. This article discusses the main types of documentary sources that are stored in the National Archives of the Republic of Belarus and the Russian State Archive of Socio-Political History, which deal with the activities of German intelligence and sabotage school (courses) in the occupied territory of Belarus during the Great Patriotic War. As a result of the classification, the author identified four main groups of documents: organizational-administrative,

¹ Святослав Валентинович Кулинок – кандидат исторических наук, заведующий отделом публикаций ГУ «Национальный архив Республики Беларусь» (Минск, Беларусь), e-mail: svkulinok@tut.by.

Svaytoslav V. Kulinok – Candidate of Historical Sciences, Chief of the Documents publication department, National Archive of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus).

planning and reporting, forensic investigation and inquiry. The orientation of the German special services towards «totality» and the continuity of training agents is noted. This is indicated by the total number of enemy secret schools opened on the Eastern Front - more than 130. It is concluded that this topic needs to be studied in more depth, taking into account the possibility of introducing new archival documents into the scientific field and the achievements of historiography.

Keywords: agent; the Great Patriotic war; historical source; reconnaissance and sabotage school; espionage.

В 1941–1944 гг. немецкие секретные и разведывательные службы создали на оккупированных территориях СССР разветвленную сеть учебных центров (школ и курсов), где готовилась агентура. Их деятельность до настоящего времени не являлась объектом самостоятельного комплексного исследования. В качестве примера приведу только один, но весьма красноречивый факт. В историографии общее количество немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов определялось следующими цифрами: «На оккупированной территории Советского Союза действовало свыше 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных команд и групп абвера и СД и около 60 школ, где готовились шпионы, диверсанты и террористы» [30, с. 155; 40, с. 537]. Вместе с этим только на оккупированной территории БССР нацистские спецслужбы в годы оккупации создали не меньше 68 учебных разведывательно-диверсионных школ и курсов, а всего на территории СССР было открыто около 150 подобных учебных центров [6, с. 219]. Для более глубокого изучения данной проблемы необходимо выявление и введение в научный оборот новых архивных документов.

Необходимо отметить, что материалы советских органов государственной безопасности, в том числе связанных с деятельностью немецких разведывательно-диверсионных школ, в последние десятилетия были опубликованы в значительном объеме [1; 2; 3; 7; 28; 29; 31; 32; 33; 34], а вот документы партизанских формирований и их руководящих органов (Центрального и Белорусского штабов партизанского движения – ЦШПД, БШПД) на сегодняшний день используются недостаточно.

Согласно классификации И.Д. Ковальченко, документальные источники по разведывательной и контрразведывательной деятельности партизан можно отнести к письменным, а основу комплекса материалов БШПД и подчиненных ему формирований составляют документы делопроизводства. Представляется корректным использование функциональной классификации делопроизводственных документов по данной проблеме с выделением следующих основных видов: организационно-распорядительные (приказы, указания и рекомендации по ведению разведки, инструкции), планово-отчетные (отчеты, разведывательные и оперативные сводки, доне-

сения, опросные листы, разведанные и др.), судебно-следственные (протоколы допросов, следственные дела) и справочно-информационные (справки, обзоры, аналитические и докладные записки).

Все указанные виды документов по обозначенной теме присутствуют в фондах № 1450 (БШПД) Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) и № 69 (ЦШПД) Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Это связано с действовавшей системой документооборота и делопроизводства, которые функционировали в штабах партизанского движения.

Не буду подробно останавливаться на анализе документов, касающихся оккупированной территории БССР, так как уже были подготовлены соответствующие публикации [4; 5], а более подробно рассмотрю документы, связанные с другими регионами СССР.

В Национальном архиве Республики Беларусь хранится ряд документов о деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории России в годы Великой Отечественной войны. В первую очередь, это отчетные документы партизанских формирований и руководящих органов – БШПД, его представительств и др. Отмечу, что в белорусские леса для борьбы с партизанами массово засылалась агентура, подготовленная на территории РСФСР, Украины и Прибалтики. В ходе ее разоблачения были получены ценные разведывательные сведения об этих учебных центрах. Так, в отчете разведывательно-диверсионной группы «Вперед» за второе полугодие 1942 г. на имя начальника 4-го управления П. Судоплатова отмечалось: «В октябре 1942 в наш отряд был принят “партизан” Власенко, проявивший в первые же дни большой интерес к делам отряда. Установили за ним наблюдение и вскоре арестовали при попытке к бегству из отряда. На допросе Власенко показал, что окончил спецшколу полиции в г. Клинцы, проник в наш отряд с целью разведки. Власенко расстрелян» [8, л. 52 об.].

Одним из самых информативных видов документов являются разведывательные сводки (штабов, представительств и др.). В разведывательных сводках № 31 (18.03.1943 г.) [17, л. 37 об.], 44 (07.04.1943 г.) [17, л. 50] и 103 (11.09.1943 г.) [17, л. 141–142] штаба партизанского движения (ШПД) на Калининском фронте приводятся сведения об учебных центрах в Смоленске и Ярцево, Пустошке и Опочке соответственно. В сводке № 31 указывалось: «В Смоленске и Ярцево работают школы разведчиков. В Смоленской школе обучаются лица, отобранные в лагерях русских военнопленных из числа бывших командиров РККА по званию от лейтенанта и выше. Отбор производился офицерами гестапо. Летом 1942 года из этой школы было выпущено 32 человека, которые предназначались для засылки в наш тыл с различными заданиями, в том числе внедрение в РККА на командные

должности. Некоторые были посланы в партизанские отряды Смоленщины с легендой бежавших из лагерей...». В отношении Пустошских курсов сообщалось: «2 апреля отделением гестапо из Пустошки направлено в партизанские отряды 170 человек диверсантов и шпионов, окончивших месячные курсы, преимущественно женщины, с задачей внедриться в отряды, вести разведку и убивать командный состав».

Также сведения о разведшколах противника представлены в спецсообщениях, которые направлял БШПД в Центральный штаб либо в органы государственной безопасности. В сентябре 1943 г. в ЦШПД пришло спецсообщение из Белорусского штаба о том, что «в г. Рославль по ул. Брянское шоссе в бывшем доме “Ударник” находится школа гестапо, шпионско-диверсионного направления со сроком обучения в 6 месяцев. В школе обучаются военнопленные из числа лиц среднего состава Красной Армии. По окончании школы слушатели направляются через линию фронта с задачей проникновения в ряды Красной Армии под видом партизан, бежавших из лагерей военнопленных, беженцев из оккупированных городов с целью совершения террористических актов над офицерским составом путем массовых переходов бойцов Красной Армии на сторону немцев в период их наступления» [26, л. 131, 133 об.–134]. В фонде № 69 РГАСПИ удалось обнаружить документ, в котором замначальника ЦШПД С. Бельченко давал указание начальнику Западного ШПД внедрить партизанскую агентуру в школу в Рославле [38, л. 71].

В другом спецсообщении от 27 мая 1943 г. на имя Наркома государственной безопасности В. Меркулова руководство БШПД сообщало сведения о деятельности секретной школы в г. Спас-Деменск. Отмечалось, что «школа комплектуется в основном за счет молодежи, жителей Выходского, Семлеского и Спас-Деменского районов Смоленской области. Школа рассчитана на 3-х месячный срок обучения. За период с ноября 1942 г. по 25.01.1943 г. было выпущено большое количество секретных агентов, часть которых через линию фронта направлены в расположение действующих частей Красной Армии в район Масальск – Сухиничи, остальные в зону партизанских отрядов, в частности на территорию Минской области» [13, л. 1].

Наиболее ценные и важные сведения содержатся в корпусе судебно-следственных дел. Например, подробности своего обучения в Спас-Деменской школе раскрыли разоблаченные агенты И. Бруштунова и Я. Зуев [20, л. 35–35 об., 61–63, 65–68 об., 107–108]. Сведения о подготовке агентуры в учебном центре в Брянске и отправке ее в партизанские формирования сообщил в протоколе допроса бывший полицейский С. Линчевский. В частности, он отметил: «в апреле 1943 г. к нам на ст. Фокино прибыло

два “партизана”, которые были посланы немцами в партизанские отряды со специальными шпионскими заданиями гестапо, они после выполнения задания возвратились к нам на станцию. Это были люди, специально окончившие школу гестапо в Брянске» [21, л. 41–41 об.].

Ряд документов в фондах НАРБ касается деятельности немецких спецшкол и курсов на территории Украины. Это учебные центры в Днепропетровске [22, л. 30 об.–31; 23, л. 189], Житомире [16, л. 123], Киеве [21, л. 300], Ковеле [18, л. 94], Чернигове [19, л. 18–19]. Так, из разведшколы в Чернигове в 1943 г. было выпущено около 300 агентов, а летом того же года из Житомира направлено на задания свыше 800 немецких агентов.

На территории Прибалтики документально подтверждается деятельность школ и курсов в Вильнюсе [24, л. 142–143], Двинске (Даугавпилсе) [9, л. 273–275; 12, л. 2; 25, л. 166–167], Каунасе [10, л. 279–281; 27, л. 62–64], Люцине (Лудзе) [21, л. 19–21] и Риге [14, л. 30; 24, л. 438].

Важные документы о деятельности немецких спецшкол и курсов выявлены в фонде ЦШПД (№ 69). Кроме, собственно, школ на территории Беларуси – в Орше [37, л. 16; 38, л. 56, 59–60], Мозыре [37, л. 51], Полоцке [35, л. 18], Волковыске [35, л. 54], Бобруйске [38, л. 65–67], Минске [36, л. 2] и др. – интерес представляют документы, связанные с агентурной работой немецкой разведки на Восточном фронте. Например, информация А. Бардадына о деятельности «Боевого союза русских националистов», в том числе обучения агентуры [39, л. 99–103]; план работы разведотдела ЦШПД в области агентурной работы, а также инструкция по учету и оформлению агентуры [35, л. 13–13 об.]; сообщение заместителя начальника ЦШПД С. Бельченко на имя П. Судоплатова о деятельности немецкой спецшколы в Одинцово [37, л. 79]; списки школ и курсов гестапо по Ленинградской, Смоленской областям, Латвии и Беларуси [38, л. 55–56, 72, 136].

Отметим, что это только небольшая часть значительного корпуса архивных материалов по указанной теме. В ряде случаев документы из фондов НАРБ встречаются и в фондах РГАСПИ. Так, осенью 1943 г. в партизанские формирования Беларуси было разослано сообщение (указание) о том, что «за последнее время германская разведка засылает в партизанские отряды большое количество своих агентов. 13 сентября из г. Новгород-Волынского направлено в партизанские отряды 46 врачей и фельдшеров для массового отравления партизан...» [11, л. 31; 15, л. 4]. Эти же данные обнаружены и в фонде Центрального штаба партизанского движения [35, л. 13–13 об.].

Подводя итог, необходимо отметить, что хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь и в Российском государственном архиве социально-политической истории документы обладают большим информацион-

ным потенциалом и репрезентативностью. Источники по данной проблеме также характеризуются высокой степенью достоверностью и их введение в научный оборот позволит пересмотреть устоявшиеся в историографии, но уже устаревшие данные о деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории СССР.

Список источников и литературы

1. *Белик И.К.* Немецкая разведка является довольно сильным противником // Исторический архив. 2000. № 5 С. 27–63.

2. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Юридическая литература, 1975. 726 с.

3. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Раскредитованные документы. Хроника событий: в 3 кн. Кн. 1. Краснодар: Диапазон-В, 2005. 816 с.

4. *Кулинок С.В.* Документальные источники Национального архива Республики Беларусь о деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Беларуси в годы великой отечественной войны // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 74–86.

5. *Кулинок С.В.* Прислужники Гитлера. Немецкие разведывательно-диверсионные школы и курсы на территории Белоруссии в 1941–1944 гг. М.: Яуза, 2020. 704 с.

6. *Кулинок С.В., Халятина Л.П.* Немецкие разведывательно-диверсионные школы и курсы на территории Советского Союза в 1941–1944 гг.: количественные и региональные характеристики // Вопросы истории. 2019. № 12. С. 215–219.

7. Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М.: Издательский дом «Звонница МГ», 2002. 480 с.

8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 9.

9. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 151.

10. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 400.

11. НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 8.

12. НАРБ. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 114.

13. НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 192.

14. НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 976.

15. НАРБ. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 64.

16. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 15.

17. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 857.

18. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 46.

19. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 53.

20. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 56.

21. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57.

22. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60.

23. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 61.

24. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 64.

25. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 411.
26. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 1.
27. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 47.
28. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем в Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). Сборник документов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. 640 с.
29. «Огненная дуга». Курская битва глазами Лубянки. М.: АО «Московские учебники и Картолитография», 2003. 480 с.
30. *Остряков С.З.* Военные чекисты. М.: Воениздат, 1979. 320 с.
31. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3: Крушение «Блицкрига», кн. 1: 1 января – 30 июня 1942 г. М.: Русь, 2003. 691 с.
32. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4: Секреты операции «Цитадель», кн. 1: 1 января – 30 июня 1943 г. М.: Русь, 2008. 813 с.
33. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4: Великий перелом, кн. 2: 1 июля – 31 декабря 1943 г. М.: Русь, 2008. 814 с.
34. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5: Вперед на запад, кн. 1: 1 января – 30 июня 1944 г. М.: Кучково поле, 2007. 752 с.
35. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 704.
36. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 738.
37. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 757.
38. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 760.
39. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 9. Д. 1.
40. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.

УДК 930 (47) «1941/1945»

*А.А. Сальников*¹

Группа НИЗАП на защите московского неба в 1941–1942 гг.

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования боевой деятельности особой зенитной группы научно-испытательных зенитно-артиллерийских полигонов, которая защищала небо Москвы в секторе 329-го зенитно-артиллерийского полка. Эта группа не только закрывала брешь в противовоздушной обороне столицы. Высококласные военные инженеры, входившие в ее состав, занимались испытанием новейшей зенитной техники, поступавшей на вооружение РККА из-за границы. Именно группа НИЗАП испытывала английский зенитный радар GL Mk-II и впервые в Советском Союзе применила радиолокацию для наведения зенитных орудий. Благодаря деятельности группы НИЗАП радар GL Mk-II приняли на вооружение, а для РККА было подготовлено достаточное количество специалистов способных работать на этой технике. Более того, на основе анализа боевой работы группы НИЗАП было принято принципиальное решение об использовании радаров как основного средства обнаружения самолетов, что заложило основу современной системы ПВО нашей страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Московская битва; ПВО.

NIZAP group on the defense of Moscow sky in 1941–1942

Abstract. The article presents preliminary results of research, considering combat activity of special anti-aircraft gun group of research and experimental anti-aircraft firing grounds, which defended Moscow sky in the sector of 329 anti-aircraft artillery regiment. This group not only closed the breach in counter-air defense of the capital. Top ranking class military engineers from the group tested newest anti-aircraft vehicles which were provided by Western countries and adopted by Red Army. The very NIZAP group tested British anti-aircraft GL Mk-II radar, and was first in Soviet Union to use radiolocation to aim anti-aircraft guns. Due to activity of the NIZAP group, GL Mk-II radar was adopted, and a sufficient quantity of specialists, capable of handling the vehicle, were trained for the Red Army. Furthermore, based on the analysis of the combat activity of NIZAP group it was principally decided that such radars should be the essential for aircraft detection, which paved a way for modern counter-air defense system of our country.

¹ **Андрей Александрович Сальников** – аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, экскурсовод 2-й категории МГОМЗ «Коломенское-Измайлово-Люблино» (Москва, Россия), e-mail: A2971106@yandex.ru.

Andrey A. Salnikov – Postgraduate student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, tour guide of the 2nd category, MSIMR “Kolomenskoye-Izmaylovo-Lublino” (Moscow, Russia).

Keywords: Great Patriotic war; The battle of Moscow; counter-air defense.

Настоящее исследование направлено на изучение истории воинских частей, размещавшихся на территории музея-заповедника «Коломенское». Благодаря материалам, хранящимся в Научном архиве МГОМЗ и Центральном архиве Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО), удалось установить, что на современной территории музея-заповедника в 1941 г. размещались: стрелковые батальоны, пост аэростатного заграждения, истребительная рота НКВД, пулеметные батальоны, взвод собак – истребителей танков, противотанковая батарея, дивизион БМ-13 и 105-мм зенитная батарея группы НИЗАП. Проводимое исследование позволяет не только увидеть, что происходило в годы войны на конкретной территории, но и выяснить новые подробности, связанные с историей противовоздушной обороны столицы и с зенитной группой НИЗАП.

Впервые о необычной зенитной батарее, которая приняла радар для наведения зенитных орудий, написал в своих мемуарах генерал Д.А. Журавлев, командовавший Особой Московской армией (ОМА) ПВО [1, с. 142–148]. Позднее о ней упоминали генерал М.М. Лобанов, один из разработчиков первых советских радаров [2, с. 123–125], А.А. Шокин [16, с. 57–73] и С.И. Ярославцева [18, с. 823–831]. Однако, в этих работах группа НИЗАП упоминалась вскользь, как эпизод в истории зенитной радиолокации или истории района. Специальных исследований, посвященных группе НИЗАП, до этого не проводилось. К сожалению, в ходе работы в ЦАМО мне не удалось обнаружить документов самого полигона НИЗАП, поэтому исследование построено на доступных материалах из фондов 329-го зенитно-артиллерийского полка (зенап) (ф. 13734) и Центрального фронта ПВО (ф. 13609). Часть документов из этих фондов, которые могли бы пролить больше света на историю группы НИЗАП, до сих пор остаются засекреченными, поэтому исследование основано на доступных источниках, и его результаты можно назвать предварительными.

Что же такое НИЗАП? НИЗАП – это научно-испытательный зенитно-артиллерийский полигон. На таком полигоне испытывали новейшие образцы отечественной и зарубежной зенитной техники. На нем служили не простые солдаты, а высококлассные военные специалисты, которые участвовали в разработке и испытаниях новейших видов вооружения. В 1941 г. в СССР таких полигонов было два: один – НИЗАП Народного комиссариата обороны (НКО) располагался в Крыму, под Евпаторией, другой – НИЗАП Главного Артиллерийского управления (ГАУ) находился под Оренбургом, возле ж/д станции Донгузская.

Вопрос о том, как была сформирована особая зенитная группа НИЗАП, до сих пор остается открытым – источники противоречат другу. М.М. Лобанов утверждал, что на защиту Москвы отправились доброволь-

цы из числа сотрудников НИЗАП ГАУ вместе с несколькими зенитными орудиями, находившимися на полигоне [2, с. 123–125]. Д.А. Журавлев писал, что зенитная батарея вместе с радаром была получена от одного из зенитных артиллерийских полигонов после его ходатайства [1, с. 142–148].

Воспоминания Лобанова противоречат архивным источникам, согласно которым 105 мм немецкие зенитные орудия Flak 38 проходили испытания в Крыму на НИЗАП НКО [17, с. 39–44], а сам командир зенитной группы НИЗАП Е.А. Панченко до войны служил именно на НИЗАП НКО [3]. Скорее всего, по просьбе Журавлева под Москву перебросили орудия и личный состав НИЗАП НКО, а затем к ним присоединились добровольцы из НИЗАП ГАУ. Окончательное решение этого вопроса требует изучения источников, которые в данный момент остаются засекреченными.

Группа НИЗАП прибыла в распоряжение Московского корпусного района ПВО 7 сентября 1941 г. [4, л. 39 об.]. Командиром группы был назначен военинженер 2-го ранга Евстигней Андреевич Панченко, его заместителем стал воентехник 1-го ранга Павел Андрианович Курочкин, прибывший из НИЗАП ГАУ [2, с. 123–125]. На вооружении у группы имелись батарея из четырех 105 мм немецких зениток Flak 38, батарея из четырех 75 мм зениток иностранного производства (скорее всего, немецкие зенитки ограниченной серии 7,5 cm Flak L/60) и взвод малокалиберной зенитной артиллерии (МЗА) из шести 37-мм советских зениток 61-К¹ [2, с. 123–125]. Позднее, в ноябре 1941 г., 75-мм орудия были сданы на склад, а вместо них была получена батарея из 4 советских 85-мм зениток 52-К [8, л. 61].

Группу расположили в секторе 329-го зенитно-артиллерийского полка (далее – зенап), который прикрывал южные подступы к Москве. Этому полку остро не хватало зенитных батарей, в его обороне была «дыра», которой пользовались немецкие летчики. Взлетая с аэродромов под Бобруйском, они шли над Варшавским шоссе через Рославль-Малоярославец-Подольск в сторону Бутово, где поворачивали на северо-восток в сторону ж/д станции Бирюлево-Товарное, далее в сторону Царицынских прудов, от которых уходили дальше на северо-восток в сторону Москвы-реки. Ориентируясь по Москве-реке, они пытались прорваться к центру города. Этот маршрут пролегал четко по границе между зонами ответственности 329-го зенап и 745-го зенап, и на всем его протяжении им противостояли только 4 зенитных батареи, расположенных далеко друг от друга (2 б./745 зенап Бирюлево, 4 б./745 зенап Ленино, 12 б./329 зенап Котляково, 13 б./329 зенап Нагатино) и не способных создать достаточной плотности зенитного огня. В результате немецким самолетам удавалось сбрасывать бомбы в районе завода ЗиС и даже иногда прорываться к центру города [7, л. 90–100].

¹ Данные относительно вооружения взвода МЗА нуждаются в уточнении.

Командир 329-го зенап полковник И.И. Лещенко просил о выделении дополнительных сил, чтобы прикрыть Бутово и берег Москвы-реки в зоне своей ответственности. В середине августа 1941 г. ему выделили 5-й дивизион 864-й зенап, который разместился в районе Бутово, а затем, в сентябре 1941 г., – группу НИЗАП [6, л. 13–14]. Батарее группы НИЗАП из четырех 105 мм зениток разместили возле с. Дьяковского, южнее Дьякова городища на современной территории музея-заповедника «Коломенское». Такая позиция позволяла прикрыть стык с 745-м зенап и ликвидировать «дыру» в обороне [6, л. 13–14].

Так как группе НИЗАП не хватало личного состава, 105-мм батарею укомплектовали солдатами и офицерами из других зенитных полков, а также призывниками из московских военкоматов. Командиром этой батареи стал младший лейтенант Максим Григорьевич Мулява [7, л. 69]. Основная база НИЗАП располагалась в самом центре боевых порядков 329-го полка, юго-западнее д. Зюзино (ныне – пересечение Севастопольского пр. и Херсонской ул.). Там разместился взвод МЗА и батарея 75-мм зенитных орудий под командованием воентехника 1-го ранга Василия Федуловича Федорова [6, л. 13–14; 11, л. 27].

Группа НИЗАП сразу же приступила к боевой работе по отражению авианалетов противника. С приближением противника к Москве посты воздушного наблюдения вынужденно отступали вместе с войсками, и к концу сентября 1941 г. своевременность предупреждения об авианалетах противника нарушилась. Чтобы компенсировать отсутствие постов воздушного наблюдения войска ПВО, стали применять радары. На главной базе НИЗАП возле Зюзина 23 сентября 1941 г. был установлен опытный радар РИС-2 (Радиоискатель самолетов – 2). Однако этот радиоискатель мог определять только высоту самолета, но не мог – направление полета и угол над горизонтом. Это, конечно, не устраивало командование 329-го полка, поэтому 18 октября 1941 г. РИС-2 заменили на английский зенитный радар GL Mk-II, который в СССР получил обозначение СОН-2 (Станция Орудийной Наводки – 2). Этот радар оповещал полк о приближении самолетов на расстоянии 40–50 км и мог определить местонахождение цели с погрешностью всего лишь в несколько метров [7, л. 90–100].

Сначала к СОН-2 была подключена только 75-мм батарея НИЗАП, а с 3 ноября к нему подключили 15-ю батарею (северо-восточнее д. Зюзино) и 22-ю батарею (восточнее д. Деревлево) [6, л. 13–14]. Расположение СОН в центре боевого порядка 329-го полка, юго-западнее Зюзино на основной базе НИЗАП, позволяло добиться полноценного пеленга самолетов во всей зоне ответственности полка. Остальные батареи получали координаты цели по радиосвязи [5, л. 76]. Планшеты с рассчитанной поправкой

(т.е. поправка на отдаление батарей от местоположения радара) в дивизионах 329-го полка получили только 23 ноября 1941 г. [7, л. 62].

За время испытаний специалистам НИЗАП удалось добиться от СОН-2 работы на показателях, превышавших характеристики завода-изготовителя. Они смогли откалибровать радар так, что максимальный угол пеленга увеличился с 48 градусов до 72. Бойцы 329-го зенап, имевшие соответствующее техническое образование, смогли внести конструктивные изменения в приборы управления артиллерийским зенитным огнем (ПУАЗО), которые позволили подключить к радару батареи, расположенные на расстоянии до 6 км от него (вместо 2,5 км заявленных заводом-изготовителем) [1, с. 142–148].

Эффективность зенитных батарей, подключенных к СОН-2, выросла в несколько раз. СОН позволяла обнаруживать самолеты почти в 50 раз (!) точнее, чем обычные средства обнаружения (звукоулавливатели). Сектор обстрела в 3–4 тыс. кубических гектометров воздуха при обычном способе ведения огня, в случае применения радара, сокращался до 60–70 гектометров кубических. В результате расход снарядов у зенитных батарей, подключенных к СОН-2, снижался в несколько раз [1, с. 142–148]. Более того, на радар никак не влияли ни время суток, ни погодные условия. За время своей работы с 18 октября по 22 декабря 1941 г. СОН-2 обнаружила 1 525 целей, из которых было обстреляно 344. Весь 329-й зенап с 22 июня по 22 декабря 1941 г. обнаружил 5 350 самолетов и обстрелял 1 685 из них [7, л. 90–100]. Следовательно, по данным СОН удалось обнаружить около 28 % от всех целей, обнаруженных полком, и обстрелять около 20 % от всех целей, обстрелянных полком с 22 июня по 22 декабря 1941 г. Если учесть, что радар работал только с 18 октября, то этот процент будет еще выше.

За 1941 г. 329-й зенап сбил 12 самолетов, из них группой НИЗАП – 2. Оба самолета на счету 85 мм батареи НИЗАП. 18 ноября в 1:35 ночи батарея сбила немецкий бомбардировщик Юнкерс-88, самолет упал в 3 километрах восточнее д. Внуково [8, л. 68]. Второй самолет (самолет-разведчик Хенкель-111) был сбит 2 декабря в 6:05 утра и упал в районе ж/д станции Апрелевка [8, л. 85].

Все эти данные убедительно показали командованию, что зенитные радары являются надежным средством ПВО и необходимы для советских войск. Постановлением ГКО от 10 февраля 1942 г. № 1266 станцию оружейной наводки СОН-2 приняли на вооружение и было решено наладить ее производство в СССР.

Таким образом, за 4 месяца боевой работы в 1941 г. группа НИЗАП помогла закрыть брешь в южном секторе ПВО г. Москвы, освоила ведение зенитного огня с радаром и доказала эффективность этого метода. Более

того, специалисты НИЗАП разработали тактику ведения боя по данным одного радара для целого полка из 25 зенитных батарей, разбросанных на огромной территории, примерно соответствующей современному Южному округу Москвы.

В 1942 г. интенсивность налетов немецкой авиации на Москву заметно снизилась. В январе в секторе 329 зенап был всего 1 налет, в феврале – 3. Боевые действия активизировались в марте-апреле и затем опять утихли. С мая 1942 г. через сектор 329 зенап налеты совершались довольно редко [6, л. 50–51]. Подразделения полка сосредоточились на боевой подготовке, а на основной базе группы НИЗАП началась подготовка офицеров московских зенитных полков для работы на радарх СОН-2. Эта работа велась на протяжении всего первого полугодия 1942 г., в результате чего для всех полков Московского фронта ПВО удалось подготовить необходимых специалистов [13, л. 1–100; 14, л. 1–100]. Уже к июню 1942 г. все московские зенитные полки получили хотя бы один радар СОН-2 [5, л. 80], а 329-й полк к уже имеющейся станции получил еще две [10, л. 25].

Помимо станций СОН-2 в июне 1942 г. в СССР по ленд-лизу были доставлены американские 90-мм зенитные орудия М2. Они испытывались на основной базе НИЗАП юго-западнее д. Зюзино и были приняты в качестве основного вооружения для батареи НИЗАП среднего калибра, а 85-мм зенитки 52-К были возвращены 9 б./329 зенап [10, л. 24].

Во втором полугодии 1942 г. противник уже не совершал массированных налетов на Москву; работы по освоению радара СОН-2 завершились: в июне 1942 г. он был полностью передан 329-му полку [10, л. 25]. Весной 1942 г. специалисты НИЗАП начали покидать группу. Е.А. Панченко в мае 1942 г. с должности командира группы НИЗАП перешел на службу в штаб Московского фронта ПВО [3], кто-то из офицеров – в 329-й зенап или другие части, а кто-то возвратился на НИЗАП ГАУ под Оренбург. Уже к сентябрю 1942 г. в группе сменился почти весь начальствующий состав [15, л. 1–100].

Дальнейшего смысла в существовании этой группы как отдельной боевой единицы не было, поэтому ее батареи стали привлекать для решения обычных боевых задач. 2 сентября 1942 г. взвод МЗА НИЗАП перебросили из-под Зюзино для обеспечения ПВО ж/д станции Волоколамск, а 12 сентября 1942 г. вся группа НИЗАП была передана в ведение 751-го малокалиберного зенитно-артиллерийского полка (при этом 90-мм и 105-мм батареи остались на своих позициях в секторе 329-го зенап) [10, л. 30–35 об.]. В составе этого полка группа как отдельная единица была расформирована, ее батареи зачислили как штатные и подчинили напрямую командованию полка. Последний командир группы НИЗАП П.А. Курочкин вернулся на НИЗАП ГАУ [15, л. 37–39].

Эта реорганизация оказалась не последней для бывших батарей НИЗАП. В 1943 г. их как штатные передали в состав 329-го зенап, затем 90-мм батарею сняли со своих позиций и вывели из состава полка, а 105-мм батарея оставалась на своих позициях у с. Дьяковского до конца войны [6, л. 13–17; 9, л. 17–50]. Эти крупнокалиберные немецкие зенитки Flak 38 даже участвовали в победном салюте 9 мая 1945 г. на Воробьевых горах в Москве [12, л. 128]. Следует также отметить, что за все время войны батареи НИЗАП потерь от действий противника не имели [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15].

За короткий период своего существования группа НИЗАП внесла значительный вклад в разгром врага. Помимо отражения авианалетов противника инженеры НИЗАП смогли освоить новейшую зенитную технику, разработать руководство по ее применению и подготовить достаточное количество специалистов для ее использования. Это позволило не просто защитить Москву и одержать победу в Великой Отечественной войне, но и заложило фундамент для создания новой системы ПВО всего СССР уже после войны – новой системы, основанной на использовании радиолокации.

Список источников и литературы

1. *Журавлев Д.А.* Огневой щит Москвы / [лит. запись Е.А. Смотрицкого]. М.: Воениздат, 1972. 232 с.
2. *Лобанов М.М.* Развитие советской радиолокационной техники. М.: Воениздат, 1982. 239 с.
3. Панченко Евстигней Андреевич // Память народа. URL: https://pamyatnaroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer7572344/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fstatic_hash%3D254e5f3670a0ba74324967b2eb7c72a8v1%26last_name%3DПанченко%26first_name%3DEвстигней%26middle_name%3DАндреевич%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1&search_view_id=smperson_guk1065880812 (дата обращения 11.06.2021).
4. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 13609. Оп. 20354. Д. 21.
5. ЦАМО. Ф. 13609. Оп. 20354. Д. 29.
6. ЦАМО. Ф. 13734. Оп. 20136. Д. 1.
7. ЦАМО. Ф. 13734. Оп. 20136. Д. 8.
8. ЦАМО. Ф. 13734. Оп. 20136. Д. 9.

9. ЦАМО. Ф. 13734. Оп. 20136. Д. 21.
10. ЦАМО. Ф. 13734. Оп. 20136. Д. 25.
11. ЦАМО. Ф. 13734. Оп. 20136. Д. 51.
12. ЦАМО. Ф. 13734. Оп. 20137. Д. 2.
13. ЦАМО. Ф. 13734. Оп. 20137. Д. 4.
14. ЦАМО. Ф. 13734. Оп. 20137. Д. 5.
15. ЦАМО. Ф. 13734. Оп. 20137. Д. 6.
16. *Шокин А.А.* Министр невероятной промышленности СССР. М.: Техносфера, 2007. 455 с.
17. *Шумилин С.* Суперзенилки Третьего Рейха // Наука и техника. 2013. № 6 (85). С. 39–44.
18. *Ярославцева С.И.* Девять веков юга Москвы. Между Филями и Братеевом. М.: АСТ; Владимир: Астрель, 2008. 895 с.

УДК 94(47).084.8

*А.С. Мартынов*¹

Основные формы украинского военного коллаборационизма в г. Сталино (Донецке) в период германской оккупации (1941–1943 гг.)

Аннотация. В статье рассматривается проблема организации и функционирования украинских военизированных коллаборационистских подразделений в столице Донбасса – г. Сталино (Донецке) во время нацистской оккупации 1941–1943 гг. Изучаются основные формы и разновидности местных вспомогательных формирований на германской службе: полиция, пожарная охрана, автоинспекция, «помощники» и «добровольцы» вермахта. Изначально эти коллаборационистские структуры создавались нацистскими оккупантами в «Генеральном округе Сталино», чтобы содействовать германской военной администрации, но затем основное внимание было уделено вербовке армейских «добровольцев» для потребностей фронта, поскольку вермахт нуждался в дополнительных человеческих резервах. Кроме того, на деятельность вспомогательной полиции и армейских «добровольцев» оказывало влияние украинское националистическое движение, так как нацисты активно использовали украинских коллаборационистов и их антисоветскую политическую пропаганду. Исследование основано на материалах Государственного архива ДНР, прежде всего на публикациях местных германских оккупационных газет, которые являются важным историческим источником. *Ключевые слова:* Донбасс; Сталино; нацизм; война; оккупация; украинский национализм; коллаборационизм.

Main forms of the Ukrainian military collaboration in the city of Stalino (Donetsk) during the period of German occupation (1941–1943)

Abstract. The article reflects the problem of organization and functioning of the Ukrainian militarized collaboration detachments in the capital of Donbass area – Stalino (Donetsk City) during the Nazis occupation in 1941–1943. General forms and kinds of the local auxiliary formations on German active service: police, fire-guard, vehicles inspection, “helpers” and “volunteers” of the Wehrmacht are Particularly examined. Originally these collaboration structures had been created by the Nazis occupants within “Stalino General District” in order to assist German military administration but then attention was given to recruiting the

¹ **Алексей Сергеевич Мартынов** – научный сотрудник Института изучения истории Донбасса Министерства образования и науки Донецкой народной республики (Донецк, ДНР), e-mail: project2070@mail.ru.

Aleksey S. Martinov – Research Assistant at the Institute for Donbass History Studies, Ministry of Education and Science (Donetsk, Donetsk People’s Republic).

army of “volunteers” for front’s demands because the Wehrmacht was in need of additional human reserves. In addition Ukrainian nationalistic movement influenced on activities of the auxiliary police and army “volunteers” as the Nazis actively made use of the Ukrainian collaborators and their anti-Soviet political propaganda. The study is based on files of the Donetsk State’s Archives, particularly on publications of the local German occupational newspapers that were important historical source.

Keywords: Donbass; Stalino; Nazism; war; occupation; Ukrainian nationalism; collaboration.

Данная работа приурочена к 80-летию начала Великой Отечественной войны и установления нацистской оккупации в Донбассе (1941–2021). В исследовании рассматриваются малоизвестные аспекты военной истории г. Сталино-Юзовки (Донецка) – создание и организационное оформление украинских военизированных формирований на вспомогательной службе вермахта, их основные местные формы и разновидности. На основе анализа исторических фактов устанавливаются функции и значение украинских коллаборационистских структур в системе германской оккупационной администрации «Генерального округа Сталина» в 1941–1943 гг.

В статье использованы материалы Государственного архива Донецкой народной республики (ГА ДНР), прежде всего фактические данные из публикаций украинско-немецкой газеты «Донецкий вестник» (издавалась в Сталино осенью 1941 – летом 1943 гг.). В оккупационных газетах сохранились важные сведения о местных проявлениях военного коллаборационизма, которые отсутствуют в других архивных документах, что позволяет реконструировать историю украинских прогерманских формирований в Донбассе и конкретизировать их функции. В статье также анализируются данные украинской националистической историографии, относящиеся к истории «Организации украинских националистов» (ОУН) в восточных областях УССР – публикации Л. Шанковского [32], А. Боляновского [3], В. Сергийчука [26], И. Дерейко [10], А. Добровольского [11] и др. Кроме того, учитывались работы донецких исследователей В.Н. Никольского [18], В.М. Красноперова [15] и И.С. Тарнавского [28] по истории украинского коллаборационизма в Донбассе. Ценным источником об организации в Сталино германских карательных органов и местной вспомогательной полиции является докладная записка начальника 4-го отдела Управления НКГБ Сталинской области майора госбезопасности Антишина от 4 января 1944 г. [17, с. 377–398].

Комплексный анализ вышеуказанных источников позволяет сформулировать обобщенную характеристику феномена украинских военизированных подразделений, действовавших в Сталино в период германской оккупации города (21 октября 1941 г. – 8 сентября 1943 г.). Как можно

установить из имеющихся источников, местными формами украинского военного коллаборационизма стали вспомогательная полиция, охранные батальоны и отряды «украинских добровольцев» вермахта, а также дополнительные учреждения – пожарная охрана, автоинспекция и т.д.

Украинская вспомогательная полиция

Создание в Донбассе охранных и полицейских подразделений началось в первые недели оккупации, так как гитлеровцы нуждались в местных «добровольных помощниках» для удержания контроля над захваченной территорией и борьбы с партизанами. По приказу Гимmlера от 6 ноября 1941 г. была создана охранная служба «шущманшафт», к которой относились вспомогательная полиция, охранные батальоны, фабричная и пожарная охрана, вспомогательная охранная служба [3, с. 125]. Но уже в 1942 г. на оккупированных областях возникла терминологическая и организационная путаница в отношении местных частей полиции, милиции, «службы порядка», «украинской жандармерии» и т.д. В 1943 г. коллаборационистские военные части в основном обозначались как «вспомогательная полиция», или «шущполиция» – «шущманшафт». В Сталино немецкая охранная служба СД проводила массовые репрессии советского актива и руководила деятельностью «украинской вспомогательной полиции», расследовала дела советских разведчиков и партизан [17, с. 382–383]. Структура «шущполиции» в Сталино была довольно многочисленной и насчитывала 9 участков.

Полиция выполняла самые разнообразные функции – от охранной службы и паспортизации населения до политических репрессий [17, с. 384–388]. По данным Сталинского обкома КП(б)У, с начала оккупации полиция отбирали у населения продукты и скот, расстреливали людей, преданных советской власти, скрывали от населения победы Красной Армии, облагали людей денежными налогами и обязательными поставками [7, л. 74, 77]. Кроме того, полиция выполняла поручения городской управы по взысканию денежных штрафов с населения за выгул собак без намордников, нарушения правил торговли продуктами и санитарных норм на рынках, продажу спиртного и т.д. [15, с. 200–201].

В апреле 1942 г. «украинская полиция» Сталино задержала четырех грабителей и убийц, которых приговорили к смертной казни. Об этом инциденте сообщил «Донецкий вестник» – очевидно, в целях показать энергичную борьбу с преступностью в городе [14]. Служащих вспомогательной полиции за совершенные преступления сами гитлеровцы иногда приговаривали к лишению свободы, что характеризует социальную сущность полицаев [21].

В Донбассе полиция и «добровольцы» получали 500 грамм хлеба в день, зарплату 2,5 руб. в час и до 400 руб. в месяц [28, с. 66]. В Сталино

также существовали отдельные управления сельскохозяйственной, железнодорожной и лагерной полиции; в городе работали три концлагеря, в каждом из них находилось несколько тысяч заключенных [17, с. 397]. Лагерь советских военнопленных в Сталино охранялся шущполицией, которая ведала регистрацией пленных и отпускала лояльных под подписку о невыезде [8].

В деятельности городской полиции активное участие принимали резиденты ОУН. По признанию бандеровского историка Л. Шанковского, в Донбассе националисты имели большое влияние на местную вспомогательную администрацию и полицию, которые быстро «украинизировались» [32, с. 174]. Из документов УНКГБ Сталинской области следует, что в руководстве вспомогательной полиции Сталино с конца 1941 г. состояли украинские националисты Москаленко, Пышнийюк, Златоустов, «украинские коменданты» Корниенко и Бабенко [17, с. 388–392]. При этом, как свидетельствовали сами оуновцы в своих документах, задача «украинской вспомогательной полиции» сводилась к охране немцев, которые с конца 1942 г. завербовали в Сталино 1 000 человек в полицию и набирали пленных в «украинскую добровольческую армию». Поскольку шущманов немцы насильно высылали на фронт, среди них началось дезертирство [26, с. 176]. Однако набор полицаяв и «добровольцев», в том числе принудительный, продолжался до конца оккупации.

Пожарная охрана

Отдельной военизированной структурой являлась пожарная служба, обеспечивавшая сохранность городской инфраструктуры и немецких складов. В ноябре 1941 г. в Сталино было организовано управление городской пожарной охраны в составе 4 пожарных частей, печного и трубочистного отделов [20]. Как сообщал «Донецкий вестник», трубочисто-печной отдел принимал заказы на выполнение очистных работ, ремонт и устройство всех видов отопительных приборов [29]. В феврале 1942 г. пожарная охрана издала для населения подробные правила пожарной безопасности в жилых домах и помещениях [24]. За время оккупации в Сталино было организовано 8 пожарных команд, в которых на май 1942 г. состояло 256 человек; сначала пожарная охрана подчинялась городской управе, но в декабре 1942 г. ее переподчинили отделу шущполиции [27, с. 361]. Однако пожарная служба все же выполняла не полицейские, а хозяйственные задачи.

Автоинспекция и дорожная полиция

При вспомогательной полиции действовала автоинспекция, помогавшая оккупантам поддерживать транспортную логистику в городе. В Сталино с декабря 1941 г. городская управа провела регистрацию всех

автомобилей и через полицию взыскивала штрафы за нарушения правил дорожного движения, причем даже собственников велосипедов обязывали регистрироваться и получать жетоны на определенный срок [15, с. 201–202]. Согласно приказу городской управы Сталино от 29 декабря 1941 г., все предприятия, учреждения и частные лица должны были регистрировать свой автотранспорт, пройти технический осмотр и получить новые номерные знаки; нарушители приказа наказывались органами городской полиции: штраф в 500 руб. или уголовная ответственность [25]. В июне 1942 г. в «Донецком вестнике» вышла статья начальника областного дорожного управления Карпенко, в которой говорилось о деятельности «украинской дорожной службы» при горуправе Сталино, осуществлявшей надзор за дорогами и проводившей ремонтные работы шоссейных дорог; на тот момент «украинской дорожной службой» было отремонтировано более 2 000 км дорог в области [31].

В июле 1942 г. «Донецкий вестник» опубликовал заметку начальника автоинспекции горполиции Стрельцова, который сообщил о проведении работы по обмену водительских документов и проверке всех шоферов; к этому времени в городе насчитывалось около 400 машин [1]. К концу 1942 г. автоинспекция городской полиции провела обмен старых водительских удостоверений на новые на украинском и немецком языках; всего было зарегистрировано более 1 000 машин [4]. Согласно распоряжениям германских властей, все гражданские автомашины должны были иметь опознавательные знаки, а грузовые машины подвергались технической проверке; за нарушения правил эксплуатации автомашины подлежали конфискации управлением уличным движением [30]. В июне 1943 г. немецкий гарнизонный комендант Сталино приказал осуществить проверку технического состояния автотранспорта и наказать водителей машин без опознавательных знаков [9]. Кроме того, в Сталино проводилось восстановление железнодорожных линий и очищение железной дороги от снега, для чего использовался труд жителей станционного поселка; на февраль 1943 г. на железной дороге станции Сталино ежедневно работало более 1 000 человек [16]. Из приведенных фактов видно, что германские оккупанты уделяли большое внимание поддержанию безопасности дорожной сети Донбасса в интересах транспортных перевозок вермахта.

Шоферы на вспомогательной службе

Местной разновидностью военного коллаборационизма в Сталино стала деятельность шоферов вермахта. На эту службу оккупанты в основном набирали молодежь. Так, в июне 1942 г. биржа труда Сталино проводила набор юношей для обучения на специальность шофера для службы

в частях немецкой армии на Украине; шофера обеспечивались общежитием, зарплатой 16 руб. в день и полным воинским пайком [33]. Записавшиеся на курсы шоферов должны были в 5 часов утра приходиться к бирже труда на Пожарной площади и иметь при себе одежду для следования на место учебы [6]. В августе 1942 г. биржа труда разместила в газета объявления о наборе 50 полицейских, 30 шоферов и 30 автослесарей в возрасте от 18 до 45 лет для работы в воинской части на аэродроме на Путиловке [2]. В сентябре 1942 г. биржа труда снова сообщила о наборе юношей 18–22 лет на работу шоферами в частях германской армии [5]. Примечательно, что в декабре 1942 г. штандорткомандант Сталино запретил шоферам грузовых и легковых машин перевозить за деньги гражданское население – виновным грозила «строжайшая ответственность» [19]. Данный факт свидетельствует, что шоферы-добровольцы часто подрабатывали, оказывая населению фактически услуги такси на немецких машинах.

Следует также отметить, что коллаборационисты-шоферы не только содействовали перевозкам оккупантов, но и в ряде случаев пособничали в карательных акциях. Например, шофер Сталинского СД Иван Матуцкий вывез на расстрел до 2 тыс. человек, а другой, Александр Карпов, вывозил на расстрел даже детей, тяжело больных и стариков [17, с. 374]. Таким образом, даже работая шофером у гитлеровцев, каждый «доброволец» выступал сознательным пособником оккупантов и врагов своей страны.

«Украинские добровольцы» вермахта

С конца 1941 г. во всех областях Украинской ССР гитлеровцы массово вербовали «добровольцев» для несения вспомогательной службы и борьбы с советскими партизанами в тылу вермахта. Затем «добровольческие» части стали использоваться и на советско-германском фронте. В Сталино, по данным областного Управления НКВД, изменники Родины уже в начале оккупации организовали «добровольческую дружину» и местную полицию [7, л. 139]. В германской армии «украинские добровольцы» могли работать по своей специальности (например, сапожниками и портными), «употребить все силы для победы, чтобы окончательно изгнать большевистскую чуму» [12]. В июне 1942 г. в присутствии командующего тыловыми войсками немецкой армии генерала Китцингера (во время его инспекционной поездки по Украине) было проведено награждение сотни батальона «украинских добровольцев» Донбасса [3, с. 117]. В августе 1942 г. в лагере военнопленных в Петровке Сталинской области были набраны две роты «украинцев-добровольцев» по 200 человек, которые направили в школу шуцманов в Сталино, после чего их использовали на охранной службе [10, с. 40].

Оккупационная пресса публиковала письма «украинских добровольцев», в которых они рассказывали о своем желании «вместе с воинами Ве-

ликой Германии» бороться против общего врага – большевизма, оправдать свое звание перед германским командованием и «вождем» Адольфом Гитлером [22]. В 1943 г. фашистская пропаганда заявляла, что после объявления в Германии «тотальной войны» многие русские, украинцы и другие национальности Востока «добровольно поступили в германскую армию и борются на фронте плечом к плечу с немецкими солдатами» [23]. Начиная с 1942 г. в Сталино члены семей украинцев, служивших в частях германской армии, получали хлебные и продовольственные карточки; для этого нужно было предъявить справки воинских частей, где служили «добровольцы» [13]. Согласно отчетам ОУН, с конца 1942 г. в Сталино участникам «украинской добровольческой армии» немцы платили неженатым 6 руб. в день, женатым – 18 руб. в день, но желающих было мало [18, с. 152]. Одновременно с материальным поощрением немецкая «тайная полевая полиция» вербовала агентов среди военнопленных и личного состава русских и украинских военных коллаборационистов [17, с. 379–380]. В свою очередь, шуцполиция Сталино занималась розыском и поиском дезертиров из «добровольческих легионов» и добровольцев немецкой армии [17, с. 394].

При помощи таких мер вербовки, материальной заинтересованности и контроля гитлеровцам удалось набрать в Донбассе несколько тысяч «украинских добровольцев»; часть из них завозилась в Донбасс из других областей СССР. Так, в мае 1942 г. в Киевской области из числа «добровольцев» сформировали два украинских охранных батальона (157-й и 158-й, до 200 человек в каждом), которые оккупанты перевели в Сталино и Макеевку. В июле 1942 г. из числа военнопленных в Вильнюсе и Минске был сформирован украинский рабочий батальон (до 1 000 человек), который перевели в район Макеевки; этот батальон охранял аэродром Сталино и располагался возле Макеевки [10, с. 34]. Направленный в Сталино 157-й украинский охранный батальон должен был бороться с советскими партизанами; с бойцами этого батальона вели пропагандистскую работу оуновцы [3, с. 294–195].

В 1943 г. бандеровское подполье в Донбассе имело своих боевиков и вело пропаганду среди местных охранных батальонов, сформированных из украинцев и казаков; один из таких батальонов стоял в Сталино, в нем служил лейтенантом бандеровец Роман Антоняк, перешедший затем на Западную Украину в состав УПА [32, с. 173–174]. В мае 1943 г. бандеровцы массово распространяли в Сталино националистическую литературу и листовки, проводя «самостийную» пропаганду. [26, с. 230–231]. По сведениям НКГБ, в 1943 г. представители областного штаба ОУН в Сталино планировали по мере приближения Красной Армии готовить националистические кадры из местной молодежи с целью их внедрения в Красную Армию и вооруженного восстания против советской власти [11, с. 192–195]. Кон-

тингент «добровольческих» батальонов Донбасса ОУН рассчитывала использовать в своих политических целях.

По данным Украинского штаба партизанского движения, к лету 1943 г. в Донбассе было сформировано 100 взводов «украинской народной армии» из числа добровольцев украинцев, которые политически были безыдейными и плохо воевали в составе немецких войск [3, с. 561]. Согласно внутренним отчетам ОУН, в августе 1943 г. в условиях развала немецкого фронта в районе Сталино началось разложение местных «добровольцев» из числа военнопленных, которые дезертировали из немецкой армии; в ряде случаев за каждой машиной «добровольцев» ехали немцы с пулеметами, что говорит о нелояльности «добровольческих» кадров [18, с. 161–163]. В сентябре 1943 г. Сталино и другие города Донбасса были освобождены Красной Армией, и остатки «украинских добровольцев» отступили на запад с вермахтом.

Проведенное исследование показало, что в 1941–1943 гг. основными формами украинского военного коллаборационизма в г. Сталино являлись «украинская вспомогательная полиция» (шцуполиция), охранные батальоны и отряды «украинских добровольцев» на вспомогательной службе вермахта. При этом имелись и малые коллаборационистские формы – автоинспекция, «украинская дорожная служба», пожарная охрана, шоферы при германских военных частях. Все эти военизированные подразделения создавались путем сотрудничества германской военной администрации «Генерального округа Сталино» с резидентами ОУН, внедрившимися в оккупационные учреждения. Идеология украинского национализма эксплуатировалась нацистами для пропагандистской обработки полицаяв и «добровольцев», а сами бандеровцы рассчитывали использовать военных коллаборационистов в собственной борьбе против СССР. При этом многие полицаи и «добровольцы» были просто безыдейными приспособленцами, пассивными либо активными пособниками оккупантов. Объективно все украинские военные коллаборационисты, служившие в Сталино, совершили измену Родине, содействовали удержанию нацистского режима в Донбассе, пособничали вермахту в войне против Красной Армии и соучаствовали в гуманитарных преступлениях оккупантов.

Список источников и литературы

1. Автотранспортное хозяйство города // Донецкий вестник. 1942. 2 июля. С. 3.
2. Биржа труда г. Сталино // Донецкий вестник. 1942. 27 авг. С. 4.
3. *Боляновський А.* Українські військові формування в збройних силах Німеччини (1939–1945). Львів: Львівський національний університет ім. Івана Франка, 2003. 686 с.

4. В автоинспекции г. Юзовки // Донецкий вестник. 1942. 18 дек. С. 4.
5. Внимание! // Донецкий вестник. 1942. 22 сент. С. 4.
6. Внимание! // Донецкий вестник. 1942. 16 авг. С. 4.
7. Государственный архив Донецкой народной республики (ГА ДНР). Ф. 5000. Оп. 1. Д. 20.
8. ГА ДНР. Ф. Р-1576. Оп. 1. Д. 7.
9. Гарнизонный комендант // Донецкий вестник. 1943. 30 июня. С. 4.
10. *Дерейко І.* Місцеві формування німецької армії та поліції у Райхскомісаріаті «Україна» (1941–1944 роки). К.: Інститут історії України НАН України, 2012. 174 с.
11. *Добровольський О.* ОУН на Донеччині (збірник документів та матеріалів). Т. І. Коломия: Коломийська друкарня ім. Шухевича, 2014. 352 с.
12. Добровольцы – борцы за украинскую родину // Донецкий вестник. 1943. 27 июня. С. 2.
13. Извещение // Донецкий вестник. 1942. 23 авг. С. 4.
14. Извещение германской службы безопасности // Донецкий вестник. 1942. 12 апр. С. 4.
15. *Красноборов В.М.* Політика штрафів окупаційної влади в Донбасі та роль допоміжної поліції в процесі її здійснення (1941–1943) // Історичні і політологічні дослідження. Видання Донецького національного університету. 2013. № 2. С. 195–203.
16. На станции Юзовка // Донецкий вестник. 1943. 15 февр. С. 3.
17. Насильство над цивільним населенням України. Документи спецслужб. 1941–1944. К.: Інститут історії України НАН України, 2018. 752 с.
18. *Нікольський В.М.* Підпілля ОУН(б) у Донбасі. К.: Інститут історії України НАН України, 2001. 177 с.
19. Объявления // Донецкий вестник. 1942. 22 дек. С. 4.
20. Организуется пожарная охрана // Донецкий вестник. 1941. 27 нояб. С. 4.
21. Осуждения // Донецкий вестник. 1943. 31 янв. С. 4.
22. Письма украинских добровольцев // Донецкий вестник. 1942. 25 июня. С. 4.
23. Плечом к плечу с германским солдатом // Донецкий вестник. 1943. 19 марта. С. 1.
24. Правила пожарной безопасности в жилых домах и других домовладениях // Донецкий вестник. 1942. 15 февр. С. 4.
25. Приказ № 32 Юзовской городской управы // Донецкий вестник. 1942. 4 янв. С. 4.
26. *Сергійчук В.* Український здвиг. Наддніпрянщина. 1941–1955. К.: «Українська видавнича спілка», 2005. 836 с.
27. *Степкин В.П., Гергель В.И.* Полная история Донецка (1779–1991). Историко-краеведческий очерк. Донецк: «Апекс», 2008. 560 с.
28. *Тарнавський І.С., Красноборов В.М.* Створення та функціонування допоміжної поліції в Донбасі за часів нацистської окупації (1941–1943 рр.) // Нові сторінки історії Донбасу. Кн. 21. Донецьк: Донецький національний університет, 2012. С. 63–80.
29. Управление пожарной охраны // Донецкий вестник. 1941. 30 нояб. С. 4.

30. Управление уличным движением г. Сталино // Донецкий вестник. 1943. 6 июня. С. 4.
31. Хорошая дорога – могучий фактор победы // Донецкий вестник. 1942. 25 июня. С. 3.
32. *Шанковський Л.* Похідні групи ОУН. Причинки до історії похідних груп ОУН на центральних і східних землях України в 1941–1943 рр. Мюнхен: «Український самостійник», 1958. 371 с.
33. Юноши! // Донецкий вестник. 1942. 25 июня. С. 4.

УДК 94(47).084.8

*И.А. Кулаков*¹

Преступления нацистских оккупантов против детей и подростков на территории Псковской области (1941–1944 гг.)

Аннотация. В статье анализируются характер и состав преступлений немецко-фашистских захватчиков, совершенных в отношении детей и подростков на территории Псковской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.). В период войны население Псковщины одним из первых подверглось оккупации, а вместе с ней и репрессиям со стороны оккупантов, развернувшимся, в том числе, против детей и подростков. Преступления, носившие разносторонний характер, нашли отражение в комплексе документов – свидетельствах, показаниях, воспоминаниях, сохранившихся в региональных и федеральных архивах России.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; оккупация; дети; подростки; преступления против мирного населения.

Nazi crimes against children and teenagers committed on the territory of the Pskov region during World War II (1941–1944)

Abstract. The article analyzes the nature and classification of the crimes of Nazi invaders against children and adolescents on the territory of the Pskov region (USSR) during the World War II (1941–1944). During the war, the population of the Pskov region was one of the first to undergo occupation, and with it repression, which unfolded towards children and adolescents. The multifaceted crimes were reflected in a set of documents – testimonies, evidence, memoirs, preserved in regional and federal archives.

Keywords: Great Patriotic War; occupation; children; adolescents; crimes against civilians.

Великая Отечественная война осталась в истории человечества самым кровопролитным и жестоким конфликтом, в котором вооруженные силы Германии и ее пособники совместно с воинскими подразделениями капитулировавших государств, во главе которых стояли марионеточные правительства, проводили последовательную политику истребления военнопленных и мирного населения на оккупированных территориях. Цель

¹ **Иван Александрович Кулаков** – аспирант Центра военной истории России Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: vankulakov@yandex.ru.

Ivan A. Kulakov – Postgraduate student, Centre for Military History of Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

настоящей статьи – проанализировать характер и состав преступлений немецко-фашистских захватчиков, совершенных в отношении детей и подростков на территории Псковской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.).

Политика нацистских оккупантов в отношении детей и подростков на территории РСФСР неоднократно затрагивалась в отечественной историографии [17, с. 84–96]. В частности, в исследовании Г.Ф. Кривошеева приведены данные, касающиеся преднамеренного уничтожения детей на оккупированных территориях: только в РСФСР нацистами было погублено около 15 тыс. человек [12]. Б.Н. Ковалев, затрагивая тему преступлений оккупационных сил и их пособников против мирного населения, рассмотрел некоторые особенности взаимоотношений гитлеровцев с детьми. Весьма интересным представляется проведенный им анализ вербовки и подготовки детей для разведывательно-диверсионных целей против Советского Союза [11]. В современных публикациях также рассматривается тема оккупации Псковщины [1, с. 63–70; 10, с. 229–236; 16, с. 177–183; 18, с. 33–43], однако авторами практически не затрагивается политика нацистов в отношении детей и подростков. Таким образом, заявленная в статье проблема в научной литературе представлена, в первую очередь, в контексте изучения более широкой темы – преступления гитлеровцев в отношении советского населения. Специальные исследования, касающиеся преступлений немецко-фашистских оккупантов против детей и подростков на территории Псковской области, до сих пор не предпринимались.

В ходе Нюрнбергского трибунала действия нацистской Германии и ее союзников в отношении евреев и оккупированного населения СССР были охарактеризованы термином «геноцид» [22, с. 587–593]. Признавалось, что главной целью Германии являлась борьба за «пространство для жизни» – оккупация советской территории и последующее замещение народов, населяющих эти регионы, на арийские народы и в первую очередь немцев. Инструментарием реализации данных планов стали: убийства и жестокое обращение с гражданским населением на оккупированных территориях и в открытом море; вывоз гражданского населения оккупированных территорий в тыл для использования на принудительных работах; убийства и жестокое обращение с военнопленными и военнослужащими стран, с которыми Германия находилась в состоянии войны, а также с лицами, находившимися в плавании в открытом море; бесцельные разрушения больших и малых городов и деревень, опустошения, не оправданные военной необходимостью; германизация оккупированных территорий.

Всего за период Великой Отечественной войны на оккупированных территориях погибло порядка 13 684 700 человек, из них умышленно ис-

треблено около 7 420 400 человек, вывезено и погибло на принудительных работах в Германии – 2 164 300, погибло от голода, болезней и отсутствия медицинской помощи – 4 100 000 [12, с. 227–256]. Столь высокое количество убитых мирных граждан нельзя списать лишь на «перегибы на местах» Вермахта и других воинских соединений Германии и ее союзников: речь идет о систематическом уничтожении советских граждан.

Псковская область была в числе первых в РСФСР, кто принял на себя агрессию нацистской Германии и ее союзников в период Великой Отечественной войны, и последних, чью территорию удалось освободить от захватчиков. В связи с этим именно на Псковской земле немецкое оккупационное правительство дольше, чем в других областях РСФСР, реализовывало свою политику, в том числе и ее репрессивную составляющую. Принимая во внимание длительный период оккупации, материалы по Псковской области, находящиеся в федеральных и региональных архивах, позволяют не только осветить страницы региональной военной истории, но и дополнить представления о немецкой политике по отношению к детям и подросткам на территории СССР в целом.

Основным документом, «развязавшим руки» гитлеровским властям, стало «Распоряжение фюрера об особой подсудности в районе Барбароса и особых мероприятиях войск» от 13 мая 1941 г. [13, с. 27–30], в соответствии с которым немецкие военные суды действовали только в рамках, необходимых для сохранения воинской дисциплины. Документ предписывал уничтожать партизан и гражданских лиц, настроенных к оккупантам враждебно. В случае, если ввиду обстоятельств не удавалось оперативно установить конкретных виновников, офицеры получали право инициировать массовые карательные акции. Самым важным является тот аспект, что военнослужащие Вермахта и их пособники освобождались от ответственности даже в том случае, если их действия, по сути, являлись военными преступлениями. Это и была легализация массовых преступлений против мирного населения на оккупированных территориях.

В этой связи нельзя не отметить приказ рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберга о смертной казни лицам, отказавшимся повиноваться немецким властям от 23 августа 1941 г. Согласно этому документу, наказаниям, вплоть до смертной казни, могли быть подвержены: лица, осуществлявшие акты насилия против Немецкой империи или против органов власти, находившихся на территории оккупированных восточных областей; лица, разрушавшие учреждения, принадлежавшие немецким властям; лица, распространявшие враждебные немцам слухи путем ведения ненавистнической или подстрекательской пропаганды; лица, подстрекавшие к неподчинению указам или постановлениям не-

мецких властей; лица, совершавшие акты насилия, направленные против немецких граждан или лиц немецкой национальности; лица, совершавшие акты насилия против военнослужащих немецкой армии, немецкой полиции, в том числе ее вспомогательных сил и других представителей органов государственной власти Германии; лица, намеренно совершавшие поджоги [9, л. 27 об.–28 об].

Указы и распоряжения оккупантов распространялись на все население, включая детей и подростков. Данный аспект требует особого внимания при изучении темы преступлений против мирных жителей на оккупированных территориях, поскольку речь идет о санкционировании убийств несовершеннолетних.

Согласно приказу № 1 военной комендатуры Плюсского района Ленинградской области от 22 октября 1941 г., всему гражданскому населению предписывалось немедленно зарегистрироваться. В связи с этим приказом оккупированное население разделялось на «лиц мужского пола старше 16 лет, лиц женского пола старше 16 лет и детей моложе 16 лет» [20, л. 52].

Таким образом, категория «дети» в понимании органов государственной власти нацистов на оккупированных территориях включала в себя граждан до 16 лет. Однако по советскому законодательству правоспособность граждан приобретал с 18 лет (в этом же возрасте молодые люди подлежали призыву в армию), поэтому в ходе анализа преступлений против детей и подростков мною учитывалось, в первую очередь, понятие несовершеннолетних, распадающееся на две подкатегории – дети и подростки. Согласно возрастной периодизации Л.С. Выготского к детям относятся лица до 12 лет, к подросткам – от 12 до совершеннолетия, т.е. до 18 лет [19, с. 129–130].

Сразу после оккупации Ленинградской области РСФСР, в которую входила территория нынешней Псковской области, нацисты начали проводить систематические карательные акции по отношению к мирному населению. В спецсообщении УНКВД по Ленинградской области о злодеяниях немецко-фашистских войск и их сообщников на оккупированной территории области от 7 августа 1941 г. приводились следующие данные о жертвах нацистских преступников. 7 февраля 1942 г. в колхозе «Прометей» Куньинского района были расстреляны 8 человек, в том числе 3 несовершеннолетних (6, 7 и 14 лет) [5, л. 4]. В Куньинском районе Ленинградской области нацисты убили множество советских граждан вместе с детьми. Так, в деревне Кузнецово Первомайского сельского совета была убита беременная Дарья Рисункова вместе с четырьмя детьми (6, 7, 14 и 16 лет). Причиной убийства значилось «укрытие животных». 31 января 1942 г. д. Пелагино Ушицкого сельского совета немцы расстреляли двух

детей 1929 г.р. В с. Усвятском немцы заставили местных жителей, в том числе троих пятилетних детей, нести запряженные повозки 10 километров [3, л. 13–15].

Кроме убийств детей нацисты и их пособники калечили здоровье несовершеннолетних. К примеру, 10 января 1943 г. за найденную антифашистскую листовку немцы избили Марию Колпакову. Это происходило на глазах 10-летней дочери, которая после данного инцидента «потеряла нормальный дар речи» [4, л. 1].

Одним из видов преступлений против несовершеннолетних являлось принуждение к труду. Так, Б.И. Чурилов, бывший бургомистр г. Великие Луки, как отмечено в протоколе допроса, проведенного сотрудниками УНКВД, признался, что он направлял 14-летних подростков на различные работы военного характера [21, л. 52].

Анализ поименных списков жителей сел и деревень позволяет судить о масштабе преступлений нацистов. В списке жителей деревень Забельского сельсовета Себежского района Калининской области, сожженных немецко-фашистскими оккупантами 9 мая 1943 г., всего насчитывалось 93 человека, в том числе 44 ребенка, или 47 % от общего количества убитых. В д. Кузьмино значилось 23 несовершеннолетних из 50 сожженных человек, или 46 % соответственно, в д. Руданы – 12 из 28 (42,9 %) [7, л. 3–4 об.].

Материалы допросов местных жителей, ставших свидетелями злодеяний, совершенных фашистами, позволяют восстановить картину произошедших событий. В частности, жительница д. Заречье А.М. Матвеева рассказала следующее: «В ноябре 1943 г. жителям нашей деревни Заречье стало известно, что оккупанты собираются ее сжечь. Все ушли в лес, в заранее подготовленные землянки и окопы. Однако немцы обнаружили нас в лесу, окружили и погнали в деревню, где всех разогнали по домам. В мою хату загнали меня, мою невестку с сыном 12 лет и еще 9 человек, среди которых было четверо детей. Когда мы вошли в дом, один немец ударил сильно меня по голове, я потеряла сознание и упала. Очнувшись, я увидела, что в моем доме расстреливают людей, и притворилась мертвой. Когда все были расстреляны, руководивший расправой немец засмеялся и сказал: “Все, капут”. И все они вышли на улицу. Я была в крови – как в своей, так и в чужой, я нарочно выпачкала еще сильнее кровью свое лицо и снова легла среди трупов. Один из немцев возвратился снова в дом, прошел к моему расстрелянному племяннику, снял с него новые валенки и новый полушубок. За ним вошли и другие немцы, забрали все вещи, находившиеся в доме, и унесли. После их ухода я встала, и передо мною лежали 11 расстрелянных. Выйдя на улицу, я увидела, что вся деревня горит, подожженная бандитами. Сгорели все жилые дома и 34 чел. мирных граждан» [17, с. 93].

Преступления против детства совершали и нацистские пособники. Так, 22 октября 1943 г. 37-й эстонский полицейский батальон расстрелял жителей д. Ланева Гора Псковского района. Убивали прямо в их домах, после чего обливали бензином и поджигали. Жертвами стали 65 человек, из которых 3 грудных ребенка и 29 детей в возрасте до 14 лет, пятеро были ранены [6, л. 57–57 об.].

С территории Ленинградской области (в границах периода Великой Отечественной войны) на принудительные работы было угнано порядка 404 230 человек, включая стариков, женщин и детей [14, с. 5]. Из Пскова вывезли 29 887 граждан [8, л. 1–10].

При исследовании преступлений нацистов против детей и подростков отдельное внимание стоит уделить угону несовершеннолетних на территории, подконтрольные Германии и ее союзникам. Концлагеря занимают отдельную страницу в истории оккупации Псковщины. Так, согласно акту комиссии о сожжении немецко-фашистскими оккупантами д. Зимовицы Идрицкого района Калининской области и насильственном угоне части жителей от 4 сентября 1943 г., нацисты с собой забрали двух шестнадцатилетних подростков [15, л. 91]. По распоряжению немецкого коменданта г. Великие Луки Зонневанда был создан лагерь для гражданского населения, куда забирали детей с 10 лет, а также женщин и стариков. В лагере основной задачей заключенных являлось выполнение различного рода работ. По показаниям местного жителя П.И. Яковлева, «кормили плохо, давали по 200 грамм хлеба в сутки и меньше поллитра супа с опилками» [15, л. 91].

Отдельной вехой преступлений против советских граждан является холокост на территории СССР. Ввиду того, что проводимая по отношению к евреям политика имела целью тотальное уничтожение, произвести точный подсчет детей и подростков, убитых или подверженных пыткам и унижениям, крайне сложно. Так, в г. Великие Луки всех евреев сначала поставили на учет, принудили носить желтую звезду Давида, прикреплявшуюся на спину. Спустя некоторое время их всех расстреляли. Примечательно, что вместе с евреями из-за схожести «по внешности к еврейской принадлежности» убили и русскую по национальности жительницу города Ольгу Древич и ее 13-летнего сына [15, л. 91]. В г. Остров мужчин-евреев оккупанты вызывали группами и расстреливали. Около 2 000 человек, в том числе школьников и грудных детей, расстреляли на городской площади г. Невеля. Кроме того, в Невеле фашисты устроили гетто под названием «Голубая дача», куда в течение месяца из города и района сгоняли всех выявленных евреев. Всего там оказалось более 800 человек, в основном женщин, детей и стариков [2, с. 40].

История оккупации Псковщины представляет собой наглядный срез политики Германии и ее союзников в отношении гражданского населения

СССР. При рассмотрении оккупации Псковской области в рамках изучения преступлений против детей и подростков следует выделять как отдельные явления: преступления в контексте Холокоста, угон в концлагеря, вывоз в тыл для использования в качестве дешевой рабочей силы, использование в качестве донорского материала для солдат Вермахта. Источники показывают, что неоправданные преступления против детей и подростков, отраженные в показаниях местных жителей, воспоминаниях и нормативных документах органов государственной власти СССР, следует классифицировать как геноцид.

Список источников и литературы

1. *Алексеев А.А.* Великая Отечественная война: оккупация Псковщины // Гео-Сибирь. Т. 6. 2009. С. 63–70.
2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Псковская область: сборник архивных документов / под ред. В.Г. Кузьмина. М.: Фонд «Связь Эпох»: Кучково поле Музеон, 2020. 620 с.
3. Государственный архив Псковской области в г. Великие Луки (ВЛО ГКУ ПО «ГАПО»). Ф. Р-892. Оп. 2. Д. 2.
4. ВЛО ГКУ ПО «ГАПО». Ф. Р-1691. Оп. 8. Д. 10в.
5. ВЛО ГКУ ПО «ГАПО». Ф. Р-2354. Оп. 1. Д. 21
6. Государственный архив Псковской Области. Ф. Р 903. Оп. 3 Д. 126.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-7021. Оп. 26. Д. 1.
8. ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 39. Д. 459.
9. ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 183.
10. *Картова В.В.* Опочка в период гитлеровской оккупации // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2008. № 28. С. 229–236.
11. *Ковалев Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. 618 с.
12. *Кривошеев Г.Ф.* Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил: Статистическое исследование. М.: Олма-пресс, 2001. 608 с.
13. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941–1944 гг.). М.: Экономика, 1985. 328 с.
14. Редакционная коллегия. Президиум Верховного Совета СССР. Судебный процесс по делу о немецко-фашистских зверствах в Ленинградской области. Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1945. № 305 (8915) (29 декабря). URL: <https://www.prlib.ru/item/705100> (дата обращения: 26.06.2021).
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 1120.
16. *Седунов А.В.* Холокост на территории Псковской области в 1941–1944 гг. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2010. № 33. С. 177–183.

17. *Соколов Д.Т.* О зверстве немецко-фашистских оккупантов на Псковщине в годы Великой Отечественной войны // О борьбе советских людей в тылу врага в годы Великой Отечественной войны. Псков: Псков. пед. ин-т им. С.М. Кирова, 1966. С. 84–96.

18. *Холод Л.А.* Некоторые стороны быта населения партизанских краев на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2010. № 32. С. 33–43.

19. *Холостова Е.И.* Российская энциклопедия социальной работы. М.: Дашков и К, 2016. 1032 с.

20. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ РФ). Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 26.

21. ЦА ФСБ РФ. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 33.

22. *Tusa A., Tusa J.* The Nuremberg Trial. N.Y.: Skyhorse Pub, 2010. 635 p.

УДК 930 (47) «1941/1945»

*Ф.В. Копылов*¹

Функционирование системы эвакуогоспиталей для военнослужащих Красной Армии в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы

Аннотация. В статье предпринят анализ основных подходов и методов, сложившихся при изучении системы эвакуогоспиталей периода Великой Отечественной войны. В советский период ученые проанализировали значительный фактический материал по ряду важнейших аспектов темы: проблеме организации госпиталей, вопросам лечения, питания и оказания общественной помощи пациентам. На данном этапе исследователи, как правило, применяли единый историко-партийный подход. В постсоветский период, напротив, постепенно получает распространение методологический плюрализм, развивается региональная историография, учеными рассматриваются дискуссионные аспекты. Подводя итоги и говоря о перспективах изучения темы, автор отмечает важность применения взгляда на госпиталь как сложный социальный организм, важнейшим элементом которого является человек с его проблемами и потребностями. Подобный подход поможет всесторонне исследовать и понять феномен военного эвакуогоспиталя.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; историография; эвакуогоспиталь; история тыла; социальная история; история медицины.

Functioning of the system of evacuation hospitals for the servicemen of the Red Army during the Great Patriotic War: historiography of the problem

Abstract. The article analyzes the main approaches and methods that have developed in the study of the system of evacuation hospitals during the Great Patriotic War. During the Soviet period, scientists analyzed significant factual material on the most important issues of the topic: organization of hospitals, treatment, nutrition and social assistance to patients. At this stage, researchers tended to apply a unified historical-party approach. In the post-Soviet period, on the contrary, methodological pluralism is gradually spreading, regional historiography underwent development and researchers considered debatable aspects. In the conclusion the author emphasized that hospital was a complex social organism, the most important element of which was a person with all his problems and needs. Such an approach will help to investigate comprehensively and to understand the phenomenon of the military evacuation hospital.

¹ **Федор Вячеславович Копылов** – кандидат исторических наук, учитель истории муниципального автономного образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 19» (Череповец, Россия), e-mail: finden.bk@yandex.ru.

Fedor W. Kopylov – Candidate of Historical Sciences, History Teacher, Municipal autonomous educational institution “Secondary school number 19” (Cherepovets, Russia).

Keywords: Great Patriotic War; historiography; evacuation hospital; rear history; social history; history of medicine.

В период Великой Отечественной войны на территории СССР была развернута система госпиталей для лечения солдат и офицеров Красной Армии. Госпитали функционировали как во фронтовых и прифронтовых зонах, так и в тылу, в течение войны постоянно происходила их передислокация. Перед созданной лечебной системой государство поставило важнейшую задачу: быстрое лечение военнослужащих от полученных ранений и заболеваний с целью их возвращения в ряды Красной Армии. Этой задаче были подчинены все действия врачей и обслуживающего персонала. В то же время в каждом госпитале постепенно формировалась особая социальная среда, имевшая собственные механизмы взаимодействия и принципы организации повседневной жизни.

Ученые стали серьезно заниматься изучением феномена госпитальной системы с конца 1940-х гг., хотя первые работы появились уже в военный период. В настоящей статье рассматриваются основные подходы, методы и достижения советской и современной историографии в изучении данной темы. Следует отметить, что в силу специфики, связанной с междисциплинарностью темы, ее изучением занимались не только представители исторической науки, но и медицинской.

Издания 1941–1945 гг. и первых послевоенных лет, как правило, написаны практикующими врачами – специалистами в сфере военной медицины [3; 6; 9; 11; 31]. Большинство данных работ имеют прикладной характер. В них содержатся правила, нормы и рекомендации для организации работы госпиталей. Часть из них являются практическими пособиями для начинающих врачей и персонала и содержат общие нормы функционирования системы питания, рекомендации по лечению и уходу за пациентами. Для будущих исследователей данные публикации представляют, скорее, источниковедческую ценность – по ним можно получить представление о том, как должен быть устроен военный госпиталь по стандартам системы здравоохранения. В более поздний период появились первые фундаментальные работы с обобщением опыта функционирования госпитальной системы [33].

Важнейшим этапом в изучении темы является период советской историографии конца 1940-х – первой половины 1980-х гг. При этом до конца 1960-х гг. темой по-прежнему больше занимались представители медицины, многие из которых являлись либо непосредственными участниками событий – практикующими врачами, либо занимали руководящие должности в военный период. Ряд исследований по вопросам лечения пациентов был издан специалистами в области военной медицины в 1950-е гг. [5; 23].

И.Б. Росточкий, занимавшийся изучением устройства госпиталей с военного периода, обобщил полученные данные в своей книге [32].

В 1968 г. опубликовали мемуары генерал-полковника медицинской службы Е.И. Смирнова, в военные годы возглавлявшего Главное Военно-санитарное управление Красной Армии, которые содержали полезные сведения о развитии системы эвакогоспиталей и являются хорошим примером «взгляда на систему сверху» [39].

С 1950-х гг. стали появляться первые исторические исследования – их можно условно разделить на несколько категорий. Во-первых, выходили многочисленные общие фундаментальные исследования по истории войны и тыла, экономики, истории партийных организаций и отдельных регионов СССР в военный период, оказанию помощи фронту [25; 37; 38; 40; 41; 42]. Во-вторых, появились важнейшие специальные исследования, посвященные непосредственно изучению истории госпитальной системы страны [12; 22; 26; 27; 46; 47]. В-третьих, с 1970-х гг. начал развиваться региональный сегмент историографии – выходили труды о работе госпиталей Северного Кавказа, Урала, Саратовской области, Западной Сибири, Северо-Запада и Севера европейской территории СССР [7; 18; 21; 28; 29; 30; 35; 36]. В целом в рамках советской исторической науки ученые затрагивали общие аспекты истории госпиталей, рассматривая их под определенным углом с позиций коммунистической идеологии.

В работах специалистов-медиков советская система здравоохранения часто противопоставлялась дореволюционной, но при этом не отрицалась и ее преемственность. Так, И.Б. Росточкий в своей монографии с марксистских позиций указывал, что дореволюционная система здравоохранения являлась неэффективной – «разрозненной между отдельными ведомствами и организациями, чуждой по духу трудовому народу [курсив мой. – Ф.К.]» [32, с. 12].

Исследователей в первую очередь интересовали такие вопросы как структура системы и типы госпиталей, проблема обеспечения кадрами и вопросы повышения их квалификации, лечение и питание в госпиталях. Одним из ученых была дана интересная оценка кадровой проблемы. Как известно, из-за дефицита многие врачи работали по совместительству, что, безусловно, влияло на качество оказываемой медицинской помощи. Росточкий рассматривал данную проблему с позитивной позиции: «Это [работа врачей по совместительству. – Ф.К.] во время войны имело существенное значение, так как позволяло обходиться меньшим штатом в госпиталях» [32, с. 14]. Также положительно оценивалась идея привлечения гражданских кадров для лечения раненых военнослужащих [32, с. 18]. Однако сохранившиеся учетные данные региональных архивов свидетельствуют

о том, что это негативно отразилось на работе системы здравоохранения по обеспечению здоровья мирных граждан [48, л. 236–237; 49, л. 97; 50, л. 101–102]¹.

Главный тезис, который транслировался в большинстве советских медицинских и исторических исследований, заключается в том, что значение госпиталей состояло только в обеспечении армии кадрами за счет лечения и возвращения военнослужащих в строй. Эта идея, рациональная с точки зрения военно-стратегических государственных целей, красной линией проходит через все официальные постановления властей военного периода. Однако это не означает, что пациентов в госпиталях лечили только для возвращения в строй, и если бы потребности в этом не было, то спасти их жизни никто бы не стал. Но советские исследователи рассматривали суть работы госпитальной системы только с государственных позиций, а гуманистический аспект при этом отодвигался на второй план.

Особое внимание в советской историографической традиции уделено теме подвига, самопожертвования народа в тылу для Победы. Широко освещались вопросы общественной и шефской помощи, трудового подвига врачей и персонала по спасению жизней пациентов. Несмотря на то, что здесь как раз затрагивался вопрос о гуманизме и сострадании людей, помогавших раненым военнослужащим, повседневная жизнь населения, персонала и пациентов в условиях военной действительности с ее трудностями не являлась самостоятельным объектом изучения для исследователей.

В появившихся региональных публикациях выделялась специфика работы системы в конкретной местности, более широко рассматривались проблемы материального обеспечения, смертности, возвращения раненых в строй.

С изменением политической ситуации в стране в конце 1980-х гг. менялись и историографические подходы. Знаковым событием в этом отношении стал выход в 1991 г. очередного выпуска сборника «Из прошлого медицины», многие авторы которого выражали скептицизм и указывали на необходимость более глубокого объективного анализа, устранения «белых пятен» в истории, пересмотра «неудобных тем» – например, вопроса о проценте раненых, возвращенных в строй [13].

В 1990-е гг., несмотря на тяжелое социально-экономическое положение в стране, тему продолжали изучать – защищались диссертационные исследования, проводились научно-практические конференции к 50-летию Победы в 1995 г. [1; 4; 10; 43; 44]. С одной стороны, многие ученые продолжали следовать традициям советской исторической науки, с другой –

¹ В документах содержатся данные о количестве пациентов, поступивших в Межрайонную больницу и смертности среди них за 1941–1944 гг., когда во время сокращений и оттока специалистов в госпитальную систему процент смертности среди пациентов возрастал.

появились и новые веяния. В 1993 г. врач В.А. Томилов успешно защитил диссертацию об организации эвакогоспиталей Среднего Поволжья [45]. Автору удалось добиться объективного баланса в работе. Поддерживая идеи о героизме медиков и стратегическом значении работы госпиталей для Победы в войне, Томилов в то же время затронул тему лечения раненых военнопленных, рассмотрел недостатки в медицинском обслуживании и связанное с этим увеличение сроков пребывания пациентов в госпиталях [45, с. 16].

С конца 1990-х – начала 2000-х гг. мощный импульс получила региональная историография. Выходили статьи, монографии, сборники документов, успешно защищались диссертации по истории госпитальной сети Южного Урала, Кузбасса, Воронежской, Ярославской и Костромской областей, Сибири, Волго-Вятского региона [2; 8; 16; 17; 19; 20; 24; 34; 51]. В этих работах уже в полной мере проявился методологический плюрализм, широко представлены новые подходы к изучению госпитальной системы на конкретном историческом материале. Так, С.А. Кусков в своей диссертации использовал гипотезу о советском обществе как обществе мобилизационного типа, а создание госпитальной системы рассматривал как составную часть мобилизационных процессов в СССР [20, с. 17]. Исследователи детально разбирали устройство и функционирование госпитальной системы [8, с. 13–15], затрагивали и неудобные темы – например, вопрос о дисциплине пациентов во время лечения в госпиталях, который советская историография обходила стороной [20, с. 25]. Наряду с новыми аспектами ученые продолжили заниматься уже знакомыми сюжетами – кадровые проблемы и способы их решения, общественная и шефская помощь госпиталям и ее масштабы, героизм медиков и обслуживающего персонала, – иллюстрируя их впечатляющими статистическими данными. В 2010-е гг. широко развернулось поисковое движение, участники которого в целях сохранения памяти занимаются не только поиском захоронений погибших военнослужащих, но и изучают историю локальных госпиталей, по архивным документам пытаются проследить судьбу военнослужащих [14; 15].

За почти 80-летний период история госпитальной базы периода Великой Отечественной войны была основательно изучена специалистами в области военной медицины и историками. В советской историографии, несмотря на господство единого историко-партийного подхода к изучению темы, был обработан значительный фактический материал по вопросам организации госпитальных баз, общественной помощи госпиталям, питания и лечения военнослужащих. В постсоветский период получил развитие методологический плюрализм, значительных успехов достигла региональная историография, открылись для изучения новые аспекты темы.

Если затрагивать вопрос о перспективах исследования, то, на мой взгляд, до сих пор слабо распространен подход, в соответствии с которым госпиталь – это не только лечебное учреждение, выполняющее поставленную государством стратегическую задачу, но и сложный социальный организм, имеющий свои внутренние законы жизни. С позиций социальной истории главным объектом изучения должен стать человек, его заботы и проблемы, положительные и отрицательные действия внутри госпиталя как микросоциума, его повседневность. Только так можно объективно, всесторонне изучить и понять феномен госпитальной системы в частности и войны как социального явления в целом.

Список источников и литературы

1. *Алещенко Н.М.* Особенности деятельности местных Советов в годы Великой Отечественной войны // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С. 517–527.
2. *Астапова Л.И.* Деятельность эвакогоспиталей по лечебно-эвакуационному обеспечению советских войск в годы Великой Отечественной войны (на материалах Воронежской области. Июнь 1941 – декабрь 1943 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006. 27 с.
3. *Бурденко Н.Н.* Советская военная хирургия в годы Великой Отечественной войны. М.: Медицина, 1946. 123 с.
4. *Бякина В.П.* Подвиг – во имя жизни // Народ и война. 50 лет Великой Победы. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1995. С. 162–179.
5. *Виноградов Н.А.* Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.: Медгиз, 1955. 40 с.
6. Военно-полевая хирургия / под ред. А.П. Крымова и др. М.: Медгиз, 1942. 373 с.
7. *Горелов Ю.П.* Госпитали Западной Сибири и деятельность их персонала по спасению раненых в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1991. 23 с.
8. *Дегтярева Н.А.* Госпитали на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007. 23 с.
9. Достижения советской медицины в годы Великой Отечественной войны. М.: Медгиз, 1943. 200 с.
10. *Ембулаев В.А.* Пермская область в Великой Отечественной войне // Страницы истории Урала. Вып. 1. Пермь: Пипкро, 1993. С. 30–51.
11. Записки по военно-полевой хирургии / под ред. А.А. Вишневого. М.: Медгиз, 1943. 124 с.
12. *Иванов М.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С.* Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л.: Медицина, 1985. 304 с.
13. Из прошлого медицины. Советская медицина и здравоохранение в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. В.И. Покровский. Вып. 3. М.: Н.-и. центр «Мед. музей» Рос. акад. мед. наук, 1991. 133 с.

14. *Казаков В.В.* О мужестве в тылу: госпитали поселка Муромцево в годы Великой Отечественной войны. Владимир: Аркаим, 2020. 71 с.

15. *Казакова Л.В., Кривулин К.В., Матюшин В.М., Мельников С.Н.* В тылу герои не забыты: история эвакуационных госпиталей на территории Пензенской области в годы Великой Отечественной войны. Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. 413 с.

16. *Карамова Л.М., Гайнуллина М.К., Фахуртдинова Л.А.* Эвакуационные госпитали Башкирии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Медицина труда и экология человека. 2015. № 2. С. 13–16.

17. *Каспрук Л.И., Канюков В.Н.* Историко-медицинские аспекты организации регионального здравоохранения в годы Великой Отечественной войны (на примере Оренбургской области) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. Вып. 58. 2013. № 36 (327). С. 62–66.

18. *Конасов В.Б.* Партийно-политическая работа в частях и учреждениях военно-санитарной службы Северо-западного направления в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 16 с.

19. *Конасов В.Б.* Эвакуация раненых на военно-санитарных поездах в 1941–1943 гг. // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 144–148.

20. *Кусков С.А.* Эвакогоспитали Челябинской области накануне и в период Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010. 29 с.

21. *Лобжанидзе К.Г.* Работа партийных и советских организаций Курганской области по оказанию помощи детям, семьям фронтовиков, инвалидам и эвакуированным в годы Великой Отечественной войны // Урал в период Великой Отечественной войны. Уфа: БГУ, 1990. С. 148–151.

22. *Митерева Г.А.* В дни мира и войны. М.: Медицина, 1975. 255 с.

23. Опыт советской военной медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. / под ред. Е.И. Смирнова. М.: Медгиз, 1951. 432 с.

24. *Орлова Е.А.* Эвакогоспитали Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 24 с.

25. Очерки истории Вологодской организации КПСС: 1895–1968 / под ред. В.М. Малкова. Вологда: Северо-Западное книжное изд-во, 1969. 688 с.

26. Очерки истории советской военной медицины / отв. ред.: Д.Д. Кувшинский, А.С. Георгиевский. Л.: Медицина, 1968. 526 с.

27. Подвиги героев-медиков в Великой Отечественной войне / отв. ред. Ф.В. Сатрапинский. Л.: [Б.и.], 1961. 88 с.

28. *Подольский В.М., Конасов В.Б.* Труд и подвиг прифронтовых медиков. М.: Прометей, 1990. 69 с.

29. *Приходько Е.В.* Всенародная забота о раненых советских воинах и семьях защитников Родины в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северного Кавказа): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1981. 23 с.

30. *Розенфельд Л.Г.* Эвакогоспитали на Южном Урале // Из прошлого медицины. Советская медицина и здравоохранение в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. В.И. Покровский. Вып. 3. М.: Н.-и. центр «Мед. музей» Рос. акад. мед. наук, 1991. С. 72–75.

31. *Ростоцкий И.Б.* Забота о раненом. М.: Медицина, 1945. 31 с.

32. *Ростоцкий И.Б.* Тыловые эвакогоспитали. М.: Медицина, 1967. 80 с.
33. *Руфанов И.Г.* Организация медицинского обслуживания раненых и больных воинов Красной Армии // Двадцать пять лет советского здравоохранения / под ред. Г.А. Митерева. М.: Медгиз, 1944. 295 с.
34. Рыбинские эвакогоспитали в документах истории Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / сост. Г.А. Артамонова, Р.А. Давыдова, Т.В. Руденко, Ю.И. Чубукова. Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2003. 128 с.
35. *Селезнев В.Т.* Организация и деятельность эвакогоспиталей Пермской области // Из прошлого медицины. Советская медицина и здравоохранение в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. В.И. Покровский. Вып. 3. М.: Н.-и. центр «Мед. музей» Рос. акад. мед. наук, 1991. С. 69–71.
36. *Семочкина З.В.* Охрана здоровья трудящихся Урала и всенародная забота о раненых воинах и инвалидах (1941–1945 гг.) // Социально-экономическое развитие Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Челябинск: ЧГПИ, 1985. С. 75–82.
37. *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту. М.: Воениздат, 1985. 319 с.
38. *Смирнов Е.И.* Военно-медицинская служба в годы Великой Отечественной войны // Великая Победа советского народа. 1941–1945 / отв. ред. Н.И. Шеховцов. М.: Наука, 1976. С. 453–454.
39. *Смирнов Е.И.* Война и военная медицина. 1939–1945 гг. М.: Медицина, 1968. 526 с.
40. *Смирнов С.А.* Мурманская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1959. 118 с.
41. Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. И.А. Гладкова и др. М.: Наука, 1970. 503 с.
42. Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне / отв. ред. А.В. Митрофанова. М.: Наука, 1989. 392 с.
43. *Стасин В.А.* Участие речников Восточной Сибири в патриотическом движении по оказанию помощи фронту во время Великой Отечественной войны // 50 лет Победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне / под ред. А.Т. Москаленко. Новосибирск: [Б.и.], 1995. С. 119–122.
44. *Судоргин Н.С.* Формирование и функционирование системы госпитального лечения в годы Великой Отечественной войны (на материалах партийно-государственных структур и общественных организаций областей Нижнего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1993. 17 с.
45. *Томилов В.А.* Организация работы эвакогоспиталей Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Пенза, 1993. 20 с.
46. *Федорова А.В.* Забота оренбуржцев о раненых бойцах и командирах Красной Армии в годы Великой отечественной войны // Урал в период Великой Отечественной войны. Уфа: БГУ, 1990. С. 158–161.
47. *Фролов Д.Ф.* Саратовская областная партийная организация в борьбе за оказание помощи раненым воинам Советской Армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1951. 14 с.
48. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). Ф. 782. Оп. 1. Д. 73.

49. ЧЦХД. Ф. 782. Д. 75.

50. ЧЦХД. Ф. 782. Д. 79.

51. *Шелия Ж.А.* Госпитали в годы Великой Отечественной войны (по материалам Ярославской и Костромской областей): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001. 308 л.

УДК 94(47):355.48“1941-1945

П.В. Улизко¹

Основные направления формирования образа врага средствами художественной культуры в Красной армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Аннотация. В статье отражены основные характерные черты и особенности формирования образа врага средствами советской художественной культуры у личного состава Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрены основные виды советской художественной культуры, посредством которых формировался образ врага, прежде всего, у личного состава Красной армии (литература, музыка, театр, кино и изобразительное искусство), применяемые в формах, модифицированных соответственно условиям войны и боевых действий. Отмечена фундаментальная роль советской литературы, являвшейся основой для всех видов и жанров «сражающейся культуры» в годы Великой Отечественной войны. Подчеркнута эффективность визуальных форм пропаганды. Рассмотрено формирование образа врага в качестве слагаемого феномена советского патриотизма и понятия «советский народ» как национальной идентичности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; идеология; искусство; образ врага; образ героя; советская пропаганда; художественная культура.

The main ways to construct the image of the enemy by means of artistic culture in the Red Army during the Great Patriotic War

Abstract. The article reflects the main characteristic features and features of construction of the image of the enemy by means of Soviet artistic culture among the personnel of the Red Army during the Great Patriotic War. The main types of Soviet artistic culture, through which the image of the enemy was formed primarily among the personnel of the Red Army, are considered: literature, music, theater, cinema and fine art, modified according to the conditions of war and combat operations. The fundamental role of Soviet literature, which was the basis for all types and genres of "fighting culture" during the Great Patriotic War, is noted. The effectiveness of visual forms of propaganda is emphasized. The article considers the formation of the image of the enemy as a component of Soviet patriotism and the concept of "Soviet people" as a national identity.

¹ Павел Вячеславович Улизко – подполковник, заместитель начальника отдела Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: sheeyan@yandex.ru.
Pavel V. Ulizko – Lieutenant Colonel, Deputy Head of Department, Research Institute of Military History of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Keywords: Great Patriotic War; ideology; art; image of the enemy; image of hero; soviet propaganda; art culture.

В настоящее время особую актуальность приобретают вопросы изучения политики памяти – деятельности государства и других акторов, направленной на утверждение определенных представлений о коллективном прошлом, формирующем «коллективную память» как репертуар идей, образов, символов и мифов о национальном прошлом [8, с. 26]. Важнейшая роль в индоктринации общества определенными установками «коллективной памяти» принадлежит пропаганде, одним из направлений которой является формирование образа врага – идеологического выражения общественного антагонизма, целостного качественного (оценочного) представления о противнике, сформированного в общественном сознании. Целью формирования образа врага является консолидация членов группы по ряду признаков и ценностных установок, в результате противопоставления иным группам.

Особый интерес представляет формирование образа врага у личного состава Красной армии в годы Великой Отечественной войны, когда непримиримый антагонизм и тема возмездия занимали центральное место в агитации и пропаганде, а также в мыслях и чувствах советских людей [13, с. 89]. От советских идеологов и пропагандистов требовалось не только «расставить флажки» системы координат «свой-чужой», но и разрешить противоречия между интернационалистской сущностью марксистско-ленинской идеологии и поиском мощных мобилизующих средств воздействия на массовое сознание.

Формирование образа врага у личного состава Красной армии нельзя рассматривать вне контекста советской пропаганды, которая, по мнению К.К. Фурсова, «институционализирует процесс воспроизводства вражды» [17, с. 25–30]. Аппарат советской пропаганды в годы Великой Отечественной войны включал в себя вертикаль органов ВКП(б), которыми осуществлялась деятельность по организации и проведению идеологической и партийно-политической работы, средства массовой информации, осуществлявшие информационно-просветительскую деятельность, а также средства художественной культуры. В свою очередь, развитие советской культуры в годы войны было всецело подчинено задачам пропаганды, определенным марксистско-ленинской идеологией. Поэтому вопрос о художественности советской культуры в условиях Великой Отечественной войны должен быть заменен на исследование принципов соцреализма как дискурса власти и применения ее «форм воздействия на массы» [4, с. 214].

К основным видам советской художественной культуры, посредством которых формировался образ врага, следует отнести литературу, музыку,

театр, кино и изобразительное искусство, которые применялись в формах, модифицированных сообразно условиям войны и боевых действий.

В первую очередь следует рассмотреть формирование образа врага средствами советской литературы. Уже в начале войны в передовой статье «Литературной газеты» от 13 июля 1941 г. подчеркивалось: «На вооружении нашей литературы должны поступить боевые песни, которые воодушевят идущие в атаку красноармейские полки, рассказы о красных воинах-героях, пьесы для театральных походных бригад, стихи, воспевающие доблесть и мужество бойцов и командиров, бичующие подлого и коварного врага...» [3, с. 1] Таким образом литература становилась пропагандистским фундаментом для других видов искусства.

Ссылаясь на современные исследования, можно обозначить наличие трагического и героического нарративов в советской пропаганде в годы Великой Отечественной войны [11, с. 19–27]. В рассматриваемый период трагический нарратив героического общества, присущий советской пропаганде 1941–1942 гг., сменился героическим нарративом «сверхгероического» общества 1943–1945 гг. Перед советскими писателями, по мнению Л.П. Егоровой, стояли три типа задач: художественно-идеологический, имагологический и организационно-творческий [5, с. 191–199]. В контексте рассматриваемой темы отмечу первые два типа. Художественно-идеологический тип требовал неукоснительного подчинения художественного творчества идеологии, а имагологический – заключался в репрезентации образов героя и врага. Эта типология применима и к другим видам культуры и искусства в годы Великой Отечественной войны.

Экстремальные условия требовали лаконичных, доходчивых форм литературных произведений, потому с началом войны «мобилизация» литературы происходила прежде всего в виде обращения к жанру публицистики, «политической лирики» [7, с. 68]. В 1941–1942 гг. заголовки статей звучали как призывы: «К подвигам, к славе!», «Я призываю к ненависти» и т.п. [15, с. 35]. В начале 1942 г., после битвы под Москвой и организации связи с оккупированными территориями через подпольщиков и партизан, информация о зверствах захватчиков включалась в тексты с целью активизации ненависти к врагу.

Важнейшее место в формировании образа врага занимала поэзия. Краткость формы, рифмованная структура и лозунговость способствовали запоминанию текстов читателями. Если из патетических стихотворных строк образ врага постепенно исчезал, то в сатирических произведениях он присутствовал постоянно. Советской пропаганде не была присуща демонизация врага, но «немец» и «Гитлер» занимали в сатирической литературе место, подобное тому, которое занимал в устном народном творчестве «черт» или «нечистый», постоянно терпевший поражения и неудачи. Даже

в детской литературе присутствовал образ врага в лице Гитлера, как главного антагониста [9].

Если в начале войны, особенно в связи с неудачами на фронтах, сатирические материалы признавались неуместными и несвоевременными, то уже к 1943 г. сатира переживала бурное развитие. Из этого симбиоза пафоса официальной пропаганды и простоты живого народного слова по ходу войны выкристаллизовался образ героя – простого солдата, способного на великий подвиг. Жизнерадостность, острый народный ум, могучий боевой дух – все это обуславливало «смех смелых людей, становящихся грозой для немецких фашистов» [14, с. 3]. Живость и оптимизм подобного образа противопоставлялся образу врага, изображавшегося в литературе максимально механистичным созданием.

Авторитет советских писателей в общественно-политической жизни подтверждается и фактом участия их во Всеславянском комитете, созданном 5 октября 1941 г. по инициативе Совинформбюро. Целью этого комитета объявлялось объединение «усилий славянских народов в борьбе против немецко-фашистских оккупантов», при этом подчеркивалось, что комитет и его деятельность не имеют ничего общего «с реакционным панславизмом» [6, с. 11–12]. В состав комитета вошел А.Н. Толстой, возглавивший его русскую секцию. Писатель выезжал в боевые части Красной армии, рассказывал военнослужащим о развернувшемся славянском движении, участвовал в работе пленумов комитета, выступал на радио, о чем свидетельствуют документы, сохранившиеся в архивах как самого Толстого, так и Всеславянского комитета [2, с. 39].

Самым массовым видом культурной деятельности являлась военно-шефская работа, выражавшаяся в концертной деятельности художественных бригад. Советские артисты побывали на фронте около 40 тыс. раз. Было организовано 3,5 тыс. фронтовых бригад, которые дали более 1 млн концертов. Уже 23 июня 1941 г. IV Пленум ЦК Союза работников искусств особо обсуждал вопрос о задачах военно-шефской работы в условиях начавшейся войны и указал на необходимость организации художественных бригад для обслуживания фронта, а также организации бригад художников по выпуску фронтовых плакатов.

Изначально выступления артистов носили в основном развлекательный характер, но со второго года войны (с ухудшением положения на фронтах весной-летом 1942 г.) концертные программы формировались с целью поднятия боевого духа бойцов [18, л. 39]. С 1943 г. на смену агитационно-пропагандистским постепенно приходили номера с классическими гуманистическими темами, больше внимания стало уделяться советской и русской классике, а также развлекательным жанрам. По свидетельствам ар-

тистов, бойцы на передовой ждали от концертов прежде всего развлечения и отдыха.

Программа фронтовых эстрадных бригад в те военные годы включала художественное слово, танцы, цирковые номера. Всесоюзная студия эстрадного искусства под руководством Н.П. Смирнова-Сокольского выступала в жанре «Живой театрализованной газеты», сочетающем эстраду и публицистику. В целом репертуар фронтовых бригад был в меньшей степени направлен на воспитание ненависти и преследовал, скорее, рекреационные цели. Тем не менее мобилизация моральных сил на борьбу с врагом достигалась именно на контрасте позитивной атмосферы концертов и фронтовой реальности. Так, в отзыве, посвященном выступлению К.И. Шульженко, говорилось: «Мы рады, что вы делаете с нами одно дело, которое приведет к полному разгрому ненавистного человечеству врага – фашистского гада. Воодушевленные вашими песнями и музыкой, мы с новой энергией и силой нанесем на своих крыльях тысячи тонн смертельного груза на голову врага» [18, л. 39].

Если вышеперечисленные виды художественной культуры можно отнести к нарративной (текстово-повествовательной) пропаганде, то изобразительное искусство следует отнести к пропаганде визуальной. Во многом именно средства визуальной пропаганды определили успех Советского Союза в пропагандистском противоборстве. Опыт «Окон ТАСС» актуален и сегодня, когда лаконичная визуальная форма с максимально кратким текстом по-прежнему выступает эффективным средством пропаганды.

Основными характерными чертами, присущими визуальной советской пропаганде в военный период, являются: зооморфизм отрицательных персонажей; гротеск, визуальная гиперболизация; лишение врага статуса человека, мужчины, воина; отсутствие образа торжествующего врага; отсутствие эсхатологических мотивов при изображении неприятеля; использование образа политического и военного руководства противника в качестве главного объекта карикатуры [16, с. 29]. Кроме того, если враг-персонаж присутствовал на плакате, карикатуре, то он чаще всего высмеивался или предстал в униженном виде. Если же враг присутствовал «за кадром» изображения, то он приобретал характер угрозы или же показывались только результаты его преступлений. Врагу противопоставлялся Герой, визуальное воплощение которого сочетало такие признаки, как апелляция к долгу защитника, отца, воина; использование исторических образов и персоналий; нацеленность на полное уничтожение врага; отсутствие визуальных образов погибших советских воинов; крайне редкое использование образов и изображений руководства СССР; отказ от образа «внутреннего врага» (кроме кинематографа).

Стремительное развитие советской карикатуры и плаката было обусловлено большими возможностями применения этих жанров в экстремальных условиях по сравнению с живописью. Однако следует отметить и выдающиеся живописные полотна: их сила воздействия на зрителя во многом определялась репрезентацией образов врага и героя. Характерно, что в лучших образцах советской живописи военных лет (например, «Фашист пролетел» А. Пластова, «Письмо с фронта» А. Лактионова) не присутствовал персонализированный герой или враг.

Художественный кинематограф в плане формирования образа врага следовал практически всем приемам и методам плакатного искусства. Так, например, зооморфизм лег в основу короткометражного фильма «Юный Фриц» (1942 г.), снятого по мотивам стихотворения С. Маршак «Юный фриц, или Экзаман на аттестат зверости». Еще до войны важность роли кинематографа в деле воспитания ненависти к врагу признавалась на самом высоком уровне. В докладных записках начальника ГУПП КА А.И. Запорожца секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову в январе-марте 1941 г. подчеркивалась необходимость создания военных фильмов для молодежи (включая «военно-фантастические и комедийные фильмы о войне») с целью формирования «военного сознания» [12, л. 1–17]. В «Боевых киносборниках», состоявших из короткометражных киноновелл на злободневные военные сюжеты, не только участвовали популярные герои советского кино (Чапаев, Максим, Александр Невский), но также высмеивались Гитлер и «его жестокие и малодушные солдаты» [1, с. 182]. Особенностью репрезентации образа врага в кинематографе являлся показ «внутренних врагов» (например, с 1943 г. в к/ф «Во имя Родины», «Радуга»). Предательство, сотрудничество с немцами обуславливалось социальным происхождением отрицательных персонажей.

Выступая на пленуме Союза писателей в 1943 г., режиссер А. Довженко обращал внимание на недостатки в изображении противника: «У нас он описывается как вшивый фриц, трусливый немец... Мы враги смертельно сильного врага... Вот как надо говорить о немце» [10, с. 30]. Коварный и жестокий враг действительно начал присутствовать в советских фильмах о войне в последующие годы. Образ нациста в кино, в отличие от плакатов, от звероподобия стал развиваться в сторону показа «цивилизованного маньяка», механически исполнявшего приказы (к/ф «Зоя», «Радуга», 1944 г.). Образ военнослужащих стран-сателлитов Германии (венгров, румын, итальянцев и т.д.) выводился только в рамках карикатуры (преимущественно в изображении руководителей государств) и в публицистических очерках [20]. В остальном враг имел ярко выраженный «германский» облик.

Роль советской литературы и культуры в целом в формировании образа врага в годы Великой Отечественной войны довольно точно отразил

И. Эренбург, выступая на творческом совещании писателей Москвы в апреле 1943 г.: «Война без ненависти безнравственна... Долг писателя – раздуть огонь негодования, тревоги, жертвенности... Сейчас один критерий – это нужно войне. А “Войну и мир” напишут потом» [21].

Исходя из вышесказанного, можно выделить следующие тенденции, общие для всех видов и жанров «сражавшейся» советской культуры. Во-первых, культура в годы Великой Отечественной войны институционализировала формирование новой идентичности, выражавшейся в определении «советский человек». Во-вторых, жанровое многообразие культуры и искусство модифицировалось и претерпело качественные изменения с упрощением формы, но без отступления от вектора, заданного партийными органами пропаганды. В-третьих, инвективная риторика уступала место героическому пафосу. В-четвертых, с минимизацией роли интернационалистских институтов (Коминтерн, Всеславянский комитет) главной характерной чертой советской художественной культуры в деле формирования образа врага становилось обращение к традициям народного героического эпоса. Этим можно в полной мере объяснить парадоксальный симбиоз интернационализма марксистско-ленинской идеологии и возрожденного в годы войны патриотизма.

Средствами художественной культуры осуществлялась не только пропагандистская деятельность, в том числе по формированию образа врага, но и создавался новый культурный пласт, в перспективе послуживший основой для явления советского народа как нации, выкованной в горниле Великой Отечественной войны. Ненависть к врагу не являлась главной движущей силой Красной армии. Подлинной движущей силой стал беспримерный патриотизм бойцов и командиров. Именно об этом говорил М. Шолохов, обращаясь в 1941 г. к уходящим на фронт землякам: «Любовь к Родине будет жить вечно, а ненависть... до окончательного разгрома врагов» [19, с. 84].

Список источников и литературы

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 12: Итоги и уроки войны. М.: Кучково поле, 2015. 864 с.
2. Воронцова Г. Всеславянский комитет и А.Н. Толстой // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: литература и история. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 39–58.
3. Все для победы! // Литературная газета. 1941. 13 июля.
4. Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен: Издательство Отто Загнера, 1993. 408 с.
5. Егорова Л. Единство народов СССР в 1941–1945 гг. как национальная идея (на материале художественной литературы) // Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. № 65. С. 191–199.

6. К братьям угнетенным славянам: выступления представителей славянских народов на всеславянском митинге, состоявшемся в Москве 10–11 августа 1941 г. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. 55 с.

7. *Кузьмичев И.* Жанры русской литературы военных лет (1941–1945). Горький: Горьковский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 1962. 453 с.

8. *Малинова О.* Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 26–39.

9. Одолеем Бармалея! // Пионерская правда. 1942. 19, 26 авг., 1, 9, 16, 23 сент.

10. *Орлова А.* Способы воплощения «образа врага» в советском киноискусстве 1940-х годов (на материале художественных фильмов о Великой Отечественной войне) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 4. С. 27–30.

11. *Пахалюк К.* Образы войны в современной культуре // Не забудем, но простим? Образ войны в культуре и исторической памяти [Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»]. М.: [Б.и.], 2020. С. 7–29.

12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 71.

13. *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

14. *Солодарь Ц.* Грозный смех // Литература и искусство. 1942. 19 янв.

15. *Толстой А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. М.: Художественная литература, 1986. 512 с.

16. *Улизко П.* «Тигр получит за все...» Образ врага в красноармейской печатной пропаганде // Военно-исторический журнал. 2020. № 8. С. 25–30.

17. *Фурсов К.* Дискурс вражды: понятие и современные практики // Дискурс Пи. 2015. № 1 (18). С. 25–29.

18. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 293. Оп. 2. Д. 3836.

19. *Шолохов М.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: Правда, 1975. 420 с.

20. *Эренбург И.* Петушиные перья // Красная звезда. 1942. 12 апр.

21. *Эренбург И.* Писатель на войне // Литература и искусство. 1943. 3 апр.

УДК 94(44).085

С.В. Решетников¹

Русские эмигранты в движении Сопротивления в Бельгии в 1944 г. Письмо Г.П. Ключева об участии в борьбе с нацизмом

Аннотация. В публикации приводится уникальное письмо эмигранта-сопротивленца Г.П. Ключева, который в годы Второй мировой войны в Бельгии помогал советским военнопленным бежать с заводов, фабрик и лагерей, чтобы затем внедрять их в ряды местного движения Сопротивления. Одним из переправленных им солдат был бежавший из концлагеря на территории Германии советский военнопленный Г.Д. Титов, позднее возглавивший в Арденнах один из самых активных советских партизанских отрядов. В письме, написанном ему в 1959 г., Ключев раскрывал некоторые подробности своего участия в бельгийском движении Сопротивления.

Ключевые слова: Вторая мировая война; движение Сопротивление в Бельгии; русская эмиграция в Бельгии; советские партизанские отряды в Бельгии; советские военнопленные в Бельгии; Г.П. Ключев; Г.Д. Титов.

Russian emigrants in the Resistance movement in Belgium in 1944. A letter from G.P. Klyuev about participation in the fight against Nazism

Abstract. The publication contains a letter from the emigrant and Resistance fighter George Klyuev, who during the World War II in Belgium helped Soviet prisoners of war to escape from factories, plants and camps, in order to embed them lately into the ranks of the local Resistance movement. One of the soldiers he transported was a Soviet prisoner of war, Grigory Titov, who escaped from a concentration camp in Germany. Later he led one of the most active Soviet partisan detachments in the Ardennes. Klyuev's letter was written to him in 1959 with some details of his participation in the Belgian Resistance movement.

Keywords: World War II; the Resistance movement in Belgium; Russian emigration in Belgium; Soviet partisan detachments in Belgium; Soviet prisoners of war in Belgium; George Klyuev; Grigory Titov.

Участие русских эмигрантов и советских граждан в бельгийском движении Сопротивления до настоящего времени остается вопросом, слабо затронутым как в отечественной, так и в зарубежной исторической литера-

¹ **Степан Владимирович Решетников** – аспирант Центра военной истории России Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: reshehistorien@gmail.com.

Stepan V. Reshetnikov – Postgraduate student, Centre for Military History of Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

туре. На сегодня мы знаем, что в годы войны в бельгийском Сопротивлении сражалось около 800 советских граждан [4, с. 464]. Из них погибло не менее 300 человек, а имена их только частично восстановлены [5]. Важность темы обусловлена еще и тем, что в бельгийском Сопротивлении, как и во французском, происходило взаимодействие русских эмигрантов и советских граждан, которое так или иначе приблизило Победу над нацистской Германией в годы Второй мировой войны.

Предлагаемое вниманию читателей письмо написано Георгием Петровичем Клюевым, «молодым» эмигрантом из Архангельска, покинувшим Россию в 1919 г. Клюев уехал учиться в Англию, а после смерти своей матери отправился на заработки в Бельгию, где вскоре осел, женился и вырастил сына. В начале Второй мировой войны Клюев пытался вместе с некоторыми бельгийцами бежать в Англию, но вскоре был схвачен и некоторое время находился под арестом. Начало Великой Отечественной войны он воспринял как нападение на Родину и, по собственным словам, стал «по-своему воевать с врагом» – портил оборудование на заводе, выводил из строя станки [3, с. 210].

После оккупации страны вся промышленность Бельгии была передана в интересам Германии. Для усиления своей военно-промышленной мощи в марте 1942 г. немцы начали ввозить советских граждан, численность которых в общей сложности составила 20 тыс. человек [2, с. 273]. Некоторым советским военнопленным удавалось бежать с производства. Клюев, войдя в контакт с организацией бельгийского Сопротивления «Фронт независимости», стал помогать советским пленным совершать побег с заводов, фабрик и лагерей, сопровождая их в бельгийские Арденны (горно-лесной регион на юго-востоке Бельгии фактически у самой границы с Германией и Люксембургом), чтобы пополнить ряды сопротивленцев [3, с. 210].

Военная судьба свела Клюева и Г.Д. Титова весной 1943 г. под Льежем в д. Корнемо. К тому времени Титов совершил уже 4 побега и в конце января 1943 г. совершил свой последний побег — со свинцовых рудников под Ахеном из команды штрафников-смертников. С трудностями ему удалось найти и перейти охраняемую границу рейха. На бельгийской территории помогли бельгийские патриоты, выведя его из состояния крайнего истощения [6, с. 12–16]. Затем с помощью подпольщиков его переправили в д. Лувень под Льежем на попечение местного священника Андре, который оказался прибалтийским эмигрантом из Российской империи А.Э. фон Лилиенфельдом¹. Тот после подробной беседы направил его в д. Корнемо,

¹ Андре Лилиенфельд (отец Андре, наст. имя: Отто Феликс Дагоберт фон Лилиенфельд) (1891–1978) – священник, богослов, участник бельгийского движения Сопротивления.

в бельгийскую семью, где Титов осваивал французскую речь. Там на связь с ним вышел Центр «Фронт независимости» и принял решение направить его в Арденны в район Садзо-Эрезе для организации советского партизанского отряда. Проводником военнопленного стал Клюев. Под псевдонимом «Шеф» Титов командовал партизанским диверсионным отрядом от Фронта Независимости¹. В декабре 1944 г. небольшая группа «Шефа» попала под удар немецкого контрнаступления в Арденнах и была вынуждена ввязаться в танковый бой под Шевроном. Советским партизанам в этом бою удалось подбить немецкий танк на горной лесной дороге и, устроив затор, задержать немцев при отступлении американских войск [1]. Это единственное случай участия советских солдат в Арденнской битве.

После войны Титов отправился в СССР и после двухмесячной проверки в фильтрационном лагере вернулся к мирной жизни, устроившись слесарем на Краснохолмский текстильный комбинат. В 1956 г., после XX съезда КПСС, знаменитый летчик А.П. Маресьев, ответственный секретарь Советского комитета ветеранов войны (СКВВ), помог Титову разыскать в архивах КГБ его личные документы об участии в Сопротивлении, изъятые в фильтрационном лагере. С помощью СКВВ Титов познакомился с С.С. Смирновым, автором повести «Брестская крепость», и знаменитым разведчиком И.Г. Стариновым и разыскал многих советских и бельгийских соратников, став руководителем бельгийской группы Сопротивления Международной комиссии СКВВ. В 1958 г. в журнале «Советский воин» вышел рассказ Титова «После 4-го побега» – о непростом военном пути советского солдата, угодившего в плен. Впоследствии, ведя переписку со своими бывшими бельгийскими товарищами, Титов сам вышел на Клюева и впервые написал ему письмо, в котором попросил эмигранта рассказать о своем участии в бельгийском Сопротивлении для готовившейся статьи Титова в сборнике «О чем не говорилось в сводках» [3 с. 210].

Публикуемое письмо хранится в личном архиве дочери Титова – Г.Г. Титовой. Рукопись на трех листах мелованной бумаги датирована 16 декабря 1959 г.

Интересно отметить, что письмо Клюева содержит орфографические и пунктуационные ошибки, которые были часто свойственны эмигрантам,

Родился в г. Ревель (ныне – Таллин). Происходил из известного остзейского дворянского рода Лиilienфельдов, находившегося на службе в Российской империи. Имел близкие родственные связи с генералом П.Н. Врангелем и знаменитым русским полководцем времен Отечественной войны 1812 г. Барклаем де Толли. Будучи членом бельгийской сопротивленческой организации Армии Секрет, спасал и переправлял в местные партизанские отряды советских граждан, которым удавалось совершить побег в окрестностях Льежа. За заслуги перед Бельгией был натурализован после войны.

¹ Боевая организация Бельгийской компартии.

не имевшим практики коммуникации на русском языке. К моменту отправки письма, Клюев, не имевший полного высшего образования, уже давно не общался ни с кем по-русски. Особенностью письменной речи Клюева является то, что некоторые русские звуки были написаны латинскими буквами.

Документ публикуется в соответствии с современными правилами издания исторических документов. Не имеющие смыслового значения орфографические ошибки и опечатки и т.п. исправлены в тексте без оговорок. Пропущенные и восстановленные в тексте документа слова и части слов заключены в квадратные скобки.

За предоставленный документ приношу благодарность Г.Г. Титовой.

16-12-59

Embourg. Liège

Дорогой Гриша?!!!

Очень благодарен за твое письмо, которое я получил 11-го декабря, так радостно иметь привет с Родины, откуда я уехал уже 40 лет [назад]. Очень рад, ты жив и здоров кое-как. Это была ужасная война и мало кто спасся, много погибло. Доволен также, что ты женился и осемьянился.

Я не был доволен, что ты ушел из Садзо¹ без моего разрешения, потому что я был в это время ответственным за вас всех, еще хорошо, что мы узнали, куда вы ушли, т.е. в Хар², ну это все старое и кончено.

Ты меня спрашиваешь, кто я такой? Я тебе постараясь свою биографию написать. Моя фамилия и имя – Георгий Петрович Клюев. Родился в Архангельске на севере, выехал 1919 года в сентябре месяце в Англию как студент. Мне было 17 лет, в Революции не состоял, как ты видишь, мама мне посылала деньги на прожитие, но, как бывший глуп и мало соображал, ничего не делал. Мама умерла в 1924 году, и мне стало трудно жить. Работу не мог найти и обратился в консульство, оказалось консул от временного Правительства³ и направил меня в Бельгию, где было много русских Белогвардейцев.

Ты пойми, я попал под ихню информацию, это повлияло на меня, но когда стал постарше женился и работал на прокатном заводе, там-то открылись глаза, но уже было поздно возвращаться на Родину, т.к. родился мой сын, бросать не хотелось, и вот застрял за границей.

¹ Садзо-Эрзе(й) – селения, в окрестностях которых возник партизанский отряд Титова в апреле 1943 г.

² Гарр – населенный пункт в окрестностях Садзо-Эрзе. Туда Титов перешел в апреле 1944 г. при слиянии всех партизанских сил в единую Партизанскую армию, в Соединение Андре Коллара («Биля») в составе Армии Секрет. Этой информации Клюев мог не знать.

³ Возможно, речь идет о Евгении Васильевиче Саблине, дипломате, который представлял Россию в Англии (1919–1924) после К.Д. Набокова.

Работал, в школу ходил и сделался квалицированным работником. Выстроил маленький домик, как полагается, кто может в буржуазной стране, и все было туда-сюда.

Пришла война, пришли немцы в Бельгию, и стало снова трудно жить, я кое-как отмотался от реквизиции¹ и хотел уехать в Англию, ты знаешь, что я говорю по-английски.

Был секретный сбор, и пошел с приятелями, это собрание было продано, и мы 22 человека были арестованы немцами и отправлены в тюрьму. Дело было в апреле месяце 1941 году. Продержали нас 2 месяца и выпустили, но через некоторое время немцы пошли на Россию, мое сердце было переполнено, и я решил воевать по-своему, после саботажа в мастерской я двинулся к партизанам и стал делать отряды, конечно, бельгийцы помогали, снимали Русских с шахт, а моя обязанность была проводить в леса, и самой главной задачей для меня, чтобы спасти как можно жизней, вот ты теперь меня знаешь.

Если хочешь еще подробностей, то пиши, я перевел других людей и сделал другие группы до Садзо, но все адреса потерял, только осталось у меня четыре:

- 1) Владимир Сапичин, г. Орехово-Зуево;*
- 2) Александр Балашов, г. Орехово-Зуево Москов. обл.;*
- 3) Сергей Антипов, д. Пологиево Чернского р-на Тульской обл.;*
- 4) Иван Бутрин, г. Белев Тульской области Белевского р-на.*

Теперь потерял все здоровье, у меня 5 лет тому назад был удар, вся левая сторона отнялась и сердце слабо стало, в общем я никуда не гожусь и работать не могу, и вот уже год, как у моей жены ноги отнялись, на правой щеке невралжи, ей так больно, что она кричит. Мой сын большой, ему 32 года и еще не женился, он служит на государственной службе, ему очень трудно, т.к. он должен каждое утро [ездить] в Брюссель, встает в 5 часов утра и возвращается в 7 вечера. Брюссель 100 километров от Льежа, вот вся наша жизнь, мне уже 57 лет, не знаю до сколько лет еще проживу, не теряю надежду, чтобы прочитать твою книжку, если ты мне пошлешь, у меня есть некоторые описи, как я ходил с ребятами в Садзо по-французски, если хочешь, то пошлю, интересно, может быть, те[бе] пригодится, наверное, у тебя есть переводчик.

Привет всем, кто меня не забыл, попроси Ивана Карасева мне написать два слова, мне хотелось бы от всех иметь весточку.

Мне хотелось бы знать, ты желаешь от меня, давши адреса в Бельгии? Пиши, где работаешь? Хотелось бы вас всех навестить, может

¹ Автор путает реквизицию с мобилизацией. Реквизиции прошли в Бельгии летом 1943 г., когда после поражения Германии в ходе Курской битвы Гитлер объявил одновременно тотальную мобилизацию и реквизицию.

быть, ты разумеешь, к кому обратится. Я, кажется, что большую услугу оказал государству.

Приезжали в этом году представители партизан из России, было 3 человека, но мы все были очень разочарованы, т.к. среди них ни одного мы не узнали¹. Ты скажи, где нужно то, что я писал. Ну пиши еще, я тебя помню, хоть ты очень изменился на фото, даже похудел.

Покаместь все в этот раз.

Привет твоей сунруге и твоей дочке Гале.

КЛЮЕВ

*Филипп – это моя кличка
во время войны.*

50 rue Pierre Henvard 50.

Embourg.

Liege Belgique

Подлинник. Рукопись. Автограф. Частное собрание Г.Г. Титовой.

Список источников и литературы

1. Биография Г.Д. Титова. 2021. Рукопись на 2 листах // Частное собрание Г.Г. Титовой.

2. *Бадак А.Н., Войнич И.Е., Н.М. Волчек и др.* Всемирная история: в 24 т. Т. 24. Итоги Второй мировой войны. М.: Современный литератор, 1999. 592 с.

3. *Калита В.Д., Плотников Ю.А., Сахаров Б.Л. и др.* О чем не говорилось в сводках. Воспоминания участников движения Сопротивления. М.: Госполитиздат, 1962. 455 с.

4. *Комолова Н.П.* Советские люди в Европейском Сопротивлении. Воспоминания и документы. Ч. I: В партизанском движении; Ч. II: Противостояние фашизму в нацистской неволе. М.: Институт всеобщей истории АН СССР, 1991. 254 с.

5. Поименный список советских граждан, погибших в годы Второй мировой войны и захороненных на территории Бельгии // Посольство Российской Федерации в Королевстве Бельгия. URL: <https://belgium.mid.ru/poimennyj-spisok-sovetskih-grazdan-pogibshih-v-gody-vtoroj-mirovoj-vojni-i-zahoronennyh-na-territorii-bel-gii> (дата обращения: 20.05.2021).

6. *Титов Г.Д.* После четвертого побега // Советский воин. 1958. № 16. С. 12–16.

¹ Возможно, речь идет о ветеранах советской партизанской бригады «За Родину», которая была сформирована в бельгийской провинции Лимбург в конце 1943 г. История данной бригады противоречива и требует дополнительного исследования.

УДК 94(=16) «44/45»

О.Г. Казак¹

**Присоединение Закарпатья к Советскому Союзу:
от освобождения региона Красной Армией до подписания
советско-чехословацкого договора
(октябрь 1944 – июнь 1945 г.)**

Аннотация. В статье рассмотрены обстоятельства включения Закарпатья в состав СССР (Советской Украины) в 1945 г. Целью работы является выявление причин относительно быстрого и безболезненного решения вопроса государственной принадлежности Закарпатья в контексте советско-чехословацких дипломатических отношений. Научная значимость статьи заключается в конкретизации значения этнокультурной идентичности восточнославянского населения Закарпатья в процессе присоединения региона к Советскому Союзу. Делается принципиальный вывод о том, что включение Закарпатья в состав СССР было предопределено рядом объективных факторов (сильные просоветские настроения жителей региона, умелая агитационная работа, организованная советским военным командованием и местными коммунистами, нежелание чехословацких властей портить отношения с Советским Союзом из-за «проблемного» региона и др.).

Ключевые слова: Закарпатье; русины; советско-чехословацкие отношения; советизация; идентичность.

**Incorporation of Transcarpathia into the Soviet Union:
from the liberation of the region by the Red Army to the signing
of the Soviet-Czechoslovak treaty (October 1944 – June 1945)**

Abstract. The article discusses the circumstances of the incorporation of Transcarpathia in the USSR (Soviet Ukraine) in 1945. The aim of the work is to identify the reasons for a relatively quick and painless solution to the issue of state ownership of Transcarpathia in the context of Soviet-Czechoslovak diplomatic relations. The scientific significance of the article lies in the concretization of the meaning of the ethnocultural identity of the East Slavic population of Transcarpathia in the process of the region's annexation to the Soviet Union. In a conclusion the author stresses that Transcarpathia in the USSR was predetermined by a number of objective factors (strong pro-Soviet sentiment among the inhabitants of the region, skillful campaigning organized by the Soviet military command and by local communists, unwillingness of the Czechoslovak authorities to spoil relations with the Soviet Union because of the “problematic” region, etc.).

¹ **Олег Геннадьевич Казак** – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь), e-mail: olegkazak90@tut.by.

Oleg G. Kazak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus).

Keywords: Transcarpathia; Rusyns; Soviet-Czechoslovak relations; Sovietization; identity.

Территория Закарпаття (Подкарпатской Руси) в межвоенный период входила в состав Чехословакии. В это время окончательно оформились основные направления общественно-политической и национально-культурной жизни региона (русофильское, украинофильское, русиофильское), представители которых предлагали различные трактовки национальной природы местного восточнославянского населения, именовавшего себя этнонимом «русины». В 1938–1939 гг. территория региона была поэтапно включена в состав хортистской Венгрии. После освобождения края от венгерской оккупации войсками Красной Армии вопрос о его государственной принадлежности вновь стал актуальным.

Позиция чехословацких лидеров в эмиграции относительно будущей судьбы Закарпаття была двойственной. С одной стороны, в официальных выступлениях представители политической элиты постоянно подчеркивали необходимость восстановления Чехословакии в домюнхенских границах. В переговорах с советской стороной, однако, Э. Бенеш и его приближенные не отрицали возможности особого решения вопроса Закарпаття. В этом плане показательна беседа Бенеша с советским послом в Великобритании И.М. Майским 21 сентября 1939 г. Президент Чехословакии в изгнании привел слова беседы о Закарпатье в следующей трактовке: «Это наша земля, мы имеем право на нее. Для нас есть только два решения: или она будет нашей, или, в случае, если они [СССР. – *О.К.*] будут нашими соседями и если потребуют ее, то мы ничего не имели бы против этого» [5, с. 102]. Весной 1944 г. Бенеш заявил своему биографу К. Макензи: «Подкарпатская Русь была нам доверена после Первой мировой войны. Мы – за то, что нам Подкарпатская Русь должна быть формально возвращена, поскольку она была включена в наши домюнхенские границы; однако, если подкарпатские русины решат присоединиться к Советской Украине, то мы не будем этому препятствовать» [4, с. 39].

Освобождение Закарпаття войсками Четвертого Украинского фронта Красной Армии в октябре-ноябре 1944 г. создало предпосылки для решения вопроса о государственной принадлежности региона. Просоветские настроения были достаточно сильны еще в период венгерской оккупации края. В отчете Политического управления Четвертого Украинского фронта отмечалось, что население, как правило, встречало Красную Армию с большим воодушевлением [10, л. 129]. Симпатии к Красной Армии и СССР стимулировала существенная помощь, оказываемая населению (выделение продуктов питания, борьба с инфекционными заболеваниями) [11, с. 74].

Следует отметить, что руководство Советского Союза проявляло интерес к ситуации в Закарпатье, в частности, к структуре населения региона. Генштаб Красной Армии, разрабатывая долгосрочное военное планирование, 11 мая 1944 г. направил в Институт этнографии Академии наук СССР перечень вопросов для составления этнографического очерка о народах Чехословакии. После освобождения Закарпатья в ноябре 1944 г. член Военного совета Четвертого Украинского фронта Л.З. Мехлис направил Народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову карту Лемковины (одно из названий Закарпатья), изданную в 1929 г. в США М. Федорко. Мехлис предположил, что «карта может пригодиться Народному комиссариату иностранных дел» [12, с. 99–102].

28 октября 1944 г., руководствуясь договоренностью между правительствами СССР и Чехословакии (в эмиграции), на освобожденную территорию Закарпатья, в Хуст, прибыла чехословацкая миссия во главе с Ф. Немецем (министр социального обеспечения чехословацкого правительства в изгнании в 1940–1942 гг.). Целью миссии было восстановление власти правительства Чехословакии. По договоренности с командованием Четвертого Украинского фронта миссия получила возможность проводить свою деятельность за линией фронта только на территории пяти восточных округов края [7, с. 424]. В день своего приезда в Хуст Немец издал обращение, в котором декларировалось верховенство на территории Закарпатья законов, принятых до 30 сентября 1938 г., а также декретов президента и распоряжений правительства в эмиграции. Непосредственному управлению должны были осуществлять подотчетные правительственному комиссару окружные и земские национальные комитеты [13, с. 112].

17 ноября 1944 г. чехословацкая пресс-служба в Лондоне опубликовала отчет Немца о первых днях своего пребывания в Закарпатье. Правительственный делегат отмечал крайне тяжелую экономическую ситуацию в регионе: «Ситуация неутешительная и хуже, чем можно было ожидать. Коммуникации уничтожены или значительно повреждены, не хватает специалистов по их реконструкции. Венгры при отступлении вывезли большую часть зерна со складов, часть строительного оборудования, повредили предприятия и заводы. Те предприятия, которые остались, не выпускают товар, владельцы бежали, сырья нет. Заводы, работавшие от мукачевской электростанции, не восстановлены. Округи Хуст, Тячево, Рахово, Воловое без электричества. Помощь крайне необходима, ситуация очень сложная. В округах Рахово и Воловое возможен голод в самое ближайшее время» [14].

Однако у чехословацкой администрации с первых же дней нахождения в Хусте возникли серьезные противоречия с командованием Красной Армии. Камнем преткновения стал вопрос мобилизации, который находил-

ся в компетенции генерала А. Гасала. 30 октября 1944 г. Немец поручил всем местным комитетам составить списки военнообязанных. В то же время штаб Четвертого Украинского фронта развернул в Закарпатье 25 передвижных пунктов по набору добровольцев в Красную Армию, к концу года их число возросло до 520, проводилась активная агитация. В результате в чехословацкую армию с 8 ноября 1944 по 15 февраля 1945 г. вступили более 6,5 тыс. жителей Закарпатья, в том числе 15 офицеров, в Красную Армию – около 16 тыс. человек [6, с. 103–105].

Параллельно с национальными комитетами, которые должны были подчиняться правительственному делегату, в Закарпатье явочным порядком создавались просоветские органы управления – народные комитеты. Некоторые из них возникли еще в период венгерской оккупации в зонах действия партизанских отрядов, другие – с приходом советских войск. Как правило, после коротких бесед командиры дивизий, полков, батальонов назначали 5–7 представителей во временный народный комитет. Уполномоченные чехословацкого правительства в некоторых населенных пунктах пытались ввести в состав народных комитетов своих представителей, но данные действия не имели успеха. В конце ноября практически во всех органах местного управления верх взяли прокоммунистические элементы, а сами комитеты находились под неформальным контролем советских военных [6, с. 79–83].

Форсированными темпами проходило организационное оформление просоветских структур Закарпатья. 19 ноября 1944 г. в Мукачево состоялась конференция коммунистов Закарпатья, на которой была создана Коммунистическая партия Закарпатской Украины. В Центральный комитет партии вошли 23 коммуниста (С. Борканюк, С. Вайс, И. Ваш и др.). Спустя неделю в Мукачево прошел Первый съезд Народных комитетов Закарпатской Украины, который принял Манифест о воссоединении с Советской Украиной. Сразу же после съезда началась кампания по сбору подписей под текстом Манифеста, которую координировали созданная на съезде Народная Рада Закарпатской Украины и местные народные комитеты [6, с. 92–100]. Свою подпись поставило абсолютное большинство жителей региона.

В это время вопрос о будущем Закарпатья активно обсуждался представителями чехословацкой эмиграции в Советском Союзе. Немец, находясь в Закарпатье, фактически не имел возможности коммуницировать с ними. Советская сторона удовлетворила просьбу правительственного делегата о визите в СССР. 8 декабря 1944 г. Немец вместе со своим советником Й. Вало вылетел в Москву. В сообщении в Лондон Немец охарактеризовал акции населения Закарпатья за присоединение края к СССР как «движение стихийное и народное». Он понимал, что регион скорее всего перейдет

к СССР, но при этом хотел сохранить видимость контроля данного процесса чехословацкой стороной [13, s. 116]. Интересную информацию о пребывании делегации во главе с Немцем в Москве зафиксировал посол США в СССР А. Гарриман. По мнению американского дипломата, чехи осознавали рост влияния просоветских элементов среди населения Закарпатья и видели две возможные альтернативы: номинально сохранить в составе Чехословакии провинцию, в которой ведущее положение уже имели просоветские силы, или уступить ее целиком, что можно было сделать только после освобождения всей страны и проведения всенародного плебисцита [15, p. 510–511]. Чехословацкая политическая элита, с одной стороны, не хотела и не могла воспрепятствовать стихийному движению населения за присоединение Закарпатья к СССР; с другой – чехословацкий истеблишмент хотел «цивилизированного», дипломатического решения данного вопроса.

Тем временем становилось очевидно, что миссия Немца не пользуется поддержкой населения, кроме того, ее функционирование оказалось нежелательным для советской стороны. Бенеш поблагодарил Немца за работу. В конце января правительственная делегация выехала в словацкий Кошице [13, s. 117].

Кроме вопроса о государственной принадлежности Закарпатья осенью 1944 – летом 1945 гг. стал актуален вопрос национально-культурной жизни в регионе. В советском дискурсе население Закарпатья еще с начала 1920-х гг. трактовалось как украинцы [3, с. 83–99]. Среди местного населения, однако, украинская идентичность вплоть до окончания Второй мировой войны не являлась господствующей. Главными выразителями русофильских настроений населения Закарпатья являлись представители православного духовенства. Отношение советского военного руководства к ним было неоднозначным. В докладе Политического управления Четвертого Украинского фронта сообщалось о речи, произнесенной православными священниками Иоанном (Мучичко) и Гавриилом (Потрашем) перед представителем командования фронта: «Мы можем сказать, что мы русские и хотим быть русскими. Такова наша историческая ориентация. Мукачевская епархия всегда вела борьбу за русских. Мы никогда не забываем, что мы с Вами одно тело, один дух, одна вера» [10, л. 202]. 18 ноября 1944 г. в Мукачево состоялось собрание православного духовенства. 23 православных священника подготовили и направили в Москву несколько документов, в том числе письмо на имя И.В. Сталина (письмо подписали Ф. Сабов, А. Кабалюк, Д. Беляков, И. Кополович, П. Линтур) и Петицию к митрополиту Алексию (Симанскому) с просьбой принять их епархию в состав Московской Патриархии (до этого времени она находилась в юрисдикции Сербской православной церкви) [1, s. 135]. Упомянутое письмо Сталину было написано с русофильских позиций. В письме содержалась просьба

создать в составе СССР отдельную «Карпаторусскую Советскую Республику». Русины Закарпаття трактовались авторами письма как органичная часть общерусского культурного и цивилизационного пространства: «Наш народ русский, русин – Руси-сын. Наши матери не рожали нерусских сыновей. Наша русскость не вчерашняя, наша русскость не моложе Карпат» [2, с. 46–47]. 7–13 декабря 1944 г. делегация православного духовенства побывала в Москве. Советским государственным и церковным руководством было принято принципиальное решение о каноническом переходе Мукачевско-Прешовской епархии в состав Русской православной церкви, которое поэтапно реализовывалось на протяжении 1945 г. Вопрос о создании «Карпаторусской Советской Республики», обозначенный православным духовенством в письме Сталину, серьезно не обсуждался.

Советская сторона осознавала, что в руководящих органах Закарпаття находилось немало русофилов. В архивных документах фонда Отдела международной политики ЦК ВКП(б) отложилась краткая характеристика членов Народной Рады Закарпатской Украины, составленная, по всей видимости, представителем Красной Армии. Председатель Ужгородского городского народного комитета, уполномоченный по делам коммунального хозяйства П. Сова был назван русофилом. О преподавателе гимназии, члене Хустского городского народного комитета П. Линтуре сказано следующее: «Выступает за воссоединение с СССР, но по вопросу воссоединения с СССР часто допускал ошибки, утверждая, что русины – русские, а не украинцы» [9, л. 53–54]. В этих условиях разработчики и кураторы просоветских пропагандистских кампаний делали акцент на украинской природе Закарпаття, однако действовали довольно осторожно, использовали компромиссные формулировки, дабы не вызвать недовольства у русофильски настроенного населения. Приведу типичные заголовки местного просоветского официоза – газеты «Закарпатская правда»: «Мы – дети матери-Украины», «Закарпатская Украина – плоть и кровь родины нашей, матери-Украины», «Да приютит нас, детей своих, любимая мать-Украина». Авторы некоторых статей «Закарпатской правды», однако, говорили о Закарпатье как о регионе проживания автохтонного «украинского и русского населения». Так, в статье В. Дианича – одного из участников партизанского движения в Закарпатье – в номере «Закарпатской правды» от 17 декабря 1944 г. содержались следующие пассажи: «Больше, чем тысячу лет украинский народ Закарпаття был оторван от своего могущественного корня – украинцев и русских. Но не имел бы права в таком случае народ Закарпаття называть своими братьями русских и украинцев, если бы он не выдержал, не перетерпел бы всех этих страданий и невзгод. Нет, мы не одиноки! За нами еще 200 миллионов таких, как мы, русских и украинцев» [8, л. 88].

23 января 1945 г. Сталин обратился с личным письмом к Бенешу. Руководитель советского государства писал, что СССР признает Чехословакию в домюнхенских границах, но не может не учитывать волю жителей Закарпатья. Сталин выразил свою убежденность, что оба правительства могут в этом вопросе договориться либо в ходе войны, либо после ее окончания. Такое предложение означало для чехословацкой стороны возможность сохранить хорошие отношения с Советским Союзом и далее не обострять неприятную для себя ситуацию. 29 января 1945 г. Бенеш в ответном письме поблагодарил Сталина за желание решить вопрос Закарпатья именно таким путем [13, с. 118].

29 июня 1945 г. в Москве был подписан советско-чехословацкий договор о включении Закарпатья в состав УССР. От СССР его подписал Молотов, от Чехословакии – З. Фирлингер и В. Клементис. 22 января 1946 г. в составе УССР была создана Закарпатская область. Начался очередной драматичный этап в истории региона.

Таким образом, вхождение Закарпатья в состав СССР было обусловлено рядом объективных причин. Большая часть населения региона встречала бойцов Красной Армии как освободителей. Агитационную кампанию, координируемую советским военным руководством, организовали так, что многие русофильски настроенные жители края поддерживали его включение в состав СССР, хотя в дискурсе того времени и господствовала идея украинской природы закарпатских русинов. Политическая элита Чехословакии не желала портить отношения с СССР из-за экономического отсталого региона с целым узлом национально-культурных противоречий, разрешить которые в межвоенный период Прага не смогла. Кроме того, «плацдарм за Карпатами», который приобретал СССР, оказался выгоден для Чехословакии в контексте получения (в случае необходимости) советской военной помощи. Поэтому советско-чехословацкий договор 29 июня 1945 г. являлся взаимоприемлемым для двух сторон решением вопроса Закарпатья.

Список источников и литературы

1. *Данилец Ю.* Поездка делегации Мукачевско-Пряшевской православной епархии в Москву и канонический переход в состав РПЦ: на материалах ГАРФ // *Rocznik Teologiczny*. 2017. № 59/1. S. 131–150.
2. *Довганич О.Д.* Возз'єднання. Збірник архівних документів і матеріалів (травень 1944 – січень 1946 рр.) про возз'єднання Закарпатської України з Радянською Україною, Закарпаття. Ужгород: Закарпаття, 2000. 344 с.
3. *Казак О.Г.* Роль Коминтерна и Коммунистической партии Чехословакии в формировании украинской национальной идентичности восточнославянского населения Подкарпатской Руси // *История. Научное обозрение Ostkraft*. 2020. № 13. С. 83–99.

4. *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. М.: Новый хронограф, 2003. 304 с.

5. *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 1. М.: Индрик, 2007. 432 с.

6. *Мицанин В.* Радянiзацiя Закарпаття 1944–1950 рр. Ужгород: РІК-У, 2018. 644 с.

7. *Пушкаш А.И.* Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. М.: Европа. 564 с.

8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 707.

9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 708.

10. РГАСПИ. Ф. 386. Оп. 2. Д. 5.

11. *Рубцов Ю.В.* Из-за спины вождя. Политическая и военная деятельность Л.З. Мехлиса. М.: ООО «Компания Ритм Эстэйт», 2003. 256 с.

12. *Сальков А.П.* Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.). Минск: БГУ, 2019. 743 с.

13. *Hubený D.* Vládní delegace na Podkarpatské Rusi jako ukázka (ne)respektování spojenecké smlouvy // Československo-sovětská smlouva 1943. Praha: Historický ústav, 2014. S. 105–119.

14. Národní archiv České Republiky. F. MV-L. Sign. 2-10-28. Kart. 115.

15. United States Department of State. Foreign relations of the United States: diplomatic papers (1945). Europe. Vol. IV. Washington: Government Printing Office, 1968. 1012 p.

УДК 908

С.Ю. Козлова¹

Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне на примере проектов «Настроение – Победа!» и «Ярославль – Город трудовой доблести» Музея истории города Ярославля

Аннотация. В статье анализируется выработанный в 2020–2021 гг. подход в презентации материалов о Великой Отечественной войне в музейном пространстве, выделяются основные факторы, влияющие на определение концептуального подхода в освещении событий войны в выставочных и экспозиционных проектах и основные тенденции работы с посетителями, нацеленные на сохранение исторической памяти о войне. В центре внимания такие аспекты музейного подхода, как формулировка идеи проекта, связанная с введением основного понятия (простой категории, не требующей дополнительных пояснений, рассматриваемой как социокультурное явление, отражающее историческую эпоху и местный исторически сложившийся контекст), и создание среды коммуникации для посетителей. Перспективным направлением деятельности по сохранению памяти о войне является развитие партиципаторных практик, обеспечивающих превращение музея в пространство культуры участия посетителей в формировании коллективных представлений о войне.

Ключевые слова: историческая память; Великая Отечественная война; Музей истории города Ярославля; проектная деятельность.

Preserving the memory of the Great Patriotic War (projects “The Mood is Victory!” and “Yaroslavl – the City of Labour Valor” in the Museum of the Yaroslavl City History)

Abstract. The article analyzes the approach developed in 2020–2021 in the presentation of materials about the Great Patriotic War in the museum space, highlights the main factors influencing the definition of a conceptual approach to covering the events of the war in exhibition and exposition projects and the main trends in working with visitors aimed at preserving the historical memory of the war. The author focuses on such aspects of the museum approach as the wording of an idea of project associated with an introduction of a basic concept (a simple category that does not require additional explanations, considered as a socio-cultural phenomenon, reflecting the historical epoch and local historical context) and creation of a communication environment for visitors. A promising avenue to

¹ Светлана Юрьевна Козлова – кандидат исторических наук, ученый секретарь Музея истории города Ярославля (Ярославль, Россия), e-mail: libushe19@yandex.ru.

Svetlana Yu. Kozlova – Candidate of Historical Sciences, Scientific Secretary, Museum of the Yaroslavl City History (Yaroslavl, Russia).

preserve memory of the war is to develop participatory practices that ensure the transformation of a museum into a space of visitor's culture of participation in the formation of collective ideas about the war.

Keywords: historical memory; Great Patriotic War; Museum of the Yaroslavl City History; project activity.

Деятельность большинства музеев в той или иной степени связана с осмыслением в разных формах и аспектах опыта прошлого, его интерпретацией, визуализацией и актуализацией. По меткому определению немецкого историка и культуролога А. Ассман, музей – это «культурный институт, где общество хранит реликты и следы прошлого после того, как они теряют живую связь со своими прежними контекстами» [1, с. 54]. В основе работы исторических музеев лежит конструирование памяти и обращение к первоначальному контексту бытования предметов. В этом смысле в настоящее время исследовательский и экспозиционно-выставочный потенциал темы «Великая Отечественная война» находится в пограничном состоянии. С одной стороны, предметы периода войны уже потеряли связь с первоначальным контекстом (война закончилась; на смену им пришли более совершенные, отвечающие потребностям мирной жизни). С другой стороны, мы еще имеем возможность организации диалога с теми, кто не просто реконструирует и реставрирует память о войне на основе разного рода источников, а имеет собственный опыт проживания в период войны.

В музейном пространстве неизбежно осовременивание, однако именно процесс придания предметам прошлого черт современности, как и их погружение в исторический контекст, обеспечивает возможность работы с посетителями, внедрения в деятельность музея эффективных подходов в сохранении исторической памяти. Осовременивание, как инструмент экспозиционно-выставочной и научно-исследовательской деятельности (в том числе, в работе с музейной коллекцией), предполагает диалог с посетителем на понятном ему языке (или ориентированный на посетителя монолог) и образность изложения материала.

Каждое поколение погружает культурное наследие в свой контекст, наделяет его дополнительными смыслами, но при этом ценность памятников истории, археологии, искусства и культуры остается неизменной или возрастает с течением времени. Историческая память является одним из модусов культурной памяти, необходимой для того, «чтобы передавать опыт и знания от поколения к поколению, формируя тем самым долговременную память» [2, с. 231]. Она чаще всего понимается как одно из измерений индивидуальной и коллективной (социальной) памяти – «как память об историческом прошлом, или, вернее как символическая репрезентация исторического прошлого» [7, с. 10]. Ее функция – «создание идеального

образа прошлого таким, каким оно должно было бы быть, чтобы оправдать легитимность существующего институционального порядка и пробудить чувство гордости за принадлежность к данной «мы-группе», ощущающей свое единство» [6, с. 284]. Процесс трансляции культурной памяти в музее связан с предметами, хранящимися в фондах; используя в экспозиции, они выступают в роли средства обучения – формирования пространства памяти, в котором искусственно воссоздается серия событий и образов, «дающих иллюзию общего, разделяемого неким сообществом опыта» [5, с. 7–8].

Музей формирует отношение к культурному наследию, поддерживает интерес к прошлому. Основой исторической памяти являются «знание, традиции, ценности, символы, образы», они же занимают важное место в деятельности музея, «в своем взаимодействии способствуя сохранению, актуализации и трансляции исторической памяти» [3, с. 3]. Историческая память представляет собой набор передаваемых из поколения в поколение сообщений и рефлексий о событиях прошлого, особенно негативно опыта, угнетения, несправедливости. В исследовательской литературе представлены разные трактовки формул – событий, которые вбирает в себя историческая память: «триумф и травма» [11], «триумф и позор», «победа и поражение» [1]. И позитивный, и негативный опыт переживания события укрепляет сплоченность народа, встраивается в представления народа о самом себе и влияет на эти представления.

Великая Отечественная война является одним из исторических событий, требующих пристального внимания, концентрирующих и позитивный (прежде всего, сплоченность народа) и негативный опыт переживания, поэтому в настоящее время остро стоит проблема выбора концептуальных подходов демонстрации в музейном пространстве тем, связанных с ней.

В 2020 и 2021 гг. Музеем истории города Ярославля совместно с Государственным архивом Ярославской области и другими партнерами были инициированы и проведены проекты «Настроение – Победа!» (при поддержке Фонда «История Отечества») и «Ярославль – Город трудовой доблести», выбор концептуальных подходов в которых был связан с учетом целого ряда факторов. Во-первых, на формулировку концепции выставочного или экспозиционного проекта оказывает влияние содержание политики памяти, утверждающей доминирующие интерпретации Великой Отечественной войны. Во-вторых, принимается в расчет наличие уже существующих постоянных и временных экспозиций. С одной стороны, музей ориентируется на практику других музеев, а нахождение в музейном «русле» определяет основные подходы в презентации коллекции, развитии практики соучастного проектирования, использовании интерактивных элементов и мультимедийных средств. С другой стороны, актуализируется

необходимость выработать оригинальный (по концепции, основной идее и т.д.) подход, который понятно, доступно и всесторонне освещал бы местный контекст и вплетал бы его в общую фактологическую и хронологическую канву Великой Отечественной войны. В-третьих, в рамках проектов создается понятный для посетителя музейный нарратив о событиях войны, происходит осовременивание исторического материала без крайнего его упрощения. В-четвертых, в проекте «Ярославль – Город трудовой доблести» в большей степени раскрытие исторической темы связано с созданием нарратива посредством визуальных эффектов (мультимедиа, фотографии, рассказы очевидцев событий) и обеспечением условий для смены эмоционального фона в восприятии материала – от отстраненного наблюдателя к активной эмоциональной рефлексии. Музей не только рассказывает о событиях войны, но и транслирует мысль о том, что трагические страницы истории не должны повториться.

С учетом отмеченных факторов в рамках музейных проектов «Настроение – Победа!» и «Ярославль – Город трудовой доблести» был выработан единый многоаспектный подход к презентации материалов о Великой Отечественной войне в экспозиционном пространстве.

Первый аспект этого подхода – выделение основного понятия, простой категории, не требующей дополнительных пояснений, рассматриваемой как социокультурное явление, отражающее историческую эпоху и местный исторически сложившийся контекст. В первом проекте в качестве основного было выделено понятие «победа», во втором – «труд». В ходе подготовительного этапа проектов происходил постоянный поиск новых форматов презентации «триумфа и травмы». При выборе основного понятия необходимо учитывать, что подходы в презентации «травмы», всегда содержащей скрытый потенциал для разобщения народа, большие возможности для индивидуальных трактовок и интерпретаций, чем «триумф», должны исключать возможности деструктивно-непродуктивной рефлексии со стороны посетителей и способствовать осмыслению исторического опыта. Музей показывает материал максимально нейтрально, выступает в качестве пространства для дискуссий и коммуникации, обеспечивающей сохранение исторической памяти.

Второй аспект подхода в освещении событий Великой Отечественной войны связан с тем, что в музейном пространстве история – это не только реконструкция и репрезентация того, чего уже нет. Важная задача музея состоит в создании условий для анализа и конструктивного обсуждения прошедших событий, в создании среды коммуникации. Как справедливо отмечает известный исследователь памяти В. Канштейнер, «коллективная память проистекает из разделенной коммуникации о значении прошлого,

закрепленной в жизненном мире индивидов, которые принимают участие в общественной жизни соответствующего коллектива» [12, р. 185].

В выставочном проекте «Настроение – Победа!» был организован диалог специалистов-историков и основной целевой аудитории – обучающихся ярославских школ 6–11 классов. Музей выступил посредником в отмеченной коммуникации и определил основные темы для диалога: «Ярославль в годы Великой Отечественной войны», «Сохранение памятников истории и культуры в годы Великой Отечественной войны», «“Неудобные страницы” в истории Великой Отечественной войны», «Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне», «Темы войны и Победы в изобразительном искусстве СССР и современной России». Выбранные темы позволили не только организовать коммуникацию за рамками обыденной практики школьников, но и выявить требующие пристального внимания проблемы, которые в перспективе могут быть использованы для разработки экскурсий, уроков в музее, занятий для школьников. Целью проекта являлось создание условий для вовлечения школьников в изучение истории Великой Отечественной войны, повышение исторической грамотности путем презентации объективной, основанной на музейной коллекции и архивных материалах информации, патриотическое воспитание и духовное развитие. Поэтому в ходе проводившихся экскурсий и занятий активно обсуждались архивные документы и задавались вопросы по их содержанию, рассматривались музейные предметы с точки зрения их функционала и значения в военное время.

В рамках проекта «Ярославль – Город трудовой доблести» в экспозиции музея основной акцент смещен на обсуждение работы промышленных предприятий и условий труда в военное время. В соответствии с указом Президента Российской Федерации, в 2020 г. почетное звание «Город трудовой доблести» было присвоено 20 российским городам, в том числе и Ярославлю. Это звание присваивается «за значительный вклад жителей городов в достижение Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., обеспечение бесперебойного производства военной и гражданской продукции на промышленных предприятиях, проявленные при этом массовый трудовой героизм и самоотверженность» [10]. Ориентируясь на школьников, как одну из основных целевых аудиторий, уже на этапе подготовки нового экспозиционного комплекса музей организовал серию вебинаров с преподавателями истории ярославских школ и средних специальных учебных заведений с целью выявления потребности в освещении отдельных эпизодов военной истории, конструктивного соотношения представляемого в музее материала и учебной программы.

Третий аспект музейного подхода – активное развитие партиципаторных практик, обеспечивающих превращение музея в пространство куль-

туры участия посетителей в формировании коллективных представлений о войне. Ключевым моментом здесь служит «привлечение посетителей в диалог между музеем и собой, который приводит посетителей к новой роли: они становятся активными соучастниками культурного процесса, происходящего в музее» [9, с. 163]. Из партиципаторных технологий в контексте истории Великой Отечественной войны Музей истории города Ярославля придает весомую социальную значимость личному опыту проживания в военное время, включенному в музейную коммуникацию [8]. Посетителям предлагалось рассказать о своих родных, участниках войны и тружениках тыла, в рамках проекта «Настроение – Победа» и музейной акции «Открытая витрина», самостоятельно определить содержание выставочного комплекса, пополнявшегося в ходе работы выставки. Интерес к такому формату работы со стороны самих посетителей связан с возрастанием в настоящее время роли мемориальных процессов, в основе которых – обращение к событиям прошлого, попытки его осмысления и поиск ответов на вопросы, ранее не поднимавшиеся или поднимавшиеся в узком контексте. Такой подход повышает эффективность работы музея: нарративы способствуют запоминанию и трансляции идеи, влияют на поведение людей, это – «живая история», которая привлекает к себе внимание. Заинтересованность посетителей в посещении экспозиции значительно возрастает, если осознание необходимости сохранения памяти об историческом событии сочетается с представлением о личном вкладе в это дело. Наиболее активной категорией посетителей, принимающих участие в музейных акциях по сбору экспонатов в рамках проектов, является семейная аудитория. Сохранение памяти о войне в данном случае базируется на личной заинтересованности посетителей, внутрисемейной коммуникации, совместной подготовке материалов, т.е. музей способствует сохранению исторической памяти уже на этапе предварительной подготовки материалов к экспонированию.

Индивидуальное воспоминание – это не только непосредственное свидетельство о прошлом, но и симптом, отражающий культурный контекст самого вспоминающего. Именно основываясь на индивидуальном культурном контексте, личных знаниях и заинтересованности в освещении конкретных тем, связанных с участием родственников в Великой Отечественной войне, строится культура участия посетителей в оформлении музейных экспозиций по отмеченной теме. В настоящее время еще возможно вовлечение людей, которые сами являлись участниками событий, коммуникация с ними может быть организована напрямую или через родственников. В этом случае, как отмечает Л.П. Репина, «главным предметом истории становится не само событие прошлого, а память о нем, образ, который за-

печатлелся у переживших его участников и современников, транслировался непосредственным потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях, подвергался проверке и фильтрации с помощью методов исторической критики» [7, с. 9–10].

В основе культуры участия лежит процесс перехода индивидуальной памяти в коллективную, который не ограничивается только памятью поколений или семейной преемственностью, но и определяется коммуникацией внутри социальных групп. Необходимо учитывать, что чуждая нам система взглядов и строй мыслей, господствовавшие в период создания источников (в том числе, хранящихся в семейных архивах), поступки людей, мотивировавшиеся ценностями и идеалами эпохи, «с трудом доступны современному сознанию» [4, с. 19]. Отмеченное утверждение известного историка-медиевиста и культуролога А.Я. Гуревича, относящееся к Средневековью, отчасти применимо и к периоду Великой Отечественной войны, от начала которой нас уже отделяют 80 лет. В этом смысле культура участия не открывает возможности для понимания прошлого, а скорее инициирует активность и дает некоторый инструментарий, позволяющий приблизиться к этому пониманию.

Подводя итог, необходимо отметить, что в современном мире музеи являются «живыми» пространствами сохранения культурной и исторической памяти. В этом отношении музей играет значимую роль, и его функциональность подразумевает разнообразие практик. Музей является местом для дискуссий и коммуникации, создания собственного нарратива, образовательным пространством и территорией исторической грамотности, местом памяти, пространством культуры участия и эмоциональной рефлексии, содействует созданию ценностного канона. Пространство исторического музея в сочетании с авторскими концепциями, собственной манерой воспроизведения исторического контекста, оригинальной коллекцией, коммуникационной практикой, архитектурными и художественными решениями максимально полно погружает посетителя в контекст Великой Отечественной войны и создает условия для сохранения исторической памяти.

Список источников и литературы

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. *Ассман А.* Забвение истории – Одержимость историей / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
3. *Божеченко О.А.* Музей в формировании исторической памяти: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2012. 24 с.
4. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.

5. *Наварро О.* История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 3–11.
6. *Нестеренко А.Н.* Историческая память и современность // Вестник Российской академии наук. 2012. Т. 82. № 3. С. 284–288.
7. *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
8. *Саймон Н.* Партиципаторный музей / пер. с англ. А. Глебовской. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 439 с.
9. *Смирнов А.В.* Партиципаторный музей как пространство репрезентации культурной травмы // STUDIA CULTURALE. 2019. № 40. С. 162–171.
10. Указ Президента Российской Федерации «О присвоении почетного звания Российской Федерации «Город трудовой доблести» от 2 июля 2020 г. № 444 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 15.06.2021).
11. *Giesen B.* Triumph and Trauma. Boulder: Paradigm Publishers, 2004. 208 p.
12. *Kansteiner W.* Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // History and Theory. Vol. 41. № 2. P. 179–197.

УДК 94(470).84.8

С.П. Ким¹

Организация, состав и динамика численности оздоровительных команд японских военнопленных в СССР (1945–1950 гг.)

Аннотация. В статье рассматриваются организация, состав, динамика численности оздоровительных команд японских военнопленных в СССР – группы японских военнопленных с особым режимом работы, питания и распорядком дня, которые создавались НКВД (МВД) для снижения заболеваемости и смертности. Проблема выявления причин высокой заболеваемости и смертности среди японцев, которых в конце августа 1945 г. советское руководство привлекло к принудительному труду в тылу СССР, является одной из дискуссионных и нерешенных в отечественной и зарубежной историографии. Возникает необходимость в исследовании медицинского обслуживания лагерей и отдельных рабочих батальонов для японских солдат и офицеров. Автор статьи на основе архивных документов исследует вопрос о том, какое влияние оказывала деятельность оздоровительных команд на заболеваемость и смертность. Сделан вывод, что создание оздоровительных команд позволило в существенной мере сократить заболеваемость и смертность среди военнопленных японцев.

Ключевые слова: лагерь НКВД; военнопленные; Япония; советско-японские отношения; медицинское обслуживание военнопленных; Вторая мировая война; МВД.

“Wellness units” for Japanese internees in the USSR: organization, requirements, development in numbers (1945–1950)

Abstract. The article deals with “Wellness units” for Japanese internees in the USSR. After August 14th 1945 Japanese internees surrender to the Soviet troops in Manchuria, Sakhalin and Kuril Islands and were to be permitted to return to their homes, but later Soviet leadership decided to intern them to USSR and use as labour force in camps. Harsh climate as well as poor living condition resulted in high morbidity and death rates. Soviet Ministry of Inner Affairs sought to improve the situation: new hospitals were built, better accommodation provided. It was not enough however: in an attempt to stop rapid increase in mortality, “wellness units” were created. “Wellness units” of Japanese internees, interned in the USSR after WW2, were created by Soviet Ministry of Inner Affairs in order to cease

¹ Сергей Петрович Ким – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории РАН (Москва, Россия), e-mail: sergeypkim@gmail.com.

Sergey P. Kim – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Center for Military History of Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

mortality surge. The author tries to consider their organization, requirements, development in numbers of these “wellness units”.

Keywords: NKVD; labour camps; Japan; POW's; Japanese internees; Soviet-Japanese relations; medical attention for internees; WW2.

После окончания Второй мировой войны Советский Союз нуждался в трудовых ресурсах для восстановления экономики. Реализация послевоенного четвертого пятилетнего плана (1946–1950), утвержденного Верховным Советом СССР 18 марта 1946 г., легла на плечи не только гражданского населения и демобилизованных красноармейцев, но и заключенных исправительно-трудовых колоний и исправительно-трудовых лагерей. Помимо граждан СССР советское руководство активно использовало и труд иностранных военнопленных: немцев, румын, венгров, итальянцев, японцев и других военнослужащих, разоруженных Красной Армией в годы войны. Их общая численность составляла 2 038 374 человека, что превышало количество заключенных ГУЛАГа на 1 января 1946 г. (1 703 095 человек) [6; 20] и было сопоставимо с населением Молотовской области РСФСР в довоенный период (согласно Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г., 2 087 357 человек) [19, с. 65].

Военнослужащие японских частей сдали оружие одними из последних во второй половине августа 1945 г. Массовое разоружение японских солдат и офицеров началось 19 августа и завершилось в сентябре. Большинство из них было отправлено на территорию СССР в сентябре – декабре. Из 639 776 военнопленных японцев, сложивших оружие после завершения Маньчжурской наступательной стратегической операции, Южно-Сахалинской и Курильской десантных операций в Маньчжурии, Северной Корее, на Сахалине и Курильских о-вах, на территорию СССР в 1945–1946 гг. было отправлено 510 тыс. человек. К 1 июня 1946 г. в Советском Союзе содержалось 2 038 374 иностранных военнопленных, из которых 466 497 человек составляли японские солдаты, офицеры и генералы. Их численность была выше, чем количество заключенных в советских тюрьмах в 1940 г. (461 683 человек) [6, с. 20].

Японские военнопленные работали преимущественно в угольной, горнодобывающей, тяжелой, лесной, строительной, топливной промышленности. Для их размещения спешно организовали и построили трудовые лагеря, подчиненные наркомату (с 15 марта 1946 г. – министерству) внутренних дел. Лагеря возводились при хозяйственных объектах, на которых предполагалось использовать труд японских военнослужащих. За их физическим состоянием и результатами труда следило лагерное руководство. В связи с тем, что количество отправленных в СССР военнопленных значительно увеличилось, в 1945 г. было создано 73 новых лагеря, из которых

50 предназначались японцам. Кроме того, пришлось укрупнить уже работавшие лагеря, в том числе за счет организации новых лагерных отделений, общее число которых достигло 1 219; из них 367 отделений было создано специально для размещения японских военнопленных.

Поскольку большинство военнопленных было вывезено в СССР, руководство МВД осознавало, что в дальнейшем значительно пополнить их численность будет невозможно. Хотя к началу 1946 г. около 25 тыс. человек еще содержалось во фронтовых лагерях в Северной Корее в качестве трудового резерва, советское руководство понимало, что в случае значительного сокращения численности военнопленных, в особенности трудоспособных, неминуемо уменьшатся объемы сделанной ими работы, что, в конечном счете, отразится на плановых показателях. Кроме того, количество военнопленных из года в год снижалась вследствие репатриации. Поэтому смертность, вызванная неудовлетворительными трудовыми и санитарно-бытовыми условиями и плохим медицинским обслуживанием, а вместе с этим потеря трудовых ресурсов, была крайне нежелательной для МВД.

Начиная с конца августа 1945 г. дальневосточные регионы спешно готовились к приему военнопленных японцев в условиях приближающегося зимнего сезона. Региональные власти не располагали достаточным временем для подготовки лагерных отделений для нового контингента, в связи с чем часть лагерей оказалась не готова. Особенно сложное положение возникло в лагерях, создававшихся для строительства Байкало-Амурской магистрали: большинство жилых помещений представляли собой палатки, возведенные вокруг деревянного каркаса, землянки и другие временные постройки, сооруженные самими военнопленными. Такие условия были опасны ввиду суровых зим Дальнего Востока и Сибири. Несмотря на ряд директив от Наркомата внутренних дел, лагерные отделения в большинстве своем не смогли подготовиться к зимнему сезону 1945–1946 гг. Специальная комиссия, сформированная из представителей региональных отделов военного снабжения МВД, областного и краевого руководства органов внутренних дел и возглавляемая заместителем начальника Главного управления по делам военнопленных и интернированных¹ генерал-лейтенантом И.В. Петровым, выборочно проверив ряд лагерей на Дальнем Востоке и Сибири, 12 апреля 1946 г. сообщила министру внутренних дел, что только 15–20 % лагерных отделений обеспечены долговременным жильем.

¹ Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР – ведомство, в задачи которого входила реализация всего комплекса вопросов, касавшихся военнопленных: прием, распределение, организация учета, трудового использования, снабжения военнопленного контингента, политической работы в лагерях МВД, разработка норм материального обеспечения и контроль за физическим состоянием и репатриацией военнотружущих.

Не вызывали оптимизма условия и организация труда: Комиссия во главе с Петровым установила, что японские военнопленные были вынуждены добираться пешком до места работы, до двух часов занимали переключка и построение, практиковалась сверхурочная работа. Не решены были и вопросы материально-технического обеспечения: в местах работы не открывали пункты обогрева, военнопленные носили обмундирование, которое не защищало от сибирских и дальневосточных холодов. В продовольственном пайке зачастую не хватало белков и жиров, продукты доставлялись некачественные, энергетическая ценность составляла 1,5–1,7 тыс. ккал, в то время как для восполнения сил в условиях тяжелых физических нагрузок требовалось 3–3,5 тыс. ккал в сутки.

В целом ГУПВИ констатировало, что большая часть лагерей для японских военнопленных не выполнила указания МВД, вследствие чего в осенне-зимний период 1945–1946 гг. заболеваемость и смертность среди японцев возросли. Хуже всего было налажено снабжение продовольствием и организация специальных госпиталей и лазаретного лечения. Недостаток калорийной пищи вместе с бытовой неустроенностью жилых помещений привели к росту не только заболеваемости и смертности, но и числа военнопленных, которые не могли выполнять работу, требовавшую тяжелого труда. Снижение количества работоспособных лиц приводило к тому, что расходы на содержание (строительство лагерей, снабжение, обмундирование, инструменты и средства производства) превышали доходы, получаемые от труда. При этом все виды труда легкой степени тяжести, к которым относилась работа внутри лагерных зон, уход за растениями на подсобных хозяйствах, ремонт одежды и др., не засчитывались военнопленным и, соответственно, не оплачивались организациями и предприятиями, использовавшими их труд. Начиная с февраля 1946 г. начальствующий состав лагерей, региональные отделы и управления внутренних дел стремились к обеспечению окупаемости труда, не имея при этом опыта работы с контингентом и зачастую не зная нормативно-правовой базы. В расходы на содержание военнопленных включалось не только питание и обмундирование, траты на инвентарь и инструменты, топливо, транспорт, электроэнергию и т.п., но и денежное вознаграждение, которое выплачивалось им с удержанием всех расходов в случае 100 %-го выполнения плана и сохранения дисциплины.

Поддержание хорошего физического состояния военнопленных стало одной из проблем, которую предстояло решить руководству НКВД (МВД). Важным аспектом в этом вопросе являлось медицинское обслуживание. Создание сети госпитальных учреждений для лечения японских солдат и офицеров осуществлялось за счет средств Главного военно-санитарного

управления Красной Армии (ГВСУ КА). Те из военнопленных, которым требовалось обеспечить стационарное лечение, направлялись в спецгоспитали. К началу января 1946 г. для японцев был выделен 31 спецгоспиталь на 14 700 коечных мест [10, л. 53]. И хотя их местоположение выбирали так, чтобы на каждые 1–2 лагеря приходился один спецгоспиталь, к началу января 1946 г. они, как свидетельствуют отчетные документы ГУПВИ, были заполнены на 103 % (15 078 больных). При этом на тот момент часть военнопленных находилась в пути, а порядка 136 тыс. человек не прошли медицинского освидетельствования [9, л. 141, 155]. Кроме того, 8 520 человек были помещены в лагерные лазареты, и для их дальнейшего лечения часто требовалась госпитализация в стационар. В дальнейшем их количество только увеличивалось: к началу февраля их уже насчитывалось 21 221 человек, при том что из 415 тыс. японских военнопленных, поставленных на учет в МВД, осмотр прошли лишь 384 тыс.

В таких обстоятельствах МВД начало уделять внимание альтернативным методам восстановления работоспособности иностранных солдат и офицеров. К таковым можно отнести оздоровительные команды, создававшиеся в лагерях с обычным режимом содержания, а также оздоровительные лагерные отделения и целые оздоровительные лагеря. Оздоровительные команды (ОК) представляли собой группы военнопленных с особым режимом работы, распорядком дня и содержанием, при котором ослабленные, но не исключенные из баланса рабочей силы люди зачислялись в специальные группы, работавшие по щадящим планам на самых легких работах. Главной целью оздоровительных команд, лагерей и лаготделений являлось восстановление физического состояния и трудоспособности ослабленных военнопленных. Реализация этой задачи позволяла не прибегать к госпитализации и их дальнейшему исключению из баланса трудового фонда, т.е. общей численности военнопленных, годных к выполнению работ. Зачисленным в ОК полагалось особое питание, которое следовало выдавать три раза в день по специально разработанному меню. При ухудшении состояния здоровья военнопленных госпитализировали, при улучшении – переводили обратно.

Деятельность оздоровительных команд рассматривалась историками преимущественно в рамках изучения более широкой темы – медико-санитарного обслуживания и обеспечения лагерей для японских военнопленных (И.Д. Бацаев [2], С.С. Букин, А.А. Долголюк [3], Н.М. Маркдорф [5], С.И. Кузнецов [7]). Вопросы смертности и заболеваемости исследовали О.Д. Базаров [1], М.Н. Спиридонов [18], М.А. Кузьмина [8], Э.Б. Гучирова [4]. Эта проблематика так или иначе затрагивается в работах почти всех авторов, изучавших пребывание японских военнопленных на территории

СССР (Е.Л. Катасонова, С.В. Карасев и др.). Историография проанализирована в публикациях С.В. Серебренникова [17]. Представляется обоснованным его вывод о том, что вопрос об ОК и «комнатах отдыха», в которых «поправляли здоровье» ослабленные японские военнопленные, выяснение того, в какой мере они использовались в качестве поощрения «передовиков производства» и «лагерных активистов», требует более внимательного исследования. Признавая весомый вклад уже проделанной в историографии работы, следует все же признать, что организация ОК, госпитального лечения, динамика численности и состав трудового фонда нуждаются в более детальном изучении. В первую очередь, важно обратиться к рассмотрению таких вопросов, как создание оздоровительных отделений, основания для отбора в оздоровительные команды, изменение их численности и их значение в восстановлении здоровья ослабленных военнопленных японцев и т.п.

Согласно Положению об оздоровительных лагерях, лаготделениях и командах, утвержденному министром внутренних дел 10 мая 1946 г., отбор в оздоровительные команды производился врачебными коллективами лагерей исходя из медицинских показателей. В оздоровительные команды, лагерь и лагерные отделения попадали военнопленные: 1) пострадавшие от неполноценного питания, тяжелой работы; 2) с явными признаками дистрофии, но не требовавшие стационарного лечения; 3) реконвалесценты, перенесшие тяжелые заболевания или оперативное вмешательство и требовавшие после выписки из лазарета или спецгоспиталя временного отдыха, общеукрепляющего лечения и питания; 4) добросовестно относившиеся к труду, но в силу начинавшегося ослабления физического состояния нуждавшиеся в отдыхе [11, л. 1–2].

Срок пребывания военнопленных в оздоровительных командах не превышал трех месяцев, и мог закончиться либо возвращением в производственный лагерь, либо переводом в лазарет или спецгоспиталь. Для военнопленных действовал специальный распорядок дня, включавший лечебные процедуры, прогулки, послеобеденный отдых, трудотерапию (не более трех часов в сутки), политпросветработу (2 часа) и сон (не менее 8–9 часов). Трудотерапия могла применяться только по назначению врачей, при этом виды работы и продолжительность рабочего времени определялись в индивидуальном порядке с учетом состояния здоровья.

В январе 1946 г. во время проверки лагерей Дальнего Востока и Сибири одна из комиссий, куда входили заместитель начальника ГУПВИ генерал-майор Н.Т. Рагушный и заместитель начальника 1-го отдела (трудового использования военнопленных) ГУПВИ полковник И.С. Денисов, предложила создать 1–2 оздоровительных отделения в каждом лагере, с тем чтобы туда на время холодов перевести всех ослабленных для проведения лечебно-оздоровительных мероприятий и трудотерапии.

Японских военнопленных из третьей группы по трудоспособности (отправлялась только на легкие работы) предложили в полном составе перевести в оздоровительные команды, при этом с января по март выдавать усиленное питание с 25 % надбавкой по сахару и овощам, а также дополнительно 700 г. хлеба [10, л. 33]. Сначала предполагалось, что они будут находиться в оздоровительных командах с января по апрель, но затем нарком внутренних дел разрешил продлить срок до мая.

Все предложения были включены в директиву НКВД № 16 от 16 января 1946 г. «Об оздоровительных мероприятиях в лагерях НКВД для военнопленных и интернированных», а также в план работы ГУПВИ на 1946 г. У ГУПВИ уже имелся опыт по созданию оздоровительных учреждений: в 1944 г. для восстановления трудоспособности военнопленных, прибывавших из фронтовых районов, создавались отдельные оздоровительные лагеря. Их опыт оказался успешным: 62 % таких лагерей в итоге смогли покрыть расходы на содержание находившихся на лечении лиц [12, л. 11]. Однако руководство НКВД не спешило создавать отдельные лагеря для размещения оздоровительных команд для японцев и сформировало оздоровительные отделения в рамках уже существовавших лагерей, чтобы не нарушать их работу.

В конце января были подготовлены проекты распоряжений ГУПВИ во исполнение директивы НКВД № 16. Однако при ее выполнении ГУПВИ столкнулось с проблемой нехватки жилых помещений под оздоровительные отделения. Они должны были вмещать не менее 100 тыс. человек, для чего следовало освободить имевшийся жилой фонд, находившийся в собственности у органов внутренних дел. Наркоматы, использовавшие помещения, принадлежавшие НКВД, обязывались предоставить собственное жилье здоровым военнопленным в срок до 15 мая 1946 г. Все средства, заложенные на ремонт уже имевшихся помещений, следовало полностью направить на благоустройство и расширение существовавших собственных помещений, обеспечив до осени «образцовое состояние этих лагерей» [11, л. 6].

К концу февраля деятельность ведомства подверглась критике со стороны наркома внутренних дел С.Н. Круглова. Он отмечал, что ГУПВИ стало работать хуже, безынициативно, не доводя дело до конца и совершенно не ставя «никаких вопросов», не требуя от ГУВС¹ и ГУШОСДОР² выполнять свои обязанности [15, л. 68]. Согласно информации, представленной

¹ Главное управление военного снабжения НКВД (МВД) СССР – ведомство, отвечавшее за снабжение лагерей военнопленных и интернированных.

² Главное управление шоссейных дорог НКВД (МВД) СССР – ведомство, отвечавшее за строительство новых и ремонт старых дорог, а также за их эксплуатацию. ГУШОСДОР также активно использовал труд иностранных военнопленных и заключенных.

руководству НКВД офицером для особых поручений при наркоме внутренних дел подполковником Масленниковым, ГУПВИ не смогло добиться исполнения указанных в директиве мероприятий. Так, запланированный перевод всех военнопленных из третьей группы по труду в оздоровительные команды осуществлен не был из-за того, что Главное управление по делам военнопленных и интернированных не смогло проконтролировать их создание. Собственно, санитарный отдел ГУПВИ не предоставил ни отчетности, ни анализа по смертности среди военнопленных, которая, по данным Масленникова, составляла 0,4 % от списочной численности японцев и выросла по сравнению с январем на 0,1 %. Критика затронула и Главное управление военного снабжения. Следует отметить, что в списке критикуемых отсутствовал заместитель начальника ГУПВИ Петров, который, следует полагать, и предоставил все данные по заболеваемости и смертности руководству НКВД по итогам работы выездных бригад ГУПВИ на Дальний Восток и в Сибирь.

В марте и мае 1946 г. ГУПВИ поспешило отчитаться о проделанной работе. НКВД располагал собственными жилыми помещениями, способными вместить 52 тыс. человек. Всего же в оздоровительных отделениях были созданы условия для размещения 114,5 тыс. человек. Большая часть помещений, однако, создавалась за счет организаций и предприятий, использовавших труд военнопленных. За январь – май в оздоровительные отделения поступило 95 768 человек, из них после прохождения оздоровительных мероприятий годными к тяжелому и среднему труду было признано 67 013 человек, а в мае завезено еще 78 175. Всего же общая численность ослабленных иностранных военнопленных в системе МВД насчитывала 184 619 человек. Для благоустройства оздоровительных лаготделений было потрачено 2,2 млн руб. [11, л. 22].

К осени 1946 г. оздоровительные отделения функционировали в 83 областях, в том числе в Бурят-Монгольской АССР, Узбекской ССР, Иркутской области и Хабаровском крае. К 1 января 1947 г. на Дальнем Востоке и в Сибири для японских военнопленных было создано уже 73 оздоровительных лагерных отделения вместимостью 74,7 тыс. человек [14, л. 1–3]. Самыми крупными из них являлись отделения при лагерях № 99 в Казахской ССР (5 тыс. человек), № 148 в Красноярском крае (3 тыс.), № 30 в Бурят-Монгольской АССР (1 тыс.) и № 25 в Читинской области (1 тыс.) [14, л. 1–3].

Отношение третьей группы по трудоспособности к числу входящих в трудовой фонд военнопленных японцев по состоянию на 1 января 1946 г. составляло 13,9 %, к 1 июля – уже 8,1 %, колеблясь в пределах десятых долей процента (30–40 тыс. человек) вплоть до 1 декабря 1946 г. В оздоровительные команды в ноябре 1946 г. поступило 11 298 человек,

большая часть из них была причислена ко второй группе труда. К декабрю 1946 г. в оздоровительные команды направили 18 049 человек, за месяц поступило 11 929, а выписали только 7 630, при том что в спецгоспитали направили еще 832 военнопленных [16, л. 129]. Наибольший пик использования ОК пришелся на первые месяцы 1947 г. В первых числах января в ОК перевели 21 762 человек и за месяц поступило еще 28 599, при этом выписали лишь 10 827 (21,5 %). Госпитализировали только 1 133 человек. Большинство военнопленных были причислены ко второй (5 422 человек, 11 %) и третьей группам труда (3 729, 7,5 %). Первая же группа оказалась самой малочисленной (1 676, 3,3 %).

Одной из основных и важнейших задач, поставленных Кругловым всем своим подчиненным в феврале 1947 г., являлась реализация в кратчайшие сроки ряда мер, направленных на предотвращение деградации физического состояния военнопленных, восстановление трудоспособности ослабленного контингента, а также максимального снижения заболеваемости и смертности среди них. Учитывая переполненность лазаретов, не снижавшийся поток больных, направленных в спецгоспитали, ОК являлись удобным средством, позволявшим не допустить значительного ухудшения состояния военнопленных. В случае улучшения здоровья военнопленные выписывались и направлялись обратно в свои лагеря и лагерные отделения.

Анализ статистики по движению военнопленных в ОК лагерей позволяет отметить следующее. С января по апрель 1947 г. количество находившихся на конец месяца военнопленных только увеличивалось, достигнув своего пика в начале марта (63 281 человек) и в конце февраля (63 959), что объясняется необходимостью выполнения директив и приказов МВД, инициировавшего «особый режим» в лагерях для восстановления физического состояния военнопленных. Самое большое количество ослабленных, поступивших за месяц, пришлось на февраль (40 791 человек), а выписанных – на апрель (35 092). Большинство зачисленных в ОК японцев на протяжении всего 1947 г. было отнесено ко второй группе по трудоспособности, которая могла выполнять работу, требовавшую труда средней степени тяжести. С августа по ноябрь из ОК производилась репатриация, но численность единовременно убывших не превышала 2 636 человек [16, л. 46, 61, 74, 76]. Количество выписанных из ОК за период с января по июнь в разы уступало численности поступивших лиц. Начиная с июля количество выписанных сначала сравнилось, а затем превысило число поступивших. На декабрь 1947 г. в ОК состояло лишь 4 257 человек, а приток за месяц составил 2 641, снизившись по отношению к январю более чем в 10 раз.

Увеличение в феврале – апреле количества военнопленных, переведенных в оздоровительные команды, объяснялось не сознательностью или

опытностью руководителей региональных отделов и управлений внутренних дел, а указаниями ГУПВИ. Еще 12 декабря 1946 г. медико-санитарное управление ГУПВИ, предполагая, что показатели по заболеваемости будут только увеличиваться, предложило заблаговременно перевести всю третью группу по трудоспособности в оздоровительные учреждения и при этом полностью освободить ее от всяких обязательных работ, оставив труд только в качестве трудотерапии [11, л. 174].

В мае 1947 г. отдельные указания по работе ОК получили и работники санитарных отделов лагерей. Начальник медико-санитарного управления ГУПВИ М.Я. Зетилов разослал указания, в которых подчеркнул важность реализации директивы МВД № 97 от 21 мая 1947 г. «О проведении оздоровительных мероприятий в лагерях МВД для военнопленных в условиях летнего периода». «Вам и всему коллективу медицинских работников лагеря необходимо уяснить исключительную важность намеченных директивой мероприятий, активно включиться в их осуществление и неослабно вести контроль за выполнением данной директивы», – так Зетилов обозначил задачи своим подчиненным [13, л. 62, 88, 101, 114, 129, 165].

В течение нескольких лет пребывания в плену военнопленные были направлены на тяжелую работу, зачастую на вредных производствах. Труд без регулярных выходных дней приводил к тому, что на почве общего физического переутомления производительность хотя и не падала, однако физическое состояние военнопленных ухудшилось. В конечном итоге, даже здоровые люди зачислялись на длительный срок в оздоровительные команды и временно исключались из трудового фонда.

Теплые месяцы (май – август) 1947 г. руководство ГУПВИ стремилось использовать максимально эффективно для восстановления работоспособности японцев. В мае и июне медицинский отдел ГУПВИ отчитался о проведенных мероприятиях в ОК. В рацион питания активно включалась дикорастущая зелень. Больные ОК регулярно осматривались врачами (медицинские осмотры проводились 2–3 раза в месяц), а в лечебной работе, кроме медикаментозного лечения, применялись витаминная и дрожжевая терапии, вливание глюкозы, переливание крови и т.д. Трудотерапия организовывалась с учетом физического состояния в каждом отдельном случае по заключению врача; больным прописывались лечебная физкультура и прогулки. Ослабленные со стойким авитаминозом и появившимися в связи с этим хроническими заболеваниями, помещались в лазареты и спецгоспитали [13, л. 74].

Помимо перевода в оздоровительные команды и лаготделения в 1947 г. пытались придумать и другие способы восстановления работоспособности и повышения производительности труда. В письме руководству

региональных органов внутренних дел № 8/4/691 от 28 февраля 1947 г. Петров призвал активнее внедрять новые формы оздоровительной работы и в качестве примера привел ряд мер, которые с февраля 1947 г. практиковались в лагерях Челябинской и Свердловской областей. В частности, создавались специальные учреждения для отдыха, куда направлялись на различные сроки военнопленные не из третьей, а из первых двух групп по трудоспособности: тех, кто в течение нескольких месяцев показывал высокие производственные результаты, но начинал ослабевать [13, л. 74].

Петров предписал организовать во всех лаготделениях специальные комнаты отдыха с хорошими культурно-бытовыми условиями: в них наладить электрическое освещение, разместить отдельные койки, чистые постели, создать уютную обстановку, обеспечить книгами и играми. Туда следовало направлять военнопленных только первой и второй групп трудоспособности с учетом физического состояния и производственных показателей. Исходя из численности военнопленных в лаготделениях следовало выделять комнаты или бараки, а при возможности организовать в одном из лагерных отделений оздоровительное учреждение типа дома отдыха. Отдых сроком 7–10 дней следовало предоставлять по заключению врачей только тем, кто направлялся на основные и ведущие работы, при этом из трудового фонда их исключать запрещалось. Они продолжали относиться к прежней группе трудоспособности и по окончании отдыха возвращались на те участки работы, с которых были сняты на отдых.

Отдельно было приказано следить за питанием военнопленных, направлявшихся на отдых: следовало сохранять полностью тот паек, который они получали во время производства. Одновременно Петров призвал искать возможности к улучшению питания отдыхавших военнопленных за счет продовольственных фондов хозорганов, привлекая последних к участию в оздоровлении работавших у них лиц. О проделанных мероприятиях Петров предписал сообщать ему лично. Одновременно руководство УПВИ и ОПВИ, а также начальство Управлений лагерей обязывались представлять в ГУПВИ ежемесячно специальную отчетность о работе комнат отдыха.

Первые комнаты отдыха начали работать в апреле (были открыты всего в 3 лагерях), к маю они имелись уже в 13 лагерях, а в июне – в 30. Однако их эффективность вызывает сомнения: за апрель – декабрь 1947 г. через комнаты отдыха прошло лишь 41 188 военнопленных японцев и немцев. Большинство поступивших приходилось на июль (6 979 человек) и август (7 991), в основном это были люди, числившиеся во второй группе труда и страдавшие от недостатка веса вследствие плохого питания [13, л. 34, 45, 54, 63, 68–69, 76–77, 88–89, 91]. Одним из главных результатов работы

комнат отдыха заместитель начальника медотдела ГУПВИ подполковник медицинской службы В.В. Кальманович назвал увеличение веса проживавших в них военнопленных на 0,2–4 кг.

За 1949–1950 гг., в отличие от 1948 г., удельный вес японских военнопленных, зачисленных в ОК, возрос, поскольку из-за репатриации уменьшалось общее число японцев, оставшихся в СССР. При этом в 1950 г. уже не оставалось военнопленных, которым по итогам обследования врачебно-трудовых комиссий не была определена группа труда. К 1 января 1949 г. в оздоровительных командах находилось лишь 1 105 человек (1,6 %), к 1 декабря – 193 (2,4 %), к 1 января 1950 г. – 178 (3,7 %), к 1 марта 1950 г. – 179 (5 %).

Согласно данным медико-санитарного управления ГУПВИ, за период с 1946 по 1948 г. через спецгоспитали, лазареты и ОК прошло более 636 тыс. иностранных военнопленных; вылечено и возвращено в трудовой фонд первой и второй групп 371 тыс. человек, третьей группы – 499 тыс. Количество японских военнопленных, зачисленных в ОК, было сопоставимо с численностью японских военнослужащих, поступивших в спецгоспитали. Японцы, прошедшие стационарное лечение, зачастую направлялись в ОК или оздоровительные лаготделения для реабилитации перед тем, как направиться в трудовые лагеря на оплачиваемую работу.

Таким образом, следует отметить, что оздоровительные команды были, главным образом, нацелены на сокращение заболеваемости и смертности среди японцев, зачисленных в третью группу по трудоспособности. Согласно указаниям руководства НКВД (МВД), их запрещалось выводить на любые работы вне лагеря, но несмотря на это в 1946–1947 гг. они нередко наравне с остальными трудились на производстве. Руководство ГУПВИ считало, что большинство скончавшихся и тяжело болевших составляли те военнопленные, которые входили в эту группу. Хотя организацию работы оздоровительных лагерей и отделений для военнопленных японцев нельзя считать приоритетной в комплексе мер, направленных на улучшение их медицинского обслуживания, следует признать, что без нее потери среди контингента стали бы более значительными.

Спецгоспитали, оперативно развернутые для лечения японцев, в 1946–1947 гг. были постоянно загружены не менее чем на 80 %, причем количество выписанных оказывалось на 10–20 % ниже, чем количество поступавших. Только репатриация ослабленных и больных, проведенная в 1947 г., позволила «разгрузить» спецгоспитали. Даже учитывая, что 25 февраля 1946 г. ГУПВИ разрешило спецгоспиталям принимать 20–22 тыс. военнопленных (т.е. на 50 % больше, чем они могли вместить), количество лиц, содержащихся в ОК, почти в два раза превышало число,

которое могли принять все спецгоспитали и лазареты лагерей. Так, на начало марта 1947 г. в ОК состояло 63 283 человек, в спецгоспиталях находилось 13 655, в лазаретах – 21 162. Процент госпитализаций из оздоровительных команд при этом составлял от 2 до 6.

Проанализированные документы позволяют увидеть, что изучение медицинского обслуживания военнопленных японцев нельзя сводить преимущественно к комплексу вопросов, связанных с функционированием сети спецгоспиталей и лазаретов, их кадровым обеспечением, заболеваемостью и смертностью. Исследованные материалы свидетельствуют, что политику СССР по отношению к японским военнопленным вряд ли следует характеризовать исключительно в негативном ключе. Руководство ГУПВИ понимало основные причины роста смертности и заболеваемости и старалось сохранить работоспособный контингент японских военнопленных. При этом преследовались прагматические цели: здоровые военнопленные продуктивнее работают и быстрее окупают свое содержание.

Список источников и литературы

1. *Базаров О.Д.* «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945–1948). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1997. 93 с.
2. *Бацаев И.Д.* Сравнение условий труда японских военнопленных и заключенных УСВИТЛа на Колыме в 1945–1949 гг. // Вестник СВНЦ ДВО РАН. 2014. № 2. С. 103–109.
3. *Букин С.С., Долголюк А.А.* Медицинская помощь военнопленным в сибирских лагерях (1943–1948 гг.) // Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. С. 126–142.
4. *Гучинова Э.Б.* Рисовать лагерь: язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР. Саппоро: Университет Хоккайдо, 2016. 220 с.
5. *Долголюк А.А., Маркдорф Н.М.* Иностранцы военнопленные и интернированные в Сибири (1943–1950). М.: Кучково поле, 2016. 544 с.
6. *Земсков В.Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27.
7. *Кузнецов С.И.* Японцы в Сибирском плену (1945–1956 гг.). Иркутск: Изд-во журн. «Сибирь», 1997. 261 с.
8. *Кузьмина М.А.* Плен (японские военнопленные в Хабаровском крае). Комсомольск-на-Амуре: Издательство К.-на-А. гос. пед. ин-та, 1996. 154 с.
9. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1п. Оп. 8з. Д. 10.
10. РГВА. Ф. 1п. Оп. 10з. Д. 2.
11. РГВА. Ф. 1п. Оп. 10з. Д. 15.
12. РГВА. Ф. 1п. Оп. 10з. Д. 18.
13. РГВА. Ф. 1п. Оп. 12з. Д. 1.
14. РГВА. Ф. 1п. Оп. 12з. Д. 9.
15. РГВА. Ф. 1п. Оп. 12з. Д. 10.

16. РГВА. Ф. 1п. Оп. 12з. Д. 15.

17. *Серебрянников С.В.* Медицинское обслуживание японских военнопленных в лагерях и спецгоспиталях Сибири и Дальнего Востока СССР (1945–1950 гг.) (вопросы отечественной историографии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (84). Ч. 1. С. 152–159.

18. *Спиридонов М.Н.* Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948): проблемы размещения, содержания и трудового использования: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2001 // Красноярское общество «Мемориал». URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Spiridonov/0.htm> (дата обращения: 15.06.2021).

19. Численность населения СССР на 17 января 1939 года. По районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам. М.: Госпланиздат, 1941. 263 с.

УДК 94(470+571+520)

*Риса Мория*¹

Творческая деятельность японских военнопленных в Сибири (1945–1956 гг.)²

Аннотация. Данная статья посвящена культурной, в частности музыкальной, деятельности японских военнопленных в Сибири после Второй мировой войны. До сих пор музыковеды не проводили исследований художественных аспектов этой деятельности, несмотря на то, что советские власти часто использовали искусство для проведения политической агитации. В данном случае культурный анализ полезен как ключ к пониманию общей картины сибирского интернирования. Это исследование призвано внести вклад в понимание исторических явлений с двух точек зрения: исторического исследования культуры и этномузыкологического исследования исторических событий. Анализ источников показывает, что контроль над культурно-досуговой деятельностью японских военнопленных являлся одним из важных направлений советской политики в их отношении.

Ключевые слова: японские военнопленные; творческая деятельность в лагерях СССР; межкультурные контакты.

Post-World War II cultural activities of Japanese prisoners of war in the former USSR (1945–1956)

Abstract. This thesis focuses on Japanese prisoners of war (POWs) in Siberia after World War II and their cultural activities, especially music-centered ones. So far, musicologists have not conducted research on the artistic and cultural aspects of Siberian POW camps despite the fact that the Soviet Union had used art and culture for political policy in the camps. Here, cultural analysis is useful in understanding the big picture of the Siberian internment. Specifically, this study aims to contribute to the understanding of historical phenomena from two perspectives: historical research of culture, and ethnomusicological research of a historical event. In this paper, we discuss Soviet policy regarding Japanese POWs and propose that Soviet politics was played out through their influence on POW cultural activities and everyday life in camps.

Keywords: Japanese prisoners of war (POWs) in Siberia; cultural activities in camps in SSSR; cultural contacts.

После Второй мировой войны японские солдаты в Маньчжурии, на Курильских островах и на Сахалине были разоружены советскими вой-

¹ **Риса Мория** – кандидат искусствоведения (музыковедение), специальный исследователь Японского общества содействия развитию науки (Токио, Япония), e-mail: lily247@mail.ru. **Risa Moriya** – PhD of Arts, musicology, Special researcher of the Japan Society for the Promotion of Science (Tokyo, Japan).

² Данное исследование было поддержано грантом JSPS KAKENHI под номером 18J40254.

сками и отправлены в лагеря Сибири, Монголии и Центральной Азии, где их привлекали к труду в течение нескольких лет. Средний возраст выживших сибирских интернированных японцев на сегодня составляет 96 лет. В послевоенное время многие из них были молодыми людьми (примерно 20 лет), призванными в армию незадолго до окончания войны, поэтому не имели реального боевого опыта. В Советском Союзе было создано 1 200 лагерей для военнопленных. В них содержалось более 600 тыс. человек. Многие не сумели приспособиться к суровым природным и бытовым условиям, в результате чего погибли. Большинство смертей произошло в течение первого года плена, главными причинами которых являлись сибирские холода, голод и тяжелые условия труда.

Важно упомянуть о современном состоянии исследований: существует более 2 000 мемуаров и рассказов, написанных бывшими военнопленными после их возвращения. До 1990-х гг. отсутствовал доступ к российским архивным материалам, и лишь после их обнародования в последующие годы увидели свет многие важнейшие публикации, посвященные пребыванию японских военнопленных в СССР. Некоторые исследования касаются и культурной деятельности японских военнопленных, однако в них в основном представлена отрывочная информация; по сей день не предпринималось комплексного изучения этого явления.

Возникновение культурной и творческой деятельности в лагерях для японских военнопленных

За весь период своего пребывания в СССР тяжелее всего японские военнопленные перенесли зиму 1945–1946 гг., итогом которой стала высокая заболеваемость и смертность. В последующем японские военнослужащие смогли в определенной степени адаптироваться к суровым зимам Сибири и Дальнего Востока. Выживание при недостаточном питании, неудовлетворительных условиях труда и быта стало первоочередной задачей, поэтому в течение первого года плена культурная жизнь в лагерях практически отсутствовала. Со второй половины 1946 г. в некоторых местах японские военнопленные с целью развлечения начали сочинять песни, стихи в жанре *танка*¹, *хайку*², изготавливать поделки и предметы из дерева, создавать картины. Эта деятельность позволяла японцам отвлечься от тяжелых трудовых будней и облегчить свое пребывание в советском плену. В Мемориальном музее репатриации г. Майдзуру (Япония) хранится стихотворное сочинение «Сиракаба Нисси» («Дневник белой березы»), написанное одним из

¹ Танка – 31-слоговая пятистрочная японская стихотворная форма.

² Хайку (хокку) – японское трехстишие, состоящее из двух опясывающих пятисложных стихов и одного семисложного посередине.

японских военнопленных. Это произведение, являясь довольно типичным, представляет собой танка, написанную на бересте. В 2016 г. «Сиракаба Нисси» был включен в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Часто такого рода индивидуальное творчество постепенно становилось коллективным, в создании которого участвовали кружки военнопленных по интересам. В некоторых случаях, как, например, в Комсомольском лагере № 18, создавались целые оркестры, которые изготавливали скрипки и другие музыкальные инструменты из березы и других материалов, найденных в ходе лесозаготовок. В отдельных лагерях исполняли песни, известные всем военнопленным, а те произведения, слова которых не могли вспомнить, часто придумывали заново, в результате чего было создано много новых стихов на мотивы старых песен.

В то же время военнопленные, хорошо владевшие *рокёку*¹, народной песней и *бон одори*², выступали по просьбе самих военнопленных. Поскольку подобные развлечения проводились для солдат еще во время войны, такая самодеятельность вызвала позитивный отклик и приветствовалась. В частности, проводились сольные выступления таких певцов, как Харуо Минами и Коичи Аоки, которые после возвращения на родину стали знаковыми фигурами на музыкальной послевоенной сцене Японии.

Согласно биографической книге «33 года истории» музыкально-танцевальной труппы «Катюша», в лагере № 19 была создана труппа из 30 человек, которую освободили от работы, чтобы она могла заниматься подготовкой и исполнением спектаклей. Среди членов труппы были гастролирующие по лагерям артисты, актеры из маньчжурских фильмов и аккордеонисты-любители. Скрипки, гитары и виолончели изготавливались вручную на лесозаводе лагеря, смычки – из хвостов лошадей колхоза, на котором также работали военнопленные из этого лагеря. Труппа постепенно приобрела вид полноценного музыкального коллектива [9, с. 27–28].

Распространение антифашистского движения в лагерях МВД сыграло заметную роль в поддержке и развитии самодеятельного творчества военнопленных и, в частности, деятельности музыкальных трупп. Даже после разоружения пленных сохранялась старая военная иерархия. Кроме того, линчевания солдат низшего звена со стороны бывшего японского начальства были чрезвычайно суровыми. Некоторое увеличение смертности в Сибири объясняется тем, что японские военнопленные учиняли самосуд. В такой непростой обстановке среди японцев проводилась идеологическая работа, основным элементом которой являлся тезис о необходимости вести классовую борьбу. В лагерях выросло количество сторонников антифаши-

¹ Рокёку – традиционное японское повествовательное пение.

² Бон одори – традиционный японский танец.

стского движения, выступавшего против разжигания новых войн. После 1946 г. оно охватило немалую часть военнопленных.

Политическое обучение военнопленных проводилось на специально организованных семинарах и занятиях в учебных группах. В лагерные библиотеки завозилась идеологическая литература. Военнопленные усваивали новые для них знания, почерпнутые из трудов В.И. Ленина и И.В. Сталина, получили возможность читать на родном языке стенгазеты и периодическую печать. Это была важная часть миссии антифашистского образования.

4 сентября 1945 г. ЦК ВКП(б) СССР одобрил издание газеты «Нихон Синбун», редакция которой находилась в Хабаровске. Главным редактором стал И.И. Коваленко, ранее служивший военным переводчиком в вооруженных силах СССР. Газета издавалась регулярно и стала играть значимую роль в антифашистской агитации. Следует отметить, что поначалу она не вызвала большого интереса у военнопленных, поскольку наполнялась пропагандой социализма и коммунизма. Однако позднее газету стали распространять члены ассоциации «Томонокай» («Товарищеский круг»), официально признанной Политбюро СССР, устраивая по этому поводу собрания, где читали и комментировали ее. Постепенно газета превратилась в важный источник информации для содержащихся в советском плену японцев [8, с. 92]. По мнению А. Кобаяси, влияние газеты «Нихон Синбун» на поддержку и развитие антифашистского движения среди японцев было значительным: под призывы начать «антивоенную борьбу» военнопленные из солдатского и унтер-офицерского составов открыто заявляли о нежелании следовать приказам своих бывших начальников – офицеров [8, с. 96–98].

Пока антифашистское движение развивалось и крепло, руководством МВД предпринимались различные меры по улучшению условий пребывания в лагерях. В то же время продолжал ощущаться недостаток в развлечениях, что привело к созданию театральных трупп. Лагерные власти активно поощряли такую рода деятельность и использовали искусство для активизации антифашистского движения. Поначалу лагерные политработники не контролировали содержание культурных мероприятий в лагерях. Можно сказать, что до 1947 г. деятельность досуговых кружков и групп была относительно свободной. В 1947–1948 гг. вмешательство в культурно-досуговую деятельность японских военнопленных стало частым явлением, при этом руководство лагерей нередко требовало от них проявлять большую культурную активность. Отдельных участников самодеятельности обучали на политических курсах для военнопленных.

На архивных фотографиях (рис. 1) представлены выступления учащихся краткосрочных курсов по подготовке членов антифашистского движения в Узбекистане. На них запечатлены хор, ансамбль гитаристов

Рис. 1. Краткосрочные курсы политической подготовки для японских военнопленных, проводимые Политическим отделом МВД в Узбекистане [13, л. 16]

и представление, сыгранное актерами из состава обучаемых, облаченными в кимоно. Эти фотографии сопровождаются надписью: «Музыка, песни, легкая музыка! Момент культурного подъема». Она отражает значение, которое имела организация культурных мероприятий среди военнопленных японцев.

Одним из музыкальных коллективов, схожих с представленным на фотографиях, стала «Новая японская музыкально-театральная труппа» Хабаровского лагеря № 1. После возвращения в Японию Окудзи Мори, один из главных участников труппы, в своих заметках описал ее создание: ввиду того, что к моменту образования коллектива ансамбли и театральные труппы уже существовали в каждом лагере, по решению лагерной администрации были отобраны по 2–3 человека из тех, которые находились в близлежащих лагерях. Следовательно, советское руководство, обратив внимание на культурную деятельность, начатую японцами, попыталось придать ей организованную форму. Создание в Хабаровском крае антифашистского комитета, в том числе, привело к расцвету культурной деятельности военнопленных.

Японские, русские и советские песни, а также творческие постановки были представлены на развлекательных мероприятиях, проходивших в разных местах. Этому способствовала вышеупомянутая «Нихон Синбун», на страницах которой часто появлялись новые стихи и песни. Только в Хабаровском крае в 1947–1949 гг. прошло три крупных региональных песенных соревнования. Целью подобных конкурсов было «показать убежденность гордых культурных активистов, полных решимости бороться за мир, учитывая свое классовое положение, под руководством Коммунистической партии Японии» (оригинал написан на японском языке) [12, л. 1]. Истинной же задачей подобных конкурсов являлась демонстрация сил и возможностей антифашистского движения. Поэтому жюри оценивало не музыкальные и художественные таланты участников, а политико-идеологическое содержание их выступлений. Очевидно, что культурная деятельность в лагерях для японских военнопленных практически приравнивалась к политической, и культура в данном случае выступала в качестве инструмента идеологического воспитания.

Бывший военнопленный виолончелист Еритое Иноуэ, являвшийся членом Пролетарского союза музыкантов Японии еще до войны, а после ее завершения активно участвовавший в антифашистском движении в лагерях, вернувшись на родину, поведал о связи между музыкальной деятельностью и антифашистским движением. До войны Иноуэ активно работал в Новом симфоническом оркестре (ныне – Симфонический оркестр NHK) и писал статьи для музыкальных журналов. Оказавшись в плену, вошел в состав ансамбля «Приморье», созданный из тех, кто стал артистом еще в довоенной Японии. Помимо Иноуэ коллектив включал скрипача Морицуна Куроянаги и вокалиста Го Китагава, позже ставшего дирижером единственного в Японии хора русской народной песни «Сиракаба» («Березка»). Основная задача ансамбля заключалась в том, чтобы, гастролируя по сибирским лагерям, улучшать морально-психологическую атмосферу и способствовать идеологическому воспитанию военнопленных. Помимо гастролей в лагерях и больницах «Приморью» часто приходилось выступать перед советскими солдатами и местными жителями в окрестностях лагерей. Программа включала советские, русские и японские песни, а также пьесы и поэтические чтения, обязательно проникнутые советской идеологией.

Сам Иноуэ писал, что одной из причин роста популярности ансамбля «Приморье» стало крепнущее антифашистское движение в лагерях. Сначала советское руководство полностью использовало имперский военный аппарат, но затем оно начало прислушиваться к требованиям основной массы военнопленных. Отправной точкой антифашистского движения стало движение за улучшение условий жизни, начавшееся снизу, а не по приказу

от бывших имперских офицеров. Слова Иноуэ подтверждают, что в лагерях движение зародилось спонтанно и развивалось самостоятельно. С одной стороны, деятельность его ансамбля напрямую не контролировалась советскими политработниками, но с другой – подобного рода музыкальные коллективы не могли полностью развиваться вне правил и условий, установленных Главным политическим управлением ВС СССР. Не исключено, что содержание «Нихон Синбун» и других советских газет, которые могли читать японцы, оказывало влияние на творчество коллективов.

Межкультурный обмен в Сибири

При анализе культурных аспектов «сибирского интернирования»¹ не менее важное место, чем политические и культурные вопросы, занимает изучение опыта личных контактов между японскими военнопленными, местным советским населением и военнопленными из других стран. В этом разделе я подробнее рассмотрю их с точки зрения межкультурного обмена.

Ёритоё Иноуэ, упомянутый ранее, вернулся в Японию в 1947 г., а в 1949 г. в издательстве «Наука» (Токио) вышла его книга «Музыкальная жизнь в Сибири». Будучи опытным музыкантом, Иноуэ стал изучать музыкальную культуру СССР после того, как на него сильное впечатление произвело великолепное хоровое пение русских сельских жителей, которое ему довелось услышать на набережной Владивостока (как раз тогда, когда он понял, что их, пленников, перевозят в Сибирь). Иноуэ как музыкант ансамбля «Приморье» имел возможность выступать и за пределами лагеря, в соседних российских деревнях; однажды он даже смог поговорить с московскими музыкантами, которые рассказали о современной на тот момент советской музыке. Встреча с советским джазовым ансамблем стала своего рода культурным обменом. Программа мероприятия была выстроена таким образом, что японцы выступали сразу после советских музыкантов. Репертуар коллектива Иноуэ включал следующие произведения: первая часть – «Кумпарсита», «Танго ночи», «На сопках Маньчжурии», «Фокстрот»; вторая – «Садо Окэса», «Кисо-буси», «Кодзё но Цуки», «Эчиги дзиси» [5, с. 99]. Эта программа была выстроена в соответствии с логикой культурного обмена. Ее первая часть состояла из легких музыкальных произведений, исполненных в ответ на программу, представленную советским джаз-бэндом, а вальс «На сопках Маньчжурии» являлся проявлением уважения к советской стороне. Вторая часть программы включала традиционную японскую музыку и известные в Японии композиции.

Иноуэ собирал информацию о том, как развивалась советская музыка, что из себя представляла система музыкального образования и музы-

¹ Так в англоязычной и японской историографии называется весь период пребывания японских военнопленных на территории СССР.

кальной жизни в сельской местности. В автобиографии он написал, что во время пребывания в лагере прослушал более 200 популярных советских и русских народных песен, а по возвращении стал экспертом в области советской и русской музыки. Получить такой опыт Иноуэ удалось лишь благодаря его особому положению (как музыканта) среди военнопленных. Однако народное хоровое пение, которое приходилось слышать, гастролируя по деревням, по меньшей мере раз в три дня, оценили и многие другие военнопленные, которым доводилось работать вместе с сельскими жителями. Рассказы о пребывании в советском плену свидетельствуют о культурном потрясении, которое испытали военнопленные. Также сильное впечатление производили многие песни из кинофильмов, которые ежемесячно показывали в лагерях (например, песня «По диким степям Забайкалья» из фильма «Сказание о земле Сибирской» 1947 г.). Военнопленные пели на японском и русском языках услышанные песни, которые заучивались на слух или же записывались японцами, владевшими музыкальной грамотой.

Это лишь несколько примеров межкультурных контактов, которые не были единичными. Среди иностранных военнопленных в Сибири были также немцы, венгры, румыны, австрийцы и другие, а в некоторых районах военнопленные из разных стран содержались в одном лагере. Лагерь № 99 в г. Караганда (Казахская ССР) был одним из таких многонациональных лагерей и стал местом, где активно развивалась культурная жизнь.

В одном из взятых мною интервью 96-летний Юисукэ Танака рассказывал о своем опыте культурного обмена с немецкими музыкантами. По его словам, в одном из отделений карагандинского лагеря, насчитывавшем 2 000 человек, в том числе немцев, румын и японцев, были музыканты из Берлинского филармонического оркестра. Начальник лагеря распорядился, чтобы Танака выучил русские народные песни на аккордеоне. Обучение игре на инструменте было поручено аккордеонисту из Германии. В годовщину революции 1948 г. Танака исполнил советский гимн в сопровождении немецкого оркестра. К сожалению, он не смог вспомнить имени аккордеониста, который его обучал. Во время работы с материалами Красногорского филиала Музея Победы я установила, что дирижером немецкого ансамбля в Караганде являлся немецкий военнопленный Ганс Кланке. В своих мемуарах военнопленный Кристиан Цапф, скрипач оркестра лагеря № 99, описывал, как 35 музыкантов, отобранных из 25 различных лагерей в районе Караганды, были собраны в лагере № 5, чтобы создать оркестр профессионального уровня [19, с. 127]. Кланке, до войны являвшегося профессиональным пианистом и аккордеонистом, по приказу начальника лагеря назначили на должность руководителя музыкального коллектива. Основываясь на интервью Танаки и автобиографии Цапфа, можно предположить,

Рис. 2. Выступление коллектива художественной самодеятельности военнопленных [14, л. 1]

что именно Кланке был тем человеком, у которого Танака учился играть на аккордеоне. Танака рассказывал, что благодаря этому межкультурному обмену он многое узнал о музыке, и это очень помогло ему и даже спасло жизнь. После возвращения в Японию он продолжил играть на аккордеоне и исполнять советские и русские песни, чем занимается и по сей день.

Рассмотренная в статье культурная деятельность японских военнопленных в Сибири позволяет увидеть, что музыка в лагерях выполняла три задачи: 1) своего рода «самотерапия» для восстановления психологического здоровья в экстремальных условиях плена; 2) инструмент пропаганды советской социалистической идеологии; 3) способ выстраивания межкультурного обмена.

Что касается проблемы восприятия японцами лагерной самодеятельности, использовавшейся советской властью в целях пропаганды, следует отметить, что, несмотря на заданные политработниками рамки творческой деятельности японских военнопленных, ее самостоятельный характер учитывался и даже особо подчеркивался. Так, в подписи к одной из иллюстраций, изображающей выступление музыкального коллектива (рис. 2),

имеется приписка на японском языке – «наше самостоятельное творческое движение» [14, л. 1].

Даже в рамках ограничений, созданных Советским Союзом, японцы осознавали важность своей самостоятельности. Каждый понимал ее по-разному. Отзывы военнопленных о культурном движении в лагерях («Мы поняли, что культура – наше величайшее оружие», «Мы будем использовать в качестве оружия культурное движение, которому мы научились в Советском Союзе» и т.п.) свидетельствуют о том, что советская политика использования культуры в качестве оружия в антивоенной и классовый борьбе отчасти достигала своей цели: эти идеи в действительности проникали в сознание военнопленных (пусть, зачастую, и поверхностно воспринимались).

Музыкальное творчество играло неоднозначную роль в культурной деятельности, развернувшейся в лагерях. Безусловно, оно занимало важное место в пропаганде, но также способствовало и накоплению знаний о музыке у военнопленных. Это приводит нас к вопросу о том, как преодолевались ограничения свободы творчества в рамках антифашистского движения. И мы можем видеть, что японские военнопленные находились в кругу противоречий, с которыми мирились через компромиссы с самими собой.

В истории японской музыки до сих пор русские песни воспринимались как чужеродное явление, внезапно появившееся после войны. Исследователями оно воспринималось как данность, не привлекавшая их внимание. Однако появление в репертуаре японских музыкантов русских произведений есть не что иное, как результат кросс-культурного контакта, который сложился вопреки желанию японских военнопленных. Эта страница из истории миграции японцев, имевших довоенный и военный музыкальный опыт, сохранивших музыкальные традиции Японии в условиях лагерной жизни и впитавших элементы советского и русского творчества за годы пребывания в СССР. В настоящем исследовании показано, что Советский Союз и русская музыкальная культура приобрели особенное значение для японских музыкантов, которые продолжили свою деятельность и после войны, о чем наглядно свидетельствуют материалы японских и российских архивов. И этот опыт должен быть вписан в историю японской музыки. Полученный в сибирских лагерях, он стал ценным межкультурным явлением, не только повлиявшим на карьеры музыкантов после их возвращения на родину, но и отразившимся на многих уровнях послевоенного японского музыкального мира. Можно сказать, что кусочек истории японской музыки сформировался в Советском Союзе, в чужой стране с совершенно иными традициями и культурой.

Список источников и литературы

1. Абэ Г. Реальность принудительной интернации в Сибири: Исследование по данным Японии и Советского Союза. Токио: Сайрюся, 2005. 687 с.
2. Вакацуки Я. Сибирский лагерь военнопленных. Токио: Акаси шотэн, 1999. 475 с.
3. Всеволодов В.А. «Срок хранения – постоянно!» Краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД-МВД СССР № 27. М.: Московский издательский дом, 2003. 272 с.
4. Иноуэ Е. Музыкальная жизнь в Сибири. Токио: Наука, 1949, 179 с.
5. Интервью с Еритое Иноуэ. Музыка, времена и люди / под ред. Ю. Тояма, Х. Хаяси. Токио: Онгакуно томося, 1996. 293 с.
6. Катасонова Е.Л. Почему солдаты Канто были отправлены в Сибирь? Трагедия игры за власть между американской и советской сверхдержавами. Токио: Шакай херонся, 2004. 410 с.
7. Киба И.В. Японцы и русские: взаимовосприятие на Дальнем Востоке СССР в послевоенный период // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3 (33). С. 43–49.
8. Кобаяси А. Сибирское интернирование: трансформация в контексте американо-советских отношений. Токио: Иванами сетэн, 2018. 272 с.
9. Музыкально-танцевальный коллектив «Катюша». 33 года истории / под ред. К. Аояма. Токио: Музыкально-танцевальный коллектив «Катюша», 1984. 412 с.
10. Нагасэ Р. Полная история сибирского интернирования. Токио: Хара шобо, 2013, 704 с.
11. Ниммо У.Ф. Верификация: Сибирское интернирование. Токио: Дзидзи цусинся, 1991. 255 с.
12. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4п. Оп. 30. Д. 3.
13. РГВА. Ф. 4п. Оп. 30. Д. 10.
14. РГВА. Ф. 4п. Оп. 30. Д. 13.
15. Серебренников С.В. Культурно-массовая работа среди японских военнопленных и их творчество в лагерях на территории СССР (отечественная историография) // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 113–119.
16. Томита Т. Сибирское интернирование: реальность «Архипелага ГУЛАГ» при диктатуре Сталина. Токио: Тюоу коурон синшо, 2016. 262 с.
17. Улыбин Е.Н. Пропагандистская деятельность органов НКВД-МГБ среди японских военнопленных в 1945–1956 гг. (на примере Приморского края) // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 10. С. 42–46.
18. Шиокава Н. История советской языковой политики пересмотрена // Славянские исследования. 1999. № 46. С. 162–168.
19. Zapf C. Kriegsgefangenschaft. Berlin: GNN, 2004. 265 p.

УДК 94(47).084.8

*Е.Ю. Начарова*¹

Советские специалисты в Северной Корее (1945–1953 гг.)

Аннотация. Статья посвящена проблеме организации работы специалистов Советской гражданской администрации, министерств и ведомств СССР в Северной Корее с момента освобождения страны от японской оккупации до окончания Корейской войны. В центре внимания автора находится взаимодействие работников СГАСК и северокорейских органов власти по вопросам восстановления гражданских отраслей промышленности, проведения реформ в сельском хозяйстве. На материалах Архива внешней политики РФ (АВП РФ) и Российского государственного архива экономики (РГАЭ) прослеживаются основные проблемы, с которыми столкнулись представители советского командования, а также советники, прикрепленные к предприятиям и организациям при восстановлении экономики Северной Кореи и в период войны 1950–1953 гг.

Ключевые слова: СССР; Северная Корея; Советская гражданская администрация в Корее; А.А. Романенко; советские специалисты.

Soviet specialists in North Korea (1945–1953)

Abstract. The article is devoted to the problem of organizing the work of specialists of the Soviet Civil Administration, Soviet ministries and departments in North Korea from the moment of its liberation from Japanese occupation until the end of the Korean War. Author's main focus is an interaction between the SCA and the North Korean authorities on the restoration of civilian industries and the implementation of reforms in agriculture. The documents of the Foreign Policy Archive of the Russian Federation (AVP RF) and the Russian State Economic Archive (RGAE) reveals main issues encountered by the SCA experts, as well as advisers attached to enterprises and organizations to recover the North Korean economy during the period of occupation and the Korean war of 1950–1953.

Keywords: USSR; North Korea; Soviet civil administration in Korea; A. Romanenko; soviet specialists.

Деятельность советских специалистов в Северной Корее являлась важным элементом политики СССР по отношению к своему новому союзнику. Условия, в которых оказались северокорейцы после раздела страны по 38 параллели в августе 1945 г., представляли целый комплекс проблем: формирование новых властных структур, восстановление промышлен-

¹ **Екатерина Юрьевна Начарова** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра «Россия в международных отношениях» Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: ekaterinahist@gmail.com.

Yekaterina Y. Nacharova – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Centre “Russian Foreign Relations”, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

ности, реформы в сельском хозяйстве, создание системы национального образования – все это требовало большого количества высококвалифицированных кадров, которыми страна, имевшая статус японской колонии с 1910 г., не обладала. В то же время советское правительство, включив Северную Корею в свою сферу влияния, вынуждено было искать пути и методы решения этих проблем для поддержания жизнеспособности режима в Северной Корее, сохранения и распространения собственного влияния в регионе.

В таких условиях работа советских специалистов в Северной Корее имела особое значение, причем необходимо отметить, что они делились на две большие группы: советские корейцы и специалисты, не владевшие корейским языком. Работа для советских корейцев, владевших языком и имевших представление о культуре и специфике региона, находилась везде: и при создании северокорейской армии, и при формировании Временного народного комитета Северной Кореи, а затем и правительства КНДР, в образовании и печати и т.д. Деятельность этой группы специалистов имеет важную особенность: советским корейцам разрешали принимать двойное гражданство, в результате многие из них построили блестящие карьеры в правительстве КНДР. Их жизни и работе в Северной Корее посвящено довольно большое количество трудов. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. А.Н. Ланьков имел возможность пообщаться со многими очевидцами событий, происходивших в первое десятилетие после освобождения Кореи; правда, большая часть опрошенных в те годы была детьми, а архивные документы РГАСПИ и АВП РФ, использованные при написании работы, дали возможность создать объемную и живую картину деятельности крупнейших представителей группы советских корейцев в КНДР [15]. Н.Ф. Бугай в своих монографиях, посвященных российским корейцам, уделяет много внимания их работе в КНДР, причем касаясь как судеб тех корейцев, которые вернулись в СССР с началом ухудшения советско-корейских отношений во второй половине 1950-х гг., так и тех, кто остался в КНДР [12; 13]. Ж.Г. Сон исследовала состав группы северных корейцев, направляемых в КНДР, на основе материалов их личных дел, хранящихся в РГАСПИ, показала их профессиональный состав и области деятельности, отметив, что большая часть советских корейцев имела гражданские специальности, в основном – в сфере образования [20; 21]. И.Н. Селиванов представил работу, посвященную биографиям крупнейших деятелей группы советских корейцев в Северной Корее [19]. Его исследование, так же как и работа А.Н. Ланькова, во многом опирается на воспоминания очевидцев тех событий. Некоторые аспекты работы советских специалистов, направляемых в КНДР, рассмотрены в исследовании Ю.В. Ванина. В основном его внима-

ние было сосредоточено на политических связях советского правительства и Коммунистической (с 1946 г. – Трудовой) партии Кореи [14].

В данной работе основное внимание уделяется второй группе специалистов – тем, кто оказался в Северной Корее волей случая, участвуя в ее освобождении во время Советско-японской войны и позже войдя в систему управления Советской гражданской администрации в Северной Корее (СГАСК), или специалистам, прибывшим в Северную Корею по направлению от различных министерств и ведомств.

Освободив Северную Корею от японской оккупации в конце августа 1945 г., советские войска столкнулись с рядом трудностей, связанных с взаимодействием с местными жителями. Административное управление на освобожденной территории осуществляли народные комитеты, состоявшие из корейцев. Их формирование началось еще до окончания боевых действий против японцев – 16 августа 1945 г. Советские военные комендатуры, расположенные в уездах, провинциях и городах Северной Кореи, имели очень широкий круг полномочий: помимо обеспечения порядка, выявления коллаборационистов и этапирования военнопленных в их задачи входил контроль над печатью, школами, театрами и т.д. При этом из 74 уездных комендатур переводчиками были укомплектованы только 22 [1, л. 15–16].

В штабе 25-й армии и в Управлении СГАСК в Пхеньяне находилось 12 переводчиков – «группа Михаила Кана». А.Н. Ланьков отмечает огромное влияние, которое имели эти переводчики-«спецпропагандисты», занимавшиеся переводом на корейский советских агитационных материалов, изданием газеты «Чосон синмун», а также консультированием и переводами непосредственно для штаба армии, и называет период работы УСГАСК до 1948 г. «правлением переводчиков» [15, с. 28]. Однако необходимо отметить, что при всей значимости и влиятельности советских военнослужащих-корейцев, работавших переводчиками при УСГАСК, они не могли обеспечить выполнение необходимого объема работы, даже несмотря на постоянное пополнение корпуса переводчиков советскими корейцами, проживавшими на территории среднеазиатских республик СССР. Так, к началу 1946 г. их насчитывалось уже около 140 [15, с. 29], но при этом одной из главных проблем комендатур и УСГАСК в целом по-прежнему являлся дефицит кадров, знающих язык, – особенно на местах, в уездных комитетах [1, л. 17]. Эту проблему частично удалось решить только к 1948 г. благодаря внедрению преподавания русского языка в корейских школах, в университете им. Ким Ир Сена, открытом в 1946 г., на курсах, организованных Корейским обществом культурных связей (КОКС).

Не менее важной проблемой являлось обеспечение северокорейской экономики грамотными специалистами. В октябре 1945 г. в Пхеньяне про-

шло совещание представителей народных комитетов и членов УСГАСК во главе с генерал-майором А.А. Романенко. Решения, принятые на совещании, легли в основу плана по восстановлению экономики Северной Кореи. При этом решающую роль в их принятии играли советские военные – работники УСГАСК (полковник А.Г. Игнатьев – политический отдел, полковник Г.С. Лазарев – отдел связи, полковник А.Т. Илатовский – отдел финансов, подполковник И.Е. Долгих – отдел транспорта, подполковник И.Д. Кадышев – отдел сельского хозяйства, подполковник С.П. Родионов – отдел промышленности, майор Ротблюд – отдел здравоохранения и др.) [10, л. 9–10]. Главами отделов УГАСК назначались высококвалифицированные кадры, многие из работников Управления остались в качестве советников при министерствах КНДР после 1948 г. (Лазарев, Илатовский, Кадышев), а полковник Игнатьев до своей гибели в 1951 г. работал советником при посольстве СССР в КНДР [16, с. 36].

Однако, при всем профессионализме, советским специалистам в первые годы работы не хватало знаний об особенностях региона. Первый план восстановления промышленности Северной Кореи, разработанный в ноябре 1945 г., подразумевал завершение периода восстановительных работ на крупнейших заводах и фабриках к середине 1946 г. Ответственными за разработку плана являлись специалист отдела промышленности УСГАСК Железнов и начальник тыла армии генерал-майор Черенков, которые не учли многих проблем корейской промышленности: состояния техники, слабого уровня подготовки корейских рабочих, не имевших возможности получить высокую квалификацию во времена японской оккупации Кореи. Притом что советская армия брала на себя не только подготовку плана, но и его финансирование, и исполнение, к 1 июня 1946 г. план выполнен не был. В строй не было введено ни одного крупного предприятия. Это особо подчеркивалось в отчетах по результатам инспекций комиссии по экономическим вопросам, созданной для контроля за ходом восстановительных работ из представителей УСГАСК и Временного народного комитета Северной Кореи [18, л. 92].

Тяжелая ситуация сложилась и в сельском хозяйстве. Советские специалисты из отдела сельского хозяйства УСГАСК отмечали в отчете за 1945 г., что высокие нормы хлебозаготовок, осуществлявшихся советской армией (из которых 70 % шло на снабжение городских жителей), вызывали острое недовольство крестьян. При этом у Ким Ир Сена и у председателя северо-корейского Бюро КПК Ким Ён Бома «вообще никакого цельного представления о земельной реформе нет», и они «ничего, кроме полицейских методов не предлагают. Они считают, что достаточно объявить помещиков и крестьян-собственников “врагами народа” и перераспределить их земли среди бедноты, совершить тем самым “аграрную реформу”» [8, л. 123–124].

Земельная реформа, уничтожившая помещичье землевладение в Северной Корее, прошла в марте 1946 г. при активном участии специалистов отдела сельского хозяйства УСГАСК. Однако она не смогла решить продовольственной проблемы Северной Кореи. В результате раздела страны естественные экономические связи промышленного Севера и сельскохозяйственного Юга оказались разорваны, что привело к обострению продовольственного вопроса, который остро стоял и по завершении реформы. Осенью 1946 г. только две из шести провинций Северной Кореи обеспечили свое население продовольственным зерном. Ситуацию осложняло и отсутствие химических удобрений, так как единственный химический комбинат в Северной Корее в г. Хамхын не мог быть запущен на полную мощность из-за отсутствия достаточного количества рабочих, причем, как отмечалось в докладе А.А. Романенко, речь шла об отказе рабочих приступать к обязанностям до предоставления им гарантированного продовольствия [7, л. 36]. Этот замкнутый круг привел к волне митингов и забастовок рабочих на промышленных предприятиях летом-осенью 1946 г.

Предпринимались и другие попытки укрепить сельское хозяйство Северной Кореи. Так, специалисты отдела сельского хозяйства участвовали в разработке системы ирригационных сооружений, способной орошать до 19 тыс. га пахотной земли. План строительства, переданный народным комитетам, осуществили в 1946 г., правда, возникла непредвиденная проблема: систему орошения невозможно было ввести в строй из-за нехватки горючего, поэтому УСГАСК был вынужден просить об увеличении поставок бензина и машинного масла из СССР в заявке на 1947 г. [9, л. 217].

Также перед советским командованием возникла проблема обеспечения Северной Кореи кадрами технических специалистов и инженеров, что оказалась крайне затруднительно. Общая численность рабочих в конце 1946 г. по данным УСГАСК составляла около 117 000 человек (для сравнения в 1944 г. – 250 000), из которых только 16 910 являлись квалифицированными, а из них, в свою очередь, почти 7 000 человек были японцами, и уже в марте 1947 г. их осталось 365 [11, л. 9]. Требовалось срочно организовать процесс обучения для оставшихся рабочих, однако специалистов, прикрепленных к производствам, не хватало.

В течение 1947–1948 гг. 18 министерств отправили своих технических специалистов на работу в рамках УСГАСК. Если в 1946 г. общая численность сотрудников не превышала 50 человек, то к 15 сентября 1948 г., когда Управление ликвидировали и передали все полномочия правительству КНДР, их было 84. Кроме этого, необходимо упомянуть о 186 сотрудниках советских больниц, подчинявшихся УСГАСК, а также о сотрудниках советской газеты и радио, всего 310 человек [10, л. 35–38].

С сентября 1948 г. многие советские специалисты были приписаны к созданным в КНДР министерствам с правом курировать как отдельные предприятия отрасли, так и составление общих планов. Распоряжение этими кадрами перешло в ведение советского посольства. При этом будущий посол СССР, а на тот момент советник Ким Ир Сена по политическим вопросам и глава Советско-американской комиссии по Корее, генерал-полковник Т.Ф. Штыков уже в марте 1948 г. обратил внимание заместителя министра иностранных дел А.Я. Вышинского на необходимость увеличить количество советских специалистов, командированных в Северную Корею, и открыть представительство Внешторга СССР в связи с укреплением советско-корейских торгово-экономических отношений [3, л. 3]. В мае 1948 г. Совет министров СССР одобрил проект постановления, предложенный Штыковым, было принято решение об отправке в Северную Корею 25 специалистов, в основном инженеров-наладчиков [3, л. 14], правда, изначально требовалось 84 человека. Однако уже осенью в Пхеньян командировали еще 48 человек, численный состав которых представлен в таблице 1 [3, л. 15–17].

Таблица 1

**Список специалистов, подлежащих командированию
для работы в Северной Корее (1948 г.)**

Министерство	Количество персонала
Министерство черной металлургии	15
Министерство цветной металлургии	3
Министерство геологии	4
Министерство машиностроения и приборостроения	2
Министерство рыбной промышленности восточных районов	3
Министерство химической промышленности	7
Министерство угольной промышленности восточных районов	1
Министерство промышленности строительных материалов	2
Министерство текстильной промышленности	3
Министерство целлюлозной и бумажной промышленности	1
Министерство резиновой промышленности	1
Министерство электростанций	4
Министерство электропромышленности	2
Всего	48

Тем не менее людей все равно не хватало для организации качественного контроля и обучения северокорейцев. Так, советник министерства тяжелой промышленности Лившиц в своем отчете в МИД СССР за 1948 г. указал, что «корейцы работают еще плохо, поэтому, если наши работники не будут бывать на предприятиях, проталкивать товары с заводов в порты, помогать корейцам организовывать приемку, складирование, хранение и погрузку – разгрузку товаров в сроки, в нужной таре, не будет обеспечено правильное оформление документации по этим операциям. Это и имело место на протяжении всего года. Экономия на содержании людей в данном случае является самообманом, поскольку на самом деле мы экономим десятки тысяч, а теряем сотни тысяч валюты, не обеспечиваем поставки товаров для промышленности по количеству, качеству и в сроки, предусмотренные народно-хозяйственным планом» [4, л. 55].

Проблема организации производственного обучения корейцев стояла в этот период очень остро. Притом что в КНДР началось активное распространение обучения русскому языку благодаря советским корейцам, работавшим в этой системе совместно с инженерами и технологами, количество работников, прошедших курсы без отрыва от производства, все равно оставалось недостаточным: в 1946 г. – около 5 000 человек, в 1947 – около 9 500, в 1948 – около 12 800 [17, л. 45]. Процесс замещения японских специалистов шел медленно, но, тем не менее, с возрастающим успехом.

Инженеры, работавшие над внедрением советских технологий и опыта в корейское производство, командировались правительством СССР, как правило, на год. Однако в течение 1947–1950 гг. Временный народный комитет, а затем и правительство КНДР неоднократно обращались с просьбой продлить командировки советских специалистов. Большинство этих просьб было удовлетворено [2, л. 48–54]. Расходы по содержанию специалистов полностью брала на себя корейская сторона, включая все расходы, произведенные ими на советской территории (проезд и суточные) [10, л. 20–21].

С началом Корейской войны в июне 1950 г. начался и новый этап в работе советских специалистов в КНДР. В сентябре 1950 г. большинство гражданских специалистов эвакуировали вместе со своими министерствами в г. Манпхо на границе с Китаем, советские больницы, а также сотрудников культурных учреждений – в Мукден, откуда они вернулись только в январе 1951 г.

В условиях военных действий деятельность советников и специалистов оказалась сильно ограничена. Начав восстановление деятельности министерств в феврале 1951 г., они столкнулись с целым рядом трудностей. Так, неоднократно в течение 1951 и 1952 гг. советский посол В.Н. Разуваев

поднимал в своих донесениях вопрос о плохой работе советских специалистов, которые не выезжали на объекты своих «подсоветных», не занимались организацией работы министерств, не уделяли должного внимания заявкам на советские товары, которые приходили от предприятий и организаций КНДР [5, л. 10, 53, 87].

Однако в условиях ведения боевых действий и отсутствия связи между провинциями добраться до необходимого объекта в большинстве случаев было очень тяжело. При неимении транспорта или бензина, а иногда и того и другого, связь между регионами и предприятиями нередко поддерживали только пешие курьеры – корейцы, преодолевавшие по 100–150 км в обе стороны. Как отмечал советник министра промышленности М.Н. Ивлиев, работа специалистов теперь ограничивалась составлением планов и заявок для СССР, поскольку восстановительные работы проводить в таких условиях становилось невозможно [5, л. 17].

Заявки северокаорейских министерств для специалистов представляли крупную проблему: дело в том, что зачастую в них включались весьма сомнительные пункты, такие как зубные щетки, зеркала, перчатки, при этом работники корейских министерств настаивали, что приобретать все эти товары необходимо исключительно у СССР, отказываясь от китайского импорта [5, л. 28].

Отсутствие кадров, ушедших на фронт, пытались также компенсировать за счет советского обмена. При этом требования северокаорейских министерств зачастую оказывались сильно завышены. В отчете советника председателя Госплана КНДР П.А. Максимова говорилось о требовании прислать 120 преподавателей для Университета им. Ким Ир Сена на 1952–1953 учебный год, притом что ВУЗ практически перестал функционировать. После правки Министерство образования допустило сокращение количества преподавателей до 40, но при этом забыло указать преподавателя по геологии, которого в Университете не было вообще [6, л. 26]. Случаи подобных несогласовок и намеренно завышенных требований в Госплане КНДР отслеживали практически постоянно и среди заявок многих министерств. Например, Министерство торговли могло заказать 100 тыс. пар мужской обуви, не указав размер, или запросить 500 фотоаппаратов «Киев» и «Москва», реализовать которые в таком количестве оно было не в состоянии [6, л. 29].

Тем не менее к началу 1953 г. советским специалистам удалось заново наладить систему подготовки кадров, в первую очередь в тяжелой промышленности и на транспорте, и постепенно начать процесс восстановления КНДР, который принял широкий размах уже после завершения Корейской войны и подписания советско-каорейского экономического соглашения 1 сентября 1953 г.

Список источников и литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 480. Оп. 1. П. 4. Д. 7.
2. АВП РФ. Ф. 102. Оп. 4. П. 8. Д. 3.
3. АВП РФ. Ф. 102. Оп. 4. П. 9. Д. 22.
4. АВП РФ. Ф. 102. Оп. 4. П. 11. Д. 8.
5. АВП РФ. Ф. 102. Оп. 7. П. 29. Д. 39.
6. АВП РФ. Ф. 102. Оп. 7. П. 29. Д. 40.
7. АВП РФ. Ф. 480. Оп. 2. П. 1. Д. 2.
8. АВП РФ. Ф. 480. Оп. 3. П. 4. Д. 11.
9. АВП РФ. Ф. 480. Оп. 4. П. 5. Д. 4.
10. АВП РФ. Ф. 480. Оп. 4. П. 14. Д. 47.
11. АВП РФ. Ф. 480. Оп. 8. П. 6. Д. 81.
12. *Бугай Н.Ф.* Корейцы в Союзе ССР – России: XX век. История в документах. М.: ИНСАН, 2004. 304 с.
13. *Бугай Н.Ф.* Советско-корейские отношения накануне и в ходе войны 1950–1953 гг. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2020. № 6. С. 85–95.
14. *Ванин Ю.В.* Советский Союз и Северная Корея. 1945–1948 гг. М.: ИВ РАН, 2016. 225 с.
15. *Ланьков А.Н.* КНДР: вчера и сегодня. М.: Восток-Запад, 2005. 448 с.
16. *Лебедев Н.Г.* Заря свободы над Кореей // Во имя дружбы с народом Кореи. М.: Наука, 1965. 230 с.
17. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 13. Д. 5464.
18. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 5467.
19. «Советские корейцы» в Северной Корее: исследования, воспоминания, документы. Ч. 1 / отв. ред. И.А. Конорева, И.Н. Селиванов. Курск: Курск. гос. ун-т, 2018. 160 с.
20. *Сон Ж.Г.* Советские корейцы и КНДР (1946–1948) // Корея: 70 лет после освобождения. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 153–158.
21. *Сон Ж.Г.* Сотрудничество СССР и Северной Кореи в области образования (1946–1950) // Россия и Корея в меняющемся мировом порядке: политика, экономика, культура. Владивосток: ДВФУ, 2016. С. 200–210.

УДК 94(47+57)«1917/1991»

Чжуан Шици¹

Сентябрьский пленум ЦК КПСС (1953 г.) и перехват Н.С. Хрущевым политической инициативы

Аннотация. На сентябрьском пленуме ЦК КПСС (1953 г.) Н.С. Хрущев предложил укрепить роль партийного аппарата в решении продовольственной проблемы. В его докладе фактически была заложена основа для трех решений, принятых в последующие годы, а именно: освоение целины, расширение посевов кукурузы и свертывание личных хозяйств населения. На пленуме Г.М. Маленков не выступал с речью, осознавая, что он отстал от своего соперника. Рассматривая Хрущева как представителя их интересов, партийная элита решила поддержать его вместо Маленкова. Хрущев не только получил новообразованную должность Первого секретаря ЦК КПСС, но и вошел в состав членов Президиума Совета Министров СССР. Осенью 1953 г. соотношение сил в управлении сельским хозяйством стало меняться в пользу Хрущева и его партийного аппарата.

Ключевые слова: сельское хозяйство СССР; Н.С. Хрущев; Г.М. Маленков.

September plenum of the CC of the CPSU (1953) and N.S. Khrushchev's seizure of political initiative

Abstract. At the September plenum of the CPSU CC (1953), N.S. Khrushchev proposed to strengthen the role of party apparatus in solving food problem. His report actually laid the groundwork to the three steps taken in the coming years: cultivation of virgin lands, expansion of corn crops and abandon of individual households. During the plenum G.M. Malenkov did not make speech, realizing that he lagged behind his rival. Considering N.S. Khrushchev as representative of their interests, the party elite decided to support him instead of G.M. Malenkov. N.S. Khrushchev not only gained the newly formed post of the First Secretary of the CPSU CC, but became a member of the Presidium of the Council of Ministers of the USSR. By the fall of 1953, the balance of power in agriculture management began to change in favor of N.S. Khrushchev and his party apparatus.

Keywords: agriculture of the USSR; N.S. Khrushchev; G.M. Malenkov.

В своем докладе на сессии Верховного совета СССР в августе 1953 г. глава союзного правительства Г.М. Маленков указал на трудности и слабые стороны сельского хозяйства страны. Это стало признанием кризиса аграрной сферы и поставило перед руководством страны задачу поиска выхода

¹ Чжуан Шици – кандидат исторических наук, старший преподаватель Института регионального исследования Пекинского университета (Пекин, Китай), e-mail: shandongxutao@gmail.com.

Zhuang Shiqi – PhD in History, Postdoctoral researcher, Institute of Area Studies, Peking University (Beijing, China).

из него. Однако у Маленкова отсутствовала комплексная стратегия развития отрасли. Он поставил цель «в течение двух-трех лет резко повысить обеспеченность продовольственными товарами» [3, с. 2], однако не смог выдвинуть четкой и выполнимой программы ее достижения. На пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 3–7 сентября 1953 г. и посвященном сельскому хозяйству, он выдвинул лозунги «повышения материальной заинтересованности» и «экономического поощрения тружеников» [6, л. 183], которые не только казались абстрактными, но и воспринимались партийным аппаратом как угроза своей позиции.

В то же время его соперник Н.С. Хрущев без колебаний предложил четкие и привлекательные варианты. Одобрив инициативу облегчения тягот колхозов и колхозников, он, тем не менее, подчеркнул: «Материальные условия и возможности сами по себе, без организаторской работы областных и районных комитетов партии, первичных партийных организаций, руководителей МТС, колхозов и совхозов, не могут дать должного эффекта» [5, л. 78]. Он рекомендовал перестроить работу партийного аппарата так, «чтобы определенный работник вел работу в определенном колхозе и отвечал за него, чтобы было с кого спросить за правильный подбор кадров, правильную расстановку людей, политическую работу среди колхозников, за решение задач, стоящих перед данным колхозом» [5, л. 86]. По сути дела, секретарь ЦК требовал укрепить роль партийного аппарата, которым руководил.

В докладе фактически была заложена основа для решений, принятых в последующие годы, а именно: освоение целины, расширение посевов кукурузы и свертывание личных приусадебных хозяйств населения. Прежде всего, для улучшения ситуации в деревне он предложил мобилизовать городских жителей: «Если партия обратится с таким призывом к коммунистам промышленных центров, то найдется много желающих добровольно поехать на село и отдать свои силы и знания делу дальнейшего укрепления колхозного строя. Надо послать проверенных коммунистов, сознающих всю важность этой работы, таких, которые бы считали себя постоянными, а не временными работниками на селе. Их нужно окружить вниманием и заботой» [5, л. 82]. Решение проблемы кормовой базы виделось ему так: «Во многих областях СССР имеются благоприятные условия для выращивания кукурузы. Необходимо принять энергичные меры к увеличению производства зерна кукурузы, значительно расширить зону возделывания кукурузы на силос» [5, л. 26]. Он также, по сути, исключил путь поощрения личных усилий сельских жителей, делая ставку на сохранение и усиление существующей системы: «Главным путем решения животноводческой проблемы был и остается путь подъема общественного животноводства. Наступит время, когда развитие общественного животноводства достигнет

такого уровня, что личные потребности колхозника в продуктах животноводства будут целиком удовлетворяться общественным хозяйством, и тогда колхознику невыгодно будет иметь скот в личной собственности» [5, л. 32].

Маленков не выступал на пленуме с речью. Осознавая отставание от своего соперника в политической борьбе, он даже признал, что «товарищ Хрущев в своем докладе убедительно обосновал необходимость и правильность новых мер, которые предстоит осуществить нашей партии в интересах дальнейшего развития сельского хозяйства» [6, л. 178].

Рассматривая Хрущева как представителя своих интересов, партийная элита поддержала его вместо Маленкова. Пленум решил «значительно сократить управленческий аппарат Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР» и «перестроить работу районного партийного аппарата таким образом, чтобы устранить обезличку и безответственность в руководстве колхозами и МТС» [4, л. 65, 67]. В соответствии с постановлением пленума, единое министерство сельского хозяйства СССР было разбито на три министерства: сельского хозяйства, совхозов и заготовок. Их деятельность должно было координировать Бюро по сельскому хозяйству и заготовкам при Совете министров СССР. Его председателем стал Хрущев, который таким образом вошел в состав членов президиума правительства [2, л. 45]. В районах упразднились управления сельского хозяйства и заготовок [1, л. 279] и вводился новый принцип – на каждую МТС иметь в райкоме партии группу работников во главе с секретарем райкома, которая должна вести партийно-политическую работу на станции и обслуживаемых ею колхозах [4, л. 67]. Немаловажным стало и введение должности первого секретаря ЦК КПСС как непосредственного руководителя партаппарата, которую получил Хрущев.

Таким образом, соотношение сил в управлении сельским хозяйством стало меняться в пользу идеологических структур, а Хрущев фактически выдвинулся на первый план в политической борьбе.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5446. Оп. 1. Д. 602.
2. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 604.
3. Речь Председателя Совета Министров Союза ССР товарища Г.М. Маленкова на заседании Верховного Совета СССР 8 августа 1953 года // Правда. 1953. 9 авг. С. 1–4.
4. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 61.
5. РГАНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 56.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 83. Оп. 1. Д. 3.

УДК 930

Т.А. Фролова¹

Н.А. Сидорова: элементы конструирования образа в памяти корпорации²

Аннотация. В статье ставится проблема формирования образа Н.А. Сидоровой в памяти корпорации медиевистов. Для некоторых своих современников (А.Я. Гуревича, С.М. Стама, Л.Т. Мильской) Сидорова стала воплощением деспотизма в исторической науке – «медиевистом-администратором», расчищавшим себе «путь наверх» с помощью регулярных кадровых перестановок, тогда как Е.В. Гутнова и А.А. Сванидзе предлагали смотреть на Сидорову как на «заложницу времени». В рамках данной статьи анализируются причины конструирования образа Сидоровой, представленного современниками в рамках «войны мемуаров». Предпринимается попытка определить основные факторы, повлиявшие на создание и трансляцию «черной легенды» о Сидоровой-администраторе.

Ключевые слова: история науки; Н.А. Сидорова; советская медиевистика; «война мемуаров».

N.A. Sidorova: elements of image construction in corporate memory

Abstract. The article raises the issue of shaping N.A. Sidorova's image in the memory of the Medievalist corporation. For some of her contemporaries (A.Ya. Gurevich, S.M. Stam, L.T. Mil'skaya) N.A. Sidorova became the embodiment of despotism in historical science – a “medievalist-administrator”, who cleared her way up through regular personnel changes, while E.V. Gutnova and A.A. Svanidze suggested that Sidorova be considered a “hostage of time”. This article analyzes the reasons for the construction of N.A. Sidorova's image presented by contemporaries in the “War of memoirs”, an attempt to identify the main factors that influenced the creation and broadcasted “black legend” of Sidorova-administrator.

Keywords: history of science; N.A. Sidorova; Soviet medieval studies; “War of memoirs”.

Н.А. Сидорова в истории советской медиевистики фигура спорная и неоднозначная. Текущие представления о ней по большей части базируются на образе, представленном одним из ее современников – А.Я. Гуревичем. Она, ученица «патриарха» медиевистики С.Д. Сказкина, с 1952–1961 гг. руководила сектором истории средних веков Института истории

¹ Татьяна Александровна Фролова – младший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия), e-mail: frolova.tatiana94@yandex.ru.

Tatiana A. Frolova – Junior Researcher, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).

² Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ № МК-309.2020.6.

АН СССР, совмещая столь ответственную должность с педагогической и научной деятельностью. Была ответственным редактором и одним из авторов III тома «Всемирной истории», работала над исследованием раннегородской культуры средневековой Франции, параллельно занимаясь общественной и партийной деятельностью [11, л. 103–106]. В официальных текстах и некрологах о ней будут писать как об «ученом, замечательном советском историке-медиевисте» [2, л. 12], «как о личности, как о человеке, который в течение многих лет являлся ярким маяком в нашей исторической общественности» [1, л. 1]. Выступая на похоронах Сидоровой, ее коллега по Институту истории И.М. Майский (исходя из подготовленной им речи) в конце скажет: «Светлый образ Н.А. надолго сохранится в наших сердцах и будет служить примером достойным для подражания, особенно в среде подрастающего поколения ученых-историков» [1, л. 1].

Однако «светлого образа» не сложилось, как и примера «достойного для подражания». В начале 2000-х гг. о Сидоровой вспомнили, когда «тихую академическую гавань» (как принято было говорить о советской медиевистике [17; 19]) потрясли битвы за память корпорации. В историографию эти баталии вошли под названием «войны мемуаров» [4]. Формальным ее началом послужили опубликованные посмертно воспоминания Е.В. Гутновой, где она представила миру и научному сообществу свой взгляд как на советское прошлое, так и на историю медиевистики [7]. С критикой такого взгляда выступил Гуревич, а затем написал свою «Историю историка», которая резко контрастировала с «Пережитым» Гутновой [6]. В дальнейшем журнал «Средние века» стал площадкой для восстановления диалога, но дискуссия продолжилась. Были написаны статьи самого Гуревича, А.А. Сванидзе, Л.Т. Мильской, П.Ю. Уварова. Казалось, что от установления той самой правды, наказания или оправдания «героев и злодеев» зависел не только имидж корпорации, но и само ее адекватное существование. Такова специфика памяти – она выборочна, эмоционально окрашена, несет в себе оценочный заряд, зависит от повестки дня и желания себя идентифицировать [3; 16].

Авторы «черной легенды» о Сидоровой – «несоветские» советские медиевисты [17], в частности Гуревич, воспринимали ее как «величину с отрицательным знаком» [20, с. 91]. Они уличали Сидорову в сведении личных счетов, обвиняли в корпоративной безнравственности: «Воплощением “ученого деспотизма” явилась Нина Александровна Сидорова. Защитив докторскую диссертацию... она начала свой стремительный вихреобразный “путь наверх”» [20, с. 91], а также ортодоксии: «Н.А. Сидорова способствовала больше, чем кто-либо, вырождению медиевистики в Москве... она персонализировала новый курс в исторической науке, оттеснила прежних виднейших медиевистов, заменила их новыми людьми...

и, главное, насадила тот дух на кафедре и в секторе истории Средних веков, который оказался наиболее подходящим для “новой поросли” и благоприятствовал продолжению ее политики интриги нынешними заправилами этих учреждений» [6, с. 40]. Вспоминая такое «неудобное» для корпорации прошлое, сами его участники (прямые или косвенные) попадали в порочный замкнутый круг, который охватывал не только главных действующих персонажей, но и исследователей, что брались писать о том, «как оно было на самом деле». Симпатии и антипатии, невысказанные «в лоб», все равно имплицитно содержались в текстах. Портрет Сидоровой-администратора, игравшего в кадровые перестановки, и ученого-идеолога, деформировавшего советскую медиэвистику, оказался довольно устойчивым – «черная легенда» о Сидоровой «удачно» переключалась из мемуаров ее коллег в научные труды современных исследователей [19; 22].

Конструирование такого негативного образа, на мой взгляд, базировалось на нескольких факторах. В первую очередь – это партийность Сидоровой, которая являлась сильным аргументом в пользу ее сомнительной репутации. Членство в парторганизациях в тот период и ведущая роль в них были показательными для последующего стереотипного восприятия: «Увы, они [проработочные собрания. – *Т.Ф.*] не могли быть пристойными... Сидорова организовала все так, как ей было нужно... она, видимо, не выносила никаких замечаний и потом мстила за них» [8, с. 400]. Сидорова оказывалась рупором партии, а это подпитывало ненависть ко всем ее действиям, открывало в глазах окружающих доступ к власти и привилегированному положению и, таким образом, позволяло трактовать действия однозначно. В данном случае встает не только конфликт власти и научного сообщества, но и борьба за власть и «место под солнцем» внутри корпорации. «Если ей было нужно, она не колебаясь шагала по спинам, а то и по головам. Она... добилась избрания ее секретарем парторганизации института, а затем и членом райкома партии. Заняв эти посты, она начала “передвигать кадры”», – именно с такой позиции смотрели на действия Сидоровой [20, с. 91]. Партбилет давал некий карт-бланш, однако в ответ накладывал определенные обязательства и матрицу поведения.

Вторым фактором, оказавшим влияние на создание «черной легенды», стали научные изыскания Сидоровой. Тексты, испещренные цитатами из классиков, которые часто открывались характерными введениями похожими на идеологические передовицы. Большинство оппонентов Сидоровой (как коллеги, так и современные исследователи) видели в этих текстах ученого-идеолога, ортодокса – «новую поросль». Партийную интеллигенцию, производившую бессодержательные тексты ради продвижения по карьерной лестнице. Только вот количество и качество научных трудов Сидоровой

явно не дотягивало до того образа, который ей вменяли. Цитаты Сталина и Жданова, предварявшие ее единственную опубликованную монографию, обращали на себя больше внимания, нивелируя содержание исследования. Активная роль в парторганизациях, специфические тексты с «медиевальным сталинизмом» [23, с. 104] – все это впоследствии послужило аргументом в пользу негативного восприятия Сидоровой.

Свою функцию выполняли и характерные паттерны поведения, в том числе и стиль руководства, которому была свойственна особая концентрация жесткости. Исходя из стенограмм заседания сектора истории средних веков Института истории АН СССР [9; 10; 12; 13; 14], Сидорова позволяла себе резкие, прямолинейные высказывания, не избегала открытой критики в рамках научной дискуссии, строго следила за дисциплиной. Такая модель поведения позволила в дальнейшем закрепить в сознании участников «войны мемуаров» определенный авторитаризм Сидоровой, исключив все, что ему не соответствовало. Неожиданная помощь ставила в тупик, не укладывалась в уже сформировавшийся шаблон восприятия: «Я удивился благожелательному отношению со стороны этой женщины – суровой, решительной... и подчас беспощадной» [6, с. 129]. В мемуарах часто встречаются однотипные эпитеты: «властная», «жесткая», «бескомпромиссная», «мстительная». Штрихом к общей картине был и внешний облик Сидоровой: «Ни дать, ни взять комиссар времен гражданской войны, аскетичная в одежде и прическе... она сохраняла облик женщины двадцатых годов...» [7, с. 328]. Немногочисленные фотографии, на которых запечатлена Сидорова, действительно рисуют портрет «суровой женщины».

Точкой отсчета для формирования такого образа Сидоровой послужили идеологические кампании поздних сталинских времен. Конкретно – борьба с космополитизмом и объективизмом, где у Сидоровой была своя роль. Проработочные заседания, проходившие в то время повсеместно, репрезентовались корпорацией медиевистов как «поистине черный день» [5, с. 343], «разнузданная кампания» [7, с. 331] от которой были все в ужасе, «эзекуция», «баня» [6, с. 38], «нравственная катастрофа» [8, с. 397]. Такой коллективной травмой стала для советских медиевистов борьба с безродным космополитизмом. 23 марта 1949 г. состоялось собрание на историческом факультете МГУ, где на повестке дня оказался «вопрос о борьбе с буржуазным космополитизмом в исторической науке» [21]. В то время Сидорова являлась младшим научным сотрудником Института истории АН СССР, доцентом кафедры истории средних веков МГУ и состояла в парторганизации Института. Собственно, она и возглавила ход заседания: «Нине Александровне пришлось вполне по размеру мундир государственного обвинителя в политических процессах. Не вызывает ни малей-

шего сомнения то, что Сидорова была организатором этой всей оргии» [5, с. 343]. Однако Гутнова ставила под сомнение такую активную деморализующую роль Сидоровой. Предлагала смотреть на нее, как на заложницу обстоятельств, из которых та пыталась найти выход, предлагая корпорации меньшее зло в обход большому: «...в секторе и на кафедре нашлись люди, которые хотя и не могли не поддержать эту навязанную сверху кампанию разоблачений, но всячески старались сузить круг обвиняемых. В первую очередь это относится к Сидоровой, она... была в ужасе от этой кампании... она сделала все возможное, чтобы и в институте и в университете провести ее с наименьшими издержками...» [7, с. 261].

Показательно, что Сванидзе и Гутнова пытались отойти от намеченной Гуревичем траектории, говоря, что действительность была несколько сложнее, чем ее последующая репрезентация. В этом контексте Сидорова мыслится как «заложница времени» [7, с. 329]. Высокие посты вкупе с партбилетом заставляли Сидорову вести себя определенным образом: «По положению Нине приходилось проводить в жизнь все эти безумные кампании... Это вынуждало ее двоедушничать, что было для нее невероятно трудно» [7, с. 331]. Занимаясь изучением наследия П. Абеляра, которое затем привело Сидорову к более широкой проблематике – исследованию раннегородской культуры средневековой Франции, ей «требовалось находить подходящие декорации и бутафорию» [7, с. 333]. Официально «протолкнуть» запретную для того времени тему требовало огромного труда. Сложности, которые вставали перед Сидоровой, решались «правильной» подачей материала с методологической точки зрения: «К сожалению, невероятное обилие обязательных марксистско-ленинских цитат, которыми она вынуждена была маскировать свою рискованную тогда тему, лишило ее книгу должного внимания, а сегодня она вообще забыта...» [18, с. 379]. Некоторые из современников Сидоровой не единожды подчеркивали ее неоднозначную личность, подспудно осознавая несоответствие «официальной Сидоровой» и «Сидоровой закулисья»: «Могла быть теплой, мягкой и даже нежной и в то же время грубовато-бесцеремонной» [18, с. 379], «...обычно довольно сдержанная, со мной она бывала порою откровенной и не боялась беседовать на разные “опасные” темы. Человеком она была сложным и противоречивым...» [15, с. 106].

Портрет «партийца в науке», созданный в результате сталинских кампаний, оказался довольно стойким, а выстроенная идеологическая картина событий и образов не давала возможности трактовать фигуру Сидоровой с позиции современной ей эпохи. В настоящий момент, когда острота полемики снята, кажется актуальным внести ясность в исследуемый вопрос и выполнить «завещание» Сванидзе – представить роль Сидоровой в советской историографии.

Список источников и литературы

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1702. Оп. 1. Д. 421.
2. РАН. Ф. 1621. Оп. 1. Д. 17.
3. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: НЛЮ, 2014. 328 с.
4. *Бессмертная О.Ю.* «Война мемуаров»: мотивы страха в рассказах о советском прошлом двух медиевистов-противников и (не)советские субъективности (Е.В. Гутнова и А.Я. Гуревич) // НЛЮ. 2020. № 162. С. 79–103.
5. *Гуревич А.Я.* Грехопадение московских медиевистов: дискуссия 1949 г. и ее последствия // Одиссей. Человек в истории. 2007. История как игра метафор: метафоры истории, общества, политики. 2007. Вып. 19. С. 341–349.
6. *Гуревич А.Я.* История историка. М.: РОССПЭН, 2004. 288 с.
7. *Гутнова Е.В.* Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.
8. *Мильская Л.Т.* Воспоминания Е.В. Гутновой и их достоверность: Гутнова Е.В. Пережитое // Средние века. 2002. Вып. 63. С. 394–401.
9. Научный архив института российской истории российской академии наук (НА ИРИ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 841.
10. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 844.
11. НА ИРИ РАН. Личные дела сотрудников. Оп. 41. Т.41.
12. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 837.
13. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 838.
14. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 839.
15. *Некрич А.М.* Отрешись от страха. Воспоминания историка. London: Overseas publ. interchange, 1979. 414 с.
16. *Нора П.* Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 1999. 333 с.
17. *Рыжковский В.* Советская медиевистика and beyond // НЛЮ. 2009. № 97. С. 58–89.
18. *Сванидзе А.А.* Мои коммунальные квартиры и не только. М.: Новый хронограф, 2019. 544 с.
19. *Свешников А.В.* Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930–1940-х гг. // НЛЮ. 2008. № 90. С. 86–112.
20. *Стам С.М.* Моя жизнь, учителя, друзья и наука. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2009. 358 с.
21. Стенограмма объединенного заседания сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков МГУ 23 марта 1949 г. // Одиссей. Человек в истории. 2007. История как игра метафор: метафоры истории, общества, политики. 2007. Вып. 19. С. 253–430.
22. *Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.
23. *Уваров П.Ю.* Между «ежами» и «лисами»: заметки об историках. М.: НЛЮ, 2015. 280 с.

УДК 930

*О.В. Метель*¹

Конструирование памяти корпорации советских историков в 1960–1980-х гг.: Н.М. Лукин и возвращение имен «забытых» исследователей²

Аннотация. Автор статьи обращается к анализу проблемы конструирования памяти советских историков 1960–1980-х гг., рассматривая ее сквозь призму «возвращения» в официальный советский нарратив имен исследователей, «вычеркнутых» из него в 1930-е гг. Механизмы подобного «возвращения» изучаются на примере фигуры Н.М. Лукина, бывшего директора Института истории Академии наук СССР. Автор полагает, что данный процесс можно разделить на два основных этапа. Первый этап пришелся на конец 1950-х – 1960-е гг., когда Лукин был «реабилитирован» его учениками и коллегами, а его имя вернулось на страницы официальных советских изданий. Второй этап конструирования памяти корпорации пришелся на 1980-е гг., когда были уточнены многие детали биографии Лукина и за ним закрепился статус официального советского «классика». И хотя такие оценки вызвали сомнения у ряда специалистов по истории Франции, подобный образ был деконструирован лишь в 2000-е гг.

Ключевые слова: советская историография; политика памяти; Н.М. Лукин; В.А. Дунаевский; память корпорации; советская новистика; Институт истории Академии наук СССР.

Constructing the memory of the corporation of Soviet historians during the 1960–1980s: the return of “forgotten” researchers

Abstract. The author of the article analyzes the problem of constructing the memory of Soviet historians of the 1960s and 1980s, considering it through the prism of “returning” to the official Soviet narrative the names of researchers who were “deleted” from it in the 1930s. The author studies the mechanisms of such a “return” on the example of the figure of N.M. Lukin, the former director of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. The author believes that this process can be divided into two main stages. The first stage covers the period from an end of the 1950s to 1960s, when N.M. Lukin was “rehabilitated” by his students and colleagues, and his name returned to the pages of official Soviet

¹ **Ольга Вадимовна Метель** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия), e-mail: olgametel@yandex.ru.

Olga V. Metel – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).

² Исследование проводилось при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МК-309.2020.6.

publications. The second stage of the construction of the corporation's memory occurred in the 1980s, when many details of the biography of N.M. Lukin were clarified and the status of the official Soviet "classic" was fixed for him. And although such assessments raised doubts among a number of experts on the history of France, such an image was reconstructed only in the 2000s.

Keywords: the Soviet historiography; the politics of the memory; N.M. Lukin, V.A. Dunaevsky; the memory of the corporation; the Soviet novistics; the Institute of History of the USSR Academy of Sciences.

На протяжении последних десятилетий в отечественной исторической науке наблюдается устойчивый интерес к проблемам конструирования и функционирования исторической памяти, приведший к актуализации подобной тематики и в рамках историографических исследований. В целом авторы специальных историографических трудов анализируют широкий круг тем и сюжетов, связанных как с сохранением «полезного» прошлого в памяти корпорации, так и с забвением его «неудобных» эпизодов. Более того, в последнее время историографы приступили к изучению и еще одного немаловажного сюжета, связанного с рассмотрением практик «возвращения» на страницы изданий и в пространство корпоративной памяти имен отдельных ученых-историков, в силу различных причин исключенных из них ранее [9]. В рамках настоящей статьи я также продолжу изучение подобной тематики, обратившись к анализу механизмов «реабилитации» Н.М. Лукина, известного историка-новиста, репрессированного в 1938 г. и на два десятилетия «вычеркнутого» из официальной советской историографии.

Безусловно, «случай» Лукина не был уникальным. Попытки восстановить «разорванные цепи времен» и «вернуть» в пространство историографической традиции ранее «запрещенные» имена предпринимались советскими учеными и на рубеже 1930–1940-х гг. [23], когда на смену критике представителей «буржуазной историографии» пришло осторожное стремление к их «реабилитации» и конструированию единого процесса развития отечественной исторической науки в XIX – первой половине XX вв. [16; 19]. Однако этот путь оказался тернистым, и во второй половине 1940-х гг. наследие «русской науки» и представителей «старой школы» вновь было подвергнуто критике. В результате лишь в период «оттепели», когда уже началась массовая реабилитация и советские люди получили право «вспоминать» [3, с. 42], «возвращение» имен ранее «забытых» историков приняло устойчивый характер и затронуло не только дореволюционных «буржуазных» авторов, но и представителей первого поколения историков-марксистов, репрессированных в 1930-е гг.

Одними из первых на этот путь вступили специалисты по отечественной истории, предпринявшие в конце 1950-х – начале 1960-х гг. серьезные

усилия для того, чтобы отказаться от резко негативных оценок М.Н. Покровского и более детально рассмотреть его вклад в развитие советской исторической науки (в том числе, с опорой на архивные материалы). Решение подобной задачи, безусловно, было сопряжено с немалыми трудностями, ведь на протяжении двух десятилетий именно Покровский являлся символом всевозможных недостатков в развитии ранней советской историографии. Причем подобные сложности возникали как в результате «сопротивления» властных инстанций [9, с. 229], так и благодаря позиции представителей части научного сообщества. Недаром М.В. Нечкина в письме О.Д. Соколову, вероятно, в некоторой степени оправдывая свое участие в кампаниях конца 1930-х гг., отмечала, что в подготовленной им статье историограф не учел «критику ошибок Покровского его учениками», хотя этот процесс был совершенно независим от «культы личности» и, следовательно, требовал самостоятельного анализа при рассмотрении эволюции взглядов бывшего советского «классика» [15, с. 125].

«Возвращение» имени Лукина было иным. Его арест в 1938 г. все-таки не сопровождался «разгромными кампаниями», аналогичными тем, что были характерны для борьбы с «покровщиной», и фамилия бывшего директора Института истории Академии наук СССР просто исчезла со страниц официальных изданий. К примеру, в своей обзорной статье 1942 г. Е.В. Тарле (которого, безусловно, сложно заподозрить в симпатиях к Лукину), говоря о работах советских ученых в области новой истории, просто не упомянул ни самого Лукина, ни других близких ему авторов, писавших о Французской революции или Парижской Коммуне в 1920–1930-е гг. [25, с. 237].

Однако во второй половине 1950-х гг. на волне решений XX съезда КПСС ученики и коллеги бывшего «руководителя исторического фронта», нередко сами недавно вернувшиеся из мест заключения (например, В.М. Далин), предприняли немалые усилия для того, чтобы «снять» с Лукина статус «фигуры умолчания». Важным свидетельством начала данного процесса могут служить не только первые упоминания о работах советского историка в историографических обзорах конца 1950-х гг., но и издание его избранных научных трудов, подготовленное коллективом Института истории Академии наук СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг. [17]. Наибольшую роль в публикации этого трехтомника сыграли В.П. Волгин, бывший коллега Лукина, знавший его еще во время обучения в Московском университете, и А.З. Манфред, В.М. Далин и Э.А. Желубовская [20, л. 124], ученики советского историка по Институту истории РАНИОН и Институту красной профессуры. В первом томе, редактируемом Далиным, был помещен и краткий биографический очерк, сообщавший читателям некоторые общие сведения о жизни и творческой деятельности бывшего директора

Института истории АН СССР [17, с. 5–7]. А спустя несколько лет коллективом сотрудников Института и вовсе был подготовлен специальный сборник, приуроченный к 80-летию юбилею со дня рождения Лукина и включавший небольшой историографический блок, состоявший из специальных статей и воспоминаний об историке [1; 18].

В целом авторы данных изданий конструировали образ Лукина, опираясь преимущественно на свои личные впечатления и стремясь представить своего учителя в качестве подлинного ученого-большевика, «зачинателя советской историографии стран Запада», впервые с успехом применившего к этой области знания марксистско-ленинский метод и при этом сумевшего избежать влияния «пресловутой “теории торгового капитализма” и других детских болезней вульгарного социологизирования, через которые проходила советская историческая наука на ранних этапах своего развития» [18, с. 6–7]. Для того, чтобы подтвердить заявленные тезисы, исследователи, безусловно, прибегали к известным «искажениям» биографии Лукина, «исключая» из нее «неудобные» фрагменты, связанные, к примеру, с его участием в разгромных кампаниях начала 1930-х гг., и, напротив, подчеркивая научные достижения исследователя.

Одновременно с историками, близко знавшими Лукина и стремившимися «реабилитировать» его имя в глазах советской научной общности, подобные усилия предпринимали и специалисты-историографы, занимавшиеся изучением проблем советской историографии нового и новейшего времени и видевшие свою задачу в восстановлении прошлого советской науки (что было особенно актуально в свете решений XX съезда партии). К их числу, вероятно, можно отнести В.А. Дунаевского, работавшего с Нечкиной в Научном совете по проблеме «История исторической науки» и подготовившего разделы по историографии нового и новейшего времени для четвертого тома «Очерков по истории исторической науки в СССР» [26], и В.А. Гавриличева, доцента Ивановского государственного университета, ученика известного медиевиста и специалиста по истории науки А.И. Данилова, опубликовавшего несколько специальных работ по советской историографии Великой Французской революции [24]. В целом и Дунаевский, и Гавриличев также не избежали некоторой идеализации образа Лукина. Они представляли его как выдающегося ученого, «большевика-ленинца», внесшего огромный вклад в становление советской историографии благодаря своей исследовательской, научно-организационной и педагогической деятельности [4, с. 254; 22, с. 630–631]. Причем, если говорить о его заслугах в области разработки конкретно-исторических проблем, то, согласно названным авторам, они и вовсе определялись разработкой и «освоением» Лукиным «ленинского наследия» [4, с. 273], что,

безусловно, скорее соответствовало духу «оттепели», чем реальному отношению бывшего директора Института истории АН СССР к «ленинизму».

Процесс «возвращения» имени Лукина в пространство официальной советской историографии был несколько приостановлен в 1970-е гг., когда вклад историка в разработку отдельных тем и сюжетов, безусловно, признавался [12, с. 77, 129], но специальные работы о нем в печати уже не выходили. Вероятно, это можно объяснить общим изменением «идеологического климата» в стране, нашедшим свое выражение, в частности, в появлении в советской печати еще в середине 1960-х гг. критических рецензий на сборник «Европа в новое и новейшее время» (хотя некоторые замечания в адрес работ советских ученых о Лукине звучали и раньше [2]). Так, в 1967 г. в журнале «Новая и новейшая история» была опубликована статья Г.Ф. Заставенко и В.П. Серегина, требовавшая, с одной стороны, более критично подходить к трудам Лукина, глубоко изучая их «идейные корни» и осторожно определяя личный вклад ученого в разработку тех или иных сюжетов [14, с. 139], а с другой – выступать против общих «ревизионистских тенденций», направленных на «искажение» прошлого партии такими учеными, как, к примеру, Дунаевский, неверно показавший роль А.Г. Слущкого в дискуссии 1930 г. о германской социал-демократии [10; 14, с. 139–146]. В результате, несмотря на то, что курс на «возвращение» в пространство советской науки ранее забытых имен в той или иной степени был характерен и для советской историографии 1970-х гг., новый всплеск интереса к фигуре Лукина пришелся только на 1980-е гг.

В 1984 г., в честь грядущего столетнего юбилея со дня рождения ученого [6], Бюро Отделения исторических наук Академии наук СССР приняло постановление об увековечивании памяти Лукина [11, с. 191], и в том же году в печати появилась специальная монография, посвященная анализу жизненного пути и творческой деятельности советского историка, подготовленная заведующим кафедрой новой и новейшей истории МГУ И.С. Галкиным, являвшимся учеником Лукина [8]. В отличие от своих предшественников, лишь наметивших этапы жизненного пути Лукина, Галкин проделал большую работу, связанную с реконструкцией научной биографии своего учителя, что предполагало широкое использование доступных архивных материалов. Однако и в этом случае автор не избежал оценочных суждений и фактически продолжил линию на идеализацию образа Лукина, которого он позднее и вовсе представил как «борца» со сталинским догматизмом [7, с. 94].

Некоторая идеализация образа лидера советских «историков-западников» 1920–1930-х гг. была характерна и для монографии Дунаевского и А.Б. Цфасмана, которая вышла из печати под редакцией того же Галкина в 1987 г. [13]. Ее авторы при реконструкции биографии Лукина также опи-

рались на широкий круг источников и стремились определить его вклад в разработку различных аспектов советской историографии нового времени. Однако отдельные высказанные ими критические замечания фактически нивелировались общими выводами, согласно которым Лукин являлся образцом «идеального» советского историка, сочетавшего в себе высокую эрудицию, пристальное внимание к источникам и научную добросовестность с активной организационной и преподавательской деятельностью. И подобная направленность монографии не могла не обратить на себя внимание рецензентов, в целом высоко оценивших издание [5]. Так, к примеру, А.В. Адо, анализируя рукопись Дунаевского и Цфасмана, фактически повторял замечания Заставенко и Серегина, призывая историков быть более аккуратными в своих суждениях и детально анализировать приемы историко-ведческой критики, характерные для творчества изучаемого специалиста [21, л. 4–6].

В целом, полагаю, что «случай Н.М. Лукина» является любопытным примером практики конструирования памяти научной корпорации, показывающим не только механизмы «реабилитации» и «возвращения» в пространство исследовательской традиции имен тех авторов, кто ранее находился в статусе «фигуры умолчания» или подвергался критике, но и особенности создания их новых образов, нередко оказывающихся далекими от «оригинала», но «близкими» к требованиям текущего момента. Недаром «ученый-революционер» Лукин, представленный в работах 1960–1980-х гг., воплощал в себе именно те качества, которые были востребованы поколением историков эпохи «оттепели». И в результате попытка показать реальный вклад историка в становление советской науки была предпринята специалистами лишь в 2000-е гг. и носила довольно «радикальный» характер, связанный с деконструкцией (на грани «разоблачения») «идеального» образа Лукина [27].

Список источников и литературы

1. *Авербух Р.А.* Н.М. Лукин – организатор подготовки советских историков // Европа в новое и новейшее время: сборник статей памяти академика Н.М. Лукина. М.: Наука, 1966. С. 55–59.
2. *Альтман В.В.* Рец. на: Лукин Н.М. Избранные труды. В трех томах // Вопросы истории. 1962. № 4. С. 149–153.
3. *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М.: НЛО, 1998. 358 с.
4. *Гавриличев В.А.* Н.М. Лукин и его роль в развитии советской историографии Великой французской революции // Французский ежегодник. 1964. М.: Наука, 1966. С. 254–273.
5. *Гавриличев В.А., Шарифжанов И.И.* Содержательная работа о творчестве Н.М. Лукина // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 156–158.

6. *Галкин И.С.* 100-летие со дня рождения академика Н.М. Лукина // Вопросы истории. 1985. № 6. С. 95–102.

7. *Галкин И.С.* Записки ректора Московского университета: воспоминания. М.: Издательство Московского университета, 2004. 206 с.

8. *Галкин И.С.* Н.М. Лукин – революционер, ученый. М.: Издательство МГУ, 1984. 203 с.

9. *Груздинская В.С.* «Реабилитация» М.Н. Покровского в сообществе историков: конец 50-х – 60-е годы XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн. 3. С. 220–231.

10. *Дунаевский В.А.* Большевики и германские левые на международной арене. (Некоторые аспекты темы в освещении советской историографии конца 20-х – начала 30-х годов) // Европа в новое и новейшее время: сборник статей памяти академика Н.М. Лукина. М.: Наука, 1966. С. 491–514.

11. *Дунаевский В.А.* «Дело» академика Николая Михайловича Лукина // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 186–191.

12. *Дунаевский В.А.* Советская историография новой истории стран Запада 1917–1941 гг. М.: Наука, 1974. 376 с.

13. *Дунаевский В.А., Цфасман А.Б.* Николай Михайлович Лукин. М.: Наука, 1987. 192 с.

14. *Заставенко Г.Ф., Серегин В.П.* О некоторых ошибках в сборнике «Европа в новое и новейшее время» // Новая и новейшая история. 1967. № 6. С. 138–147.

15. История в человеке. Академик М.В. Нечкина. Документальная монография / отв. ред.: Е.Л. Рудницкая, С.В. Мироненко. М.: Новый хронограф, 2011. 1067 с.

16. *Косминский Е.А.* Роль русских историков в разработке истории Англии // Исторический журнал. 1941. № 10–11. С. 89–99.

17. *Лукин Н.М.* Избранные труды: в 3 т. Т. 1 / под ред. В.П. Волгина. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 514 с.

18. *Манфред А.З.* Николай Михайлович Лукин // Европа в новое и новейшее время: сборник статей памяти академика Н.М. Лукина. М.: Наука, 1966. С. 3–20.

19. *Мишулин А.В.* О наследстве русской науки по древней истории // Вестник древней истории. 1938. № 3. С. 25–35.

20. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 772. К. 37. Д. 15.

21. ОР РГБ. Ф. 879. К. 27. Ед. хр. 13.

22. Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. Т. IV / под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1966. 854 с.

23. *Ретина Л.Р.* Е.А. Косминский и роль русских историков в разработке истории Англии: 70 лет спустя // История Британии: современные исследования: сборник статей / отв. ред. М.П. Айзенштат. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 345–358.

24. *Синицын О.В.* Валентин Андреевич Гавриличев как историограф и методолог // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: в 2 т. Т. 2 / под ред. Г.П. Мягкова и др. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. С. 35–38.

25. *Тарпе Е.В.* Новая история в работах советских историков // Двадцать пять лет исторической науки в СССР / под ред. В.П. Волгина и др. М.; Л.: АН СССР, 1942. С. 236–248.

26. *Чистякова Е.В.* Владимир Аронович Дунаевский (1919–1998) // *Историки России: Послевоенное поколение.* М.: АИРО-XX, 2000. С. 143–164.

27. *Чудинов А.В.* Историк воюющий: Н.М. Лукин // *Историк и власть: советские историки сталинской эпохи / под ред. А.Н. Галямичева и др.* Саратов: Издательский центр «Наука», 2006. С. 199–250.

УДК 93/94

*В.С. Батченко*¹

Начало пропаганды первого полета человека в космос и формирование образа героя-космонавта в советской историографии

Аннотация. В статье рассматривается начальный этап складывания космической пропаганды в Советском Союзе и за его рубежами. В первой части статьи анализируется постановление Президиума ЦК КПСС от 26 апреля 1961 г., положившее начало масштабной агитации и пропаганде освоения космического пространства, а во второй части раскрываются ключевые аспекты этой пропагандистской работы, сформировавшие принципиальные моменты историографии отечественной космонавтики. С 1960-х гг. началось формирование образа героя-космонавта с целью воспитания трудящихся. Учитывая, что режим секретности подавлял поток информации, к делу активно привлекали специалистов художественного пера и пропаганды – журналистов и писателей. Давление коммунистической идеологии и Холодной войны выработало в этом жанре литературы определенные убеждения и клише, дожившие до современности.

Ключевые слова: Юрий Гагарин; история космонавтики; первый полет человека в космос; советская пропаганда; режим секретности; космонавт.

The beginning of the propaganda of the first human flight into space and building of the image of a cosmonaut hero in Soviet historiography

Abstract. The article considers the initial stage of the formation of space propaganda within the Soviet Union and abroad. The first part of the article analyzes the resolution of the Presidium of Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union of April 26, 1961, which marked the beginning of large-scale agitation and propaganda of space exploration, and the second part reveals the key aspects of this propaganda work that formed the fundamental moments of the historiography of Russian cosmonautics. Since the 1960s, the image building of a cosmonaut hero began with the aim of educating workers. Given that the secrecy regime suppressed the flow of information, specialists of pen and propaganda – journalists and writers – were actively involved. The pressure of communist ideology and the Cold War developed certain beliefs and clichés in this genre of literature that have survived to the present.

¹ **Виктория Сергеевна Батченко** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения новейшей истории и политологии Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: vik-batchenko@yandex.ru.

Viktoriya S. Batchenko – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Centre for the Study of Modern History and Political Science, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Keywords: Yuri Gagarin; the history of cosmonautics; the first human flight into space; Soviet propaganda; secrecy regime; cosmonaut.

Эмоциональный взрыв, вызванный новостью о полете советского летчика-космонавта Ю.А. Гагарина в космическое пространство, – это история мира, страны, история каждой семьи, предмет для обсуждения, воспоминаний, гордости. Люди, грезившие мечтой об этом полете и создавшие для него подходящие условия и технику, не подозревали, что этот взрыв окажется столь внушительной силы. «Весь мир гудит, как встревоженный улей» [4]; «Аж мурашки по коже! Триумф... Крупнейшее событие века. Достойнейшие сыны Отчизны. Беспримерно. От лапотной России до покорения космоса, до страны, идущей впереди мира по ряду показателей» [3]; «Этот подвиг Гагарина и создателей корабля зачаровал все человечество. Какой гигантский путь от конки, на которой ездила моя бабушка, боясь сесть в трамвай... до полета в космос русского человека. И все на протяжении одной моей жизни» [2], – многочисленные дневники, письма, мемуары сохранили первые эмоции и мысли соотечественников, рожденные новостью о первом шаге человека в космическое пространство.

На улицах, в домашней обстановке, на заводах и в учебных аудиториях ведущей темой разговоров стали успехи в космонавтике. Как выразился о полете Гагарина Н. Рыбкин, человек, проработавший в Центре подготовки космонавтов несколько лет в качестве ставленника органов госбезопасности, а позже – первый мэтр Звездного городка: «Это состояние сохранилось в моей памяти, и каждый год, обогащенная новой информацией, дополненная новыми знаниями, память возвращает меня к тому знаменательному дню, несмотря на экономические и политические изменения» [6, с. 5–6].

Чтобы поддержать возрастающий народный интерес к космической теме, а заодно продемонстрировать миру силу коммунистического строя, в дело включилась пропаганда. Стоит заметить, что основные шаги по прославлению космических подвигов в народе были отработаны еще с 1957 г. – с запуска первого искусственного спутника Земли, ознаменовавшего начало эры практической космонавтики. Первые орбитальные полеты собак широко освещали в прессе и доносили до масс посредством различного инструментария. Но орбитальный полет человека в космическом пространстве – это было особенное событие, и оно требовало более тщательного подхода. Спустя две недели после триумфального возвращения Юрия Гагарина, 26 апреля 1961 г., Президиум ЦК КПСС издал секретное постановление № 161 «О мерах по дальнейшему ознаменованию и популяризации первого полета советского человека в космос» [8, с. 386–389].

В данном постановлении всю агитационно-пропагандистскую работу разделили по территориальному признаку – направленную на население

своей страны и на зарубежные страны. Внутри страны агитация и пропаганда должны были выполнять педагогическую функцию – воспитывать трудящихся, в первую очередь молодежь, в духе советского патриотизма, преследуя при этом вполне практические цели «мобилизации рабочих, колхозников, интеллигенции на досрочное выполнение плана третьего года семилетки» [8, с. 387].

Пропаганда, направленная на зарубежные страны, должна была рисовать облик могучего гиганта научно-технического прогресса – Советского Союза. В международных сообщениях требовалось «особо отмечать великое историческое значение первого космического полета советского человека для прогресса человечества и мира во всем мире» [8, с. 387], подчеркивая, что этот «беспримерный подвиг» – плод социализма, победившего не только в науке, но и во всех сферах человеческой жизни.

Распределив общие направления работы пропаганды и ее функции по этим направлениям, постановление детально раскрывало миссию отдельных организаций на ближайшее время. К делу активно привлекали средства массовой информации как прямой аппарат пропаганды. Редакция газет и журналов, радио и телевидения следовало «шире популяризовать в массах» подвиг Гагарина. В эфирах и на страницах изданий начали появляться интервью, репортажи, научно-популярные очерки о проблемах космоса, искусственных спутниках, достоинствах советской техники – преимущественно сведения технического и естественнонаучного характера, не закрытые цензурой.

Дополнительно Академии наук и Союзу журналистов поручалась подготовка изданий, посвященных первому полету человека в космос, а Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний (общество «Знание»), соответственно, организация повсеместного чтения лекций различным группам населения.

Дальнейший всплеск литературного творчества – научного, научно-популярного и художественного, – посвященного освоению космоса, также напрямую связан с этим постановлением. Массовое издание книг и брошюр, изобразительных материалов (плакатов, открыток, альбомов), прославлявших достижения СССР в изучении космического пространства Партия поручила главным издательствам – Госполитиздат, издательства Академии наук СССР, Изогиз, Воениздат, издательства «Правда», «Известия», «Знание». Им предписывалось широко популяризовать несекретные данные по вопросам освоения космоса человеком и привлекать к этому государственному делу «наиболее квалифицированных и компетентных авторов» [8, с. 387]. Толчок к развитию получили такие направления художественного искусства, как космический плакат, космическая открытка и марка, изготавливаемые в основном «по оригинальным рисункам про-

фессиональных художников, некоторые, главным образом портретные и видовые, – по фотографиям» [7, с. 4]. При газетах и издательствах начали формироваться штаты корреспондентов, занятых освещением вопросов космонавтики, получавших хоть и ограниченный, но все же допуск к жизни и работе космонавтов.

Биографии космонавтов, книги под их авторством записывались журналистами, прикрепленными к ним с заданием составления истории жизненного пути героя. В книгах под указанием имени космонавта-автора упоминалось имя журналиста, осуществившего «литературную запись со слов». Биографии героев составляли по схожим шаблонам: ценности, заложенные Партией и семьей, тяжкая ноша войны, мечты о небе, а также неприменная борьба за лидерство (в учебе, на службе, на пути в космонавты). Составляя светлые образы, в канву описания вплетали поучительные примеры из жизни, направленные на формирование внутреннего мира читателя, – неприменная педагогическая составляющая. Поколение, воспитанное на подвигах челюскинцев и их спасителей, выросло; подросло и поколение, созревшее на подвигах героев Войны, – подвиги космонавтов стали новым идеалом достойного советского гражданина.

Второй крупный блок постановления связан с монументально-выставочной пропагандистской деятельностью. Сюда входили организация тематического павильона на ВДНХ, установка монумента Ю. Гагарину в г. Москве и обелиска на месте его приземления, подготовка выставочных стендов для демонстрации на международных выставках и продажа сувенирной продукции (фотоальбомов, портретов, значков, марок и пр.). Ученым Академии наук полагалось «подготовить ряд научных докладов» для международных выступлений, а КГБ и Министерством обороны и иностранных дел СССР организовать поездки Гагарина за границу «в связи с поступающими из-за рубежа предложениями» [8, с. 388].

Формирование образа нового героя – космонавта – целая отрасль пропаганды. Это герой, о котором, кажется, знали многое, но все понимали, что это знание не составляет и десятой части правды. Но один немаловажный фактор сдерживал поток информации, пронизывая каждый аспект советской космической программы и являясь посредником между правдой и образом, – это режим секретности [11, р. 48]. О нем написано многое, естественно после 1990-х гг., в эпоху гласности, и в большинстве случаев из-за океана, с налетом гнева и обиды. Но таковы правила войны, тем более войны Холодной. Стоит заметить, все, что касается космонавтики и ее истории, до сих пор насквозь пропитано секретностью. Это тоже своеобразная историческая память о прошлом, а более – желание скрыть и подальше спрятать промахи и неудачи, вычеркнуть их из памяти. Как вспоминал Б.Е. Черток, «идеологические установки того времени разрешали описы-

вать только наши успехи и скрывали неудачи», – но по соображениям тех же установок, «достойную оценку своего научного, творческого и трудового подвига создатели космической техники получали, как правило, в некрологах» [9, с. 26–27]. К примеру, теперь широко известно, что С.П. Королев на страницах официальной печати, в книгах и телерадиопередачах оставался «Генеральным конструктором», тяжело переживая сей факт, и лишь в день смерти его имя, наконец, получило широкую огласку.

Советские космонавты воспринимались как небожители. Секретность и выверенная линия пропаганды позволили сформировать идиллический образ профессии космонавта-исследователя, отвлечь внимание большинства от военной стороны вопроса. Широко использовались мирные образы первых космонавтов, в первую очередь Гагарина, как в политических целях, так и в целях формирования общественного мнения, позже переросшего в историческую память. Космонавты являлись некоторым мостом с внешним миром, «послами мира», их активно использовали «для установления и поддержания неформальных контактов» [6, с. 77–78].

В постановлении, которому в данной работе отдано центральное внимание, тоже проскальзывает тема секретности: упомянуто о необходимости предоставлять на рассмотрение и утверждение определенного списка руководителей «все предназначенные для заграницы материалы, связанные с полетом советского человека в космос и освоением космического пространства» [8, с. 388].

Пропаганда пошла значительно дальше – летавшие космонавты стали мировыми известностями, о них писали газеты разных стран, они несли идеологию коммунизма в заграничных поездках по разным уголкам земного шара. После триумфального полета В. Терешковой и В. Быковского в июне 1963 г. из Министерства обороны начальникам ГНИИИАиКМ и ЦПК ВВС спустили бумагу, в которой в очередной раз обращалось внимание на необходимость соблюдения секретности при общении с представителями печати. В целях сохранения военной тайны «проведение фотографирования или киносъемок секретных образцов техники, контролируемой ВВС» [5, л. 3], допускалось лишь с личного разрешения заместителя Главнокомандующего ВВС по вооружению А.Н. Пономарева.

Так ли удивителен режим секретности в советской космонавтике и стоит ли отделять секреты космоса от иных секретов советской истории? Ведь секретность, в принципе, присуща многим деяниям советской власти, которые она признавала не подлежащими широкой огласке. Монополия коммунистической партии давила, в том числе и на исторические исследования, царил вплоть до начала перестройки [1, с. 565]. И архивная революция 1990-х гг. раскрыла ход исторического процесса не только в космонавтике, а скорее заставила научное сообщество пересмотреть многие

исторические события XX в. Учитывая тот факт, что космонавтика непосредственно связана с военными и государственными тайнами, – очевидно, что секретность в некоторых ее сферах будет царить всегда. Но, тем не менее, негативное влияние секретности приводит к искажению исторических фактов и накоплению мифов в космонавтике, сохранивших популярность до современности. Приведу лишь пару примеров.

В наше время многие факты из биографий космонавтов и деятелей ракетно-космической области известны не по тенденциозным литературным повестям, а по опубликованным документам и воспоминаниям. Полвека назад население страны гордилось подвигами первых космонавтов, которые не вызывали сомнений. И пропаганда активно формировала такое отношение к героям космоса. Но с рассекречиванием архивных документов в 1990-е гг. и позже, их частичной публикацией слава героев начала обрастать подробностями. Широкой общественности стало известно о плохом самочувствии некоторых первых космонавтов при выполнении космических полетов, повлиявшем на их работоспособность в космосе, выполнение заданий и проч. Эффект не заставил себя долго ждать – у неподготовленной публики появилась возможность усомниться в профессионализме первых космонавтов. Сперва пошатнулась индивидуальная историческая память, а далее – благодаря публикациям в интернете и других СМИ, – возможно, и коллективная. Но при внимательном изучении менее ярких архивных документов становится ясно, что в первое десятилетие существования Центра подготовки космонавтов сама подготовка продвигалась скорее «вопреки», нежели «благодаря». Слабое оснащение лабораторной и тренажерной базы ЦПК из-за невнимания руководящих структур и первых лиц государства к его проблемам в конечном итоге сказывалось на подготовленности космонавтов к космическим полетам. Достаточно сказать, что продолжительное время космические экипажи испытывали затруднения с организацией тренировок на центрифугах. ЦПК в 1960-е гг. еще не располагал собственной центрифугой, потому для каждого космонавта устраивались выездные тренировки в авиационном госпитале (ЦНИАГ) либо в Институте авиационной и космической медицины (ГНИИИАиКМ). Организация таких тренировок с переездами ломала график работы специалистов и график труда и отдыха самих космонавтов, приводила к перенапряжению и конфликтам.

И второй пример. Мифы «от первого лица»: в воспоминаниях праотца космической биологии и медицины В.И. Яздовского, опубликованных, кстати, в 1996 г., в эпоху свободы мнений, занижены преимущества американцев в период проведения первого набора астронавтов. При сравнении советского и американского наборов в космонавты Яздовский писал о требованиях, предъявлявшихся к первым астронавтам США и космонавтам СССР, и указывал, что хоть набор НАСА и был более жестким, учитывая

повышенные требования к квалификации летчиков и уровню образования («имеющие степень бакалавра наук»), но общий налет в воздухе требовался «не менее 150 часов» [10, с. 115]. Следом он, опять же для сравнения, привел количество часов в воздухе наших кандидатов – Гагарина, Титова, Леонова, – составлявшее в среднем 250 часов налета. И, кажется, все складно, если бы не одно «но»: НАСА набирали в будущий отряд астронавтов летчиков с общим налетом в воздухе не менее 1 500 часов [12, р. 160; 13, р. 64–65], – и этот потерянный ноль ярче многих слов иллюстрирует линию «историописания» по теме истории космонавтики. Ноль потеряли, забыли или спрятали. Дурную службу сыграла рефлексия после Холодной войны и нежелание отказаться от лютой ненависти к своему идеологическому врагу.

Такие примеры – это, скорее, иллюстрация негативных итогов пропагандистской кампании начала 1960-х гг., которая, с одной стороны, пустила героев космоса в каждый дом, в каждую семью, но с другой – наглухо отгородила их от народа, создав парадную картинку, в которой все решали рамки секретности.

Список источников и литературы

1. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М.: РОССПЭН, 2004. 741 с.
2. *Лукницкий П.* 12 апреля 1961 г. // Прожито. URL: <https://prozhito.org/note/573306> (дата обращения: 21.06.2021).
3. *Мордвинов Н.* 12 апреля 1961 г. // Прожито. URL: <https://prozhito.org/note/15838> (дата обращения: 21.06.2021).
4. *Пролейко В.М.* 12 апреля 1961 г. // Прожито. URL: <https://prozhito.org/note/239461> (дата обращения: 21.06.2021).
5. Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД). Ф. 1. Оп. 3-6. Д. 9.
6. *Рыбкин Н.Н.* Записки космического контрразведчика. М.: Кучково поле, 2011. 350 с.
7. Советская космонавтика в открытке 1950–1980-х годов. М.: Музей космонавтики, 2018. 160 с.
8. Советский космос. Специальное издание к 50-летию полета Юрия Гагарина. М.: Вестник Архива Президента РФ, 2011. 719 с.
9. *Чертюк Б.Е.* Ракеты и люди. Т. 3: Горячие дни «Холодной войны». М.: Издательство «РТСофт», 2018. 768 с.
10. *Яздовский В.И.* На тропях Вселенной. М.: Слово, 1996. 288 с.
11. *Asif A. Siddiqi.* Popular Enthusiasm and Secrecy in the Soviet Space Program // Into the cosmos: Space exploration and Soviet culture. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. P. 47–76.
12. *Astronaut Selection* // Special Publication-4201. Washington: NASA History Series, 1989. P. 160–165.
13. *Evans B.* Escaping the Bonds of Earth: The Fifties and the Sixties. Chichester: Praxis Publishing, 2009. 493 p.

УДК 93/94

В.Н. Круглов¹

**«Мясо – несбыточная мечта»: данные статистики
и свидетельства современников о производстве
и потреблении мясной продукции в СССР (1965–1985 гг.)**

Аннотация. В данной статье рассматриваются два взаимосвязанных сюжета: показатели производства мясной продукции в СССР периода 1965–1985 гг. и отражение проблемы мясного дефицита в эго-документах жителей страны, в служебной переписке, в статистике и решениях органов власти. Произведены авторские расчеты показателей, связанных с производством мясопродуктов в рассматриваемый период. Сопоставление цифровых данных и личных свидетельств в их динамике позволяет составить более объемное представление о том, как реагировали те или иные группы общества на трудности с продовольственным обеспечением и как это, в свою очередь, влияло на проводимый политический курс.

Ключевые слова: СССР; производство мяса; статистика; дневники; общественные настроения; дефицит.

**“Meat is an unattainable dream”: statistical data
and contemporary testimonies about the meat production
and consumption in USSR (1965–1985)**

Abstract. This article considers two interrelated subjects: indicators of meat production in the USSR in the period of 1965–1985 and a reflection of the problem of meat shortage in the ego documents of the residents in official correspondence, statistics and decisions of authorities. The author’s calculations of indicators related to the production of meat products in the period under review are presented. A comparison of digital data and personal testimonies in their dynamics will allow us to get a fuller-rounded idea of the development of the chosen issues, to see how certain groups of society reacted to difficulties with food supply and how this, in turn, influenced the actual political course.

Keywords: USSR; meat production; statistics; diaries; public sentiments; deficit.

Проблема потребления продовольственных продуктов – одна из ведущих в современных дискуссиях о достоинствах и недостатках советского периода отечественной истории. В числе основных «наступательных стра-

¹ Владимир Николаевич Круглов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Центр социальной истории России), научный редактор журнала «Российская история» (Москва, Россия), e-mail: vladimirkruglov2007@yandex.ru.

Vladimir N. Kruglov – Candidate of Historical Sciences, Senior researcher, Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences, Editor of “Russian History” journal (Moscow, Russia).

тегий» «борцов с антисоветской мифологией» – утверждения о преувеличенности (а то и вовсе фальсифицированности) свидетельств о трудностях и недостатках в этой сфере. Зачастую такого рода аргументация строится на активном использовании данных статистики СССР, которые сопоставляются со статистическими сведениями, относящимися к РФ, – естественно, не в пользу последних. Пожалуй, чаще всего в таком духе сравниваются показатели потребления мясопродуктов – одного из наиболее энергетически богатых видов продукции питания. Считается, что их высокое потребление – показатель общего высокого уровня потребления, а значит, и более качественного уровня жизни в обществе. На основании названных цифр делаются выводы о резком падении такого потребления в постсоветский период.

Конечно, подобного рода споры носят, скорее, не научный, а политико-идеологический характер, мотивируясь не поиском истины, а стремлением создать более привлекательную картину жизни при одном государственном строе и, соответственно, менее привлекательную при другом (который, как провозглашается в пылу спора, ниспроверг предшественника и по всем параметрам является его заведомым антагонистом). Цифровые данные при этом используются без какого-либо намека на критику и верификацию, в качестве не столько критерия истинности, сколько удобного риторического орудия.

Между тем представляется, что споры по вопросу о «потреблении мяса» интересны. Во-первых, сами по себе – демонстрируя принятые в обществе приоритеты и показатели качества жизни, выявляя порой болевые точки тех или иных групп населения. Во-вторых, с точки зрения борьбы образов прошлого – являясь как универсальным сюжетом для «разжигания споров», так и «бронебойным аргументом» для всех его сторон (хотя и с разнящимися значениями). В-третьих, в целях изучения обывательских и идеологических подходов к цифровым данным. Это потенциально богатый сюжет для социологии, социальной психологии и иных наук об обществе, его представлениях, запросах и фобиях.

И, конечно же, подобные споры – повод уделить внимание тому, как же обстояло дело в сфере, столь актуальной спустя десятилетия после исчезновения СССР. Данный материал – одна из попыток произвести такой разбор применительно к периоду с 1965 по 1985 г., который часто обобщенно именуется «брежневским» и в обиходе считается «самым сытым» временем советской эпохи. Период этот отличается от предыдущих тем, что в риторике партийных и государственных органов все чаще стала звучать социальная тематика. Снижение накала идеологических выступлений,

повышение внимания и «заботы» об уровне и условиях жизни общества как одна из главных установок руководства страны уже привлекали внимание как историков (см., напр.: [21]), так и публицистов. Без сомнения, об этом будет написано еще немало – устойчивый рост интереса и публики, и исследователей к «брежневскому» периоду истории СССР тому наглядное подтверждение.

В связи с этим и хотелось бы затронуть проблематику «мясопотребления» в обозначенный период. В настоящей статье будут рассмотрены два ее ракурса – показатели производства мясной продукции и свидетельства источников личного происхождения о положении дел в сфере торговли как таковой. Среди эго-документов предпочтение будет отдано дневниковым записям и, в меньшей степени, переписке, что обусловлено следующим: во-первых, в отличие, к примеру, от мемуаров эти источники более конкретные и хронологически точные, во-вторых, они значительно менее подвержены абберациям памяти, общественно-политическим веяниям и т.п. явлениям, искажающим подачу информации. В качестве дополнительных привлечены документы структур власти (решения партии и правительства, служебная переписка, стенограммы заседаний высших органов), публикации в прессе, статистика, уголовные дела, справочная литература.

Показатели производства мясной продукции

Изучение цифрового аспекта споров по обозначенной проблематике показывает, что наиболее часто в них фигурирует довольно размытый показатель, варьирующийся от 67 до 70 кг мяса «в конце советской власти». Обращение к статистическим справочникам показывает, что речь идет о показателе *производства мясной продукции на душу населения*. Таким образом, имеет место риторическая подмена смыслов, поскольку производство не равно потреблению, его показатели отражают результат процесса получения мяса из голов крупного рогатого скота, свиней и пр. Причем эти показатели в советский период охватывали информацию по «всем категориям хозяйств»: государственным (совхозы), коллективным (колхозы) и личным (ЛПХ), давая максимум искомым сведений по стране. На их основании в целях проверки произведу пересчет показателей производства мясной продукции на человека (см. табл. 1).

Данные расчеты отклоняются от официальной статистики лишь в отношении второй половины 1960-х гг. Наиболее сильное отклонение – по 1970 г., для которого статистика дает цифру потребления в 47,5 кг в год по статье с формулировкой «Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо (включая сало и субпродукты в натуре)» [34, с. 425]. Однако отклонение не является критичным, а относительно последующих лет данные совпадают.

Таблица 1

Общее производство мясной продукции¹

Год	Население (оценка на 1 января соотв. года; млн чел.)	Общее производство мяса (по всем категориям хозяйств в убойном весе; млн т)	Кг на чел.
1965	229,6	10,0	43
1966	232,2	10,7 (10,8)	46
1967	234,8	11,5 (11,4)	48
1968	237,2	11,6	49
1969	239,5	11,8 (11,6)	49
1970	241,7	12,3	51
1971	243,9	13,3	54
1972	246,3	13,6	55
1973	248,6	13,5	54
1974	250,9	14,6	58
1975	253,3	15,0 (15,2)	60
1976	255,5	13,6	53
1977	257,9	14,7 (14,8)	56
1978	260,1	15,5 (15,2)	59
1979	262,4	15,5	59
1980	264,5	15,1 (15,0)	57
1981	266,6	15,2	57
1982	268,8	15,4 (15,24)	57
1983	271,2	16,4 (16,0)	60
1984	273,8	17,0	62
1985	276,3	17,1	61

Здесь следует затронуть важный аспект. В заголовках статистических изданий советского времени по соответствующей графе присутствуют следующие обтекаемые формулировки: «мясо и мясопродукты», «мясо (в убойном весе)», «мясо (включая субпродукты 1-й категории)». Методологическое пояснение, опубликованное в справочнике «Народное хозяйство СССР в 1974 г.», гласит в этой связи: «В данные о производстве мяса включено мясо всех видов скота и птицы, жир-сырец, пищевые субпродук-

¹ При составлении таблиц 1–3 основные цифры взяты из ежегодника «Народное хозяйство СССР в ... году», цифры в скобках – из «Ежегодника Большой советской энциклопедии».

ты» [34, с. 813]. Издание «Народное хозяйство СССР в 1987 г.» поясняет: «Производство мяса включает мясо всех видов скота и птицы, жир-сырец, пищевые субпродукты. Данные приведены как по промышленному, так и по внутрихозяйственному забою скота и птицы» [35, с. 692]. Учитывая вышеприведенные оговорки, следует заключить, что официальные данные по производству мясной продукции представляли собой тот потолок, которого достигала мясомолочная промышленность СССР.

Таблица 2

Производство товарной продукции

Год	Население (оценка на 1 января соотв. года; млн чел.)	Товарная продукция (за календ. год; гос. закупки во всех категориях хозяйств + продажа на внедеревенском рынке; в убойном весе; млн т)	Кг на чел.
1965	229,6	7,0	30
1966	232,2	7,7	33
1967	234,8	8,4	35
1968	237,2	8,7	36
1969	239,5	8,8	36
1970	241,7	9,4	38
1971	243,9	10,4	42
1972	246,3	10,9	44
1973	248,6	10,7	43
1974	250,9	11,8	47
1975	253,3	12,2	48
1976	255,5	10,8	42
1977	257,9	11,6	44
1978	260,1	12,3	47
1979	262,4	12,4	47
1980	264,5	11,7	44
1981	266,6	11,9	44
1982	268,8	12,0	44
1983	271,2	13,2	48
1984	273,8	13,6	49
1985	276,3	13,9	50

Однако к теме потребления гораздо большее отношение имеет показатель не потребления на душу населения, а *выработки товарной продукции*, ибо именно она поступала в торговую сеть, которая и давала подавляющий объем продаж мясопродукции населению¹. Как следствие, необходимо, во-первых, выяснить долю товарной продукции в общем количестве произведенного мяса, а во-вторых, рассчитать, сколько килограмм на душу населения эта доля могла обеспечить (см. табл. 2).

Следующий этап вычислений снова предполагает обращение к статистическим данным, но теперь в ином аспекте. Показатели товарного производства мясопродуктов в справочниках приведены с пояснением – «в убойном весе». Данное понятие обозначает «у крупного рогатого скота – вес туши без кожи, головы, внутренностей и нижних частей ног. У овец – вес туши без внутренностей и нижних частей ног, а у свиней и без щетины» [46]. Таким образом, помимо мяса, засчитывались также кости, жир, хрящи и прочие компоненты, традиционно в пищу не употребляющиеся. Следовательно, перед нами не собственно мясо, продающееся потребителю, а поставляемая в торговлю (государственную и кооперативную) грубо обработанная туша. В ее общем весе можно попытаться выяснить примерные пропорции мяса. По приведенным в советской экономической периодике данным, «средний выход мяса из живой массы перерабатываемого скота за 20 лет повысился с 51,6 % в 1960 г. до 54,4 % в 1980 г.» [44, с. 92]. Округлив этот показатель с целью упрощения расчетов до 55 %, приму его для всего периода 1965–1985 гг. Результаты вычислений представлены в табл. 3.

Причем даже эти цифры оказываются в определенной степени «дутыми». «Живую массу» регистрировали при приеме на мясокомбинатах, и обычной практикой сдатчиков было скотину предварительно буквально закармливать. Как следствие, значительную долю веса составляло именно содержимое желудка животных – показатели колебались в пределах 24–36 % от общей массы [44, с. 89].

Но даже с этой оговоркой именно поступившие в торговую сеть объемы произведенного должны рассматриваться в качестве отправной точки дискуссии о потреблении мясной продукции, при расчетах и исчислениях на эту тему. Хотя надо иметь в виду, что это идеальные цифры, не подвергшиеся искажению внеэкономическими факторами (хищения, порча, изъятия для перераспределения в другие регионы и т.п.), которые являются предметом отдельного исследования.

¹ Согласно советским статистическим изданиям, доля колхозного рынка в общем объеме продажи продовольствия населению в рассматриваемый период колебалась на уровне 4–5 %.

Таблица 3

Доля чистого мяса в товарной продукции

Год	Население (оценка на 1 января соотв. года; млн чел.)	Товарная продукция (за календ. год; гос. закупки во всех категориях хозяйств + продажа на внедеревенском рынке; в убойном весе; млн т)	Кг на чел.
1965	229,6	9,3	22
1966	232,2	10,3	24,2
1967	234,8	11,5	26,9
1968	237,2	11,9	27,5
1969	239,5	11,7	26,4
1970	241,7	12,6 (12,8)	28,6
1971	243,9	14,2	31,9
1972	246,3	15	33
1973	248,6	14,7	32,4
1974	250,9	16,2	35,2
1975	253,3	16,8 (17,1)	36,3
1976	255,5	15,1	32,4
1977	257,9	16,3	34,6
1978	260,1	17	35,7
1979	262,4	16,7	34,6
1980	264,5	15,9	33
1981	266,6	16,1	33
1982	268,8	16	32,4
1983	271,2	17,5	35,2
1984	273,8	18,2	36,3
1985	276,3	18,4	36,6

Здесь необходимо отметить, что попытки (к сожалению, немногочисленные) высчитать уровень реального потребления мяса в СССР предпринимались и ранее. В 1988–1989 гг. вышли статьи экономиста А.С. Зайченко [19; 20], в которых автор подробно остановился на вопросе действительного значения советских статистических данных и попутно вывел показатель душевого потребления мяса на уровне 40–45 кг, оговорив, что таковой, скорее всего, еще ниже. Историк Б.Н. Миронов привел цифру потребления

«чистого мяса без сала и субпродуктов» на уровне 45 кг по состоянию на 1987 г. [32, с. 142–143] Появились и личные свидетельства, затрагивающие эту тему. Генерал-лейтенант КГБ СССР Н.С. Леонов, в 1973–1983 гг. возглавлявший информационно-аналитическое управление внешней разведки, вспоминал: «Юрий Владимирович задумался: “А почему поляки бунтуют?” Началом забастовочных движений, как известно, было подорожание мяса. Он спросил, какое же там потребление мяса? Порядка 50 кг на душу населения. Он задумчиво говорит: “Так у нас 38, и мы не бунтуем. Почему?” Отвечая, что мера терпения русского народа значительно выше...» [36]¹.

Таким образом, произведенные в данной статье расчеты дают высокую степень совпадения с более ранними подсчетами и свидетельствами. В этой связи можно предположить, что имеющие широкое распространение цифры потребления мясопродуктов в советский период нуждаются в уточнении в сторону понижения. Это, среди прочего, поможет объяснить имевшие перманентный характер трудности советской системы государственного снабжения продовольствием с удовлетворением спроса населения на данный вид «еды». Эти трудности нашли отражение в многочисленных источниках личного происхождения и иных документах, выдержки из которых будут представлены ниже.

Проблемы обеспечения населения мясопродуктами

Новую политическую эру жители СССР встречали в сложной обстановке, кратко, но исчерпывающе описанной в «докладе Полянского»²: «...сейчас сложилось тяжелое положение с мясом... Уже сегодня торговля мясными продуктами почти повсеместно идет с большими перебоями, а в ряде промышленных центров этих продуктов в этом году вообще почти не было... Мы все еще очень далеки от того, чтобы удовлетворить потребности народа в продовольствии, и даже в таких продуктах первой необходимости, как... мясо». Новое руководство страны предприняло ряд мер по облегчению нагрузки на колхозников и ЛПХ (в случае последних меры оказались временными) [42, с. 11–15], однако миграция сельского населения (в первую очередь, молодежи) в города еще в начале 1960-х гг. приобрела массовый характер, и ее волна не спадала даже в 1970-е гг. Как следствие, поощрительные меры власти изначально оказывались ограничены обстоя-

¹ Ранний вариант: «Поляки бунтуют, потому что у них мясо подорожало и его стало меньше... Но вы говорите, что поляки и сейчас потребляют в год по 70 кг мяса на душу населения? Почему же не бунтуют тогда наши люди, которые едят вдвое меньше?» [30, с. 176].

² Доклад был подготовлен для оглашения на октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г. (выступить с ним должен был член Президиума ЦК КПСС Д.С. Полянский), однако признан излишне откровенным и резким. Его предполагалось уничтожить, но машинописная копия сохранилась в архиве фонда Политбюро и опубликована в 1990-е гг. [11].

тельствами и не имели значительного эффекта. В дальнейшем проводимой политике мешали ее постоянные колебания (борьба с личными хозяйствами селян и т.п.), а также природные бедствия, обрушившиеся на СССР, и все усиливавшееся антропогенное воздействие на природу, в особенности на зоны аграрного хозяйствования [см.: 26]. Производство мяса, как показано выше, изначально было невысоким, росло крайне медленно и не поспевало за приростом населения, особенно городского.

В результате напряженность в обеспечении мясopодуктами не спадала. Летом 1967 г. ЦК КПСС и совмин СССР констатировали, что «производство ряда важнейших видов мясных и молочных продуктов не обеспечивает возрастающих потребностей населения» [37, с. 120]. Осенью 1968 г. первый секретарь компартии Украины П.Е. Шелест записывал: «...мяса повсеместно не хватает, много справедливых нареканий... В Донбассе большие сложности с обеспечением питания, в особенности мясом, государственных фондов явно не хватает. А на рынке килограмм мяса 2,5–3 рубля... Из республики отправляется огромное количество продуктов животноводства – даже за границу, а свой собственный рабочий класс, “хозяйин” страны, держим на минимальном пайке» [53, с. 406–407]. В феврале 1969 г. второй секретарь Пензенского обкома КПСС Г.В. Мясликов отмечал: «Не отоваривается рыба, плохо с мясом, и нет просветов» [33, с. 55], в мае того же года первый заместитель главного редактора журнала «Новый мир» В.Я. Лакшин записал: «С утра был у меня учитель из Знаменки. Говорил, что на Украине начинают подголодывать, мяса совсем нет... Потом зашел Залыгин, и с ним я продолжил эту же тему. Он говорил, что и в Новосибирске голодно... Мяса нет, но ведь у нас скот не умеют принимать. Холодильников нет, боен недостает. Скот ждет очереди и каждый день теряет живой вес. Деревня это знает и неохотно идет на расширение животноводства» [27]. Официально констатировалось: «Несмотря на значительный рост товарооборота, спрос населения на некоторые товары, в частности на мясо, сельди... удовлетворялся не полностью» [12, с. 82]. Причем на состоявшемся в декабре 1969 г. пленуме ЦК КПСС глава госплана СССР Н.К. Байбаков прямо предупредил, что «в 1970 году будет ощущаться напряжение в обеспечении населения пищевыми продуктами, и прежде всего мясом и растительным маслом» [51, с. 71]. Сотрудник костромской газеты «Северная правда» И.А. Дедков грустил: «...в городе не хватало мяса, в нашей семье оно бывает раз в 7–10 дней» [9, с. 129]. «В связи с перебоями в торговле продуктами питания», как отмечалось на заседании секретариата ЦК КПСС, «нездоровые высказывания» и призывы не выходить на работу звучали в Челябинске, Ростове и Коми АССР [4, с. 25].

Прошедшие летом 1970 г. выборы в Верховный совет СССР дали населению возможность поднять насущные вопросы, среди которых оказался

и продовольственный. «Мы хотим есть, а не голосовать!», «Скоро ли будем сыты?», «Когда будет мясо для шахтеров?», «От болтовни – к делу. Где мясо? Где продукты?», – вот лишь некоторые из «враждебных надписей», зафиксированных на Урале [39, с. 546–547]. По совпадению ли или нет, но на июльском пленуме ЦК мясная проблема всплыла вновь: «Как известно, еще далеко не удовлетворяется спрос населения на продукты животноводства, особенно на мясо», – заявил генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев [52, с. 39]. Однако и год спустя Лакшин фиксировал: «...проблема миллионов – как достать, хоть в драку, в очередь – мясо или колбасу. В Куйбышеве... крупнейшем рабочем городе, мяса в магазинах нет уже лет 20 – привыкли и не просят даже. А из Тулы, Ярославля ездят в Москву за колбасой: кооперируются четыре семьи, и каждую неделю посылают кого-нибудь покупать на всех». Он же осенью 1971 г. записывал: «Рабочий с Коломенского машиностроительного завода, случайно разговорившийся в очереди, все восхищался, как в Москве хорошо – и мясо, и колбаса в магазинах, “а у нас – ничего”» [28]. Подводя итоги года по УССР, Шелест признавал: «Очень плохо... получилось по республике с планом товарооборота... Довольно печальное положение с торговлей мясом и животным маслом... Болит голова: чем кормить народ будем?». Весной 1972 г. он замечал: «...цены на продукты на рынке неуклонно растут, килограмм мяса 4,5–5 рублей. В госторговле мяса почти нет». А также фиксировал: «Многие предприятия по переработке молока и мяса находятся в антисанитарном состоянии и являются источником кишечных заболеваний» [53, с. 494, 502, 514].

На 1972 г. пришлась одна из самых тяжелых и широкомасштабных засух в советской истории. Однако положение дел не слишком менялось и в годы, номинально успешные для сельского хозяйства. Летом 1973 г. проходили выборы в местные советы РСФСР и, например, в Челябинске избиратели путем надписей на бюллетенях требовали «улучшить снабжение трудящихся продуктами питания (мясом, маслом, квасом, овощами)» [2, с. 123]. Брежнев не соглашался: «Аграрная политика правильная и народ ее разделяет. Продовольственное снабжение бесперебойное. Народ не чувствовал тягот 1972 года. Улучшилась структура потребления, больше стало потребляться мяса, молока и яиц» (из выступления в октябре 1974 г. на пленуме ЦК КПСС). Однако некоторые партийные работники, слыша это, задавались неприятными вопросами: «...наверно, ему докладывают (если не помощники, то Андропов), что, например, в Перми (большой город с военной промышленностью) мясо дают по талонам один раз в неделю – в пятницу, и уже не в магазинах, а распределяют по предприятиям» [49, с. 125]. Однако «наверху» проблему явно старались не будировать – мясо все-таки было идеологически важным продуктом, показатели его потребле-

ния должны были указывать на неуклонный рост уровня жизни населения. Поэтому в конце 1974 г. по каналам цензуры прошла инструкция, запрещавшая «публиковать материалы, касающиеся снабжения населения (в том числе мясом) и жизненного уровня». «Мясо не появится оттого, что о его отсутствии не будут писать. Но отсутствие информации об отсутствии мяса создает иллюзию, что оно есть», – будто предвосхищая горячие споры будущего, пронизательно отметил историк М.Я. Геллер [7, с. 754].

Тем временем дефицит идеологически важного продукта побуждал разные регионы страны вводить разного рода ограничения. Летом 1975 г. жительница Казани писала в ЦК КПСС: «... поехали мы с женихом за яйцами в город Волжск, что от Казани два часа на электричке... мясо свободно на прилавках лежит (и свинина, и говядина, и куры, и даже индюшки), такой картины в Казани никогда еще не было. Стоим мы и сетуем друг на друга, что денег мало взяли. Ведь в Казани на базаре мясо трудно достать. Ну кое-как наскребли на одну курицу. Хотели выбивать в кассе, а с нас какие-то талоны спрашивают... К празднику 1 Мая в магазинах появилась свинина. Народу море, а мяса капля... мясокомбинат нашего города выполнил план на 120–150 %. Только непонятно, где они, эти 150 %». Милиционер из Куйбышева (ныне – Самара) жаловался: «Начиная с 1967 года и по настоящий день в магазинах нашего города очень редко купишь мясо, в основном продажа этого продукта идет на рынке, где стоимость одного кг 4,5–5 рублей. Разве это справедливо, что в таком крупном городе, как Куйбышев, в магазинах очень редко бывает такой важный в жизни продукт. Такая же история с курами...». Из Харькова пришло послание схожего содержания: «У нас нет мясных продуктов. На базаре все продукты вдвое-втрое дороже... все только на рынке. Но там свое царство! Что хотят, то и просят. А где же набрать денег, чтобы жить по рыночным ценам!..» [41].

На 1975 г. пришлось новая аномально сильная и долгая засуха, и на самом высоком уровне пришлось признать, что проблема в ближней перспективе неразрешима. В речи на декабрьском пленуме ЦК Брежнев сообщил, что и в следующем году будут «трудности с молоком и мясом». Будто в подтверждение заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС А.С. Черняев записал в дневник рассказ своей секретарши, съездившей в Кострому: «В магазинах ничего нет... Ржавая селедка... Никаких колбас, вообще ничего мясного. Когда мясо появляется – давка» [49, с. 203]. Осенью 1976 г. на заседании политбюро Брежнев говорил о том, что «вопрос продовольствия надо сделать вопросом № 1. Сделать программу обеспечения населения мясом, восстановить поголовье свиней» [25, с. 143].

Чтобы облегчить тяготы мясного дефицита, в общепите, на предприятиях и т.д. по четвергам был введен знаменитый «рыбный день» (причем на

прилавках появились виды рыбы, которые в поваренных книгах 1950-х гг. значились как несъедобные, например, минтай). Вышла ведомственная инструкция под названием «Меры по эффективному использованию мяса и мясных продуктов на 1976 г.», которая, в частности, предусматривала сокращение в процессе изготовления колбасы содержания в ней мяса – с целью экономии последнего. Начали использоваться альтернативные и нетрадиционные виды мяса: конина, верблюжати́на, закупали за рубежом сою (и пытались поднять ее производство у себя). В 1978 г. вышел циркуляр об издании книг по вопросам питания, который запрещал публикацию иллюстраций с фотографиями мяса (в крайних случаях разрешалось использовать рисунки – но как можно более схематичные).

Все эти меры помогали плохо – даже из Ленинграда писали, что «колбасы и мяса все меньше» [18, с. 133]. В Костроме «пенсионерам дают к Новому году талоны на мясо в домоуправлениях (1 кг на пенсионера). Впрочем, не талоны, а “приглашения”. Получаешь “приглашение” и идешь в магазин. Сегодня “Северная правда” отправила своих представителей в магазин, чтобы получить мясо (по 1 кг на работника). Именно так “дают” мясо трудовым коллективам» [9, с. 168]. О том, что «трудно с мясом», жаловался Брежневу и первый секретарь Компартии Казахстана Д.А. Кунаев [1, с. 753].

В условиях большей (сравнительно с предыдущими политическими эпохами, прежде всего сталинской) информационной открытости и значительно сузившегося пространства для маневра власть едва ли не впервые оказалась перед необходимостью объяснить населению причины трудностей. Так, в апреле 1977 г. встречу с журналистами провел секретарь ЦК КПСС М.В. Зимянин. В его выступлении, неизбежно выдержанном в браваурных тонах, в частности утверждалось, что последствия катастрофы 1975 г. «преодолеваются», хотя пришлось признать: «Пока ощущаются трудности в обеспечении населения продуктами животноводства» [5, с. 384]. Преодоление шло непросто: годовой план 1977 г. министерство мясомолочной промышленности СССР выполнило всего на 98 % [13, с. 64]. Из Свердловского обкома информировали ЦК о том, что «торговля мясом в области не производится. В продаже имеются колбасные изделия, ассортимент которых ограничен. В отдельных промышленных городах торговля ими производится с перебоями» [50, л. 81]. На июльском пленуме ЦК (1978) Брежнев указывал, что «медленно решается задача обеспечения населения мясными и молочными продуктами за счет собственного производства в республиках Закавказья и Средней Азии» (а это означало, что необходимость помощи в их снабжении ложилась на другие республики, в первую очередь РСФСР).

Дневники этих лет (вне зависимости от служебного положения автора) заполнены однотипными записями. В Костроме «нет мяса (на рынке в очередь – по 4 рубля за кг), нет колбасы, сала и прочего... прибыли 25 молодых азербайджанцев-мелиораторов... поговаривают, то ли в шутку, то ли всерьез, что они уже просят барашков и удивляются, почему это в Костроме буквально каждый день – мяса нет» [9, с. 221–222]. В Пензенской области «многие сложности снабжения населения, прежде всего, мясом» [33, с. 308]. «В Смоленске нет мяса. Если его “выбрасывают”, что случается далеко не каждый день, у магазинов вырастают длиннющие хвосты. На рынке килограмм говядины стоит 4–5 рублей, что не по карману семье, где даже два работника. Приехавшие на гастроли актеры Челябинского театра удивлялись благополучному положению с продовольствием в Смоленске» [29, с. 21]. «По мясу. Ростов-Дон: после вычета на ясли, детсады, на рестораны и т.п. в розничную продажу поступает из расчета 1,5 кг на человека в год! Есть лучшие районы, но больше 7 кг на душу в год нигде нет» [49, с. 341]. Работники прииска «Уралалмаз» (Пермская область) писали в обком: «В связи с создавшимися затруднениями в обеспечении продуктами, во многих областях и районах СССР практикуется выдача таких продуктов, как мясо, масло, яйца, колбасы по талонам... Просим... внедрить такую систему торговли у нас в Красновишерске» [38, с. 491]. Талоны на мясо ввели в Свердловске – центре огромного индустриального региона: «К Октябрьским, к 1 Мая и к Новому году (по 2 кг говядины с костями и жиром, не хочешь – не бери)» [48, с. 221]. Журналист Л.М. Тимофеев констатировал: «Уже сегодня потребности населения в мясе удовлетворяются лишь наполовину, и распределение мяса в крупных промышленных центрах (таких, например, как Ростов-на-Дону, Одесса и мн. др.) происходит строго лимитированно по месту работы главы семьи» [47, с. 85].

Имелись, конечно, островки благополучия: «...мясо, колбаса, яйца все же есть в Ленинграде – в Москве меньше, – есть в Литве, на Украине; народ ворчит, но не более того» [18, с. 147]. О столице стоит сказать отдельно. «Москва в эти декабрьские дни наводнена приезжим народом. За мясом и колбасой огромные очереди», – писал Дедков на исходе 1978 г. [9, с. 232]. Этот ажиотажный спрос стал причиной серьезных перебоев в торговле «образцового коммунистического города». По этому поводу в январе 1979 г. пресс-конференцию провел министр сельского хозяйства СССР В.К. Месяц. По его словам, «партия открыто признает, что следует сделать усилия в области животноводства, и прежде всего в области производства мяса» [5, с. 495–496]. Начало 1979 г. вообще выдалось тревожным – например, панику вызвало вторжение китайских войск во Вьетнам, даже в благополучной Эстонии «все раскуплено в магазинах: спички, соль,

крупы, мука. Масла и мяса нет» [45, с. 121]. По итогам 1978 г. выяснилось, что мясомолочная промышленность снова «недовыполнила» план – на сей раз показатель составил 97 % [14, с. 62]. В феврале 1979 г. ЦК КПСС и Совмин СССР приняли постановление об организации предприятиями и учреждениями «подсобных сельских хозяйств», а в марте Брежнев, выступая перед избирателями, заявил о намерении в течение года удвоить производство мяса. В газету «Правда» вскоре пришло 43 письма, авторы которых хотели знать: «За счет каких ресурсов?» [54, с. 150].

Эпистолярное творчество масс вообще приобрело широкий размах. В Свердловске незадолго до выборов в Верховный совет СССР (март 1979 г.) разбросали более 300 листовок с текстом: «Товарищи, вычеркнем продажных кандидатов, они забывают о нас сразу после выборов, их не беспокоит, что партия стала выше народа, сильнее закона, что растут цены, пустеют магазины» (разбросавших не нашли) [24, с. 212]. Черняев записывал: «...“с мест” идет поток писем, все более требовательный и угрожающий. Например, “не думайте, что у русского народа терпение беспредельно”... Все чаще всерьез (не анонимно) требуют введения карточек на мясо, молоко, крупы» [49, с. 366]. Рабочие Уральского химического завода (Пермь) обратились в ЦК с требованием «улучшить дело с питанием»: «В магазинах нет продуктов первой необходимости: мясных, молочных, овощных, рыбных. В столовой общественного питания тоже нет. В столах заказов тоже ничего нет... Мы удивлены, как в магазинах выполняют план, когда почти ничего... мы не видим на прилавках» [38, с. 495]. Из Иркутска писали: «В нашем городе мясо, колбаса, сосиски и другие мясные продукты давно уже – несбыточная мечта». В пос. Кушва Свердловской области «нет мяса, рыбы, рыбных консервов...». В Чебоксарах «мясо только по талонам». В Липецке «нет мяса, молочных продуктов, минеральной воды». В Самарканде «нет мяса, колбасы, масла, сыра». Ярославль «в течение ряда лет... плохо снабжается продуктами. В продаже нет мяса, крупы, колбасы, сельди, молочных продуктов» [43, с. 264–266]. На ноябрьском пленуме ЦК признавалось, что «трудно решается обеспечение народа продовольствием и особенно мясом» [25, с. 157].

На рубеже десятилетий СССР постигли подряд четыре масштабных засухи (1979–1982 гг.). Кризис аграрной сферы наложился на грубый внешнеполитический промах – вторжение в Афганистан, после чего страна подверглась санкциям и эмбарго. «Меры Картера оказались очень чувствительны. Обкомам запрещено “допустить” убой скота. Но мяса от этого не прибавится: будут сдавать полудохлый истощенный скот... Нормы доведены до смешного: на 1981 год Ростову-на-Дону планируется мяса на душу населения... 2 кг в год. Положение хуже, чем во время войны, так как тогда

приходилось снабжать только города, а теперь – и деревню. Отовсюду идут требования и просьбы ввести карточки, но этого невозможно сделать не только по соображениям политическим, но и потому, что на это не хватит продуктов: ведь придется давать ограниченно, но всем, а не выборочно – Москве». Проблема усугублялась тем, что надвигалась Олимпиада, предполагавшая повышенный уровень снабжения столицы, в результате «в провинции – на Урале, на Волге, в Сибири, не говоря о Севере, – в магазинах пусто. В Риге (!) даже молока и сыра нет» [49, с. 413]. Тем временем производство мяса по сравнению с 1979 г. уменьшилось, что дополнительно осложнило ситуацию: «Дело стоит на краю введения карточной системы на многие продукты» [33, с. 453], а «Секретариат ЦК обратился к обкомам и республиканским ЦК с письмом “принять все меры”, чтобы исправить положение со снабжением мясом, так как в большинстве мест – катастрофа с этим и ситуация названа политической» [49, с. 430].

Летом 1980 г. начались волнения в Польше, спровоцированные, в том числе, продовольственными затруднениями, в СССР также отмечался рост забастовок («отказов от работы») [4], а органы власти в центре и на местах захлестнула волна обращений. Так, рабочие Пермского электротехнического завода информировали: «Нас очень беспокоит плохое снабжение продуктами питания... В газетах, радио и телевидении мы узнаем, что планы выполняются и перевыполняются, а на прилавках магазинов купить нужные вещи все труднее и труднее. Плохо нас снабжают молочными продуктами, мясными, рыбой. Нам никак нельзя жить без этих продуктов» [38, с. 501]. Жительница г. Чусового (Пермская область) писала: «Мяса вообще не было 2 года. Вот недавно дали нам по талонам... 0,500 гр. на 1 человека, так это бывает 1 раз в году. А как-то давали куриц по талонам, так на двоих человек давали по ½ курочки. Даже костей не привозят, а когда привезут, то не купишь, в очереди и продают-то только по 2 кг на человека, а я в очереди была 35-й и мне не хватило... Нет никакой рыбы, хек, камбала, треска – это вообще дефицит» [38, с. 498]. В г. Ковров Владимирской области «мяса нет, колбасу давным-давно не ели, котлет и тех днем с огнем не сыщешь. А сейчас еще лучше – пропали самые элементарные продукты... Народ звереет, ненавидят друг друга» [54, с. 151]. Председатель Челябинского облисполкома писал министру торговли РСФСР, что «в городах и промышленных центрах области за последнее время сложилась напряженная обстановка с обеспечением населения мясными продуктами и маслом животным», прося выделить дополнительные ресурсы [40, с. 384–385]. Житель Свердловска писал первому секретарю обкома Б.Н. Ельцину: «Как жить дальше? Почему не ввести распределение основных продуктов питания по карточкам? Что это? Стыдно для нашего строя? Ведь выдают же в Тюмени мясо

по карточкам. А у нас одни в три горла его едят, другие же не видят мяса... Неужели нашу систему уже не изменить?» [39, с. 623]. «Прогулка... по Казани... черный ужас бытия. Масло по карточкам, все везут из Москвы, мяса нет и в помине... Апокалиптичность. Ощущение позднеримского *конца времени*» [10, с. 210]. Катастрофическое положение дел начало приводить к психопатическим случаям – так, в Ярославле задержали местного жителя, который готовил взрывы самодельных бомб «с целью побуждения населения к активному выражению недовольства недостатками в снабжении продуктами» [23, с. 435–436].

Проблемы снабжения населения в этот период уже решались на уровне Политбюро и оформлялись решениями ЦК и Совмина (например, в 1980 г. дважды (август и ноябрь) из госрезервов выделялась 1 тыс. тонн мяса для Свердловской области). Но эти меры по самой своей сути были кратковременными, требовался поворот на политическом уровне. Видимо, решили вспомнить опыт военных лет, поскольку в январе 1981 г. вышло постановление партии и правительства «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан», в газетах (вплоть до «Правды») начал активно пропагандироваться их опыт. XXVI съезд КПСС «подчеркнул, что снабжение населения продовольственными товарами представляет проблему не только экономическую, но и политическую, социальную» [15, с. 6]. Тем не менее годовой план мясомолочная промышленность выполнила на анекдотические 99,9 % [16, с. 68], и в сентябре руководство страны сделало, наконец, ход конем: парторганизациям было разослано «закрытое письмо ЦК» о введении рационарования продовольственных товаров [6, с. 102]. Карточную систему официально так и не ввели, однако на самом высоком уровне – в речи Брежнева на ноябрьском пленуме ЦК – признавалось, что и в наступившей 11-й пятилетке «сохранятся перебои в снабжении мясом, молочными продуктами... и рядом других товаров» [6, с. 119]. Записи современников подтверждают это признание: «В наших магазинах ничего нет» [9, с. 357]; «В областных городах нет мяса вообще, разве что в комиссионных на рынках... Картина в колыбели революции похожая. Ни сыра, ни колбасы, ни крул» [49, с. 483]; «За год, который прошел после моей предыдущей поездки в Ленинград, экономическая ситуация там ухудшилась катастрофически. Например, нет сливочного масла. Из мяса осталась только жирная свинина» [18, с. 340].

Переломить ситуацию в кратчайшие сроки предполагалось с помощью принятой на майском пленуме ЦК (1982) Продовольственной программы СССР. Впервые руководство страны пошло на столь открытое признание всей тяжести ситуации. В то же время этот документ был чисто

декларативным, уже хотя бы из-за нереалистичных сроков реализации, не говоря уже об отсутствии действенных мер. «Внутри» все прекрасно понимали: «...выступал зав. отделом Госплана... К 1990 году (конечный рубеж программы) не выходим на рациональные нормы потребления (хотя они и были снижены Академией медицинских наук¹ – эти его слова были покрыты долгим, громким смехом зала) ... По мясу – по норме надо бы произвести 26,5 млн тонн, а произведем к 1990 году только 21 млн тонн. Сейчас считается, что у нас 58 кг на душу. Однако, с 1975 года мы не увеличили ни на грамм, наоборот, произошло снижение на 2 кг... Сейчас государственные дотации на мясо, молоко, масло – 30 млрд рублей. В два раза дороже обходится их производство, чем продажа. Выход – повысить цены. Но это – вопрос политический» [49, с. 480].

План по мясу уже который год подряд оказался не выполнен [18, с. 64], а «кризис снабжения» дотянулся до Москвы. Журналист Л.А. Левицкий писал в феврале 1983 г.: «Утром побежал в магазин. Пустые полки. Ни сыра, ни колбасы, ни мяса или кур. Потому ли, что и в самом деле ничего нет, или потому, что по случаю выходного дня решено припрятать наличие от иногородних, которые, несмотря на все угрозы, прут и прут, обездоливая главную нашу столицу. Вот наглецы-то! Тоже, видишь ли, есть хотят» [29, с. 129]. Похожая картина осенью 1984 г.: «Москва наводнена приезжими... Толпы временно оседающих в столице штурмуют прилавки, образовывая длинные хвосты в кассу... Случается, что побывав в десятках магазинов, я ничего не раздобываю и, несолоно хлебавши, возвращаюсь воясы» [29, с. 149]. По стране мясо выделялось буквально точечно: «Новосибирск... Два дня бесполезных дебатов. Зачем я здесь? Зачем здесь мы все с нашими проблемами? Жрем ихнее мясо, которое тут по талонам. На нашу ораву – 28 человек – спустили специально “фонды”», – писал сценарист А.Б. Гребнев, и утомленно восклицал: «Бог мой, как много у нас говорят о пище!» [8, с. 247, 266]. «Когда в магазинах будут свободно продаваться масло и мясо?», – интересовались жители Челябинской области во время выборов в Верховный совет РСФСР посредством надписей на бюллетенях [40, с. 405].

Летом 1985 г. в посольство Франции проник и попросил политического убежища сварщик О. Алифанов (в чем ему, конечно, отказали, – зато

¹ В 1967 г. были опубликованы «рациональные нормы потребления продуктов питания», согласно которым потребление «мяса и мясopодуlктов» должно было составить 90–100 кг [31, табл. 4]. В 1971 г. Институт питания Академии медицинских наук СССР разработал рекомендацию потреблять 82 кг на человека в год. Наконец, когда в Госплане в 1977 г. разрабатывали программу развития животноводства, разговор шел уже о том, чтобы «ориентировать на потребление 70 кг мяса на душу населения в 1985 году» [25, с. 110, 146]. Именно эта цифра и попала в Продовольственную программу.

проводили до метро, где уже поджидали милиционеры). С собой он принес письмо, вскоре опубликованное в «Le Monde», в котором было, среди прочего, следующее: «Прошло 40 лет после войны, а в стране по-прежнему действуют продовольственные талоны и карточки на основные продукты питания. Даже в Москве проблема купить после работы колбасу, молоко, кефир, свежий хлеб, яйца... В Куйбышеве и в Ульяновске один человек в месяц по продовольственному талону может купить не более 500 граммов мяса. В Сургуте – столице нефтяного края, где я жил, там получше – 2 кг мяса на человека, но чтобы их отоварить, нужно целыми днями бегать по городским магазинам... Колбаса для жителей сел и городов просто экзотический продукт» [6, с. 358]. Подводя итоги года, министр торговли СССР Г.И. Ващенко сообщал в правительство: «Продажа продуктов животноводства... в большинстве регионов страны в истекшем году по-прежнему осуществлялась с использованием различных форм рациионирования... Несколько улучшилось снабжение населения продуктами питания... Однако годовой план общего объема розничного товарооборота не выполнен!» [3, с. 222].

Интересно, как и письмо диссидента, и информация министра содержательно практически не отличаются от критического доклада 20-летней давности. Это наглядная демонстрация того, как мало на деле изменились приоритеты проводимой советским государством политики. Несмотря на все попытки экономических реформ, громогласные декларации «заботы о благе трудящихся» и т.п., на деле руководство СССР то ли не захотело поступиться определенными еще в конце 1920-х гг. приоритетами. И стоит подчеркнуть, что на незыблемость курса не повлияли ни внешне-, ни даже внутривнутриполитическая напряженность – причем последняя планомерно нарастала на протяжении всего исследуемого периода с ярко выраженным пиком в 1979–1981 гг. Исследователи в целом сходятся в том, что именно тогда советская эпоха начала клониться к закату и, очевидно, что продовольственные затруднения сыграли в этом процессе одну из важнейших ролей (причем в их рамках отчетливо выделялась именно проблема снабжения мясомолочной продукцией, потребление которой по иронии судьбы десятилетиями выдвигалось идеологами в качестве показателя высокого качества жизни). В этой связи ожесточенные споры нашего времени на тему «еды в СССР» представляются вполне естественными и даже неизбежными.

¹ Здесь стоит упомянуть, что за 1966–1987 гг. план товарооборота был выполнен всего пять раз. В 1985 г. степень дефицитности по разным товарным группам составляла от 78 до 84 %, а обусловленный недостатком товаров и услуг излишек денег в обращении составил около 40 % от количества денег в обращении. При этом удельный вес производства предметов потребления в общем объеме продукции промышленности составил 25,2 % против 26,6 % в 1970 г. [22, с. 20, 24].

Список источников и литературы

1. *Брежнев Л.И.* Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. 1964–1982 гг. / сост.: А.С. Степанов, А.В. Коротков. М.: Историческая литература, 2016. 1264 с.
2. Взгляд из прошлого в настоящее: история парламентаризма в Челябинской области в XX – начале XXI вв. Хрестоматия / сост. Е.А. Калинин. Челябинск: Край Ра, 2011. 214 с.
3. *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 440 с.
4. *Гальперин И.* Симптомы «глубинной болезни»: «Страх, апатия и нежелание подниматься на поверхность» // Новое время. 1995. № 47. С. 25.
5. *Геллер М.Я.* Российские заметки. 1969–1979. М.: МИК, 1999. 568 с.
6. *Геллер М.Я.* Российские заметки. 1980–1990. М.: МИК, 2001. 736 с.
7. *Геллер М.Я., Некрич А.М.* Утопия у власти. М.: МИК, 2000. 698 с.
8. *Гребнев А.Б.* Дневник последнего сценариста 1945–2002. М.: Русский импульс, 2006. 628 с.
9. *Дедков И.А.* Дневник, 1953–1994 / сост. Т.Ф. Дедкова. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. 790 с.
10. Дневник Натана Эйдельмана / публ. Ю. Мадоры-Эйдельман. М.: Материк, 2003. 496 с.
11. Доклад Президиума ЦК КПСС на Октябрьском Пленуме ЦК КПСС (вариант) // Источник (Вестник Архива Президента РФ). 1998. № 2. С. 102–125.
12. Ежегодник Большой советской энциклопедии. Вып. 14. М.: БСЭ, 1970. 608 с.
13. Ежегодник Большой советской энциклопедии. Вып. 22. М.: БСЭ, 1978. 591 с.
14. Ежегодник Большой советской энциклопедии. Вып. 23. М.: БСЭ, 1979. 574 с.
15. Ежегодник Большой советской энциклопедии. Вып. 25. М.: БСЭ, 1981. 623 с.
16. Ежегодник Большой советской энциклопедии. Вып. 26. М.: БСЭ, 1982. 599 с.
17. Ежегодник Большой советской энциклопедии. Вып. 27. М.: БСЭ, 1983. 583 с.
18. Ефим Эткинд: переписка за четверть века / сост.: П. Вахтина, И. Комарова. СПб.: Европейский университет Санкт-Петербурга, 2012. 414 с.
19. *Зайченко А.С.* США–СССР – личное потребление (некоторые сопоставления) // США–ЭПИ. 1988. № 12. С. 12–22.
20. *Зайченко А.С.* Еще раз о личном потреблении в СССР и США // США–ЭПИ. 1989. № 6. С. 114–127
21. *Иванова Г.М.* На пороге «государства всеобщего благосостояния». Социальная политика СССР (середина 1950-х – начало 1970-х годов). М.: ИРИ РАН, 2011. 285 с.
22. *Кирсанов Р.Г.* Перестройка. «Новое мышление» в банковской системе СССР. М.: Каширин В.В., 2011. 200 с.
23. *Козлов В.А.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. 448 с.
24. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе 1953–1982 гг. (По рассекреченным документам Верховного суда и прокуратуры СССР) / под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко. М.: Материк, 2005. 432 с.

25. Краснопиццев А.А. Жажда справедливости. Политические мемуары. Т. I. М.: Алгоритм, 2013. 700 с.

26. Круглов В.Н. Влияние погодно-климатического фактора на сельское хозяйство СССР в 1960–1980-е гг. // Проблемы экологической истории/истории окружающей среды. Сборник статей. Вып. I. М.: РГГУ, 2019. С. 265–274.

27. Лакшин В.Я. Последний акт: дневник 1969–1970 годов / публ. С.Н. Лакшиной, вступ. Л. Теракопяна // Дружба народов. 2003. № 4–6. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2003/4/poslednij-akt.html> (дата обращения: 29.07.2021).

28. Лакшин В.Я. После журнала. Дневник 1970 года / подгот. текста С.Н. Лакшиной // Дружба народов. 2004. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2004/9/posle-zhurnala.html> (дата обращения: 29.07.2021).

29. Левицкий Л.А. Термос времени. Дневник, 1978–1997. СПб.: Издательство Сергея Ходова, 2006. 672 с.

30. Леонов Н.С. Лихолетье (Мемуары разведчика). М.: Международные отношения, 1994. 395 с.

31. Литвинов В.А. Правда о вкусной и здоровой пище. Показатели потребления в России за 100 лет // Человек. 2006. № 2. С. 46–57.

32. Миронов Б.Н. История в цифрах. Л.: Наука, 1991. 165 с.

33. Мясников Г.В. Страницы из дневника (1964–1992). М.: Институт национальных проблем образования, 2008. 776 с.

34. Народное хозяйство СССР в 1974 г.: статистический ежегодник. М.: Статистика, 1975. 861 с.

35. Народное хозяйство СССР в 1987 г.: статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1988. 735 с.

36. Николай Леонов: «Мы верили ему, не опасаясь подвоха» // Федеральная служба безопасности РФ (Авторские публикации). 2004. 11 июня. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/history/author/single.htm?id%3D10318068%40fsbPublication.html> (дата обращения: 29.07.2021).

37. О мерах по дальнейшему развитию производственно-технической базы мясной и молочной промышленности. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, 10 июля 1967 г. (изложение) // Справочник партийного работника. Вып. 8. М.: Политиздат, 1968. 551 с.

38. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: Документы и материалы в 6 т. Пермский край. Т. 2. 1941–1985 / гл. ред. В.В. Алексеев; отв. ред. А.Б. Суслов. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. 688 с.

39. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: Документы и материалы в 6 т. Свердловская область. Т. 2. 1942–1985 / гл. ред. В.В. Алексеев; сост.: Е.Ю. Баранов, Е.В. Вертилецкая, С.В. Воробьев и др. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. 776 с.

40. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985: Документы и материалы в 6 т. Челябинская область. Т. 2. 1946–1985 / гл. ред. В.В. Алексеев; сост.: А.П. Финадеев, Г.Н. Кибиткина, Е.А. Калинкина и др. Челябинск: Книга, 2006. 487 с.

41. Памятные послания // Коммерсантъ–Власть. 2005. № 31. 8 авг.

42. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. 1945–2005. Т. 2: 1964–1985. М.: Новый хронограф, 2009. 224 с.

43. *Полынов М.Ф.* Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг. М.: Алетейя, 2010. 512 с.
44. *Рукоусев П.Н.* Связь животноводства с мясной промышленностью // Вопросы экономики. 1986. № 5. С. 85–95.
45. *Самойлов Д.А.* Поденные записи. Т. II. М.: Время, 2002. 419 с.
46. Сельскохозяйственный словарь-справочник. М.; Л.: Сельхозгиз, 1934. 1280 с.
47. *Тимофеев Л.М.* Черный рынок как политическая система. Публицистическое исследование. Вильнюс; М.: VIMO, 1993. 272 с.
48. *Черниченко Ю.В.* Время ужина: прерванная исповедь. Образы былого. Феодосия: Коктебель, 2009. 239 с.
49. *Черняев А.С.* Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2008. 1047 с.
50. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОО СО). Ф. 4. Оп. 89. Д. 212.
51. *Шевельков А.И.* О некоторых причинах неэффективности аграрной политики государства в продовольственном обеспечении населения России во второй половине XX в. // Клио. 2010. № 4. С. 70–73.
52. *Шевельков А.И.* Аграрная политика и решение проблемы продовольственного обеспечения населения РСФСР во второй половине XX в. // Аграрный вестник Урала. 2010. № 9. С. 37–42.
53. *Шелест П.Е.* ...Да не судимы будете. Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Ed. Q: Квинтэссенция, 1994. 632 с.
54. *Шубин А.В.* От «застоя» к реформам. М.: РОССПЭН, 2001. 766 с.

УДК 94(47).084.9

Р.Ю. Червяков¹

«Белые руки и грязные трюки»: советская карикатура о политике апартеида в ЮАР и Родезии (1977–1985 гг.)

Аннотация. В статье рассматривается проблема репрезентации режима апартеида в советской политической карикатуре конца 1970-х – середины 1980-х гг. В качестве источника использованы карикатуры и фельетоны, опубликованные в главном сатирическом издании СССР – журнале «Крокодил». Южная Африка рассматривалась пропагандистами как регион, главной проблемой которого являлась политика расовой сегрегации. Карикатура осуждала колонизаторов и расистов, преподнося их в виде смешных и нелепых персонажей. В условиях снижения эффективности советской пропаганды это привело к тому, что эти персонажи не воспринимались всерьез.

Ключевые слова: апартеид; расизм; Южно-Африканская Республика; Родезия; советская карикатура; советская пропаганда; журнал «Крокодил».

“White hands and dirty tricks”: Soviet cartoons about the apartheid politics in South Africa and Rhodesia (1977–1985)

Abstract. The article is devoted to the problem of representation of the apartheid regime in the Soviet political caricature of the late 1970s – mid-1980s. The sources used in this article are materials of the main satirical publication of the USSR – the “Crocodile” magazine. The cartoon condemns the colonialists and racists, portraying them as funny and ridiculous characters. With the decline in the effectiveness of Soviet propaganda, this led to the fact that these characters were not taken seriously.

Keywords: apartheid; racism; South Africa; Rhodesia; Soviet caricature; Soviet propaganda; “Crocodile” magazine.

В середине 1970-х гг. особый интерес советской пропаганды вызывали события вокруг Южно-Африканской Республики, что объясняется ее особым значением в регионе. Как заметил В.Г. Шубин: «О какой бы стране на Юге Африки ни шла речь, мы всегда встречаемся с вмешательством Претории, будь то оккупация Намибии, агрессия в Анголе, террористические акты в Мозамбике или разносторонняя помощь расистскому режиму в Родезии» [40, с. 307]. По сути, в это время сложилось ядро из наиболее последовательных сторонников апартеида и колониализма, в которое входили

¹ Руслан Юнадиевич Червяков – аспирант исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: tcherviaikov.ruslan@yandex.ru.

Ruslan Yu. Chervyakov – Postgraduate student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

ЮАР, Родезия и Португалия, пытавшаяся удержать свои колонии Анголу и Мозамбик. После 1975 г., когда Ангола и Мозамбик получили независимость, ЮАР и Родезия остались с единственными наиболее одиозными режимами в регионе.

Установленный еще в конце 1940-х гг. режим апартеида к этому времени оказался в состоянии кризиса. Некоторые исследователи считают, что власти республик предпринимали реальные попытки демонтажа апартеида [11, с. 64], однако данная точка зрения не разделялась советскими идеологами и пропагандистами, рассматривавшими эти акции как полумеры и стремление скрыть масштаб проблемы. Попытки как-то ослабить расовое противостояние связывались с постоянной убылью белого населения, что неизбежно должно было привести к краху режима в течение ближайших десятилетий [25]. Советский Союз, как противник любой расовой сегрегации, не веривший в мантры о «плюралистической» или «этнической демократии» [32], всегда относился к апартеиду негативно, расизм и колониализм рассматривались им как главное зло Африки.

Соответствующая установка внедрялась в общественное мнение. В конце 1970-х гг., в период очередного охлаждения отношений между сверхдержавами, большую роль стала играть политическая пропаганда. Постоянно присутствуя в общественной жизни, она меняла свой характер и содержание. Отследить эти характеристики можно, используя конкретные пропагандистские материалы. Наиболее ярким явлением советской пропаганды являлась карикатура.

На одной из карикатур расизм изображен как мина, угрожавшая разорвать континент на мелкие кусочки [7]. Кубинский карикатурист Р. де ла Нуэс изображал апартеид следующим образом: Дядя Сэм заковал огромную фигуру чернокожего в кандалы, а ключик от них закинул в рот апартеида, чертами лица напоминающего Гитлера в костюме колонизатора и шляпе, подобной колпаку ку-клукс-клановца. В руке апартеида зажат топор, уже изрядно зазубренный и с пятнами крови (рис. 1) [23]. Таким образом, кубинец вместил сразу несколько связей: США и апартеида, апартеида и фашизма, фашизма и Ку-клукс-клана.

Б.Е. Ефимов изобразил апартеид в виде бешеной собаки на поводке у ЮАР, которую, в свою очередь, держали на поводке США (рис. 2) [9]. С прагматической точки зрения колониализм препятствовал проникновению СССР на богатый ресурсами континент и, что более важно, способствовал проникновению туда США. В этих условиях антирасизм и антиколониализм Советского Союза становятся понятны как с точки зрения идеологии, так и с точки зрения политики.

Итак, какие аспекты волновали советскую пропаганду больше всего?

Рисунки НУЭСА

Рис. 1. Р. де ла Нуэс. Апартеид. 1977 г.

Рис. 2. Б. Ефимов. Взаимосвязь. 1985 г.

В первую очередь – угнетение цветного населения в республиках. Главным принципом, которым руководствовались пропагандисты при описании жизни в ЮАР, было доведение ситуации до абсурда – выявление наиболее странных и удивительных событий, которые и доносились до читателя. Например, новость о том, что в оперном театре Претории роль шекспировского мавра Отелло играл белый мужчина, поскольку черным запрещалось быть актерами [34], равно как и зрителями [27]. Рассказывалось о том, как под разными предлогами вожди апартеида запрещали книги Ф.М. Достоевского, Д. Стейнбека и М. Горького [6].

По-настоящему экстраординарный случай пересказывался в фельетоне восточногерманского писателя Й. Петерсдорфа «Тяжелая болезнь» [26]: все начиналось с того, что вполне благополучная и состоятельная белая жительница Капштадта тяжело заболела и ее недуг имел своеобразное осложнение – у нее резко потемнела кожа. После этого жизнь семьи начала рушиться: «В почтовом ящике домика Гоэфлингов появилась записка...: “Мы не хотим иметь соседями метисов!”». Начались откровенные издевательства, миссис Гоэфлинг стали выгонять из автобусов для белых. Ей пришлось доказывать через суд свое происхождение, но и это не помогло – она была вынуждена ездить в автобусах для цветных, «и хотя среди тамошних пассажиров она выделялась довольно светлой кожей, от нее никто не отодвигался». Вскоре из дома ушел сын, опасавшийся потерять место почтового служащего из-за цвета кожи матери, а вслед за ним ушел и муж. Несчастливая женщина сошла с ума: «Она больше не выходит из дома и никому не открывает. *Соседи здоровы. И белы*». Таким нетривиальным способом автор попытался подвести читателя к мысли о противоестественности сегрегации, в условиях которой невыносимо жить представителям цветного населения. В то же время показывалось то достоинство, с которым цветные переносили свое положение и не опускались до уровня «хозяев жизни».

Кстати, с подобным отношением сталкивались и чернокожие путешественники, приезжавшие оценить масштаб перемен в ЮАР, в результате чего рисковали оказаться на больничной койке для цветных [20]. На эти события крокодилы отозвались сатирическим буклетом «Фиалиал рая», в котором высмеивались бантустаны, ядерная программа ЮАР, засилье миллиардеров, полицейский произвол, наемничество, ограничительные законы против черных [19]. Пародируя туристические буклеты, сатирики представляли главные проблемы ЮАР в положительном ключе, например, хибары чернокожих на окраинах Йоханнесбурга и Кейптауна сносили исключительно из эстетических соображений, а в бантустаны коренное население сгоняли из гуманных соображений, ведь, по сути, это свободные государства, находившиеся под опекой Претории, поэтому им не нужно было иметь свою армию и свои законы.

Рис. 3. Л. Самойлов. Шакал наемный. 1978 г.

победителем. Подобная, но менее элегантная зарисовка на эту тему вышла из-под карандаша М.А. Абрамова: на ней чернокожие большинство стоит в кольце из колючей проволоки, а в роли столбов выступали деятели апартеида, на шеях которых висели автоматы с надписью «Made in USA» и со знаками доллара вместо магазинов [2]. Таким образом в очередной раз подчеркивалась поддержка сил реакции Соединенными Штатами.

Следующий сюжет – активное привлечение наемников для военных операций в регионе. «Солдаты удачи» начали съезжаться в Африку еще в начале 1960-х гг., когда в результате начавшегося процесса деколонизации повсеместно стали вспыхивать военные конфликты [14]. Жажда наживы, беспринципность и темное прошлое – вот те характеристики, которыми наделяла наемников советская пропаганда. «ШАКАЛ НАЕМНЫЙ. Алчен и агрессивен. Охотно идет на долларовую приманку. Нападает на мирных жителей, но, пойманный, трусливо дрожит за свою шкуру», – писал один из авторов «Крокодила» (рис. 3) [30]. На рисунке Н. Захарова наемник изображен в виде человека с флюгером вместо прицела, стрелявшего туда, куда дуют денежные ветра [13], а на карикатуре М. Битного у наемника вместо головы монета номиналом в один доллар [4]. Зарисовка «Ночная жизнь Парижа» отразила процесс поиска наемников: у здания некоего ночного

Ситуация с расовой сегрегацией и бантустанами колоритно обыграна в карикатуре «Шахматы по-ЮАРовски» [31], сделанной на основе идеи одного из читателей. На рисунке положение в Южно-Африканской Республике изображено в виде шахматной доски, на которой черные фигуры ютились за колючей проволокой, а белые свободно разгуливали по большей части доски. Но игра в шахматы предусматривает конкуренцию двух цветов и в таких условиях в выигрыше не мог оказаться никто, даже тот, кто мнимо считал себя

Рис. 4. Б. Ефимов. Все годны! 1977 г.

заведения остановилось такси, его водитель пытался отговорить пассажира от посещения бара, поскольку там «собираются одни подонки» – лицо пассажира засияло улыбкой: «Меня это устраивает. Я вербую добровольцев в родезийскую армию» [41].

На карикатуре Ефимова «В европейском аэропорту» изображена отправка наемников в Африку: люди в зале ожидания до смерти перепуганы видом наемников – грязных, небритых, вооруженных автоматами и гранатометами [8]. Художник обыграл контраст между обычными людьми и наемниками при помощи цвета: если обычные граждане изображены желтыми, в цвет зала ожидания, то наемники изображены серыми и грязными. Теме прибытия этих людей на место посвящена другая карикатура Ефимова – «Все годны!» (рис. 4). Радостные врачи объявляли, что готовы дать всем возможность послужить на благо родезийских властей, однако радовало их совсем не состояние здоровья призывников. На голых животах наемников виднелись татуировки: «Не забуду Вьетнам», «Помню Конго», «Воевал в Анголе», «Привет из Заира» [10]. Опытные солдаты, уже принимавшие участие в военных авантюрах, всегда будут полезны на передовой.

Следующий этап критики – осуждение военной агрессии ЮАР и Родезии в Африке. Авторы «Крокодила» заявляли, что военные кампании режимов Б.И. Форстера и Я. Смита ставили своей целью подчинение всего Африканского континента. СССР осуждал военную активность ЮАР, ее попытки воспрепятствовать победе национально-освободительных движений в Родезии, Мозамбике, Замбии и Анголе [3]. Массово тиражировались

карикатуры, на которых южноафриканские солдаты и наемники убивали ни в чем не повинных людей, сжигали их дома [37], памятуя о своей службе в рядах Вермахта [5]. На карикатуре Ю.А. Черепанова «Крестonosцы» [36] наемник держал в руке фотографию, на которой он и три его товарища стояли в той же позе где-то на территории Советского Союза в 1941 г. Спустя 40 лет та же компания занималась разорением деревень, только теперь уже африканских.

Отдельным блоком можно выделить проблему Юго-Западной Африки, или Намибии. По результатам Первой мировой войны бывшая немецкая колония перешла под управление Южно-Африканского Союза, получившего мандат на управление территорией от Лиги Наций. После роспуска Лиги Наций ЮАС отказался передавать мандат ООН и контролировал территорию вплоть до 1990 г. [24]. Аллегорически процесс вывода южноафриканский войск из Намибии показан на карикатуре Черепанова: белый солдат сидел внутри песочных часов, сложенных из двух пробковых шлемов, и не давал песку из верхнего шлема пересыпаться вниз. В связи с этим колонизатор замечал, что «время для предоставления независимости Намибии еще не наступило» [35].

Главная цель ЮАР, по мнению советской пропаганды, – выжать из Намибии все ее природные богатства. На карикатуре Л.С. Самойлова «Старатели» колонизатор в пробковом шлеме в компании Дяди Сэма пропускал Намибию через сито, сыпая драгоценные камешки в свой кошелек. Судя по размерам кошелька, сыпали они предостаточно [29]. На другом рисунке высмеивалось стремление западных монополий сохранить за собой урановые месторождения Намибии [38], которые использовались ЮАР для собственной ядерной программы.

Активно создавались портретные галереи колониалистов. Крокодилы писали: «Издавна наши крокодильские художники, следуя испытанной реалистической манере, изображали юаровских расистов во всем их неприглядном естестве: с плетью-треххвосткой, стальными наручниками или дубинкой в руках» [21]. Именно в этой образной рамке изображались главные деятели апартеида – «обер-палач и сверхмучитель» Б.Й. Форстер и его «приспешник» из Родезии Я. Смит. Форстера изображали, например, с Пиночетом или душителями Ольстера, в компании которых премьер-министр ЮАР подписывал петицию в защиту прав человека. Вместо чернил он использовал кровь своего народа, а вместо ручки – виселицу (рис. 5) [39]. Карикатуристы обычно высмеивали попытки создать видимость демократического перехода власти в Родезии, поэтому изображали Смита в компании чернокожих кукол-марионеток, которых он заставлял двигаться при помощи ниточек [16; 17; 18]. На карикатуре из немецкого журнала

СТАВЯТ ПОДПИСИ

Рисунков В. ШКАРБАНА 11

Рис. 5. В. Шкарбан. Ставят подписи. 1977 г.

«Хорионт» Смит изображен маленьким человечком, кричавшим о том, что черное большинство никогда не будет управлять страной. Делал он это стоя на огромной руке чернокожего, которая уже была готова выщелкнуть маленького надоеду [28].

Помимо руководителей режимов на страницах «Крокодила» упоминались и другие влиятельные фигуры апартеида, например, министр юстиции Крюгер, чьи сотрудники убивали черных в тюрьмах [12], или секретарь Министерства информации Э. Руди, приплачивавший иностранным журналистам за создание положительного имиджа страны, из-за чего впоследствии в стране разразился коррупционный скандал, приведший к отставке Форстера с поста премьер-министра ЮАР [15].

Несмотря на масштаб существовавших проблем, советская пропаганда смотрела на будущее Южной Африки с оптимизмом. На одном из рисунков художника В. Соловьева изображена огромная фигура чернокожего, разрывавшего кандалы на руках и ногах, и лидеры Форстер и Смит, возмущавшиеся по этому поводу: «А мы его одевали! А мы его обували!...» [33]. «Как видим, система апартеида, разрубившая страну на два враждебных лагеря, оказалась палкой о двух концах. Прохаживаясь одним концом по спинам африканцев, другим концом она награждает чувствительными синяками и шишками своих же хозяев», – подчеркнул один из обозревателей журнала [1]. Другой обозреватель пророчески заметил: «Основанному на жестоком насилии режиму Претории уготован бесславный конец» [21]. Частично этот намек прослеживается, например, на карикатуре из венгерского журнала «Лудаш мати». Так же, как и другие восточноевропейские карикатуры

туры, она очень схематично изображала солдата, который стоял на крышке кипящей кастрюли. Стоять ему оставалось недолго: пар из-под крышки вот-вот должен был ее перевернуть [22]. До окончательного краха режима апартеида в ЮАР оставалось около десятилетия.

Таким образом, можно констатировать, что советская пропаганда уделяла большое внимание южноафриканскому региону, что видно по разнообразию материалов. Вместе с тем карикатура практически не отражала сопротивление апартеиду со стороны народных масс. Конечно, основная функция карикатуры – высмеивать различные явления, однако она способна не только разить врагов, но и приободрять друзей. Образы же врагов скорее комичны и забавны, чем неприятны. Карикатура становилась просто комичной иллюстрацией в галерее забавных случаев из жизни других стран. В таком случае ее дальнейшее использование в качестве инструмента пропаганды делалось невозможным. Национально-освободительная тематика постепенно подменялась принципом борьбы за мир, который становился основополагающей доминантой советской идеологии.

Список источников и литературы

1. ...о двух концах // Крокодил. 1977. № 27. С. 8.
2. *Абрамов М.А.* Черное большинство во власти белых расистов // Крокодил. 1985. № 30. С. 9.
3. *Абрамов М.А.* Южноафриканский хищник агрессивно-расистской породы // Крокодил. 1981. № 28. С. 16.
4. *Битный М.С.* Лицо наемника // Крокодил. 1977. № 19. С. 11.
5. Блиц-крик в Южной Африке // Крокодил. 1978. № 16. С. 10.
6. Вредные классики // Крокодил. 1978. № 26. С. 10.
7. *Гуров Е.А.* Мина // Крокодил. 1977. № 11. С. 16.
8. *Ефимов Б.Е.* В европейском аэропорту // Крокодил. 1977. № 5. С. 11.
9. *Ефимов Б.Е.* Взаимосвязь // Крокодил. 1985. № 8. С. 9.
10. *Ефимов Б.Е.* Все годны! // Крокодил. 1977. № 24. С. 16.
11. *Жуков Д.А.* Апартеид: история режима. М.: [Б.и.], 2007. 88 с.
12. Заколдованное место // Крокодил. 1979. № 6. С. 10.
13. *Захаров Н.* Наемник // Крокодил. 1977. № 14. С. 9.
14. *Коновалов И.П.* Солдаты удачи и воины корпораций. История современного наемничества. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2015. 216 с. // Электронная библиотека Royallib.Com. URL: https://royallib.com/read/konovalov_ivan/soldati_udachi_i_voini_korporatsiy_istoriya_sovremennogo_naemnichestva.html#0 (дата обращения: 29.06.2021).
15. Кому позолотят ручки // Крокодил. 1978. № 24. С. 11.
16. *Крылов А.П.* К вопросу о так называемом внутреннем урегулировании в Южной Родезии // Крокодил. 1978. № 12. С. 16.
17. Кукрыныксы. Мечты расистов // Крокодил. 1978. № 3. С. 8.

18. Лисогорский Н.М. Парламентская бутафория в Родезии // Крокодил. 1977. № 33. С. 11.
19. Малькин Я., Иванов Д., Трифонов В., Самойлов Л.С. Филиал рая // Крокодил. 1982. № 8. С. 8–9.
20. Мелик-Симонян А. Когда хрустят иллюзии // Крокодил. 1977. № 20. С. 20.
21. Мой комментарий // Крокодил. 1977. № 29. С. 3.
22. Неустойчивая позиция // Крокодил. 1978. № 3. С. 12.
23. Нуэс Р., де ла. Апартеид // Крокодил. 1977. № 14. С. 12.
24. Опанасенко О.В. Намибия. История и современность // Ученые записки Института Африки РАН. М.: Институт Африки РАН, 2000. С. 6–55.
25. Операция «драп» // Крокодил. 1978. № 3. С. 3.
26. Петерсдорф Й. Тяжелая болезнь // Крокодил. 1978. № 18. С. 10.
27. Полиция принимает экзамен // Крокодил. 1978. № 17. С. 11.
28. Родезийский Смит // Крокодил. 1977. № 26. С. 12.
29. Самойлов Л.С. Старатели // Крокодил. 1984. № 32. С. 9.
30. Самойлов Л.С. Шакал наемный // Крокодил. 1978. № 4. С. 1.
31. Сафонов В. Шахматы по-ЮАРовски // Крокодил. 1977. № 31. С. 11.
32. Сеанс посольского гипноза // Крокодил. 1977. № 4. С. 10.
33. Соловьев В. Черная неблагодарность // Крокодил. 1977. № 3. С. 12.
34. Требуется белый мавр // Крокодил. 1978. № 9. С. 11.
35. Черепанов Ю.А. Как видите, время для предоставления независимости Намибии еще не наступило // Крокодил. 1981. № 15. С. 9.
36. Черепанов Ю.А. Крестоносцы // Крокодил. 1981. № 32. С. 10.
37. Черепанов Ю.А. Мы всюду чувствуем себя, как дома! // Крокодил. 1977. № 26. С. 16.
38. Черепанов Ю.А. Сильное притяжение // Крокодил. 1979. № 12. С. 12.
39. Шкарбан В.И. Ставят подписи // Крокодил. 1977. № 13. С. 11.
40. Шубин В.Г. Горячая «холодная война»: Юг Африки. М.: ЯСК, 2013. 363 с.
41. Шукаев Е.А. Ночная жизнь Парижа // Крокодил. 1977. № 10. С. 16.

УДК 94(571.6)

*П.С. Гребенюк*¹

**Истоки и историческая динамика образа «Территории»:
отражение истории Северо-Востока России
в произведении О. Куваева**

Аннотация. В статье анализируются истоки и историческая динамика образа «Территории» в одноименном романе О. Куваева. Автор приходит к выводу, что образ Территории выражает специфику дальстроевского уклада, отражает растянувшийся во времени процесс освоения Северо-Востока России, проблему сохранения этносов и столкновения цивилизаций. Образ Территории отражает протяженность этого столкновения во времени, его современность. Территория была призвана очерчивать романтический ареал деятельности Героев, но административная гипертрофия Магадана и историческая память расширили его историко-географическое поле на весь Северо-Восток России. В противостоянии Города и Севера первый одержал победу, притянув к себе страну «Территорию».

Ключевые слова: О.М. Куваев; Северо-Восток России; Территория; Магаданская область; Дальстрой; Колыма; Чукотка; Магадан.

**The origins and historical dynamics of the image
of “Territory”: reflection of the history of the North-East
of Russia in the novel by Oleg Kuvaev**

Abstract. The article explores the problem of origins and historical dynamics of the image of “Territory” in the novel of the same name by Oleg Kuvaev. The results as a whole indicate that the image of the Territory expresses the specifics of the Dalstroy way of life, reflects the process of the colonization of the North-East of Russia stretched over time, the problem of preserving ethnic groups from extinction and a clash of civilizations. The image of the Territory reflects the length of this collision in time, its modernity. The territory was intended to outline romantic area of activity of the Heroes, but the administrative hypertrophy of Magadan and historical memory expanded its historical and geographical field to the entire North-East of Russia. In the confrontation between the City and the North, the City won, drawing the Territory to itself.

Keywords: Oleg Kuvaev; the North-East Russia; “Territory”; Magadan region; Dalstroy; Kolyma; Chukotka; Magadan.

¹ **Павел Сергеевич Гребенюк** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук (Магадан, Россия), e-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com.

Pavel S. Grebenyuk – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch, Russian Academy of Sciences (Magadan, Russia).

Архетипическая природа построений О. Куваева, представленная на страницах романа «Территория», на Северо-Востоке России воплотилась в формирование образа «Территории» – как наименования Северо-Востока и Магаданской области. Историческая память, развитие образа «Территории», а также то, как оно применяется в художественных и научных изданиях, в политической жизни и в работе государственных органов (наименование совещательного органа при губернаторе Магаданской области, избирательные лозунги политических партий, рекламные стенды на улицах г. Магадана), используется средствами массовой информации (существование общественно-политической газеты), позволяет предположить, что мир «Территории» является образом, аккумулирующим особенности исторического развития региона. В рамках настоящей статьи я остановлюсь на историческом контексте и исторической динамике этого образа как ключевой категории романа Куваева.

Среди ранее неизвестных архивных материалов, использованных в настоящей публикации, – рецензия А.В. Мифтахутдинова (1937–1991) на рукопись романа «Серая Река» (одно из первоначальных названий романа «Территория»). Это самая первая реакция на еще неизданное произведение Куваева интересна историческими соответствиями и критическими замечаниями, высказанными рецензентом, близким другом писателя. Мифтахутдинов – известный журналист, писатель, окончил Киевский университет, с 1959 г. работал в Магаданской области, в 1973–1982 гг. занимал должность ответственного секретаря Магаданской писательской организации. Куваев и Мифтахутдинов были не просто друзьями, но и творческими единомышленниками. Исследователями отмечается близость творческих установок, наличие романтической символики, созвучность ранних произведений писателей, в особенности путевых лирико-документальных повестей [9, с. 131–135].

Олег Михайлович Куваев (1934–1975) – геолог и писатель, родился в Костромской области, в 1952–1958 гг. учился на геофизическом факультете Московского геологоразведочного института, после окончания которого в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. работал на Северо-Востоке СССР на геологическом направлении (п. Певек и г. Магадан). Первые литературные опыты относятся еще ко времени учебы в институте, но активно печататься Куваев начал уже будучи в Магаданской области.

Роман «Территория» (первоначальные названия: «Там, за холмами», «Серая река»), который автор писал несколько лет и много раз переписывал, был закончен в 1973 г. и впервые напечатан в журнале «Наш современник» в 1974 г. Спустя год роман опубликовали в Роман-газете и отдельной книгой в издательстве «Современник». Роман быстро стал популярным,

неоднократно переиздавался, в том числе и за рубежом, и признается наивысшим успехом творчества Куваева. Спустя несколько лет после смерти писателя киностудией «Мосфильм» по авторскому сценарию был снят фильм «Территория». В 2015 г. на экраны России вышла новая кинолента «Территория», созданная при поддержке государства.

В 1974 г., когда была опубликована «Территория», исполнилось 18 лет с момента ликвидации Дальстроя¹ (в романе – Северстрой), и появление романа можно рассматривать как одну из попыток осмысления и оценки предыдущего периода истории Северо-Востока России. Один из первых читателей романа Мифтахутдинов отмечал в рецензии, что Куваеву «мастерски удалось проникнуть в дух этой организации» и передать всю атмосферу Дальстроя [1, л. 81].

В декабре 1953 г. на территории деятельности Дальстроя, который уже существовал более двух десятилетий, образовали новый регион – Магаданскую область. Административным центром Дальстроя был г. Магадан, он же стал и местом расположения впервые созданных на Северо-Востоке страны конституционных органов государственной власти – Магаданского обкома и облисполкома. Учреждение органов власти сопровождалось направлением руководящих кадров в Магадан. Колыма и Чукотка отличались от других регионов СССР в силу многих факторов, которые можно выразить понятием «специфики» данного региона: география и климат территории, экономика и социальная ситуация; здесь же и то предствление о крае, которое уже сложилось и было связано с лагерной историей Колымы и деятельностью Дальстроя. Партийным и советским кадрам, приехавшим в г. Магадан, предстояла непростая борьба с дальстроевскими традициями. Места секретарей только созданных районных комитетов партии заняли представители дальстроевской элиты, с 1930-х гг. работавшие в НКВД и в Дальстрое. Функции Дальстроя переходили к Магаданскому облисполкому чрезвычайно медленно, по объективным обстоятельствам ведущую роль в решении важнейших вопросов жизни региона продолжало играть Главное управление Дальстроя, которое занималось реальным претворением в жизнь решений партии и правительства.

Только к концу 1950-х гг. (уже после ликвидации Дальстроя в 1957 г. и смены руководства Магаданского обкома в начале 1958 г.) партийно-советские руководители смогли взять под контроль решение важнейших во-

¹ Дальстрой – специализированный государственный институт, осуществлявший в 1930–1950-х гг. освоение Северо-Востока СССР. Создан в 1931 г. как государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы. В 1938 г. передан в ведение НКВД СССР и преобразован в Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР. В 1953 г. передан в Министерство металлургической промышленности СССР. Ликвидирован путем реорганизации в 1957 г.

просов развития региона и поставить точку в вопросе центра политической власти на Северо-Востоке. В романе «Территория», как справедливо отмечают исследователи, события, происходившие в течение длительного времени, Куваев сжимает в один геологический сезон, превращая историческое время в мифологическое [8, с. 642]. Несмотря на присутствие черт утопического хронотопа, по мнению исследователей, писатель руководствовался «не стремлением показать условный “инопланетный” мир, а стремился создать такой образ Севера, который был бы одновременно и предельно конкретен, в том числе в подробностях быта, и максимально обобщен» [2, с. 91].

События и противоречия периода 1953–1957 гг. вызвали в жизни региона целый ряд культурных явлений, которые и выступили историческим фоном для романа. Так, настроения определенной части дальстроевских управленцев, в особенности известных геологов, были связаны с поддержкой «Теории затухания золота» на Колыме, которую можно рассматривать как протест дальстроевской элиты по отношению к переменам, происшедшим на Северо-Востоке. Парадокс заключался в том, что сама эта «теория» стала культурным феноменом, а новые кадры, борющиеся за власть, включили победу над ней в список своих важнейших достижений. Именно этот аспект и нашел отражение в романе Куваева. Главный конфликт – в противостоянии главного героя Чинкова с Северстроем. Чинков отстаивал разведку чукотского золота в противостоянии с Робыкиным. Мифтахутдинов указал на прототипы героев романа: Чинков – Николай Ильич Чемоданов¹, Робыкин – Израиль Ефимович Драбкин² [1, л. 81]. Представленный в романе конфликт выходил за красные флажки проводимой культурной политики – для партийной линии в цензурном отношении предпочтительней был конфликт Человек – Природа, чем Человек – Система. Герой романа Чинков, казалось бы, противостоявший Северстрою, сам являлся неотъемлемой частью Системы, человеком, выросшим в Северстрое, обладавшим особой психологией, человеком, наплевавшим на действующие законы ради достижения цели и выполнения плана.

Феномен «Теории затухания золота» выражал не просто особенности противостояния элит, а специфику дальстроевского образа управления

¹ Чемоданов Н.И. (1917–1969) – геолог, окончил Московский геолого-разведочный институт, с 1939 г. в Дальстрое, в 1946–1949 гг. руководитель Омчакского разведрайона, с 1950 г. главный геолог Чаунского районного геологоразведочного управления, с 1965 г. начальник геологического отдела Министерства геологии РСФСР.

² Драбкин И.Е. (1907–1971) – геолог, в 1939 г. окончил Ленинградский горный институт, с 1935 г. в Дальстрое, в 1948–1957 гг. – заместитель начальника, главный геолог, главный инженер Геологоразведочного управления Дальстроя, в 1959–1971 гг. – начальник Северо-Восточного геологического управления Главгеологии РСФСР.

и традиций, вытекавших из экономики золотодобычи и заключавшихся в психологии «вбитого кола», когда личным решением управленца к пустому пространству на карте подтягивалась техника и машины, а затем вокруг возникал рабочий поселок. Власть и ментальность дальстроевского управленца рождала пренебрежение и к окружающему миру природы, и к повседневным нуждам людей, и это находило отражение не только в верхах, но и среди всех уровней руководящего состава на каждом прииске и участке. Непосредственно на местах в новых условиях руководство приспособлялось, наряду с выполнением плана матерым дальстроевским руководителям приходилось выстраивать отношения с райкомами и райисполкомами, а также считаться с нуждами и запросами людей – вольнонаемных сотрудников, специалистов и молодежи, прибывавших на работу на Крайний Северо-Восток.

В рецензии Мифтахудинов писал, что роль партии не раскрыта в романе – «создается впечатление, что от дел геологов партийные власти как бы стояли в стороне». По его мнению, глава, посвященная Пугину, прототипом которого послужил секретарь Чаунского райкома в 1930-х гг. Наум Филиппович Пугачев¹, «выпадает из романа, так как она композиционно не связана с обилием событий» [1, л. 82–83]. Очевидно, что для мифологических построений Куваева и Территория, и Поселок – категории вне пределов действовавшей власти. В романе диспозиция для читателей – могущественный Северстрой и люди как мифологические герои и непосредственно действующие лица романа. В исследованиях обращается внимание на особенности построения персональных глав в романе. Например, И.Н. Сухих отметил схожесть начала главы с Пугиным с текстом библейского писания о сотворении мира и человека из первозданного хаоса: «Вначале был Марк Пугин. Потом оловянщики. Потом Поселок, – сказал Бахлаков. – Все это знают» [8, с. 642]. Куваев намеренно мифологизировал возникновение Поселка – центра куваевской Территории – и увязывал это событие с личностью Героя Территории.

Что же означала Территория по мысли автора романа? Во вступлении к роману (в «Примечаниях к маршруту») Куваев писал, что Город – это центр обширной области, куда входила и Территория. Автор, вводя категории Города, Поселка, Реки, выстраивая цельную систему, создавал некое видимое ему социально-психологическое поле, выходя за рамки географии, что и явилось одним из факторов успеха его произведения. Роман Куваева, сразу ставший популярным и получивший широкое общественное призна-

¹ Пугачев Н.Ф. (1905–1942) – партийный работник, в 1933–1937 и в 1941–1942 гг. – секретарь Чаунского райкома ВКП(б). Инициатор геологических исследований в Чаунском районе, в 1936 г. составил схематическую карту полезных ископаемых района.

ние, тем не менее был негативно воспринят старшим поколением геологов Северо-Востока, многие из которых направили в адрес редакции критические замечания. Отвечая на критику в личных письмах друзьям и оппонентам, Куваев отмечал, что Территория – это не Чукотка, Территория – это выдуманная страна, «и пусть каждый ее ищет где хочет» [6, с. 113].

Исследователи, изучавшие литературное творчество писателя, указывают, что организующим началом художественного мира произведений Куваева является пространственная оппозиция Не-Город / Город, которая влияет на персонажей, предстающих носителями ценностей того или иного пространства [4]. Для Куваева Территория означала особое место, романтический ареал первозданной чистой природы. Люди Территории – люди своего дела, которому они служат. В романе это выразилось в наличии противопоставления городской цивилизации и Севера [5, с. 32–35]. Характеристики Города у Куваева негативные, свойства Города антагонистичны Не-Городу, во многом проявляются при сопоставлении с пространством Севера. В романе изображалось столкновение Севера и Города, проникновение Города на территорию Севера, что принесло за собой разрушительные последствия [3, с. 34–37]. Такое противопоставление вытекало, прежде всего, из исторических реалий, заключавшихся в том, что архетип Территории как универсальная абстракция незримо соединил разные периоды истории Северо-Востока России – от периода имперского продвижения и первых контактов с местными народами до деятельности Дальстроя.

По этой причине историко-географический образ Территории безусловно является характерным образом северо-восточного пограничья или фронта. Уже в конце XIV в. в атласах встречалось наименование «Сибирь», далее распространившееся и на земли Дальнего Востока; русские землепроходцы называли Северо-Восток «Ковыма», позже – «Колыма». Еще в 1647 г. были заложены Охотский и Верхнеколымский острог, постепенно шел процесс освоения и изучения земель. Но, как видно, Северо-Восток не получил закрепленного историко-географического образа территории или, если угодно, прижившегося имени на карте. Такая неустойчивость историко-географических образов свидетельствовала о недостаточно интенсивном освоении соответствующего пространства. Пограничным символом пространства предстает и Территория. Ввиду этого обращение Куваева к этому образу отражает неизвестность, неизведанность этой земли – такие земли на средневековых картах обозначались как «terra incognita».

В. Левиновский, в 1965–1974 гг. художественный руководитель Магаданского музыкально-драматического театра, в книге воспоминаний использовал образ Территории, описывая особенности колымской земли, творческую атмосферу и людей: «Когда думаешь о Колыме и Чукотке воз-

никает завораживающее слово “территория”. Помнится и роман был с таким названием у О. Куваева. Такие слова как “район”, “регион”, “область”, “край” лишь подчеркивают огромность пространства Территории, которую Россия все еще осваивает» [7, с. 141].

Историко-географический образ Территории концентрирует в себе различные исторические эпохи, при этом он развивается, расширяет свое содержание, включает новые образы. Так, проблема северо-восточного фронта содержательно расширяется как за счет проблемы освоения новых территорий, так и за счет столкновения, борьбы, взаимодействия различных культур и цивилизаций. Образ Территории отражает протяженность этого столкновения во времени, его современность. В истории Северо-Востока России активизация этого столкновения была объединена с началом промышленного освоения края и деятельностью Дальстроя.

Само понятие Территории в отношении Северо-Востока России – продукт и воплощение дальстроевского мира. Официальные границы Дальстроя во время его деятельности невозможно было найти в публичных источниках – на доступных для населения картах или в периодической печати. Образ Территории словно очерчивал границы власти Дальстроя, административно-территориальные границы которого, как известно, изменялись на протяжении его истории, и понятие «Территории» показывает бесконечность этих самых границ и бесконечные пределы дальстроевской власти.

Территория моделировала большое пространство Советского Союза в малом пространстве Дальстроя и на просторах Севера создавала свое государство, Центр – Город, периферия – Поселки. Отсюда и центрические городские поселения, и вся городская застройка. Территория включала в себя специфику края, мысли людей, и эти мысли сами собой являли сущность Территории. При этом Территория как страна абсорбировала и уже известные нам образы. Здесь свои «стороны света» – Север, Юг, Запад, Восток, которые как образы возникали с деятельностью горнопромышленных управлений Дальстроя, расположенных на Севере, Юге, Юго-Западе, и назывались соответственно. Также обычно назывались лагеря, количество которых соответствовало численности крупнейших производственных управлений Дальстроя; каждый из лагерей вел работы по обслуживанию соответствующего участка, например заключенные Севлага работали на приисках Северного горнопромышленного управления Дальстроя, Юглаг обслуживал Южное горнопромышленное управление и т.д.

Колыма – Остров, в противовес – Материк, «Большая земля». Колыма – Планета. Такие образы, которыми удостоился этот регион, понятные и принимаемые совершенно полярными социальными слоями, показывали

сформированный взгляд на Территорию изнутри, а сам термин отражал не просто географическую отдаленность Колымы, но и концептуализировал ее как место, кардинально отличавшееся от остального мира.

Территория оказывала сильное воздействие на сознание личности, повседневное поведение и факторы мотивации. В противовес остальному миру она доводила до предела психологию индивидуального успеха (исключительный для СССР феномен старательской золотодобычи на Колыме и личность Вадима Туманова), но здесь и более выраженным предстало бессилие человека в пространстве, перед лицом государства (лагерный опыт тысяч людей). Куваев говорил о другой стороне медали, о романтической стороне, о том, что если Вы здесь не были, Вы что-то упустили, ответьте на вопрос, почему Вас не было в тех санях и Ваше лицо не обжигал ветер? Из этого следовало, что мало понять Территорию, надо ее пережить, а чтобы понять и пережить, необходимо воспринять ее целостно, т.е. с позиции вовне и внутри пребывания. Без Территории нет остального мира, а человек без жизненного опыта за пределами Территории никогда не сможет воспринять ее в целостности. Это постоянное перемещение с одной позиции на другую в акте исследования и создавало человека Территории. И в этом одна из причин широкого внимания, на первый взгляд, к локальному феномену.

Факторами заполнения социального пространства Территории были государственная мобилизация больших масс населения, страх быть физически или морально уничтоженным, голод и психология материального успеха. В досоветское время перемещение русского населения на периферию страны выполняло в целом прогрессивную функцию ее развития, в советское время массовая и резкая миграция (в том числе, и принудительная) в рамках модернизации на Северо-Востоке страны породила множество проблем, таких как взаимоотношения Города и Периферии, ускоренная урбанизация, самосознание отдельных национальных групп, кризис модели мира и жизненных сценариев. Все это мгновенно сказалось на развитии региона после распада Советского Союза.

Образ Территории один из самых мощных и молодых по времени появления, при этом имеет тенденцию к смысловому расширению. Как показало исследование, образ Территории проявляет растянувшийся во времени процесс освоения пространств Северо-Востока, а также ставит вопрос столкновения культур и сосуществования цивилизаций, проблему сохранения этносов, одновременно является попыткой преодолеть «лагерное содержание» образов Колымы и Магадана.

Мифтахутдинов в рецензии без сомнений указывал: «Место действия – наша область, Чаунский район» [1, л. 80]. Географически Территория Ку-

ваева первоначально действительно находилась в границах, отведенных для геологоразведочных работ в Чаунском районе. Парадокс в том, что образ Территории для Куваева заключался в особенности, противопоставлении и отделенности от границ Северстроя (Дальстроя) или административно-территориального деления Магаданской области. Этот образ был призван очерчивать романтический ареал деятельности сильных Героев – людей, преданных своему делу, но сила исторического прошлого и историческая память наполнили его новым смыслом и расширили его историко-географическое поле на Северо-Восток России и Магаданскую область. В этом смысле Город одержал победу – Магадан (в романе – Город) притянул к себе страну «Территорию», и сегодня «Территория» как историко-географическое наименование активно применяется в отношении Северо-Востока России.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Магаданской области (ГА МО). Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 116а.
2. *Емельянов И.С.* Особенности хронотопа и образ человека в романе Олега Куваева «Территория» // Вестник СВФУ. 2017. № 5 (61). С. 88–98.
3. *Епанчинцев Р.В.* Оппозиция Север – Цивилизация как характеристика художественного пространства в повестях О. Куваева // Вестник Северного международного университета. 2006. Вып. 7. Ч. 2. С. 34–37.
4. *Епанчинцев Р.В.* Художественный мир рассказов и повестей Олега Куваева. Магадан: Кацубина Т.В., 2014. 134 с.
5. *Иванов В.В.* Образ коренного жителя Чукотки в романе О. Куваева «Территория» // Сохранение национальных культур в условиях диалога: материалы науч.-практ. конф. учителей рус. яз. и лит. Магадан, ноябрь 1998 г. Магадан: Кордис, 1999. С. 32–35.
6. *Куваев О.М.* Избранное: Никогда не хочется ставить точку. Т. 3: Путевые очерки, выступления, дневники, письма. Магадан: Кн. изд-во, 2000. 342 с.
7. *Левиновский В.Я.* Десять театральных сезонов на Колыме: воспоминания и размышления режиссера. Магадан: Кордис, 2014. 174 с.
8. *Сухих И.Н.* Территория Олега Куваева: поэтика жанра // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сент. 2015 г.): в 15 т. Т. 14. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 639–644.
9. *Юрина М.А.* Развитие жанра лирико-документальной путевой повести в аспекте взаимодействия творчества О. Куваева и А. Мифтахутдинова. // Историческая поэтика жанра: сборник научных трудов. Вып. 4. Биробиджан: Изд-во Приамурского государственного университета (ПГУ), 2011. С. 131–135.

УДК 94(47)+94(470)«1988-1991»

М.Д. Пищук¹

«О бесплодной смоковнице»: институциональный провал этнической политики СССР на примере создания Госкомнаца СССР и Госкомнаца РСФСР

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов проблемы институционального провала этнической политики СССР, а именно неспособность руководства СССР сформировать эффективную государственную систему управления этнической политикой в 1988–1991 гг. В качестве примера рассматривается процесс создания Госкомнаца СССР. Особое внимание уделено предыстории создания этого комитета и параллельному процессу создания Госкомнаца РСФСР, который в отличие от Госкомнаца СССР оказался достаточно эффективным государственным органом, просуществовавшим до нач. 2000-х гг. В ходе исследования автор пытается понять, что стало причиной неудачи союзного руководства при попытке создать эффективно работающий Госкомнац СССР. Была ли реальная возможность, чтобы Госкомнац СССР стал работоспособным государственным органом, или комитет был обречен стать «мертворожденным»?

Ключевые слова: распад СССР; этническая политика СССР; Госкомнац СССР; Госкомнац РСФСР; межэтнические конфликты; институционализм.

«About the barren fig tree»: institutional failure of the ethnic policy of the USSR on the example of the creation of the Goskonnats of the USSR and Goskonnats of the RSFSR

Abstract. The article examines one of the aspects of the problem of the institutional failure of the ethnic policy of the USSR, namely, the inability of the leadership of the USSR to form an effective state system for managing ethnic policy in 1988–1991. The process of creation of the Goskonnats of the USSR is considered as an example. Particular attention is paid to the prehistory of the creation of this committee and the parallel process of creating the Goskonnats of the RSFSR, which, in contrast to the Goskonnats of the USSR, turned out to be a fairly effective state body that existed until the early 2000s. In the course of the research, the author tries to understand what caused the failure of the union leadership when trying to create an efficiently working Goskonnats of the USSR. Was there a real

¹ **Матвей Дмитриевич Пищук** – аспирант кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия), e-mail: pishuk.mat@yandex.ru.

Matvey D. Pishchuk – Postgraduate student, Department of History of State Institutions and Public Organizations, Faculty of History, Historical and Archival Institute, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

possibility for the Goskonnats of the USSR to become an efficient state body, or was the committee doomed to become “stillborn”?

Keywords: the collapse of the USSR; ethnic policy of the USSR; Goskonnats of the USSR; Goskonnats of the RSFSR; interethnic conflicts; institutionalism.

В последние годы возрастает интерес к изучению этнической политики СССР в 1985–1991 гг. Исследуется специфика проводимых руководством СССР мероприятий в области межэтнических отношений [6; 14; 26; 28], а также противоречивые механизмы регулирования межэтнических конфликтов [3; 21]. Важность изучения этнической политики позднего СССР связана с тем, что этнический фактор сыграл ключевую роль в распаде СССР. В.А. Тишков отмечает, что при создании новой советской государственности была проведена «институционализация этничности и абсолютизация культурных границ между этническими группами, превращая эти границы из символических в социально и политически значимые» [24, с. 362]. Ведь еще в 1920-х гг. советские граждане плохо понимали, что такое «национальная принадлежность» [22, с. 193–195], а спустя всего несколько десятилетий именно она стала фактором дестабилизации СССР. Парадокс заключается в том, что, осуществив институционализацию этничности, руководство СССР оказалось неспособным интегрировать ее в свою идеологию [25, с. 70–71], что стало причиной кризиса советской идентичности [27, с. 35–38] и началом поиска альтернативных идеологий в лице этнического национализма и демократизма.

В связи с этим особую актуальность приобретают исследования, направленные на изучение институциональных механизмов формирования государственных органов, отвечавших за этническую политику СССР в 1985–1991 гг. В данной статье я хочу рассмотреть процесс создания Госкомнаца СССР и Госкомнаца РСФСР в 1989–1991 гг. Нужно понять, что стало причиной создания этих комитетов, и почему создание Госкомнаца СССР обернулось полным провалом, а создание Госкомнаца РСФСР привело к возникновению весьма эффективного и гибкого государственного органа.

Межэтнические конфликты позднего СССР имели глубокие корни в советской истории. Однако если этнические процессы 1920–1950-х гг. в достаточной мере исследованы, то процессы 1960–1980-х гг. практически никем не рассматривались. Важность более поздних процессов была отмечена Н.Ф. Бугаевым, считавшим, что именно в эти годы стали углубляться противоречия между идеологическими конструкциями и реальностью, что неизбежно вело к деградации государственного строя [4, с. 131]. В итоге к середине 1980-х гг. наметился системный кризис советской государственности. С 1985 г. стало резко возрастать количество межэтнических конфликтов, часть из которых выливались в открытые столкновения [13].

Советское руководство постепенно приходило к пониманию того, что разработка комплексной этнической политики является не только неотъемлемым условием сохранения единства общества и государства, но и важным политическим инструментом. Начался процесс политизации этнической политики, который продолжился и после распада СССР, вплоть до начала 2000-х гг. Одни исследователи считают этот процесс негативным [23, с. 5], другие – наоборот, позитивным [1, с. 20–22]. В любом случае мы должны понимать, что процесс политизации этнической политики был неизбежен.

На фоне позднего этапа перестройки (1989–1991 гг.), когда межэтнические конфликты стали привычной частью политической реальности, советское руководство задумалось над тем, что сферу межэтнических отношений необходимо «легализовать» на государственном уровне. Под воздействием нараставшего конфликта в Нагорном Карабахе в декабре 1988 г. были внесены изменения в Конституцию СССР [9]. В ее новой редакции определялись приоритетные вопросы для каждой из двух палат Верховного Совета СССР (ВС СССР). Согласно ст. 116 Совету Национальностей ВС СССР (СН ВС СССР) подлежали рассмотрению «...вопросы обеспечения национального равноправия, интересов наций, народностей и национальных групп в сочетании с общими интересами... советского многонационального государства».

Однако внесенные в Конституцию изменения оказались запоздавшими. Создание новых государственных институций, которые отвечали бы за реализацию этнической политики, следовало начать при самых первых межэтнических обострениях в 1985–1986 гг. В начале 1989 г. ситуация выглядела иначе: на первом месте стояла задача по стабилизации существовавших конфликтов, а уже потом следовало заниматься концептуальным и законодательным оформлением этнической политики. Характерно, что, когда в январе 1989 г. в Армении и Нагорном Карабахе было введено чрезвычайное положение, остановить эскалацию конфликта не удалось из-за отсутствия внятного плана действий. Тбилисские события в апреле 1989 г. также подтвердили, что у советского руководства нет четкого понимания того, как предотвращать межэтнические конфликты.

На фоне этих событий 6 июня 1989 г. СН ВС СССР принял Постановление [18], в результате которого была образована Комиссия по национальной политике и межнациональным отношениям. Председателем Комиссии назначили Г.С. Таразевича, являвшегося доверенным лицом М.С. Горбачева в «горячих точках». Изучая материалы Комиссии за 1989–1991 гг. [20, с. 255–308], можно понять, что в ней обсуждались вопросы разработки государственных программ по реализации этнической политики СССР.

До осени 1989 г. союзное руководство формально сохраняло в своих руках контроль за формированием новых институций в этнической политике. Сохранялся партийный курс сосредоточения основных политических рычагов и инструментов в руках союзного центра. Ситуация изменилась в октябре 1989 г., когда внесли изменения в Конституцию РСФСР [11], идентичные поправкам к Конституции СССР 1988 г. Был создан СН ВС РСФСР с аналогичными, как и у СН ВС СССР, полномочиями. Исследователи считают, что внесенные изменения отражали вынужденное признание со стороны союзного руководства политической правосубъектности РСФСР [2, с. 208]. Тот факт, что они были приняты только спустя 10 месяцев после утверждения изменений в Конституцию СССР, свидетельствовал о том, что союзное руководство явно не спешило передавать РСФСР эти полномочия.

После внесения изменений в Конституцию РСФСР республиканское руководство проявило себя весьма активно. Оно понимало, что деструктивные этнические процессы постепенно усиливались и на территории РСФСР, поэтому в ноябре 1989 г. было решено образовать Государственный комитет РСФСР по национальным вопросам (Госкомнац РСФСР) [12]. Появление государственного органа, занимавшегося реализацией этнической политики на территории РСФСР, вызвало озабоченность союзного руководства, поскольку, согласно принятому Закону РСФСР, Госкомнац РСФСР являлся республиканским государственным комитетом и подчинялся только Совету Министров РСФСР (СМ РСФСР). Создание Госкомнаца РСФСР показало всю специфику сложившегося положения: если в отношении СН ВС РСФСР союзное руководство имело инструменты воздействия с целью приведения его деятельности в «общесоюзный порядок», то Госкомнац РСФСР претендовал на то, чтобы стать инструментом расширения полномочий РСФСР.

Союзное руководство не только стало проигрывать РСФСР «институциональную гонку» в этнической сфере, но и снова оказалось неспособно предотвратить межэтнические конфликты. Погромы в Баку в январе 1990 г. с последующим их подавлением, а также беспорядки в Душанбе в феврале 1990 г. показали, что усиливающийся рост этнического национализма, провоцируемый негибкой и половинчатой политикой союзного руководства, приводил к углублению политического кризиса в СССР.

Союзное руководство попыталось компенсировать свои ошибки созданием 27 марта 1990 г. Государственного комитета СССР по национальным вопросам (Госкомнац СССР) [10]. Комитет получил статус союзно-республиканского государственного комитета, который должен был осуществлять управление этнической политикой через соответствующий комитет в РСФСР. Создание Госкомнаца СССР привело к обострению вза-

имоотношений между союзным и республиканским руководством: Госкомнац РСФСР, созданный ранее аналогичного союзного органа, подчинялся только СМ РСФСР, теперь же, согласно новому закону, ему нужно было перейти на двойное подчинение – Госкомнацу СССР и СМ РСФСР.

Ситуация обострилась еще сильнее после того, как в мае 1990 г. Председателем ВС РСФСР был избран Б.Н. Ельцин, взявший курс на расширение полномочий РСФСР. Новый курс внес коррективы и в вопрос соотношения полномочий Госкомнаца СССР и Госкомнаца РСФСР: республиканское руководство всячески сопротивлялось попыткам союзного руководства подчинить Госкомнац РСФСР Госкомнацу СССР. Это привело к тому, что Госкомнац СССР не смог де-факто реализовать свой союзно-республиканский статус, не говоря уже о перспективах превращения его в общесоюзный государственный комитет (т.е. в комитет, который управлял бы этнической политикой на территории всего СССР непосредственно, без участия Госкомнаца РСФСР). Однако фигура председателя Госкомнаца РСФСР оказалась компромиссной: в марте 1990 г. председателем был назначен А.М. Беляков, который считался ставленником Н.И. Рыжкова [5, л. 67] и ЦК КПСС [15]. Впрочем, уже в ноябре 1990 г. новым председателем Госкомнаца РСФСР станет Л.П. Прокопьев, который уже был ставленником республиканского руководства.

Госкомнац СССР оказался «пятым колесом» как для государственной системы СССР, так и для государственной системы РСФСР. Комитет просуществовал до ноября 1991 г., не имея даже председателя [19]. Исполняющим обязанности являлся М.С. Минасбекян, которому, однако, де-факто нечем было руководить. Союзное руководство опоздало с созданием Госкомнаца СССР как минимум на полгода, не говоря уже о том, что, создавая его как союзно-республиканский государственный комитет, союзное руководство уже признавало, что подчинить Госкомнац РСФСР они не могут. Таким образом, создание Госкомнаца СССР с самого начала выглядело как ошибка или как бессмысленная и формальная процедура.

Весной 1990 г. руководство РСФСР перехватило у СССР инициативу в вопросах этнической политики. Госкомнац РСФСР начал вести активную работу с лета 1990 г., а с начала 1991 г. он де-факто стал восприниматься населением СССР как замена общесоюзного комитета. Это подтверждается тем, что в него обращались граждане из других союзных республик [7; 8]. Госкомнац РСФСР стал активно участвовать в разрешении межэтнических конфликтов на территории РСФСР и проявлять себя как самостоятельный, обладающий своей позицией, государственный орган. В частности, это подтверждалось его участием в попытке предотвратить в 1991 г. Осетино-ингушский конфликт [16], а также в попытке противодействовать отде-

лению Еврейской АО от Хабаровского края в 1990–1991 гг. [17]. В ситуации с отделением Еврейской АО Госкомнац РСФСР вступил в прямое противостояние с другими государственными органами РСФСР, а к осени 1991 г. даже в конфронтацию с Президентом РСФСР.

Подводя итоги, следует сказать, что существовали две основные причины, которые определили судьбу двух этих комитетов. Первая – это вопрос своевременности их создания. Если руководство РСФСР создавало Госкомнац РСФСР тогда, когда в РСФСР межэтнические конфликты еще не перешли в активную стадию, то Госкомнац СССР появился в момент, когда в СССР уже всюду пылали многочисленные «горячие точки». Поэтому у РСФСР хватило времени, чтобы Госкомнац РСФСР смог начать эффективную работу, а у СССР этого времени уже не было.

Вторая причина заключается в том, что отношение к комитетам у союзного и республиканского руководства было разное. Союзное руководство создавало Госкомнац СССР формально и вынуждено, не желая на самом деле передавать ему какие-либо реальные полномочия. Это, скорее, была попытка подчинить Госкомнац РСФСР, чем создать действительно работоспособный государственный орган. И хотя Горбачев реформировал политическую систему СССР, ему не удалось преодолеть консервативные настроения номенклатуры, желавшей всеми силами сохранить традиционные механизмы управления в руках партийного руководства. В результате Госкомнац СССР, созданный в марте 1990 г., оказался «мертворожденной» институцией, неспособной реализовать свои полномочия.

Руководство РСФСР, наоборот, с самого начала воспринимало Госкомнац РСФСР как способ расширения своей автономности, а также своих полномочий в области этнической политики. Политический курс Ельцина способствовал тому, что Госкомнац РСФСР постепенно расширял свою деятельность, вплоть до намеренного нарушения границ своих полномочий по отношению к СССР.

Список источников и литературы

1. *Абдулатипов Р.Г.* Российская нация. Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. М.: Научная книга, 2005. 920 с.
2. *Архипова Т.Г., Мальшева Е.П.* Организация государственных учреждений в России: 1917–2013 гг. М.: РГГУ, 2014. 557 с.
3. *Бейсенбин К.А., Бейсенбина Т.А.* Проблемы разрешения межнациональных конфликтов в СССР // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2016. № 6 (96). С. 82–86.
4. *Бугай Н.Ф.* Приоритетные направления государственной национальной политики в СССР в 1960-е – 1980-е гг. // *Электронный журнал «Кавказология»*. 2020. № 4. С. 107–136.

5. Будаев Б.С. Институциональные факторы развития современных политических партий в российских регионах: на материалах Республики Бурятия: дис. ... канд. полит. наук. Чита, 2009. 168 л.

6. Глазкова М.П. Национальные отношения в СССР: специфика реализации государственной политики (1985–1991 гг.) // Преподавание истории в школе. 2018. № 5. С. 84–86.

7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10121. Оп. 1. Д. 21.

8. ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 34.

9. Закон СССР от 1.12.1988 № 9853-ХI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости ВС СССР. 1988. № 49. Ст. 727.

10. Закон СССР от 27.03.1990 № 1392-1 «Об образовании союзно-республиканского Государственного комитета СССР по национальным вопросам» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 14. Ст. 237.

11. Закон РСФСР от 27.10.1989 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1989. № 44. Ст. 1303.

12. Закон РСФСР от 29.11.1989 «Об утверждении указов Президиума Верховного Совета РСФСР об изменениях в системе органов государственного управления РСФСР и о внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О Совете Министров РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1989. № 49. Ст. 1445.

13. Ишбулатова Д.Д. Особенности межнациональных конфликтов в СССР периода Перестройки (1985–1991 гг.) // Социальные процессы в современном российском обществе. Проблемы и перспективы: материалы IV всерос. науч. конф. (Иркутск, 24 апр. 2020 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 443–451.

14. Мусаева С.М. Национальный вопрос в культурной политике России эпохи Перестройки // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2019. № 4 (204). С. 64–69.

15. Никитина Т. Беляков: с Модогоевым на курорте не отдыхал // Газета РБ – Интернет-газета Республики Бурятия. 12.01.2014. URL: <https://clck.ru/HmR3a> (дата обращения: 22.06.2021).

16. Пищук М.Д. «Республики не будет»: Еврейская АО и ее путь к самостоятельности в 1990–1991 гг. // Левые идеологии, движения и организации в истории: сборник избр. статей участников IX межд. конф. молодых ученых и спец. «Clіo-2019» (Москва, 3–4 апр. 2019 г.). М.: РОССПЭН, 2019. С. 127–136.

17. Пищук М.Д. «Эхо 44-го»: деятельность Госкомнаца России по предотвращению осетино-ингушского конфликта в 1991–1992 гг. // Войны в истории. Генезис, предпосылки, причины международных военных конфликтов в истории: сборник материалов XI межд. конф. молодых ученых и спец. «Clіo-2021» (Москва, 8–9 апр. 2021 г.). М.: РОССПЭН, 2021. С. 149–152.

18. Постановление Совета Национальностей Верховного Совета СССР от 6.06.1989 «О Постоянных комиссиях Совета Национальностей» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 1. Ст. 40.

19. Постановление Госсовета СССР от 14.11.1991 № ГС-13 «Об упразднении министерств и других центральных органов государственного управления СССР» // Ведомости ВС СССР. 1991. № 50. Ст. 1421.

20. Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.): в 2 т. Т. II: Архивные документы и материалы. М.: Кучково поле, 2016. 824 с.

21. *Сикевич З.В.* Противоречия советской национальной политики: размышления эксперта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Т. 10. № 3. С. 315–328.

22. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

23. *Тишков В.А.* Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад за 2003 г. М.: ИЭА РАН, 2004. 420 с.

24. *Тишков В.А.* Этнополитология: Политические функции этничности. Учебник для вузов. М.: Изд-во МГУ, 2019. 416 с.

25. *Тураев В.А.* Кризис советской идентичности как фактор распада СССР // Известия ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 15. С. 64–76.

26. *Щербак А.Н., Герина Я.Я., Бердюженко Д.А., Мендыгалиева А.Б., Зайцева А.В.* Влияние внешней политики на национальную политику СССР // Политика. 2017. № 3 (86). С. 99–116.

27. *Яковенко И.Г.* «Нерушимая дружба советских народов»: создание, бытование и деконструкция одного советского мифа // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 8. С. 27–39.

28. *Ялышев Р.А.* Национальная политика Советского Союза в годы Перестройки // Известия СПбГЭТУ ЛЭТИ. 2013. № 8. С. 96–101.

УДК 94(47).084.9

Р.Г. Кирсанов¹

Банковские кризисы в России в середине 1990-х гг.

Аннотация. В статье анализируются причины и последствия банковских кризисов в России в 1994 и 1995 гг., вошедших в историю как «черный вторник» (1994) и «черный четверг» (1995). Отмечается, что причины, приведшие к «черному вторнику», до сих пор остаются дискуссионными и могут объясняться как особенностями функционирования валютного рынка в условиях инфляционного навеса, так и ошибочными действиями руководства Центрального банка, который не оказал поддержку банковскому сектору. Так или иначе, события октября 1994 г. спровоцировали почти год спустя межбанковский кризис, когда на рынке межбанковского кредитования стал нарастать дефицит ликвидных средств, достигший своего пика в августе 1995 г.

Ключевые слова: экономические преобразования; банковский кризис; финансовый рынок; Центральный банк; банковская система.

Banking crises in the mid-1990s in Russia

Abstract. The article analyzes the causes and consequences of the banking crises in Russia in 1994 and 1995, which went down in history as “Black Tuesday” (1994) and “Black Thursday” (1995). It is noted that the reasons that led to the “Black Tuesday” are still debatable and can be explained both by the peculiarities of the functioning of the foreign exchange market in the conditions of a monetary overhang, and by the mistakes of the heads of the Central Bank, which did not support the banking sector. Anyway, the events of October 1994 provoked crisis in an inter-bank system almost a year later, when the shortage of liquid funds began to grow in the interbank lending market, which reached its peak in August 1995.

Keywords: economic transformations; banking crisis; financial market; Central Bank; banking system.

1990-е гг., являясь переломным периодом в истории нашей страны, занимают важное место в исторической памяти россиян. Этот период связан с окончательным исчезновением социалистического лагеря, распадом СССР, рыночными преобразованиями и формированием нового политического пространства. Происходили важные события как в социальной сфе-

¹ Роман Геннадиевич Кирсанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: romankirsanov@yandex.ru.

Roman G. Kirsanov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Centre for the Study of the Modern History of Russia and Political Science, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

ре, так и во внешней политике государства. Людям пришлось столкнуться с новыми реалиями страны и быстро адаптироваться к ним. Для некоторых 1990-е гг. стали временем новых возможностей и положительных перемен, но в восприятии большинства граждан они прочно ассоциируются с расстройством общества, падением уровня жизни и финансовым кризисом.

Финансовая политика постоянно находилась в центре внимания реформаторов в обозначенный период, что было связано с необходимостью решения ключевых для экономики задач: обеспечение устойчивости рубля и подавление инфляции, нормализация денежного обращения, пополнение валютных резервов страны, развитие рынка финансовых инструментов и пр. Сложность поставленных задач диктовала необходимость принятия своевременных и скоординированных решений, что удавалось далеко не всегда и провоцировало банковские кризисы, ставшие неотъемлемой характеристикой «лихих девяностых» и причиной потерь сбережений сотен тысяч банковских вкладчиков.

Первые серьезные банковские кризисы произошли в 1994 и 1995 гг. В сентябре 1994 г. инфляция в России превысила 7 %, что привлекло внимание Международного валютного фонда, который тут же отказал в выделении очередного трехмиллиардного займа (был заложен в доходную часть проекта госбюджета на следующий год). Ускорение инфляции привело к тому, что с 1 октября Сбербанк снизил процент по самому выгодному ежемесячному депозиту с 9 до 6 %, сделав рублевые банковские вклады совершенно разорительными для вкладчиков: темпы инфляции и роста валютного курса превосходили проценты по вкладам. Рядовые граждане стали срочно конвертировать свои накопления в валюту, возле обменных пунктов выстроились очереди.

Однако центральное событие на валютном рынке произошло 11 октября, когда российский рубль за один день «просел» на 845 пунктов – с 3 081 до 3 926 руб. за доллар. Поскольку предшествовавшие скачкообразные повышения биржевых котировок исчерпали практически весь запас свободных денег, спрос на бирже 11 октября не был обеспечен рублевой массой, вызвав ажиотажный спрос на валюту. Причины этого события до сих пор остаются дискуссионными. Рекордный обвал рубля в течение одной торговой сессии ММВБ для многих стал полной неожиданностью и мог объясняться только ярко выраженным спекулятивным характером торгов. Можно предположить, что Центральный банк, начав в сентябре планомерное повышение курса доллара, недооценил масштабы спекуляций крупных банков и на какое-то время утратил контроль над рынком.

Одна из возможных причин девальвации рубля лежала в политической плоскости и была связана с необходимостью увеличения бюджетных

поступлений. На 27 октября Федерацией независимых профсоюзов была запланирована организация всероссийской стачки с участием 70 регионов страны¹. Основными требованиями этой акции протеста должны были стать остановка промышленного спада, недопущение массовой безработицы, усиление социальной направленности экономических реформ и ликвидация задолженности по заработной плате. На тот момент долги государства аграриям и по заработной плате составляли около 8 трлн руб. Представители оборонной отрасли также все настойчивее напоминали правительству о задолженности перед ними. В этой связи предельно возможная в текущей конъюнктуре рынка девальвация рубля (за счет курсового всплеска) позволяла властям продать валюту по выгодному курсу и тем самым получить средства на погашение указанных долгов. По разным подсчетам, даже при девальвации курса до уровня 3 500 руб. за доллар США бюджет получил бы до конца года дополнительно 20 трлн руб.

Кроме того, отметим, что именно в то время правительство вело активные переговоры с МВФ о предоставлении нового кредита. Основным требованием МВФ было снижение месячной инфляции в России до 2 %. Выполнение этого условия было возможно только за счет рестрикции бюджета – жесткой и бескомпромиссной, вплоть до радикального сокращения дотаций отдельным отраслям и отказа от кредитов Центробанка на финансирование бюджетного дефицита. Решить проблемы текущего года, связанные с поддержкой национальной промышленности и стимулированием экспорта, как раз могла девальвация рубля, а неизбежные бюджетные проблемы следующего года можно было решить с помощью тех самых зарубежных кредитов.

Вместе с тем беспрецедентное падение рубля серьезным образом поколебало доверие к проводимой валютно-финансовой политике не только в России, но и в странах СНГ, большинство из которых имели задолженность перед Россией по причине хронического дефицита торговых балансов. Несмотря на то что эта задолженность была деноминирована в долларах, все текущие торговые расчеты осуществлялись преимущественно в рублях. Соответственно, падение курса рубля увеличивало их долг перед Россией в рублевом выражении. Для его погашения в странах СНГ следовало увеличить экспорт своих товаров в Россию (продаваемых за рубли), что могло привести к обострению товарного дефицита на внутренних рынках и росту инфляции. Помимо этого, вслед за дестабилизацией рос-

¹ 27 октября 1994 г. по стране прокатилась организованная по решению Исполкома Генсовета ФНП Общероссийская акция протеста. В коллективных действиях участвовало свыше 8 млн человек. В 23 регионах России, наряду с экономическими требованиями, в ходе акции профсоюзов были выдвинуты и политические – отставка правительства и досрочные выборы президента.

сийского валютного рынка произошло снижение курсов национальных валют в ряде государств СНГ. Правительства Грузии, Молдавии, Белоруссии, Узбекистана и Азербайджана заявили о крайне негативных последствиях падения российского рубля для их экономик и необходимости выработки мер по защите своих рынков от колебаний российской валюты. Был поставлен вопрос о сокращении внешнеэкономических связей с Россией, отказе от использования рубля в торговых расчетах и переориентации на страны дальнего зарубежья.

Российские партнеры из стран дальнего зарубежья пребывали в нерешительности из-за неясных перспектив инвестиционной деятельности и необходимости конвертации рублевой прибыли в валюту. Фактически перед иностранными инвесторами стоял вопрос о резком сокращении инвестиционной деятельности в России.

Вот как отреагировали на события 11 октября российские государственные деятели и экономисты. Председатель Государственной Думы Рыбкин заявил, что Банк России и Минфин «проявили беспечность и шука Герашенко продремал алчных карасей». Помощник президента России по экономическим проблемам А.Я. Лившиц предупредил биржевых спекулянтов, что им «никто власть не отдаст, как бы они к этому ни стремились». По мнению А.Н. Шохина, в октябре «скрестились многие объективные и субъективные причины, и мы получили то, что сейчас имеем». Он также прокомментировал возросший спрос на американскую валюту: «Мы сумели убедить население не вкладывать свои деньги в подозрительные ценные бумаги. Нам поверили и стали вкладывать в более надежные бумаги, которыми, естественно, являются доллары». Видные ученые-экономисты Н.П. Шмелев и Л.И. Абалкин предложили приостановить как минимум на неделю работу ММВБ [2].

В октябре рост потребительских цен составил 13 % против 7–8 % в сентябре. Помимо удорожания импортных товаров, за счет которых формировалось 40 % объема потребительского рынка, произошло заметное повышение цен на мясомолочные продукты отечественного производства. В целом же пострадавших (в том числе банков и их клиентов) от скачка доллара оказалось намного больше тех, кто смог извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Маржа между курсами покупки и продажи доллара выросла до 10–20 %, и к концу недели (т.е. к 14 октября) доллар стоил соответственно 2 805/3 147 руб., в связи с чем многие региональные банки, пребывая в неуверенности относительно дальнейшей динамики курса, решили временно закрыть свои обменные пункты.

Падение рубля затронуло все остальные сегменты фондового рынка, в том числе рынки межбанковских кредитов и государственных ценных

бумаг. По сравнению с летними месяцами заметно уменьшилась активность рынка государственных краткосрочных облигаций (ГКО), снизилась средняя доходность по всем выпускам гособлигаций. В первой половине октября, на фоне раскручивания ажиотажного спроса на валюту, начался массовый сброс облигаций. Рынок ГКО оказался на грани обвала, и только угроза крупных убытков от продажи государственных бумаг при падающей цене не позволила ему переступить эту грань.

Реакция властей последовала молниеносно. Решением президента Б.Н. Ельцина создавалась специальная государственная комиссия для выяснения причин катастрофического падения рубля, «угрожающего интересам национальной безопасности». Своих постов лишились исполняющий обязанности министра финансов С.К. Дубинин и председатель Центробанка В.В. Герашенко. Вводился временный порядок расчетов по сделкам на валютной бирже, ограничивавший покупку валюты банками суммами, не превышающими остатки на их счетах в ММВБ.

Стремительная девальвация рубля сделала политически неизбежной его ревальвацию. К концу октября 1994 г. амплитуда колебаний котировок находилась в районе 3 000 руб. за доллар. 2 ноября Совет Безопасности Российской Федерации утвердил решение «Об итогах работы Государственной комиссии по расследованию причин резкой дестабилизации финансового рынка», в котором отмечалось, что «обвальное падение курса рубля 11 октября 1994 г. явилось чрезвычайным происшествием, представляющим угрозу национальной безопасности России». Решение Совета Безопасности гласило, что «непосредственно к обвальному падению курса рубля привели раскоординированность, несвоевременность, а порой и некомпетентность решений и действий ряда федеральных органов исполнительной власти, непрофессионализм и безответственность некоторых должностных лиц». К числу этих должностных лиц были отнесены руководители Банка России, министерств экономики и финансов и Федеральной службы России по валютному и экспортному контролю, которые вовремя не использовали валютные резервы Центробанка для стабилизации курса рубля, не обеспечили контроль за валютными торгами и не приняли мер по предотвращению и пресечению спекуляций. Непосредственными виновниками валютных спекуляций названы крупные коммерческие банки: «...отдельные коммерческие банки проводили валютные операции, направленные на искусственный рост курса доллара, скупали валюту не для внешнеэкономических операций, а для перепродажи с целью спекулятивного обогащения. При этом при попустительстве руководства Центрального банка Российской Федерации, Минфина России, руководства Московской

Межбанковской валютной биржи, ее генерального директора А.В. Захарова широкое распространение получили грубые отступления от правил торгов, в частности, принятие не обеспеченных собственными средствами банков заявок на покупку валюты, нарушение сроков платежей, необоснованные отмены штрафных санкций. Широкие возможности для осуществления спекулятивных операций на валютном рынке были использованы рядом коммерческих банков 11 октября с.г. В максимальном выигрыше от спровоцированного обвального падения курса рубля оказались (по показателю превышения продажи над покупкой): Мост-банк (В.И. Гусинский); Нефтехимбанк (Г.В. Жук); Альфа-банк (П.О. Авен); Международный Московский банк (В.Б. Судаков); Межкомбанк (С.К. Овсянников)» [5].

В докладе комиссии Совбеза «О результатах расследования причин резкой дестабилизации финансового рынка» указывались конкретные масштабы спекулятивных валютных операций: «В период сентября – начала октября отдельные комбанки особенно активно вели валютные операции и своими действиями способствовали искусственному росту курса доллара. Так, например: Росмедбанк (Кузьминский) за 3 недели (с 19.09 по 10.10) приобрел на ММВБ почти \$405 млн, “Менатеп” (Ходорковский) – \$250 млн, “Славянский” (Лощатова) – \$230 млн, Инкомбанк (Виноградов) – \$162 млн. ...Банк “Славянский” практически постоянно производил крупные покупки валюты, не имея на своих счетах достаточного количества средств в рублях. Имелись нарушения и по установленным ЦБ лимитам по открытой валютной позиции. Особенно значительные нарушения установленного лимита допускались Альфа-банком (Авен): 24.08.94 – на 46 %, 25.08.94 – на 22 %. Особую активность в предварительных заявках на покупку валюты (11 октября – Ъ) проявили следующие банки: “Славянский” – \$65 млн, “Менатеп” – \$38,6 млн, Инкомбанк – \$30 млн, Международный Московский банк – \$15 млн, Росместбанк – \$13,3 млн, “Империял” – \$10 млн» [5].

Следует отметить, что в современной мировой банковской практике подобные способы извлечения прибыли, которые имели место в российском банковском секторе в первой половине 1990-х гг., считаются примитивными способами перераспределения существующих ценностей в свою пользу и в ущерб интересам общества [4, с. 332].

В итоговой резолюции комиссии говорилось:

«1. Подготовить предложения по изменению порядка установления официального курса рубля...

5. Усилить контроль за соблюдением валютного законодательства...

6. ...запретить в магазинах и других учреждениях розничной торговли объявление цены на товары и услуги в иностранной валюте...

13. Рекомендовать ЦБ РФ провести всестороннюю проверку деятельности ряда комбанков... и по результатам рассмотреть вопрос о привлечении к ответственности... вплоть до лишения их валютных лицензий.

14. ...Комиссия полагает, что наряду с ранее освобожденными от занимаемых должностей Председателем ЦБ РФ Геращенко В.В. и и. о. Министра финансов РФ Дубинина С.К., заместитель Председателя Правительства РФ – Министр экономики А.Н. Шохин, первый заместитель Минфина РФ А.П. Вавилов, руководитель ВЭК России В.Ф. Круня, заместитель Председателя ЦБ РФ Д.В. Тулин и директор департамента международных операций ЦБ РФ А.И. Потемкин должны быть привлечены к ответственности» [1].

«Черный вторник» спровоцировал массовое снятие денег с банковских вкладов, которые граждане, стараясь хотя бы немного обезопасить себя от обесценения рубля, обменивали на доллары. В результате многие банки снова оказались в затруднительном положении. Один из наиболее известных случаев банкротства связан с ликвидацией банка «Чара». В 1994 г. этот банк, даже по нынешним меркам, относился к категории крупных универсальных кредитных организаций. Количество частных клиентов превышало 70 тыс., а суммарный размер привлеченных вкладов составлял 1 трлн неденоминированных рублей.

После прекращения выплат по вкладам 20 октября 1994 г. рассерженные вкладчики стали устраивать массовые пикеты возле здания банка. В итоге Чара-банк вернул вклады только так называемым ВИП-клиентам, среди которых было немало представителей столичной богемы. А для «рядовых» вкладчиков история с возвратом вложенных средств растянулась до декабря 1999 г., когда после ликвидации банка на основании судебного решения они получили компенсации в размере стоимости двух поездок на общественном транспорте.

«Черный вторник» и его последствия не только негативно отразились на работе многих коммерческих банков, но и спровоцировали новый кризис на рынке межбанковского кредитования, который разразился 24 августа 1995 г. и вошел в широкий обиход под названием «черный четверг». В результате этого кризиса 225 банков прекратили свою деятельность, 449 банков закончили год с убытками и еще 365 кредитных организаций стали фактически неплатежеспособными [3, с. 166, 170].

Уже 20–21 августа межбанковский кредитный рынок практически закрылся. После того как ряд крупных банков столкнулся с кризисом ликвидности, произошло резкое сокращение лимитов кредитования банками друг друга. Сработал «эффект домино» – дефицит денежных средств на межбанковском рынке и проблемы с ликвидностью в одних банках мгно-

венно ударили по другим. Возник так называемый кризис доверия. К вечеру 24 августа банки были готовы взять кредит overnight¹ даже по 2 000 % годовых, но занять деньги на рынке оказалось практически невозможно. Крупнейшие участники МБК, такие как банки «Империал», «Российский кредит», Инкомбанк, прекратили операции на этом рынке. Приостановились и сделки на внебиржевом валютном рынке.

Ситуацию усугубляли решения Центробанка, которые его руководство объясняло необходимостью борьбы с инфляцией. Так, в марте 1995 г. учетная ставка Центробанка превышала не только среднерыночную на рынке межбанковского кредитования, но даже средневзвешенную доходность по ГКО. Рынок межбанковского кредитования, на котором до того времени проводились самые высокодоходные операции, стал испытывать серьезный дефицит финансовых ресурсов.

Кроме того, Центробанк ужесточил требования к формированию банками резервов на возможные потери по срочным обязательствам и по счетам. При этом банк должен был формировать эти резервы не в пределах своих доходов, а на основании неких расчетов Центробанка. Иначе говоря, если у банка не оставалось средств на формирование этих резервов, он должен был задействовать фонды экономического развития либо иные источники, включая часть прибыли, которая предназначалась для выплаты дивидендов. В условиях ухудшения состояния банковской системы, роста просроченной задолженности предприятий банкам, нехватки у компаний оборотных средств и снижения доверия населения к банкам это означало существенное сокращение банковской прибыли.

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. для российского банковского сектора была характерна высокая спекулятивная составляющая, что влекло немало негативных последствий как для экономики в целом, так и для населения страны. Вместе с тем полностью винить в этом коммерческие банки было бы несправедливо, поскольку банки, которые призваны играть роль одного из ключевых факторов экономического развития, оставались объектом реформирования российской экономики, и все ошибки и просчеты, допущенные в ходе экономических преобразований, неизбежно влияли на деятельность банков и прочих финансовых институтов и, по сути, определяли стратегию их поведения. Главным же итогом кризисов 1994 и 1995 гг. стало завершение эпохи высокой доходности банковского бизнеса. Тем банкам, которым удалось остаться «на плаву», пришлось пересмотреть свои инвестиционные стратегии и переориентироваться

¹ Кредит overnight – краткосрочная финансовая операция, длящаяся от одной ночи до нескольких суток. На финансовом рынке чаще всего представлена в виде однодневного депозита или кредита.

с «валютных игр» на концентрацию банковских инвестиций в промышленности, розничной торговле, недвижимости, автотранспорте и некоторых других сферах.

Список источников и литературы

1. Решение Совета Безопасности Российской Федерации от 2 ноября 1994 г. «Об итогах работы Государственной комиссии по расследованию причин резкой дестабилизации финансового рынка» // Российская газета. 1994. 9 нояб.
2. «Свистнуто, не спору» // Коммерсантъ. 1994. № 39. 18 окт.
3. *Симонов Н.С.* Очерки истории банковской системы России: 1988–2013 гг. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 464 с.
4. *Тосуян Г.А., Викулин А.Ю., Экмалян А.М.* Банковское право Российской Федерации / под общ. ред. Б.Н. Топорнина. М.: Юрист, 2002. 446 с.
5. Тут нам истопник и открыл глаза... // Коммерсантъ. 1994. № 42. 8 нояб.

УДК 304.444

В.И. Вовк¹

Контент-туризм как способ сохранения культурно-исторической памяти (на примере литературного туризма Кузбасса)

Аннотация. Цель данной работы рассмотреть функциональную значимость концепта контент-туризма с точки зрения трансмедиальной и рефлексивной функций на примере регионального литературного туризма. В статье представлен подробный эклектический анализ контент-туризма как особого трансмедиального явления, на основе которого выдвигается гипотеза о возможной рефлексивной функции контент-туризма, а именно – функции сохранения идентичности и формирования культурно-исторической памяти. Также предложена структура гипотезы контент-туризма, сформированная путем эклектического конструирования. Подробно анализируются функциональные характеристики на примере сибирского регионального литературного туризма Кузбасса. Производится оценка необходимости развития литературного туризма как особого феномена, способствующего формированию условий для конструирования, сохранения и поддержки культурно-исторической памяти, в том числе региональной идентичности.

Ключевые слова: контент-туризм; литературный туризм; культурно-историческая память; трансмедиальность; рефлексия.

Content tourism as a way to preserve cultural and historical memory (on the example of the literary tourism of Kuzbass)

Abstract. The purpose of this work is to consider the functional significance of the concept of content tourism from the point of view of transmedial and reflexive functions using the example of regional literary tourism. This article presents a detailed eclectic analysis of content tourism as a special transmedial phenomenon, on the basis of which a hypothesis is formed about the possible reflexive function of content tourism, namely, the function of preserving identity and forming cultural and historical memory. The structure of the hypothesis of content tourism, formed by means of eclectic design, is also proposed. The functional characteristics are analyzed in detail on the example of the Siberian regional literary tourism of Kuzbass. The article assess the need for the development of literary tourism as a special phenomenon that contributes to the formation of conditions for the construction, preservation and support of cultural and historical memory, including regional identity.

¹ **Виктория Игоревна Вовк** – магистр туристических наук, аспирант Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония), e-mail: reina124v@gmail.com.

Viktoriiia I. Vovk – Master in Tourism Studies, PhD Student, Hokkaido University (Sapporo, Japan).

Keywords: content tourism; literary tourism; cultural and historical memory; transmediality; reflection.

Контент-туризм и трансмедиальность

Контент-туризм (contents tourism) – это японизированный английский термин, который был впервые использован в рамках проекта регионального развития Министерством земли, инфраструктуры, транспорта и туризма Бюро общей политики Японии в 2005 г. и охарактеризован как деятельность «предназначенная для продвижения туризма и связанных отраслей за счет использования контента, относящегося к региону (фильмы, телесериалы, литература, комиксы, игры и т.д.)» [10]. С тех пор в направленности дискурса исследований контент-туризма наблюдалось постепенное смещение от проектов регионального развития к полю теоретико-научных исследований, а также рассмотрение данного концепта в международном контексте¹.

Ввиду расширения концептуального охвата в области научных исследований и сам термин претерпевал некоторые изменения. В настоящем исследовании за основное используется определение Т. Ямамура, где контент-туризм – это серия динамичных туристических практик и впечатлений, мотивированных контентом (фильм, литература, сериалы и т.п.) [12]. Основной составляющей контент-туризма является «содержимое» – та основная идея, заложенная в сюжет той или иной структуры (фильм, роман и т.п.), которая входит во взаимодействие с человеком (туристом).

В последнее время контент-туризм стал активно рассматриваться в связи с теорией трансмедиальности (конвергентности) и вкрапляться учеными в данный концепт. При этом «трансмедиальная среда» воспринимается как особое пространство, где и происходят «туристические практики и формируются впечатления, мотивированные контентом»². С развитием технологии, развитием «культуры соучастия» в отношении медиа стала все больше применяться концепция «полной зависимости формы и содержания контента от человека (медиума) как создателя контента» [7; 8], плацдармом которого выступает «трансмедиальная» ликвидная среда, коллективный разум [9]. Согласно Д. Герману, «каждый пересказ имеет свою историю» ввиду индивидуальных особенностей каждого опыта, воспоминаний, образования и т.д. медиума [8, р. 53]³. Следовательно, можно предположить,

¹ Например, можно выделить такие исследования: Masubuchi – исследование контент-туризма на основе государственного определения (2005 г.); Yamamura – контент-туризм в рамках теории социального развития (2008 г.); Beeton et al. – международный контекст (2013 г.); Ootani et al. – контент-туризм в трихотомии – создатели контента, региональное общество и фанаты (2018 г.); и др.

² Из определения контент-туризма.

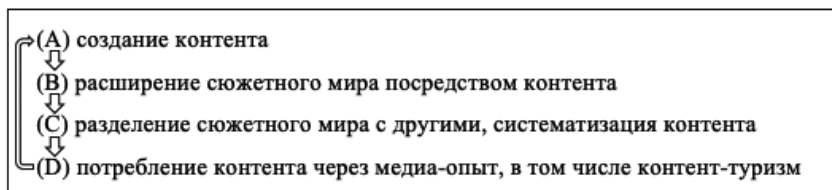
³ Медиум используется в значении «посредника контента».

что любой личностный нарратив имеет свои характерные особенности, способные «расширять» или, другими словами, трансмедиализировать информационное поле [9], а это может привести к созданию разнообразного «транс-контента»: на разных уровнях медиа, на разном языке, в разных странах и т.п. К примеру, роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» переведен на 40 языков и приобрел мировую известность. Одной из основных проблем для переводчиков стал перевод «советизмов»¹, которые являются характерной особенностью для описания Булгаковым советской эпохи (финдиректор – findirector, телеграмма сверхмолния – priority telegram for you и т.д.) [5, с. 556]. В данном случае адаптация текста является ярким примером трансмедиальности, где реалии советской эпохи были заново воссозданы переводчиками для должного восприятия содержания аудиторией. Характерные особенности языка становятся одним из основополагающих критериев создания разного, отличного друг от друга контента в разных медиа, где «каждый медиум вносит свой уникальный вклад в раскрытие рассказываемой истории» [9].

Феномен трансмедиальности и, тем более, его взаимосвязь с таким явлением, как контент-туризм, изучаются не так давно, однако попытки связать и объяснить эти процессы уже предпринимались. Так в 2020 г. Т. Ямамура попытался создать модель «расширения сюжетного мира»², используя контент-туризм (схема 1) [11].

Схема 1

Модель расширения сюжетного мира

Согласно данной модели, любой контент приводит к «расширению сюжетного мира» (созданию новых эмотивных образов, нарративов, интерпретаций и т.п.), после которого следует этап его разделения с другими (совместного использования, систематизации). Затем наступает стадия потребления контента, в том числе посредством контент-туризма, что, в свою очередь, приводит к созданию нового контента. Однако данная схема не объясняет возможность «несоздания нового контента» после потребления такового и в связи с этим не отражает, какие же дополнительные функции

¹ Слова, сокращения, фразы, идеологемы, сформировавшиеся в советскую эпоху.

² Разнообразие нарративов.

может иметь контент. Также непонятна характеристика контент-туризма как особой практики потребления определенного контента.

На мой взгляд, первое потребление контента (встреча) есть констелляция (случайное стечение обстоятельств), являющаяся познавательным процессом медиума (человека), после которого наступает процесс осознания (создание собственного нарратива на основе индивидуального личностного опыта [8, р. 53]). В дальнейшем происходит или не происходит рефлексия (см. схему 2). Наличие отклика у человека зависит от индивидуальных особенностей бэкграунда.

Если рефлексия имеет место, то наступает стадия возможности дальнейшего выбора: познание нового смежного (вызывающего рефлексии) контента (например, историография Отечественной войны 1812 г. после прочтения романа-эпопеи «Война и мир») или создание (либо несоздание) нового (например, театральная постановка по роману «Война и мир» в стиле модерн). При этом количество смежного контента не ограничено, но и не исключает познания абсолютно отличного или новой «встречи», что может говорить о темпоральном наличии случайности «встречи» с контентом (схема 2, др. контент). Что касается создания нового (схема 1, стадия D-A), то я полагаю, что созидательный процесс также спонтанен. Так, первые познаваемый нами контент может привести к рефлексии, но к созданию приводит лишь вторично познаваемый смежный контент. Но все же именно наличие возможного создания нового контента являет собой первую функцию контент-познавательного процесса (схема 1, стадия B) – трансмедийность, при условии, что человек тоже является своеобразным медиа, в котором создаются новые образы.

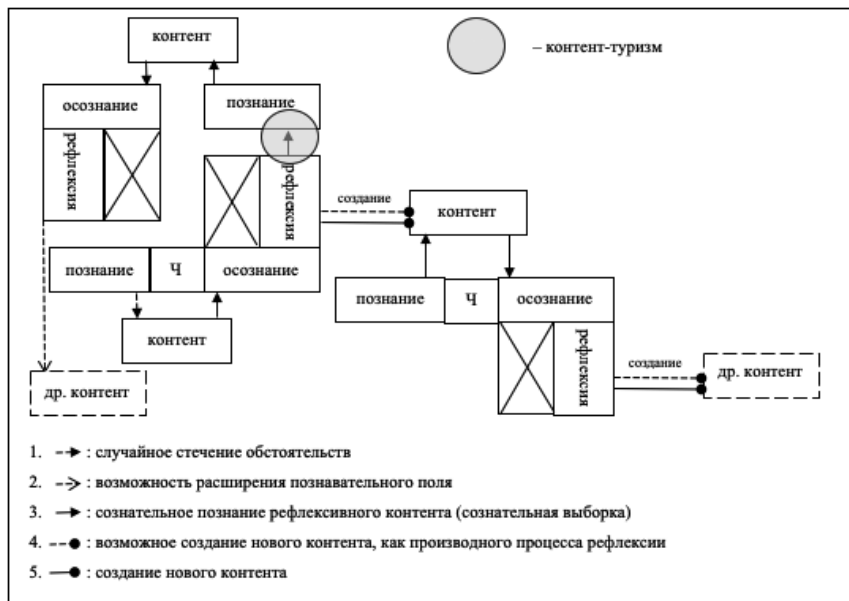
На схеме 2 я попыталась раскрыть проблематику схемы 1 (стадии D-A, A-B). Но все же еще остается вопрос о расположении в данной схеме такой практики, как контент-туризм. Согласно теории исследования, практика контент-туризма является искусственно созданной ситуацией, предоставляющей возможный «рефлексивный контент», где организаторы преследуют определенные прагматические цели (экономические, политические, культурные и т.д.) [6, с. 17]. Среди них для данной работы интерес представляет цель сохранения культурно-исторической памяти. Обратимся к практике литературного контент-туризма (на примере Кузбасса) как возможного способа сохранения культурно-исторической памяти через рефлексивную функцию от взаимодействия с контентом.

Литературный контент-туризм

В 2016 г. Государственная научная библиотека Кузбасса им. В.Д. Федорова в рамках культурно-образовательной программы впервые в России

Схема 2

Векторная структура функциональных процессов контента

начала реализовывать программу литературных туров. Точкой отсчета стал тур «В Марьевку, на встречу с Василием Федоровым», т.е. в д. Марьевка Яйского района Кемеровской области, где прошли детство и отрочество поэта В.Д. Федорова. В последующем были созданы туры «Тайга Владимира Чивилихина», «Танай – волшебный край», «В гости к Достоевским» [1] и т.д. Содержательная составляющая поездок подвергается многочисленным изменениям, появляются новые маршруты. За весь период реализации проекта прослеживается масштабный рост интереса жителей Кемеровской области не только к литературным турам как таковым, но и к литературному творчеству Кузбасса.

Реализация проекта отражает конвергентную функцию контент-туризма. Цель программы – «вернуть литературе то место в общественной жизни, которое она занимала прежде, чтобы книга снова стала ценностью, а чтение – любимым и модным занятием, для детей и молодежи» [1]. На платформах социальных сетей совместно с официальным сайтом библиотеки создана «Литературная карта Кузбасса», объединившая писателей и поэтов Кемеровской области. Она включает не только выдающихся поэтов и прозаиков прошлого, но и современных (В.М. Баранов, В.М. Мазаев и др.). Помимо этого можно найти информацию о публицистической актив-

ности журнала «Огни Кузбасса» (выходит с 1949 г.), в котором уделяется пристальное внимание родному краю (рубрика «Заповедная Сибирь»), его истории и людям («Лики земляков»). В журнале также представлена рубрика «Литературная жизнь», отражающая литературную активность других журналов России: «Наш современник» (Москва), «Всерусский Собор» (Санкт-Петербург), «Сибирские огни» (Новосибирск) и др. [4]. Помимо предметно-акцентированной литературной информации с целью популяризации краеведения активно развивается выставочная деятельность, посвященная культуре и искусству Сибири.

Литературный туризм Кузбасса, где контентом выступает «литературная деятельность», становится своеобразным «входом» в краеведение Сибири, а также историю России в целом. Благодаря современным технологиям производный контент аудиовизуальной информации также способствует быстрому распространению и популяризации литературы на различных уровнях медиапространства (индивидуальном, региональном, национальном и т.п.).

Характеризуя литературную деятельность Государственной научной библиотеки Кузбасса как конвергентную, можно выделить следующие ее черты: 1) разнообразие краеведческой деятельности (научно-прагматической, публицистической, познавательной и др.); 2) распространение познавательного поля на всю территории России с акцентом на сибирский регион (трансрегиональность); 3) литературный туризм является звеном единой познавательно-краеведческой деятельности.

Вторая возможная функциональная характеристика контент-туризма – рефлексивная. Рассмотрим ее подробнее на примере литературного туризма Кузбасса. Главной составляющей проекта является «региональность». Аксиологическим «центром» выступает Кузбасс – своеобразный региональный символ для жителей Кемеровской области. Как отмечал немецкий философ Э. Кассирер, человек является «символизирующим существом», для которого символ имеет структуризирующее значение как для личности, так и для исторического знания – памяти [3]. Историческое знание имеет многоуровневую структуру: а) на обыденно-психологическом уровне оно существует, прежде всего, в виде исторической мифологии, тесно связанной с национальным характером, менталитетом и опирающейся, в конечном счете, на архетипы; б) на теоретико-идеологическом уровне историческое знание существует в форме идей, концепций, которые отличаются гораздо большей подвижностью по сравнению с исторической мифологией [2].

Литературный туризм как прагматическая структура основан на исторических фактах, которые становятся «теоретическими рамками» взаимо-

связи региона с людьми (туристами). Однако для отдельного человека тур может иметь прямое влияние на формирование психологического знания (формирование личности) через рефлексию: как отклик на знакомство с малой родиной (Кузбассом), историей литературы Сибири, русской культурой и т.д. Иными словами, масштабы личностного рефлексивного поля абсолютно различны (Кузбасс, Сибирь, Марьевка и др.), но именно они и способствуют формированию культурно-исторической памяти посредством направленной литературно-познавательной деятельности.

Литературный туризм Кузбасса создает прагматическую ситуацию, посредством которой у человека (медиума) рефлексивно формируется историческое знание. Это также происходит и по причине того, что туры, создающиеся для определенных целей, имеют заданную тематику (Танай, Достоевский, Федоров и др.), в связи с чем каждый человек осознанно принимает участие в туре, где контент является объектом интереса (рефлексивен его сознанию). Литературный туризм Кузбасса не только популяризирует (трансмедиализирует) литературу, но и, как производное, приводит к формированию коллективной и индивидуальной культурно-исторической памяти ввиду использования региональных символов и рефлексии участников туров.

Подводя итоги, отмечу, что реализация контент-туризма может влиять как на взаимосвязь туриста с разнородным медиапространством («вовне»), так и способствовать направленному формированию исторического знания у туристов. В связи с этим можно говорить о необходимости дальнейшего изучения контент-туризма и его влияния на общество для более обширного использования в теории и на практике с целью формирования культурно-исторической памяти.

Список источников и литературы

1. Автобусные литературно-краеведческие экскурсии // Государственная научная библиотека Кузбасса им В.Д. Федорова. URL: <https://kemrsl.ru/avtobusnyie-literaturno-kraevedcheskie-ekskursii.html> (дата обращения: 01.05.2021).
2. Балабушевич В.Ю. Фальсификация истории (опыт философского осмысления) // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 3 (34). С. 289–292.
3. Балабушевич В.Ю., Гурский А.И., Косоулин В.Г. Историческая Память О Великой Отечественной Войне: Символическое Измерение // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 1 (2). С. 75–79.
4. О журнале «Огни Кузбасса» // Журнал «Огни Кузбасса». URL: <http://www.ognikuzbassa.ru/about-us> (дата обращения: 03.05.2021).
5. Телицына Е.Л., Выхрыстюк М.С. Транслитерация как способ перевода идеологической лексики романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 555–557.

6. Шакиров С.М. О трансмедиальности // Медиасреда. 2017. № 14. С. 16–24.
7. Brooker W. Living on Dawson's Creek: Teen Viewers, Cultural Convergence and Television Overflow // International Journal of Cultural Studies. 2001. № 4 (4). P. 456–472.
8. Herman D. Toward a transmedial narratology // Narrative Across Media: the Languages of Storytelling / M.-L. Ryan (ed.). Lincoln; L.: University of Nebraska Press, 2004. P. 47–75.
9. Jenkins H. Transmedia Storytelling 101 // Confessions of an Aca-Fan, 2007. URL: http://henryjenkins.org/blog/2007/03/transmedia_storytelling_101.html (дата обращения: 30.04.2021).
10. Survey on the ideal way of regional development by producing and utilizing contents such as video, 2005 // National Land Policy Emergence Survey – Ministry of Land, Infrastructure, Transport and Tourism. URL: <https://www.mlit.go.jp/kokudokeikaku/souhatsu/h16seika/12eizou/12eizou.htm> (дата обращения: 29.04.2021).
11. Yamamura T. Augmented reality society that can be read through content tourism // Yamamura T., Okamoto R. Tourism and Media in the Era of Augmented Reality. Tokyo: Koubundou, 2021. P. 41–60.
12. Yamamura T. From anime tourism to contents tourism // Contents Tourism and Pop Culture Fandom: Transnational Tourist Experiences / T. Yamamura, P. Seaton (eds.). Hokkaido University Press, 2021. P. 3–12.

УДК 608

Ivan Zorin, Markus Brandstetter, Bettina Heise¹

Methods of non-destructive analysis of historical and cultural heritage²

Abstract. The preservation of historical memory, particularly in the form of art and heritage objects, is a multifaceted problem confronting researchers and scientists from very different research fields. This challenge sometimes goes beyond issues of proper museum preservation, restoration, and archive activities. In this contribution, we introduce technical methods of mid-infrared (mid-IR) optical coherence tomography (OCT) and spectroscopy as versatile tools for multimodal structural and chemical diagnosis. Due to the rapid progress of recent years, these emerging methods demonstrate broad practical possibilities facilitating restorative and the routine of museum workers as well as allowing a new perspective on the investigation of various historical objects. In addition, we provide a succinct review of recent achievements in this field.

Keywords: optical methods; art and historical objects; preservation; diagnosis; non-destructive analysis.

Методы неразрушающего анализа историко-культурного наследия

Аннотация. Сохранение исторической памяти, особенно в форме физических объектов искусства и наследия, является многогранной проблемой, с которой сталкиваются исследователи и ученые из совершенно разных научных областей. Эта проблема иногда выходит за рамки вопросов надлежащего музейного хранения, реставрации и архивной деятельности. В данной статье мы представляем технические методы оптической когерентной томо-

¹ **Ivan A. Zorin** – Doctor of technical sciences, Research Scientist, Research Center for Non-Destructive Testing (Linz, Austria), e-mail: ivan.zorin@recendt.at.

Markus Brandstetter – Doctor of technical sciences, Head of Infrared and Raman Spectroscopy Group, Research Center for Non-Destructive Testing (Linz, Austria), e-mail: markus.brandstetter@recendt.at.

Bettina Heise – Doctor of technical sciences, Head of Optical Coherence Tomography Group, Research Center for Non-Destructive Testing (Linz, Austria), e-mail: bettina.heise@recendt.at.

Иван Алексеевич Зорин – доктор технических наук, ученый исследователь, некоммерческая организация «Исследовательский центр неразрушающего анализа» (Линц, Австрия).

Маркус Брандштеттер – доктор технических наук, руководитель группы инфракрасной и рамановской спектроскопии, некоммерческая организация «Исследовательский центр неразрушающего анализа» (Линц, Австрия).

Беттина Хайзе – доктор технических наук, руководитель группы оптической когерентной томографии, некоммерческая организация «Исследовательский центр неразрушающего анализа» (Линц, Австрия).

² This work was supported by the Austrian research funding association (FFG) under the DIQACAM Project (contract 877481).

графии (ОКТ) и спектроскопии в среднем инфракрасном диапазоне (mid-IR) как универсальные инструменты для мультимодальной структурной и химической диагностики. Благодаря быстрому прогрессу последних лет, эти новые методы демонстрируют широкие практические возможности, облегчающие реставрацию и рутину музейных работников, а также позволяющие по-новому взглянуть на исследование различных исторических объектов.

Ключевые слова: оптические методы; художественные и исторические объекты; консервация; диагностика; неразрушающий анализ.

Optical coherence tomography (OCT) is a well-established non-destructive structural imaging technique with applications ranging from medicine and industry to very specific research areas [5]. OCT allows access to the three-dimensional structure of various opaque samples; it provides an under-surface information in a non-contact and non-invasive manner, which is of great importance for the preservation of the object under study. OCT systems are relatively compact and simple to operate optical devices that can make use of a great variety of technical solutions when adapted for a specific application. Typical spatial resolution of OCT systems is from several to tens of micrometers.

Mid-infrared spectroscopy is another optical non-destructive technique that enables chemical analysis of samples [2]. It gives various insights into structure of molecules and enables quantitative and qualitative analysis of the chemical composition. This method has a variety of application cases and practical realizations. A particularly interesting instance of the mid-IR spectroscopic instrument is a hyperspectral imager. Such an optical device can generate images (in the essence similar to images obtained with a camera but with an additional spectroscopic dimension) that carry spatially resolved chemical information about the sample with micrometer accuracy. The further analysis of the obtained data can be used e.g., to identify materials used, to analyze their mixtures or local spatial distribution.

OCT imaging and mid-IR spectroscopy are also well-known in the museum sector as evidenced by a number of scientific publications and conference contributions (see [3; 4; 6; 9] and [7; 8; 10] respectively); however, they are still used only by single research groups due to the big gap between humanities and technical sciences. The techniques can follow a holistic art-historical approach and can supplement the visual information obtained by museum workers with additional data about the object (for example, underpaint structures of oil paintings, thickness of paint layers, type of paints, binders, pigments, or art materials used). In specific scenarios, the methods can be used to assess degradation process or evaluate restoration procedures.

A spectacular example of a recent and very fruitful collaboration of the museum and a technical institution – of The Mauritshuis (Dutch art museum,

The Hague, Netherlands) and Delft University of Technology – exhibit the great potentials of – in this case – OCT technique for art diagnosis and historical research. An oil painting of Johannes Vermeer «Girl with a Pearl Earring» (this masterpiece was lost and found in poor condition that required extensive restorations) has been studied using this technical method. The measurements have not only revealed previously hidden and new painting features (e.g., the glaze layer structure, type of varnish used), but also put these data into the structured historical knowledge as they confirmed the archive materials [1; 11].

During last several years, OCT imaging as well as mid-IR spectroscopy have been enriched by the rapid development and evolution of novel mid-IR supercontinuum laser sources. Thus, basic fundamental research and engineering developments in this technical area have improved the efficiency of the methods for the needs of users in application scenarios; established mid-IR OCT could penetrate deeper into strongly scattering materials (most art and cultural objects are strongly scattering) [12], while mid-IR supercontinuum-based spectroscopy has gained its sensitivity and spatial performances [13].

In this contribution, we briefly demonstrate the performances of an optical instrument that combines both methods of mid-IR OCT and spectroscopy in a single measurement head (the system is developed at the Research Center for Non-destructive Testing, Linz, Austria).

Figure 1 depicts the measurement head of the system. The radiation of a mid-IR supercontinuum laser source is used to probe a sample that is fixed on

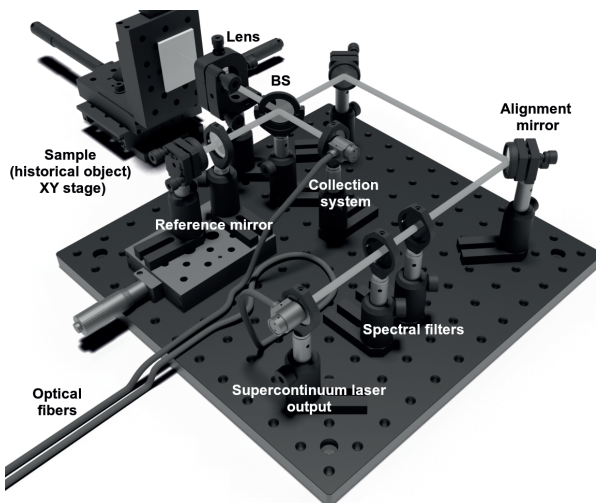

Figure 1. Optical arrangement of the system

on a motorized stage. Alternatively, the sample can be fixed, and the system can be moved relative to the object. In the measurements, a mapping approach is used. The reflected and backscattered light is collected and analyzed by two separate spectrometers.

Spectral filters are used to prepare the super-

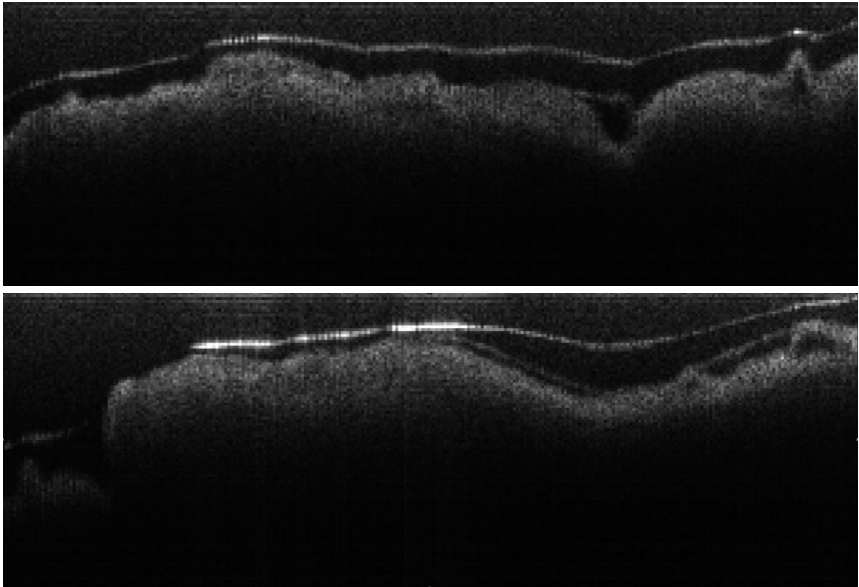
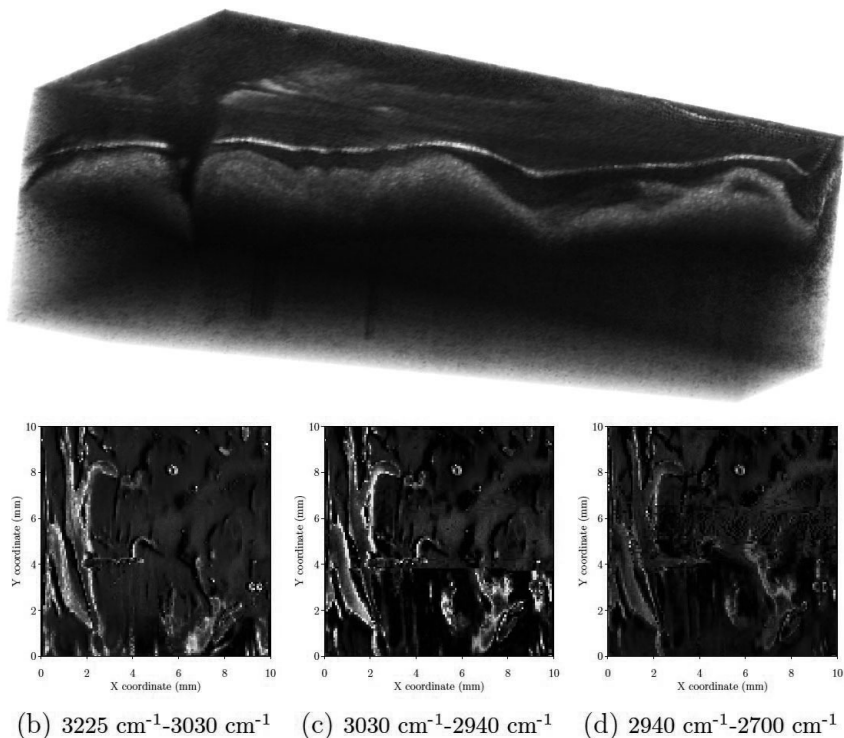

Figure 2. Typical B-scans (mid-IR OCT) of an oil painting sample

continuum beam (5 mm in $1/e^2$ diameter, beam quality factor $M2=1.1$) in the frequency domain. The selected spectral range is from around 3 μm to 4.5 μm wavelengths. The system is formed by mirror optical components. The beam is focused onto the sample using a CaF₂ lens (50 mm focal length, singlet, group velocity dispersion is compensated in the reference arm). The total average optical power incident onto the sample can go down to 8 mW. A more detailed information about the system, its specifications, characterization, principles behind the measurements, and some results can be found in [14; 15; 16].

The multimodal system scans an area; recoded reflectance spectra (mid-IR spectroscopy) and spectral interferograms (OCT), are post processed using an on-purpose developed algorithm (OCT: amplitude-based correction, k-space remapping, Gaussian window multiplication; mid-IR spectroscopy: baseline correction, smoothing using a Gaussian kernel or Savitzky-Golay filter prior to absorbance calculation using Beer's law). As a result, a three-dimensional tomographic image of a sample and a three-dimensional spectral cube are obtained (six-dimensional data as an output). Figure 2 shows typical OCT B-scans (cross-sectional scans) of a painting (mock-up was prepared for demonstrations). The varnish layer and oil painting layers can be identified, the image depth is around 400 μm , the lateral scan size is 8 mm.

Figure 3 serves for illustrative purposes and depicts a complex output of the system including OCT volumetric scan and corresponding hyperspectral im-

(b) 3225 cm^{-1} - 3030 cm^{-1} (c) 3030 cm^{-1} - 2940 cm^{-1} (d) 2940 cm^{-1} - 2700 cm^{-1}

Figure 3. Output of the system – correlative mid-IR OCT and spectroscopic imaging: (top) volumetric OCT scan (structural information, varnish layer is revealed, subsurface information and different paints can be identified); (bottom) integrated absorbance images (chemical information)

ages (integrated within specific spectral sub-bands), exemplified for the complex varnished oil-painting mock-up ($8 \times 8\text{ mm}^2$).

For more complex art objects consisting of various materials and painting types (different pigments exhibit different scattering behavior), more spectacular results can be obtained. A complex structure of a painting mock up (formed by a varnish, naple yellow oil paint, madder lake red gouache and titanium white oil paint) is shown in Fig. 4.

In conclusion, the recently emerged mid-IR OCT and supercontinuum-based mid-IR spectroscopy (and their combination in a single multimodal instrument) represent attractive tools to access multidimensional information about the art and heritage object in a non-destructive way. The prospects of this

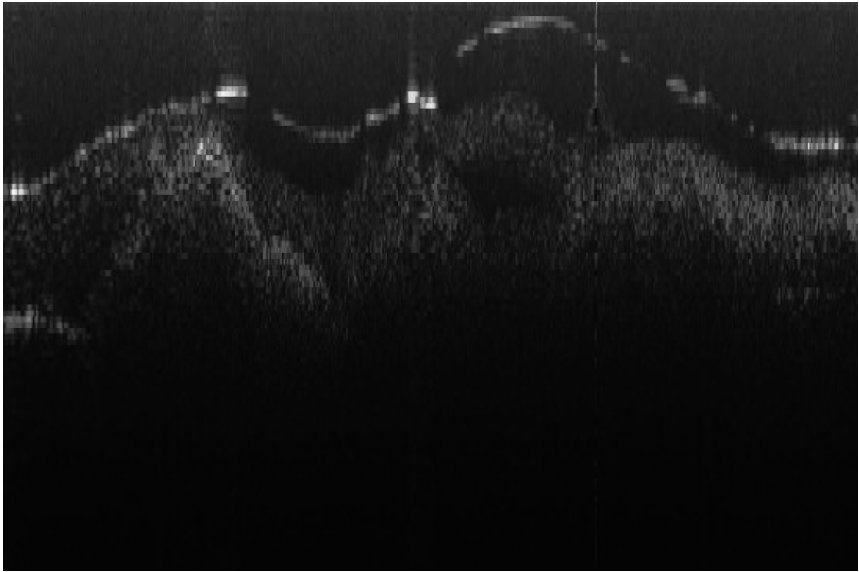

Figure 4. Cross-sectional scan (6 mm, 0.8 mm effective depth) of a complex varnished oil-gouache painting mock up; all the layers can be revealed: top – varnish layer, below – naple yellow oil painting, underpainting left – madder lake red gouache, right – titanium white

technology for this particular field of study are still to be revealed, but promising results start to appear in scientific literature. We anticipate future progress in this field so that the developments are adopted by a broader community of museum workers.

Список источников и литературы

1. *Callewaert T., Guo J., Harteveld G., Vandivere A., Eisemann E., Dik J., Kalkman J.* Multi-scale optical coherence tomography imaging and visualization of Vermeer's Girl with a Pearl Earring // *Opt. Express*. 2020. № 28. P. 26239–26256.
2. *Chalmers J.M., Griffiths P.R.* Handbook of Vibrational Spectroscopy. Chichester: John Wiley & Sons, Ltd, 2002. 3862 p.
3. *Cheung C.S., Spring M., Liang H.* Ultra-high resolution Fourier domain optical coherence tomography for old master paintings // *Opt. Express*. 2015. № 23. P. 10145–10157.
4. *Cheung C.S., Daniel J.M.O., Tokurakawa M., Clarkson W.A., Liang H.* High resolution Fourier domain optical coherence tomography in the 2 μm wavelength range using a broadband supercontinuum source // *Opt. Express*. 2015. № 23. P. 1992–2001.
5. *Drexler W., Fujimoto J.G.* Optical coherence tomography, technology and applications. Cham: Springer International Publishing, 2008. 2571 p.

6. *Liang H., Peric B., Hughes M., Podoleanu A., Spring M., Saunders D.* Optical coherence tomography for art conservation and archaeology // Proc. SPIE. 2007. № 6618. O3A: Optics for Arts, Architecture, and Archaeology. P. 32–43.

7. *Liang H.* Advances in multispectral and hyperspectral imaging for archaeology and art conservation // Appl. Phys. 2012. № A 106. P. 309–323.

8. *Rosi F., Miliani C., Braun R., Harig R., Sali D., Brunetti B.G., Sgamellotti A.* Noninvasive Analysis of Paintings by Mid-infrared Hyperspectral Imaging // Angew. Chem. Int. Ed. 2013. № 52. P. 5258–5261.

9. *Targowski P., Kowalska M., Sylwestrzak M., Iwanicka M.* OCT for Examination of Cultural Heritage Objects, Optical Coherence Tomography and Its Non-medical Applications // Internet publisher IntechOpen. 2020. URL: <https://www.intechopen.com/chapters/68201> (access date: 30.07.2021).

10. *Vetter W., Frühmann B., Cappa F., et al.* Materials and techniques used for the “Vienna Moamin”: multianalytical investigation of a book about hunting with falcons from the thirteenth century // Herit Sci. 2021. № 9, 87. P. 1–17.

11. *Vandivere A.* Girl with a Blog – Glazed over // Internet source: Official website of the Mauritshuis art museum, documented experiment and results. URL: <https://www.mauritshuis.nl/en/explore/restoration-and-research/girl-with-a-blog/18-glazed-over/> (access date: 30.07.2021).

12. *Zorin I., Su R., Prylepa A., Kilgus J., Brandstetter M., Heise B.* Mid-infrared Fourier-domain optical coherence tomography with a pyroelectric linear array // Opt. Express. 2018. № 26. P. 33428–33439.

13. *Zorin I., Kilgus J., Duswald K., Lendl B., Heise B., Brandstetter M.* Sensitivity-Enhanced Fourier Transform Mid-Infrared Spectroscopy Using a Supercontinuum Laser Source // Applied Spectroscopy. 2020. № 74 (4). P. 485–493.

14. *Zorin I., Gattinger P., Brandstetter M., Heise B.* Dual-band infrared optical coherence tomography using a single supercontinuum source // Opt. Express. 2020. № 28. P. 7858–7874.

15. *Zorin I., Su R., Heise B., Lendl B., Brandstetter M.* Correlative infrared optical coherence tomography and hyperspectral chemical imaging // J. Opt. Soc. Am. A. 2020. № 37. P. B19–B26.

16. *Zorin I., Kilgus J., Su R., Lendl B., Brandstetter M., Heise B.* Multimodal mid-infrared optical coherence tomography and spectroscopy for non-destructive testing and art diagnosis // Proc. SPIE 11058, Optics for Arts, Architecture, and Archaeology VII. 2019. № 11058. P. 74–88.

Научное издание

**История России с древнейших времен до XXI века:
проблемы, дискуссии, новые взгляды**

Сборник статей
Международной научно-практической школы-конференции
молодых ученых
(11–14 октября 2021 г.)

Редактор В.Н. Круглов
Макет и оформление Ю.И. Дин

Подписано к печати 20.09.2021. Формат 60х90/16.
Заказ № . Тираж 500 экз. (Первый завод 200 экз.)
36,375 п. л., 35,4 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
Отпечатано в ООО «МИК»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, стр. 5
Тел.: 8(495)221-89-80